

Н. Н. МОЛЧАНОВ

**ДИПЛОМАТИЯ
ПЕТРА
ПЕРВОГО**

2-е издание

МОСКВА · «МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ» · 1986

ББК 63.3(0)51
М 75

Рецензенты:
профессор Л. А. НИКИФОРОВ,
профессор Н. И. ПАВЛЕНКО,
доктор исторических наук Б. И. ПОКЛАД

М $\frac{0505000000-034}{003(01)-86}$ 61 – 86

© «Международные отношения», 1986

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. К славным делам

Истоки

Немецкая слобода

Азовские походы

Великое посольство

Амстердам

Лондон и Вена

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. Северная война

Сквозь «облако сомнений»

Дипломатическая подготовка Северной войны

Вступление России в войну

Дипломатия в годы первых побед

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. Полтава

Перед нашествием

Европа, Швеция и Россия

Победа

Послеполтавская дипломатия

Урок на Пруте

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. Бремя величия

Дела турецкие и польские

Балтийская политика

Аландский конгресс

Конец Северной войны

Неоконченное завершение

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Дипломатия занимает огромное место в деятельности Петра Великого. Первым из русских царей он стал лично подписывать международные договоры. Эта деталь как бы символизирует тот факт, что Петр создал новую русскую дипломатию, подобно основанию регулярной армии, флота и других государственных институтов Российской империи. В сфере дипломатии особенно наглядно обнаружились результаты его титанической работы по укреплению могущества России, превратившейся в великую державу. Быстрый подъем России поразил воображение современников и потомков. Дипломатия, будучи средством, орудием осуществления внешней политики, ее практического проведения в жизнь, помогает пониманию процесса этого быстрого возвышения. Обычно его объясняют прежде всего воздействием военных побед армии и флота, созданных Петром. Действительно, война долгие годы сопровождала петровскую внешнюю политику. Из 35 лет царствования Петра состояние полного мира сохранялось всего около года. Уже этот факт сам по себе заслоняет роль дипломатии, которой трудно было соперничать со славой великих петровских побед. В отличие от пушечных залпов, дипломатические акции не вызывают столь громкого резонанса.

В самом деле, создание в невероятно короткий срок военно-морского флота, энергичное формирование современной могучей армии, преобразившейся из беспорядочной толпы, в панике бегущей из-под Нарвы, в великолепное победоносное войско Полтавы, не могло не поражать умы. Еще более фантастическим казалось и строительство Петербурга. При этом дело касалось конкретно осязаемых, материальных явлений.

Иное дело — дипломатия. Ее достижения находятся в сфере морального, психологического, политического воздействия на поведение партнеров и противников. Различная природа, сущность военных достижений и дипломатических побед легко делает оценки внешнеполитических акций субъективными и произвольными, не поддающимися измерению числом кораблей, полков, количеством убитых и раненых, перенесением взятых городов и крепостей, размерами занятых территорий.

А между тем успешное преодоление решительного сопротивления всей Европы (включая и так называемых «союзников») возвышению России, разрушение всех попыток образования антирусской военно-политической коалиции — величайшее достижение петровской дипломатии. Но были в ней, как и на войне, тяжелые поражения, неудачи и ошибки, имевшие роковые последствия... Сам Петр великолепно понимал значение дипломатии. Поэтому его ликование по поводу заключения Ништадтского мирного договора далеко превзошло все столь пышно и громко отмечавшиеся им военные триумфы. Не только понять, но и объяснить реальными причинами скрытое таинство дипломатических действий — сложнейшая задача исторической науки.

Большая заслуга в изучении истории петровской дипломатии принадлежит замечательному русскому историку С. М. Соловьеву. Шесть томов своей монументальной «Истории России с древнейших времен» он посвятил царствованию Петра. Больше половины их содержания отведено его внешнеполитической деятельности.

Хотя некоторые и усматривают в этом некое нарушение пропорций, подобное распределение материала служит лишь объективным отражением реально существовавшего положения. Ведь именно таким образом и распределялись внимание, энергия, воля и труд самого Петра. Если уж искать недостатки у С. М. Соловьева, то они скорее в эмпирико-описательном характере его произведения. Но в целом его конкретные оценки роли дипломатии в петровскую эпоху справедливы. Когда он пишет, как в разгар Северной войны «дипломатическая борьба загорелась с новой силой и далеко оставила за собой борьбу военную», то это знаменательное признание приоритета дипломатии в определенные критические моменты представляется совершенно обоснованным. Характеризуя международное положение России к 1718 году (а до зенита ее влияния было еще далеко), С. М. Соловьев с удовлетворением отмечает: «Прошло много лет, исполненных великих трудов, страшных бедствий и неожиданной славы... Сцена русского дипломатического действия охватила всю Европу, русские интересы переплелись с интересами Германии, Англии, Франции. Кто мог вообразить что-нибудь подобное лет восемь назад?»

Событий, превосходивших всякое воображение, при Петре и благодаря ему было немало. А это и оправдывает интерес к изучению эпохи петровских преобразований новыми поколениями. Советские историки, работая на основе марксистской философии, истории, на базе исторического материализма, создали много ценных исследований, посвященных эпохе петровских преобразований и конкретным проблемам петровской дипломатии. Работы советских историков отличаются стремлением объективно и глубоко оценивать события петровской эпохи с марксистско-ленинских позиций. Однако еще не предпринято попытки синтетического, комплексного изучения дипломатии Петра во всей ее целостности.

Необходимость такого изучения подчеркивается тем знаменательным обстоятельством, что К. Маркс и Ф. Энгельс, беспощадно разоблачавшие внешнюю политику феодальных и буржуазных государств, вскрывая подоплеку их тайной дипломатии, отмечали особое значение дипломатии Петра Великого. Это тем более характерно, что Маркс и Энгельс без всякого снисхождения осуждали хищническую политику всех европейских монархов, особенно русских. Иначе они оценивали внешнеполитическую деятельность Петра, которую считали главным элементом его преобразовательного царствования. Вовсе не склонный к идеализации коронованных глав абсолютных монархий, Ф. Энгельс писал о Петре: «Этот действительно великий человек...

первый в полной мере оценил исключительно благоприятное для России положение в Европе. Он ясно... разглядел, наметил и начал осуществлять основные принципы русской политики».

К. Маркс специально исследовал внешнюю политику России и убедительно показал, что территориальные приобретения Петра, в отличие от завоеваний его современников — Людовика XIV и Карла XII, были исторически оправданы объективными потребностями развития России, что побережья Балтийского и Черного морей, естественно, должны были принадлежать ей. Возвышение России Маркс считал результатом закономерного исторического процесса, а не просто «беспочвенным импровизированным творением гения Петра Великого».

Положительная оценка классиками марксизма достижений и принципиальных направлений петровской дипломатии не исключает, а, напротив, требует критического подхода к ее изучению. Прогрессивная преобразовательная деятельность Петра осуществлялась в рамках феодально-абсолютистского государства. Хотя Петр искренне считал высшей целью своей внешней политики интересы отечества, обеспечение государственных интересов, объективно она служила подымавшемуся тогда дворянскому классу и только еще начинавшей зарождаться буржуазии. Внешняя политика, дипломатия Петра предопределялись в последнем счете социальной, классовой природой тогдашней России. Она соответствовала также социальной сущности господствовавшего в то время типа международных отношений, находившихся в переходном состоянии. Международные отношения феодального общества все больше замещались отношениями идущего на смену феодализму капиталистического, буржуазного общества. Это особенно ярко проявлялось в политике стран, уже вставших на путь капиталистического развития, таких как Англия и Голландия. Они сказывались и во внешней политике менее передовых стран, например Франции. Что касается России, то, несмотря на ее отсталость, здесь также элементы старого феодального характера начинают смешиваться с новыми, частично буржуазными тенденциями. Так, в политике Петра причудливо сочетаются экономические интересы нового типа, предопределившие борьбу за выход к Балтийскому морю, с чисто феодальными чертами вроде матримониально-династических увлечений царя.

Вся система европейских международных отношений в XVII — XVIII веках являет картину сложного, противоречивого взаимодействия новых, нарождавшихся принципов и закономерностей со старыми обычаями феодальных времен. Вестфальский мир 1648 года вводит в практику принципы нового времени и открывает эту переходную эпоху. Если раньше участниками международных отношений были исключительно коронованные лица, монархи, то после признания независимости Нидерландов и Швейцарии ими становятся государства, страны, нации. Монарх в качестве субъекта внешней политики действует от имени государства. Seriously ослабляется влияние теократического, религиозного фактора, внешняя политика отделяется от церкви, государства становятся светскими. Поэтому коалиции и союзы все чаще представляют собой смешение католических и протестантских стран. Для германского императора-католика врагом становится католик Людовик XIV, а друзьями — протестантские Англия и Голландия и т. п. Постепенно утверждается принцип государственного суверенитета, который уже не может, как прежде, ограничиваться надгосударственной духовной или светской властью папы римского или германского императора. Наконец, все страны, независимо от религиозной принадлежности, размеров, местонахождения, признаются равноправными.

Но эти прогрессивные принципы на практике оставались в основном идеалом, а действительные международные отношения чаще всего строились на старых феодальных обычаях. По-прежнему в дипломатических связях продолжает господствовать личностный фактор, и смена на троне государя часто приводила к изменению внешней политики. Внешнеполитическая стабильность, сохраняющаяся даже при смене соперничающих политических партий у власти, как это происходит в наше время, тогда

была явлением новым, но уже реально существовавшим (к примеру, в Англии в моменты, когда виги сменяли партию тори или наоборот). Все это крайне усложняло дипломатическую практику тех времен, как сейчас усложняет работу историка дипломатии. Тем более знаменательна та поразительная способность к адаптации, которую проявил Петр и его сподвижники-дипломаты. Петровская дипломатия использует новые принципы и превосходно ориентируется в феодально-династических интригах старого типа. Московская дипломатия обретает необычайную гибкость, и этим она в решающей степени обязана гениальной интуиции Петра Великого. Петровское царствование знаменательно тем, что в некоторых областях, например в создании флота, армии, отдельных отраслей промышленности, весьма значительное отставание было наверстано и преодолено в считанные годы. Совершенно аналогичный, если не более интенсивный, процесс происходил и в дипломатии.

Неизбежно возникает вопрос о нравственном уровне тогдашней дипломатии. Возможно, читатель будет шокирован описанием того, как в своей повседневной деятельности дипломаты использовали такие неблагоприятные методы, как взятки, подкупы иностранных деятелей и т. д. Между тем тогда это вовсе не считалось зазорным. Моральные, этические принципы служили просто формой дипломатического красноречия. Для дипломата его частная, личная мораль не имела ничего общего с моральным содержанием его служебной дипломатической деятельности. Гарольд Никольсон, считающийся классиком буржуазной дипломатии, скептически замечая, что вообще «дипломатия не является системой моральной философии», писал о дипломатах XVII века: «Они давали взятки придворным, подстрекали к восстаниям и финансировали восстания, поощряли оппозиционные партии, вмешивались самым пагубным образом во внутренние дела стран, в которых они были аккредитованы, они лгали, шпионили, крали». Удивляться надо не тому, что русские послы везли с собой сундуки, набитые соболями и червонцами, что они давали взятки и подкупали алчных иностранных сановников, а тому, что при этом они сохраняли убеждение в предосудительности таких действий и явно стыдились их. Исторические документы свидетельствуют о многочисленных проявлениях морального негодования петровских дипломатов и самого Петра по отношению к фактам наглого мошенничества, прожженного интриганства, обмана и лжи. В такого рода сентенциях сказывалась патриархальная наивность и нравственная девственность неопитов. Впрочем, они хранили ее не слишком бережно, ибо надо было жить, точнее говоря, России необходимо было выжить в среде сплошной враждебности.

В отличие от других направлений и методов изучения и объяснения эпохи петровских преобразований, марксизм требует учета всей ее сложности и полного освобождения от предубеждений, иллюзий и субъективизма. В этом отношении характерно различие между марксистским подходом к оценке Петра и демократической русской традицией, идущей от Пушкина, декабристов, Герцена, Белинского и Чернышевского. Нам понятно их восхищение Петром Великим, образ которого воплощал для них идеал национального героя. Однако в их оценках эмоции часто заменяют научный анализ, возможный лишь на базе марксизма. Многие великолепные высказывания Пушкина или Белинского о Петре отличаются глубоким историческим чутьем. Но трудно принять характеристику Герценом великого русского царя как «коронованного революционера». Научное понятие общественной революции подразумевает не просто любую радикальную перемену, но преобразование классового характера. Петр же, хотя и был отнюдь не консерватором, существенно не затронул основные старые социальные структуры русского общества.

Более того, социальное отставание России от Западной Европы даже усиливалось. Г. В. Плеханов справедливо отмечал, что в эпоху Петра Великого в передовых странах «быстро исчезали последние остатки крепостного права», но в России XVIII века «закрепощение крестьян доходит до апогея». Наблюдаются два параллельных процесса, направленных в противоположные стороны. Быстро догоняя Европу, Россия во многом

шла вперед, но в основном, в социальном развитии, топталась на месте. Это противоречие и породило неполноценность реформы, непрочность многих прогрессивных начинаний Петра. Крепостное право, политическое бесправие даже самого дворянства предопределили сохранение социальной основы отсталости России. Точно так же легендарный петровский демократизм имел чисто личный характер, проявлявшийся лишь в поведении и манерах Петра в узком кругу близких друзей. Он действительно искренне хотел «служить народу». Но фактически его «народом» в ту эпоху был в основном лишь привилегированный класс дворян, за пределами которого оставалась громадная масса «подлого» русского люда.

Вообще все оценки и характеристики людей и событий той далекой эпохи имеют неизбежно относительный характер, предопределяемый спецификой места и времени. Поэтому самый критический подход к Петру с классовых позиций не означает посягательства на его несомненное историческое величие. В России начала XVIII века не было более реального, активного, передового носителя прогресса, чем Петр I. Даже такое одиозное орудие абсолютистского государства, каким была деспотическая, самодержавная власть, оказавшаяся в его руках, превратилось благодаря исторически оправданным и в максимальной степени соответствующим интересам развития России действиям Петра Великого в фактор прогресса. Цель Петра — преодоление отсталости России ради ее собственного спасения — оправдывала пресловутые «крайности» его правления, делала их неизбежным злом, порожденным объективными, не зависящими от его воли историческими условиями. Ошибки, отрицательные качества личности Петра, даже его пороки — проявление случайности, в форме которой всегда действует историческая необходимость. Поэтому данные «случайности» должны быть на втором, третьем..., десятом и т. д. плане в иоле зрения историка, любого, кто берется давать Петру подлинно научную оценку.

Примером служит позиция В. И. Ленина по отношению к Петру Великому и к его деятельности. Как известно, Ленин оставил ряд конкретных суждений об основных этапах развития самодержавия в России, о его классовой, социальной природе, его политической эволюции, о крепостном праве и т. п. Пожалуй, ни к кому из русских царей не относится столь непосредственно, как к Петру, тезис Ленина о независимости монарха от господствующего класса. «Классовый характер царской монархии нисколько не устраняет громадной независимости и самостоятельности царской власти». Действительно, Петр правил деспотически и по отношению к господствующему классу, к боярству и к дворянству. Среди его действий было немало таких, которые по своей форме и методам Ленин считал необходимыми в экстремальных условиях.

Именно в таких условиях оказалась Россия в 1918 году, когда надо было любой ценой налаживать управление расстроеным хозяйством огромной страны, чтобы спасти революцию. В. И. Ленин считал крайне необходимым использовать для этого освоение «последнего слова» крупнокапиталистической техники и планомерной организации государственного капитализма, особенно развитого в Германии. «Наша задача,— писал он,— учиться государственному капитализму немцев, всеми силами перенимать его, не жалеть диктаторских приемов для того, чтобы ускорить это перенимание еще больше, чем Петр ускорял перенимание западничества варварской Русью, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства».

Хотя слова В. И. Ленина «варварские средства» и содержат оттенок осуждения или неприятия, в целом его отношение к деятельности Петра Великого в высшей степени положительное, поскольку преодолевающая все препятствия, целеустремленная энергия Петра рассматривается В. И. Лениным как пример действий, отвечающих требованиям обстановки.

Итак, марксизм не открывает легких путей в изучении и понимании петровской эпохи. Напротив, он требует брать ее во всей сложности и противоречивости, не обходя еще не решенных проблем и загадок, которых достаточно и в истории дипломатии Петра.

Конечно, гораздо удобнее и проще идти путем замалчивания этих проблем, делая вид, что они вообще не существуют. Однако для добросовестного историка предпочтительнее хотя бы признавать их существование, даже если он и не имеет возможности предложить их готовое решение. Тем более, что эти проблемы рано или поздно все равно дают о себе знать в ходе естественного развития исторической науки.

Одним из наиболее острых, в сущности, самым кардинальным, продолжает оставаться вопрос о «цене», которую пришлось заплатить русскому народу за петровские преобразования. Противники этих преобразований разного толка, движимые чувствами вульгарного русофильства или примитивного консерватизма, увидели в них «повреждение нравов» старой Руси, опасный «революционный» прецедент и т. п. Для них вся петровская эпоха — сплошное несчастье, роковым образом омрачившее русскую историю. Но даже среди тех, кто признает прогрессивность петровских реформ, некоторые считают, что она не стоила тягот и страданий, перенесенных Россией. При этом речь идет лишь о масштабах жертв, а не о том, насколько они окупились. Историческая аксиома, в соответствии с которой без усилий и жертв никакой прогресс немислим, что за прогресс надо платить, просто игнорируется.

А чтобы сделать свою критику Петра более «убедительной», его противники стремятся всячески преувеличить бесспорные тяготы, которые действительно пришлось вынести русскому народу в царствование Петра. Вопреки очевидному факту экономического подъема России в первой четверти XVIII века пытаются доказать, что Петр не усилил Россию, а ослабил ее, особенно экономически. Пальма первенства в «научном» обосновании этой версии принадлежит известному кадетскому политику и историку П. Н. Милюкову. Еще в конце прошлого века он писал в своей работе о хозяйстве России при Петре, что «ценой разорения страны Россия возведена была в ранг европейской державы». Произвольно оперируя примитивной статистикой, Милюков пытался доказать, что в результате налоговой реформы Петра (введение подушной подати) тяготы русского крестьянина возросли в три раза, что деятельность Петра разорила страну и привела к уменьшению ее населения. Концепция Милюкова была встречена критически с самого начала, а затем и опровергнута в работах русских и зарубежных специалистов. Однако он продолжал ее пропагандировать. В первом томе «Истории России», вышедшей в 1935 году в Париже на французском языке под редакцией Милюкова, глава о петровских преобразованиях имеет характерный заголовок: «Результаты реформы: хаос». В 1959 году с детальным разбором выводов Милюкова выступил специалист по истории экономики России академик С. Г. Струмилин. Что же побудило крупнейшего советского экономиста вновь обратиться к уже опровергнутым старым теориям? «Концепция Милюкова об утроении налогов,— писал С. Г. Струмилин,— к сожалению, и донныне еще воспринимается без достаточного анализа и фактической проверки даже в таких солидных коллективных трудах советской академической науки, как «Очерки истории СССР». Действительно, в вышедшем в 1954 году томе «Очерков», посвященном преобразованиям Петра I, который до сих пор остается наиболее обширным (814 стр.) советским трудом по этой теме, воспроизводились основные выводы Милюкова. Они подобным образом фигурировали и в других книгах. Так, в первом томе учебника «История СССР» для исторических факультетов университетов, изданном в 1947 году, говорилось: «Налоговые тяготы крестьянства с введением подушной подати увеличились почти в три раза». Это и заставило С. Г. Струмилину предпринять специальное исследование, в котором он показал несостоятельность теории Милюкова. Действительно, Петр добился резкого увеличения бюджетных поступлений, но это явилось следствием не утроения налоговых тягот каждого плательщика, а главным образом их нового перераспределения. Произошло не разорение страны, а рост экономической мощи России. Да и мыслимо было бы вообще без этого небывалое укрепление ее международных позиций, решение важнейших внешнеполитических задач и превращение России в великую державу?

В 1982 году вышла работа советского историка Е. В. Анисимова «Податная реформа Петра I», в которой спорная проблема глубоко исследована на основе многочисленных архивных материалов. Автор также показал ошибочность милюковских расчетов. Хотя он не во всем согласен с конкретными данными С. Г. Струмилина, в целом он в своих выводах ближе к нему, чем к Милюкову. Нельзя пройти мимо общего заключения академика С. Г. Струмилина: «Петровская эпоха великих преобразований в России привлекала к себе внимание очень многих русских историков. И все же экономика этой эпохи не получила и донныне достаточного освещения. Во всяком случае ошибочных оценок и легенд в этой области было до сих пор гораздо больше, чем твердо установленных фактов и бесспорных суждений».

Хотя в изучении петровской внешней политики положение далеко не столь мрачно, нерешенных проблем и в этой области все же хватает.

Они начинаются у самых истоков дипломатии Петра, понимаемой в широком смысле, то есть не только в качестве техники проведения внешней политики, но и включающей саму эту политику. Взял ли Петр ее в готовом виде у своих предшественников? Или, напротив, он создал все заново, и между петровской внешней политикой и политикой его предшественников лежит непроходимая граница? И первое, и второе мнение представляют собой крайности. Правда, в литературе чаще всего встречаются утверждения, что Петр унаследовал основные направления своей внешней политики. Акцент делается, как правило, на сходстве между старым и новым, тем более что сам Петр не раз подчеркивал, что продолжает политику своих предков. Но эти его высказывания нельзя принимать без учета обстоятельств, в которых они были сделаны. Перед лицом оппозиции, обвинявшей его в отречении от всего исконно русского, Петр намеренно подчеркивал свою связь с прошлым. К тому же в данном случае это выглядело вполне достоверно, особенно в самом начале его царствования, когда Петр продолжил войну с Турцией, начатую еще до него. Затем, прекратив эту войну, он выступил против Швеции и начал добиваться выхода к Балтийскому морю. Однако и для этого нашлись прецеденты в царствование Ивана Грозного и отца Петра — царя Алексея Михайловича. Балтийское направление, таким образом, не было новым. Но тогда оно оставалось только направлением, предопределяемым неизменностью географического положения России. Вот здесь-то и начинались различия, при сохранении преемственности. Историки петровской внешней политики, прибегающие к классическому методу сравнения, почему-то отдают предпочтение сходству, то есть выяснению неизменного, постоянного. Однако задача истории — обнаружить движение, найти различия между старым и новым. Такой метод представляется более плодотворным.

Он открывает картину поразительного прогресса, достигнутого Россией в укреплении своих международных позиций. Московское государство оставило в наследство Петру обязанность платить дань крымскому хану и отсутствие заметного влияния в европейских делах. В 1648 году в Вестфальском мирном договоре, надолго определившем политическую карту Европы, великий князь Московский упоминается в списке европейских монархов на предпоследнем месте. После него фигурировал лишь князь Трансильвании.

В конце царствования Петра Россия завоевала славу победителя легендарной шведской армии. Она обладала могучей армией, морским флотом и превратилась в сильнейшую державу, способную соперничать и говорить на равных с крупнейшими странами, даже с самой влиятельной и богатой среди них — с Англией. Если взять дипломатию в чисто техническом аспекте, то и здесь видны коренные изменения. До Петра Россия не имеет постоянных дипломатических представительств, тогда как Франция, например, держит своих послов и резидентов в 19 странах. Редкие, эпизодически появляющиеся при европейских дворах московские великие послы вызывают смех своими нелепыми требованиями оказывать московскому государю почести, как самому великому монарху в мире, и официальными попытками навязать

европейским королям немислимые идеи о войне против их самых близких союзников и о дружбе с опаснейшими противниками. Ведь основные явления мировой политики московским дипломатам иногда не были известны. Но проходит какой-то десяток лет после выхода Петра на международную арену, и послы России, образованные, не уступающие ни в чем изощренным западным дипломатам, действуют в крупнейших европейских столицах. Они становятся влиятельными и уважаемыми, с ними все считаются, их даже побаиваются, что особенно показательно. Кроме вновь созданных дипломатических каналов связи с европейскими странами возникли или были резко расширены связи экономические, культурные, военные, религиозные. Россия стала влиятельнейшим участником международных отношений во всех сферах.

Допетровская Россия поддерживала постоянные политические отношения лишь со своими соседями: Швецией, Турцией, особенно с Польшей. Связи с такими странами, как Англия или Голландия, строились на основе внешнеторговых интересов этих стран. Внешняя политика Московского государства носила, таким образом, региональный характер. Петровская дипломатия, сохраняя и расширяя эти старые отношения, имеет совершенно иную сферу политических интересов, охватывающих всю Европу. Следовательно, это уже не региональная, а глобальная общеевропейская политика.

Сравнение в главном конкретном вопросе о выходе к Балтийскому морю также больше говорит о различии. Действительно, предки Петра сознавали жизненную необходимость для России завоевания балтийского побережья. Но Петр пошел дальше осознания этого интереса. Он воплотил его в конкретные внешнеполитические цели, создал средства их достижения и успешно достиг их. Иван Грозный воевал за Балтику 24 года и не только не приобрел вершка побережья, но потерял его важнейшие части. Он потерпел полное поражение и совершенно разорил страну, вызвав действие факторов, которые привели к «смутному времени», поставившему Россию на грань гибели. Петр же за 10 лет разгромил опаснейшего врага, завоевал на огромном протяжении балтийское побережье, а затем заставил Европу признать эти справедливые и оправданные приобретения.

Итак, различие между допетровской политикой и дипломатией Петра огромно, сравнение во многих отношениях бессмысленно, ибо возникла совершенно новая, активно действующая сила мировой политики, а выросший на глазах изумленной Европы Петербург стал одним из важных центров всемирной дипломатической жизни. И все же нет оснований говорить о полном разрыве и об отсутствии преемственности. Петр вовсе не отказался целиком от полученного им дипломатического наследства. Он использовал все ценное, начиная с сохранения на дипломатической службе старых, опытных московских дипломатов. Все, что было рационально, разумно и проверено на опыте, Петр бережно сохранял, решительно отбрасывая устаревшее. Была ли дипломатия Петра совершенно новой или обновленной старой? Каково в ней соотношение старого и нового? Вот, пожалуй, одна из проблем, требующая работы и мысли историка.

Еще одна проблема касается условий, в которых действовала петровская дипломатия. Станным образом возникло убеждение, версия или, если хотите, легенда о необыкновенной легкости, с какой могли действовать дипломаты Петра. России, оказывается, просто случайно повезло в отношении международного положения начала XVIII века, которое сказочным образом играло на руку Петру, облегчая ему реализацию самых смелых замыслов. Возникновение этого мифа в какой-то мере связано с чрезмерно расширительным толкованием и применением приведенного выше высказывания Ф. Энгельса об «исключительно благоприятных» условиях, которые Петр оценил и успешно использовал.

Между тем совершенно справедливая мысль Энгельса была ретроспективной оценкой главных итогов всей внешней политики Петра и общих условий их достижения. Действительно, на протяжении 21 года Северной войны, которую вела Россия, 12 лет одновременно шла война за испанское наследство. В ней участвовали крупнейшие

европейские государства, в том числе и союзники Швеции. Они, естественно, не могли оказать ей всю ту помощь в борьбе с петровской Россией, на какую они были бы способны, если бы имели свободные руки. Это и в самом деле оказалось весьма благоприятным для замыслов Петра.

Однако такое положение вовсе не означает, что условия каждой конкретной дипломатической акции были благоприятны. Не значит это и того, что факт скованности действий европейских держав существовал на всем протяжении Северной войны. В действительности он проявлялся лишь в последнем счете, в определенные конкретные моменты, ослабляя невероятно сложные, тяжелые условия, с которыми постоянно сталкивалась внешняя политика России. Возможности антирусской активности стран Западной Европы были ограничены исключительно в военной области, но отнюдь не в дипломатической. Разве война за испанское наследство помешала Англии, Германской империи, Франции непрерывно изощряться в дипломатических интригах против Петра?

Дипломатия считается сложнейшим видом человеческой деятельности. Старая Россия во многом отставала в этой области. Петру пришлось иметь дело с дипломатией западных стран, имевших многовековой опыт. Во Франции, например, во времена Петра уже была Дипломатическая академия. Возникла наука международного права. Были написаны классические труды Греция, Пуфендорфа и других мыслителей. Появилась даже теория международных отношений в трудах английского философа Т. Гоббса, которая до сих пор считается классической и лежит в основе внешнеполитической мысли буржуазных государств. Что могла противопоставить этому Россия?

Крайне сложной была, например, обстановка, в которой Петр принял решение о войне против Швеции. Достаточно сказать, что Россия в тот момент вообще практически не имела армии, поскольку Петру пришлось ликвидировать стрелецкие полки. Россия еще не заключила мира с Турцией, а войну на два фронта вести было немыслимо. Европейские страны действительно готовились к войне за испанское наследство. Однако оставалось неизвестным, когда эта война начнется и начнется ли вообще. В 1698 и 1700 годах состоялись соглашения о мирном разделе испанского наследства, призванные предотвратить войну. Правда, этого не произошло. Но полной изоляции Швеции все же не наблюдалось. Англия и Голландия в начале Северной войны помогли Швеции разгромить Данию, союзника России, позволили ей быстро перебросить войска под Нарву и нанести страшный удар по неопытной, еще необстрелянной русской армии. Традиционным союзником Швеции оставалась Франция, выплачивавшая Карлу XII солидные субсидии. На втором этапе войны, уже после Полтавы, против России пытаются создать коалицию европейских стран. Англия, стоявшая во главе этой комбинации, принимает прямое участие в войне на стороне Швеции. Кроме того, над Петром постоянно висит угроза войны на два фронта, а в 1711 году европейская дипломатия спровоцировала Турцию на выступление против России, и на Пруте возникла катастрофическая ситуация. Наконец, внутри страны вспыхивают восстания в Астрахани, Булавина, башкир. Измена Мазепы говорит сама за себя. Что касается двуличного, лицемерного, просто предательского поведения «союзников» России вроде саксонского курфюрста или прусского короля, то оно фактически не прекращалось всю войну. Трудно вообразить более сложное нагромождение неблагоприятных обстоятельств. Разве случайно в письмах Петра в разное время прорываются горькие сетования, что «облако сомнений» терзает его, что приходится действовать «как слепым», что он находится «в адской горести»? И так все долгие годы Северной войны...

Разумеется, наряду с войной за испанское наследство, отвлекавшей силы недругов России, существовали и другие положительные факторы, такие как немыслимые дипломатические ошибки Карла XII, противоречия между Англией и Голландией и другие столкновения интересов в Европе. На стороне России был и фактор внезапности ее политического и военного возвышения, заставший врасплох европейских правителей, наивно недооценивших Петра. Словом, внимательный анализ международного положения

России в начале XVIII века не дает оснований говорить как об исключительно благоприятном, так и о совершенно неблагоприятном стечении обстоятельств. Действительное положение вещей не поддается таким схематическим оценкам и представляет неизмеримо более сложную и противоречивую картину.

Перечисление и характеристику проблем истории петровской дипломатии можно было бы и продолжить. Их много, поскольку необъятен исторический материал данной темы. Но в конце концов все они сводятся к задаче максимально точной оценки дипломатии Петра. Это тоже проблема, которая концентрирует все остальные. При этом речь идет об оценках двоякого рода: обобщающих всю внешнеполитическую деятельность Петра и оценивающих результаты той или иной конкретной, частной ситуации.

Оценка первого рода, то есть максимально обобщающая, не может сводиться лишь к утверждению, что внешняя политика Петра, ее дипломатическое воплощение, была успешной. Это можно с равным успехом сказать об очень многих периодах в истории русской внешней политики, не идущих ни в какое сравнение с петровской политикой по своей сущности. Что же касается сущности, то прежде всего надо подчеркнуть ее подобие событиям, когда решалась судьба России, таким, например, как спасение ее независимости от польско-шведского завоевания в начале XVII века. Успешное осуществление петровской внешней политики укрепило независимость России, отстояло и обеспечило ее национальное и государственное существование. Угроза этому существованию в конце XVII века была совершенно реальной из-за все увеличивающейся отсталости России от Европы, из-за явной тенденции и способности Европы к колонизации России. Эту тенденцию выразил, например, знаменитый немецкий философ и ученый Лейбниц, горячо приветствуя победу Карла XII над русскими под Нарвой и высказывая пожелание, чтобы «юный король установил свою власть в Москве и дальше вплоть до реки Амур». Подобное стремление вполне соответствовало духу многовекового германского «натиска на Восток». Планы колонизаторской экспансии в отношении России вынашивались в Англии, не говоря уже о Швеции и даже Польше. Не зря Чаадаев впоследствии говорил, что Россия могла оказаться шведской провинцией. Другие опасались раздела русской земли, ее захвата одним или несколькими завоевателями. Внешняя политика, вся преобразовательная деятельность Петра предотвратили такую угрозу, исключили ее.

Как это ни странно, такой очевидный результат петровской внешней политики до сих пор нередко ускользает от внимания отдельных историков. Поэтому придется напомнить некоторые авторитетные характеристики критического состояния, в котором оказалась Россия к началу царствования Петра. С. М. Соловьев писал о «банкротстве экономическом и нравственном» России во второй половине XVII века. Его ученик, тоже знаменитый историк, В. О. Ключевский, указывая на бурный прогресс европейской цивилизации, подчеркивал: «Россия не участвовала во всех этих успехах, тратя свои силы и средства на внешнюю оборону и на кормление двора, правительства, привилегированных классов с духовенством включительно, ничего не делавших и неспособных что-либо сделать для экономического и духовного развития народа. Поэтому в XVII веке она оказалась более отсталой от Запада, чем была в начале XVI века».

Первый русский марксист Г. В. Плеханов считал, что накануне царствования Петра Россия находилась «под страхом окончательного поражения и потери независимости». Наиболее компетентные советские историки также разделяют эту точку зрения. Известный петровед профессор В. И. Лебедев писал: «XVII век поставил перед отстававшей Россией вопрос — быть или не быть ей самостоятельным государством». О необходимости преодоления серьезной отсталости допетровской России, которая стала жизненно важным вопросом для русского народа, говорила и академик М. В. Нечкина, «иначе более мощные страны поработили бы Россию». Многие другие историки, считающиеся с фактами,— старые русские, советские, иностранные единодушны в таком

выводе. Совершенно очевидно, что без учета этой вполне возможной перспективы не может быть никакой серьезной научной оценки общих результатов петровской дипломатии.

Что касается конкретных, частных оценок, то они в необъятной петровской историографии колеблются от восторженно-апологетических до уничижительно-презрительных. Такое положение служит естественным отражением различий политических, национальных, классовых позиций авторов. Актуально отметить третью тенденцию, которую можно назвать тенденцией к «усреднению». Она выражается в том, что иногда вообще не видят никаких ошибок и неудач в политике Петра. Даже такие явные поражения, как Нарва и Прут, объясняются не его очевидными просчетами и ошибками, но следствием случайного стечения неблагоприятных обстоятельств. При этом речь не идет об идеализации Петра. Дело в том, что одновременно принижаются, затушевываются достижения и победы русской внешней политики петровской эпохи. Так происходит «усреднение», превращающее живое пламя истории в серый, холодный пепел. Между тем жестокая, драматическая, грандиозная эпоха Петра Великого требует суровых рембрандтовских красок.

Наконец, вопрос о характеристике личной роли императора в истории русской дипломатии начала XVIII века. Петр Великий воплощал неограниченную власть феодально-абсолютистского государства и воплощал ее со всеми особенностями своей необузданной гениальной натуры. Во всех областях государственной деятельности железная воля Петра была высшим, непререкаемым законом, хотя он порой и терпел критику и ворчание таких своих сподвижников, как князь Я. Ф. Долгорукий. Но реального, прямого противодействия он, конечно, не допускал, не делая исключений ни для кого вплоть до собственного сына. Иное дело — дипломатия. Здесь перед нами совершенно другой человек, способный к бесконечному терпению, гибкости, уступкам, компромиссам.

Однако личностные моменты освещаются в данной работе лишь в той мере, в какой это необходимо для выяснения проблем внешней политики. Это не биография Петра, а синтетическая, обобщающая книга о дипломатии и внешней политике России в конце XVII и в начале XVIII века. Все дело в той роли, которую играл Петр в осуществлении этой политики. Исключительная концентрация власти отличает любую сферу его разносторонней деятельности. Но ни в одной области она не была столь полной, как в дипломатии. Известно, что Петр доверял другим проведение важных военных операций. Он даже часто намеренно и демонстративно уклонялся от формального верховного командования. В дипломатии дело обстояло совершенно иначе. Здесь он все решал сам. Петр выдвинул и воспитал целую плеяду выдающихся дипломатов. И, однако, не было среди них никого, кто бы мог подняться до величия грандиозных и необычайно смелых внешнеполитических замыслов Петра. Если его отец, царь Алексей Михайлович, имел такого выдающегося политика, как Ордин-Нащокин, то Петру не повезло. Россия в это время не выдвинула ни одного министра, подобного тем, кто, например, направлял внешнюю политику Франции. Сюлли, Мазарини, Ришелье, Кольбер и другие вырабатывали внешнеполитический курс и добивались принятия его королями. Вокруг Петра не было политического мыслителя и дипломата подобного масштаба. Однажды в беседе с лучшими своими генералами — Шереметевым, М. Голицыным и Репниным о славных полководцах Франции он сказал одновременно с удовлетворением и горечью: «Слава богу, дожил я до своих Тюреннов, только вот Сюллия у себя еще не вижу».

Зато, несмотря на свою сравнительно короткую жизнь, он дожил до того времени, когда в международных делах увидел Россию такой, какой хотел ее видеть: полноправной, уважаемой, а когда надо — грозной участницей общеевропейской истории.

Петр добился блестящих внешнеполитических успехов. После того как русский народ могучим усилием разгромил считавшуюся непобедимой шведскую армию, Россия небывало и надолго укрепила свое международное положение. В течение целого столетия

на землю нашей родины не смела ступить нога иноземного захватчика. Ни до, ни после Петра за всю историю России не было такого продолжительного времени прочно огражденной внешней безопасностью русского государства.

Реально осязаемые плоды деятельности петровской дипломатии проявились не столько при жизни Петра, сколько после нее. Фундаментом, основой, источником, причиной всех внешнеполитических успехов России на протяжении всего XVIII столетия была преобразовательная деятельность начала века. Как писал Вольтер, «Петр Великий строил на твердом и прочном основании». Преемники преобразователя долго еще пользовались оставленным им внешнеполитическим наследием. Огромное, часто решающее влияние России на европейскую международную жизнь сказывалось спустя много десятков лет после Петра. В конце XVIII века канцлер А. А. Безбородко говорил молодым русским дипломатам: «Не знаю, как будет при вас, а при нас ни одна пушка в Европе без позволения нашего выпалить не смела».

*

На протяжении почти всей своей деятельности Петр вынужден был вести тяжелую, жестокую войну. Но, в отличие от таких своих современников, как Людовик XIV, Карл XII, Георг I, он не был завоевателем. Об этом с неотразимой убедительностью говорит вся история петровской дипломатии. Территориальные присоединения при Петре были оправданы жизненно необходимыми интересами безопасности России. И они в последнем счете отвечали постоянной заботе Петра об установлении «генеральной тишины в Европе», или, выражаясь современным языком, его стремлению к обеспечению общеевропейской безопасности. Незадолго до смерти, в январе 1725 года, вручая адмиралу Ф. М. Апраксину инструкцию камчатской экспедиции, Петр говорил, что его давняя мысль состоит в том, что, «оградя отечество безопасностью от неприятеля, надлежит стараться находить славу государству через искусство и науки». Таков главный завет Петра потомкам.

Сущность сложнейших исторических явлений и процессов в массовом сознании часто связывается с какой-либо крылатой фразой, создающей яркий образ. Так, дипломатия Петра Великого ассоциируется с выражением, впервые появившимся в 1769 году в «Письмах о России» Франческо Альгоротти, где он писал, что Петр прорубил для России окно в Европу. В преобразованной, стихотворной форме оно повторилось у А. С. Пушкина: «Природой здесь нам суждено в Европу прорубить окно». Слова гениального поэта, словно отлитые из драгоценного металла, создали всеобщий стереотип представления о петровской внешней политике. Между тем сущность дипломатии Петра гораздо точнее передает другой пушкинский образ: «Россия вошла в Европу, как спущенный корабль — при стуке топора и громе пушек». Географически Россия всегда была частью Европы и лишь злосчастная историческая судьба временно разделила развитие западной и восточной частей одного континента. Значение петровских преобразований в том и состоит, что они сделали международные отношения на нашем континенте подлинно общеевропейскими, соответствующими географическим рамкам Европы от Атлантики до Урала. Это всемирно-историческое событие приобрело огромную важность для всей последующей трехвековой истории Европы, вплоть до наших дней.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ К СЛАВНЫМ ДЕЛАМ

ИСТОКИ

На поприще дипломатической деятельности Петр вступил в десятилетнем возрасте, когда ему пришлось официально принимать иностранных послов. Секретарь шведского

посольства Кемфер оставил такое описание посольского приема в Кремле летом 1683 года: «В Приемной палате, обитой турецкими коврами, на двух серебряных креслах под иконами сидели оба царя в полном царском одеянии, сиявшем драгоценными камнями. Старший брат, надвинув шапку на глаза, опустив глаза в землю, никого не видя, сидел почти неподвижно; младший смотрел на всех; лицо у него открытое, красивое; молодая кровь играла в нем, как только обращались к нему с речью. Удивительная красота его поражала всех присутствовавших, а живость его приводила в замешательство степенных сановников московских. Когда посланник подал верующую грамоту и оба царя должны были встать в одно время, чтобы спросить о королевском здоровье, младший, Петр, не дав времени дядькам приподнять себя и брата, как требовалось этикетом, стремительно вскочил с своего места, сам приподнял царскую шапку и заговорил скороговоркой обычный вопрос: Его королевское величество, брат наш Каролус Свейский здоров ли?»

Эта колоритная картина сразу вызывает вопрос: почему было два царя и притом столь юных? Так что придется начать с событий, происходивших задолго до настоящей дипломатической деятельности Петра. По довольно смутному обычаю московского престолонаследия, Петр мог стать царем сразу по кончине его брата царя Федора Алексеевича, умершего 27 апреля 1682 года. Его и провозгласили царем, а патриарх благословил Петра на царство. Но раз ему не минуло еще и десяти лет, матери его, вдове царя Алексея Михайловича Наталье Кирилловне Нарышкиной, следовало быть регентшей. Однако не прошло и месяца, как разразилась кровавая смута. Алексей Михайлович был женат дважды, и от первой жены из рода Милославских оставил еще одного сына, Ивана, болезненного телом и умом, а также шесть дочерей, среди которых выделялась ненасытным честолюбием царевна Софья. Это она и весь клан родственников первой жены Алексея Михайловича увидели в воцарении Петра опасность потери власти и влияния в пользу Нарышкиных. Еще при жизни царя Федора они удалили в ссылку боярина Артамона Матвеева, возглавлявшего ранее Посольский приказ, воспитателя и родственника матери Петра. Теперь Наталья Кирилловна спешно вызвала его в Москву. Однако не успел он оглядеться в столице, как вспыхнул бунт стрельцов, подготовленный Иваном Милославским и Софьей. Одуревшие от водки и ложных наветов, давно уже недовольные своими полковниками, они ворвались в Кремль. На глазах десятилетнего Петра изрубили боярина Матвеева, братьев его матери Афанасия, а затем и Ивана Нарышкиных. Дедушку Петра, Кирилла Нарышкина постригли в монахи и сослали в отдаленный монастырь. Расправились и с Другими приверженцами Нарышкиных. Из толпы стрельцов выкрикнули: пусть царствуют два брата! Причем первым царем провозгласили слабоумного, но зато старшего по возрасту Ивана. Этого Софье показалось мало, и спустя два дня снова в Кремле бесчинствовали стрельцы: по малолетству царей правительницей подкупленные ею люди провозгласили Софью.

Царицу Наталью с сыном постепенно выживали из Кремля, хотя Петра и привозили туда для торжественных богослужений или приемов иностранных послов. Жили же они все больше не в Кремле, а в подмосковных селах: Коломенское, Воробьеве, а потом прочно осели в Преображенском. После Кремля, где все напоминало о кровавом побоище и дышало ненавистью, где ужас скрывался за монастырским обликом царской резиденции, здесь жилось привольно. В Кремле же и впрямь было два монастыря, подворья еще нескольких и десятки церквей. Затхлая атмосфера кремлевских покоев явно тяготила юного Петра. Не отсюда ли и пошла его неприязнь к старомосковской косности, сонной одуре и коварству под маской благочестия!

Петр учился грамоте, или, как говорилось в первом русском букваре, «божественному писанию», по Часослову, Псалтырю, Евангелию и Апостолу. Дьяк Посольского приказа Никита Моисеевич Зотов требовал от ученика наизусть знать молитвы, догматы и заповеди православного богословия. Но жизнь, оказавшаяся главным учителем юного царевича, обучала его вещам, далеким от христианских добродетелей. Жестокая, грубая, кровавая сила — суровый наставник Петра с раннего детства. Если

старших братьев, Федора и Ивана, наставлял образованнейший монах Симеон Полоцкий, то Петра после обучения грамоте у дьяка не учил никто. Позднее, застав как-то своих дочерей Анну и Елизавету за уроками, Петр вздохнул и с горечью сказал: «Ах, если б я в моей молодости был выучен как должно!» Предоставленный самому себе, он продолжал свое образование несслыханным для русских царей путем. Руки Петра тянутся к рабочим инструментам, а токарный станок приводит его в восторг. С изумлением и растерянностью смотрели старшие на царевича и диву давались: на Руси цари не только никогда не работали, но даже гнушались поставить свою подпись на государственных бумагах! За царя подписывался какой-нибудь думный дьяк, ибо цари «ни к каким делам руки не прикладывают».

Испытывая постоянный страх перед жестокой Софьей и ее стрельцами, Петр инстинктивно ищет средства защиты. Окружив себя сверстниками, он создает забавное тогда, по славное в будущем «потешное» войско. Из Оружейной палаты он требует оружия и притом вовсе не игрушечного, ибо его воинство подрастает вместе с ним. Эти «озорники», как их насмешливо называла Софья, станут ядром регулярной армии.

Но еще до приобщения к делам военным Петр соприкоснулся с дипломатией. Уже говорилось, как он принимал иностранных послов. Конечно, участие маленького Петра в официальных церемониях не могло иметь серьезного значения для его ознакомления с дипломатической деятельностью. Скорее это могло дать самое превратное представление о месте Московского государства в мире, о его международном положении, мощи и влиянии. Тогдашний русский дипломатический протокол — пестрая смесь византийских, татарских, европейских обычаев в доморощенном старомосковском исполнении — сводился в основном к возвеличению «царя всея Руси». От иностранных дипломатов с невероятной придирчивостью требовали: не умалить «чести» великого государя.

А вот об уважении достоинства европейских послов редко заботились допетровские политики. Европейцы считались нечистыми, еретиками. Обыкновенное прикосновение к ним было тяжким грехом. Вот, к примеру, как проходил прием послов императора Священной римской империи, или, как тогда говорили, «цесарских послов», царем Алексеем Михайловичем в 1661 году. После вручения верительной («верующей») грамоты царь допустил послов к целованию руки. «Пока мы подходили,— рассказывал один из членов посольства,— царь перенес скипетр из правой в левую руку и протянул нам правую для целования... Царский тесть Илья Милославский так и сторожил, чтобы кто-нибудь из нас не дотронулся до нее нечистыми руками». После целования царь тут же с целью «очищения» обмыл руку из приготовленного для этого серебряного рукомойника...

Правда, иностранцы, строго соблюдавшие для вида старомосковские ритуалы, потом отводили душу в своих донесениях, а особенно в многочисленных воспоминаниях и дневниках. Впрочем, тогдашние русские послы и резиденты тоже были не без греха. В своих донесениях в Кремль они часто изображали иностранных монархов как последних холопов великого государя, влагая в их уста наивнейшие подобострастные панегирики в адрес московских царей.

Как бы то ни было, разобраться в вопросе, каково реальное международное положение Руси в XVII веке, трудно было не только тогда, три сотни лет назад, подраставшему Петру, но и современным историкам. Нередко пишут о крупных дипломатических успехах России в XVII веке и об укреплении международного положения Москвы. Конечно, по сравнению с событиями начала века, когда в годы «смутного времени» Россия оказалась на краю гибели, положение явно нормализовалось. Польским и шведским интервентам пришлось убраться из разоренных и ограбленных центральных районов страны. Но Россия потеряла свои прибалтийские земли, и к Швеции отошли Ивангород, Ям, Копорье, Орешек с их уездами. Польша захватила смоленские, черниговские, новгород-северские земли. В обращении к городам московские бояре сокрушались: «Со всех сторон Московское государство неприятели рвут».

Правда, потом дипломатические связи Москвы расширились, а ее международные позиции укрепились. Тридцатилетняя война, охватившая Запад, побуждала ее участников искать поддержку повсюду, вплоть до государства, сила которого в то время заключалась главным образом в его географическом положении. Англия и Голландия стремятся оказать Москве дипломатические услуги ради выгод русского рынка и торговых путей через Россию в Азию. Шведский король пытается навязать ей союз против Австрии и Польши. В Москву одно за другим отправляются посольства, здесь живут резиденты западноевропейских стран. Досадно только, что это не сопровождалось ростом могущества России. Предпринятая в 1632 — 1634 годах попытка вернуть потерянные земли закончилась полным поражением: Поляновский мир 1634 года подтвердил условия унижительного Деулинского перемирия 1618 года. В 1653 году гетман Богдан Хмельницкий приходит к согласию с Москвой о воссоединении Украины с Россией; вскоре начинается война с Польшей. Русские сначала одерживают победы. Но потом дело осложняется одновременной войной с Швецией. И снова после первых успехов, — поражение московского войска. С Швецией заключается перемирие, а в 1661 году — Кардисский мир, по которому были потеряны все завоевания в Ливонии. Истощенные войной Россия и Польша вынуждены были пойти на Андрусовское перемирие, утвердившее раздел Украины. В состав Московского государства вошла только Левобережная Украина и на два года Киев. Сложная обстановка на правом берегу Днепра вызвала в 1676 году столкновения с Турцией. И эта война окончилась безуспешно. По Бахчисарайскому мирному договору 1681 года Москва уступает украинское Правобережье туркам.

Войны крайне напрягали скудные ресурсы страны, обостряли ее внутреннее положение. Народные восстания вспыхивали одно за другим. Среди них — крестьянская война Степана Разина, потрясшая до основания Московское государство. Интересны некоторые цифры, хотя они довольно приблизительны из-за отсутствия в то время статистики, это скорее цифры-оценки. В XVII веке в Европе было 100 млн. жителей. Из них в России жило 14 млн., во Франции — 15, в Германии — 20, в Испании — 10 млн. Население Англии и Швеции составляло тогда по 3 млн. человек, Голландии — 1,2 млн. Однако военная и экономическая мощь этих стран превосходила силы Москвы, значительно отстававшей в экономическом, культурном и военном отношениях. И хотя доля русского населения в общеевропейском была уже сравнительно велика, Россия давала не более одного процента общеевропейского производства железа. Если в Западной Европе в городах жило 20 — 25 процентов населения, то в России — лишь 2,5 процента...

Конечно, далеко не все во внешних сношениях допетровской Руси выглядело неприглядно. Развивались, к примеру, отношения Москвы с морскими державами — Англией и Голландией. Они вели с Россией обширную, выгодную торговлю и, обладая монополией, часто диктовали ей свои условия. Английские и голландские купцы считали Россию торговым партнером и транзитным путем в Персию и Индию. Характерен состав тогдашнего русского импорта. Кроме предметов роскоши в нем — шерстяные ткани, металлы и изделия из них, порох, селитра и особенно огнестрельное оружие. Зависимость России от ввоза таких товаров все возрастала и приобретала опасный характер для ее независимости. В то время как Европа шла в военном деле по пути технического прогресса, Россия была не в состоянии самостоятельно одевать и вооружать армию. Огромный ущерб ей наносило, естественно, полное отсутствие флота.

Словом, Россию считали отнюдь не передовой страной, о ней вспоминали от случая к случаю. Французский историк К. Грюнвальд так оценивает престиж тогдашнего русского государства: «До Петра I о России судили как о стране наиболее отсталой в Европе. Об успехах русских в области военной, административной и даже в общей культуре не знал никто. Полагали, что Россия полностью находится под влиянием фанатичного, нетерпимого духовенства и невежественного, жадного, расточительного

дворянства. Очень редко можно было увидеть в иностранных столицах русских; облаченные в долгополые кафтаны азиатского покроя и в высокие шапки, они вызывали насмешки толпы».

Но Россию все же не забывали в различных замыслах глобального характера, отвечавших духу времени. А он выражался в том, что, усиливаясь и приобретая доминирующее влияние (поочередно им пользовались Испания, Франция, Голландия, Англия), руководители крупнейших европейских стран в той или иной форме выдвигают претензии на мировое преобладание. Один из таких планов содержится еще в мемуарах выдающегося французского дипломата герцога Сюлли, главного помощника Генриха IV. Сюлли называл свой план «великим замыслом» и приписывал его авторство королю. Речь шла о том, чтобы перекроить политическую карту Европы и создать систему зависимых от Франции государств. В этом сочинении, в частности, упоминалось и о России: «Я не говорю о Московии или Руси Великой. Эти огромные земли, имеющие не менее 600 лье в длину и 400 лье в ширину, населены в значительной части идолопоклонниками, в меньшей части — раскольниками, как греки или армяне, и при этом множество суевериев и обычаев почти полностью отличают их от нас. Помимо этого русские принадлежат Азии столько же, сколько и Европе, и их следует рассматривать как народ варварский, относить к странам, подобным Турции, хотя уже пятьсот лет они стоят в ряду христианских государств».

Сюлли все же соглашался принять Россию в систему европейских государств, однако предупреждал при этом: «Если великий князь Московский или царь русский, которого считают князем скифским, откажется вступить в это объединение, когда ему будет сделано соответствующее предложение, то с ним следует обращаться как с турецким султаном, лишить его владений в Европе и отбросить в Азию».

Слабость отсталой России иногда превращала ее в беспомощный объект самого примитивного дипломатического шантажа. Вот небольшая, но весьма характерная история из дипломатической практики Москвы, происшедшая в 1676 году. После Андрусовского перемирия Россия и Польша одновременно вели войну с Турцией. В Польше очень хотели, чтобы русские, отвлекая на себя главные силы, действовали активнее. Поэтому русскому резиденту В. Тяпкину приходилось выдерживать сильное давление. При этом он постоянно убеждался, что сама Польша ведет с Турцией тайные переговоры о мире. Одновременно он доносил в Москву и о деятельности французской дипломатии, стремившейся вовлечь Польшу в большую авантюру, соблазнительную для влиятельной «французской» фракции шляхты. Тяпкин писал, что французский король хочет, используя свое влияние в Константинополе, добиться заключения мира Польши с Турцией для того, чтобы французские и польские войска вступили в войну против Пруссии и цесаря, то есть императора Священной римской империи, который после Вестфальского мира сохранял над тремя сотнями германских государств лишь номинальную власть. Непосредственно и реально он правил только Австрией (но размерам она была тогда значительно больше нынешней). После победы над Австрией и Пруссией Франция и Польша вместе со Швецией должны выступить против Москвы, а сокрушив ее, обратиться против Турции. В связи с этой информацией Тяпкин умолял Москву усилить войну против Турции, чтобы не дать польским сторонникам французского плана повода добиваться его осуществления. Эта сомнительная комбинация, вернее всего, была просто дипломатическим шантажом. Однако факт несомненный: польские феодалы с алчным вожделением взирали на чужие земли, многими из которых они уже владели. Как только становилось известно, что в Москве не все в порядке, начинались очередные происки. Смута 1682 года в момент только еще формального воцарения Петра побудила шляхту сразу затеять очередную махинацию. Выдумали создать под своей эгидой «особое удельное русское Киевское княжество». Украинского гетмана соблазняли этим замыслом, чтобы захватить для начала всю Левобережную Украину. К счастью, такие аппетиты не соответствовали возможностям раздираемой

противоречиями Польши. Но каково было людям московского Посольского приказа? Не всегда могли они отличить правду от вымысла, ибо слишком слабо знали даже польские, а не только европейские дипломатические дела. С другой стороны, сознавая свою военную отсталость, они порой боялись всего. И не без основания; слишком мало делалось для преодоления этой слабости. Нетрудно представить, чем же была внешняя политика Москвы, насколько робко, неэффективно она действовала и каким неустойчивым было международное положение России!

Если на Западе плохо знали Россию, то еще хуже в России знали состояние международных отношений в Европе, что приводило к досадным дипломатическим ошибкам. Специальное дипломатическое ведомство существовало в России с середины XVI века, но методы его работы были столь же примитивны, как и вся деятельность неповоротливого московского государственного механизма. Самый выдающийся глава допетровской дипломатии Ордин-Нащокин мечтал, чтобы Посольский приказ был «оком всей великой России», а дипломатией занимались «беспорочные и избранные люди». Однако пока ему приходилось тщетно добиваться, чтобы Посольский приказ освободили от обязанности контролировать сборы с кабаков, что вменялось ему в обязанность. А между тем именно в сознании этого умнейшего политика допетровской Руси, каким был Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин, родился внешнеполитический замысел, предвосхитивший кое в чем суть дипломатии Петра.

Против Швеции надо создать коалицию, отобрать у нее Ливонию и получить выход к морю. Но для этого следовало помириться с турками, а с Польшей даже заключить союз. Иначе говоря, надо резко и смело преобразить всю внешнюю политику. Тогдашний Кремль к такого рода делам оказался неспособен. И хотя Ордин-Нащокин был государственным канцлером, а точнее «царственные большие печати и государственных великих посольских дел сберегателем», хотя царь Алексей Михайлович любил и уважал его, ему не дали возможности сломить инерцию московского двора. Карьера «русского Ришелье», как называли иностранцы Ордин-Нащокина, кончилась тем, что он ушел в монастырь.

Высшая власть Кремля долгое время предпочитала баловать себя иллюзиями о собственном величии, нежели трезво оценивать свои силы. Еще Иван Грозный веком раньше считал, что «вся Германия» могла быть завоевана московским войском за одно лето, если бы не «злобесные претыкания» бояр. Алексей Михайлович был, конечно, неизмеримо более здравомыслящим монархом, но и он часто предавался сладостным, но, увы, совершенно несбыточным мечтам. К тому же его «собинный» друг Никон, ставший на время всемогущим патриархом, с присущей ему крайней самоуверенностью мешался в политику. Он сам вел переговоры с иностранными послами, склонил царя, воевавшего с Польшей, к неудачной войне со шведами. Мало того, он рьяно подогревал его еще более грандиозные вождедения. Алексей Михайлович всерьез грезил о создании вселенского православного государства, о восстановлении креста на храме Святой Софии в Константинополе и освобождении всех православных народов от басурманов. Это «неоцареградские» замыслы, кстати, послужили одной из причин изменения церковных обрядов по греческому образцу, что вызвало драматический раскол, так ослабивший русское государство в XVII веке. Конечно, утопические завоевательские планы не были, да и не могли быть осуществлены из-за польских и шведских забот... А внешняя политика Москвы продолжала плыть по течению. Иногда это течение прибывало Москву к тому или иному берегу. Так, в конце концов частично осуществилась идея Ордин-Нащокина о союзе с Польшей. Произошло это не только в результате целенаправленных действий московской дипломатии, но и под влиянием внешних событий: слабеющая Польша стала нуждаться в поддержке восточного соседа в страхе перед Турцией.

Случилось это в годы правления Софьи, когда главной заботой правительницы было обуревавшее ее желание любой ценой остаться у власти. Уже говорилось о том, как ей удалось узурпировать эту высшую власть с помощью интриг и кровавого заговора.

Положение Софьи оставалось шатким не только потому, что Русь еще никак не могла признать женского правления. Подрастал Петр, и регентству близился конец. Она уже начала именоваться наравне с Иваном и Петром великой государыней и заказала гравюру, где ее изобразили в шапке Мономаха. Сама внешняя политика интересовала царевну только тем, насколько она может помочь достигнуть ее заветных чаяний. Здесь-то мы и встречаемся с князем Василием Васильевичем Голицыным, которого в какой-то мере можно считать одним из духовных предшественников Петра. Собственно, слово «предшественник» звучит, пожалуй, слишком сильно. Просто Голицын был одним из первых «западников», то есть людей, осознавших значительную отсталость России и необходимость поскорее перенимать достижения западной культуры и техники. Он знал латинский, немецкий и польский языки, обставил свой дворец в Охотном ряду европейской мебелью, увешал зеркалами и картинами, а главное предавался довольно смутным мечтаниям о преобразованиях, которые нам известны из сомнительных по достоверности рассказов иностранцев. Орудием осуществления своих замыслов он сделал интригу, притом любовную. Дело в том, что Софья без памяти влюбилась в щеголеватого князя Василия. Сам по себе он был человеком нерешительным, не обладал ни сильной волей, ни характером. Вся его карьера, неразрывно связанная с двусмысленным положением Софьи, была чистой авантюрой. Это значило, что если падет Софья, то и ему конец. Правда, он начал выдвигаться еще при царе Федоре, когда ему поручили дела по реорганизации армии, слабость, отсталость которой бросались в глаза. Но полководцем он оказался неудачливым. Зато как дипломата его и по сей день порой оценивают высоко, что, впрочем, довольно спорно. Деятельность В. Голицына полностью подчинялась прихотям Софьи, а для нее внешняя политика была в основном средством решения главной задачи: превратить временное и незаконное регентство-узурпацию в постоянное и надежное царствование. В октябре 1683 года Василий Голицын был назначен Софьей «царственные большие печати и государственных великих посольских дел сберегателем». Первым дипломатическим мероприятием стала поездка русских послов в Стокгольм, Варшаву, Копенгаген и Вену. Повсюду они объявили, что Москва подтверждает все существующие договоры, то есть признает законными грабительские захваты, оторвавшие от России огромные земли с многими миллионами православных жителей. Особенно порадовался шведский король Карл XI подтверждению Кардисского договора, отрезавшего Русь от Балтики. Это был отказ «сберегателя» от главных национальных внешнеполитических задач — от объединения русского православного населения, от возвращения исконных русских западных земель, от борьбы за выход к морю. «Западник» Голицын начал с того, что признал и закрепил пагубное отделение Московского государства от Западной Европы.

Понадобилось три года, чтобы Софья и Голицын дождались, наконец, дипломатического успеха, достигнутого не столько своими стараниями, сколько изменениями в Европе. Турция пытается сокрушить своих врагов — турки идут на Вену. Однако вступившие в союз Австрия и Польша побеждают. К ним присоединяется Венеция, и под покровительством папы римского возникает Священный союз против Турции, к которому решено было привлечь и Москву, чтобы она отвлекла на себя хотя бы крымского хана. Послы цесаря и польского короля начинают переговоры с Голицыным, но он решительно требует: Россия пойдет на Крым только при условии заключения «вечного мира» с Польшей, согласно которому Киев, полученный по Андрусовскому перемирию лишь на два года, должен окончательно перейти к России. Долгие сложные переговоры завершились уступкой поляков, терпевших поражения в войне с турками. «Вечный мир» был подписан 21 апреля 1686 года.

Как только Софья ни прославляла этот «славный вечный мир»! Еще бы, польский король Ян Собеский утвердил его даже со слезами на глазах, оплакивая потерю древнего Киева, будто это Варшава или Краков, а не «мать городов русских». К тому же «вечный договор» так и не был ратифицирован сеймом. При тогдашних польских порядках это

означало, что Речь Посполитая не обязана его соблюдать. Россия же должна была уплатить большую денежную компенсацию, пойти в поход на Крым, будучи совсем к этому не готовой. А главное «навечно» решалась не только судьба Киева. Столь же «вечным» явился и отказ от Правобережной Украины и Белоруссии.

Летом 1687 года князь Василий Голицын во главе сотысячного войска выступил в поход на Крым. В пути к нему присоединились украинские казаки во главе с гетманом Самойловичем. Гетман долго отговаривал Москву от новой войны с турками, но под нажимом посланцев Софьи все же присоединился к походу. Однако его пришлось прервать, далеко не дойдя до Крыма: степь на огромных пространствах горела. Сначала говорили, что сухую траву подожгли татары, а потом пошли слухи, что это дело рук казаков. Голицын сместил Самойловича и провел избрание нового гетмана — Мазепы, получив от него за это 10 тысяч рублей. Хотя не произошло никаких сражений, войско Голицына потеряло от голода, болезней и пожаров 40 тысяч человек.

Однако в Москве Софья встретила своего возлюбленного как победителя. Она наградила его драгоценными подарками и поместьями с полутора тысячами крестьян. Но этим нельзя было скрыть жалкий конец похода, тем более что дошли вести о больших победах австрийцев, поляков и венецианцев над турками.

Крымский хан, соблазненный слабостью русской рати, в 1688 году возобновляет опустошительные набеги на Украину, угрожает Киеву. К тому же «союзники», приберегая свои силы, требовали выполнения условий «вечного мира». Софья же крайне нуждалась хотя бы в видимости успеха своего правления. И она приказывает готовиться к новому походу. Опыренная любовью, она слепо верит в военный гений Василия Голицына. Ранней весной князь снова ведет войско на Крым, хотя мало кто разделяет надежды Софьи на победу. Осенью 1689 года он уже стоит перед укреплениями Перекопа. Однако, не решаясь на штурм, соглашается на переговоры с ханом, который предложил их, дабы выиграть время. Снова запаздывают обозы с продовольствием, стоит жара, нет пресной воды и солдаты мрут от голода и болезней. В письмах к Софье он уповает на божью милость и сообщает, что намерен вернуться от Перекопа. Но царевне и этого довольно, чтобы ликовать по причине воображаемой победы. «Свет мой батюшка, — пишет она князю, — надежда моя, здравствуй на многие лета! Зело мне сей день радостен... Батюшка ты мой, чем платить за такие твои труды неисчетные? Радость моя, свет очей моих! Мне не верится, сердце мое, чтобы тебя, свет мой, видеть. Велик бы мне день тот был, когда ты, душа моя, ко мне будешь... Как сам пишешь о ратных людях, так и учини». Кроме этого и подобных писем, в которых бездна любви и никаких военно-стратегических указаний, Голицыну по велению Софьи послали благодарственное послание еще и от имени двух государей, Ивана и Петра. Они поздравляли его с победой «никогда не слыханной», в результате которой враги «поражены и побеждены и прогнаны». В заключение этой царской грамоты Голицына поздравляли, «что ты со всеми ратными людьми к нашим границам с вышеописанными славными во всем свете победами возвратились в целости — милостиво и премилостиво похваляем».

А сотысячное войско Голицына, с трудом отражая набеги татарской конницы, не достигнув успехов, вернулось отнюдь не в целости: из сотысячной рати потеряно было убитыми 20 тысяч человек и 15 тысяч пленными. Плоды второго похода оказались еще плачевнее первого.

Люд московский недоумевал и роптал. Ведь в довершение всего изрядно потрепанная рать Голицына была встречена пышными триумфальными чествованиями. Звонком колоколов, громом пушек приветствовали «героя». Поток наград осыпали «победителей». Голицын получил три тысячи рублей, золотой кубок, кафтан, шитый золотом и отделанный соболями, и деревни со множеством крепостных...

И вот здесь-то на московскую сцену выступает Петр. В январе 1689 года царица Наталья Кирилловна женила его на Евдокии Лопухиной. А по тогдашним обычаям женитьба означала возмужание, когда юный царь уже не нуждался в регентстве старшей

сестры. Еще до этого, весной 1688 года, в Москве толковали о переходе власти к Петру. 16 марта того же года Петр посетил и осмотрел Посольский приказ, находившийся в Кремле. Этим, как и новыми требованиями оружия для «потешных» отрядов Петра, был очень недоволен князь Василий Голицын. 8 июля 1689 года произошел первый публичный скандал. Во время крестного хода царевна Софья пошла со святой иконой вместе с двумя государями, что было неслыханным делом. Петр потребовал, чтобы царевна не выступала наравне с царями. Софья наотрез отказалась, Петр гневно покинул церемонию и уехал в Коломенское.

Назревала решающая схватка в борьбе за власть, и произошла она по внешнеполитическому поводу, Петр отказался подписать манифест о наградах за злополучный второй крымский поход. С большим трудом, после многочисленных просьб, все же удалось уговорить его утвердить манифест. Но когда Голицын и его приближенные явились в Преображенское благодарить за награды, то Петр отказался принять их. Атмосфера накалилась до предела, Софья была вне себя от ярости и от вожделия овладеть всей самодержавной властью. Но для этого надо было устранить Петра. Как это сделать? Семь лет се правления дали неутешительный итог. Авторитета и славы она не приобрела. Попытки же выдать провалы за победы лишь опозорили ее.

Дипломатия ее фаворита князя Голицына не укрепила международных позиций Московского государства. Очередной дипломатической «победой» был объявлен Нерчинский договор 1689 года с Китаем, вернее с правившей там маньчжурской династией Цинь. До этого русские люди уже освоили территории по берегам Амура, вышли к Тихому океану. Но московское правительство не располагало силами, чтобы поддержать инициативу русских землепроходцев, прежде всего казаков. А Цинская династия выдвинула агрессивные притязания и на все земли за Байкалом, которые никогда не были китайскими. Переговоры в Нерчинске, к которому подошло 17-тысячное китайское войско, были ультимативными, и русские вынуждены были отказаться от обширных земель Приамурья (от зааргуньской части Албазинского воеводства; все остальное оставили без разграничения) и надолго ликвидировать существовавшие там русские поселения. Правда, началась торговля с китайцами, и русские постепенно научились и полюбили пить чай...

Но если эту неудачу еще как-то можно понять и объяснить крайней отдаленностью русского Дальнего Востока, то неудачи главы Посольского приказа В. Голицына в Европе понять труднее, учитывая его репутацию хорошего дипломата, к тому же «западника». Много написано о том, что он преклонялся перед Западной Европой, что его кумиром и идеалом был Людовик XIV. Но именно в связи с этим королем произошел казус, когда обнаружилась поразительная некомпетентность Голицына-дипломата.

А дело было так. Заключив упоминавшийся «вечный мир» с Польшей и обязавшись за это воевать с турками, Голицын решил привлечь к войне против басурманов еще и Францию. Поэтому в 1687 году князей Якова Долгорукого и Якова Мышецкого направили в Париж. Неприятности начались уже в Дюнкерке, где возник скандал из-за отказа послов показать свою поклажу в таможене. Дело в том, что русские дипломаты еще и приторговывали «мягкой рухлядью», то есть везли с собой соболей и другие меха. А платить пошлину они не хотели. Потом началась сложная перебранка из-за того, что послы хотели иметь дело лично с самим королем. Протокольные распри продолжались несколько недель. Но к этим обычаям старой русской дипломатии на Западе уже привыкли. Главное же заключалось в том, что послы предложили Франции вступить в союз с Россией и Австрией и начать войну против Турции. Они обосновывали свое предложение цитатами из... Евангелия. Иначе говоря, Францию просили оказать помощь ее исконному врагу — австрийским Габсбургам и объявить войну ее давнему традиционному союзнику — Турции! Как видно, Голицын и возглавляемый им Посольский приказ имели довольно туманные представления о внешней политике

крупнейших европейских держав. Дело кончилось тем, что московских послов просто-напросто выслали из Франции...

Уже сказано, как смотрел Петр на внешнеполитические и воинские «успехи» Софьи и ее «таланта» Василия Голицына. Видел он и наглые притязания Софьи на власть, чувствовал страшную опасность от ее головорезов вроде Федора Шакловитого. Он слишком хорошо помнил резню 1682 года и знал, что не только царствование, но и сама его жизнь висят на волоске. Однако теперь это уже другой Петр, а не тот десятилетний ребенок, на глазах которого убивали его близких. Царь, который стал двухметровым богатырем, зря времени не терял.

Не только страха ради без устали занимался он «марсовыми потехами». Из «потешных» постепенно формировались два отличных боевых полка — Преображенский и Семеновский. А село Преображенское превратилось в укрепленный воинский гарнизон. Петр не давал отдыха от «экзерциций» ни своим «потешным», ни самому себе. Он проходил солдатскую науку с самых азов, начиная с барабанщика. Позже, уже будучи императором Петром Великим, он, порой забавляясь, виртуозно бил в барабан, вызывая зависть профессионалов. И предпочитал этот музыкальный инструмент всем другим: ведь барабан никогда не фальшивит...

Главное, что побуждало его к воинским делам, было рано проснувшееся осознание факта международной незащитности, слабости России. Он видел, какво московское войско: стрельцы, на которых нельзя положиться, дворянское ополчение — порой беспорядочная толпа, воеводы тоже храбростью не отличались. Современник Петра, сторонник его преобразований Иван Посошков так описывал русское воинство: «У пехоты ружье было плохо, и владеть им не умели, только боронились ручным боем, копьями и бердышами, и то тупыми, и на боях меняли своих голов по три, по четыре и больше на одну неприятельскую голову. На конницу смотреть стыдно: лошади негодные, сабли тупые, сами скудны, безодежны, ружьем владеть не умеют; иной дворянин и зарядить пищали не умеет, не только что выстрелить в цель; убьют двоих или троих татар и дивятся, ставят большим успехом, а своих хотя сотню положили — ничего! Нет попечения о том, чтоб неприятеля убить, одна забота — как бы домой поскорей. Молятся: дай, боже, рану нажать легкую, чтоб немного от нее поболеть и от великого государя получить за нее пожалование. Во время боя того и смотрят, где бы за кустом спрятаться; иные целыми ротами прячутся в лесу или в долине, выжидают, как пойдут ратные люди с бою, и они с ними, будто также с бою едут в стан. Многие говорили: дай, бог, великому государю служить, а саблю из ножен не вынимать!»

Но рано осознанная Петром потребность в современном сухопутном войске — это не диво. Такая крайняя нужда давно всем умным людям была ясна, как божий день: иначе Руси погибель! Любопытней другое — его стремление к энергичному освоению новейших технических западных достижений, а также рано пробудившийся интерес уроженца сугубо сухопутной страны к морю, к флоту. Когда князь Яков Долгорукий собирался по указу Василия Голицына в свое злополучное посольство к французскому королю, он рассказал четырнадцатилетнему Петру, что имел занятный инструмент, которым можно измерять расстояние до места, не доходя до него. «Купи мне инструмент во Франции», — сразу потребовал Петр. Князь и привез ему астролябию. Это, кажется, был единственный положительный результат его посольства.

Но как пользоваться чудесным инструментом? Нашелся в Москве знающий голландец Франц Тиммерман и научил. Петр» потребовал, чтобы этот иностранец учил его и всему другому, что знал. Так начал юный царь по своей охоте изучать математику, геометрию, фортификацию, артиллерию. Никогда ни один из русских царей и не помышлял о таких науках. Немало нужного узнал Петр от иностранных офицеров, которые потребовались для организации и обучения петровских «потешных». Все они жили в Немецкой слободе — странном кусочке европейского мира, расположенном на Яузе.

Сначала в слободе на Яузе стали селиться немцы-протестанты. Потом приехало много голландцев, англичан. Шотландцы — роялисты и католики, бежавшие от Кромвеля, тоже получили здесь убежище. После отмены во Франции Нантского эдикта появились здесь и французы-гугеноты. Жили в слободе датчане, шведы, итальянцы. Общая судьба эмигрантов объединяла их вопреки различиям языка и веры. В основном это были люди, владевшие мастерством, еще редко доступным русским: врачи, аптекари, ювелиры, инженеры; особенно много было наемных офицеров. Слобода резко отличалась от остальной в основном полудеревенской Москвы аккуратными, часто каменными, домами, шпалерами деревьев, цветниками. Всего в слободе проживало в годы юности Петра около трех тысяч иностранцев. Они поддерживали связь с родными странами. Голландский резидент Ван Келлер принимал каждую неделю курьера из Гааги, доставлявшего новости из-за границы. Здесь о мировых событиях узнавали раньше, чем в Кремле. В Немецкой слободе Петр и нашел своих учителей, таких как Франц Тиммерман.

Влекомый ненасытной любознательностью, Петр именно с ним забрел однажды в Измайлове в амбар, где среди всякого старья обнаружил лодку невиданной конструкции. Тиммерман объяснил, что это английский бот, который может ходить под парусом даже против ветра, что поразило и заинтересовало юного царя. Говорили, что бот был когда-то подарен Ивану Грозному английской королевой Елизаветой I. Но, видимо, вернее, что он был сделан голландскими плотниками, когда царь Алексей Михайлович строил корабли в селе Деминово на Оке. Был достроен всего один корабль под названием «Орел», но и он сгорел во время разинского восстания.

Найденный в Измайлове ботик починили. Но на Яузе развернуться ему было негде: слишком мала речка. Поиски свободной воды привели Петра к открытию в те времена очень красивого Переславского озера в 120 верстах от Москвы, куда он пробрался, отпросившись у матери в Троицкий монастырь якобы на богомолье. На этом озере Петр и начал «молиться» с топором в руках, затеяв построить целую флотилию...

Вот такими делами занимался Петр Алексеевич, когда ему предстояла новая жестокая схватка за родительский престол. А «самодержица всея Руси», как уже именовала себя Софья, кипела яростью от мысли, что власть вот-вот ускользнет от нее. Еще 27 июля, выходя из храма, она спрашивала стрельцов: «Годны ли мы вам?» Но те молчали, ибо помнили, как «отблагодарила» их Софья за их кровавые подвиги в 1682 году. Они были сыты по горло тяжкими и напрасными испытаниями двух крымских походов Голицына. Сам же «сберегатель» тоже дрожал за свою судьбу, но, будучи осторожным, отделялся время от времени туманными словами, что-де хорошо бы «прибрать» царицу Наталью и ее слишком бойкого сынка. Зато пылал жаждой действия и крови начальник стрельцов Федор Шакловитый. Он уговаривал стрельцов убить Петра, восстать за власть Софьи. Но те молча, а то и прямо вслух уклонялись.

Главное испытание сил началось в ночь с 7 на 8 августа. Состряпали подметное письмо, будто «потешные» придут побить Софью, царя Ивана и их ближних людей. Кремль занял отряд стрельцов, заперли все ворота. На Лубянке собрали второй отряд в 300 человек. Для чего их поставили под ружье, никто толком не знал. Но двое из тех, что предпочитали Петра, ночью помчались в Преображенское и, разбудив, предупредили царя. А тот в одной рубашке вскочил на коня и поскакал, одевшись уже в пути, к Троице, куда и явился на взмыленной лошади утром 8 августа. В этот же день в Троицу прибыли в полном боевом порядке преображенцы и семеновцы, а также верный Петру стрелецкий полк Сухарева. Приехала в монастырь и царица Наталья Кирилловна.

Троице-Сергиев монастырь не только неприступная крепость с высокими прочными стенами, восемью башнями, над которыми сверкали купола тринадцати церквей. В смутное время крепость на протяжении 16 месяцев героически выдерживала осаду поляков. Но Троица для русских — еще и святое место, символ и оплот веры и национальной независимости. Уже одно то, что законный царь вынужден искать убежище в Троице, усиливало негодование против узурпации власти Софьей. По правде говоря,

истинным руководителем всей этой борьбы был не растерявшийся Петр, но князь Борис Алексеевич Голицын, двоюродный брат софьиного фаворита. 13 августа Софья посылает к Троице боярина Ивана Троекурова, чтобы уговорить Петра вернуться в Москву. Но в ответ 14 августа из Троицы послан указ всем стрелецким начальникам прибыть к 18-му в монастырь. Софья велела не выполнять указа, пригрозив ослушникам смертью. Потом она послала к Петру самого патриарха, который там и остался. Между тем 27 августа из Троицы отправлен новый указ стрельцам, и здесь-то начался постепенный переход стрелецких людей к Петру.

Софья прибегает к последнему средству: 29-го сама едет к Троице. Но в 10 верстах от монастыря ее встретил боярин Троекуров и велел ехать обратно, ибо иначе с ней поступят «нечестно». Наварив всю кашу, царевна вернулась восвояси, несолоно хлебавши. Но она в бешенстве, и когда в Кремль прибывает гонец от Петра из Троицы с требованием выдачи Шакловитого, Софья приказывает отрубить голову этому ни в чем не повинному человеку.

Софья отчаянно боролась за власть. Вернувшись в Кремль после неудачной попытки проникнуть в Троицын монастырь, она созывает старых стрельцов, на которых особенно надеялась, видных торговых и посадских людей. Она просит поддержки, жалуется на Петра, на Нарышкиных и на Бориса Голицына. Софья обвиняет их в злых умыслах против нее. Угрозы и обещания наград перемешаны в ее пылких речах с перечислением своих заслуг, в основном мнимых. Любопытно, что царевна больше всего напирала на успехи во внешней политике: «Всем вам ведомо, как я в эти семь лет правительствовала., учинила славный вечный мир с христианским соседним государством, а враги креста Христова от оружия моего в ужасе пребывают». Такими доводами Софья вряд ли могла воодушевить своих сторонников. Все помнили о позорном провале крымских походов.

4 сентября в Троицын монастырь прибыли все служилые иностранные офицеры во главе с генералом Гордоном. Перед этим, конечно, посоветовались с послами и резидентами. Это уже выглядело, как признание Европой царем Петра. 6 сентября стрельцы добились от Софьи выдачи Шакловитого и его сообщников Петру. На дыбе после первых ударов кнута заговорщик признался в замыслах убийства Петра и его сторонников; он выдал всех. Шакловитого и двух его самых близких сообщников осудили на смерть. Как сообщает С. М. Соловьев, Петр, не привыкший еще к жестоким нравам тех суровых времен, не соглашался на казнь, и только сам патриарх смог уговорить его. Когда же некие служилые люди потребовали подвергнуть Шакловитого перед казнью самой жестокой пытке, уже не нужной для дознания, то Петр наотрез отказал им. Софья вскоре была отправлена в Новодевичий монастырь, а ее фаворит князь Василий Голицын — в ссылку. Иностранные дипломаты срочно послали в свои страны донесения, что в Москве отныне царствует Петр. О слабоумном «первом» царе Иване часто забывали упомянуть.

Но для молодого Петра вся эта передеряга не прошла даром. Ведь он еще только формировался как борец, деятель, политик. Л жизнь оборачивалась к нему отнюдь не приятной стороной. Жестокость, злоба, зависть, подлость — вот что обрушилось на юношу, еще так мало знакомого с дворцовым интриганством. Это был урок политической борьбы, когда, преодолевая страх, колебания своей нервной, крайне впечатлительной натуры, необходимо было принимать решения и действовать. Царский венец на его голову возлагали не в торжественной, спокойной, радостной атмосфере, как это было с его предшественниками. Приходилось завоевывать его в беспощадной схватке. Он на всю жизнь запомнил этот суровый урок судьбы и лет через двадцать сказал П. А. Толстому: «Едва ли кто из государей сносил столько бед и напастей, как я. От сестры Софьи был гоним жестоко; она была хитра и зла».

НЕМЕЦКАЯ СЛОБОДА

6 октября 1689 года под звон колоколов бесчисленных церквей Петр торжественно вернулся в Москву во главе огромного кортежа бояр, «потешных» и стрельцов. Толпы народа выражали радость; большинству московских людей правление Софьи явно опротивело. Ожидали, что же предпримет, как будет действовать теперь уже полновластный царь? Правда, был еще старший, Иван. Слабый умом, но не злой и не вредный, он не в свои дела, то есть в управление страной, не вмешивался. Иван остался церемониальным царем и неукоснительно являлся на все церковные и иные церемонии.

С нетерпеливым любопытством также ждали действий Петра иностранные дипломаты в Москве. Голландский резидент Ван Келлер, хотя и называл русских татарами, в целом довольно объективен в своих донесениях и заметках. «Как царь,— писал он,— Петр обладает выдающимся умом и проницательностью, обнаруживая в то же время способности завоевывать преданность к себе. Он отличается большой склонностью к военным делам, и от него ожидают героических деяний, и поэтому предполагают, что настал день, когда татары обретут своего истинного вождя».

Дипломат ошибся только в одном — в том, что день, когда Петр начнет по-новому управлять Россией, уже настал. В испытании сил между Софьей и Петром, длившемся месяц, сам Петр был не руководителем, а скорее символом действий группы во главе с князем Борисом Алексеевичем Голицыным. Этот человек находился около Петра еще в детские его годы и пользовался расположением юного царя. Двоюродный брат Василия Голицына, он оказался в другом лагере. Это тоже был «западник», говоривший по-латыни, сблизившийся с иностранными офицерами и купцами и, несомненно, влиявший в этом деле на Петра. Человек деятельный и умный, он, к несчастью имел чрезмерную слабость к выпивке, хотя в то время это особым пороком не считалось. Но после свержения Софьи вперед выдвинулась другая часть сторонников Петра во главе с Львом Кирилловичем Нарышкиным. Борису Голицыну вменили в вину его попытки смягчить участь своего двоюродного брата. Особенно не могла простить ему такого заступничества мать Петра, Наталья Кирилловна. Поэтому Голицын как был начальником одного из второстепенных приказов — Казанского, так им и остался.

Правительство возглавил брат матери Петра, Лев Кириллович Нарышкин, которому исполнилось только 25 лет. Он стал и начальником Посольского приказа, однако без титула «сберегателя». Человек энергичный, но с умом посредственным, он тоже был изрядным пьяницей. Понятно, как пагубно это сказывалось на его занятиях государственными делами. Что касается дипломатии, то Посольский приказ он возглавлял только формально. Всем здесь заправлял опытный дипломат старого закала, думный дьяк Емельян Игнатьевич Украинцев. Все ответственные посты расхватили родственники Нарышкиных и Лопухиных, из рода которых была первая жена Петра — Евдокия. Словом, правительство формировалось по старинным обычаям, когда должности получали не по заслугам, способностям, не по пригодности к должности, а по родственным связям. Около десятка лет правили Московским государством эти люди, но ни во внешней, ни во внутренней политике ничего выдающегося не сделали. Зато себя не забывали: мздоимство приобрело невиданные размеры.

А как же Петр? Почему он не проявил серьезного интереса к власти? Прежде всего он был еще слишком молод. С. М. Соловьев пишет: «Семнадцатилетний Петр был еще неспособен к управлению государством, он еще доучивался, довоспитывал себя теми средствами, какие сам нашел и какие были по его характеру; у молодого царя на уме были потехи, великий человек объявился после, и тогда только в потехах юноши оказались семена великих дел».

Но молодость Петра — только одна сторона. Он уже тогда понял, что дела Руси идут из рук нон плохо. Как же их исправить, как изменить сложившиеся веками традиции, методы управления? Как стать сильным не только против Софьи, но и по отношению к внешним врагам своей страны? К тому же те, кто казался посильнее Софьи, явно отвергали любые изменения и нововведения. Приходилось пока подчиняться им. Так, но

настоящему матери Петр теперь гораздо аккуратнее участвует в утомительно долгих религиозных, дипломатических и других придворных церемониях. От этого занятия он буквально изнывал. «Петр ни в чем не терпел стеснений и формальностей,— писал В. О. Ключевский. — Этот властительный человек, привыкший чувствовать себя хозяином всегда и всюду, конфузился и терялся среди торжественной обстановки, тяжело дышал, краснел и обливался потом, когда ему приходилось на аудиенции, стоя у престола в парадном царском облачении, в присутствии двора выслушивать высокопарный вздор от представлявшегося посланника».

Нелегко было Петру вырваться из душных дворцовых покоев Кремля на вольное поле воинских упражнений или заниматься постройкой любимых им кораблей! Так, чтобы поехать на Переславское озеро, где он строил свою первую флотилию, Петр объявлял, что едет на «богомолье» к Троице, благо монастырь находился на полпути между Москвой и Переславским озером. Когда в 1690 году у Петра родился сын Алексей, в Грановитой палате был устроен «радостный стол» — обед, на который Петр пригласил весьма уважаемого им генерала Гордона. Против этого неслыханного поступка — приглашения к царскому столу иноземца-католика — яростно выступил патриарх Иоаким. Петру пришлось уступить. Правда, на другой день он устроил в загородном дворце обед специально для Гордона и проявил к нему особую любезность. Патриарх Иоаким ревностно защищал старинные устои Московского государства, не терпел никаких нововведений и особенно осуждал всякое общение с иноземцами, заимствование у них чего бы то ни было. Он очень неодобрительно смотрел на сближение Петра с иностранцами. Видимо, главным образом этими опасениями и было продиктовано завещание патриарха, умершего в марте 1690 года.

Иоаким требовал от государей во имя бога запретить русским людям всякое общение с еретиками-иноверцами, которые говорят на непонятных православным языках и вообще, «подобно скотам», едят траву, именуя ее «салат». Патриарх молил государей не доверять проклятым иноверцам должности высших начальников, ибо в полках они пользы не приносят, а только гнев божий на русское войско навлекают. Напоминал, как во время крымских походов Голицына он просил не назначать еретиков начальниками, но его не послушали, потому и произошла неудача походов. Патриарх писал: «Какая от них православному воинству может быть помощь? Только гнев божий наводят. Когда православные молятся, тогда еретики спят; христиане просят помощи у богородицы и всех святых — еретики над всем этим смеются; христиане постятся — еретики никогда. Начальствуют волки над агнцами! Благодатию божиею в русском царстве людей благочестивых, в ратоборстве искусных, очень много. Опять напоминаю, чтоб... иностранных обычаев и в платье перемен по-иноземски не вводить».

Завещание патриарха Иоакима — своеобразная антипрограмма последующей деятельности Петра. Именно так он к ней и отнесся. Спустя месяц после смерти патриарха вопреки требованию отказаться от иноземных обычаев он заказал для себя немецкое платье: камзол, чулки, башмаки, шпагу на шитой золотом перевязи и парик. Но пока носить это платье самодержец всея Руси осмеливается лишь во время визитов в Немецкую слободу, которую он теперь посещает все чаще и чаще.

Однако, когда надо было выбирать нового патриарха, Петру снова пришлось уступить. Он хотел поддержать псковского митрополита Маркела, человека образованного. Но мать царя под влиянием ревнителей старины склонялась к кандидатуре Адриана, митрополита Казанского. Маркела признали непригодным из-за пользования «варварскими» языками: латинским и французским, из-за излишней учености и слишком короткой бороды... Петр сдался, получив еще раз возможность убедиться в силе тех, кто превыше всего почитал отсталость Руси, ее старомосковские порядки, сохранение которых, как все яснее становилось Петру, было гибельным для страны.

Еще с времен Ивана III, когда русские каменщики не смогли достроить Успенский собор и пришлось звать итальянских мастеров, на Руси начали осознавать свою

отсталость. Иноземные мастера становились необходимыми. Их зазывали в Россию, платили им бешеные деньги, но почти ничего не делали для того, чтобы русские сами овладели мастерством. Мысль о том, чтобы учиться у европейцев, чтобы догнать их и тем обрести независимость, что в этом вопрос будущего России,— такая мысль овладевает всем существом Петра. Она становится не просто сознанием целесообразности, но страстью необычайной силы, охватывающей его бурно развивающуюся натуру. В этом, пожалуй, главное содержание жизни и деятельности Петра в последнее десятилетие XVII века. Случилось это не сразу, не в результате внезапного озарения, но путем постепенного познания того, чем была Россия и что представляла собой Западная Европа. Потребовался большой, сложный, противоречивый процесс осознания великой исторической задачи. В жизни все это часто выглядело непонятно, загадочно, запутанно. Во множестве мелких и больших дел того времени трудно, почти невозможно обнаружить существование какого-то обдуманного плана или программы петровской деятельной жизни. Казалось, все происходит по воле случая. Поступки и решения Петра определяет не только сознание, но часто и интуиция.

Конец правления Софьи пока что дал ему возможность свободнее общаться с иностранцами, находившимися на русской службе. Среди них прежде всего уже упоминавшийся генерал Патрик Гордон, которому было тогда 55 лет. Раньше служил он наемным солдатом в Швеции, Германии, Польше. Гордон участвовал также в двух крымских походах Голицына. В критические дни борьбы Софьи за власть он явился в Троице-Сергиев монастырь и тем уже заслужил доверие Петра. А его знание военного искусства, организации армий разных стран, боевой опыт, пунктуальная исполнительность, хладнокровие — все это сделало Гордона главным наставником Петра в «потешных» военных затеях.

Другим иностранцем, оказавшим огромное влияние на формирование Петра, особенно на его внешнеполитические взгляды, оказался Франц Лефорт. В отличие от Гордона, Лефорт стал не только советником, но и близким, задушевным другом царя. Он также был одним из первых иностранцев, которые перешли на сторону Петра в решающие дни схватки за власть с Софьей. Уроженец Швейцарии, Лефорт служил под знаменами многих иностранных армий, прежде чем приехал через Архангельск в Россию и поступил на службу в русскую армию. С грехом пополам он научился говорить по-русски; писал свои письма Петру на русском языке, но латинскими буквами. Он знал также голландский, немецкий, итальянский, английский и французский языки. Лефорт в свои 35 лет привлекал Петра не столько профессиональными знаниями, образованностью, сколько характером. Живой, остроумный, находчивый, жизнерадостный швейцарец был весьма обаятельным человеком. Сильный и ловкий, он великолепно фехтовал, метко стрелял, а кавалеристом был таким, что даже не боялся сесть на дикую, необъезженную лошадь. Лефорт быстро сделался другом царя и поверенным в его сердечных делах. Это он познакомил Петра с первой красавицей Немецкой слободы Анной Монс, дочерью виноторговца.

В 1691 году другой швейцарец, капитан на русской службе Сенебье писал в письме на родину: «Его царское величество очень Лефорта любит и ценит его выше, чем какого-либо другого иноземца. Его чрезвычайно любит также вся знать и все иностранцы. При дворе только и говорят о его величестве и о Лефорте. Они неразлучны. Его величество часто посещает его и у него обедает. Оба они одинаково высокого роста с той разницей, что его величество немного выше и не так силен, как генерал. Это монарх в 20 лет. Он часто появляется во французском платье, подобно Лефорту. Последний в такой высокой милости у его величества, что имеет при дворе великую силу. Он оказал большие услуги и обладает выдающимися качествами. Пока Москва остается Москвою, не было в ней иностранца, который пользовался бы таким могуществом. Он приобрел бы большое состояние, если бы не был так великодушен. Верно, конечно, что благодаря этому

качеству он достиг такой высокой степени. Его величество делает ему значительные подарки».

Действительно, щедротами Петра прежде скромный дом Лефорта в Немецкой слободе сменил богатый дворец, украшенный зеркалами, картинами, гобеленами, скульптурой, дорогой мебелью. Здесь устраивались наиболее пышные и многолюдные праздники — застолья по какому-либо поводу или вообще без всякого повода. Пили в допетровской Москве много. Народ гнала в кабаки беспросветно горькая жизнь и воля самого государя. В царской грамоте 1659 года строго наказывалось: «Питухов бы с кружечных дворов не отгонять.., искать перед прежним прибыли». Пока мужик не пропьяется до нательного креста, никому, даже законной жене, под страхом порки не дозволялось увести пьяницу домой.

Да и в самом Кремле хмельное лилось рекой. Царь Алексей Михайлович любил подпойть своих бояр. Собственно, любая церемония, даже религиозного характера, завершалась обычно тем, что государь жаловал бояр и других приглашенных водкой или фряжскими (то есть заграничными) винами. Иностранцы, и прежде всего Лефорт — большой мастер выпить, пили не меньше, а главное — гораздо чаще. Поборники московской старины с укоризной говорили, что-де Лефорт спаивает молодого царя. Действительно, с Лефортом Петр пил много. Но именно Лефорт показывал пример, как надо пить и не напиваться, сохраняя разум. Отсюда пошли легенды об особом, «политическом» характере отношения Петра к пьянству. Анри Труайя в книге «Петр Великий», вышедшей в Париже в 1979 году, пишет о петровских застольях: «В большинстве случаев он сохранял ясное сознание, несмотря на большое количество поглощаемого алкоголя. В то время как вокруг него люди расслаблялись, лица гримасничали и языки заплетались, он наблюдал эту сцену острым взглядом и запоминал пьяные признания. Это был способ узнавать тайны окружавших его людей. Таким образом, даже попойки использовались им для государственных интересов».

Такое мнение, довольно часто, впрочем, встречающееся в литературе о Петре, представляется явно идеализированным. Дело обстоит проще. И оно заключалось в том, что отнюдь не все, что заимствовал Петр от европейцев, было полезно для русских. Это прежде всего касалось регулярного употребления спиртного, характерного для нравов «цивилизованной Европы». «Германия зачумлена пьянством», — обличал своих соотечественников знаменитый церковный реформатор Мартин Лютер. «Мои прихожане каждое воскресенье смертельно все пьяны», — тогда же с горечью признавал английский пастор Уильям Кет. Другой англичанин позже так описывал нравы страны пуритан в XVIII веке: «Пьянствовали и стар и млад, притом чем выше был сан, тем больше пил человек. Без меры пили почти все члены королевской семьи... Считалось дурным тоном не напиться во время пиршества... Привычка к вину считалась своего рода символом мужественности во времена, когда крепко зашибал молодой Веллингтон, когда «протестант» герцог Норфолкский, упившись, валялся на улице, так что его принимали за мертвеца, и когда спикер Корнуэлл сидел в палате общин за баррикадой из кружек с портером — председатель достойный своих багроволицых подопечных... В Лондоне насчитывалось 17 тысяч пивных, и над дверью чуть ли не каждого седьмого дома красовалась вывеска, зазывавшая бедняков и гуляк из мира богемы выпить на пенни, напиться на два пенса и проспаться на соломе задаром».

В Немецкой слободе, где жили отнюдь не лучшие выходцы из разных европейских стран, нравы и обычаи оказались такими, что москвичи не зря окрестили ее «Пьяной слободой». Юный царь, которого стремились хорошо принять, то есть хорошо угостить, приобретал пагубные привычки. Несколько позднее английский епископ Бернет расскажет, как, по его наблюдениям, в 1698 году Петр «старался с большими усилиями победить в себе страсть к вину». Но не победил, что и предопределило немало лишнего и досадного в его удивительной жизни...

Справедливости ради надо, однако, признать: Немецкая слобода, куда часто наведывался Петр, притягивала его другим. Здесь он стремился узнать как можно больше о странах Западной Европы. Встречи молодого царя с иностранцами в Немецкой слободе, действительно имели политическое значение, или, иначе говоря, они служили как бы дипломатической школой, где Петр познавал суть тогдашней европейской международной жизни. В разговорах с русскими речь заходила обычно о соседях: поляках, турках, крымских татарах, в крайнем случае — шведах. Но ведь их страны как бы отрезали Россию от Европы, служили тяжелым занавесом, за которым почти невозможно было разглядеть происходящее на сцене большой европейской политики. Иное дело — Немецкая слобода, этот микрокосм Западной Европы. Здесь жили представители фактически всех стран, втянутых в тогдашние войны и конфликты на Западе.

А разобраться в европейской политике того времени было делом далеко не простым. Эпоха «французского преобладания» подходила к концу. Напуганные захватническими войнами Людовика XIV, страны Западной Европы объединились в одну коалицию и вели против Франции войну. Главой коалиции был Вильгельм III Оранский, сначала штатгальтер Голландии, а затем и король Англии. Но коалиция раздиралась противоречиями, поскольку в ней объединились страны, преследовавшие разные, подчас противоречивые цели. Во всяком случае в Немецкой слободе происходили ожесточенные споры; слушая их, Петр извлекал для себя немало полезных сведений для своей будущей дипломатической деятельности. Симпатии Петра были на стороне Вильгельма III Оранского, личностью которого он восхищался в связи с победой англо-голландского флота над французским. Ван Келлер сообщал из Москвы в июне 1692 года: «Этот юный герой часто выражает живое, воодушевляющее его желание присоединиться к кампании под предводительством короля Вильгельма и принять участие в действиях против французов или оказать поддержку предприятиям против них на море».

Это были не столько желания, сколько еще пока юношеские мечты, ибо чем же Петр мог оказать поддержку Вильгельму, да еще на море? В мае 1092 года на Переславском озере был спущен на воду его первый «потешный» корабль... Строительству этой флотилии Петр отдавался с неистовой страстью, пренебрегая даже своими вполне реальными дипломатическими обязанностями. В феврале в Москву прибыл персидский посол и ожидал официального приема двумя государями. Но младший из них, Петр, не хотел отрываться от постройки корабля. Главные члены правительства, Л. К. Нарышкин и князь Б. А. Голицын, вынуждены были выехать в Переславль и долго убеждать Петра в необходимости явиться в Москву для приема посла, который мог обидеться из-за такого пренебрежительного к нему отношения. Петр согласился. Узнав, что посол привез московским царям подарок — живых льва и львицу, он сам первым посетил посла, лишь бы посмотреть диковинных зверей. К дипломатическому протоколу он всегда будет относиться пренебрежительно.

Но реального участия в проведении внешней политики Петр не принимал. Основная причина этого — крепнущее осознание им слабости России, при которой дипломатия не имела прочной опоры. Сначала надо было стать сильным. Отсюда его исключительное рвение к знаменитым «потехам», которыми началась коренная модернизация русской армии и подготовка к созданию флота. Все началось с детских игр в войну, к которым Петр привлекал детей бесчисленной челяди, жившей при дворе. Когда Софья выжила Петра с матерью из Кремля в Преображенское, то просторы для «потех» расширились. Уже вскоре образовались два батальона по 300 человек, которые в начале 90-х годов преобразовали в полки. Почти ежедневно Петр проводил военные учения — экзерциции под руководством иностранных офицеров. Сержанты же были русские. Сам Петр тоже имел сначала чин сержанта. Впоследствии из «потешных» вышли фельдмаршалы Ментиков и Голицын, много генералов. Здесь «потешалось» немало детей из знатных семей, наряду с безродными вроде Менпшкова. Хотя офицерами были

иностранцы, во главе «потешных» Петр поставил русского Автонома Головина. На Язуе построили по всем правилам фортификации настоящую крепость — Пресбург. И оружие применялось вполне настоящее. В октябре 1691 года при штурме Семеновского Петр получил серьезный ожог от близко разорвавшейся гранаты. Подобным образом пострадал генерал Гордон. Это случилось во время первых крупных учебных сражений в районе Преображенского и Семеновского, продолжавшихся несколько дней с участием более 10 тысяч человек. Сражались две «враждебные» армии: во главе первой, состоявшей из потешных и регулярных полков — лефортовского и бутырского, стоял «пруссский король» генералиссимус Фридрих (им был князь Федор Юрьевич Ромодановский). Противник выступал во главе с «польским королем» Иваном Ивановичем Бутурлиным, под началом которого были старые стрелецкие полки. Им обычно отводилась роль побежденных, что, впрочем, объяснялось не только затаенной неприязнью Петра к стрельцам, но и слабой их военной подготовкой. В боях тогда уже отличился ротмистр Петр Алексеев, взявший в плен «неприятельского» полковника. Ныли убитые и раненые. Так, от ран скончался князь Иван Долгорукий.

Генерал Гордон называл все это «военным балетом». Но, видимо, он просто недооценил затею Петра. Характерно, что бои велись между прусским и польским «королями». Тем самым солдатам как бы давали понять, что они должны быть на уровне европейских армий. Царь трудился и подвергал себя опасностям наравне со всеми, этим он снискал любовь и преданность преображенцев и семеновцев. Но создание двух полков, как бы хороши они ни были и как ни важен был приобретенный при этом опыт, само по себе еще ничего не решало. К тому же требовались не только солдаты, воспитать которых удавалось сравнительно быстро и легко. Где взять офицеров и генералов для будущей армии и тем более флота? Требовался эффективный аппарат государства; нужны ближайшие помощники, способные действовать активно, самостоятельно и со знанием дела. Сначала Петр потянулся к иностранцам — Лефорту, Гордону и ко многим другим. Они были наиболее подготовлены для предстоящих Петру дел. А уж особенно они годились для дипломатии, поскольку знание языков и европейской жизни давало им огромное преимущество. Но иноземцы — люди наемные. Правда, двух названных Петр, убедившись в их преданности, считал совсем своими. Но это были счастливые для России исключения.

Петр искренне полюбил их. Будучи глубоко русским человеком, он несколько не страдал ксенофобией. Забегая вперед, расскажем, что, когда в 1699 году генерал Патрик Гордон (в России его звали Петр Иванович), тяжело заболел, царь ежедневно навещал больного. А когда тот умер, то Петр сам закрыл глаза мертвому соратнику и поцеловал его в лоб. Вспоминая боевые заслуги генерала в момент его погребения и бросив горсть земли на опущенный в могилу гроб, он горестно произнес: «Я даю ему только горсть земли, а он мне дал целое пространство».

С еще большей печалью он простался с умершим в том же году Лефортом. Он шел за гробом, обливаясь слезами. А когда некоторые из старых бояр хотели потихоньку улизнуть с поминок по иноземцу, то Петр, вернув их, гневно воскликнул: «Какие ненавистники! Верность Франца Яковлевича пребудет в сердце моем, доколе я жив, и по смерти понесу ее с собой в могилу!»

Были обрусевшие иностранцы вроде Андрея Андреевича Виниуса, родившегося в России, православного, сына выходца из Голландии. Но таких можно было пересчитать по пальцам.

Вообще нелепо было и думать о преобразовании России с помощью одних только иностранцев. Ведь речь шла не о колонизации, а о возрождении величия извечной Руси. Соратников предстояло найти и воспитать. И они должны были быть русскими, ибо в противном случае народ России совсем не понял бы смысла деятельности преобразователя.

Петр берет помощников отовсюду, без разбора рода, чина и звания. Их надо было многому научить, воспитать, но не только суровостью и строгостью, ведь нужны были люди, которые служили бы не за страх, а за совесть. Петр научился быть снисходительным, хотя это и не в его характере. Учить и вдохновлять требовалось прежде всего личным примером беззаветного и неустанного труда. Дух раболепия, покорности, насаждавшийся ревнителями старины, надо было заменить самостоятельностью, смелостью и инициативой. Петр хотел иметь не слуг, а друзей и товарищей. Вот откуда пошла его знаменитая «компания».

В октябре 1691 года царем был затребован церковный устав. Оказывается, Петр сочинил свой устав «сумасброднейшего, всешутейшего и всепьянейшего собора». В нем были строго и подробно сформулированы процедуры избрания и назначения чинов шутовской иерархии. Первейшей заповедью собора было каждодневное пьянство, дабы спать трезвым не ложиться. Если в настоящей церкви спрашивали: «Веруешь ли?», то в новом соборе принимаемому члену надавали вопрос: «Пиешь ли?» Непьющих беспощадно отлучали от всех кабаков и предавали анафеме.

Конечно, это вовсе не означало, что всешутейший собор строго по букве его устава действовал непрерывно. Он был всего лишь сатирической литературной карикатурой на устав церковный. Собор устраивал свои шумные сборища линии, от случая к случаю, особенно по праздникам. Примером может служить его «деятельность» на святки — церковный праздник, продолжавшийся много дней. Петр не мог терпеть это узаконенное и освященное церковью безделье, сопровождавшееся всеобщим пьянством, когда все «увольнялись как от должностей, так и от работ». Именно на святки Петр и созывал собор, который ездил по домам самых знатных и богатых бояр славить бога. При этом хозяин, конечно, угощал славельщиков, то есть Петра и его «компанию», а они обязательно требовали, чтобы боярин и сам выпил непомерную дозу водки, приговаривая, чтоб «все допивали; ибо так делали отцы и деды ваши, а старые де обычаи вить лучше новых». Нот так Петр, искореняя старые вредные традиции, как бы вышибал клин клином.

Во главе конклава собора из 12 кардиналов был поставлен 1 января 1692 года князь-папа «святейший кир Ианикита, архиепископ Пресбурхский и всея Яузы и всего Кукуя патриарх», которым оказался бывший учитель Петра Никита Моисеевич Зотов, вполне подходивший по своим наклонностям для занятия высокого поста. Что касается Петра, то он удостоился лишь скромного звания протодьякона собора.

Это была злейшая пародия на всю церковную иерархию. По тем временам — святотатство необыкновенное. Иностранцы видели во всей этой затее определенную политическую направленность. И в этом есть доля истины, хотя многое надо отнести на счет едкого и грубого юмора царя, а также его стремления сплотить «компанию». Трудно сказать определенно, какой смысл вкладывал Петр в создание такого особого института шутовства в церковном оформлении. То, что православные иереи — почти сплошь пьяницы, ни для кого не секрет. В одном из документов того времени рассказывается, как пьяный священник хотел благословить полк стрельцов, отправлявшихся в поход, но когда, подняв руку, наклонился вперед, голова у него отяжелела, и он упал в грязь. Стрельцы подняли его, и он все-таки благословил их грязными перстами. Такие эпизоды происходили повседневно. Издавались указы, чтобы духовные лица не посещали питейных заведений. Церковные соборы XVII века принимали строгие решения против пьянства священников и монахов, срамивших церковь. Но тщетно. Теперь и Петр взялся за приведение служителей бога в божеский вид. Устав петровского всешутейшего собора, связывая воедино священство и пьянство, бил не в бровь, а в глаз.

Петр был верующим человеком, хотя, конечно, не таким, как его отец Алексей Михайлович. Но он глубоко презирал духовенство за невежество, за его враждебность к преобразованию России, и особенно за паразитизм черного монастырского священства. Признавая нравственную и государственную ценность религии, он все же не любил церковь, иерархи которой, впрочем, за немногими исключениями, отвечали ему

взаимностью. Во времена большого значения религиозного фактора в международных отношениях подобная позиция имела свои положительные моменты, облегчая контакты с иностранцами, как с католиками, так и с протестантами разных направлений, возглавлявшими те или иные государства. Словом, в дипломатии Петр выступает, в отличие от своих предшественников, в более светском облике политика, независимого от церкви и веротерпимого.

Петр встал на путь духовной секуляризации быта русских людей, который во всех мелочах определялся церковным уставом. После смутного времени новая мирская, светская культура начинает вытеснять религиозное влияние. В испуге церковь обрушивает яростные гонения прежде всего против развлечений, смеха, веселья. Возобновляются жестокие преследования скоморохов. «Оцерковление» всей жизни православного подразумевало не только соблюдение постов, посещение служб, долгие молитвы и т. п.; человек должен был как можно меньше думать о мирском и предаваться лишь благочестивой подготовке к «истинной», «загробной» жизни. Особенно преследовался смех. В нем видели нечто бесовское, сатанинское. Ведь не случайно на иконах никто и никогда не изображен смеющимся. Знаменитый поборник церковной старины протопоп Аввакум требовал благочестивой жизни с бесчисленными «молитвами, поклонцами и слезами». Своим всешутейшим собором Петр начинает реабилитацию смеха и «реформу веселья», которая должна была освободить людей от духовного теократического ига и обратить их помыслы и силы к мирским заботам этого, а не того света. Так практически начиналась европеизация страны.

Возвращаясь к «компани» Петра, нельзя не сказать о тех взаимоотношениях, которые он в ней установил. Поскольку в то время в сознании господствовала монархическая идея, главой компании был потешный король, князь-кесарь Ф. Ю. Ромодановский. К нему положено было обращаться с соблюдением всех почестей. Остальные, включая самого Петра, были его подданными. Петр допускал обращение к нему членов «компани» не как к царю, но лишь в соответствии с его скромным еще воинским званием (капитан, шкипер и т. п.). Впрочем, в «компани» предпочитали обходиться и без чинов.

Однажды Петр специально упрекнул Апраксина за обращение к нему с царским титулом, «чего не люблю, а ты должен знать, как писать, ведь ты нашей компании». Эта «компани» служила ему для изучения и подбора ближайших помощников. Ведь в основе петровской реформы — прежде всего принципиально новые методы управления, переход от слепого повиновения к сознательному исполнению замыслов преобразователя. Петр нуждался в том, чтобы не только убедить в их правильности, но и получить откровенный совет. В. О. Ключевский писал: «Особенно любил Петр высказывать свои взгляды и руководящие идеи в откровенной беседе с приближенными, в компании своих «друзей», как он называл их. Ближайшие исполнители должны были знать прежде и лучше других, с каким распорядителем имеют дело и чего он от них ждет и требует. То была столь памятная в нашей истории компания сотрудников, которых подобрал себе преобразователь,— довольно пестрое общество, в состав которого входили и русские, и иноземцы, люди знатные и худородные, даже безродные, очень умные и даровитые и самые обыкновенные, но преданные и исполнительные».

Но при чем же в столь серьезном деле такая курьезная, даже дикая форма всешутейшего и всепьянейшего собора? Ответ на этот вопрос — в условиях, нравах, традициях того времени. Петр, как это подчеркивали и К. Маркс, и В. И. Ленин, вел борьбу с варварством варварскими средствами. К тому же и в цивилизованной Европе в то время среди верхов общества распространены были подобные шутовские общества. Английские аристократы тоже устраивали маскарадные клубы. При короле Вильгельме, которого так уважал Петр, существовал кощунственный клуб безбожников. Всешутейший собор являлся, таким образом, одной из форм европеизации. Да и в самой Руси была подобная традиция. Предтечей петровского собора служила, например, пресловутая

«Служба кабаку», имитация одной из православных молитв, представлявшая собой своеобразное издевательство над верой и церковью...

В конце ноября 1692 года совершенно неожиданно молодой царь тяжело заболел и болел долго, больше месяца. Шведский резидент Кохен сообщал, что некоторые близкие друзья Петра уже заготовили на всякий случай лошадей, чтобы бежать из Москвы, если в Кремль вернется Софья. Однако страхи оказались напрасными: на рождество, то есть в конце декабря, царь уже был здоров. В молодости здоровье у Петра было богатырское. Тем не менее многие, особенно иностранцы, писали и пишут о его недугах, о том, что лицо его внезапно искажалось конвульсиями, что заметно дрожала у него голова и порой Петра охватывали приступы бешенства. Действительно, такое с царем иногда случалось. Объяснения этому давались самые различные. Одни полагали, что это результат болезни, о которой только что было сказано, другие связывали это с ужасными потрясениями, вызванными кровавыми событиями 1682 и 1689 годов. В Немецкой слободе ходили слухи, что болезнь царя вызвана действием яда, которым по тайному повелению Софьи пытались отравить молодого царя. Наконец, вспоминали и о дурной наследственности мужского потомства царя Алексея Михайловича. Его сыновья либо сразу умирали в младенчестве, либо были болезненными, как Федор и Иван, прожившие так недолго. Высказывается также предположение, что конвульсии и дрожь могли быть результатом сильного удара по голове. Но никаких сведений о таком факте не сохранилось. Правда, однажды вблизи Петра взорвалась граната, сильно опалившая ему лицо. Лишь спустя три недели он оправился от ожога. Как бы то ни было, есть основания считать, что все это не слитком мешало деятельности царя и оставалось его, так сказать, особой приметой, по которой Петра узнавали за границей, когда он ездил туда инкогнито.

Шел 1693 год. Жизнь Петра продолжалась своим чередом: официальные обязанности, «марсовы потехи», вечера в Немецкой слободе с долгими застольными беседами. Эти беседы не могли не укоренить в сознании Петра мысль, проходившую красной нитью в высказываниях его собеседников: могущественны те государства, которые омываются морями. Морской корабль — главное чудо, высшее достижение тогдашней науки и техники, символ мощи и прогресса. Когда речь заходила о морских сражениях, то Петр не мог не ощущать чувства неполноценности: он вообще никогда не видел моря!

Царь уже успел получить согласие матери на поездку в Архангельск — единственные тогда морские ворота России, открывавшие на несколько месяцев в году путь в Европу. В мае он три недели проводит на Переславском озере, плавает на судах своей флотилии, которая кажется ему теперь такой смешной и ненужной. Три дня продолжается прощальный пир у Лефорта, завершившийся пушечной пальбой и красочным фейерверком — очередным нововведением Петра, к которым Москва начинала привыкать. 4 июля Петр, Лефорт, Ромодановский, Бутурлин, Апраксин и многие другие близкие ему люди едут в сопровождении отряда стрельцов в Вологду. Отсюда путешественники двинулись дальше речным путем. А 30 июля царскую флотилию пушечным салютом встречает Архангельск. Сначала на 12-пушечной яхте собирались посетить монастырь на Соловецких островах. Но, когда Петр увидел несколько нагруженных товарами английских и голландских кораблей, он захотел обязательно проводить их и вышел в море. Данное матери обещание не делать этого было немедленно забыто. Шесть дней продолжалось первое плаванье Петра, оставившее у него неизгладимое впечатление. Узнав, что должны прибыть новые иностранные корабли, царь откладывает возвращение, лишь бы дожидаться их прихода. С волнением рассматривает он невиданную им прежде картину морского порта, куда летом приходило до 100 кораблей из разных европейских стран. Разгрузка иностранных товаров, погрузка русских, шумная суэта, разноязыкая речь, встречи и беседы с матросами и капитанами — на все это молодой царь взирает с крайним любопытством. Решено приобрести еще два корабля.

Один из них заложили на верфи в Соломбале (остров, ныне часть Архангельска), другой поручено купить в Голландии. Только в октябре Петр вернулся в Москву.

Сильным ударом для Петра была кончина матери Натальи Кирилловны, последовавшая 25 января 1694 года. Человек крайне чувствительный, он тяжело переживал эту смерть. Но теперь кое-что в жизни Петра меняется: 8 апреля он последний раз участвует в очередной старинной кремлевской церемонии по случаю пасхи. Он и раньше делал это из уважения к воле матери. Отныне Петр окончательно отказывается от величественного древнего ритуала, отнимавшего так много времени и создававшего лишь иллюзию могущества и величия Московского государства.

Всю зиму идет подготовка к новой поездке в Архангельск, намеченной на следующее лето. Именно для этого Петр и оставил там воеводой будущего флотоводца Ф. М. Апраксина. Он часто писал ему подробные и детальнейшие наставления, причем как бы передавая распоряжения князя-кесаря Ф. Ю. Ромодановского. В одном из писем — характерное проявление юмора Петра насчет своего потешного суверена: «он, государь, человек зело смелый к войне, а паче к водному пути». В действительности Ромодановский, мягко говоря, воинской доблестью не отличался и моря не любил, хотя во время второго путешествия в Архангельск и фигурировал в качестве адмирала.

В это путешествие Петр отправился из Москвы 1 мая 1694 года. Его сопровождало уже не 100, а более 300 человек. Достигнув Вологды на лошадях по суше, отправились затем по рекам на 22 баркасах. По пути делали иногда остановки. Так, когда флот пришел в Устюг Великий, его встретил местный воевода П. А. Толстой — будущий знаменитый петровский дипломат, устроив богатый ужин для гостей. Он служил воеводой в этом северном городке потому, что был замешан в мятеже 1682 года на стороне Софьи. Возможно, встреча с Петром послужила поводом к его возвращению в Москву. 18 мая прибыли в Архангельск, а уже 20 мая состоялся торжественный спуск на воду первого корабля, заложенного Петром в прошлом году. Затем Петр отправляется на Соловецкие острова посетить монастырь. По пути яхта «Святой Петр» попала в сильный шторм. Впервые Петр воочию увидел страшную мощь морской стихии. Вернувшись в Архангельск, он ждет корабль, заказанный в Голландии, который достиг Архангельска 21 июля, пробыв в пути пять недель и четыре дня. Капитаном этого корабля, названного «Святое пророчество», назначили уроженца самого сухопутного государства — швейцарца Франца Лефорта, а Петр получил скромную должность шкипера. На корабле впервые подняли русский флаг, состоявший из трех горизонтальных полос: красной, синей и белой, — вариация флага Голландии, на котором Петр и поменял местами синюю и белую полосы. Таким флаг России оставался до 1917 года.

Затем три русских корабля пошли в морской поход, сопровождая уходившие на родину голландские и английские суда. В литературе этот поход, продолжавшийся неделю, часто именуется выходом в Ледовитый океан. В действительности первые русские корабли лишь прошли горло Белого моря и, огибая Кольский полуостров, дошли до мыса Святой нос в Баренцевом море. Это примерно 250 — 300 морских миль от Архангельска. Однако плавание в северных водах — даже сейчас дело нелегкое. Тогда же при отсутствии современной навигационной техники, лоций, ориентиров па берегу и т. п., а также в связи с неопытностью русских флотоводцев было очень опасно. Корабли то и дело садились на мель, теряли ориентировку. Но Петр был в восторге и навсегда полюбил море. Поэтому путешествие в Архангельск, конечно, не просто очередное потешное мероприятие. Петру предстояло принять историческое решение о создании русского морского флота. Ему необходимо было понять и ощутить, что же это такое — морское плавание.

5 сентября 1694 года Петр вернулся в Москву, где уже кипела работа по устройству нового, небывалого по размерам потешного сражения. На берегах Москва-реки, между селами Коломенское и Кожухово, в течение трех педель шли ожесточенные «бои» между «польским королем» Бутурлиным, в распоряжении которого находились старые

стрелецкие полки, и князем-кесарем генералиссимусом Ромодановским, возглавлявшим Семеновский, Преображенский и другие полки нового строя. В их числе находился бомбардир Петр Алексеев. Как обычно, «побежденными» оказались стрельцы. На этот раз в учениях участвовало больше 20 тысяч человек. И хотя употреблялись деревянные штыки с тупыми концами, пороха не жалели. 24 человека были убиты, 50 — ранены. Это была последняя потешная экзерциция, которая вошла в историю под названием Кожуховского похода. «Когда осенью,— писал Петр,— трудились мы под Кожуховом в марсовой потехе, ничего более, кроме игры, на уме не было; однако же эта игра стала предвестником настоящего дела».

Пора приниматься за настоящее дело. Прошло уже пять лет после устранения Софьи, пять лет власти Петра. А он эти годы занимался лишь «потехами» да общением с иностранцами Немецкой слободы. Конечно, нельзя считать все это потерянным временем. Петр учился, мужал, становился военным и морским специалистом на уровне не ниже иностранных, служивших в России. Главное — он искал пути и средства для усиления независимости и могущества России, растущее отставание от Запада которой он понимал все отчетливее.

Понятно также доверие молодого царя к Л. К. Нарышкину, возглавлявшему правительство, ведь Лев Кириллович был братом его матери, также не в меру доверявшей ему. Положение стало меняться после ее кончины. Петру уже 22 года. Царь Федор в этом возрасте закончил свое царствование. А Петр жил как бы в другом мире, все более удаленном от Кремля, его нравов, обычаев и его политики. Политика же эта как во внутренних, так и во внешних делах являла собой безотрадную картину. Неразбериха и небрежность в сочетании с казнокрадством и бездельем отличали правление Нарышкина. Некоторые из бояр, присоединившихся к Петру в 1689 году, теперь сожалели о времени правления Софьи. У нее, конечно, было немало пороков, но она хоть как-то управляла. Роптал и народ: на уме у царя одни потехи, связался с немцами, делами не занимается...

АЗОВСКИЕ ПОХОДЫ

Однако именно в это время уже прорастали «семена великих дел». Армия, флот и море вот что нужно России не только для укрепления международного положения, но и для упрочения ее как независимой державы. Общение с иноземцами вопреки мнению приверженцев старины было для Петра средством решения истинно патриотических, национальных задач России. Генерал Гордон передавал ему профессиональные военные знания. Франц Лефорт расширял его кругозор, заражал оптимизмом. Не зря князь Куракин называл Лефорта за веселый и беспокойный нрав «дебошаном французским». Любопытно, что, судя по письмам этого швейцарца, он искренне был озабочен судьбами России, а главное — он понял и оценил, какой богатой, необыкновенной натурой, каким талантливым был его молодой царственный русский друг.

Из писем Лефорта известно, что еще в Архангельске друзья много говорили на тему о необходимости выхода России к морю. Архангельск, путь к которому был свободен от льдов лишь несколько месяцев в году и от которого до европейских портов надо было идти долгим, очень опасным путем вокруг Скандинавии, мог иметь только второстепенное значение и проблемы не решал, хотя держать здесь порт и флот тоже требовалось. Заходила речь о Каспийском море, ведь Россия владела Астраханью в устье Волги. Но Каспийское море — это, в сущности, большое озеро, не связанное с Мировым океаном. Другое дело — Черное море, которое, кстати, в древности называлось Русским.

Позднее Петр рассказывал, что в юности, читая летопись Нестора, он узнал, как князь Олег ходил па Царьград, то есть на Константинополь, оказавшийся затем под властью турок. С тех пор возникла у него мечта повторить подвиг Олега, «отомстить туркам и татарам за все обиды, которые они нанесли Руси».

Поход в южном направлении предопределил и внешнеполитические обстоятельства. После падения Софьи русская дипломатия, направляемая Нарышкиным и Ураицевым, не отличалась особой активностью. Правда, она стала несколько практичнее и реалистичнее. Затеяв крымские походы по условиям «вечного мира», Софья провозгласила явно недостижимые цели. Она требовала от Турции, чтобы России был возвращен Крым, его татарское население выслано в Турцию, а русские пленные, находившиеся там, без выкупа возвращены в Россию, и т. п. Османская империя должна была также передать России крепости Очаков в устье Днепра и Азов в устье Дона. Подобные требования уместны были бы лишь в случае сокрушительного военного разгрома противника. Однако этого нельзя было сказать о результатах крымских походов В. Голицына.

После свержения Софьи Москва снизила тон. Она предлагала лишь обмен пленными, прекращение выплаты ежегодной московской дани крымскому хану, требовала запрещения набегов крымских татар на русские владения и права свободной торговли с Крымом и Турцией. Но Крым с одобрения султана не хотел и слышать об установлении мира на этих условиях. Поэтому между Москвой и Крымом сохранялось состояние войны. Причем активность проявляла крымская сторона. Так, в 1692 году 12 тысяч татар напали на Немиров, сожгли город и увели две тысячи пленников для продажи в рабство. Через год число пленников достигло уже 12 тысяч. Каждое лето Москва из-за своей слабости терпела все это.

В те годы русская дипломатия в основном занималась малороссийскими, то есть украинскими, делами. Переяславское решение 1654 года о воссоединении Украины с Россией предоставляло украинским гетманам право самостоятельных дипломатических сношений с другими странами. Многие из них не только пользовались этим правом, но и злоупотребляли им и отнюдь не в интересах Москвы. Преемник Богдана Хмельницкого гетман Выговский объединился со шведским, а затем и польским, королем Карлом X и в 1659 году уничтожил под Конотопом войско царя Алексея Михайловича. Сын Богдана Хмельницкого Юрий вообще ушел к туркам и помог им захватить южную часть Украины. Гетман Дорошенко в 1666 году передал Правобережную Украину под власть султана. О Самойловиче уже говорилось в связи с поджогом степи в первом крымском походе, после которого Голицын провел избрание гетмана Мазепы. Вот с ним-то и пришлось иметь дело Л. К. Нарышкину, а затем Петру.

Как раз в решающие дни борьбы Софьи с Петром, 10 августа 1689 года, Мазепа приехал в Москву. Сначала в Кремле он высокопарно превозносил воинские доблести В. Голицына. Однако, быстро разнюхав суть дела, через несколько дней явился к Троице и стал жаловаться, что-де Васька Голицын вымогал у него много денег; за это Мазепа и получил компенсацию из конфискованных владений бывшего «оберегателя». В Москве понимали, что Мазепа — ставленник павшего князя, но сохранили его на посту гетмана, задабривая подарками. Мазепа между тем уже тогда вел двойную игру. Польские магнаты, «союзники» Москвы по «вечному миру», не прекращали интриг для захвата Левобережной Украины с помощью Мазепы. Особенно активно они действовали в отношении православного населения на Правобережье, где его насильственно обращали в католичество или в унию, то есть подчиняли католической иерархии русскую церковь, оставляя все же обряд православным. По этому поводу Посольский приказ вел нескончаемые переговоры-споры с польскими резидентами.

Одновременно Австрия и особенно Польша непрерывно требовали, чтобы Москва продолжала военные действия против Крыма, отвлекая на себя турецкие силы. Войны требовало и греческое православное духовенство, крайне задетое тем, что турки передали Святые места в Иерусалиме (Голгофу, Вифлеемскую церковь, Святую пещеру и т. п.), ранее контролируемые греками, французам-католикам. Иерусалимский патриарх Досифей писал в Москву: «Татары — горсть людей и хвалятся, что берут у вас дань, а так как татары — подданные турецкие, то выходит, что и вы турецкие подданные».

Действительно, турки демонстративно третировали Москву. Когда на престол вступил новый султан Ахмед II, то всем европейским дворам было послано торжественное уведомление об этом. Кремль же игнорировали.

Другие соображения тоже побуждали царя действовать. Кожуховский поход помог ему в какой-то мере избавиться от комплекса неполноценности в отношении военной силы России. Он решил, что его новую армию пора испытать в настоящей войне. Надо было показать, что «потехами» занимались не зря. Кроме того, у Петра появилась еще одна причина для войны. Лефорту давно уже убеждал царя посетить наиболее развитые страны Западной Европы, чтобы познакомиться с их достижениями и путем сравнения реально оценить положение своего государства. Однако Петру хотелось явиться в Европу в лаврах победителя, чтобы иметь дело с западными суверенами, как равному с равным.

В конце 1694 года Петр в многочисленных беседах с близкими людьми постоянно обсуждает идею похода против крымских татар. 20 января 1695 года служилым людям официально приказали собираться под началом боярина Б. П. Шереметева в поход на Крым. Традиционное крымское направление похода слупило лишь прикрытием для подготовки и нанесения удара по самим туркам, вернее по их крепости в устье Дона — Азову. По-турецки она называлась Саад-уль-Ислам, что означает Оплот Ислама. Вот это-то «оплот» и решил сокрушить Петр.

Войско Б. П. Шереметева численностью 120 тысяч человек двинулось к низовьям Днепра, к Крыму. В то же время другое отборное войско в 31 тысячу человек, где в звании бомбардира Преображенского полка под именем Петра Алексеева находило сам царь, направилось по иному пути. Турки все же узнали о надвигавшейся опасности и усилили гарнизон крепости с трех до семи тысяч человек. Первой серьезной ошибкой Петра, затруднившей осаду крепости, стало разделение войска на три самостоятельные части во главе с Головиным, Лефортом и Гордоном. Таким образом, русская армия под Азовом не имела общего командования. К тому же буквально на глазах у русских к крепости подходили турецкие галеры и доставляли припасы, подкрепления. Петр не предусмотрел предотвращения этой возможности. Три генерала спорили и соперничали между собой, а «бомбардир» Петр действовал слишком уж нетерпеливо. Все это смахивало на прежние «потешные» осады крепости Пресбург на Язуе. Азов же считался по тем временам мощнейшей крепостью.

Почти три месяца продолжалась осада. Два штурма, предпринятые по настоянию Петра, обнаружили несогласованность в действиях осаждавших. Подкопы и закладываемые в них мины при взрывах наносили больше ущерба русским, чем туркам. В довершение всего к ним перебежал изменник, голландский матрос Янсен, который, как пишет один историк, «выдал врагу тайны русской стратегии». Он рассказал, что русские после обеда имеют обыкновение спать. В один из таких моментов турки совершили успешную вылазку: перебили сотни сонных солдат, захватили или испортили много пушек.

В начале осады Петр был настроен оптимистично. В своих письмах в Москву он писал, что «врата к Азову счастливо отворились», что «марсовым плугом все испаханно и посеяно». Однако всходы оказались довольно чахлыми. Захватили две «каланчи» — башни, стоявшие выше по течению Дона на его берегах и цепями преграждавшие подход к крепости. В числе трофеев оказалось одно знамя, одна пушка и один пленный турок...

27 сентября 1695 года решили осаду прекратить и возвращаться домой. По пути, испытывая стужу, непогоду, голод, нападения татарской конницы, потеряли еще немало людей. Потерь оказалось не меньше, чем и свое время у И. Голицына. Но и целом результаты, конечно, были все же приличнее. П. П. Шереметев на Днепре захватил четыре турецких опорных пункта: два разгромил и в двух оставил русские гарнизоны. И все же триумфальное возвращение Петра в Москву оказалось торжеством, вызвавшим неблагоприятные толки в народе, не говоря уже о донесениях иностранных резидентов.

Итак, первое самостоятельное дело молодого Петра окончилось неудачей. Однако именно в этот момент и проявляется сила характера Петра. Он не впал в уныние, не опустил руки. Напротив, царь разворачивает необычайно энергичную деятельность, чтобы исправить ошибки. Он проявил редчайшую для монархов с неограниченной властью способность учиться на ошибках, поражениях и извлекать из них уроки. Как пишет С. М. Соловьев, «благодаря этой неудаче и произошло явление великого человека. Петр не упал духом, но вдруг вырос от беды и обнаружил изумительную деятельность, чтобы загладить неудачу, упрочить успех второго похода. С неудачи азовской начинается царствование Петра Великого».

Еще в ходе возвращения «от невзятия Азова» (горько-ироническое выражение самого Петра) начинается подготовка к новому походу. В письме к главе дипломатического ведомства Л. К. Нарышкину от 8 октября из Черкаска царь дает указание о вызове из Австрии специалистов по взятию крепостей. Такая же просьба направляется и в Пруссию. (Петр заранее принимает меры, чтобы при новой попытке взятия Азова не сказалось пагубно отсутствие инженеров, способных руководить работами по взрыву вражеских укреплений. Во время первого похода и осады Азова Петр внимательно следил за международной ситуацией в Европе. А Виниус в своих письмах регулярно информирует его, как проходят завершающие этапы войны Аугсбургской лиги во главе с Вильгельмом III против Франции, о военных действиях Австрии, Польши, Венеции против Турции. Хотя существование Священной лиги (Австрия, Польша, Венеция, Россия) формально продолжалось, после первого Азовского похода в Вену 24 декабря был направлен посланник К. Н. Нефимонов для переговоров с императором о заключении наступательного союза против Турции в форме письменного договора. Но главное — ему поручалось добиться скорейшей присылки специалистов по организации взрывных осадных работ.

В декабре единственным командующим нового похода на Азов был назначен боярин А. С. Шеин, а помощником к этому не очень-то опытному воеводе приставили генерала Гордона. Тогда же получил назначение командовать еще не существовавшим флотом адмирал Ф. Лефорт.

Создание этого флота становится главной задачей Петра. В Воронеже, а также в других местах небывало интенсивными темпами развернулось строительство кораблей. Отовсюду к Петру направлялись иноземные специалисты-кораблестроители. Из разных мест согнали на работу более 27 тысяч человек. Сам Петр сразу после похорон брата — царя Ивана, умершего 29 января 1696 г., отправляется в Воронеж. Здесь он всех заражает своей бешеной энергией и работает сам с топором в руках. «В поте лица своего едим хлеб свой», — пишет он из Воронежа. В апреле начали спускать на воду военные корабли. Новый флот включал два больших корабля, 23 галеры и четыре брандера. Из Преображенского, где шло формирование войск, прибывали подкрепления. Зачислялись даже крепостные, получавшие таким образом без ведома их хозяев свободу. Как видно, у Петра бывали моменты, когда ради интересов государства он пренебрегал самыми «священными» устоями тогдашнего социального строя России, в данном случае — крепостным правом! Всего под командованием Шеина к Азову шло около 70 тысяч человек. Другая армия боярина Б. П. Шереметева вместе с украинскими казаками, как в прошлом году, отправилась в низовья Днепра. К сожалению, основную часть того и другого войска составляли стрельцы. Н. Устрялов, автор многотомной «Истории царствования Петра Великого», пишет в связи с участием стрельцов в Азовских походах: «Петр не был доволен их службою, в особенности при первой осаде Азова, и не раз изъявлял им гнев за малодушное бегство из траншей во время вылазок неприятеля». Генерал Гордон в своих записках неоднократно жаловался на лень, беспечность и строптивость стрельцов, которые в решительные минуты не торопились идти на приступ вместе с другими солдатами. Но пока Петру приходилось пользоваться старомосковским войском.

Еще 23 апреля, погрузившись на струги, войска пустились в путь. 3 мая пошел новорожденный военный флот. Впереди плыла галера «Принсипиум» под командованием капитана Петра Алексеева, то есть царя, который строил эту галеру своими руками.

16 июня началась вторая осада крепости. Пушки открыли огонь по Азову. Сначала обстрел оказался недостаточно эффективным. Но когда к осаждавшим прибыли, наконец, посланные цесарем иностранные артиллерийские инженеры, дело пошло на лад. 16 июля удалось разрушить важную часть крепостных сооружений Азова. Войскам было приказано готовиться к штурму...

Петр очень жалел, что иноземные специалисты прибыли так поздно. Их задержка оказалась плодом дипломатической осторожности думного дьяка Емельяна Украинцева, заправлявшего Посольским приказом. Боясь утечки информации, он считал опасным осведомлять русского посланника в Вене о военных планах. Раздраженный Петр 15 июля в письме к Виниусу возмущался Украинцевым. Посланнику доверены государственные тайны, а то, что всем известно, от него скрывают! В своем ли дьяк уме? Царь приказал Украинцеву подробно информировать посланников в направляемых им директивах: «А чего он не допишет на бумаге, то я допишу ему на спине». Таков иногда был стиль дипломатических инструкций Петра.

Однако решающие для исхода операции события разыгрались на воде. 14 июня с моря на помощь к Азову пришел турецкий флот из 23 кораблей, на которых находились четыре тысячи человек подкрепления для гарнизона, боеприпасы и продовольствие. С изумлением турки увидели стоявший в устье Дона русский галерный флот и остановились. Заметив, что русские корабли начинают сниматься с якорей, турки подняли паруса и ушли в море.

Без подкреплений гарнизон крепости не выдержал осады и 18 июля объявил о капитуляции. Среди прочих трофеев оказалось 136 пушек и прошлогодний изменник Янсен. Поскольку возле самой крепости было слишком мелко для крупных судов, Петр отправился в море и нашел неподалеку удобную гавань, где и был основан город Таганрог.

30 сентября 1696 года в Москве происходило триумфальное чествование победителей. Такого столица не видывала еще никогда. Шествие продолжалось с утра до вечера, войска растянулись па пути от Симонова монастыря до села Преображенское, проходя через всю Москву и Кремль. Москвичи рты разевали от восхищения, удивления и недоумения. Чего стоила одна лишь гигантская, пестро разукрашенная Триумфальная арка! Вряд ли могли быть понятными простому человеку украшавшие ее фигуры Геркулеса, Марса, Нептуна в сочетании с библейскими изречениями и с изображением поверженных врагов. Хватало и многого другого удивительного. Шествие возглавлял сидевший в роскошной карете патриарх всешутейшего собора Никита Зотов. А русский царь, раньше представавший перед народом в облике малоподвижного полубожества, сверкавшего золочеными одеждами, шел пешком в простом камзоле, неся в руках копье. Зато с какой помпой ехал в роскошной карете адмирал Франц Лефорт! Под Азовом он особенно не отличился: приехал туда позже всех, а уехал раньше всех. Правда, его донимала болезнь, и в письмах Лефорта к царю самое радостное, о чем он сообщает, что его «комары перестали кусать». Но, возможно, дружеская теплая симпатия Лефорта сама по себе была для Петра столь же необходима и приятна, как и успехи в делах.

А дела действительно оказались достойными радости и удовлетворения. Победа над Турцией не могла не поражать, ведь она была первым торжеством над непобедимым врагом, еще недавно разорившим Чигирин, постоянно грабившим Южную Русь. Последний раз видимость победы приобрели для Москвы первые Литовские походы Алексея Михайловича, за которыми последовали тяжкие поражения и унижения. «Русские люди,— пишет С. М. Соловьев,— впервые были порадованы блестящим делом русского оружия».

Особенно торжествовала «компания» Петра, его близкие соратники и товарищи. Они уже давно устали от ехидных намеков на свою неспособность ни к чему, кроме потех, праздников и запуска фейерверков. И вот теперь оказалось, что «игра в кораблики» была вовсе нешуточным делом, а нечестивое братание с иноземцами принесло славу и победу России!

Как же отнеслась к победе под Азовом Европа, которая уже привыкла получать из Москвы нести лишь о внутренних распрях, об упадке, беспомощности или о том, что Кремль, его цари и народ пребывают в сонном бездействии?

Сразу после взятия Азова Петр приказал Винуису и Посольскому приказу оповестить о победе русских дипломатических представителей в Вене и в Варшаве с поручением сообщить об этом местным властям. Винуис специально просил, в частности, бургомистра Амстердама Витзена передать известие о победе английскому королю Вильгельму III. Обобщая реакцию в Европе, современный американский историк Роберт Мэсси пишет: «Новость о победе Петра под Азовом вызвала удивление и уважение». Если говорить о конкретных дипломатических последствиях, то они сказались прежде всего на отношениях с союзниками. Переговоры о заключении новых союзнических соглашений о совместной войне против Турции, которые вел русский посланник Нефимонов, сразу же ускорились, и австрийцы, а затем венецианцы стали явно сговорчивее. Но вообще-то из Европы поступали противоречивые отклики.

Когда 29 августа резидент в Варшаве А. В. Никитин получил известие о взятии Азова, он велел палить из ружей и пушек. Сбежался народ, для которого Никитин приказал выкатить пять бочек пива и три бочки меда. В народе кричали: «Виват царю, его милости!»

На другой день на торжественном собрании сената Никитин подал царскую грамоту с известием о взятии Азова примасу — главе польской католической церкви. Короля в то время в Польше не было, и царил редкостный даже для тех времен хаос. Уже два года польские войска никаких действий против турок не предпринимали, нарушая тем самым свои союзнические обязательства. Резидент Никитин сказал в сенате речь: «Теперь, ясновельможные господа сенаторы и вся Речь Посполитая, знайте вашего милостивого оборонителя, смело помогайте по союзному договору... По договорам царское величество зовет наияснейшую монархию польскую на ту же дорогу, которая была бы теперь закончена... Теперь время с крестом идти вооруженною ногою топтать неприятеля: теперь время шляхетским подковам попруть побежденного поганина, расширить свои владения там, где только польская может зайти подкова».

Русский дипломат мог отныне позволить себе говорить новым языком. Никитин потребовал в своей речи, чтобы впредь в польских бумагах не употреблялись официальные старые наименования королей польских как властителей киевских и смоленских. А поляки делали это в нарушение договоров, по которым Киев и Смоленск были русскими владениями.

Через несколько дней австрийский резидент сказал Никитину, что сенаторы решили выполнить это требование. Он сообщил также, что паны не очень рады взятию Азова, ибо никак этого не ожидали, но что простому народу это очень приятно. 11 сентября Никитин писал в Москву, что по всем костелам служат благодарственные молебны, что к нему вельможи приезжают с поздравлениями, тогда как «на сердце у них не то». Резидент доносил далее: «Слышал я от многих людей, что они хотят непременно с Крымом соединиться и берегут себе татар на оборону; из Крыму к ним есть присылки, чтобы они Москве не верили; когда Москва завоюет Крым, то и Польшу не оставит; а к гетману Мазепе беспрестанно от поляков посылки».

Ну что ж, недруги могли думать, говорить и делать, что хотели, а Петр понимал, что Азов — только начало, и не собирался отдыхать после своей первой победы. На 20 октября было назначено важное заседание Боярской думы, к которому Петр подготовил особую записку с изложением вопросов, подлежащих решению: заселение Азова и

строительство морского флота. Дума приняла решение о содержании в Азове сильного воинского гарнизона и о посылке для строительства Таганрога 20 тысяч человек. Решение по второму вопросу — о флоте — было столь же кратким, сколь грандиозными оказались его последствия. Оно гласило: «Морским судам быть».

Однако потребовалось еще две недели, чтобы подготовить указ о способах строительства флота. 4 ноября в Преображенском снова заседала Дума и приговорила строить суда всей землей, путем создания компаний — «кумпанств», в которые объединялись бы светские и церковные владельцы земель и крестьян. От первых требовалось строить и содержать один корабль на каждые 10 тысяч дворов, от вторых — на каждые восемь тысяч. Посадские люди, то есть в основном купцы, должны были обеспечить 12 кораблей. Правда, последовала их просьба — челобитье освободить от такой тяжелой повинности. За это Петр повелел им строить уже не 12 кораблей, а 14 кораблей. Всего за два года надлежало соорудить 52 военных корабля. Решение было совершенно небывалым во всем: в цели, в средствах, в сроках и, конечно, в тяжести этой новой обязанности. В последнем счете расплачиваться за это дело, естественно, придется, как и всегда, тому же русскому мужику, которому выпала историческая судьба обеспечить споем трудом метровок не преобразования...

Русский историк М. М. Богословский так писал: «Приговорами думы 20 октября и 1 ноября предпринималась необычайно важная и смелая реформа, и Петр, едва ли даже сознавая весь объем производимой этим решением реформы, становился крупным преобразователем... Заводя значительный флот на завоеванном море, Россия из сухопутной державы превращалась в морскую».

Правда, пока что замысел, поставленная цель, задача. И никакого моря еще не завоевали, а до реального превращения России в морскую державу очень далеко. Но дело началось, и какими темпами! Насколько пассивен был Петр в государственной деятельности в первые пять лет от свержения Софьи до Азовских походов, настолько стремительно динамичным он становится теперь. Интуитивно чувствуя коренную государственную потребность, ум Петра немедленно осознавал ее как интерес, а осознанный интерес вызывал столь же быструю постановку цели и срочную, безотлагательную активность по обретению средств к достижению этой цели. Вот примерно по какой схеме развивалась деятельность Петра. Причем каждый раз любая из решенных проблем ставила новые проблемы, и, таким образом, все петровские дела уподоблялись, выражаясь современным языком, бурной ценной реакции...

Итак, через два года будет флот из полусотни боевых кораблей. Но кто же поведет их по неизведанным морским просторам? Кто будет выполнять обязанности штурманов, владея сложным искусством навигации? Кто станет командовать кораблями в бою, кто прикажет пушкам стрелять и на основе необходимых математических расчетов укажет им цель? Неужели снова нанимать иноземцев?

Конечно, среди русских придворных было великое множество служилых людей, например стольники, сами звание которых шло от их первоначальной обязанности обслуживать царя за обеденным столом. Правда, их использовали и для других поручений. Но к чему они были уже совершенно непригодны, так это к управлению боевым кораблем! С этим справились бы лишь иностранцы. Однако тогда нельзя было не только сохранить независимость страны, но даже предотвратить опасность новой зависимости России от Западной Европы. Петр принимает необычайно смелое решение: научить русских людей всему тому, мел; владеют европейцы. И здесь раскрывается смысл петровского сближения с Европой: речь шла не о «европеизации» в виде простого подражания, а об использовании технических достижений Европы для сохранения и укрепления русского национального дела. Чужим умом, чужими руками своих замыслов надежно не осуществить. Так решил Петр. И 22 ноября 1690 года следует указ ехать 39 молодым стольникам в Италию, преимущественно в Венецию, а 22 — в Англию и Голландию. Согласно составленной Петром в январе 1697 года инструкции каждый из 61

стольника обязан был обучиться за границей навигации, то есть «владеть судном как в бою, так и в простом шествии», и побывать в море на корабле во время боя. Окончив учение, следовало добиться получения заверенного подписями и печатями морских властей свидетельства о пригодности к службе. Для тех, кто хочет заслужить особую милость, надлежит овладеть, кроме того, искусством кораблестроения. Каждый должен найти и привезти в Москву по два искусных мастера морского дела. К стольникам прикреплялось по солдату или сержанту, которых следовало обучить всем морским наукам, но уже за счет казны. Нетрудно представить себе состояние растерянности и страха, охватившее большинство семей указанных стольников и их близких! Поездка за границу вообще считалась делом редчайшим, труднейшим и опаснейшим. А здесь требовалось еще и овладеть таинственной, непонятной и опасной службой. Но делать было нечего, надо ехать, ибо царский указ предусматривал за слушание лишение всех прав, земель и всего имущества. И такое наказание грозило представителям знатнейших и богатейших родов. 23 из 61 стольника имели княжеские титулы. Как это ни парадоксально, но тяжесть петровских преобразований, дорого обошедшихся в первую очередь народу, обрушилась и на тех, в чьих интересах она, собственно, осуществлялась: на представителей высшего дворянства! Правда, «тяжестью» заграничная учеба являлась только в глазах старомосковской знати, привыкшей к праздной, сытой и пустой жизни. Находились и добровольцы. Среди них оказался будущий знаменитый петровский дипломат П. А. Толстой. Ему перевалило за пятьдесят, а он оказался среди молодежи, чтобы таким путем выбраться из опального положения воеводы отдаленного северного города. Но подавляющее большинство ехало учиться, скрепя сердце и в страхе перед наказанием. Конечно, при сравнении с участью, например, десятков тысяч крестьян, сгоняемых для прорытия канала между Волгой и Доном, все эти страхи выглядели смешно. Но они характерны для атмосферы первых преобразовательных действий. «Чем яснее обозначались стремления Петра, — писал С. М. Соловьев, — тем сильнее становился ропот и толпе, и роптали не одни те люди, которые уперлись против естественного и необходимого движения России на новый путь; роптали и люди, которые признавали несостоятельность старины, необходимость преобразований, но которые не могли понять, что преобразования должны совершаться именно тем путем, по которому шел молодой царь. Им бы хотелось..., чтоб вдруг бедная страна закипела млеком и медом; эти люди хотели, считали возможным внезапное облегчение и улучшение, видели, наоборот, требование страшного напряжения сил, требование жертвований — и роптали».

Не только роптали, но и действовали. 23 февраля 1697 года был раскрыт заговор о покушении на жизнь царя. В нем участвовали думный дворянин Иван Цыклер, окольный Алексей Соковнин и стольник Федор Пушкин. Карьерист Цыклер был недоволен назначением руководить постройкой Таганрога, считая это опалой. Соковнин возмущался посылкой двух сыновей для учебы за границу, а Пушкин — назначением воеводой в Азов. Эти трое вступили в связь с некоторыми начальниками из стрельцов и представителей донских казаков, горевших желанием поднять восстание против Москвы при опоре на поддержку турецкого султана. 2 марта Боярская дума приговорила трех названных служилых высоких лиц, двух стрелецких начальников и одного из донских казаков к смерти. Через день их казнили. Это был первый заговор против преобразовательной деятельности Петра. Следствие и расправа проводились очень быстро, ибо Петр спешил в Европу.

ВЕЛИКОЕ ПОСОЛЬСТВО

В истории дипломатии трудно найти столь знаменательное предприятие, каким оказалось русское Великое посольство в Западную Европу 1697 — 1698 годов. С точки зрения достижения конкретных внешнеполитических задач, поставленных перед этим

посольством, оно завершилось неудачей. Однако по своим реальным практическим последствиям оно имело поистине историческое значение прежде всего для отношений между Россией и европейскими странами, а в дальнейшем для судьбы всей Европы. Американский историк Роберт Мэсси пишет: «Последствия этого 18-месячного путешествия оказались чрезвычайно важными, даже если вначале цели Петра казались узкими. Он поехал в Европу с решимостью направить свою страну по западному пути. На протяжении веков изолированное и замкнутое старое Московское государство теперь должно было догнать Европу и открыть себя Европе. В определенном смысле эффект оказался взаимным: Запад влиял на Петра, царь оказал огромное влияние на Россию, а модернизированная и возрожденная Россия оказала в свою очередь новое, огромное влияние на Европу. Следовательно, для всех трех — Петра, России и Европы — Великое посольство было поворотным пунктом».

Необычность этого предприятия выразилась прежде всего в том, что впервые в Европу отправился русский царь собственной персоной. Правда, еще в 1075 году киевский князь Изяслав ездил к императору Максимилиану IV в Майнц. Но Изяслав приехал в качестве беглеца, просившего помощи, ибо из Киева он был изгнан своими братьями-князьями. Необычно и то, что Петр ехал официально не как царь, а в звании урядника Преображенского полка Петра Михайлова. Далее, что касается чисто дипломатических задач посольства, то вовсе и не требовалось личного участия самого царя.

Официальная цель Великого посольства, как об этом объявил в Посольском приказе думный дьяк Емельян Украинцев, состояла в «подтверждении древней дружбы и любви для общих всему христианству дел, к ослаблению врагов креста Господня, салтана Турского, хана Крымского и всех бусурманских орд». Но дело в том, что еще в конце января русский посланник Кузьма Нефимонов добился, наконец, после долгих и тяжелых переговоров заключения с цесарем и с Венецией договора об оборонительном и наступательном союзе против Турции на три года. Возобновлять аналогичный союз с Польшей было нельзя, ибо король Ян Собеский умер летом 1696 года, а нового короля поляки никак избрать не могли. Поэтому посещение Польши вообще не предусматривалось. Нечего было и думать о союзе против турок с другими европейскими странами. Франция являлась союзником султана. Англия и Голландия готовились к войне за испанское наследство, их торговые интересы пострадали бы от борьбы с турками, в которой они были совершенно не заинтересованы. Поэтому дипломатия в ее непосредственном виде — это внешняя, официальная или во всяком случае не главная задача посольства.

Основная цель путешествия Петра в другом. Позднее в первом в России сочинении о ее внешней политике, написанном П. П. Шафировым, которое еще в рукописи читал и дополнял сам Петр, указывалось на три цели путешествия царя: 1) видеть политическую жизнь Европы, ибо ни он сам, ни его предки ее не видели; 2) по примеру европейских стран устроить свое государство в политическом, особенно воинском порядке; 3) своим примером побудить подданных к путешествиям в чужие края, чтобы воспринять там добрые нравы и знание языков. Русский историк прошлого века, автор шеститомной истории петровского царствования Н. Устрялов писал, что «главной целью Петра было изучение морского дела». Уже много лет царь только и слышал, что России надо учиться у Европы, что еще его предшественники осознали это. Друзья-иноземцы из Немецкой слободы тоже наперебой рассказывали о своих странах, хвастались их достижениями. Да и он сам давно убедился, что они знают больше и умеют делать много такого, чего русские не могут. Собственно, Петр уже давно стал учиться у них: был и бомбардиром, и шкипером, охотно перенимая любое мастерство. Словом, ему прожужжали все уши этой Европой. И он принял решение ехать в Европу, ибо под Азовом понял, что научиться европейскому мастерству в России по-настоящему нельзя. Однако Петр отдавал себе отчет в том, какая по сложности задача перед ним и что окончательное решение о повороте России к Европе должно быть принято не по слухам и разговорам, а по твердому

убеждению. Поскольку лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, надо самому посмотреть на Европу. Следует и поучиться там самому. Вот он послал туда молодых дворян на учебу. Но как проверить и убедиться, на что они действительно пригодны? Для этого необходимо знать не меньше их, и потому он согласился со своим другом Лефортом, уже давно толковавшим ему о целесообразности европейского путешествия.

Но коли уж официально это было дипломатическое мероприятие, именовавшееся посольством, первым делом Петр засадил за работу Посольский приказ, который еле успевал готовить ему требуемые документы и материалы. Так как он имел дело с внешнеполитическим ведомством, работавшим по старинке, ему приходилось многое ломать на ходу. Однако наказ великим послам, составленный Посольским приказом в духе старомосковской дипломатии, педантично излагал традиционные правила дипломатического протокола. В нем предписывалось все: когда и какие поклоны делать, стоять или сидеть, снимать головной убор или не снимать, как титуловать великого государя и т. п. Но этот формальный документ в действительности был данью обветшалым, громоздким, подчас нелепым и смешным обычаям допетровской дипломатии.

Настоящий, реальный, практический наказ был собственноручно написан самим Петром и не имел ничего общего со старым, в котором сообщалось все, кроме существа дела. Он отличался предельной конкретностью, лаконизмом и являлся документом совершенно необычного характера. Посольству предписывалось нанять на русскую службу иностранных морских офицеров и матросов. При этом настоятельно подчеркивалось, что ими должны быть люди, прошедшие службу с самых нижних чинов, выдвинувшиеся благодаря умению и заслугам, «а не по иным причинам». Далее следовал целый список оружия, материалов для производства вооружения — все вплоть до тканей на морские флаги. Таким образом, посольству поручалась миссия, до этого неслыханная в истории не только русской, но и мировой дипломатии.

Новшества в дипломатической практике отразились, например, в указе от 22 декабря 1696 года о так называемых «богословиях». Речь шла об отмене старой традиции, по которой перед титулом государя в международных документах писалось пространное изложение понятия верховного божества, его всемогущества и власти. Особенно подробно догматы христианской веры содержались в грамотах к «бусурманам», то есть к турецкому султану или персидскому шаху. Создавалось впечатление, будто в Москве надеялись склонить их к переходу в христианство. Все это подчас излагалось весьма пространно, в то время как суть дела занимала одну-две строчки. Претенциозный и бесполезный набор слов Петр заменил краткой формулой: «государь милостью божьей». Словом, царь начал изгонять из практики дипломатии бесполезные, бессмысленные тексты и ритуалы. Правда, это не означало, что Петр отказался окончательно от использования христианской догматики для идеологического оформления внешней политики, тем более когда речь шла о войне с турками, то есть с мусульманами-иноверцами. И все же до России докатился общий процесс более светской деловой дипломатической манеры. На Западе в этом отношении давно действовали откровеннее. Французские католические «христианнейшие» короли не гнушались союзом с мусульманами в борьбе против братьев-христиан...

В указе от 6 декабря назначались три великих и полномочных посла: генерал и адмирал Франц Яковлевич Лефорт, генерал и комиссар Федор Алексеевич Головин и думный дьяк Прокофий Богданович Возницын. О первом уже шла речь, и его характеризовать больше нет необходимости. Впрочем, здесь он, как и в роли адмирала, выполнял главным образом чисто декоративную функцию, вполне соответствуя своему назначению. Ф. А. Головин — человек совсем иного склада, начиная с того, что он был русским и происходил из знатного боярского рода. Головин стал одним из самых близких и достойных соратников Петра и с 1699 до своей кончины в 1706 году успешно возглавлял Посольский приказ, оказывая огромное влияние на внешнюю политику России. Еще до Великого посольства он приобрел серьезный дипломатический опыт.

Именно Головин вел переговоры и заключил Нерчинский договор с Китаем. А. Терещенко в своей книге «Опыт обозрения жизни сановников, управлявших иностранными делами в России» писал, что после возвращения Головина из Нерчинска «царь Петр столько любопытствовал знать о путешествии Головина, что несколько дней сряду проводил с ним в беседах; с жадностью расспрашивал об образе жизни народов Сибири и богатствах той земли; черпал из рассказов своего собеседника свежие и новые сведения. Проницательный и дальновидный ум Петра находил в Головине не одного усердного рассказчика, но полезного, умного советчика».

Хотя в Великом посольстве Ф. А. Головин был назначен вторым после Лефорта великим послом, в подготовке и во всей практической дипломатической деятельности именно он делал основную работу. Третьим был Прокофий Богданович Возницын, тоже опытный дипломат, человек старого закала, сдержанный, осторожный, грузный телом, с важной осанкой и с торжественно-строгим лицом. В 1681 году, направленный послом в Константинополь, он заключил мирный договор между Россией и Крымом.

Нет возможности даже перечислить других участников Великого посольства, выехавшего из Москвы 9 — 10 марта 1697 года, сразу после ликвидации заговора Цыклера. Каждого из великих послов сопровождала целая свита, здесь были люди всех специальностей: врачи, священники, три десятка «валанторов», среди которых находился уже упоминавшийся урядник Петр Михайлов, многочисленная охрана и т. д. — всего около 250 человек. С собой везли много денег, запасы продовольствия и напитков, большое количество старого, испытанного орудия московской дипломатии — собольих шкурок для подарков. Между прочим, среди переводчиков находился Петр Шафиров — будущий знаменитый петровский дипломат и вице-канцлер, только вступивший на дипломатическое поприще. Оказался он здесь совершенно случайно. Однажды молодой Петр прогуливался по московским торговым рядам и заметил одного проворного сидельца — продавца в лавке купца Евреинова. Вступив с ним и разговор, он удивился его остроумию и, услышав, что тот знает польский, французский и немецкий языки, велел зачислить его переводчиком в Посольский приказ. Впоследствии, когда Шафирова называли сыном кабального боярского холопа, он доказывал, что отец его был дворянином уже при царе Федоре Алексеевиче. Во всяком случае большинство историков сходятся в том, что он был сыном польского еврея, принявшего православие.

Итак, посольство с его огромным обозом двинулось на санях в далекий путь. Обгоняя своих спутников, ехал Петр, прекрасно спавший в санях на ходу и опережавший всю эту громоздкую кавалькаду. В конце марта посольство пересекло границу и вступило на принадлежавшие Швеции земли, направляясь к Риге. Маршрут посольства, установленный заранее, менялся на ходу. Вначале предполагалось ехать в Вену, но в действительности она оказалась заключительным этапом путешествия. Собирались посетить Венецию, Рим и Швецию, но так и не побывали там. Подробно описать движение и деятельность Великого посольства у нас нет возможности, для этого историку М. М. Богословскому потребовалось написать целый большой том объемом свыше шестисот страниц. Остановимся лишь на главном.

Главное же состояло в том, что Петр ехал изучать Европу и учиться у европейцев. На специальной сургучной печати, которую Петр ставил на своих письмах во время путешествия, была надпись: «Я ученик и ищу себе учителей».

И вот здесь надо попытаться выяснить, чему и как учился сам Петр, а вместе с ним и вся Россия. В обильной литературе о Петре немало путаницы и противоречий в этом вопросе. Есть люди, считающие его утопистом или просто сумасбродным подражателем. Среди них, например, оказался такой в целом достойный уважения мыслитель, как Жан-Жак Руссо, отрицательно относившийся к Петру, возможно, здесь сказалась его яростная вражда с Вольтером, восхищавшимся русским преобразователем. Но, как бы то ни было, в знаменитом сочинении «Об общественном договоре» говорится, в частности: «Русские никогда не будут народом истинно цивилизованным, потому что их цивилизовали

слишком рано. Петр имел только подражательный гений; истинного гения, который создает все из ничего, у него не было».

И этих двух фразях сосредоточено столько нелепости и незнания истории, что как раз с нее, пожалуй, удобнее всего начать выяснение вопроса, являющегося главным, центральным проблемным стержнем всей этой книги, а именно: вопроса о взаимоотношениях России и Западной Европы. Отметим прежде всего явный абсурд, содержащийся в утверждении, что истинный гений создает «все из ничего». Такого в природе, в жизни не было, нет и быть не может. Это аксиома. Далее, вопрос о «подражательности». Дело в том, что без «подражания», то есть без обмена культурными достижениями, без взаимообогащения не было бы и мировой цивилизации. Убедительное доказательство тому — сама Франция. Ее изумительная культура во всем, начиная с языка, выросла из римско-латинской античности. Это известно всем, и самим французам в первую очередь.

Затем вопрос о том, что реформы Петра якобы цивилизовали русских «слишком рано». Если бы Руссо глубже знал русскую историю, он сам бы с этим не согласился. Западная Европа в своем культурном развитии значительно отставала от Византии и Арабского халифата вплоть до 1000 года и позднее, даже до Ренессанса. А Россия? Вот ответ на этот вопрос академика К. Д. Грекова: «Киевская держава при Владимире (980—1015) и Ярославе (1019—1054), объединившая все восточнославянские племена, была самым обширным и сильным государством Европы». Не только сильным, но и самым культурным. Тот же Греков обосновывает свой тезис о том, что «в XI веке Русь не была культурно отсталой страной. Она шла впереди многих европейских стран, опередивших ее только позднее, когда Русь оказалась в особо тяжелых условиях, приняв на себя удар монгольских полчищ и загородив собою Западную Европу».

Но до этого международное влияние Древней Руси было таково, что правители стран Западной Европы всеми средствами стремились заполучить в жены дочерей киевских князей. Породниться со славным Киевом было почетным и выгодным делом. Так, один из первых Капетингов — король Франции Генрих I женился на дочери Ярослава Мудрого Анне. Уже упоминавшийся историк Роберт Мэсси пишет: «От киевской княжны требовалась определенная жертва, чтобы покинуть родной город, находившийся тогда в расцвете своей цивилизации, и выйти замуж за представителя более грубой и примитивной французской культуры. Относительный культурный уровень обоих супругов виден из того факта, что Анна умела читать и писать и подписала свое имя под брачным документом, в то время как ее жених мог только нацарапать крестик». Дальнейшее развитие европейской цивилизации было оплачено тяжелой жертвой русского народа. В благоприятных условиях, защищенная, Европа пошла вперед, к Ренессансу, Реформации и т. д., не растрчивая своих сил на защиту от угрозы с Востока.

Нот в этом-то и заключается суть дела. Западная Европа была, да и остается сейчас, в неоплатном долгу перед нашей родиной. Отправляясь с Великим посольством в Европу, Петр хотел что-то получить по этому долгу, хотя бы ничтожную компенсацию в виде освоения некоторых технических достижений Европы. Петр не создавал заново новую русскую цивилизацию, она существовала и задолго до него. Он стремился возродить ее на новой основе. Верно, что Петр ехал учиться. Поехал с чувством собственного, вполне заслуженного достоинства. Он знал историю (читал Нестора!) и понимал, что отсталость страны, как и ее прогресс — преходящие исторические состояния, результат естественной неравномерности развития стран и народов. У него не было оснований для какого-то чувства извечной национальной неполноценности. И уж, конечно, ни в коем случае гений Петра не был «подражательным». В этом легко убедиться, бросив взгляд на то, что представляла собой Европа во время Великого посольства и что именно брал Петр у Европы, точнее не брал, а покупал, и притом за очень дорогую цену...

В то время разрыв в экономическом, социальном, культурном состоянии России и Западной Европы был весьма значительным. В Голландии и Англии уже произошли буржуазные революции, зарождались разные формы политического парламентаризма.

Развивалась политическая мысль, начиная с Макиавелли и кончая Томасом Гоббсом. Уже давно создал свои труды Гуго Гроций («О нраве войны и мира» напечатали еще в 1625 году), в это время выдвигал свои правовые теории Пуфендорф. Дж. Локк и Н. Спиноза представляли философию. В год начала царствования Петра (1689) родился Монтескье...

Был расцвет классицизма. Творили Корнель, Расин, пьесы Мольера, умершего в 1073 году, с триумфом ставились на всех сценах. Лафонтен уже создал свои басни. Рождалась классическая музыка в творениях Перселля, Люлли, Кунерена и Корелли. Скоро начнут творить Вивальди, Рамо, Гендель, Нах и Скарлатти. Трое последних родились в 1685 году. Завершили свое творчество великие художники Рембрандт, Рубенс, Ван Дейк, Франс Гальс, Веласкес, Рейсдал, Мурильо. Теперь создавали свои полотна их многочисленные ученики.

Ученые Европы освобождались от религиозных догм и предпочитали опираться на опыт и факты. Декарт разрабатывал начертательную геометрию. Бойль изучал давление и плотность газа. Левенгук потряс всех микроскопом с 300-кратным увеличением. Лейбниц разработал дифференциальное исчисление и все больше думал об идеальном государственном устройстве. Ньютон в 1682 году открыл закон всемирного тяготения. В 1687 году Дени Папен сконструировал первый паровой котел.

Европа была центром всемирного могущества. Огромная часть Северной и Южной Америки управлялась из Мадрида. В Индии возникали английские и португальские колонии. Многие страны Европы начинают расхватывать территории Африки и ведут позорную работорговлю. Пальма первенства в этом, впрочем, переходит к Англии. Это она и Франция захватывают Северную Америку, Канаду. Даже Бранденбург, будущая Пруссия, заводит колонию в Африке, на Золотом Берегу. Когда Петр еще плывал по Яузе, французы захватили всю долину Миссисипи, назвав ее в честь Людовика XIV Луизианой. Европейская экспансия не знала пределов. Огромные пространства океанов не служили преградой. И немало алчных взоров уже бросалось в сторону необъятных пространств не столь уж далекой Московии...

Однако Западная Европа вовсе не была местом всеобщего процветания. В течение ХУП века из-за войн, а главным образом из-за эпидемий население даже сократилось: в 1648 году оно оценивалось в 118 млн. человек, а в 1713-м — 102 млн. Считают, что главной причиной была чума. Смертность вообще оставалась очень высокой. Только богатые люди жили до 50 лет, тогда как бедные — до 30—40. Половина всех новорожденных умирала в младенчестве. Это сказывалось даже в королевских семьях. У Людовика XIV и Марии-Терезии из пяти детей выжил только один, английская королева Анна похоронила 16 (шестнадцать!) своих детей. Неудивительно, что из 12 детей Петра и Екатерины выживут лишь две дочери — Анна и Елизавета. Эпидемии не признавали сословных различий. Современники и соперники Петра Людовик XIV французский и Карл XII шведский болели оспой...

Завершим эту пеструю картину одним любопытным парадоксом. Версальский дворец, поражающий своим великолепием, и знаменитый деревянный дворец в Коломенском строились почти одновременно. Но в то время как в Коломенском дворце (сохранился только его макет) были сделаны бани («мыльни») и уборные, причем не только для господ, но и для челяди, в Версале не было ни ванн, ни туалетов даже для короля.

Путешествие и Европу, естественно, побуждало Петра более конкретно определить свои методы и средства ликвидации отставания России от Европы, которая представляла такой широкий, поистине необъятный спектр успехов, достижений и слабостей. К тому же он мог принять или отвергнуть опыт прозападных симпатий некоторых своих предшественников. Его отец, царь Алексей Михайлович, начал приглашать иностранцев-офицеров. И он же завел первый театр, на сцене которого пытались ставить Мольера. «Западник»-князь В. Голицын увлекался католицизмом, особенно иезуитами. Царевна Софья предпочитала польскую культуру и владела польским языком. Царь Федор основал

Славяно-греко-латинскую академию с целью насаждения и улучшения богословского образования для борьбы с влиянием западных еретиков. Другие тянулись к опыту рухнувшей Византии и в старомосковской дипломатии часто опирались на прецеденты из истории этой империи, завершившейся столь бесславно. Но все же прежние заимствования и подражания проявлялись крайне робко и к тому же без четко поставленной главной цели. В отличие от такого подхода, Петр делает совершенно ясный, решительный выбор: надо брать то, что должно обеспечить самое необходимое — сохранение и укрепление независимости России, ее безопасности с помощью создания современной армии и флота. И если Алексей Михайлович в своих «западных» поползновениях придерживался догматических политических предпочтений (неприязнь к «голландским мужикам», желавшим создать республику, к англичанам, казнившим своего короля, и т. п.), то Петр решил не считаться с такого рода политическими предубеждениями. Брать, изучать, использовать все передовое и прогрессивное в любом месте для наращивания силы России. И не случайно наиболее притягательным примером он считал Голландию и Англию, то есть, как говорят сегодня, страны иной социальной системы — не феодальной, а буржуазной. Что же касается самой европейской культуры, то достижения в искусстве, литературе, философии, музыке и т. п. его привлекали меньше. О ликвидации культурного отставания России нечего было и думать без обеспечения главного — независимости, безопасности, могущества России. Остальное придет потом. Так он решил и так себя вел, путешествуя по Европе, хотя, может быть, в реальном его поведении многое выглядело как неожиданная импровизация. Последуем, однако, за нашими великими послами и их свитой. Рига, находившаяся на территории, завоеванной Швецией, была первым иностранным городом, который посетил Петр. Здесь из-за ледохода на Двине пришлось задержаться на 11 дней, а заняться было нечем, если не считать празднования пасхи. Шведы, хотя и оказали официальные почести вроде пушечного салюта при въезде и отъезде посольства, в целом встретили москвичей крайне холодно, с явной подозрительностью реагируя на поездку царя, предпринятую в момент войны с Турцией. Когда Петр и его спутники хотели осмотреть крепость, которую 40 лет назад осаждал царь Алексей Михайлович, то шведские часовые пригрозили стрельбой. То же случилось и при попытке проехать к стоянке голландских кораблей. Петр писал из Риги, что время прошло здесь «без дела достойнейшего», что «рабским обычаем жили». К тому же с русских драли за все втридорога. Любопытно, что в будущем этот недружественный прием в Риге послужит одним из официальных мотивов объявления войны Швеции.

Следующий этап путешествия, продолжавшийся с 8 апреля по 2 мая, — пребывание в герцогстве Курляндском, находившемся в вассальной зависимости от Польши. Здесь, в Митаве, Великое посольство приняты с большим радушием и гостеприимством. Кроме официальных церемоний состоялась частная встреча Петра с герцогом Фридрихом-Казимиром. Никаких переговоров серьезного политического значения не было. 2 мая Петр отплыл на корабле «Святой Георгий» в Кенигсберг. Впервые царь увидел Балтийское море, с которым будет неразрывно связано все главное в его жизни и деятельности.

7 мая Петр вместе с волонтерами прибыл в Кенигсберг. Что касается официальных великих послов, то они добирались сухим путем и приехали туда на 10 дней позже. Возглавлявший Бранденбургско-прусское государство курфюрст Фридрих III уже через день неофициально встретился с Петром, соблюдая при этом «инкогнито» царя, хотя эта тайна была шита белыми нитками. Курфюрст с самого начала проявляет крайнюю любезность по отношению к Петру, рассчитывая использовать его для далеко идущих дипломатических целей. Однако Петр предпочел употребить время до приезда великих послов не для дипломатических переговоров, а на совершенствование своих навыков в артиллерии с помощью главного бранденбургского специалиста в этой области фон Штернфельда. Ученик, уже имевший немалый опыт в этом деле, поразил учителя своими способностями. В официальном аттестате, полученном Петром, подтверждалось, что Петр Михайлов признается искусным и совершенным огнестрельным мастером. Однако

пребывание в Кенигсберге имело большое значение для дипломатии. Собственно, это была первая дипломатическая акция, в которой Петр принимает непосредственное участие.

Инициативу и заинтересованность в ней проявил главным образом курфюрст, и поэтому прежде всего надо охарактеризовать партнера, с которым пришлось иметь дело Петру. Тогдашний курфюрст Бранденбургско-прусского государства был представителем династии Гогенцоллернов, правивших Бранденбургом с 1415 года. Ко времени появления здесь Петра эта немецкая провинция, родившаяся на захваченных древних славянских землях, увеличилась в размерах почти в четыре раза. Гогенцоллерны входили в Священную римскую империю, но фактически выступали соперниками императора, непрерывно расширяя свои владения с помощью исключительно вероломной и изощренной дипломатии. Так, используя неудачную для России Ливонскую войну царя Алексея Михайловича, Бранденбург добился присоединения прежнего вассала Польши — Пруссии. Именно здесь возникнет главный очаг будущего германского милитаризма в виде королевства Пруссии, оказавшегося впоследствии на поворотных пунктах истории главой всей Германии. Но в то время до этого было еще далеко, хотя экспансионистская тенденция бранденбургской внешней политики в полной мере проявилась в переговорах с русским Великим посольством. По сравнению с другими, более крупными странами прусское военно-феодальное государство Фридриха III не отличалось ни военной, ни экономической мощью. В социальном отношении это была, пожалуй, самая реакционная, отсталая часть Германии. Крестьяне, основная часть населения, вынуждены были, по словам Энгельса, испытывать на себе самые «ужасные условия, каких не бывало даже в России». Плоды чудовищной эксплуатации, вернее грабежа подданных, шли в основном на содержание армии, а при Фридрихе III — на непомерную, крикливую, просто фантастическую роскошь двора. Хотя этот курфюрст располагал неизмеримо меньшими ресурсами, чем Франция, он стремился не уступать по пышности и внешнему богатству самому блестящему тогда в Европе двору «короля-солнца» Людовика XIV. Именно этим он и попытался завоевать расположение Петра. Когда 18 мая состоялся официальный въезд в Кенигсберг Великого посольства и его прием курфюрстом, устроенная по этому поводу церемония была необычайно эффектной, продолжительной, даже грандиозной. Постараемся внимательно присмотреться к сути крупной дипломатической игры, которая скрывалась за пушечными салютами, фейерверками, обильными трапезами, объятиями и поцелуями, на которые курфюрст не скупился. Видимо, он рассчитывал на тщеславие царя, полагая, что Петр обладает этим качеством в такой же мере, что и он сам. Однако Петр, несмотря на свою крайнюю дипломатическую неопытность, поразительно быстро разгадал игру своего изощренного новоявленного «друга», еще когда смотрел на это великолепие из окна кенигсбергского замка, стоя рядом с курфюрстом.

Собственно, русские проявляли твердость и до официального приема, наотрез отказавшись от целования руки курфюрста великими послами, что означало бы оказание ему королевских почестей. Свою цель послы сформулировали так: «подтверждение древней дружбы с целью общего для христианских государств дела — борьбы с Турцией». Они поблагодарили также за присылку инженеров и офицеров из Бранденбурга во время Азовских походов.

Борьба с Турцией представляла для Бранденбурга интерес лишь тем, что ослабляла соседнюю Польшу. У него были другие задачи, сформулированные в проекте союзного договора, врученного московским послам 24 мая и состоявшего из семи пунктов.

Четыре из этих статей, сразу принятые русскими, говорили о подтверждении вечной дружбы, о взаимной выдаче бунтовщиков, о приезде русских людей для обучения, о праве бранденбургских купцов свободно ездить через Россию в Персию и другие восточные страны для торговли янтарем. Действительно, эти предложения либо отвечали пожеланиям самого Петра, либо подтверждали в общей форме прежние отношения.

Иначе отнеслись русские к трем другим статьям, которые они сразу отвергли. Одна из этих статей (седьмая в проекте договора) внешне выглядела довольно безобидно. Курфюрст Бранденбургский добивался, чтобы его послов принимали при московском дворе на уровне королевских, то есть как послов Франции, Швеции или Австрии и других крупнейших государств. За этим скрывалось соперничество Фридриха с главой империи, в состав которой он входил, и стремление к уравниванию с ним в правах. Если бы Россия согласилась на это, то тем самым она явно вызвала бы недовольство Вены — своего главного союзника в войне с Турцией. Поэтому московские представители обещали относиться к послам курфюрста, как к королевским, только после того, как на такую меру пойдет австрийский двор.

Еще более важное значение имели разногласия по статье второй, предусматривавшей заключение оборонительного союза между двумя государствами и обязательство взаимной помощи при нападении на одну из них. К этой статье примыкала и статья третья, по которой русские должны были бы гарантировать курфюрсту власть над Пруссией. Напасть на Бранденбург могли только две страны: Польша и Швеция. Но Польша тогда была ослаблена внутренними распрями. Гораздо серьезнее обстояли дела со Швецией. Там на престол готовился вступить новый король Карл XII, который, несмотря на свою юность, уже проявлял крайнюю воинственность и, несомненно, мог продолжить политику захвата всего побережья Балтики, и главным образом владений Бранденбурга. Если бы Петр согласился на требования курфюрста, то он действовал бы вопреки мирному договору со Швецией. Следовательно, в момент, когда шла война с Турцией, мог возникнуть второй фронт, для которого явно не хватало сил. Еще одно требование — гарантия Москвой владения Пруссией — также таило опасность восстановить против себя Польшу. Поэтому указанные статьи русские отклонили. Однако все же надо было сохранить дружественные отношения с Бранденбургом. Кроме того, по всей видимости, уже тогда Петр начал задумываться о возможности поворота главного направления своей внешней политики с юга на север с целью приобретения выхода к Балтийскому морю. Правда, Устрялов пишет, что «царь в то время не имел намерения воевать с Швецией».

Во время переговоров с курфюрстом 9 июня Петр нашел оригинальный выход из положения. Чтобы не вызвать опасений и враждебности Швеции, Петр предложил не включать в письменный текст статью о союзе, но договориться об этом устно, закрепив союз только словесным обещанием двух партнеров. При этом он указал, что единственной гарантией соблюдения договоров, письменных или устных, все равно служит лишь совесть государей, что, кроме бога, лет никого, кто мог бы судить их за нарушение договора. И вот взаимное устное обещание помогать друг другу против всех неприятелей было дано, скреплено рукопожатием, поцелуями и клятвой.

Таким образом, заключив официально не союзный, а всего лишь дружественный договор, Петр проявил дипломатическую изобретательность, предусмотрительность и осторожность, поразительную при его дипломатической неопытности и молодости. Академик М. М. Богословский пишет по этому поводу: «До сих пор стремительная воля Петра ломала освященные временем внешние формы и установившиеся отношения внутри государства; теперь она проявила себя той же ломкой форм и в международных отношениях. Раз он был убежден в целесообразности и пользе соглашения с курфюрстом, старинные внешние формы его не остановили, и он сейчас же изобрел новые, более подходящие к случаю».

Но, пожалуй, гораздо более важным представляется изменение не формы, а существа внешней политики. Правда, речь еще не шла об окончательном решении. Но возможность и целесообразность исторического внешнеполитического поворота, несомненно, Петр как-то интуитивно уловил. Он еще колебался и, видимо, испытывал тяжелые сомнения. Это отразилось в крайней нервозности, проявившейся 22 июня в размолвке с Лефортом. Петр упрекал его в излишнем затягивании пребывания в

Кенигсберге из-за склонности беспечного швейцарца к пышным церемониям и любви к непрерывным развлечениям.

Чувство досады и раздражения Петра вылилось и в письме курфюрсту от 30 мая, где Петр выражал резкое недовольство тем, что Фридрих не поздравил его с днем рождения лично, а послал для этого лишь своих придворных. Вероятно, Петр мучился сомнениями, не совершает ли он дипломатическую ошибку, сближаясь с курфюрстом и раньше времени обнаруживая свои намерения в отношении Балтики. Во всяком случае все это в целом показывает, насколько серьезно относился Петр к дипломатии и как близко к сердцу он принимал затруднения в этой области.

Между тем надо было продолжать путешествие. Маршрут его изменили. Если раньше предполагалось ехать сразу в Вену, то после возобновления трехлетнего союна с императором и Венецией решено было направиться сначала к Голландию.

Простившись с курфюрстом и подарив ему драгоценный рубил редкостных размеров, 22 июня царь отправился в Пилау (сейчас Балтийск), где для него были приготовлены два корабля. Однако, несмотря на крайнее желание поскорее отправиться в Голландию, пришлось здесь на некоторое время остаться. Известия о положении в Польше задержали путешествие и потребовали решения еще одной, в то время, пожалуй, более важной внешнеполитической задачи. Польша, которая по размерам своей территории была вторым государством в Европе после России, находилась с момента смерти короля Яна Собесского летом 1696 года в состоянии полной анархии. «Бескорольевье», продолжавшееся целый год, создало ситуацию, угрожавшую важнейшим внешнеполитическим интересам России. Король в Польше не наследовал престола и избирался шляхтой, а его власть серьезно ограничивалась. Тем не менее важно, чтобы на польском троне находился монарх, который сохранял бы верность договорам, заключенным с Россией. Еще в декабре 1696 года стало очевидно, что из примерно десятка кандидатов в польские короли один — французский принц де Конти — имел серьезные шансы быть избранным. Поскольку Франция находилась в дружественных отношениях с Турцией, то возникла прямая опасность выхода Польши из антитурецкого союза. Французский посланник в Польше сообщил польским магнатам, что султан обещал заключить с Польшей отдельный мир и вернуть ей крепость Каменец, если королем выберут французского принца. Возможностью избрания де Конти был обеспокоен и союзник России — австрийский император, который направил специального представителя в Польшу с большой суммой денег для воздействия на польских панов. Австрийский канцлер граф Кинский просил русского царя сделать то же самое, причем, как сообщал русский посол из Вены, лучше действовать не деньгами, а использовать их слабость: «поляки пуще денег любят московских соболей». Но Петр предпочел действовать другим, не столь мягким дипломатическим средством. Он приказал двинуть к польской границе армию под командованием князя М. Г. Ромодановского. Такое мероприятие не было чем-то необычным: французский кандидат де Конти кроме денег использовал военную поддержку Франции.

В противовес принцу де Конти Петр в согласии с Австрией поддерживал кандидатуру курфюрста Саксонии Фридриха-Августа I, который обещал выполнять прежние обязательства Польши. В начале июня Петру стало известно, что французский кандидат имеет реальные шансы с помощью давления и подкупа получить польскую корону. В этих условиях Петр направляет 12 июня из Пилау особое послание сейму, помеченное, правда, так, будто оно отправлено из Москвы 31 мая. Петр писал, что избрание французского принца приведет к нарушению союзнических обязательств Польши. Поэтому, если до сих пор он воздерживался от всякого вмешательства в выборы короля, то теперь объявляет, что де Конти, став королем, явно намерен вступить в союз с турецким султаном и крымским ханом, значит, окажется нарушенным договор о «вечном мире» России с Польшей, а также союзнический договор Польши с Австрией, Венецией и Россией. «Посему, — писал Петр, — имея к государству вашему постоянную дружбу, мы

такого короля французской и турецкой стороны видеть в Польше не желаем, а желаем, чтобы выбрали вы себе короля какого ни есть народа, только бы был он не противной стороны, и доброй дружбе и крепком союзе с нами и цесарем римским, против общих неприятелей Креста святого».

Между тем в Польше происходила затяжная смута. Пользуясь поддержкой кардинала-примаса, подкупая магнатов, сторонники де Конти развернули бешеную активность. Самому русскому резиденту Никитину грозили смертью, а России войной. «Как только придет принц, пойдем отбирать Смоленск», — кричали предводители французской фракции.

Когда пришла, наконец, грамота Петра. Никитин немедленно распространяет ее копии. Несмотря на противодействие кардинала-примаса, положение начинает меняться, и число сторонников Августа растет. Петр прислал и второе послание в том же духе. Верх взяли прорусски настроенные представители шляхты, понимавшие необходимость сохранения дружбы с Россией. В конце концов Август добился формального избрания, хотя де Конти не отказался от борьбы. Вступив в Польшу с саксонским войском. Август принял католичество и в ответ на поздравления Петра обещал сохранять союз Польши с Россией. Получив сообщение об этом, царь решил продолжить путешествие, несмотря на то что напряженность в Польше сохранялась.

Часть пути в Голландию прошли морем, но затем из-за появления пиратских кораблей, нанятых французами, решили высадиться в Германии и добираться уже по суше. Этот факт еще раз дал возможность Петру ощутить, что значит отсутствие русского флота в Балтийском море. Даже дипломатические отношения России со странами Западной Европы были крайне затруднительными.

Поездка через Германию проходила с максимальной скоростью, и все же, проезжая Ганновер, Петр был вынужден сделать одну неожиданную остановку. Во время его пребывания в Кенигсберге супруга курфюрста София-Шарлотта находилась в Берлине и по каким-то причинам не могла оттуда выехать. Но она проявляла крайний интерес к личности молодого русского царя, о котором в Европе уже распространилось много слухов. Если Петр ехал смотреть Европу, то в данном случае Европа в лице весьма видной и образованной ее представительницы хотела посмотреть на русское чудо. Софии-Шарлотта несколько лет жила в Версале, ее учителем и другом был знаменитым философ Лейбниц. Поскольку царь пренебрег посещением Перлина, то София-Шарлотта отправилась во владения своей матери, курфюрстины Ганновера, чтобы перехватить царя по пути. Зная, что он будет проезжать через деревню Копенбрюгге, мать и дочь со своими приближенными поспешили в находившийся поблизости замок. Польше часа пришлось уговаривать царя, прежде чем он согласился пойти на ужин с немецкими курфюрстинами. Ужин продолжался более четырех часов, его описание содержится практически во всех книгах о Петре. С точки зрения дипломатии этот эпизод имеет интерес, поскольку позволяет судить о том, какое же впечатление производил в Западной Европе молодой царь страны, считавшейся варварской. Свидетельство двух сиятельных дам прежде всего объективно; они руководствовались не какими-то дипломатическими целями, а простым любопытством. Кроме того, свои впечатления они выражали в письмах частным лицам и вполне откровенно. Естественно, что перед встречей с Петром они испытывали обычные тогда в Европе предубеждения против русских. София-Шарлотта прямо сравнивала свое стремление увидеть Петра с желанием посмотреть на «диких зверей».

Первое в этих впечатлениях, что бросается в глаза,— это свидетельство полной непринужденности и откровенности Петра. Несомненно, что он, проведя много времени в Немецкой слободе, уже мог познакомиться с европейскими нравами. Обычное, казалось бы, желание понравиться, произвести впечатление у него полностью отсутствует. Иначе говоря, он не видит никакой необходимости приспосабливаться к европейскому обществу и предпочитает оставаться русским человеком, во всем и до конца. «Он сел за стол между матушкой и мной,— писала София-Шарлотта,— и каждая из нас беседовала с ним

наперерыв. Он отвечал то сам, то через двух переводчиков и, уверяю вас, говорил очень впопад, и это по всем предметам, о которых с ним заговаривали. Моя матушка с живостью задавала ему много вопросов, на которые он отвечал с такой же быстротой,— и я изумляюсь, что он не устал от разговора, потому что, как говорят, такие разговоры не в обычае в его стране. Что касается до его гримас, то я представляла себе их хуже, чем их нашла, и не в его власти справиться с некоторыми из них. Заметно также, что его не научили есть опрятно, но мне понравилась его естественность и непринужденность, он стал действовать как дома...»

Мать описывает Петра примерно таким же, как и ее 28-летняя дочь: «Царь очень высокого росту, лицо его очень красиво, он очень строен. Он обладает большой живостью ума, его суждения быстры и справедливы. Но наряду со всеми выдающимися качествами, которыми одарила его природа, следовало бы пожелать, чтобы его вкусы были менее грубы... Его общество доставило нам много удовольствия. Этот человек совсем необыкновенный. Невозможно его описать и даже составить о нем понятие, не выдав его».

В другом письме, несколько позже, София Ганноверская пишет: «Этот государь одновременно и очень добрый, и очень злой, у него характер — совершенно характер его страны. Если бы он получил лучшее воспитание, это был бы превосходный человек, потому что у него много достоинства и бесконечно много природного ума».

Царь признался, что он не очень любит музыку, не испытывает интереса к охоте, но зато сам работает над постройкой кораблей. Он показал европейским аристократам и заставил потрогать свои жесткие, мозолистые руки. Сиятельные дамы домогались второй встречи, но царь торопился в Голландию.

АМСТЕРДАМ

Голландия — название лишь одной из провинций Нидерландов. Но она была наиболее богатой и населенной, поэтому ее название стали применять ко всем Соединенным провинциям (штатам), получившим по Вестфальскому миру 1648 года независимость. Пожалуй, ни об одной стране Петр не знал так много. Среди его учителей — большинство голландцев. Вспомним Франца Тиммермана. Его лучший друг Лефорт долго служил в Голландии. Единственным иностранным языком, которым владел Петр и мог на нем разговаривать, был голландский.

Маркс в «Капитале» называл Голландию образцовой капиталистической страной XVII века. Здесь было немало мануфактур, и слава разнообразных голландских изделий давно достигла России. Голландия стала главным торговым партнером русских. Богатство страны создавалось, однако, не столько ее промышленностью, сколько внешней торговлей. Она имела громадный торговый флот. Из каждых пяти купеческих судов четыре было голландских. Всего в Голландии их число доходило до 16 тысяч. В Амстердаме возникли первые банки капиталистического типа, страховые компании, фондовые биржи. Целые государства занимали у голландских банкиров деньги под проценты. Голландские купцы и мореплаватели рыскали по всему земному шару, захватывая колонии и ведя выгодную торговлю. Уже в начале XVII века они основали в Америке город Новый Амстердам, который впоследствии стал называться Нью-Йорком. Голландские корабли приплывали и в Архангельск, где их видел Петр. Но там трудно было увидеть их больше десятка; здесь, в Амстердаме, одновременно ожидали груза, ремонтировались или разгружались порой сразу до двух тысяч кораблей.

Великая морская, колониальная, торговая держава имела всего два миллиона населения, но зато богатство ее буржуазной верхушки равнялось богатству всей остальной Европы. Вдобавок ко всему маленькая Голландия в то время оказалась политическим центром мира. Еще в 1672 году она в отчаянной схватке отстояла свою независимость от самой сильной в Европе французской армии, возглавлявшейся знаменитыми полководцами Тюренном и Конде. Штатгальтер Вильгельм III Оранский добился решения

прорвать плотины, под защитой которых живут и трудятся голландцы на расположенных ниже уровня моря землях. Этот прославленный правитель Голландии отличался непреклонной волей, решимостью и политической дальновидностью. Он стал организатором и душой нескольких коалиций многих европейских стран, напуганных ненасытной экспансией Людовика XIV. В 1688 году Вильгельм одновременно стал и королем Англии; тогда Франция оказалась совершенно изолированной. Аугсбургская лига и затем слившийся с ней венский Великий союз в конце концов остановили агрессию «короля-солнца».

Как раз в то время, когда Петр спешил в Голландию, туда же направлялись дипломаты многих стран для мирной конференции в Рисвике, около Гааги. Но в этом деле русский царь будет лишь внимательным наблюдателем; его внешнеполитические задачи пока надо решать главным образом на корабельных верфях. Снова намного опередив Великое посольство, Петр с группой в 18 человек внешне таких же, как и он, «валантиров» приплыл в Голландию, спускаясь по Рейну и по каналам. 7 августа 1697 года русские приблизились к Амстердаму. Оставив там 12 своих товарищей, Петр с остальными отправился дальше к морю, в небольшой поселок Саардам, куда и прибыл на следующий день. Ему сразу посчастливилось встретить знакомого кузнеца, приехавшего работать в Россию, который с изумлением узнал царя. Но, строго предупрежденный, он обещал хранить царское «инкогнито» и поселил его с товарищами в своем скромном домике. Петр нанялся работником на верфь, приобрел инструменты и принялся учиться корабельному мастерству с топором в руках. Но вскоре русского царя узнали, и за ним стали ходить толпы любопытных, что доставляло ему некоторые неудобства. К тому же Петр понял, что он ошибся. Дело вот в чем. Работавшие в Переяславле, Архангельске и Воронеже саардамские плотники уверяли Петра, что Саардам — главный центр судостроения. Но уже на месте выяснилось, что здесь строят только мелкие лодки и купеческие суда, а крупные военные корабли — главное, что его интересовало — собирают на больших верфях в Амстердаме.

15 августа он едет в Амстердам, где на следующий день предстоял официальный приезд Великого посольства. Когда посольство только въезжало в Голландию, к нему явился представитель Вильгельма III с предложением царю о встрече. Послы вынуждены были на этот раз сказать правду: Петра с ними действительно не было. Умудренному политику не могла прийти в голову мысль, что русский самодержец уже находится на его территории нелегально, притом в роли простого корабельного плотника.

Торжественная церемония в Амстердаме проходила обычно: с пушечными салютами, с войсками, толпами людей. В качестве резиденции для посольства выделили лучшую в городе гостиницу. Петр, как всегда, замешался в толпе второстепенных чинов. В этот же день он лично познакомился с амстердамским бургомистром Николаем Витзенем — человеком, заслуженно уважаемым не только за его административную деятельность. Это был крупный ученый, автор книг о России и о кораблестроении. В Московском государстве он побывал раньше, изучил там русский язык и теперь исполнял разные поручения русских. На этот раз он стал опекуном Великого посольства. На содержание великих послов и их свиты выделили необычно большую сумму — 100 тысяч гульденов. Предупреждая претензии послов других стран, в большом количестве собравшихся на переговоры в Рисвике, им объяснили, что русское посольство — особое: в нем три вице-короля, а в свите, возможно, и сам царь...

Вместе с великими послами Петр первый раз в жизни посетил театр. Неизвестно, понравился ли ему балет «Очарование Армиды», но скоро в Москве по его приказу тоже появится театр. На другой день — осмотр верфей, затем торжественный обед с грандиозным фейерверком. Как ни обожал Петр эту огненную забаву, ему, однако, не сиделось на месте. Во время обеда сообщили о решении директоров Ост-Индской компании разрешить ему с товарищами принять участие в сооружении судов, а для изучения всего процесса постройки корабля будет специально заложен новый фрегат.

Петр немедленно решает ехать в Саардам за своими инструментами. Но близится полночь, плыть в темноте на маленьком буере очень опасно, и голландцы уговаривают Петра остаться. Здесь еще не знают, что его просто невозможно остановить, если он принял решение. Рано утром 20 августа он возвращается из Саардама прямо на Ост-Индскую верфь и немедленно приступает к работе. С группой из 10 русских волонтеров царь поселился здесь же, в доме канатного мастера. 22 августа, в воскресенье, в честь послов устраивают показательный морской бой 40 военных кораблей.

Охваченный азартом сражения, Петр переходит на военную яхту и берет над ней команду... Ревностно работая плотником, он успевает писать множество писем, и они дышат энергией и радостью. Однако это не значит, что Петр всецело поглощен только одним делом. Из его писем к Виниусу видно, что он тщательно следит за переговорами между союзниками и французами и Рисвике и высказывает свои прогнозы. Видно также, что он самым внимательным образом наблюдает за событиями в Польше и требует быстрой информации. Он постоянно руководит работой Великого посольства и таким образом держит в своих руках руководство внешней политикой России. Это не ускользает от внимания западных дипломатов, и австрийский резидент Плейер пишет донесение в Вену: «Царь все направляет по своему разумению..., посольство служит только прикрытием для свободного выезда царя из страны и путешествия, чем для какой-либо серьезной цели».

Действительно, посольство явно не спешило с выполнением своей официальной миссии. Видимо, нарочно тянули время, чтобы дать Петру возможность поработать топором на верфи. Однако дела, и немаловажные, шли своим чередом. 1 сентября 1697 года в Утрехте состоялась встреча Петра с Вильгельмом. Документально описывается внешний церемониал встречи и ни слова — о содержании проходившей с глазу на глаз беседы. Петр, для которого Вильгельм Оранский давно, еще по разговорам в Немецкой слободе, был любимым и уважаемым героем, очевидно, рассказывал о своих планах на Черном море, в Польше, о строительстве флота и т. п. Ясно, что собеседник Петра, человек опытный, хладнокровный и сдержанный, просто изучал странного царя далекой, таинственной России.

Посольство, откладывая под разными предлогами свое официальное представление высшему органу республики — Генеральным штатам, вело между тем напряженную работу, превратившись в своего рода выездное министерство иностранных дел. Идет дипломатическая переписка с Данией и Швецией, благодаря которой удалось получить заверения датского короля и шведского канцлера Оксеншерна относительно их одобрения Августа Саксонского в качестве короля Польши. Непрерывно поступают донесения от русского резидента в Польше Никитина о продолжающейся там борьбе между сторонниками Августа и де Конти. В Амстердам приезжает посол польского короля Бозе с настоятельной просьбой помочь Августу путем введения на польскую территорию 60-тысячной русской армии, стоявшей на границах. В ответ, по указанию Петра, естественно, следует согласие на такую меру, однако при обязательном условии подачи царю письменной просьбы, притом не только от короля, но также от сенаторов и всей Речи Посполитой. В ином случае, подчеркивают русские, Речь Посполитая может считать введение войск нарушением договора о «вечном мире» между Москвой и Польшей от 1686 года.

Петр и его сотрудники теперь имеют необычную для Москвы информацию: покупаются и прочитываются регулярно выходившие в Голландии куранты, то есть газеты. Новости из России поступают в многочисленных письмах. Среди них сообщения об успешных действиях русских войск под Лионом. Приходят поздравления с победой из Вены и сообщения об успешных операциях австрийских войск под командованием Евгения Савойского в продолжавшейся войне с Турцией. Дипломатическая деятельность Петра осуществляется без отрыва от работы на верфи, где 9 сентября был заложен обещанный фрегат, от многочисленных посещений музеев, ботанического сада,

анатомической лаборатории, разных мануфактур и т. и. Непрерывно идет работа по найму различных специалистов и их отправке в Россию.

17 сентября состоялся давно желаемый голландцами торжественный въезд Великого посольства в Гаагу — местопребывание высших органов власти. Для посольства (его численность превышала 150 человек) выделили две гостиницы и дворец. О своем прибытии русские послы известили других послов, за исключением французского. Петр предписал полный бойкот Франции в связи с ее интригами и Польше и дружескими отношениями с враждебной Турцией. Много времени заняли вопросы протокола на предстоявшей 25 сентября официальной аудиенции посольства Генеральными штатами. Великие послы выработали ритуал, основанный на старой кремлевской практике. Они требовали, чтобы депутаты штатов встречали их у кареты. Тому же бургомистру Витзену пришлось терпеливо разъяснять, что так их могут встречать слуги короля, но не депутаты, которые при республике являются суверенами — носителями верховной власти. Эти основы республиканской грамоты с трудом понимал даже порядком обрусевший Лефорт, не говоря уже о его русских коллегах.

Впрочем, не следует думать, что поведение московских послов кого-либо особенно поражало. И на Западе в то время церемониалом в дипломатии занимались часто больше, чем собственно делом. Одновременно с Великим посольством в Голландии, как уже сказано, проходил Рисвикский конгресс по выработке мирного договора между Францией и ее многочисленными противниками. Вот как описывает ход конгресса известный английский историк Маколей в своей многотомной «Истории Англии»: «Много заседаний проведено было в разрешении вопросов о том, со сколькими каретами, во сколько лошадей, со сколькими лакеями, со сколькими пажамы каждый министр может приезжать в Рисвик; могут ли пажи иметь при себе трости; могут ли они носить шпаги; могут ли они иметь пистолеты... Легко понять, что союзники, такие щепетильные в претензиях между собой, будут не очень уживчивы в отношениях своих с общим неприятелем. Главным занятием Арле (Франция) и Кауицца (империя) было наблюдать за ногами друг друга. Каждый из них считал несовместимым с достоинством своей державы идти навстречу другому быстрее его. Поэтому если один из них замечал за собой, что в забывчивости пошел недостаточно медленно, то возвращался к двери, и величественный менюэт начинался сызнова. Посланники Людовика написали одну бумагу па своем языке. Немецкие посланники протестовали против этого нововведения, этого оскорбления достоинства Священной римской империи, этого нарушения прав независимости других наций и не хотели принимать в соображение эту бумагу, пока она не была переведена с хорошего французского па плохой латинский язык... В этом торжественном делании пустяков проходила педеля за неделю. Существенное дело не подвигалось ни на шаг».

Наконец, 25 сентября состоялась официальная аудиенция и кроме множества живописных деталей церемониала, посольских одежд, поведения ее участников и обмена речами содержала в себе очень мало существенного. Лефорт в пространной речи сообщил, что великий государь всея Руси здоров, Головин добавил, что он успешно ведет войну с турками и делает обширные приготовления для ее продолжения, Возницын же закончил пожеланием, чтобы Генеральные штаты выслушали послов, то есть провели с ними переговоры. Затем были поданы в большом количестве подарки — драгоценные соболя. В ответ президент штатов произнес также долгую речь, смысл которой сводился к выражению радости по поводу побед царя и к пожеланиям того, чтобы над его страной сияло солнце благополучия. Петр был лишь свидетелем церемонии, находясь среди посольской свиты. Таким образом, русское посольство было как бы официально аккредитовано, и ему в последующие дни начинают один за другим наносить протокольные визиты послы Швеции, Бранденбурга, Англии, Дании и других стран, за исключением Франции.

А затем, 29 сентября, 2, 6 и 14 октября, происходят деловые переговоры между послами и специальной комиссией Генеральных штатов. Хотя Петр сразу же вернулся из

Гааги на свою верфь работать, он самым тщательным образом руководит деятельностью послов. Сохранился черновой проект инструкции Петра о том, что должны говорить или предлагать московские послы. Он составлен в виде вопросов послов и ответов царя. Например, на вопрос о том, какую помощь просить для ведения турецкой войны, Петр отвечает длинным перечнем оружия и разного морского снаряжения. По этой инструкции изготовлялась шпаргалка для посла. При этом Ф. А. Головин просил писаря писать пореже. Видимо, чтобы можно было разбирать текст, не поднося его близко к глазам. Таким образом, ясно, что Петр брал на себя лично всю ответственность — за неудачи или заслугу — за успехи. К сожалению, в данном случае успехов достичь не удалось. Больше того, московские послы, вернее, стоявший за ними Петр, показали известную наивность и неосведомленность в дипломатической практике. Вообще международные переговоры часто сводились в последнем счете к торгу, когда каждый из партнеров стремился побольше получить и поменьше дать. В данном же случае русские с самого начала, не получив еще ничего, открыто объявили о максимальном объеме того, что они могут дать Голландии.

Послы напомнили, что еще при царе Алексее Михайловиче голландцы просили предоставить им право вести транзитную торговлю с Персией и армянами. Тогда им в этом отказали. Однако теперь государь по своей доброй склонности готов предоставить Голландии такое право. Ожидая благодарности, послы услышали нечто прямо противоположное. Представители Голландии попросили изложить русские предложения о торговле с Персией в письменном виде. Удивленные послы заявили, что это голландцы должны представить свои соображения, поскольку они здесь — заинтересованная сторона. Представители Голландии, поблагодарив за доброе отношение, обещали представить предложения послов на рассмотрение Генеральных штатов и после их решения дать ответ.

На следующей встрече представители Голландии крайне холодно отнеслись к щедрому предложению московских послов. Они заявили, что вообще сейчас не могут дать никакого ответа, прежде чем не спросят мнения своих торговых людей. Русские опять напомнили, как раньше голландцы просили, о транзите и насколько это сокращает путь для торговли. Рассчитывая поймать партнеров на удочку коммерческой выгоды, московские послы вынуждены были констатировать, что на их наживку рыба не клюет.

И только после этого послам пришлось просить, чтобы Голландия оказала помощь России материалами и снаряжением, если невозможно деньгами, в строительстве большого флота для войны с турками. Их попросили изложить просьбу письменно, и на этом стороны раскланялись.

Третья встреча состоялась 6 октября. Комиссия от имени штатов заявила, что просьбу о снабжении России воинскими и корабельными припасами она удовлетворить не сможет из-за убытков и потерь, вызванных восьмилетней войной, из-за гибели многих кораблей и истощения казны. Тогда великие послы совершенно опустили до роли просителей, говоря, что-де в Голландии всего так много, а в Москве морских припасов нет, что взятое будет им возвращено или за него заплатят и т. д. Выслушав все это, представители штатов вновь с любезным, но холодным извинением подтвердили свой отказ. Московские послы выразили свою обиду и попросили дать им отпускную аудиенцию. 14 октября на последней, четвертой встрече комиссия в полном составе из девяти членов снова с теми же доводами отклонила просьбу России, обещая лишь рассмотреть ее в будущем.

В порядке неофициального утешения голландцы ссылались на то, что якобы штатгальтер и король Англии но склонен был удовлетворить просьбу русских. Но истинная причина была совершенно ясна. Только что заключив мир с королем Франции и даже еще не ратифицировав его, Голландия не хотела сразу же показывать ему враждебность, помогая войне против французского союзника — турецкого султана.

Кроме того, голландцы опасались за благополучие своей торговли на востоке Средиземного моря.

Послы получили затем ответную грамоту, состоявшую из общих фраз, прощальную аудиенцию и подарки в виде золотых украшений. Специалисты подсчитали, что стоимость этих подарков точно соответствовала стоимости тех подарков, которые Великое посольство вручило штатам при первой аудиенции.

Полезно сравнить безрезультатные переговоры в Гааге с итогами успешных переговоров в Кенигсберге. Разница совершенно очевидна. Но она объяснялась главным образом не лучшей или худшей дипломатической работой, а различием объективных условий. Бранденбург имел конкретные интересы в отношениях с Россией, которые не сравнимы с характером и размерами заинтересованности Голландии. Расположенная вдали от России, Голландия не имела с ней общих военно-стратегических интересов. Великая морская держава могла найти очень мало общего со слабой в военном отношении, далекой сухопутной страной. Интересы Голландии находились на морях, а Россия вообще не имела флота и, как казалось голландцам, не будет его иметь еще долго, поскольку сам русский царь пока только изучает ремесло корабельного плотника. Реальной основы для сотрудничества не существовало. Единственным исключением являлась заинтересованность Голландии в торговле с Россией. Но ее размеры оставались еще относительно небольшими. Объем торгового обмена с далекой северо-восточной страной не достигал и одного процента в голландском внешнеторговом обороте.

Что касается надежд русских послов на христианскую солидарность в борьбе с мусульманами, о которой они так много распространялись, то это выглядело довольно наивно на фоне событий в тогдашней Европе, где враждебные или дружественные коалиции создавались без учета различий в вероисповедании. Это, в частности, ярко обнаруживалось тут же, на переговорах в Рисвике. Но враждебную католической Франции коалицию входили не только протестантские страны (Голландия, Англия, Швеция), но и католические (империя, Бавария, Испания). Все воюющие страны звали ко Христу, что не мешало им сражаться самым беспощадным образом друг с другом. Ясно, что в Гааге ссылки русских на необходимость совместных действий в защиту креста господня серьезно не воспринимались. Европа, особенно Голландия, давно уже ушла от религиозной непримиримости и нетерпимости...

Да и рассчитывал ли сам Петр на лучший итог? Может быть, прав был австрийский дипломат, мнение которого уже приводилось, что Великое посольство — всего лишь прикрытия для путешествия царя, решавшего не столько непосредственные дипломатические задачи, сколько изучавшего опыт и достижения Европы с целью ликвидации отсталости России, при сохранении которой никакая самая ловкая дипломатия не могла быть эффективной. Не случайно Петр не обнаружил особого огорчения неудачей переговоров, тем более что какого-либо ухудшения русско-голландских отношений не произошло. Правда, после прощальной аудиенции официальная миссия Великого посольства тем самым прекращалась, поэтому кончилось содержание посольства на средства Голландии. В этом не было ничего необычного, ведь и так на Великое посольство голландцы истратили очень большую сумму, значительно превышавшую расходы на любое другое посольство. К тому же за русскими сохранили их помещение и несколько не возражали против их дальнейшего проживания в Амстердаме, где московские гости чувствовали себя, как дома. Несмотря на их весьма вольное поведение, за все время пребывания посольства в Голландии не произошло никаких серьезных инцидентов. Прекращение содержания посольства не сказалось на образе жизни послов. Лефорт по-прежнему роскошествовал, задавая грандиозные пиры. Даже степенный Ф. А. Головин увлекся западной гастрономией, прельстившись устрицами. Русские постепенно привыкают носить западноевропейскую одежду, хотя во время официальных церемоний даже Лефорт облачался в старомосковские традиционные одеяния.

Сомнения Петра в связи с неудачей переговоров, видимо, были окончательно рассеяны во время состоявшихся 20—29 октября его новых встреч и бесед с королем и штатгальтером Вильгельмом. Тогда-то и возник вопрос о поездке в Англию, правда, не всего посольства, а лишь группы волонтеров во главе с Петром. Дело в том, что работа па Ост-Индской верфи над постройкой фрегата перестает удовлетворять его. Петр овладевал здесь мастерством корабельного плотника, тогда как он хотел стать конструктором кораблей. Как только он обращался с вопросами, касавшимися теории кораблестроения, его мастер и наставник признавался, что всего на чертеже он показать не умеет. Петр испытывал досаду от того, что предпринятое им столь сложное и далекое путешествие не дает ему возможности достичь поставленной цели. Однажды, будучи в гостях в доме купца Яна Тесинга, Петр откровенно рассказал о своих затруднениях. Находившийся рядом англичанин заметил, что теория корабля высоко развита в Англии и там это дело можно изучить довольно быстро. Идея запала парю в голову, и он не преминул согласовать вопрос о поездке с Вильгельмом III. Недовольство Петра уровнем приобретенных им в Голландии знаний было заметно и при торжественном спуске 16 ноября построенного фрегата «Св. апостолы Петр и Павел» на воду. Петр не пожелал специально отметить это событие.

Решение о поездке в Англию особенно окрепло, когда 23 ноября Петр получил неожиданный и тем вдвойне более приятный подарок: на имя Лефорта поступило письмо английского адмирала лорда Кармартена. В письме говорилось, что английский король Вильгельм III, узнав во время личных встреч с Петром о его горячей любви к мореплаванию, дарит русскому царю только что выстроенную новую яхту «Транспорт ройял». Адмирал сообщал, что судно построено по его проекту, в котором он хотел сочетать изящество и скорость хода с удобством. Кармартен рекомендовал и капитана для яхты, знающего хорошо ее устройство и способного надежно управлять ею. Естественно, что Петр пришел в восторг и, горя желанием узнать подробности об обретенном сокровище, направил в Лондон майора Адама Веде с официальной целью известить короля о победе русских над турками под Таванью на Днестре. Главная же задача майора состояла в том, чтобы обязательно осмотреть яхту и узнать, когда же она прибудет к царю. Английский король явно хотел дать понять, что разногласия на переговорах не изменяют его хорошего отношения к Петру.

Конец 1697 года Великое посольство проводит в занятиях разнообразных. Поскольку не удалось добиться от Голландии помощи в оснащении будущего Черноморского флота, эту задачу решают теперь своими средствами. Усиленно разыскиваются и приглашаются специалисты для флота, а также для производства вооружения. Всего Великое посольство завербовало свыше 800 офицеров, инженеров, врачей, матросов и т. п. В основном это были голландцы, но также англичане, немцы, венецианцы, греки. Закупили несколько десятков тысяч ружей новейшего типа со штыками, много всякого морского оборудования и военных материалов.

Все время не прекращается оживленная переписка с Москвой; письма в Амстердам доходили оттуда за 20 дней. Ведется усиленная дипломатическая работа. В центре политических забот остается Польша. Принц де Конти и поддерживающая его профранцузская часть польских магнатов, несмотря на коронацию Августа Саксонского, не сложили оружия. В их распоряжении 11 тысяч войск. Русских послов непрерывно осаждают посол Польши Бозе (как саксонец, не знавший польского языка) с просьбами о военной помощи. При этом он сообщает, что обращается с подобной просьбой и к представителям других стран, среди которых Австрия определенно обещает помочь. Хотя условие, поставленное великими послами, о письменной просьбе так и не выполнено, принимается решение не медлить больше. 3 октября они вручили Бозе предписание князю М. Г. Ромодановскому оказать помощь королю (в случае его просьбы) против де Конти, литовского гетмана Сапеги и французской партии.

Петр получает сообщение, что французский посол в Стокгольме подкупает шведских сановников, стремясь побудить их действовать в пользу де Конти. 27 октября Лефорт направляет специальное письмо шведскому канцлеру Оксеншерну и просит пресечь интриги Франции. Послы вступают по этому же поводу в переговоры с послом Швеции в Голландии, который заверяет, что нынешнее состояние отношений с Францией таково, что Москва может не опасаться за благоприятную для Августа позицию шведского короля. Предпринимаются также шаги для воздействия на Данию с целью предотвращения пропуска в Балтийское море французского флота на помощь принцу де Конти. В подобного рода хлопотах проходит деятельность посольства. В середине декабря устраиваются специальные празднества по случаю победы под Таванью. Извещения о победе направляются союзникам — в Австрию, Венецию, Польшу.

И вот 26 декабря из Англии возвращается Вейде и докладывает, что с ним прибыли по приказу английского короля три корабля и две яхты для доставки русских волонтеров на Британские острова. Для всех отъезжающих срочно заказывается новое платье. Едут только волонтеры, посольство пока оставалось в Амстердаме. Лефорт устроил прощальный ужин, и 9 января 1698 года вышли в море.

ЛОНДОН И ВЕНА

Утром 11 января 1698 года, после трехдневного перехода через по-зимнему беспокойное море, Петр и сопровождавшие его «валантиры», слуги и стража (27 человек) прибыли в Лондон. При высадке он отказался от роскошно разукрашенной королевской лодки и предпочел воспользоваться баркой для перевозки багажа, чтобы не привлекать к себе внимания. Однако «инкогнито» Петра в действительности вызывало по отношению к нему, особенно в Англии, гораздо большее любопытство, чем если бы он прибыл открыто, как царь. Уже в день приезда король Вильгельм III рассказывал придворным и иностранным дипломатам о причудах Петра. Рассказчику и его слушателям казалось крайне забавным, что Петр, одетый в костюм голландского матроса, всю дорогу провел на палубе, без конца расспрашивая сопровождавшего его адмирала Митчела об устройстве корабля, сложности навигации и т. п. Он даже полез на мачту и пригласил последовать своему примеру адмиралу, который отговорился от Этого удовольствия, ссылаясь на свою солидную комплекцию. Австрийский резидент Гофман в своем донесении писал: «К этим подробностям о его прибытии сюда король прибавил, что это — государь, который забавляется только кораблями и мореплаванием и совершенно равнодушен к красотам природы, к великолепнейшим зданиям и садам и что он говорит и понимает по-голландски лишь о том, что касается мореходства».

В этом документе, как, впрочем, и в других дошедших до нас свидетельствах поведения Петра во время заграничного путешествия, явно сквозит ирония. Видимо, юный царь в беседах с Вильгельмом Оранским, пылким поклонником которого он сделался заочно еще в Москве, говорил о своих грандиозных планах создания могучего флота. В устах представителя сухопутной страны, никогда флота не имевшей и обладавшей единственным небольшим портом, недоступным большую часть года из-за льдов, это выглядело действительно смешно, если судить по обычным меркам. Царь долго еще будет вызывать у самодовольных богатых и сильных коронованных властителей судеб Европы иронию и жалость — в лучшем случае. И так будет вплоть до Полтавы... Впрочем, на всякий случай по отношению к Петру проявляли любезность, внимание и даже явный интерес. Король Англии заказал известному художнику Готфриду Кнеллеру, ученику Рембрандта, портрет Петра с натуры. Это не только одно из лучших изображений молодого царя, но и одно из наиболее достоверных. Иностранцы, видевшие портрет, а затем приезжавшие в Москву, сразу узнавали его даже в самой неожиданной обстановке и одежде. Это парадный портрет в традиционном королевском облике, мало напоминающий портреты предшественников Петра. На картине ему 25 лет, и он великолепен своим

открытым, мужественным, энергичным лицом, гордой осанкой и какой-то устремленностью в будущее...

А пока Петру приходилось сталкиваться подчас с откровенным пренебрежением, вызывавшим у него то приступы застенчивости, то раздражение и ярость. Пребывание в Англии занимает не столь уж большое место непосредственно в дипломатической деятельности царя, но в дальнейшем оно не могло не сказаться и на ней. Слишком много разнообразных впечатлений и познаний приобрел он за три месяца, проведенных в этой стране.

Однако — коротко о самой Англии конца XVII века, вернее, о ее столице — Лондоне. Это был тогда крупнейший город мира с населением в 700 тысяч человек, причем город, бурно развивавшийся. Еще за век до пребывания там Петра в Лондоне жило только 300 тысяч англичан. Как и Амстердам, Лондон — крупнейший порт. Есть точные данные: в 1698 году лондонский порт посетило 13444 корабля. Но если роль Амстердама уже начинала уменьшаться, то Лондон становился все более крупным центром мировой торговли. Надо отметить одну важную особенность: богатство Голландии создавалось главным образом торговлей, тогда как Англия наряду с этим опиралась на растущее быстрыми темпами промышленное производство. Очень многое из того, что видел Петр, в Лондоне сохранилось и поныне. Например, Тауэр или собор Св. Павла, который тогда достраивался. Петр посетил и осмотрел целую серию дворцов и замков, театры, музеи, поразившие его количеством книг библиотеки, обсерваторию в Гринвиче, университет в Оксфорде, множество различных производств. При этом он не походил на праздного туриста. Так, знакомясь с мастерской по изготовлению часов, Петр научился собирать и разбирать сложный механизм. Особенно активно, но несколько раз, он осматривал то, что его больше всего занимало. Это относится, например, к Монетному двору в Тауэре, которым заведовал тогда Ньютон и где, по утверждениям многих историков, не могла не состояться встреча царя с 55-летним великим ученым. Много раз он бывал в арсенале в Вулвиче, изучая производство пушек. Царь не жалел денег на приобретение всякого рода инструментов, особенно связанных с морским делом.

Прожив месяц в Лондоне, Петр переселился затем в Дептфорд, в то время отдельный городок, а ныне — район самого Лондона. Здесь он занял дом, непосредственно примыкавший к верфям, где строились корабли. Петр продолжает свое морское образование. Теперь он уже не работает сам топором, а изучает теоретический курс кораблестроения под руководством инспектора королевского флота сэра Антони Дина. Сочетая приятное с полезным, он занимается этим также в обществе подружившегося с ним маркиза Кармартена. Искусный кораблестроитель, конструктор королевской яхты, подаренной Петру, он был веселым и занимательным собеседником. В его обществе царь проводил много времени. Вильгельм III, зная склонности и пристрастия своего гостя, пригласил его посетить главную базу английского флота — Портсмут. Здесь для Петра устроили военно-морское учение самых крупных боевых кораблей. С восхищением смотрел Петр на то, о чем он пока мог только мечтать. Петр сказал тогда сопровождавшим его англичанам: «У адмирала в Англии значительно более веселая жизнь, чем у царя в России»¹. Позавидовать английскому адмиралу мог, естественно, только такой царь, как Петр, страстно полюбивший флот и море.

Таким образом, в Англии Петр приобретал еще более разнообразные впечатления и икания, чем в Голландии. Возникает вопрос: а не было ли слишком поверхностным и случайным знакомство Петра с Европой? Было ли достаточно серьезным это обучение

¹ Это высказывание заимствовано из книги Джона Перри о России, изданном в Лондоне в 1716 году. В многотомном исследовании М. М. Богословского о Петре со ссылкой на «предание» приводятся другие слова. Петр якобы сказал, что «предпочел бы быть английским адмиралом, чем русским царем» (том 2, стр. 352). Видимо, это неверный перевод или просто один из бесчисленных анекдотов, которые сочиняли о Петре многие иностранцы, что простительно, и которые берут па веру некоторые историки, что понять гораздо труднее.

Петра, да и самой России, еще мало подготовленных для восприятия и усвоения новейших достижений Европы? В качестве ответа на такой вопрос стоит упомянуть об эпизоде, относящемся именно к этому времени. Еще проезжая Германию, Петр оставил нескольких русских в Берлине для обучения артиллерийскому делу. В начале марта в Лондон пришло письмо сержанта Преображенского полка Корчмина из Германии, в котором он подробно докладывал, как идет учеба. Перечислив все, что уже было выучено, сержант сообщил: «А ныне учим тригонометрию». Прочитав письмо Корчмина, Петр в ответном послании, между прочим, спрашивал, как это Степан Пуженинов, один из его преображенцев, осваивает тонкости математики, будучи совершенно неграмотным? На этот вопрос Корчмин сообщал царю: «И я про то не ведаю: бог и слепых просвещает».

Если Петра поражала способность неграмотного солдата осваивать математику, то еще более поразительны гениальные способности самого Петра, который извлек столь много из фрагментарного, крайне ограниченного во времени знакомства с достижениями европейской цивилизации. Не бог просвещал Петра, а пламенное желание сделать Россию сильной, сознание, что иначе она просто не выживет в неизбежном соперничестве с ушедшими далеко вперед западными странами. Недостаточная даже по тем временам общая образованность Петра, краткость времени, естественно, жестко требовали отбора главного, самого необходимого из того огромного потока разнообразной информации, который обрушивался на русских. Поэтому предпочтение отдавалось всему, что прямо или косвенно относилось к решению неотложной задачи укрепления военной мощи России, особенно к созданию флота.

По это не значит, что все остальное просто игнорировалось. Вопреки довольно распространенному мнению Петр вовсе не пренебрегал вопросами общественно-политического или идеологического характера. Например, в Англии Петр охотно встречался и вел долгие беседы с епископом Бернетом — одним из образованнейших представителей англиканской церкви. Отнюдь не из праздного любопытства интересовался Петр церковными делами. Ему уже пришлось столкнуться с противодействием русской церкви новаторским замыслам. Вспомним патриарха Иоакима и его красноречивое завещание, в котором он заклинал царя не знаться с иностранцами. Петр хорошо помнил о том, какую огромную часть народного труда поглощает паразитирующее монашеское духовенство, сколько богатств захватила церковь. А он уже видел, как дорого будут стоить организация армии или строительство флота. С этой точки зрения Петра очень интересовали место и роль церкви в Англии, где она была подчинена государству и не имела монастырских земельных владений. Вообще Петру импонировала идея «дешевой церкви» в протестантском течении христианства.

Во всяком случае в Лондоне распространились слухи, что русский царь не слишком привержен к православию и очень интересуется другими вероисповеданиями. Это породило иллюзии и надежды в умах воинствующих протестантов, что можно склонить Петра в пользу англиканства. Такая перспектива вдохновила архиепископа Кентерберийского, и это он направил Гильберта Бернета к Петру. Поскольку царь охотно слушал епископа и несколько раз подолгу беседовал с ним, то сначала он производил благоприятное впечатление. Сохранились, письма Бернета, в которых он давал весьма лестную характеристику Петру. Русский царь, писал Бернет, «обладает таким уровнем знаний, каких я не ожидал встретить у него... Царь или погибнет или станет великим человеком». Однако в конце концов он понял, что шансы на «обращение» Петра равны нулю. В своих написанных позднее воспоминаниях Бернет говорил об отрицательных качествах Петра грубости, жестокости и т. д., проговариваясь, однако, о причинах изменения своего мнения, то есть о своей полной необъективности. Епископ пишет: «Он выражал желание уразуметь наше учение, но не казался расположенным исправить положение в Московии». В действительности же вскоре Петр именно «исправит» положение, серьезно ограничивая паразитические тенденции духовенства, не говоря уже о

пресечении любых поползновений на светское политическое влияние церкви в духе патриарха Никона.

В своем отношении к религии Петр проявлял гораздо больше идеализма, в хорошем смысле этого слова, чем профессиональные священнослужители. Ограничивая государственные притязания церкви, он ценил нравственную роль религии. Крайне интересна в этом отношении история с квакерами. Эта христианская секта, полностью отвергая церковность и обряды, выступала и выступает (до сих пор существуют в США, Англии и других странах сотни тысяч квакеров) за всеобщее братство, за нравственное совершенствование человека, за миролюбие. Когда Петр жил в Дептфорде, он стал посещать молитвенные собрания квакеров. Об этом узнал Вильям Пэн, крупнейший организатор движения квакеров, основатель квакерских поселений в американских колониях (отсюда, в частности, пошло название американского штата Пенсильвания).

3 апреля 1698 года И. Пэн отправился в Дептсфорд и встретился с Петром. Они долго беседовали на голландском языке, и Пэн подарил Петру несколько своих сочинений. После этой беседы царь продолжал посещать собрания квакеров в Дептфорде, внимательно наблюдал и слушал. Позже, через 16 лет, будучи в Северной Германии (Голштиния), Петр обнаружил молитвенный дом квакеров и посетил его с группой приближенных (Меншиков, Долгорукий и др.). Поскольку его спутники не понимали, что происходит, царь время от времени переводил им смысл проповеди на русский язык. Выходя по окончании службы, Петр сказал: «Счастлив будет тот, кто сможет жить по этому учению».

Все это, на первый взгляд, выглядит каким-то парадоксом, несовместимым со многими чертами петровской власти. Однако говорят сами за себя неоднократные проявления явного интереса Петра к духовной жизни людей. Несомненно его известное отвращение к официальной церковности, которую он так беспощадно пародировал своим всепьянейшим и всешутейшим собором. Но бесспорно также его серьезнейшее отношение к нравственным принципам христианства, столь цинично попиравшимся официальными церковными институтами, будь то православная, католическая или англиканская церковь. Крайне противоречивый нравственный облик Петра, постоянный внутренний этический конфликт, в котором билась его натура, между самоотверженной добротой и жестокостью были и навсегда останутся загадкой. В. О. Ключевский, не отличавшийся благосклонностью к Петру, судивший его очень сурово, отразил эту загадку в своей формуле: «Но добрый по природе как человек, Петр был груб как царь».

Спрашивается, а какое отношение все это имеет к нашей теме, то есть к петровской дипломатии? Самое непосредственное. Возвышенная нравственно-этическая риторика дипломатии, лицемерные церемонии и формальности, то, что стало позднее называться протоколом, служили формой прикрытия предельного цинизма и неограниченного господства голого практического интереса, не считающегося ни с какими нормами обыкновенной человеческой нравственности, сохраняющейся в большей или меньшей степени, в отношениях между частными лицами. Во взаимоотношениях государств, в дипломатии эти нормы исключены. Эту аксиому Петр с негодованием обнаруживает именно во время своего первого большого заграничного путешествия. И он, отвергая ее в отдельных эпизодах своего нравственного возмущения, должен будет в конце концов принять ее ради эффективности своих внешнеполитических действий. Такими оказались на деле те «добрые нравы» западной культуры, к которым Петр хотел приобщить своих пребывавших в «патриархальном варварстве» соотечественников.

Не пренебрегал Петр и светскими общественными делами тогдашней Англии. 2 апреля он наблюдал за совместным заседанием палаты лордов и палаты общин, проходившим в присутствии короля. И в Голландии Петр также интересовался политическими учреждениями. Впрочем, знакомство с западными системами управления не могло породить каких-либо иллюзий. В Англии парламент был формой правления аристократически-буржуазной олигархии; правом голосовать на выборах пользовалась

ничтожная часть богатого населения. В Голландии штаты в бытность там Петра были, послушным орудием всевластного штатгальтера. Что касается континентальных монархических государств, то суть тамошних порядков по уровню деспотизма не отличалась от московских. А вот западный опыт более рациональных методов административного управления Петр охотно использовал в своей последующей реформаторской деятельности. Часто приводят апокрифическую фразу, будто бы сказанную Петром после посещения английского парламента: «Весело слушать, когда подданные открыто говорят своему государю правду; вот чему надо учиться у англичан». Если эти слова и действительно были сказаны, то они не противоречили склонностям самого Петра. Документально подтверждается много раз, что окружавшие царя люди не только могли, но и говорили ему правду. В Лондоне, например, Петр получил письмо от Ф. Ю. Ромодановского, в котором тот уличал царя в путанице и язвительно объяснял ее «великим запоем», в котором, видимо, царь оказался. Такие товарищеские отношения он завел в своей «компании».

Но от этого еще очень далеко до признания царем ценности какой-либо формы парламентаризма. Петровская практика государственного управления осуществлялась в прямо противоположном направлении. При нем и речи быть не могло о созыве, например, Земских соборов, к чему прибегали его предшественники. Если рассматривать все правление Петра как просвещенный деспотизм, то знакомство царя с передовыми европейскими политическими порядками ничуть не побудило его сделать это правление менее деспотичным, хотя оно, несомненно, стало более просвещенным. Собственно, сами англичане как бы стеснялись перед Петром демократических грехов своей системы. Когда он осматривал в Тауэре музей оружия, то ему намеренно не показали один весьма любопытный экспонат: топор, которым за пятьдесят лет до этого, во время революции, отрубили голову королю Карлу I.

Что касается Петра, то его вряд ли шокировала бы подобная реликвия. Еще в самом начале Великого посольства Петр купил за границей топор для отсечения голов преступникам и послал его в подарок начальнику страшного Преображенского приказа «на отмщение врагам». Ромодановецкий, уведомляя о получении подарка, вскоре сообщил, что этим топором уже отрублено несколько голов. Словом, жадно перенимая в Европе технические знания, Петр не испытывал никакой склонности слепо подражать тамошним политическим и государственно-правовым институтам, в которых он не обнаруживал каких-либо преимуществ. Он чувствовал глубокую социальную разницу в положении России и Европы.

Что касается дипломатической практики Запада, то здесь действительно можно было поучиться. Дипломатия передовых стран отличалась таким двуличием, коварством и лживостью, какие московским дипломатам и не снились. В этом отношении весь период Великого посольства оказался крайне поучительным. Потерпев в Голландии полную неудачу в своих попытках заручиться помощью для войны с Турцией, Петр в Англии официально не ставит перед собой конкретных дипломатических задач, стараясь лишь сохранить нормальные русско-английские отношения. Вероятно, только этим царь и руководствовался в своих неоднократных встречах и беседах с королем Вильгельмом III. Главную цель пребывания в Англии Петр видел в овладении искусством кораблестроения. Поэтому он считал поездку в Англию не напрасной. «Навсегда остался бы я только плотником, — говорил Петр, — если бы не поучился у англичан».

Да и с точки зрения дипломатии время нельзя было считать полностью потерянным: гам можно было многое понять в тогдашних международных отношениях. Подходил к концу этап, который в истории международных отношений называют эпохой французского преобладания. На смену ему медленно, но неуклонно в международной жизни выступало преобладание Англии.

Осенью 1697 года, когда Петр был в Голландии, именно там, вблизи Гааги, в Рисвике, состоялось подписание мирного договора, завершившего войну между Францией

и коалицией стран Аугсбургской лиги. В начале октября Великое посольство специально ездило из Амстердама в Гаагу смотреть на празднества по поводу установления мира, отмечавшегося религиозными церемониями, парадными увеселениями и фейерверками. Петр приехал тогда в Гаагу для встречи с штатгальтером Вильгельмом. Таким образом, русские дипломаты, давно уже внимательно следившие за переговорами в Рисвике, оказались непосредственными свидетелями одной из самых интересных и сложных дипломатических комбинаций XVII века.

Война между Францией и Аугсбургской лигой (Голландия, Испания, империя. Савойя, Швеция, мелкие немецкие и итальянские княжества под эгидой папы Иннокентия XI) началась из-за захватнической политики Людовика XIV. Все новыми присоединениями за счет соседей «король-солнце» почти непрерывно округлял территорию «Франции». Он даже создал специальные «присоединительные палаты» для оформления захваченного. Общая опасность вызвала к жизни Аугсбургскую лигу, организатором и вдохновителем которой стал Вильгельм III. Новая коалиция почувствовала себя способной противостоять ранее непобедимому французскому королю после «славной революции» 1688 года в Англии. Вильгельм III, будучи штатгальтером Голландии, сделался еще и королем Англии, что облегчило ее присоединение к лиге. Это оказалось тем более своевременным, что именно в 1688 году Людовик XIV снова направил свои армии в Германию, на этот раз в Пфальц. Страны Аугсбургской лиги ответили войной, развернувшейся в Испании, Италии, Бельгии, на Рейне. Французы, воюя сразу на нескольких фронтах, действовали успешно. Правда, они потерпели поражение от английского флота на море. И все же казалось странным, что Людовик XIV согласился заключить мир на этот раз не только без новых завоеваний, но даже уступив ряд занятых территорий в Испании, в Южных Нидерландах и в Германии. Франция сохранила, правда, Страсбург, хотя престиж Людовика явно пострадал. В первый раз он возвращал завоеванное и ограничивался левым берегом Рейна. Неужели это конец политики присоединений? К тому же оказался ослабленным сам принцип абсолютной монархии, ибо Франция пошла на признание английского конституционного королевства Вильгельма III.

Дело в том, что, соглашаясь на Рисвикский договор, Людовик XIV рассчитывал вскоре с лихвой вознаградить себя за все потерн. Явно доживал свои последние годы король Испании Карл II, который как бы олицетворял собой не только конец испанской династии Габсбургов, ибо у него не было потомства, но и закат Испании. Некогда саман могучая и богатейшая из европейских держав переживала глубокий упадок. Господство аристократии и католической церкви душило живые силы страны. Уже в Тридцатилетней войне Испания потеряла 300 кораблей. К концу века от непобедимого, когда-то знаменитого флота осталось полтора десятка полусгнивших судов. Армия насчитывала всего семь тысяч человек. А между тем Испания со своими заморскими владениями была самым обширным государством мира. Слабеющая власть Карла II кроме Испании распространялась на большую часть Италии, Южные Нидерланды, на необъятные территории Южной, Центральной и части Северной Америки, на важные земли в Африке, на крупные архипелаги в разных океанах: Филиппины, Канарские, Антильские, Каролинские острова.

И вот это самое богатое из всех когда-либо существовавших наследств, казалось, само шло в руки Людовика XIV. Ведь он был женат на старшей сестре Карла II испанского Марии-Терезии и, следовательно, их сын — законный наследник огромных испанских владений, которые вот-вот останутся без хозяина. Но беда в том, что был и еще один наследник — император Священной римской империи, то есть Австрии, Леопольд I. Он был женат на другой сестре Карла II — Маргарите-Терезии и имел от этого брака сына — эрцгерцога Карла, который также мог претендовать на наследство. Кто же будет наследником? Ответ мог дать сам Карл II, вернее, те, кто сумеет убедить его назначить того или иного наследника. В этом направлении и шла работа. Супруга Карла II Мария-

Анна являлась сестрой Леопольда I и, действуя по указаниям австрийского посла фон Гарраха, выступала за передачу испанского наследства сыну своего брата, австрийского императора. Но действовала под руководством ловкого дипломата — посла Франции графа д'Аркура и другая, французская партия.

Все эти дипломатические проблемы осложнялись не только старым соперничеством Бурбонов и Габсбургов, то есть Франции и Австрии, но и борьбой за колонии и за господство на море так называемых морских держав — Англии и Голландии. Эти и другие европейские страны опасались, что переход Испании с ее владениями только к Бурбонам или только к Габсбургам нарушит равновесие сил и создаст опасное сосредоточие мощи в одних руках. Поэтому уже давно шла напряженная дипломатическая борьба за испанское наследство. И становилось все ясней, что миром дело не кончится. Каждый из претендентов намеревался любой ценой получить свое «законное» наследие. Словом, дело шло к войне. Потому и спешили развязать себе руки заключением Рисвикского мира и получить время для дипломатических маневров так же, как и для подготовки к войне.

Ясно, что Россия должна была иметь возможно более точное представление о тогдашней ситуации. И в этом отношении Великое посольство не могло не оказаться крайне полезным. Ведь ни в Бранденбурге, ни в Голландии, ни в Англии Россия не имела, как мы видели, постоянных представителей. Из далекой Москвы Европа представляла в очень неопределенном виде. Вряд ли, в частности, можно было оттуда увидеть все с такой достоверностью, как это увидел Петр за границей. В самом деле, с первого взгляда Рисвикский мир казался выгодным для России. Ведь он освобождал руки, а точнее, войска союзника по войне с Турцией, Австрии. Можно было бы надеяться поэтому, что, освободившись от войны с Францией, она усилит военные действия против общего врага. Однако Австрия явно не останется в стороне от борьбы за испанское наследство, и, значит, на ее поддержку в отношении Турции рассчитывать нельзя. Вернее было бы считаться с очень большой вероятностью близкой большой войны. 29 октября 1697 года Петр писал А. Виниусу из Амстердама: «Мир с французами заключен и три дня назад был отмечен в Гааге фейерверком. Дураки очень рады, а умные опасаются, что французы их обманули и ожидают вскоре новую войну, о чем буду писать подробнее».

Главным направлением тогдашней русской внешней политики было продолжение и усиление войны с Турцией. После взятия Азова она осуществлялась успешно. В январе 1697 года был подтвержден и закреплен союз с Австрией и Венецией. Но вскоре после этого перспектива войны за испанское наследство ставит все под вопрос. Основная угроза для русской политики возникала с той стороны, с которой как будто ее меньше всего можно было ожидать. Дипломатия морских держав — Англии и Голландии, любезно принимавших Петра, одновременно ведет против него опаснейшую игру. Ее можно было почувствовать уже в той твердости, с какой в Гааге была отвергнута русская просьба о помощи в создании флота против Турции. Но это вовсе не значило, что Голландия, а вместе с ней и Англия не хотели продолжения войны России против Турции. Нет, речь шла о коварном замысле с целью оставить Россию в войне с Турцией один на один, предоставив ей лишь роль противовеса, который отвлекал бы на себя турецкие силы, а Австрия имела бы свободные руки для войны с Францией за испанское наследство. Война этих стран между собой была крайне желательна Англии и Голландии, ибо она создавала прекрасные возможности в их борьбе за колонии, рынки, торговые привилегии, за господство на морях. Война давала им шансы урвать богатые куски не только испанского колониального наследия, но и части заморских французских владений. Но без полного участия всех сил Австрии в борьбе с Францией такие замыслы могли не осуществиться. Поэтому дипломатия Голландии и Англии, используя также внутреннее ослабление Османской империи, предпринимает энергичные шаги в Стамбуле (Константинополе), чтобы склонить турок к миру с Австрией. Французские дипломаты, естественно, всеми

силами препятствуют этому, но безуспешно. Берет верх «мирное посредничество» Англии и Голландии.

Еще 8 декабря в Амстердаме Великое посольство получает письмо от своего тайного агента из Вены о том, что турецкий султан намерен прислать послов для переговоров о мире с Австрией. Правда, одновременно сообщается, что Вена готовит 100-тысячную армию для похода на Белград. Что здесь является правдой и что ложью? Судя по назойливости, с какой австрийский посол заверят, что в апреле войска императора обязательно пойдут на Белград, именно это было ложью. В действительности уже начались переговоры о сепаратном мире Австрии с Турцией. Но это тщательно скрывалось от России, ибо для нее отводилась неблагоприятная роль пешки в игре Англии, Голландии, Австрии и других стран Западной Европы, уже расставлявших главные фигуры на шахматной доске большой внешнеполитической игры.

В то время как маркиз Кармартен занимал Петра катанием на изящной яхте, а король — показательными морскими сражениями, экскурсиями в Оксфорд и палату лордов, за его спиной шли все эти закулисные махинации. Позднее, 27 июня, когда уже в Вене для Петра станут ясны маневры австрийского и английского дворов, к русским великим послам явится резидент английского короля Старлат с извинениями по поводу того, что король во время пребывания Петра в Англии ничего не сообщил ему о своем посредничестве между турками и цесарем. Русским объяснили, что так было сделано в соответствии с принятым «среди христианских государей» обычаем хранить посредничество в тайне, а также по просьбе австрийских министров ничего не разглашать, пока не состоится сепаратная сделка между Турцией и Австрией, пока не будут разработаны втайне от союзника, то есть от России, условия мирного договора. Но все это будет позднее, а пока в Англии Петра оставляли в неведении относительно опасного дипломатического заговора против него, заверяя царя при этом в дружбе и любви. Однако, по косвенным данным, все же и тогда было ясно, что возможна большая европейская война. 29 марта Петр пишет А. Виниусу, что в Бресте французский король готовит большой флот. Из письма следует, что царь в принципе верно уловил смысл вероятного развития событий в случае смерти испанского короля Карла II. Он понимал также невозможность своего воздействия на них и поэтому решал собственные четко поставленные задачи, внимательно наблюдая за обстановкой.

В Голландии, где русская дипломатия стремилась к заключению определенных соглашений, достичь этого не удалось. Напротив, в Англии, куда Петр поехал без великих послов, неожиданно открылась возможность выгодного договора. Еще в Амстердаме к нему обратились английские купцы с просьбой разрешить им торговлю табаком в России. Тогда царь дал уклончивый ответ. Австрийский дипломат Гофман писал в своем донесении в Вену, что Петр «по своей обычной манере говорить (как будто бы он не был сам царем) отвечал, что у царя в его стране есть Совет, к которому и надо обратиться по этому делу, и что царь в подобных случаях ничего не предпринимает без его мнения». Как видно, Петр уже усвоил самый распространенный прием дипломатии: никогда не давать сразу определенного ответа.

Но в Англии предприимчивые английские торговцы нашли все же подход к царю. Его новоиспеченный друг маркиз Кармартен, этот беззаботный весельчак, бесшабашный кутила и вообще душа нараспашку, оказался весьма расчетливым дельцом. Он легко добился согласия Петра предоставить ему монопольное право ввозить и продавать табак в России. Но и Петр в этой сделке показал, что он усвоил методы европейского практицизма и не дал маху. В России русские купцы уже получили право табачной торговли. Однако по договору с Кармартеном казна должна была получить в три раза больше прибыли. Более того, уже в Голландии Великое посольство оказалось без гроша и требовало присылки из Москвы новых денег. Большие закупки и наем специалистов быстро поглотили все. В Лондоне дело дошло до того, что Петр вынужден был взять займы у английских коммерсантов. Аванс за табачную монополию в 12 тысяч фунтов

давал возможность расплатиться с долгами и продолжать разные закупки вроде медицинских инструментов или чучела крокодила.

Во всем этом деле с табаком был один весьма щекотливый момент. Курение табака в России запрещалось. Уложение царя Алексея Михайловича в статье 16 главы XXV предусматривало за курение в первый раз — пытку и битье кнутом, а попавшимся вторично полагалось вырывать ноздри и обрезать носы. Курение табака преследовалось по религиозным соображениям. Незадолго до Великого посольства патриарх Адриан предал анафеме (наказание, считавшееся хуже смертной казни) за торговлю табаком не только самого купца, но и его детей и внуков.

Петр, направляя своим послам в Амстердам повеление подготовить договор о табаке и сообщая о всех деталях договоренности, приказал не распечатывать конверт, не осушив предварительно по три больших кубка вина, что великие послы охотно и сделали. Ознакомившись затем с письмом, они радостно одобрили его. Даже богобоязненный Возницын горячо приветствовал «такое прибыльное и пожиточное дело». После прочтения письма, сообщали царю послы, они уже по собственной инициативе осушили еще по три кубка, после чего, как писал Головин, «гораздо были пьяны». Петр знал свои дипломатические кадры! С их стороны не последовало никакого возражения против закрепленного в договоре обязательства царя отменить все законы, запрещающие курение.

В Лондон из Амстердама срочно прибыл Ф. А. Головин, самый серьезный помощник Петра по дипломатической части. Он должен был подписать табачный договор; у Петра не было для этого официальных полномочий. Он был в Англии под вымышленным именем П. Михайлова. К тому же Головин в своих письмах уже давно жаловался на гору нерешенных важных дел и вообще требовал поскорее ехать в Вену, откуда поступала кое-какая обрывочная, но тревожная для русских интересов информация.

18 апреля 1698 года Петр в сопровождении Ф. А. Головина нанес прощальный визит королю Вильгельму III. В завершение беседы царь вынул из кармана завернутый в коричневую бумажку небольшой предмет. Развернув, король увидел огромный необработанный алмаз (по другим сведениям, это был рубин). Говорили, что такой камень мог бы стать лучшим украшением королевской короны. Прощание не затянулось. Австрийский посол Ауерсперг писал в Вену императору: «Царь откланялся королю Вильгельму и с нежностью уверил его в своей постоянной дружбе. Однако, когда он узнал, что сюда от лорда Пэджета (посол Англии в Стамбуле) прибыл секретарь с некоторыми мирными предложениями, он выразил недовольство, что король не сообщил ему о том. Царь того мнения, что еще не время заключать такой мир, и, вероятно, будет противодействовать его заключению, когда прибудет ко двору нашего величества».

Что касается самого по себе пребывания Петра в Англии, то ему в целом жаловаться не приходилось. Он выражал полное удовлетворение знакомством с этой страной и говорил, что «английский остров — лучший и самый красивый в мире». Нее предоставлялось к его услугам, перед ним открывались все двери. От Петра ничего не скрывали, будь то новинки военной техники или тайны английского денежного обращения. Исключением оказались тайны английской дипломатии, причем тайны, которые самым прямым, непосредственным и болезненным образом касались жизненных интересов России. За обаянием дружелюбного, радушного хозяина скрывался опасный дипломатический противник. Правда, серьезные политические отношения двух стран еще только начинались, хотя связи между Англией и Россией возникли еще при Иване Грозном. Но теперь Россия в облике самого царя действительно выходила на арену европейской политики. Во всяком случае молодой русский царь имел весьма смелые, необычные планы и намерения. Все еще было в будущем, в котором, как писал Маркс. Англии суждено было стать «главной опорой или главной помехой планам Петра».

Но для основных внешнеполитических планов Петра пока не настало время, а для конкретных дипломатических замыслов того периода она явно оказалась помехой. Как бы то ни было, но о трехмесячном пребывании Петра в Англии в 109К году знаменитый английский историк XIX века Маколей напишет: «Его путешествие — эпоха в истории не только его страны, но и нашей и все го человечества».

25 апреля Петр оставил берега Англии. После короткого перехода через бурное, и на этот раз, море он уже снова в Голландии. Первую неделю Петр вместе с Лефортом использовал для осмотра того, что он еще не видел в этой стране. Он посетил замок принцев Оранских, университет в Лейдене, его анатомический театр. Он встретился также с Левенгуком, который показывал ему свой знаменитый микроскоп.

Когда Петр находился в Англии, Великое посольство, остававшееся в Голландии, занималось главным образом приобретением снаряжения для будущего флота и наймом специалистов. Затем на нескольких кораблях началась их отправка в Архангельск. Что касается политики, то Петра ожидали в Голландии неприятные известия, и прежде всего из России. Дело началось с того, что Петр попытался использовать стрелецкие полки по прямому назначению. Они участвовали во взятии Азова и затем больше года несли там кое-как гарнизонную службу. Но больше всего они мечтали о возвращении в Москву, где занимались торговлей и другими промыслами. Однако осенью 1697 года им приказали идти на литовскую границу и присоединиться к армии М. Г. Ромодановского, находившейся здесь в связи с польским междоусобьем из-за выборов нового короля. Хотя войскам Ромодановского так и не пришлось воевать и вообще вступать в Польшу, стрельцы были крайне недовольны, ибо служить государству не привыкли. Весной 1698 года 175 стрельцов самовольно отправились в Москву, вступив в связь с Новодевичьим монастырем, где томила Софья. Серьезного ничего не случилось, беглых стрельцов после мелких столкновений отослали обратно, но симптом был тревожный. Оживали прежние опасения Петра. К тому же его продолжительное отсутствие оказалось почвой для слухов, что-де с царем что-то случилось. Тревога и растерянность охватили даже людей, которым Петр доверил власть.

Главные, хотя уже и не новые огорчения ожидали Петра в делах международных. Поступали сведения о распаде антитурецкой коалиции. В феврале Турция и союзники России — Австрия и Венеция, а также посредники — Англия и Голландия начали разработку конкретных положений мирного договора. 12 мая резидент в Варшаве Никитин прислал текст официальной грамоты цесаря Петру, в которой сообщалось о мирных предложениях султана, сделанных через английского короля, и предлагалось назначить русских представителей для участия в мирных переговорах. Кроме того, получены были копии шести документов, которыми обменивались между собой Турция, Австрия, Англия и Голландия. Подготовив все втайне и за спиной союзника, император хотел соблюсти видимость приличия и приглашал царя присоединиться к уже достигнутой договоренности. Фактически речь шла о том, что договор о продолжении совместной войны против Турции, заключенный немногим более года назад, и прежние соглашения были грубо нарушены и, таким образом, Россию поставили перед свершившимся фактом закулисной сделки. Дальше ждать было нечего, решили ехать в Вену.

14 мая состоялась прощальная встреча Великого посольства с официальными голландскими лицами, среди которых были великий пансионарий Гейнсиус и бургомистр Амстердама Витзен. Сначала встреча проходила в обстановке взаимной любезности, но затем Петр не выдержал и выразил возмущение двуличием голландцев, на словах выражавших русским пожелания победы, а на деле помогавших расколоть антитурецкий союз своим посредничеством. Застигнутые врасплох представители голландских властей прибегли к явной лжи, говоря, что им ничего не известно о переговорах. Тем не менее до разрыва не дошло, хотя прощание явно было испорчено.

15 мая Великое посольство отправилось в дорогу: послы до границы плыли по каналам и рекам, а Петр, обгоняя их, двинулся по суше. Но пути он посетил владения

курфюрста Саксонского Августа I, ставшего теперь и польским королем. Несколько дней потратил Петр на осмотр и изучение коллекции музея в Дрездене, арсеналов, крепостей, на неизбежные церемонии и празднества. Принимали русских с исключительным радушием: придворные Августа II («вторым» он стал как польский король) хотели отблагодарить за полученную им польскую корону.

Совсем другую атмосферу ощутило Великое посольство, подъезжая 11 июня к Вене. Уже в первых беседах с австрийскими представителями в городке Штокерау обнаружилось пренебрежительное отношение к послам. Из-за мелких формальностей и проволочек торжественный въезд в столицу откладывался. Во время согласования различных деталей церемониала Петр проявляет крайнее раздражение. Академик М. М. Богословский пишет: «Видимо, терпение Петра истощалось: лишний день казался ему тягостным и, понятно, если припомним, что он спешил в Вену на почтовых лошадях, налегке, проводя день и ночь в дороге».

Это замечание, совершенно справедливо в отношении конкретных событий, о которых идет речь, вызывает тем не менее серьезные вопросы. Если Петр спешит, чтобы вмешаться и переговоры о мире и оказать на них свое влияние, то почему он начал спешить так поздно? Ведь первые сведения о сепаратных мирных переговорах между Турцией и Австрией и о посредничестве в этом деле Англии и Голландии Петр получил примерно за два месяца до приезда в Вену! Почему на протяжении этого времени русская дипломатия ничего не предпринимала? Очевидно, можно было послать в Вену специального представителя или хотя бы одного из великих послов, находившихся в Амстердаме. Наконец, имелась возможность обратиться к императору с каким-то посланием, запросить информацию для подтверждения или опровержения слухов о переговорах и т. п. В действительности, однако, ничего не делалось. Такая внешняя пассивность может показаться таинственной загадкой, если забыть, что именно в эти месяцы кажущегося дипломатического бездействия Петр осознавал, как это видно из его писем Внниусу, вероятный ход событий. А они развивались в совершенно определенном направлении. Австрийские Габсбурги дождались давно вожделенного момента, когда наконец-то они получили реальную возможность сокрушить своего заклятого врага — Францию, Людовика XIV. В войне против Аугсбургской лиги ясно обнаружилось ее роковое ослабление. Но Франция может воспрянуть, если обретет испанское наследство. Помешать ей теперь, имея поддержку морских держав — Англии и Голландии, казалось вполне реальным делом. При этом империя имела блестящий шанс приобрести львиную долю испанского наследства — саму Испанию, предоставив союзникам части испанских и французских колониальных владений. В Вене понимали, что Турция, наголову разбитая знаменитым австрийским полководцем Евгением Савойским в сентябре 1697 года при Зенте, легко отдаст Австрии захваченные у нее богатые территории Венгрии и Трансильвании и долго не будет опасной, особенно если продолжится ее война с Россией. Петр видел, что выбор Австрии сделан и побудить ее действовать иначе — задача почти невыполнимая. Словом, надежд на успех в попытке побудить Австрию продолжать войну с Турцией и тем ослабить себя перед грандиозной схваткой за испанское наследство почти нет. За колебаниями и медлительностью царя скрывалась мучительная, напряженная работа его еще неискушенной мысли, которой надлежало проникнуть в это сложнейшее дипломатическое хитросплетение. Но еще труднее для него было понять, что бросить все на произвол судьбы и вообще выйти из игры тоже нельзя. Даже в самой сложной, и чем-то безнадежной ситуации надлежало сделать все, что можно, для наилучшего обеспечения интересов России. Истинное дипломатическое искусство начинается там, где действуют с минимальными шансами на успех. Это искусство кончается и превращается в капитуляцию, если такими шансами пренебрегают и отдаются па волю слепого случая. Для Петра такое поведение было немыслимым, ибо его главная особенность как дипломата и политического деятеля, проявляющаяся все отчетливее по мере приобретения опыта, заключалась в способности не опускать рук даже в самых трудных, самых

сложных условиях. Вот почему после официального торжественного въезда его посольства в Вену он начинает действовать исключительно энергично.

Еще в Штокерау русские поставили вопрос о личной встрече царя с императором Леопольдом I. Поскольку Петр находился в составе посольства «инкогнито», под вымышленным именем и знанием, речь, следовательно, шла о встрече неофициального характера. Австрийская сторона отнеслась к идее встречи сдержанно, сведя все дело к тщательной разработке церемониала. Традиционное пристрастие к этикету вообще отличало австрийский двор, и это почувствовалось при встрече царя с императором 10 июня.

Впрочем, Петр, одетый в темный голландский кафтан и поношенный галстук, сразу же из-за своей порывистости нарушил сценарий, пройдя слишком далеко навстречу Леопольду. Свидание 26-летнего русского царя с 58-летним австрийским императором было характерным во многих отношениях. Разница в возрасте лишь символизировала огромное различие между партнерами: молодой, энергичный, преисполненный планов и надежд Петр и пожилой глава империи, представлявший остатки прежнего величия. Пышное название — Священная римская империя германской нации — выглядело несколько устаревшим после Тридцатилетней войны, оставившей под властью династии Габсбургов лишь Австрию с искусственно присоединенными к ней различными славянскими, венгерскими, германскими владениями. Тем более упорно и осмотрительно действовали австрийские политики, увидев перед собой возможность возродить прежнее могущество. К тому же император отличался осторожностью и опытностью. Его канцлер граф Кинский соперничал с ним в этих качествах. Словом, уже в чисто человеческом плане Леопольд I был антиподом Петра. В политическом отношении, несмотря на существование формальных союзнических отношений, они также стояли на различных позициях. Одержав победу над турками, австрийцы спешили закрепить ее, чтобы освободить руки для войны за Испанию. Петр добился взятием Азова только первого успеха, который надо было развивать, продолжая войну. Для этого строился флот, приглашались иностранные офицеры и специалисты, закупалось военное снаряжение. Заключение мира перечеркнуло бы все усилия Петра, сделало бы бесцельными тяготы, которые он уже наложил на свою страну. Итак, интересы партнеров явно расходились. Поэтому, соглашаясь на личную встречу, Леопольд не хотел говорить о конкретных политических делах, а Петр согласился с этим, не имея другого выхода. Действительно, беседа свелась к обмену пустыми любезностями. Петр выражал свое особое удовольствие приветствовать «величайшего государя христианского мира». Из подобных банальностей и состояла вся беседа, продолжавшаяся менее четверти часа. В одном Петр превзошел самого себя. Своей учтивостью он сразу успокоил все опасения, вызванные слухами о крайней экстравагантности поведения царя. Видимо, это стоило ему большого напряжения. После окончания беседы и прощания, проходя по парку, Петр увидел стоявшую в пруду лодку, немедленно вскочил в нее, схватил весла и сделал несколько кругов, чтобы дать выход сдерживаемой энергии...

Иностранные послы в Вене в своих донесениях, словно сговорившись, в один голос писали о воспитанности и цивилизованности царя мало известной им России. Например, испанский посланник сообщал: «Он не кажется здесь вовсе таким, каким его описывали при других дворах, но гораздо более цивилизованным, разумным, с хорошими манерами и скромным».

Однако скромностью и хорошими манерами в реальной дипломатии мало чего можно добиться. Оказалось, что русское Великое посольство не может даже начать официальные переговоры. Дело в том, что переговоры могли состояться только после торжественной аудиенции посольства у императора, а она оказалась невозможной, поскольку забыли привезти с собой обязательные подарки, пресловутые собольи шкурки, без которых не начиналась и не кончалась ни одна акция дипломатии Московского государству. Приходилось ждать, пока дворянин Борзов привезет подарки из Москвы.

Затягивались также переговоры о деталях сложнейшего церемониала аудиенции. А между тем союзники и посредники полным ходом вел и переговоры с турками, о содержании которых Петру оставалось только догадываться.

Тогда Петр, отбрасывая формальности, направляет канцлеру Кинскому записку с тремя четкими вопросами: 1) Каково намерение императора: продолжать ли войну с турками или заключить мир? 2) Если император намерен заключить мир, то какими условиями он удовольствуется? 3) Известно, что турецкий султан ищет у цесаря мира через посредничество английского короля: какие условия предлагаются турками императору и союзникам?

Когда граф Кинский созвал совещание австрийских министров с участием посла Венеции по поводу записки Петра, то вопрос стоял не о том, чтобы согласовать с союзником общую позицию. Ответ туркам на их мирные предложения пока не был послан и еще можно было бы учесть требования России. Однако решили сначала послать окончательный ответ Турции. Только потом будет дан ответ царю. Иначе говоря, Россию (в лице самого царя!) заранее отстраняли от разработки условий мира. Это была поразительная, наглая бесцеремонность. Петру давали понять, что его мнение в принципе не имеет значения, что он заслуживает лишь информации о свершившихся фактах. Правда, посылая ответ на турецкие предложения, документ на всякий случай поместили задним числом, будто он отправлен еще до приезда Великого посольства.

И только на другой день, 24 июня, Кинский принес письменный ответ на вопросы царя. На первый вопрос австрийцы отмечали, что император выбирает «почетный и прочный мир». На второй — мир будет заключен на основе сохранения за сторонами тех территорий, которые сейчас занимают их войска. В качестве ответа на третий вопрос прилагались копии документов, в том числе письмо великого турецкого везира и уже отправленный ответ туркам за подписью Кинского и посла Венеции Рудзини. то есть документ с фальсифицированной датой.

Русские, конечно, насквозь видели трюки австрийской дипломатии. Однако открыто разоблачать ее — значит, идти на разрыв, что привело бы к полной изоляции России. Такой шаг, казалось, более всего соответствовал крутому характеру Петра, если этот характер рассматривать в соответствии с ходячей версией, согласно которой царь по своей природе просто не способен выносить противодействие. В действительности. Петр умел идти на компромиссы, реально оценивать свои возможности, смирять свою гордость ради долговременных интересов русского государства.

Но Петр не собирался прекращать борьбу. В этот же день, 24 июня, к нему явился тайный посланник польского короля Августа II, генерал Карлович. Король выполнял пожелание Петра, высказанное польскому послу еще и Голландии. Таким образом, царь предвидел спую изоляцию в Вене и хотел заручиться под дерзи кои хотя бы короля Польши, несмотря на его крайне неустойчивое положение на шатком троне. Поддержку он получил, и агент Августа заверил Петра, что его король во всем полагается на него и готов вместе с ним противостоять маневрам венского двора. В свою очередь Петр просил передать Августу свое твердое намерение по-прежнему защищать интересы короля. Беда заключалась в том, что король Польши еще не сама Польша, власть короля там эфемерна. Существовала Речь Посполитая. то есть польские магнаты, которые проводили свою внешнюю политику. Как бы то ни было, тайные встречи Петра с Карловичем явились попыткой приобретения хотя бы одного союзника в условиях, когда обнаружилось, что другие официальные союзники, то есть Австрия и Венеция, а также «дружественные» морские державы Англия и Голландия открыто пренебрегают Россией и ее интересами. Петр, ознакомившись с письменными ответами на свои три вопроса, решил лично провести переговоры с графом Кинским и пригласил его на беседу 26 июня. Содержание беседы дошло до нас почти в стенографической записи «Статейного списка посольства». Говорил в основном Петр, говорил резко и прямо. Отвечал — коротко, уклончиво, неясно — Кинский. Доводы Петра неотразимы, ответы Кинского гуманны и

неубедительны. Русский царь заявил, что император, вступая в переговоры с общим врагом и не предупредив союзника, нарушает свои обязательства. Он делает это не ради прекращения «пролития христианской крови», а для подготовки войны за испанское наследство. Петр отклонил заключение мира на основе сохранения за каждым того, чем он владеет в данный момент. Россия, взяв Азов, но не получив Керчь, еще не обеспечила своей безопасности от нападений крымских татар. Поэтому она не может принять мир, который делает напрасными ее жертвы и бесцельными затраты для продолжения войны. Мир не гарантирует от опасности новых турецких нападений не только Россию, но и саму Австрию, что она почувствует, когда бросит свои силы против Франции с целью приобретения испанского наследства. К тому же переброска армии на запад сразу же усилит борьбу Венгрии за независимость, где и без того не прекращаются анти-австрийские восстания. Ссылки Кинского на требование Англии и Голландии поскорее заключить мир означают, что император ставит торговые интересы этих стран выше соблюдения обязательств перед союзниками. Свои конкретные предложения для мирных переговоров царь намерен наложить в «статьях», то есть в специальном документе, который он прикажет подготовить.

Все заявления Петра напоминают современные международные документы, обращенные не столько к политикам других стран, сколько к общественному мнению. По тогда этот фактор, естественно, почти полностью в дипломатии игнорировался. Тем более что это были конфиденциальные переговоры. Остается сделать вывод, что Петр искренне верит в принципы справедливости, морального права и доводы разума. Это вытекает также из того обстоятельства, что заявление Петра не содержит в себе обычно выдвигавшегося предложения о сделке. Он практически не предлагает выгодной альтернативы партнеру, взывая лишь к его совести. Позиции Петра обладает бесспорным моральным преимуществом, но страдает отсутствием прагматизма, отражая недостаточный дипломатический опыт Петра.

На другой день, 27 июня, Кинский явился снова за обещанными «статьями», которые и были ему вручены. Они сводились к двум пунктам: для установления прочного мира необходимо, чтобы России была передана крымская крепость Керчь. Без этого царь не видит никакой пользы от заключения мира. Если Турция не согласится выполнить требование о передаче Керчи, то император должен со своими союзниками продолжать наступательную войну до окончания трехлетнего срока союза, заключенного в январе 1697 года, то есть до 1701 года.

30 июня канцлер Кинский вручил Петру письменный ответ на «статьи» Петра. Император признавал справедливым требование присоединения Керчи к России, но считал это крайне трудным делом, поскольку турки не привыкли отдавать своих крепостей без боя. При этом, словно отвечая на язвительные доводы Петра, император не без ехидства указывал, что турок «легче будет склонить к уступке Керчи, когда русские войска овладеют ею», для чего будет достаточно времени из-за длительности предстоящих переговоров. На этих переговорах император обещал поддерживать требования России, хотя и не принял идеи продолжения до 1701 года наступательной войны в соответствии с союзным договором.

Император позолотил пилюлю: полностью отклонив требования Петра, он завуалировал это туманным обещанием платонической поддержки. Устрялов в своем многотомном сочинении, ценнейшем по фактическому материалу, но наивном своими монархически-верноподданническими комментариями, пишет: «Как ни досадно было Петру..., он доверчиво положился на императорское слово». Петру действительно ничего не оставалось, как «доверчиво положиться» на слово императора, бесцеремонно нарушавшего все свои обязательства. Дипломатическая миссия Петра и на этот раз завершилась неудачей: обстоятельства оказались сильнее. Однако приходилось оставаться в Вене, ведь официальная аудиенция послов все еще откладывалась. Теперь задержку вызывали споры протокольного характера. Австрийцы мелочно разработали церемониал,

предусматривавший почести императору как «высшему главе всего мира». Что касается русских, то, как искренне возмущается Устрялов, «назначенные российскому посольству почести были не блистательны. Венский двор не отказал бы в них последнему курфюрсту», бесконечные пререкания по вопросам дипломатического этикета продолжались, а Петр не знал, как убить время. Он объездил и осмотрел в Вене и вокруг нее все, что можно. Великое посольство устроило большой прием по случаю именин Петра. Царь наносил визиты императрице, встречался с сыном императора. Чтобы как-то скрасить затянувшееся пребывание царя, император устроил роскошный бал-маскарад. А споры о деталях церемониала продолжались, и неуступчивость русских привела к тому, что в аудиенции вообще послам отказали. Чтобы избежать скандала, русские капитулировали, и аудиенция все же состоялась. Обмен визитами императора и Петра внешне смягчал натянутость отношений и по форме, и по существу. 19 июля царь принял наследника императора и вдруг во второй половине дня с небольшой свитой, всего в пяти колясках, поскакал в Россию, «к неопишуемому изумлению Венского двора», как пишет Устрялов. Было от чего прийти в изумление. Ведь царь собирался ехать в Венецию. Там уже всю готовились к приему русского царя, страстно мечтавшего посетить Италию. Он считал совершенно необходимым как следует изучить технику строительства галер, чем славились венецианцы. Предполагалась даже поездка в Рим, а затем и во Францию...

Внезапный отъезд — результат полученного 15 июля письма из Москвы, в котором князь Ф. Ю. Ромодановский сообщал, что четыре стрелецких полка, стоявших на литовской границе, взбунтовались, сместили своих командиров и пошли на Москву, что они уже подошли к Волоколамску и собираются идти к Воскресенскому монастырю (на реке Истра). Поскольку письмо шло до Вены целый месяц, то Петру оставалось только догадываться о том, что произошло дальше. В сознании мгновенно возникли кровавые события 1682 года, козни Милославских, заговоры Шакловитого, Цыклера. Хотя они мертвы, семья их оказалось живучим, здравствует и Софья. В отправленном на другой день гневном письме к Ромодановскому он требует «быть крепким», без чего нельзя «погасить огонь», и объявляет, что, как ему ни жаль «нынешнего полезного дела», он едет в Москву и будет в ней так скоро, как его не ожидают. Письмо дышит гневом и предвещает грозу. Однако Петр не испытывает замешательства и еще четыре дня остается в Вене. Более того, он дает подробнейшие указания русским, которые направляются в Венецию. Они должны собрать сведения об устройстве; галер, их вооружении, что он раньше намеревался сделать сам.

Петр мчался из Вены днем и ночью, почти без остановок, пять суток. Но в Кракове его догнали гонцы с новым письмом из Москвы. В нем сообщалось, что стрельцы разгромлены под Воскресенским монастырем, мятеж подавлен, главные бунтовщики казнены, другие взяты под стражу. Получив это известие, Петр даже подумал было вернуться, чтобы продолжить путешествие. Однако решено все же ехать в Москву, но теперь обычными темпами заграничных поездок Петра. Он уже находился на территории Польши. Раньше намечалось посещение Варшавы. Маршрут неожиданно оказался другим, что тем не менее не помешало встрече Петра с польским королем Августом. Как уже говорилось, Россия приложила немало усилий, чтобы обеспечить саксонскому курфюрсту польский трон. Поэтому дружественные отношения царя и польского короля установились заочно. Теперь в небольшом городке Раве-Русской 31 июля произошла их личная встреча.

Август II походил на Петра высоким ростом, физической силой и возрастом. Подобно Петру, он тоже путешествовал по Европе, но не для того, чтобы работать плотником на корабельных верфях. Он увлекался теми сторонами европейской культуры, которыми Петр не интересовался. Его страстью были удовольствия всякого рода, особенно любовные. Обладая большой физической силой, он отличался слабым характером, что и доказал своей военной и политической деятельностью. Во всяком

случае два молодых монарха воспылали симпатией друг к другу и три дня провели вместе, заполняя их военными смотрами, застольными встречами, а в редких промежутках — дипломатическими беседами. Окружавшие их представители польской и саксонской знати могли понять только, что московский царь и польский король как верные союзники по известным договорам преисполнены решимости продолжать в случае необходимости войну с турками. Однако с глазу на глаз Петр и Август обсуждали идею совместной войны против Швеции. Инициатором этого плана был Петр. Но никакого письменного соглашения не заключили, ограничившись устными обещаниями, а в знак взаимной верности и дружбы поменялись камзолами, шляпами и шпагами.

Поскольку дальше застольных разговоров дело не пошло, считать свидание Петра с Августом в Раве-Русской началом курса на войну против Швеции с целью возвращения России балтийского побережья как будто нет оснований. Скорее это был дополнительный стимул к пересмотру внешнеполитической ориентации Петра наряду с некоторыми другими. Ведь еще пресловутая «оскорбительная» встреча Великого посольства шведским губернатором Риги оказалась болезненным напоминанием о том, что Россия отрезана от Европы именно Швецией. Во время переговоров в Кенигсберге с курфюрстом Бранденбурга также возникла идея антишведской коалиции. С другой стороны, отказ Голландии и Англии поддержать Россию в войне с Турцией ставил вопрос о бесперспективности этой войны. А фактический распад антитурецкого союза, который стал очевидным в Вене, еще больше побуждал к размышлениям на эту тему.

Но об окончательном решении в этот момент речь еще не шла. Слишком много неизвестного таила в себе обстановка в Европе. Пока было совершенно неясно, когда начнется война за испанское наследство и начнется ли она вообще. Потенциальные участники двух враждебных коалиций готовились к войне, но не прекращали поисков соглашения о мирном разделе наследства. Во время Великого посольства Петр получил представление о необычайной сложности международных отношений в Европе. Он понял также, что любое возвышение России будет встречено здесь враждебно. Принимать самое важное за все его царствование политическое решение Петру приходилось в условиях крайней неопределенности.

*

Нельзя рассматривать петровскую внешнюю политику в отрыве от состояния внутренних дел России в XVII веке. Иначе можно впасть в распространенную ошибку и увидеть в этой политике только личное начинание, личный интерес, даже прихоть Петра. Между тем историческая задача молодого царя состояла в том, чтобы в невероятно смутной обстановке начала его царствования почувствовать, осознать неотложную жизненную потребность, интерес России в сближении с Европой. Правда, некоторые русские люди начали говорить об этом еще до Петра. Более того, делалось кое-что для перенимания европейских обычаев. Царь Алексей Михайлович нанимал иноземных офицеров для полков нового строя, завел даже театр. На Оке, в Дединове, руками иностранцев построили единственный корабль. Но не это делалось робко, частично, от случая к случаю. Ничего серьезного не представляли собой и подражания Европе в образе жизни отдельных бояр вроде И. В. Голицына.

А неудачные попытки пробиться к Балтике осуществлялись без должной серьезной подготовки, и их провал мог только обескуражить русских людей, отвратить их от решения неотложной задачи, внушить неверие в свои силы. Все это было лишь видимостью, фикцией настоящего дела, которое стояло на месте. Поэтому К. И. Ленин и подчеркивал, что в России «европеизация идет с... Петра Великого».

И все же преобразовательное движение началось еще до Петра, хотя его представители надеялись обойтись без всякого разрыва с прошлым, без ломки старого. В. О. Ключевский, который видел в лице царя Алексея Михайловича «лучшего человека древней Руси», признавал, что, хотя он «создал преобразовательное настроение», на деле же «только развлекался новизной». Самый выдающийся из старых русских

историков рисует образную картину: «Царь Алексей Михайлович принял в преобразовательном движении позу, соответствующую такому взгляду на дело: одной ногой он еще крепко упирался в родную православную старину, а другую уже занес было за ее черту, да так и остался в этом нерешительном переходном положении».

Петр тоже стоял на почве «родной старины». Как справедливо писал русский историк И. Е. Забелин, «Петр — родной сын и наследник XVII столетия». Однако он отличался от своих предшественников не только неизмеримо более глубоким пониманием потребностей России, более острым сознанием ответственности за ее судьбу, но, главным образом, какой-то сверхчеловеческой энергией и волей в решении поставленных задач. За полтора года заграничного путешествия Петр многое увидел, узнал и понял. Далеко не все в Европе нравилось ему, ко многому он отнесся крайне отрицательно. Поэтому он не собирался слепо подражать Европе, но лишь использовать методы, опыт, уроки передовых стран для того, чтобы быстро наверстать отставание России путем перехода от прежнего экстенсивного развития, когда расширение территории страны не сопровождалось достаточным прогрессом в экономике, технике, методах управления, к развитию интенсивному, при котором его собственная бешеная активность должна была разбудить дремлющие огромные силы русского народа и целеустремленно направить их к обновлению России. Речь шла не об отдельных, частных реформах, новшествах, не о простом улучшении функционирования прежнего, уже изношенного государственного механизма, а о его коренном, радикальном изменении, о ломке, разрушении отжившего старого и замене его современным, передовым, новым.

Действительно, либо не надо было вообще браться за такое дело, как и поступали московские цари и бояре, уповая на авось да на милость божию, либо приступать к нему всерьез, с размахом, отвечавшим грандиозным масштабам стоявшей задачи. А она оказалась по плечу лишь такому самородку, как Петр... Но даже он, получив власть в 1689 году, еще несколько лет сомневался, колебался, а главное — работал и учился.

Великое посольство сыграло великую роль в великом решении. Оно же оказалось началом петровской дипломатии, исторической вехой, после которой начинается преобразование России и процесс ее всестороннего, прежде всего дипломатического, сближения с Западной Европой.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ СЕВЕРНАЯ ВОЙНА

СКВОЗЬ «ОБЛАКО СОМНЕНИЙ»

Завершалось первое десятилетие петровской внешней политики. Правда, она еще не была, особенно в начале этого периода, в полном смысле слова его собственной политикой. От Софьи и Голицына Петр унаследовал ее южное направление, ее орудие — старую, плохо организованную, состоявшую из стрельцов, дворянского ополчения и казаков армию; само состояние войны с Турцией, начатой не им; так называемых «союзников» — Австрию, Венецию и Польшу и многое другое.

Тем не менее борьба уже не столько с крымскими татарами, сколько с самими турками, штурм и взятие Азова, постройка флота — все это придаст старой по внешности антитурецкой политике Московского государства существенно новый, неизмеримо более серьезный характер. До Петра она отличалась пассивностью и решала чисто оборонительные задачи. Защита южных областей от опустошительных татарских набегов, прекращение выплаты унижительной дани крымскому хану — вот ее непосредственные цели. Никаких реальных стратегических замыслов дальнего прицела не было. Новое, что вносит Петр, — создание флота, приобретение крепостей и гаваней. Он хочет добиться свободы плавания по Черному морю и проливам, ведущим к более широким водным просторам. Это принципиально новая политика, осуществляемая новыми средствами. И

все же она несла на себе отпечаток ограниченности допетровской политики Москвы. Приобретение выхода к Черному морю еще не обеспечивало удобных и всесторонних связей с передовыми странами Европы. «Ни Азовское, ни Черное, ни Каспийское моря не могли открыть Петру прямой выход в Европу»,— писал Карл Маркс. Более того, эта задача затруднялась и осложнялась неизбежной затяжной борьбой против Турции. Но даже если бы Россия одержала победу и сокрушила Османскую империю, то само по себе это не подняло бы ее до уровня сильнейших европейских держав. Ведь это была бы победа над отсталой, переживающей упадок страной, не имеющей регулярной армии, промышленности, технической культуры. Как бы ни укрепились позиции России на Черноморском побережье, на северо-западной границе ее независимость по-прежнему оставалась бы под угрозой. Такая опасность даже усилилась бы из-за отвлечения сил к югу.

Когда в Вене обнаружился распад союза с Австрией, Венецией и Польшей, спешивших заключить мир с Турцией, Петр тоже взял курс на прекращение войны. Это не означало, что он боялся воевать с Турцией один на один. Такую войну уже тогда петровская Россия выдержала бы. Но она неизбежно связала бы руки для действий в балтийском направлении. Поэтому Петр расстаётся с черноморскими замыслами, хотя сделать это было непросто.

Задачи, стоявшие перед Россией на юге, на первый взгляд, казались более неотложными. Оградить русские земли от татарских набегов, защитить русских людей, десятки тысяч которых крымские татары уводили для продажи на невольничьих рынках Востока, — такая проблема была понятна и близка каждому. Напротив, тяжелая борьба на севере за прибалтийские болота, за берега холодного, неведомого моря представлялась туманной и непонятной. Но именно с севера и с запада могли возникнуть, и обязательно возникла бы рано или поздно, неизмеримо более грозная, чем с юга опасность, хотя тогда она непосредственно не ощущалась. Петр сумел ото почувствовать и осознать, сумел отдать предпочтение важному перед срочным.

Правда, сама по себе идея борьбы за возвращение России балтийского побережья принадлежала новее не ему. Поколения русских людей помнили о древней Водской пятине Новгорода, защищенной некогда от шведов и немцем Александром Невским, но, в конце концов, все же захваченной Швецией. За возвращение на Балтику долго, но безрезультатно воевал Иван Грозный. Позднее царь Алексей Михайлович тоже пытался пробиться к балтийскому морю и тщетно штурмовал Ригу. Необходимость выхода к этому морю видел А. Л. Ордин-Нащокин. С другой стороны, в Швеции понимали неизбежность борьбы России за возвращение отобранных у нее земель. Король Густав-Адольф говорил в шведском риксдаге в 1617 году о России: «Нас отделяют от этого врага большие озера, такие как Ладожское и Чудское, район Нарвы, обширные пространства болот и неприступные крепости. Россия лишена выхода к морю и, благодаря богу, отныне ей будет трудно преодолеть все эти препятствия».

Эта шведская стена, наглухо отделявшая Россию от Европы, сохранялась и тогда, когда Петр дерзновенно решил сокрушить ее. Пожалуй, она даже стала прочнее. Но многое изменилось. Усилилась объективная потребность решения такой задачи. Несмотря на относительную отсталость от Европы, все же формировался рыночный экономический организм, все более остро нуждавшийся во внешних связях. Он задохнулся бы в тесных оковах экономической блокады, в отрыве от европейского, более передового хозяйства. «Ни одна великая нация, — писал К. Маркс, — никогда не существовала и не могла существовать в таком отдаленном от моря положении, в каком первоначально находилось государство Петра Великого; никогда не одна нация не мирилась с тем, чтобы ее морские побережья и устья ее рек были от нее оторваны; Россия не могла оставлять устье Невы, этого естественного выхода для продукции северной России, в руках шведов..., прибалтийские провинции по самому своему географическому положению являются

естественным добавлением для той нации, которая владеет страной, расположенной за ними...»

Однако сам по себе выход к балтийскому побережью, к чему стремились и до Петра, еще ничего не давал и не решал. Более того, овладение морскими берегами без флота и гаваней для него, без армии, способной его защищать, могло бы даже усилить опасность внешнего вторжения, не говоря уже об угрозе внешнеэкономической экспансии. Разве огромное морское побережье Индии или Америки помешало их колонизации? Как это ни парадоксально, но шведский контроль над прибалтийскими областями на какое-то время служил своеобразным защитным барьером от возможной экспансии морских держав! Нельзя было по настоящему овладеть побережьем, не превратив сугубо сухопутную страну в державу морскую, обладающую флотом. Именно Петр почувствовал это первым и с топором в собственных руках начал «играть в кораблики» на Яузе и Переславском озере. Пустой забавой и юношеским развлечением считают Милюков и другие реакционные историки то, что было зарождением идеи создания флота как ключа и главного звена решения величайшей тогда национальной задачи. Россия должна явиться на Балтику не такой, какой она была раньше: отсталой, плохо организованной, бедной, чурающейся всею европейского, неподвижной, косной — словом, такой страной, которую даже и не считали европейской, несмотря на ее географическое положение. Собственно, в прежнем своем состоянии исконного боярского бездействия, невежества и самодовольной спеси Россия не только никогда не пробились бы к Балтике, она обрекла бы себя на утрату независимости. Чтобы Балтийское море не превратилось в путь вторжения врага, Россия должна была выйти на его берега способной соревноваться с западноевропейскими странами на равных в военных, морских, торговых, дипломатических и в других своих делах.

После возвращения из Европы начинается преобразовательная деятельность Петра. Практически она представляла собой какой-то внезапный каскад указов и реформ, ошеломлявших современников, привыкших к замедленным темпам старомосковской государственной жизни. Любопытно, что это ошеломление испытывали и столетия спустя историки, описывая небывало разнообразную деятельность Петра, казавшуюся им каким-то хаосом импульсивных, случайных, судорожных метаний царя, обрушившегося на Россию стихийным ураганом непонятных нововведений. На почве такого ощущения и родилось мнение, что Петр никогда не имел никакого продуманного плана действий, их четкой программы и заранее разработанной системы. Пожалуй, так оно и было, если судить по меркам позднейшей государственной практики уже сложившегося абсолютистского государства. Согласно этой логике, выходит, что поразительная активность Петра отличалась отсутствием целеустремленности и являлась сплошным нагромождением случайных поступков, лишенных какой-либо закономерности, ясно видимой цели, последовательности в выдвижении конкретных задач. Если заниматься традиционным фактоописанием, то и в самом деле легко попасть в плен многочисленных кажущихся парадоксов в деятельности Петра. Как понять, например, то обстоятельство, что, еще не разделавшись с турецкой войной, но уже встав на порог новой, еще более трудной войны против Швеции, Петр вскоре после возвращения в Россию ликвидирует стрелецкое войско, составлявшее основную часть армии? Как ни плохо организованы, обучены и вооружены стрельцы, это все же целых двадцать полков, без которых остается всего два полка бывших «потешных» — Преображенский и Семеновский и два полки нового строя Гордона и Лефорта. Не идти же с этими четырьмя полками против прославленной победами шведской армии...

Можно было бы привести и другие примеры действий Петра, в которых на поверхность событий нередко выступала лишь буйная прихоть самодержавного царя, беспощадно попиравшего многовековые традиции и институты. В сочетании с припадками отнюдь не притворной безумной ярости, когда, скажем, царь с обнаженной шпагой бросился на подозреваемого в нерадивости боярина Шеина, это выглядело порой

страшно. И все же смыслом, сущностью начавшихся преобразований были не их внешняя хаотичность и произвол. В конце концов разнообразные меры Петра накануне Северной войны выстраиваются в определенную систему укрепления государства и стремительной модернизации страны. Уникальная особенность личности Петра Великого состояла в том, что его мысли и действия не разделялись. Он мыслил, действуя, и действовал, мысля! Порой его дела даже обгоняли мысли. Гениальная интуиция превращала внешне хаотичную бурную импровизацию в четкую систему целенаправленных усилий.

Во всем, что сделано Петром, в конечном счете обнаруживается железная логика государственного интереса. Так было и со «стрелецким розыском», явившимся мрачной увертюрой наступающей эпохи петровских преобразований. Крайне поверхностно считать казнь восьмисот стрельцов-бунтовщиков исключительно проявлением неистовой жестокости царя. Их восстание и поход на Москву для расправы с боярами, иноземцами, с самим Петром, попытка сражения с верными царю полками на реке Истре, безусловно, подлежали самому суровому наказанию в соответствии с элементарными правовыми нормами не только тех суровых лет, но даже значительно более близкого нам времени. Недоумение обычно вызывает другое: почему примерно половина обреченных на казнь была предварительно подвергнута розыску с применением жестоких пыток? Поскольку вина их в доказательстве не нуждалась, то неужели это действительно только проявление жестокой мстительности Петра, видевшего уже третий стрелецкий бунт?

Дело обстояло не так. Речь шла об укреплении государства путем ликвидации не только открыто выступившей, но и потенциально активной оппозиции. Необходимо было выяснить, кто стоит за политически несамостоятельной стрелецкой толпой. И розыск показал, с одной стороны, что выступление стрельцов, недовольных тяготами службы, инспирировалось из Новодевичьего монастыря царевной Софьей, которую отныне более надежно изолировали в монастырском заточении. С другой стороны, розыск подтвердил отсутствие прямой связи бунтовавших стрельцов с кем-либо из кругов боярства и знати. Удалось также избежать опасности расширения стрелецкого бунта: ведь стоявшие в Азове шесть стрелецких полков тоже готовы были выступить.

Суровое наказание участников стрелецкого бунта 1698 года служит поводом для некоторых историков, особенно зарубежных, писать о «неистовой жестокости» Петра. Между тем именно замыслы заговорщиков отличались «неистовой жестокостью». Австрийский дипломат в Москве Н. Корт так излагал их намерения, выяснившиеся во время допросов: «Если бы судьба оказалась благоприятной нашим замыслам, мы бы подвергли бояр таким же казням, каких ожидаем теперь как побежденные. Ибо мы имели намерение все предместье немецкое сжечь, ограбить и истребить его до тла. И, очистив это место от немцев, которых мы хотели всех до одного умертвить, вторгнуться в Москву... бояр одних казнить, других заточить и всех их лишить мест и достоинств...».

Нетрудно представить, какой оказалась бы и судьба самого Петра, поскольку Софью заговорщики мечтали избрать прямо на царство либо регентшей при малолетнем царевиче. Естественно, что уже начатое дело преобразования потерпело бы крах...

Совершенно сознательной, продуманной мерой явился в июне 1699 года и указ о роспуске всех стрелецких полков, пригодных для смуты, но не пригодных для предстоявшей тяжелой войны. Страна не осталась безоружной. Петр осуществляет свою заветную мечту о создании регулярной армии. 19 ноября 1699 года издается указ о формировании 30 полков путем призыва «даточных», то есть рекрутов, от определенного количества дворов, а также вольных людей. Село Преображенское становится центром призыва солдат и формирования новой армии. Петр сам определяет годность рекрутов, организует их обучение. Начинается создание русского воинского устава путем критической переработки уставов западных регулярных армий. Далеко не все из европейского считает Петр пригодным. Введенное шведами новшество — соединение огнестрельного оружия с холодным в виде штыка, «багинета», сразу берется на вооружение. Напротив, отвергается форменная одежда солдат большинства европейских

армии, отличавшаяся яркой пестротой, ненужными украшениями. Петр считает, что солдат не кукла, и создает простое, удобное обмундирование. Непрерывно возникают неожиданные трудности. Многие из поспешно набранных в Европе офицеров оказались непригодными. Их заменяют русскими. «Лучше их учить, — писал А. М. Головин Петру, — нежели иноземцев...»

Не меньше забот требовало и другое детище Петра — флот, строившийся второй год в Воронеже. Через два месяца после возвращения из-за границы царь мчит на сноп корабельные верфи. Здесь перед ним предстало зрелище, по российским масштабам необыкновенное. Десятки кораблей уже достраивались, работа кипела. Правда, на фоне верфей в Амстердаме и Дептфорде все это выглядело очень скромно. Обнаруживается множество недочетов, ошибок, упущений. Немало кораблей надо было переделывать на ходу. Сказывались неопытность и недостаток специалистов. Происходило и кое-что посерьезнее. Сгоняемые отовсюду на корабельную работу крестьяне не понимали замыслов царя и, естественно, не разделяли его энтузиазма. И вели себя соответствующим образом, прибегая к пассивному, но страшному способу сопротивления — к побегам. Повальное бегство с воронежской стройки явилось далеко не единственной помехой делу. Воровство людей, отвечавших за постройку кораблей, удручало Петра еще больше. Даже сам «адмиралтеец» Протасьев, руководивший постройкой флота, оказался не чист на руку. Петр, которою и без того тревожили раздумья о необычайных трудностях затеянного им грандиозного дела, почувствовал все это очень остро. Его беспокойство отразилось в немногих дошедших до нас письмах Петра того времени. По-прежнему он особенно активно переписывается с самым образованным из своих советников — Андреем Виниусом. Через несколько дней по приезде в Воронеж Петр сообщает ему о том, что многое уже сделано, но добавляет к этому: «Только еще облако сомнений затемняет мысль нашу». Удастся ли дождаться плодов всех этих усилий? И Петр уповает на «бога с блаженным Павлом»...

В ответном письме царю Виниус, как всегда, подробно информирует его о содержании заграничных сообщений в европейских газетах. Речь идет о подготовке к конференции представителей империи. Венеции, Польши и России для мирных переговоров с Турцией. В Вене для этого Петр оставил П. Б. Возницына. И от исхода его миссии самым непосредственным образом зависела судьба флота, строившегося в Воронеже: либо ему предстоит морские сражения, либо он сгниет в бездействии. Виниус сообщал также, что испанский король Карл II, смерти которого ждала вся Европа, чувствует себя вполне здоровым. Тем не менее французы держат наготове войско в 100 тысяч человек. Это сообщение имело самое прямое отношение к деятельности Петра по подготовке России к войне против Швеции. Ход этой русско-шведской войны во многом будет зависеть от того, разразится ли война за испанское наследство или нет. Вот почему Петр в новом письме Виниусу не забывает поблагодарить его за интересные вести. Все, что он делал сейчас внутри страны, было тесно связано с международным положением. Во всяком случае вопреки всем тревожным сомнениям Петр, как всегда, прежде всего действовал. «А здесь,— писал он,— при помощи божьей, препараториум великий, только ожидаем благого утра, дабы мрак сомнения нашего прогнать. Мы здесь начали корабль, который может носить 60 пушек...»

«Великий препараториум» происходил не только в Воронеже. Период от возвращения Петра из заграничного путешествия и до Северной войны ознаменовался началом преобразовательной деятельности Петра, охватившей все: от новых методов верховного правления до изменений форм повседневного быта.

Больше всего шума и толков вызывали тогда не такие действительно грандиозные начинания Петра, как, скажем, создание регулярной армии или флота, а меры в основном символического характера. До сих пор в литературе живописные подробности этих одиозных предприятий порой заслоняют по-настоящему серьезные дела исторического масштаба. Здесь речь идет прежде всего о начатом Петром на другой день после

возвращения из-за границы легендарном брადобритии России, а затем и о переодевании ее в европейское платье. Надо сразу оговориться: это затрагивало сравнительно небольшую часть придворных, горожан, военных и вообще служилых людей, но не коснулось подавляющей части русских — крестьян. Они и духовенство сохранили традиционную одежду и бороды. Тем не менее обрезание бород потрясло всех. В самом деле, еще недавно святейший патриарх объявлял отказ от ношения бороды злодейским знаменем, мерзостью, безобразием, смертным грехом и предупреждал: бритые лишаются права даже войти в церковь, не получают христианского погребения и, естественно, прямой дорогой пойдут в ад. Поэтому можно понять реакцию русских людей того времени, увидевших в действиях царя самодурство, безумный каприз, прихоть, вызов церкви и всем православным. Но надо понять и Петра, не терпевшего полумер, недомолвок и двусмысленностей. Россия должна быть действительно европейской страной и расстаться со своим во многом полуазиатским, варварским обликом. Там Петр уже давно по внешности стал европейцем: он носит немецкое платье, курит табак и вовсе не походит на прежних традиционных русских царей. Все признаки отсталости, старого запустения раздражают его. Вернувшись в Москву из Европы, он приказал снести бесчисленные уродливые лавочки, облепившие кремлевские стены, запретил мостить бревнами улицы в центре Москвы и в пределах нынешнего Бульварного кольца, велел создать каменные мостовые. Но огромный деревянный город, полудеревня, все равно сохраняет старый облик. А бритые лица окружающих не сделали их европейцами: старые московские привычки и образ мыслей сохраняются. Так было и с самим Петром. Несмотря на новый европейский облик, ни оставался глубоко русским человеком, а старомосковское варварство он искоренял старыми, грубыми средствами. Решив «европеизировать» свою личную жизнь и порвать брак с законной супругой Евдокией Лопухиной, типичным воплощением женского «теремного» воспитания, он разделяется с ней традиционным суровым методом: Евдокию насильно отправляют в Суздальский монастырь и приказывают постричь в монахини.

И все же в самых экстравагантных поступках и прихотях царя было рациональное зерно, своя логика и глубокий смысл. Расставшись с бородой и длиннополым азиатским платьем, русские легче смогут преодолеть психологический барьер, резко отделявший их от европейцев. Русский должен был осознать себя таким же человеком, как и немец, то есть любой иностранец-европеец. Ведь вскоре предстояло воевать с ними и побеждать их. Для этого необходимо овладеть европейской культурой и особенно техникой, чего нельзя сделать, не разрушив ксенофобию, закоренелую неприязнь к иноземцам, порожденную татарско-византийскими восточными традициями. Сонная, закоснелая в предрассудках боярская Русь как бы перемещается во времени и пространстве. С перемещением во времени дело обстоит проще всего: Петр вводит новое летосчисление, и русские, жившие до этого в 7208 году от сотворения мира, новыми обрядами встречают, как и все европейцы, новый, 1700 год от рождества Христова. Впрочем, своеобразие России и здесь сохраняется: Петр не доходит до принятия западноевропейского григорианского календаря, не подходящего для русской православной церкви, и вводит юлианский календарь с отставанием России от Европы на 11 дней (12 дней в XIX веке и 13 — в XX).

Все, даже самые театрализованные, начинания Петра поразительно прагматичны. Ненавистные ему бороды, ферязи и охабни должны приносить доход: вводятся специальные поборы за ношение бороды и старого платья. Но денежные поступления тех, кто предпочитал откупиться от богомерзких нововведений, не в состоянии были наполнить давно уже обнищавшую русскую казну. И Петр приступает к решению неизмеримо более важных и серьезных финансовых и экономических проблем России, от которых зависело все начатое им дело преобразования.

В Европе он близко познакомился с процветавшей там политикой меркантилизма, призванной способствовать разными законодательными мерами увеличению денежного богатства государства.

Петр понял, что меркантилизм отмечает и объективным потребностям русского экономического разлития. Но из-за слабости этого развития меркантилизм внедрялся медленно и в полной мере проявился лишь в заключительной части царствования Петра, да и то и своеобразном русском варианте. Пока осуществляются лишь первые меркантилистские поползновения. Главное место в экономической политике Петра в период подготовки к Семерной войне занимают старые приемы времен Алексея Михайловича. В принципе Петр получил в наследство богатую страну. Только богатство это находилось в потенции, извлечь его было крайне трудно. Предшественники Петра применял» для этого простейшие, самые элементарные меры, отвечавшие лишь сегодняшней потребности. Половина расходов государств» покрывалась косвенными налогами на соль, водку и другие товары. Прибегали и к монополии на вывоз товаров за границу. В 1662 году ввели монополию на шесть главных предметом экспорта: меха, кожу, поташ, деготь, сало, пеньку. Но экономическая база страны оставалась зыбкой, уязвимой. Каждое международное или внутреннее осложнение, требовавшее исключительных расходов, чрезвычайно болезненно отражалось на государственной казне. Тогда прибегали к монетной реформе, как это было в 1654 году, когда потребовались деньги для войны с Польшей. Но перечеканка, то есть порча монеты путем уменьшения ее веса при сохранении номинальной стоимости, только усиливала трудности. Серебро исчезало из обращения, росли цены, затруднялась торговля. Само государство, собирая налоги, получало обесцененную монету. Эффект был очень кратковременным, а положение не улучшалось. Об этом напоминала история «медного бунта» 1662 года.

Что же было делать Петру, решившему начать войну таких масштабов, но сравнению с которой Азовские походы казались мелкими инцидентами? Ожидать повышения налоговых доходов от нормального развития экономики? Вряд ли он дождался бы этого даже к концу своего царствования! И Петр поступает по старинке, так, как действовал его отец Алексей Михайлович. Вернувшись из Великого посольства, он предписывает начать перечеканку всей серебряной монеты, уменьшая ее вес, и выпуск мелкой разменной медной монеты. Эффект был быстрым, но кратковременным. Как бы то ни было, порча монеты позволяла Петру кое-как сводить концы с концами в первые годы войны против Швеции. Явный прогресс отмечался лишь в технике чеканки: Петр не зря посещал монетный двор в Таузере.

Последовали и другие новшества. Примером может служить введение в январе 1699 года гербовой бумаги, изобретенной в Голландии еще в начале века. Отныне и в России любой документ — прошение, сделка о купле-продаже и т. д. — должен писаться на специальной, «орленой», бумаге, продававшейся по повышенной стоимости. С целью увеличения доходов принимались и другие меры вроде упорядочения сбора пошлины за регистрацию документов в приказах государственной печатью. Но главным нововведением явилась городская реформа 1099 года. Речь шла о ликвидации в городах административной и фискальной власти воевод и замене их городским выборным самоуправлением. Конечной целью реформы было поднятие благосостояния торгово-промышленного населения. Практически ее задача все та же — увеличение доходов казны путем упорядочения сбора прямых и косвенных налогов. Создание центрального органа всероссийского городского самоуправления — Бурмистерской палаты, или Ратуши, означало появление главной государственной кассы, куда поступали сборы с городов всей страны и откуда они затем расходовались по указанию царя на общегосударственные нужды, главным образом на подготовку и ведение войны.

Война требовала не только денег, но и оружия: пушек, ружей, боеприпасов к ним, снаряжения для армии и флота. Сама Россия уже давно была не в состоянии обеспечить себя всем этим. Оружие приобреталось за границей, в основной в Голландии, а для его изготовления русскими ремесленниками использовалось железо, закупавшееся в Швеции. Оба эти источника еще до Северной войны оказались ненадежными. В Европе подготовка

войны за испанское наследство вызвала резкое повышение цен на железо, оружие и другие военные материалы. Уже это обстоятельство поставило вопрос о необходимости усилить, а точнее говоря, заново создать военную промышленность в России. Перспектива неизбежного прекращения поставок шведского железа из-за предстоявшей войны против Швеции резко обострила эту проблему. И вот тогда Петр основывает мощную металлургическую промышленность на Урале. Он еще в 1697 году приказал начать там постройку доменных печей и пушечных литейных цехом. В 1698 году в Невьянске заложили первый такой завод, а уже в 1701 году он дал чугун. За этим заводом вступают в строй и другие. Война требовала не только металлургии. Поэтому основываются государственные фабрики по производству пороха, канатов, парусных тканей, сукна, кожи и др. За короткий срок в несколько лет возникает до 40 заводов. Бурное промышленное развитие России при Петре началось не на голом месте. Не только в городах, но и в деревнях трудилось множество ремесленников: кузнецов, ткачей, сапожников и других мастеров, продукция которых шла на рынок, их мастерские были довольно крупными. Так зарождались мануфактуры, распространившиеся затем в начале XVIII века. Здесь формировались русские квалифицированные рабочие, мастера и даже предприниматели, без которых Петр не смог бы создать столько заводов и фабрик. Пройдет время — ценой огромных жертв и решительных побед выход к морю будет завоеван. А расходы на подготовку и ведение войны окупятся приобретенными экономическими выгодами. Но до этого еще далеко, и русскому народу предстоит много лет идти путем тяжкого труда и суровых испытаний. Тем не менее дело было начато, и не только под влиянием впечатлений и раздумий Петра в ходе Великого посольства. Преобразование было ответом на требование объективного развития России, а Петр способствовал его резкому ускорению. Европейский опыт влиял лишь на выбор и определение методов изменений, их форм и темпов. Но сами по себе они были плодом собственного развития России.

Так происходило не только в экономике, но и в сфере государственного управления, которая также в это время, то есть в 1608—1700 годах, подвергается определенным изменениям. В преддверии тяжелой войны против Швеции Петру предстояло, выражаясь современным языком, пронести тотальную мобилизацию всех ресурсов страны. А государство, унаследованное им, оказалось для этого малопригодным. Расправившись с бунтовавшими стрельцами, Петр отвратил конкретную угрозу своей власти. Но надо было укрепить государство в том направлении, которое уже само собой зародилось в виде ранее проявившейся тенденции к абсолютизму. Формально царская власть являлась неограниченной. Земские соборы давно уже не созывались, Боярская дума играла консультативную роль. Ограничение царской власти шло не от Думы как таковой, а от могущества знатных боярских родов, соперничавших вокруг царя. Эта борьба кланов резко усиливалась в моменты смены царствования, когда Россия жила в атмосфере государственного переворота. Победившая партия оказывала затем влияние на царя, которого она выдвинула. Внешне такое положение сохранялось и в начале царствования Петра. В течение десяти лет, с 1689 года, со времени падения Софьи, ведал Посольским приказом и был, по выражению иностранцев, премьер-министром дядя царя, брат его матери Л. К. Нарышкин — человек, не блещущий деловитостью. Петр мирился с этим, пока не настало время для больших дел. Нарышкин, озабоченный лишь приращением своих огромных владений, не подходил для них. Особенно пагубно сказалось его правление на состоянии армии. Из-за него фактически полки «нового строя», заведенные еще при Алексее Михайловиче, были спущены на более легкий, русский строй. Приступив к созданию регулярной армии, Петр застал в полном расстройстве комплектование войска. После возвращения царя из-за границы Л. К. Нарышкин формально продолжает занимать свои посты, но фактически от главных дел его отстраняют. Весьма серьезные переговоры с представителями Дании и Польши, а также другие крупнейшие внешнеполитические мероприятия этого времени проходят без его ведома. А в феврале 1700 года издается официальный указ Петра о назначении главой Посольского приказа Ф.

А. Головина, заслужившего в ходе Великого посольства полное доверие Петра своими дипломатическими талантами.

Но главным образом происходит не столько персональные, сколько структурные изменения в системе приказов, уточняются их функции. Эта система была порядком запутанна. До сих пор остается неясным даже их количество. Условно принято считать, что в 1699 году их было 44, а в 1700 году, после реорганизации,— 35. Частично устранена была путаница в делах приказов. До этого существовало немало парадоксов вроде того, например, что Посольский приказ занимался не только внешней политикой, но собирал налоги с некоторых городов и областей. А Сибирский приказ ведал не только управлением обширной территорией, но и устанавливал дипломатические отношения с государствами, граничившими с Сибирью.

Часть приказов ликвидируется в связи с исчезновением объекта управления. Так, кончил свое существование Стрелецкий приказ. В конце 1700 года, по смерти патриарха Адриана, закрывается Патриарший разряд. Централизация управления проявляется в объединении нескольких приказов общим руководством. Например, Ф. А. Головин кроме Посольского приказа ведал еще семью другими приказами. Отражением главного направления внешней и внутренней политики Петра служит появление новых приказов. Создание регулярной армии и флота привело к учреждению пяти новых приказов: Адмиралтейского, Военно-морского, Артиллерийского, Военного, Провиантского. Характерно также появление приказа Рудокопных дел. Резко возрастает роль Ратуши, действовавшей на правах приказа, отгеснившей на второй план приказ Большой казны.

В годы, непосредственно предшествующие Северной войне, продолжает функционировать Боярская дума. Она заседает и выносит свои «приговоры». Дума по-прежнему законодательствует и судит. Однако в списке ее решений в 1698 — 1700 годах нет ни одного важного нововведения, затрагивающего основы государственной деятельности. Бояре теперь, по существу, занимаются пустяками. В действительно серьезных делах единолично законодательствует сам Петр. Решение о создании регулярной армии, государственная реформа проводятся его именными указами. Царь перестает пополнять состав Думы, и она как бы вымирает естественной смертью. Здесь обнаруживается все та же авторитарно-абсолютистская тенденция.

Сложнее обстояло дело с другим важнейшим институтом тогдашней России — церковью. У Петра были основания считать духовенство потенциальной оппозицией его преобразовательной деятельности. Вспомним пресловутое завещание патриарха Иоакима. Поэтому Петр берет курс на ослабление влияния церкви. Мобилизуя все ресурсы страны, Петр не мог оставить без внимания огромные богатства, бесцельно, по его мнению, накопившиеся церковью. Сразу после Азовских походов, опустошивших царскую казну. Петр начинает постепенно усиливать контроль над церковным имуществом. Монастырям запрещается строить новые здания, платить жалование священнослужителям, владевшим поместьями. Он обязывает духовенство давать отчеты о своих доходах и расходах и отныне контролирует их. Отменяются многие привилегии духовенства. Но это было только началом. Воспользовавшись смертью патриарха Адриана в 1700 году, Петр реорганизует церковное управление. Вместо назначения нового патриарха он вводит должность местоблюстителя патриаршего престола, наделенного только духовными функциями. Затем учреждается Монастырский приказ во главе с боярином И. А. Мусиным-Пушкиным. Новый приказ берет в свои руки контроль над имуществом церкви. В результате с 1701 по 1710 год государство получило более миллиона рублей, что имело весьма существенное значение для покрытия дефицита бюджета, вызванного тяжелой войной. Речь идет, таким образом, о частичной секуляризации.

Нельзя не упомянуть еще об одном любопытном начинании Петра этих лет, опровергающем мнение некоторых историков о его якобы органической неприязни к любому проявлению систематизации. Он попытался обновить тогдашний русский свод законов — Уложение 1649 года. Для этой цели Петр в феврале 1700 года учреждает

специальную комиссию из полусотни членов. Проект нового Уложения и даже проект манифеста о его введении в действие были подготовлены. Примечательно, что о созыве Земского собора, утвердившего Уложение 1649 года, на этот раз никто не заикнулся. Но трехлетний труд комиссии оказался ненужным, ибо новое Уложение так и не было введено в действие. Многие видят в этом таинственную загадку, тогда как дело объясняется просто. Всю свою реформаторскую работу этих лет Петр считал предварительной. Делалось только то, что относилось прямо или косвенно к решению главной, неотложной задачи — к войне, к укреплению безопасности, к национальному величию России. Предельная целеустремленность Петра не допускала ничего лишнего. Наиболее неотложным Петр считал ликвидацию не юридической, а военной, экономической, технической и культурной отсталости России.

На рубеже XVIII века начинается преобразовательная деятельность Петра в области культуры. Ни о чем так горячо, постоянно, настойчиво не мечтал Петр Великий, как о создании русской школы и русской науки. Его первое большое заграничное путешествие в этом отношении было для него особенно поучительно. В Англии Петр приказал Брюсу подготовить специальный доклад о состоянии там системы образования. Тогда же были приглашены преподавать в Россию профессор Фарварсон с двумя другими англичанами. Они и явились преподавателями учрежденной вскоре Навигацкой школы — первого русского светского учебного заведения, разместившегося в Сухаревой башне.

Нельзя сказать, что в Москве тогда совсем уж не нашлось бы грамотных людей. Существовала даже Славяно-греко-латинская академия, которая давала богословское образование. Но не такого рода знания требовались Петру, остро нуждавшемуся в инженерах, морских офицерах, медиках.

В дошедшей до нас записи беседы Петра с патриархом Адрианом в октябре 1699 года запечатлены его мысли о том, какое образование он считал необходимым для России. Речь шла об обучении воинскому делу, инженерному и врачебному искусству. Однако надежды на церковь в данном вопросе были, конечно, тщетны. Непрерывно печатаются книги светского содержания. В 1699—1701 годах появились книги по истории, арифметике, астрономии, навигации, языкознанию и литературе. Продолжается практика посылки русских людей на учебу за границу, так же как и приглашение Иностранцев специалистов на работу в Россию. Как уже говорилось, свыше тысячи их было нанято во время Великого посольства. В общем эта чрезвычайная мера оправдала себя, хотя и принесла немало разочарований.

В связи с началом преобразовательной деятельности Петра возникает проблема о роли иностранцев в этом деле. В свое время некоторые славянофилы обвиняли Петра в рабском и вредном подражании всему западному. С другой стороны, в зарубежной литературе до сих пор можно встретить утверждение, что всем своим прогрессом при Петре Россия обязана исключительно иностранцам. Обе эти вульгаризаторские версии далеки от истины. Действительно, Петр сам много и упорно учился у иностранцев. Он требовал этого и от своих подданных. Но всегда и во всем он проявлял при этом крайнюю осторожность и щепетильность: иностранных специалистов использовали там и до тех пор, где и когда это казалось действительно необходимым. В целом же их действительная роль была далеко не решающей. Наиболее авторитетный французский историк, специалист по эпохе Петра профессор Роже Порталь пишет в одной из своих книг: «Россия самостоятельно медленно эволюционировала к прогрессу. Роль иностранцев, неотделимая от Политики Петра Великого, составляла дополнительный вклад, иногда очень ценный, который ускорял эту эволюцию, но не был определяющим». Роже Порталь подчеркивает, кроме того, что влияние иностранцев было наиболее значительным в первоначальном определении политики Петра, в период до начала войны против Швеции. Затем оно ослабевает, и Россия, особенно после Полтавы, начинает сама оказывать растущее влияние на Европу.

2 марта 1699 года умер адмирал Франц Яковлевич Лефорт. Петр искренне переживал утрату этого верного друга. 29 ноября того же года ушел из жизни другой замечательный соратник Петра — генерал Петр Иванович Гордон. Это были самые выдающиеся среди иностранцев участники петровских преобразований. Они оказали России, ставшей их второй родиной, важные услуги, исключительно высоко оцененные Петром. После них никто из иностранцев уже не был так близок к нему, не пользовался таким доверием. По мере того как Петр воспитывал русских специалистов, именно они занимали при нем все наиболее важные посты и выполняли его наиболее ответственные поручения. Однако это не может заслонить того факта, что до начала Северной войны наиболее выдающиеся из иностранцев серьезно помогли Петру в его политической ориентации, особенно в понимании дипломатической ситуации в тогдашней Европе.

Итак, «великий препаративум» Петра охватывал фактически все стороны русской жизни. Но если сам царь проявлял кипучую энергию, то иначе обстояло дело с обществом, которому предстояла такая резкая перестройка в отношении к государственной службе. Она касалась прежде всего дворянства, интересам которого новые замыслы Петра отвечали особенно непосредственно. Однако сами дворяне в массе своей этого не понимали. Вот как совершенно справедливо характеризует состояние дворянства В. О. Ключевский: «Это сословие очень мало было подготовлено проводить какое-либо культурное влияние. Это было собственно военное сословие, считавшее своею обязанностью оборонять отечество от внешних врагов, но не привыкшее воспитывать народ, практически разрабатывать и проводить в общество какие-либо идеи и интересы высшего порядка. Но ему суждено было ходом истории стать ближайшим проводником реформы, хотя Петр выхватывал подходящих дельцов и из других классов без разбора, даже из холопов. В умственном и нравственном развитии дворянство не стояло выше остальной народной массы и в большинстве не отставало от нее в несочувствии к еретическому Западу. Военное ремесло не развило в дворянстве ни воинского духа, ни ратного искусства».

Вот на кого приходилось опираться Петру, готовясь к тяжелой войне против одной из самых сильных в Европе военных держав. Остальное население, прежде всего крестьяне, еще в меньшей степени хотело быть опорой Петра. Поэтому преобразовательная деятельность Петра носила принудительный характер по отношению ко всем без исключения социальным слоям русского населения. Начиная всестороннюю «европеизацию» России, Петр отнюдь не подражал слепо, не «обезьянничал», как писал один шведский историк, но, напротив, положил конец внешнему подражательству, существовавшему до него и, к сожалению, после него. Петр брал из опыта и достижений Европы только то, чего действительно требовали насущные потребности развития России. Так он закладывал основы для прочной самостоятельности, независимости, безопасности страны.

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ

Дипломатические дела после возвращения Петра из-за границы не могли не вызывать у него еще больше сомнений, чем дела внутренние. Фактический распад антитурецкого союза, в чем царь убедился в Вене, несомненно, подтолкнул, ускорил переориентацию внешней политики России. Однако здесь много зависело не от Москвы. «Дружественные» Англия и Голландия, не творя уже об австрийском «союзнике», очень хотели, чтобы войну против Турции России продолжала в одиночку. Тем самым Австрия избавлялась от опасности с востока и могла сосредоточить все свои силы против Франции в войне за испанское наследство. Сепаратная сделка императорской дипломатии с Турцией, посредничество Англии и Голландии в этом деле осуществлялись так, чтобы спровоцировать Петра на продолжение войны путем поощрения турецких притязаний в отношении условий мира с Россией. Все это крайне осложняло задачу русской

дипломатии на мирных переговорах с турками. Петр, внезапно уехав из Вены, поручил вести эти переговоры одному из трех великих послов — П. Б. Возницину. Он, пожалуй, лучше других подходил для этой роли. За время своей долгой дипломатической карьеры, начавшейся в Посольском приказе еще при Ордин-Нащокине, ему приходилось вести сложные переговоры в Стамбуле; имел дело он и с австрийцами, а особенно хорошо познакомился с Польшей и поляками, будучи резидентом в Варшаве. Непосредственное общение с царем в ходе Великого посольства позволило ему понять внешнеполитические намерения своего повелителя. Хотя Петр еще не высказывал открыто решения направить русскую внешнюю политику с юга на север, Возницин знал о возможности такого поворота и полностью одобрял его еще до того, как он стал свершившимся фактом. Но непременным условием Возницин считал предварительное обеспечение безопасности России со стороны турок. Ему-то эту задачу и пришлось решать. П. В. Возницин был дипломатом старого типа. Он и внешне выглядел не очень европейским человеком. Высокий, толстый, с важной осанкой, как его описывал венецианский дипломат Рудзини. Возницин явился на конгресс по подготовке мирного договора с Турцией в длинной одежде, подбитой серыми соболями. На шее у него красовалось шесть или семь золотых ожерелий, на шляпе — драгоценное украшение из хороших алмазов и много перстней на руках. Ревностный оберегатель достоинства русского царя, он отличался твердой настойчивостью в отстаивании политики своего государства. При этом он обладал гибкостью, позволявшей находить выход из трудных положений.

Именно в таком положении он и оказался. Россия вообще впервые участвовала в дипломатическом мероприятии такого масштаба. Ее вступление в Священный союз с империей, Польшей и Венецией произошло незаметно, последовательными этапами. Теперь же она совместно с крупными державами выступала на конгрессе действительно многостороннего характера, и Возницину предстояло помериться силами с опытнейшими европейскими дипломатами. Положение было сложным из-за фактической изоляции России. Против нее действовала, естественно, Турция, ей помогали «посредники» — Англия и Голландия, а уж союзники — Австрия и Польша доставляли особенно много неприятностей.

Потенциальный враг Австрии, Англии и Голландии в намечавшейся общеевропейской войне — Франция Людовика XIV тоже была против России и использовала свое огромное влияние в Стамбуле. Дело в том, что в сентябре 1698 года состоялось соглашение Франции, Австрии, Англии и Голландии о полюбовном разделе испанского наследства. В случае его выполнения ожидавшаяся большая война могла и не начаться. А это означало, что изоляция, в которой Россия оказалась на Карловицком конгрессе, надолго останется важнейшим элементом международной обстановки. Более того, западноевропейские страны не были бы связаны войной за испанское наследство, а это уменьшило бы шансы Петра на успех в Северной войне. Такое неопределенное положение требовало крайней осторожности от Петра в Москве и от Возницина в Карловицах.

Политика представителя Речи Посполитой и на этот раз не имела ничего общего с союзными отношениями, установившимися у Петра с польским королем Августом II. Поведение его было откровенно враждебным России. Вообще Карловицкий конгресс, открывшийся в октябре 1698 года вблизи Белграда, не был конгрессом в современном понимании, когда речь идет о принятии участниками общих совместных решений. Здесь происходили поочередные двусторонние переговоры участников бывшего Священного союза с Турцией. При этом каждый из союзников стремился достичь выгод за счет другого, чем и пользовались турки.

Возницину нелегко было выполнить инструкцию Петра, распорядившегося перед отъездом из Вены принять принцип сохранения за каждой стороной уже приобретенного в войне, не отдавать ничего из завоеванного (Азова и днепровских городков), а в крайнем случае отложить мирный договор, ограничившись коротким перемирием. Положение

было таково, что Турция, уступив обширные земли Австрии, хотела при ее поддержке получить обратно то, что она потеряла в войне с Россией. Посредники — Англия и Голландия — тоже помогали ей.

П. Б. Возницын последовательно прибегает к разным приемам воздействия на турок. Поскольку Австрия достигла предварительного сговора с Турцией за спиной русского союзника, он тоже вступает в тайные переговоры с турками, внушая им, что для Турции выгоднее не заключать мира с Австрией, поскольку она вскоре будет воевать с Францией, когда ей легко можно нанести поражение. Но это был слишком грубый расчет, не учитывающий, что Турция действительно крайне нуждалась в заключении мира. Не больше успеха дало Возницыну и применение классических методов московской дипломатии: подаренные им посредникам и турецкому представителю собольи шубы не сделали их отношение к России более теплым.

Тогда Возницын начал действовать «с запросом». И проекте мирного договора он требует признания за Россией не только всего, что она завоевала (Азов, днепровские городки), но и передачи ей Керчи, свободного плавания по Черному морю и даже права прохода через проливы, признания протектората, покровительства России для православного славянского населения Турции, передачи Святых мест в Палестине и т. п. Слоном, здесь «запрос» восточной политики чуть ли не на два века вперед. А затем следует долгий процесс торга и взаимных уступок. Турки уступают Азов, русские — Керчь и т. д. Но камнем преткновения оказалась судьба приднепровских городков, возвращения которых требовала Турция. Возницын отдать их не мог и предложил оставить вопрос открытым, а вместо мирного договора заключить временное перемирие, или, выражаясь его словами, «мирок». Так в конце концов и договорились. Благодаря точному расчету и твердости русскому представителю удалось добиться своего. Он знал, что Петру нужен мир с турками, но пошел на риск и решительно объявил, что Россия готова продолжать войну, и тогда турки уступили.

Любопытно, что, когда после конгресса Возницын вернулся в Вену, он получил новые инструкции Петра, в которых царь приказал согласиться на передачу днепровских городков Турции. Однако Возницын добился перемирия и без этой уступки, оставив тем самым в распоряжении русских дипломатов важный козырь на предстоящих переговорах по мирному трактату.

К сожалению, это всего лишь очень краткое описание миссии Прокофия Богдановича Возницына. Иначе она выглядит в детальном, обширном отчете о его деятельности на Карловицком конгрессе — «Статейном списке». Он оставил для архивов не сухой протокол заседаний, что стало принятым в современных дипломатических донесениях, а поистине художественное произведение, волнующее, передающее весь драматизм и эмоциональное напряжение его споров с иностранными партнерами. Непосредственности, искренности, душевного волнения, поразительной наблюдательности в этом «Статейном списке» побольше, чем в иных исторических романах. Он описывает свои злоключения просто, без всякой риторики, но тем ярче и убедительнее они отражают эпоху, людей, их страсти, мысли, иллюзии. Нее: от описания разоренного войной побережья Дуная до изложения яростных перепалок дипломатов, — дышит поразительной правдивостью и человечностью. На холодном берегу Дуная разыгралась реальная драма судеб народов и государств в форме упорной борьбы характеров, умов, нервов и даже чувства юмора. И все здесь перемешано с нарочитой наивностью и простодушием, характерными для того периода в раз витии дипломатического искусства. Когда турки, требуя вернуть Азов, ссылаются на пример дедушки Петра — царя Михаила, отдавшего им в 1642 году взятый казаками Азов, то Возницын не остается в долгу. С обезоруживающей простотой он в ответ потребовал отдать Керчь и даже Очаков, что потрясло турецких дипломатов. «Турские послы, — пишет Возницын, — то услышали, в великое изумление пришли и вдруг в образе своем переменились и, друг на друга поглядя, так красны стали, что больше того невозможно».

И при всем том наш думный советник еще сохраняет чувство юмора. Так, в конце декабря, направляя своим иностранным коллегам-христианам поздравления с рождеством Христовым, он счел нужным заодно поздравить с праздником и турок-мусульман... Страсти разгораются так, что высокие послы ведут себя, как простые люди, бесхитростно раскрывая обыкновенную человеческую натуру. Даже англичанин лорд Пэджет, человек сдержанный, флегматичный, сохраняющий присутствие духа, узнав об отказе Возницына подчиниться унижительным требованиям, совершенно преображается: «Тогда злорадным устремлением, молчав и чернев, и краснев много, испустил свой яд аглинский посол и говорит: уж де это и незнамо что...» Возницын же спокоен: «Я, видя его наглость и делу поруху, говорил галанскому послу... чтоб он того унял».

Поистине, история пишется сквозь смех и слезы. Польский посол Малаховский не имел даже лошадей и на конгресс явился пешком. Зато гонором он превосходил всех и ради захвата почетного места затеял драку с русскими, но москвиты победили. Естественно, что в борьбе за «честь» поляку было не до дипломатии, и он мгновенно принял все самые невыгодные условия турок, но много времени отнял у себя и у других комичной борьбой за свое достоинство, что подробно описал Возницын в «Статейном списке».

При всем том Возницыну приходилось еще и терпеть всякие жестокие неудобства. Участники конгресса поселились на голом берегу Дуная в палатках, а наступала зима. «Здесь стоит стужа великая,— пишет Прокофий Богданович 5 ноября, — и дожди и грязь большая; в прошедших днях были ветры и бури великие, которыми не единократно палатки посорвало и деревьев переломало и многое передрало; а потом пришел снег и стужа, а дров взять негде и обогреться нечем... Не стерпя той нужи, польский посол уехал... Только я до совершения дела, при помощи божией, с своего стану никуда не пойду». Приходилось опасаться и за жизнь, ибо по разоренной войной местности рыскали разбойничьи банды. На обратном пути в Вену австрийский дипломат был серьезно ранен, а четверо его людей убиты. «И же помощью божьей доехал от таковых безбедно, однако были от них опасны... Ехал степью с великою бедою и страхом три недели».

Но вот в конце концов в январе 1699 года перемирие заключено, и Возницын пишет Петру, подводя итог подробному отчету: «Я, сие покорно доношу и очень твоей государевой милости молю: помилуй грешного своего.., а лучше я сделать сего дела не умел...» В тех обстоятельствах лучше, пожалуй, сделать было и нельзя. В конце января 1699 года сообщение об окончании конгресса в Карловичах приходит в Москву, которая постепенно начинает становиться одним из немаловажных центров европейской дипломатии. Это сказывается уже в возрастании числа иностранных резидентов в русской столице. Здесь находятся: посол империи Гвариент, посланник Речи Посполитой Ян Копий, представитель польского короля генерал Карлович, посланник Дании Павел Гейнс, шведский поверенный Книппер, их свиты, другие официальные и тайные резиденты. Формируется нечто вроде постоянного дипломатического корпуса.

Правда, это вовсе не означало, что Петр решил пересадить на русскую почву европейское дипломатическое искусство, подобно кораблестроению, техническим и научным достижениям Европы. Напротив, если к этим вещам он проникся уважением, то непосредственное знакомство с дипломатической жизнью Европы вызвало у него откровенное презрение, что он и не скрывал. Многим из увиденного царь восхищался, по отнюдь не методами внешних сношений европейских дворов, особенно императорского в Вене. Весьма неприятные новости вынужден был сообщить в своих донесениях австрийский, или цесарский, посол Гвариент: «Несмотря на то что его царскому величеству и его бывшим в Вене министрам были оказаны великая честь и особенные ранее во всяком случае необыкновенные учтивости, тем не менее у вернувшихся москвитов нельзя заметить ни малейшей благодарности, по, наоборот, с неудовольствием можно было узнать о всякого рода колкостях и насмешливых подражаниях относительно

императорских министров и двора... Ни Лефорт, ни Головин не могут удержаться, чтобы не копировать презрительнейшим образом императорский двор в присутствии его царского величества».

Что касается отсутствия чувства «благодарности» у русских, то откуда ему было взяться, если они испытывали, и с полным на то основанием, только негодование по поводу предательства императора, самого низкого вероломства по отношению к России, жертвой которого как раз в это время оказался бедняга П. Б. Возницын? Можно только удивляться, что Петр с его непосредственностью не находил возможность соблюдать по отношению к цесарскому послу кое-какой декорум. Гвариент давно уже ждал аудиенции у царя, и 3 сентября она была ему дана.

Однако прежний живописный московский церемониал приема послов с построением войск и т. п. был отменен. Царь принял посла частным образом в доме Лефорта и даже не дал ему сказать пышную речь, полагавшуюся при вручении верительных грамот. Правда, Петр задал обычный вопрос о здоровье императора, но тут же рассмеялся и заметил, что сам виделся с императором позже посла. Словом, весь прежний громоздкий дипломатический протокол канул в прошлое. Как все бессмысленное и нелепое, он не вызывал у Петра ничего, кроме насмешек. На другой день посол Гвариент был на торжественном обеде в доме Лефорта и оказался свидетелем нового проявления презрения Петра к дипломатическому этикету. Когда гости садились за стол, то датский и польский посланники шумно заспорили между собой из-за более почетного места. Услышав эту перебранку, царь довольно отчетливо произнес слово «дураки». Секретарь австрийского посольства Корб записал в своем дневнике: «Это общепринятое у москвитян слово, которым обозначается недостаток ума».

Впрочем, знаки холодности к некоторым дипломатам служили для Петра выражением его политики. Так, он явно чуждался польского посланника пана Бокия, считая настоящим представителем Польши генерала Карловича, присланного в Москву королем Августом II. Это и понятно, если учесть, что шляхетско-магнатские группировки Речи Посполитой не только не хотели тогда дружбы с Россией, но ориентировались на Австрию, Францию и Турцию. Поэтому приходилось вести переговоры о заключении союза с королем Августом. Естественным последствием этого и служило холодное отношение к посланнику Речи Посполитой, которого порой даже не приглашали на некоторые придворные церемонии.

Вообще Петра тогда явно раздражало несоответствие между пышным дипломатическим этикетом и сущностью дипломатии с ее систематическим обманом и пренебрежением к элементарным законам нравственности, соблюдавшимся в отношениях между обыкновенными людьми. Не случайно даже торжественной церемонии возвращения Великого посольства, состоявшейся 20 октября 1698 года, он придал шутовской характер. Многочисленная процессия направилась к князю-кесарю Ромодановскому и вручила ему верительные грамоты (неизвестно от кого!). В качестве подарка бутафорскому монарху преподнесли обезьяну.

Но все-таки Петр в духе свойственного ему прагматизма считал возможным использовать пышные дипломатические церемонии в тех случаях, когда в этом был какой-то политический смысл. Так произошло в связи с приездом в январе 1699 года в Москву бранденбургского посланника фон Принцена. Вспомним, что в начале Великого посольства Петр в Кенигсберге заключил с курфюрстом Фридрихом III дружественный договор и устное соглашение о союзе против Швеции. Теперь это соглашение, казавшееся в свое время Петру не очень целесообразным, приобретало особую актуальность в связи с его балтийскими замыслами. К тому же Петр помнил о пристрастии курфюрста к грандиозным церемониям. Поэтому посланника встретили со всей помпой, включая военный караул, белых лошадей и т. п. Однако когда дело дошло до удовлетворения прежних домогательств курфюрста о признании его пока несуществующего королевского титула, то Петр отклонил их. Видимо, этот козырь он решил держать про запас.

Совершенно без всяких церемоний Петр начинает непосредственную дипломатическую подготовку к Северной войне. Такая подготовка, естественно, требовала решить несколько проблем. Необходимо прежде всего освободиться от войны с Турцией и обеспечить надежные мирные отношения с ней, постараться изолировать Швецию, нейтрализовав ее потенциальных союзников, и приобрести надежных и сильных союзников России. Решение первой из этих задач началось на Карловицком конгрессе, где в январе 1699 года было заключено временное перемирие, что еще совсем не обеспечивало надежного тыла в предстоящей войне. Нейтрализация и изоляция Швеции осуществлялись возможной войной за испанское наследство, которая свяжет руки ее союзникам. Что касается проблемы союзников России, то их следовало искать среди Прибалтийских стран, оказавшихся в XVII веке жертвами шведской экспансии или имеющих серьезные противоречия со Швецией. Это были прежде всего Дания и Польша. Ни одна из этих стран не обладала ни крупными военными силами, ни внутренней экономической и политической прочностью. Трудно было рассчитывать на то, что какая-либо одна из них или даже обе вместе могут создать перевес сил на стороне России или, скажем, нанести сокрушительный удар такой первоклассной военной державе, какой была Швеция. Тем не менее даже эти союзники, особенно в начале войны, имели бы определенную ценность.

Привлечение их к союзу против Швеции было тем более легким делом, что сами они стремились к этому. Первой проявила инициативу Дания, давно враждовавшая с Швецией. Еще в середине XVII века Швеция лишила Данию исключительного контроля над проливом Зунд, что было некогда для Дании орудием влияния на Балтике и источником крупных доходов от пошлин за проход кораблей через пролив. Очагом датско-шведского конфликта служило герцогство Шлезвиг-Голштинское, южный сосед Дании. Герцогство вступило в союз с Швецией, используя ее помощь и борьбе против притязаний Дании на Шлезвиг и Голштинию. Эти союзнические отношения закрепились брачными узами, а в последние годы — тесной дружбой между юным шведским королем Карлом XII и голштинским герцогом Фридрихом IV. Смена короля в Швеции в 1697 году и внутренние трудности в этой стране показались Дании благоприятным моментом для возобновления войны. И Швеции обострилась борьба между королевским двором и дворянской аристократией, из-за неурожая возникли экономические затруднения. Кроме того, в Дании рассчитывали также использовать молодость нового короля, которому исполнилось только 15 лет. Он пока успел прославиться лишь дикими дебошами и сумасбродством. В апреле 1697 года в Копенгагене решили заключить военный союз с Россией, и летом в Москву отправился чрезвычайный датский посланник Гейнс. Однако царя в столице не было, а предварительные переговоры об оборонительном союзе имели результатом соглашение направить в ноябре 1697 года Петру в Амстердам датский мемориал с предложением о союзе. Никакого решения Петр тогда принять не мог, ибо сама внешняя политика России еще только вступала в период переориентации. От Петра последовало указание: датскому посланнику ждать царя в Москве.

Возвращение Петра из-за границы вопреки ожиданиям Гейнса не ускорило дела, ибо царь хотел любой ценой избежать войны на два фронта и не брать на себя никаких обязательств до тех пор, пока не будет гарантирована безопасность южных границ. Тем не менее он проявлял явную благосклонность к посланнику Дании, выражением этого явилось его согласие на просьбу Гейнса, у которого в Москве родился сын, названный Петром, быть крестным отцом. После церемонии крещения царь присутствовал на обеде у датского посланника и долго пробыл в его доме. Но беседа по главному делу не состоялась. Петр лишь обещал Гейнсу частную встречу и велел ждать.

Дело в том, что царь сам ожидал исхода переговоров на начавшемся конгрессе в Карловицах. Однако 22 октября, накануне отъезда в Воронеж, Петр, не информируя своих министров (прежде всего Л. К. Нарышкина), встретился с Гейнсом в доме датского

резидента Бутенанта. Когда Гейне начал издали и пространно объяснять намерения Данин. Петр нетерпеливо велел коротко изложить суть дела и представить проект договора, на что посланник попросил время, необходимое для получения инструкций от датского короля. Петр запретил вступать с кем-либо, кроме него самого, в переговоры о проекте союза и просил хранить все в тайне.

Между тем Гейне получил вскоре указание Христиана V, короля Данин, действовать более решительно и предоставить царю возможность вносить любые изменения в проект договора при условии сохранения обязательства взаимной помощи. Только 27 января 1699 года Гейнс смог сообщить царю о готовности представить проект договора, и 2 февраля состоялась его новая тайная встреча с Петром, снова в доме Бутенанта, на которой царю был вручен текст проекта договора. Но лишь 19 февраля Петр заговорил о договоре, пригласив Гейнса прибыть для продолжения переговоров в Воронеж.

В переговорах с датским дипломатом обнаруживаются характерные черты петровской дипломатии: царь ведет переговоры лично и вникает во все подробности, тщательно научая документы и всю информацию. Он требует от партнера краткости и четкости. Познакомившись с датским проектом союзного договора, он прежде всего указывает на слишком пространный и слишком общий характер документа. Петр требует полной секретности переговоров. Академик М. М. Богословский пишет: «Царь хочет нести и ведет внешнюю политику лично, окутывая ее строжайшей тайной, непроницаемой даже для руководителей его собственного дипломатического ведомства».

Петр проявляет предосторожность и предусмотрительность, и по его настоянию к договору добавляется секретная дополнительная статья, согласно которой Россия обязалась вступить в войну только после заключения постоянного мира с Турцией. И Карловицах Возницын по инструкции царя подписал с турками лишь двухлетнее перемирие. Однако это перемирие уже не могло соответствовать новым планам войны против Швеции. Для их осуществления необходим прочный мир на юге, а без этого вступление в войну Петр считал крайне рискованным. Русско-датский договор окончательно согласовали 21 апреля 1699 года, хотя предстоял еще обмен официальными текстами с личными подписями и печатями двух монархов.

Все это происходило в Воронеже, куда вместе с Петром из Москвы переместилось управление внешней политикой. Здесь кипела не только корабельная, но и дипломатическая работа. Еще 2 апреля Петр подписал указ о назначении дьяка Е. И. Украинцева, десять лет ведавшего Посольским приказом, чрезвычайным послом в Константинополь для переговоров о заключении вечного мира с Турцией. Петр следовал совету Возницына, который предлагал для столь важного и сложного дела обязательно найти человека незнатного и умного. Началась особая подготовка к отправке этого посольства. Дело в том, что, по совету того же Возницына. Петр приказал отправить посольство Украинцева на военном корабле! Провожать же его до Керчи будет целая эскадра. Воронежский флот, предназначенный для военного похода против Турции, план которого был уже разработан во время пребывания Петра в Амстердаме, получил новое, дипломатическое назначение. Руководя постройкой кораблей в Воронеже, Петр тем самым решал не столько военные, сколько дипломатические задачи. Там же, в Воронеже, Петр и Ф. А. Головин разрабатывали детальные инструкции Украинцеву.

Для успеха его миссии посылается посольство и в Голландию. Указом от 9 апреля послом был назначен Андрей Артамонович Матвеев, сын Артамона Матвеева, зверски убитого стрельцами в 1682 году. А. А. Матвеев, один из самых образованных людей среди близкого окружения Петра, таким образом начинал свою большую дипломатическую карьеру. Его задача состояла в том, чтобы побудить Голландские штаты оказывать через своего посла в Константинополе содействие переговорам о заключении мира с Турцией. Матвеев должен был также постараться сделать все возможное для привлечения Голландии на сторону России к войне против Швеции или по крайней мере

препятствовать возможному союзу Голландии с Швецией. Посольство А. А. Матвеева имело тем большее значение, что воздействие на Голландию означало одновременно и влияние на Англию. Ведь штатгальтер Голландии Вильгельм III был одновременно английским королем. А. А. Матвееву суждено будет пробыть за границей до 1715 года. Он оказался первым постоянным дипломатическим представителем России в Европе, одним из самых активных и талантливых петровских дипломатов.

Пока Матвеев собирается в Голландию (он выедет туда из Москвы только 6 августа), гораздо более обширные приготовления происходят в связи с посольством Украинцева в Константинополь. 27 апреля из Воронежа к Азову отплыла целая эскадра, во главе которой был поставлен адмирал Ф. А. Головин. Эта его чисто декоративная миссия не освобождала нового мореплавателя от его реальных обязанностей первого и главного помощника Петра по дипломатической части. Всего в поход шли 12 больших кораблей, не считая множества вспомогательных судов. Всеми кораблями командовали иностранцы, за исключением одного, капитаном которого был русский Петр Михайлов, то есть сам Петр. Фактически он и руководил керченским походом — крупной военно-морской демонстрацией, предпринятой с дипломатической целью. Во время этого похода Петр наряду с самыми разнообразными делами не прекращает уделять огромное внимание вопросам внешней политики. Собственно, она находится в центре всех его интересов. Сохранившиеся остатки переписки Петра с Винусом свидетельствуют, как настойчиво он требовал от него постоянной и подробной информации о международном положении в Европе. Особенно его волнует «французское дело», то есть проблема войны за испанское наследство. Посольский приказ также держит его в курсе всех своих дел. Так, к Петру поступила жалоба цесарского резидента Гвариента на Возницына, крайне разозлившего австрийцев в Карловицах. Эта кляуза не поколебала доверия царя к старому дипломату, который прибыл в Азов и вместе с Ф. Л. Головиным работал над подготовкой посольства Украинцева. В Азове и Таганроге они разработали наказа-инструкции послу в двух вариантах: официальный наказ церемониально-протокольного характера и тайный наказ, содержащий детальные инструкции по существу предстоявших переговоров. Для этих документов, лично утвержденных Петром, характерна большая степень самостоятельности, предоставляемая послу. Наказ, составлен ним в форме вопросов и ответов, пестрит указаниями: «учинить по своему рассмотрению» или «делать как угодно, только чтобы дело сделать» и т. и.

Между тем, дождавшись подъема уровня воды в устье Дона, русская эскадра 5 августа вшила в Керчь и вскоре встала на рейде у турецкой крепости. Впечатление, произведенное ее появлением на местные турецкие власти, было как раз таким, на какое рассчитывал Петр. «Ужас» - слово, употребленное по этому поводу в записках участника похода адмирала Крюйса, точно определяет это впечатление. Начались тяжелые пререкания с турками, не желавшими, чтобы Украинцев отравился морем в Константинополь на военном корабле. Они запугивали трудностями плавания через Черное море, уговаривали отправить посла долгим, по безопасным путем посуше, устраивали бесконечные проволочки с назначением своих кораблей для сопровождения и т. п. В конце концов Ф. А. Головин заявил турецкому адмиралу Гассан-паше: «В таком случае мы проводим своего посланника со всею эскадрою». Русские настояли на своем. Линейный 40-пушечный корабль «Крепость» вышел в Черное море и взял курс на Константинополь. Петр вскоре из Азова выехал в Воронеж, а 27 сентября вернулся в Москву, где его ждали неотложные дипломатические дела.

Здесь уже два месяца находилось посольство Швеции, прибывшее в Москву еще 26 июля по случаю вступления на престол нового короля Карла XII. В соответствии с принятой тогда процедурой требовалось подтверждение основных договоров, определявших отношения двух стран. В данном случае речь шла о Кардисском договоре 1661 года, закрепившем за Швецией побережье Балтики. Хотя цель посольства не выходила из рамок обычной практики, она была связана с определенными задачами шведской внешней

политики. В момент подготовки войны за испанское наследство Швеция занимала выгодное международное положение. Оно объяснялось тем, что в преддверии войны обе враждебные коалиции: Франция, с одной стороны, Англия, Голландия и империя — с другой, стремились привлечь Швецию на свою сторону. Естественно, что в Стокгольме попытались использовать это выгодное положение. Но для активной политики в Западной Европе шведам нужны были мирные границы на востоке. Поэтому подтверждение Кардисского договора имело для них весьма актуальное значение.

Напротив, для России подтверждение этого унижительного договора отнюдь не представляло собой приятного мероприятия. В момент, когда Москва уже вела подготовку к войне против Швеции, это и вовсе казалось нежелательным. Однако отказ от подтверждения вечного мира по Кардисскому договору практически означал бы открытое признание враждебных намерений по отношению к Швеции. Такое признание было бы, конечно, слишком неразумным делом. Следовательно, русским приходилось по необходимости участвовать в дипломатической мистификации, чтобы не раскрыть преждевременно своих истинных планов.

Непрошенных гостей (в составе посольства было 150 человек) решили принимать со всей старомосковской пышностью. 13 октября по пути следования послов были построены войска, в Кремле, в Столовой палате, их ждал царь. Правда, старый ритуал нее же упростили: Петр встретил послов не в старинной раззолоченной одежде, а в простом кафтане. Когда шведы произносили приветствие с перечислением веек титулов, Петр нетерпеливым жестом приказал им говорить короче и т. д. Затем состоялись шесть деловых встреч, во время которых возник спор из-за обряда подтверждения договоров. Русские соглашались в соответствии со статьей 27 Кардисского договора на обмен подтверждающими грамотами и на посылку в Стокгольм специального посольства. Однако шведы требовали, чтобы русский царь в их присутствии принес присягу на Евангелии и совершил обряд крестоцелования. Эту претензию русские отклонили. Шведы настаивали, но Головин, Возницын и другие московские дипломаты сумели доказать беспочвенность их притязаний. В целом вся эта дипломатическая комедия прошла благополучно, хотя с русской стороны была высказана жалоба на оскорбительный прием Великого посольства в Риге. Во всяком случае не только Головин, но и сам Петр, так часто и порой не к месту проявлявший все обуревавшие его чувства, держали себя с отменной вежливостью.

Для крайне непосредственной природы Петра это было немалым испытанием, тем более что одновременно с приемом шведских послов ему пришлось вести переговоры о заключении военного союза против Швеции. Накануне возвращения Петра в Москву сюда прибыл специальный личный представитель саксонского курфюрста и польского короля Августа II генерал Карлович. Он был послан в Россию с целью заключения наступательного союза против Швеции. Предстояли переговоры, имевшие ту же цель, что и недавние переговоры Петра с Данией. Однако приобретение еще одного союзника в будущей войне происходило в обстоятельствах более сложных и многозначительных по сравнению с датско-русским союзом. Что касается Дании, то для нее война со Швецией была неизбежной из-за датско-голландского конфликта. Терять ей было нечего, зато все же появился шанс приобрести без особых усилий союзника в лице России. Совершенно понятна и русская позиция. Налицо было совпадение интересов и отсутствие каких-либо противоречий между двумя странами. Поэтому переговоры Петра с Гейнсом проходили без всяких экивоков, задних мыслей и двусмысленности.

Новые переговоры с саксонским представителем генералом Карловичем, напротив, отличались именно всеми этими обстоятельствами. Сложности начинались с вопроса о том, с кем, собственно, вступала в союз Россия. Дело в том, что Карлович представлял официально только саксонского курфюрста, который стал недавно польским королем. Однако это не означало, что в союз вступала Польша. Переговоры проводились в тайне от польского посла в Москве, представлявшего Речь Посполитую. Правда, Август 11

рассчитывал впоследствии попытаться присоединить и ее к союзному договору. Во всяком случае пока речь фактически шла о союзе с Саксонией.

Еще сложнее обстояло дело с мотивами, которыми руководствовался Август, предлагая Петру наступательный союз против Швеции. Когда год назад во время свидания с Петром в Раве-Русской польский король обещал ему помочь в войне со шведами, то он руководствовался необходимостью сохранить поддержку русского царя, благодаря которому и приобрел польскую корону. Но теперь этот недалекий монарх имел детальную мотивировку «своей» политики, которую ему разработал международный авантюрист Иоганн Рейнгольд Паткуль. Этот человек всего несколько месяцев назад стал саксонским подданным и полковником на службе у Августа. Паткуль, ливонский дворянин, владелец трех поместий в Ливонии (Лифляндии), еще недавно был капитаном шведской армии. Человек необузданной энергии, незаурядных способностей и пылкого воображения, он вступил в острый конфликт с королевской властью Швеции, возглавив движение ливонских дворян против так называемой «редукции». Это было мероприятие шведского короля Карла XI, решившего ограничить роль дворянской аристократии путем конфискации захваченных дворянами королевских земель. Борьбу в защиту интересов феодалов-эксплуататоров Паткуль изображал в виде патриотической деятельности. Он вел ее столь рьяно, что в конце концов был приговорен шведским королевским судом к смерти. Бегство помогло ему избежать казни, и он скитался по многим странам Европы, занимаясь научной и литературной деятельностью. Но его главной страстью оставалась политика, особенно международная. «Ливонский патриот» ради спасения земельных владений таких же собственников, как и он, затеял передачу Ливонии, входившей в состав владений Швеции, под власть польского короля, воспользовавшись с этой целью надвигавшейся войной России за возвращение своих прибалтийских земель.

Паткулю с его красноречием нетрудно было убедить Августа начать борьбу за Ливонию, поскольку, добиваясь польского престола, тот обещал вернуть Польше эту ее бывшую провинцию. Правда, для этого необходимо сокрушить Швецию, что, по замыслу Паткуля, должна была сделать Россия. В мемориале королю Августу II он писал, что в будущем договоре с Россией надо получить «обязательство царя помогать его королевскому величеству деньгами и войском, в особенности пехотой, очень способною работать в траншеях и гибнуть под выстрелами неприятеля, чем сберегутся войска его королевского величества, которые можно будет употреблять только для прикрытия апрошей». Особенно настойчиво Паткуль внушал Августу, что при заключении договора с Петром следует «крепко связать руки этому могущественному союзнику, чтобы он не съел перед нашими глазами обжаренного нами куска, то есть чтобы не завладел Лифляндиею». Русские войска не должны были переходить линию Нарвы и Чудского озера. Россия могла рассчитывать только на Карелию и Ингерманландию. Лифляндия же должна стать «оплотом против Швеции и Москвы». Таким образом, противник — Швеция и союзник — Россия рассматривались как одинаково враждебные страны!

С этими тайными замыслами Карлович и явился в Москву, сопровождаемый Паткулем, скрывавшимся под именем Киндлера. Здесь, естественно, говорилось исключительно о чувствах «чистой любви и верной дружбы» Августа II к Петру I. 5 октября 1699 года саксонский генерал вручил царю мемориал, текст которого явно свидетельствовал об авторстве Паткуля. Этот документ целиком предназначался убедить Петра в том, в чем он уже полностью к этому времени убедился, то есть в крайней целесообразности и необходимости для России войны против Швеции. Август II обещал отвлечь все силы шведов на себя, с тем чтобы «отклонить всякую опасность от войск» Петра. Подобные безмерно хвастливые обещания отражали лишь очень сильное желание саксонского курфюрста получить помощь Петра в решении задачи, которой он был тогда пылко увлечен: ликвидировать в Польше аристократическую республику Речь Посполитую и утвердить свое самодержавное наследственное правление. Слепленный заманчивой целью Август совершенно не отдает себе отчета в реальной силе Швеции и

своих собственных ограниченных возможностях. Мемориал и составленный, видимо, тем же автором договор о союзе, пронизанные радужными иллюзиями, интересны главным образом как свидетельство того, какого «серьезного» союзника приобретал Петр. Однако другого выбора не было. Во всяком случае на фоне явного саксонского авантюризма Петр ведет себя осторожно и предусмотрительно.

Мемориал призывал Петра уже в конце декабря 1699 года начать войну против Швеции. «Главное условие в этом деле,— говорилось в документе,— теперь или никогда». Именно это единственное условие Петр решительно отверг, твердо заявив, что до заключения мира с Турцией Россия войны не начнет. Однако он не стал возражать против четко выраженного в мемориале и в тексте договора ограничения сферы интересов России только Карелией и Ингерманландией и оставления всех прибалтийских провинций (Эстляндии, Лифляндии, Курляндии) исключительно в распоряжении Августа. В договоре король обещал обеспечить войскам царя безопасность от шведов в Ингерманландии и Карелии и содействовать в их приобретении, привлечь к участию в войне Речь Посполитую, действовать в интересах России при европейских дворах и т. п. Однако всех этих заманчивых посулов оказалось недостаточно, чтобы соблазнить Петра и заставить его забыть всякую осторожность, потерять голову (подобно Августу) и ринуться в войну без всякой подготовки. В статье 13 договора, включенной по требованию Петра, содержалась оговорка, что Россия вступит в войну только после заключения мира с Турцией. Если же это не удастся, то царь обещал лишь содействовать Августу в заключении мира с Швецией, воевать против которой король решил начать немедленно, не дожидаясь России.

Переговоры Карловича и русских проходили тайно в селе Преображенское. Одновременно в Москве, в Посольском приказе, происходила встреча с шведами. Это была классическая двойная игра, вполне обычная для методов тогдашней, да и не только тогдашней, дипломатии. 11 ноября в Преображенском Петр подписал договор, на котором Август II расписался заранее. В секретных переговорах кроме Петра принимали участие только Ф. А. Головин и переводчик П. П. Шафиров. На встречах с Карловичем присутствовал по приглашению Петра представитель Дании Гейне. Тем самым оба двусторонних договора, в каждом из которых имелись ссылки на другой, как бы еще более объединялись, что создавало фактически тройственную коалицию, вошедшую в историю под названием Северного союза. Вскоре, 23 ноября, произошел и обмен подписанными текстами русско-датского договора, практически заключенного еще 21 апреля того же года. Оба эти документа оказались первыми, лично подписанными царем. До этого московские государи только ратифицировали договоры, скреплявшиеся подписями послов, давая торжественное обещание с целованием креста. Петр отменил старый обычай, соблюдавшийся с времен киевских князей. Это нововведение явно поднимало значение договоров, повышало их авторитет, подчеркивало личную ответственность монарха за их соблюдение. Кроме того, упрощалась процедура, ибо акт подписания одновременно служил и актом ратификации.

Между тем Северный союз пока оставался на бумаге — до заключения мира России с Турцией. Уже говорилось о том, как посольство Украинцева весьма необычным способом отправилось из Керчи в Константинополь. Через несколько дней турецкая столица увидела небывалую картину: прямо против султанского дворца, расположенного на самом берегу пролива, встал на якорь русский военный корабль «Крепость». Изумление султана, которого уверяли, что русские корабли не способны выйти в Черное море и том более пересечь его, было таково, что он лично явился на борт «Крепости», чтобы осмотреть корабль. Переполох среди турок особенно усилился, когда капитан «Крепости» Памбург внезапно в полночь произвел пушечный залп по случаю приема гостей. Турки подумали, что прибыла большая русская эскадра...

Способствовала ли эта демонстрация силы успеху дипломатической миссии Украинцева? Безусловно, хотя в зарубежной исторической литературе высказывается

противоположная точка зрения. Стремление Петра показать миру свой новорожденный военно-морской флот служило не простым проявлением чувства гордости первыми достижениями. Флот становился фактором, орудием противодействия маневрам дипломатии европейских держав. Несмотря на различия в политике дворов и кабинетов, общим для них было желание использовать Россию в качестве противовеса в их комбинациях, не допуская ее превращения в самостоятельный, активный элемент мировой политики. Но кроме этого объединяющего всю Западную Европу стремления в отношении к России проявлялись частные, конкретные интересы, действовавшие в зависимости от изменений европейских международных отношений. Дипломатические события, происходившие в Москве, в селе Преображенское, в Воронеже, зависели от политики Лондона, Амстердама, Вены, Стокгольма, Версаля или Мадрида. Разумеется, функционирование этой системы международных отношений не было столь интенсивно, как, скажем, в наше время. Связи между элементами системы были еще слабыми. Когда Украинцев посылал из Константинополя срочные донесения Петру, то курьеру требовалось 36 дней, чтобы добраться до царя. Информация о событиях в дипломатической жизни Европы, на основании которой принимались решения в Москве, циркулировала крайне медленно. Пока Виниус получит европейские газеты-курранты, пока он прочитает их и изложит в своих письмах Петру, пока эти письма попадут в руки царя где-нибудь в Воронеже или Азове, проходило очень много времени. Тем не менее система взаимозависимости действовала и предопределяла ход событий.

Еще на конгрессе в Карловицах русской дипломатии пришлось почувствовать влияние европейских событий. Дипломаты империи и Англии препятствовали усилиям П. Б. Возницына заключить мир с Турцией. Они считали, что продолжение ее войны с Россией позволит империи сосредоточить в предполагаемой войне за испанское наследство все силы против Франции, не беспокоясь за свои восточные рубежи. Правда, их рвение ослабляло то обстоятельство, что как раз в момент начала Карловицкого конгресса, в сентябре 1698 года, состоялось соглашение Англии, Голландии и Франции о мирном разделе испанского наследства. Однако в начале следующего года это соглашение расстроилось из-за смерти намеченного наследника испанского трона и стремления самой Испании избежать расчленения. Опасность войны снова возрастает.

Какова же была дипломатическая обстановка в момент, когда Украинцеву предстояло начать в Константинополе переговоры с целью превращения Карловицкого двухлетнего перемирия в вечный мир между Турцией и Россией? Положение оказалось более неблагоприятным, чем в Карловицах. Хотя летом 1699 года Англия, Голландия и Франция заключили новый договор о разделе испанских владений после смерти Карла II, Австрия отвергла его, он вызывал недовольство и в Испании. Война считалась более неотвратимой, чем в период Карловицкого конгресса. Следовательно, Англия, Голландия и Австрия гораздо сильнее стремились связать Турцию войной и тем самым позволить империи направить все свои силы для войны против общего врага — Франции.

К этому неблагоприятному обстоятельству прибавился новый, осложняющий фактор. Речь шла о Швеции. Перспектива надвигающейся испанской войны побуждала ее потенциальных участников привлечь Швецию с ее сильной армией в свой лагерь. Летом 1698 года Франция заключает договор со Швецией, надеясь на возобновление традиционного военного союза, который так помог французам в Тридцатилетней войне. Но Англия и Голландия в мае 1698 года тоже заключили союз со Швецией, а в январе 1700 года возобновили его.

Надежды на Швецию могли рухнуть, если ей придется воевать с Россией. Слухи о такой возможности стали распространяться в дипломатических кругах Европы еще в начале 1699 года, несмотря на все усилия Петра сохранить в тайне свои намерения. В результате заинтересованность Англии, Голландии и империи в том, чтобы война Турции и России продолжалась, резко усилилась. Раньше к этому стремились из-за восточных границ империи. Теперь, кроме того, речь шла еще и о свободе действий Швеции. Она

была бы обеспечена той же войной России с Турцией. Воевать на два фронта Петру было трудно, и Швеция смогла бы принять участие в войне за испанское наследство.

Вот почему дипломаты европейских держав в Константинополе усиленно подталкивали Турцию к продолжению войны. Петр ясно видит такую опасность. Поэтому он предпринял кое-какие чисто дипломатические меры вроде письма к королю Англии, которого он просил содействовать миссии Украинцева. Посылка А. А. Матвеева в Гаагу также была связана с надеждой повлиять на Голландию. Данию и Польшу, новых союзников, об этом тоже просили. По все эти платонические шаги не принесли особого успеха, хотя Англия и Голландия формально взялись быть «посредниками». Иное дело — показать Турции, что война против России будет теперь еще более опасным предприятием, ибо появился и готов действовать русский военно-морской флот. Поэтому военная демонстрация силы была прекрасно рассчитанной дипломатической акцией Петра. Она явилась совершенно необходимым противовесом давлению европейской дипломатии на султана.

Как и на конгрессе в Карловицах, русским представителям приходилось считаться также с враждебной деятельностью польских дипломатов. Союзник Петра — король Польши Август II не имел никакого влияния на поведение польского посла в Константинополе Лещинского. От имени Речи Посполитой он предлагал султану заключить союз против России с целью «возвращения» Польше Киева и всей Украины. О своем короле польский посол говорил, что поскольку он друг московского царя, то поляки намерены свергнуть его с престола.

В такой крайне сложной обстановке русскому дипломату К. И. Украинцеву приходилось добиваться мирного договора с Турцией. Эти обстоятельства добавлялись к естественным трудностям, связанным со спецификой самого турецкого правительства, дипломатия которого серьезно отличалась своими методами от европейской. Принцип уважения прав и привилегий посла в Турции ценился не очень высоко, и посол постоянно оказывался объектом самых бесцеремонных действий. Поскольку султан являлся «тенью бога», то его требования не нуждались в аргументации, и спорить с ним было крайне затруднительно. Положительным моментом для русских дипломатов служила поддержка в форме советов и информации греческого православного духовенства, связанного с русской церковью и с Россией давними историческими узами. В Константинополе первостепенное значение имело также наличие у посла денег и других ценностей, главным образом «мягкой рухляди», мехов. Турецкие высокопоставленные чиновники очень охотно принимали и даже выпрашивали их в виде подарков от «неверных». В таких условиях и шли переговоры, продолжавшиеся восемь месяцев. За это время состоялись 23 официальные встречи с турецкими представителями, то есть с теми же самыми людьми, которые выступали от имени Турции на Карловицком конгрессе.

Переговоры начались 19 ноября 1699 года обсуждением записки Украинцева из 16 статей. В них содержались предложения заключить вечный мир на условиях сохранения за каждой из сторон того, чем она владела в данный момент, отмены выплаты Россией дани крымскому хану и его обязательства полностью прекратить набеги па русские земли, предоставления русским кораблям свободы плавания по Черному морю, размена пленными, возвращения под контроль греческой церкви Святых мест в Иерусалиме.

Острые разногласия проявлялись на всем протяжении переговоров, доходя в отдельные моменты до степени разрыва. Вопросы второстепенные порой заслоняли в долгих пререканиях главное, что касалось действительно жизненных интересов сторон и что в конце концов имело решающее значение для исхода переговоров. Когда требование русских о передаче контроля над «гробом господним» от католиков к православному греческому духовенству было отвергнуто турками, то Украинцев не стал особенно спорить. Как ни дороги сердцу христианина эти сомнительные реликвии, интересы земные брали верх. В конечном итоге в центре разногласий оказался вопрос о Черном море и его побережье. Требование предоставить русским кораблям свободу плавания по

Черному морю Турция отвергла категорически. Украинцеву было сказано, что «Оттоманская Порта бережет Черное море, как чистую и непорочную девицу, к которой никто прикасаться не смеет». И русские уступили, хотя испытывали к Черному морю не меньшее влечение, чем турки. Но дело заключалось не в самом принципе свободы плавания. Вез надежных гаваней и путей сообщения между ними и Москвой он практически мало что значил. Именно поэтому главный спор сосредоточился вокруг судьбы занятых русскими четырех днепровских городков-крепостей и главного среди них — Казы-керменя. Контроль над ними обеспечивал возможность овладеть устьем Днепра. А это уже был реальный путь к выходу в Черное море. Турки сравнительно легко примирились с переходом к России Азова, стоявшего в устье Дона. Ведь здесь был выход не в Черное, а в Азовское море, выход, затрудненный к тому же мелководьем. Иное дело Днепр, по которому некогда дружины киевских князей плыли к Царьграду. Здесь турецкие представители не хотели идти ни на какие компромиссы, предлагавшиеся Москвой. Судьба Днепра оказалась камнем преткновения, поставившим переговоры под угрозу срыва. Долгие недели не наблюдалось никакого сдвига к соглашению.

Пошли слухи, что Турция готовится к войне. В феврале 1700 года возникло критическое положение. Петр приказал усилить флот под Азовом и 11 февраля отправился в Воронеж, где провел три месяца, готовя флот к войне. «Царь сомневался,— пишет Устрялов,— не пришлось бы ему все силы сухопутные и морские обратить вместо севера на юг». Именно в это время Петр отправляет посольство в Стокгольм заверить шведов в мирных намерениях России...

Турки все же пошли на заключение мира, поскольку не хотели тогда воевать, боялись войны с Россией. Петр не зря показал им свои возросшие силы и свою готовность в случае необходимости воевать на юге. Они поняли и оцепили, наконец, что означает уступка русскими днепровских городков. Это не было тактическим ходом, столь обычным в дипломатии торга, когда уступают партнеру и чем-то, рассчитывая получить взаимную равноценную уступку. Речь шла об уступке стратегического характера, которая свидетельствовала, что русские всерьез и надолго откапываются от выхода к Черному морю. Это был шаг Петра, показавший его способность действовать в дипломатии в соответствии с соображениями высокой политической стратегии. Чтобы добиться достижения своих великих целей на севере, необходимо было максимально сосредоточить все в этом направлении, не допускать распыления своих сил и своих интересов. В конце концов чтобы получить свободу рук, надо было заплатить реальную, высокую цену. В свое время это должно было окупиться. Петр проявил несомненную стратегическую дальновидность.

Стремление как можно скорее заключить мир с Турцией, что бы приступить к осуществлению своих замыслов на севере, Петр испытывал отнюдь не потому, что в этом направлении перед ним открывались радужные перспективы. Напротив, сохранялась не только крайняя неопределенность общеевропейской ситуации, по дело шло плохо и с уже предпринятыми начинаниями.

Главный союзник Петра Август II через своих представителей наобещал очень много. К тому же он горел желанием начать действовать. Карлович и Паткуль в ноябре, после заключения союзного договора, рассказывали царю о плане штурма и взятия Риги. Они уверяли, что это дело верное и будет осуществлено к рождеству, то есть в конце декабря 1699 года. Петр с нетерпением ждал вестей о взятии Риги уже в новогодние дни, но не дождался.

Оказалось, что операцию не только плохо подготовили, ее вообще и не начинали. Главнокомандующий саксонскими войсками друг Августа генерал Флемминг неожиданно оставил свои войска и уехал жениться в Саксонию. Столь странное для полководца поведение, впрочем, вполне соответствовало нравам, царившим при дворе Августа II. Академик М. М. Богословский пишет в четвертом томе биографии Петра: «Любовь к женщинам была тогда при польско-саксонском дворе Августа II главным делом, перед

которым государственные дела как у короля, так и у его первого советника должны были отступать на второй план». Сам король также не соблаговолил прибыть к своим войскам, ибо увлекся бесконечной серией балов, маскарадов, оперных спектаклей, всегда служивших фоном для его знаменитых любовных походов. Западные историки пишут о том, что Август II имел 365 внебрачных детей.

В феврале 1700 года Флемминг вернулся к своим войскам и приступил к осуществлению нового плана взятия Риги. Войска двинулись к городу, но сбились с пути. Правда, вскоре удалось захватить небольшое укрепление Кобершанц под Ригой. По сравнению с намеченными планами — успех ничтожный. Датский посол Гейнс писал своему королю о беседе с Петром 13 апреля, в которой тот открыто порицал поведение Августа. «Царь сказал более, — писал Гейне, — он осуждает польского короля и его меры и спросил меня, можно ли одобрить его поведение, когда вместо того, чтобы лично присутствовать при предприятии такой важности, польский король остается в Саксонии, чтобы развлекаться с дамами и предаваться там удовольствиям». Петр выразил затем опасение, «как бы этот король не заключил сепаратного мира, и не оставил своих союзников, впуская их в войну». В заключение беседы царь сказал, что «не следовало заключать договоров и подымать союзников, не исполняя дела как следует».

Правда, на другой день после этого разговора Петр получил сообщение о взятии саксонцами небольшой крепости Динамюнде, расположенной ниже Риги по Двине у выхода в море. Это считалось уже определенным успехом, но до взятия Риги по-прежнему было далеко. Только в конце июня Август II все же оторвался от обычных развлечений и прибыл к своим войскам. Но дело не продвинулось; войск было слишком мало, к тому же им давно не платили жалования. Не решаясь предпринять штурм Риги, пытались обстреливать ее, но ядра не долетали до города. Старания Августа привлечь к участию в войне Речь Посполитую успеха не имели. Среди шляхты проявлялась готовность воевать не столько за Ригу, сколько за Киев. В сентябре Август пригрозил начать бомбардировку города, но рижане предложили ему 1,5 миллиона талеров. Король деньги взял и не только отказался от бомбардировки, но вообще снял осаду и отвел свои войска. Таков оказался на деле главный союзник Петра, совсем недавно обещавший взять на себя основную тяжесть войны.

Еще хуже обстояло дело с Данией, которая казалась более надежной. Август по крайней мере все же остался союзником, хотя ожидать от него серьезной помощи в войне было трудно. Что касается Дании, то после первых успехов в войне против Голштинии, вынудивших голштинского герцога бежать в Швецию, ее положение внезапно ухудшилось. Карл XII, воспользовавшись поддержкой флотов Англии и Голландии, высадился в Дании с 15-тысячным войском. Под угрозой бомбардировки Копенгагена Фредерик IV капитулировал. 8 августа 1700 года в Травендале, вблизи Любека, был подписан договор, по которому Дания обязалась выплатить 260 тысяч талеров Голштинии и уважать ее независимость. Дания вышла из антишведской коалиции. Северный союз потерял возможность использовать сильный датский флот, который мог бы соперничать с флотом Швеции. Теперь Швеция могла бросить все свои силы в Восточную Прибалтику. Не оправдалась надежда на изоляцию Швеции, на то, что ее союзники не смогут помочь ей из-за подготовки войны за испанское наследство.

Петр стремился расширить и укрепить распадающуюся коалицию путем включения в тройственный Северный союз Бранденбурга. Такая перспектива казалась реальной, поскольку еще в 1697 году, в самом начале Великого посольства, курфюрст Бранденбурга сам настойчиво предлагал Петру заключить наступательный союз против Швеции. Тогда это предложение было преждевременным, ибо Москва еще ориентировалась на войну с Турцией, и царь осторожно ограничился личной устной договоренностью. Теперь положение изменилось, и договор с Бранденбургом серьезно усилил бы Северный союз. Это понимали короли Дании и Польши и со своей стороны пытались привлечь курфюрста Бранденбурга в антишведскую коалицию. Казалось, все складывалось как нельзя лучше.

Курфюрст в письмах к Петру именовал его «другом, братом и союзником», ловко использовал помощь Петра в округлении своих владений, например в приобретении польского города Эльбинга. А его заигрывание с Данией и Польшей дошло до того, что в начале 1700 года он даже заключил с ними оборонительные договоры, оставшиеся, впрочем, на бумаге.

Русские, воодушевленные внешними проявлениями дружелюбия со стороны курфюрста Бранденбурга, заготовили уже два текста союзного договора с Бранденбургом: на русском языке, подписанный Петром, и на немецком, который должен был подписать курфюрст. В июне 1700 года с этими документами и с личным собственноручным письмом Петра в Берлин отправился для заключения союза князь Ю. Ю. Трубецкой. Он был встречен с исключительной любезностью, курфюрст несколько раз лично принимал его и клятвенно заверял в своих самых дружественных чувствах к Петру. Однако русское предложение о заключении союзного договора и об участии в войне против Швеции он категорически отклонил. Заверяя в своем неизменном расположении к московскому государю, курфюрст отказывался от заключения наступательного союза, ссылаясь на плачевный пример Дании. В войне с нею Швеция получила военную поддержку Англии и Голландии, а также дипломатическую и финансовую помощь Франции. Если бы Бранденбург тоже выступил против Швеции, то его неизбежно постигла бы участь Дании. Вот если царю удастся побудить Англию и Голландию отказаться от поддержки шведов, то он немедленно начнет войну против Швеции. Не может же московский друг желать своему бранденбургскому союзнику верной гибели? Поэтому курфюрст выражал надежду, что, несмотря на его отказ от военного союза, московский царь сохранит с ним дружбу. В лице бранденбургского курфюрста Петр столкнулся с самым изощренным, коварным партнером и «другом» и потерпел полную неудачу.

Русская дипломатия в данном случае недооценила ряд объективных обстоятельств, таких как противоречия Бранденбурга с Данией и Польней и особенно неодолимое желание курфюрста получить королевский титул от императора. Готовясь к войне за испанское наследство, в Вене решили удовлетворить это давнее домогательство, и курфюрст Бранденбурга Фридрих III вскоре станет прусским королем Фридрихом I в обмен за участие, правда, ограниченное, его войск в испанской войне на стороне антифранцузской коалиции.

В дипломатии России заметную роль играет деятельность первого постоянного русского представительства за границей в Гааге, возглавлявшегося А. А. Матвеевым. К сожалению, его главная миссия — предотвратить помощь Голландии и Англии Швеции и изолировать ее успеха не имела. Она сразу натолкнулась на аналогичное, но противоположное по смыслу стремление Голландских штатов. Они были против войны на севере из-за интересов своей балтийской торговли и особенно из-за участия Швеции в возможной европейской войне на своей стороне. Поэтому штаты официально просят, чтобы Россия не оказывала помощь Дании, требуют от Петра уговорить Августа II прекратить нападение на Швецию и т. д. Словом, сразу обнаруживается, что в лице Голландии, так же как и Англии, Россия будет иметь не союзников, а противников новых внешнеполитических замыслов Петра. Однако посольство Матвеева все же играет серьезную положительную роль в русской дипломатии. До этого Петр получал информацию о европейских делах в основном от А. Виниуса, черпавшего сведения из иностранных газет. Теперь русский посол в Гааге, игравшей в то время роль дипломатической столицы Европы, регулярно информирует Петра о многих вещах, которые нельзя было узнать из газет. Матвеев быстро вошел в жизнь весьма обширного дипломатического корпуса в голландской столице, установил личные доверительные отношения с представителями некоторых стран и часто получал от них ценные сообщения. В это время Петра, как известно, интересовали больше всего сведения о переговорах, которые вел Е. И. Украинцев в Константинополе. Благодаря Матвееву Петр узнавал о них быстрее, чем от самого Украинцева. От Матвеева же была получена

информация о двуличном поведении Августа II. Потерпев неудачу под Ригой, он уже не прочь был выйти из войны и заключить сепаратный мир со шведами. Матвеев постоянно сообщает о перспективах решения дела с испанским наследством. Так, в феврале 1700 года он писал, что испанский король Карл II, смерти которого ждали со дня на день, «в добром здоровье обретается и ныне развлекается комедиями и всякими утехами». Поскольку война за испанское наследство отвлекла бы внимание и силы европейских держав от Северной войны, сведения А. А. Матвеева имели для Петра самое первостепенное значение. Правда, на протяжении всего 1700 года они были неблагоприятными для замыслов Петра.

Выход Дании из Северного союза, невыполнение Августом II своих союзнических обязательств, отказ Бранденбурга присоединиться к тройственной коалиции, затяжка мирных переговоров Украинцева в Константинополе — все создавало сложную и тяжелую дипломатическую обстановку полной неизвестности. Тем более знаменательно, что неблагоприятные события нисколько не поколебали целеустремленности Петра в осуществлении намеченных планов, хотя они доставляли ему немало огорчений и разочарований. Интенсивная подготовка войны против Швеции не прекращается ни на один день. Принят план войны, определено направление главных ударов. Они будут нацелены на Нарву и Нотебург — шведскую крепость на Неве. Именно в эти два пункта Петр посылает с целью разведки офицера Преображенского полка Насилия Корчмина.

Как раз в связи с этим заданием в письме Петра к Ф. А. Головину от 2 марта и раскрывается план предстоящей войны, уже созревший в замыслах царя. Корчмин, получивший за границей образование военного инженера, должен был осмотреть шведскую крепость Нарву (Ругодив), а затем Орешек (Нотебург). Петр приказывал провести эту разведку осторожно, чтобы шведы ничего не заподозрили. В Нарву Корчмин должен был ехать для осмотра и покупки шведских корабельных пушек. Что касается Нотебурга, то Петр писал: «... также, если возможно ему (Корчмину. — Авт.) там дело сыскать, чтоб побывал и в Орешке, а если в него нельзя, хотя возле него. А место зело нужное: проток из Ладожского озера в море (посмотри на картах)... а детина кажется не глуп и секрет может сохранить. Важно, чтобы Книппер того не ведал, потому что он знает, что Корчмин учен».

Непрерывно идет обучение набранных еще зимой солдат новой регулярной армии. Окажется ли она способной сражаться и побеждать одну из самых сильных и опытных армий Европы? Но кто мог дать ответ на этот вопрос, имевший решающее значение для судьбы России? Русские люди, естественно, еще не отвыкшие от старомосковских мерок, могли только прислушиваться к мнению иностранцев. Кому, как не им, видевшим и знавшим лучшие армии европейских держав, судить об этом со знанием дела. Тем более любопытно, что, например, датский посол Гейнс в своих донесениях восхищался новой русской армией. «Новые полки чудесны. Они одинаково хороши и на ученье, и на парадах», — писал он в Копенгаген. Артиллерию Гейнс считал «образцовой», пушки — «лучшими в мире». Новый саксонский посланник барон Ланген также писал своему курфюрсту о замечательных, по его мнению, войсках Петра. Особенно он хвалил «высокодисциплинированную», «отборную» пехоту, по своей подготовке не уступающую немецкой пехоте. Надо полагать, что эти иностранные дипломаты лично Петру давали не менее, если не более, хвалебные отзывы о состоянии русской армии. А царь нетерпеливо ожидал вестей из Стамбула и обещал spojим союзникам немедленно по заключении мира направить свои войска на шведов, чтобы выполнить союзнические обязательства. «Я человек, — говорил он, — на слово которого можно положиться. Я не буду прибегать к многословию; но мои союзники увидят на деле, как я исполню обязательства и сделаю больше того, что я обязан».

ВСТУПЛЕНИЕ РОССИИ В ВОЙНУ

Наступил, наконец, день, которого Петр ждал с таким нетерпением. 8 августа 1700 года прибыли гонцы с извещением о заключении Константинопольского договора² с Турцией. Событие отметили грандиозным фейерверком. Имелись ли основания для торжества? Дипломатический успех был несомненным, хотя договорились не о вечном мире, а о 30-летнем перемирии, да и вообще пришлось отказаться от больших черноморских замыслов. Русская дипломатия, действуя в очень сложных условиях, добилась согласия Турции на переход Азова и устья Дона к России. Прекращалась выплата Москвой дани крымскому хану. Таким образом, удалось ликвидировать позорный остаток татаро-монгольского ига, что имело не только моральное значение. Дань, достигавшая ежегодно 30 тысяч рублей, складывалась в огромные суммы. К ним следовало прибавить еще более серьезный ущерб от ежегодных разбойничьих набегов кочевников, от увода десятков и сотен тысяч русских людей в рабство. Константинопольский договор положил этому конец. Но главное — он предоставил Петру свободу действий на севере.

Уже па другой день Россия официально объявляет войну Швеции. Любопытна мотивировка исторического шага, содержащаяся в царском указе и повторявшаяся в дипломатических уведомлениях. Нападение на Швецию предпринималось «за многие свейские неправды» и за обиду и оскорбление, нанесенное «самой особе царского величества» в Риге в 1697 году. Указание на пресловутое «оскорбление» само по себе носило курьезный характер. Официально царь в Риге не был. «Оскорбление» в виде запрета осмотреть крепостные сооружения Риги было нанесено не царю, а уряднику Петру Михайлову.

Речь не шла о действительных и вполне обоснованных причинах войны, например о праве России вернуть свои исконные прибалтийские земли. Акт объявления войны явно составили в стиле старомосковской дипломатии. В допетровскую эпоху считалось правомерным внешнею политику России отождествлять с личными чувствами и желаниями царя, а не с государственными интересами страны. Это был очевидный пережиток старины, не отвечавший духу нового времени, сущности самой петровской политики. Не зря со временем обнаружилась необходимость серьезного обоснования тяжелой войны и последовало указание царя П. П. Шафирову подготовить «Рассуждение, какие законные причины е. в. Петр Великий к начатию войны против короля Карла XII Шведского в 1700 году имел...»

Уже 22 августа русские войска выступили в поход на Нарву, в то время сильную шведскую крепость, прикрывавшую с востока владения Швеции в Восточной Прибалтике. В октябре началась осада Нарвы, окончившаяся 19 ноября тяжелой неудачей для России. Не вдаваясь в чисто военно-техническую сторону этой злосчастной страницы петровского царствования, остановимся только на самом существенном в нарвском разгроме, оказавшем длительное и неблагоприятное воздействие на международное положение России, на ее внешнею политику и дипломатию. Ведь почти десять лет Европа будет смотреть на Россию лишь сквозь призму превратно истолкованного опыта Нарвы.

Сохранившиеся документы, письма, воспоминания и другие исторические свидетельства далеких событий позволяют получить представление об обстоятельствах нарвского поражения. Нарва выглядит как хаотическое нагромождение несчастных случайностей, неподготовленности, растерянности и трусости, равнодушия к делу или даже предательства иностранцев, а также загадочных, непонятных действий самого Петра.

² Константинополь был столицей Византии. В 1453 году турки захватили его и переименовали в Стамбул, как он называется и теперь. Но долгое время как в России, так и в Европе его по-прежнему именовали Константинополем. Только в XX веке турецкое название города вытесняет старое, византийское. Однако названия многих старых международных договоров, конвенций, соглашений, заключенных в Стамбуле, в справочниках, словарях фигурируют как «константинопольские». Поэтому не следует удивляться этой неизбежной путанице. Кстати встречается и третье, старинное название того же города — Царьград.

Наличие крайне противоречивых данных дает видимость основания для самых противоположных суждений, выводов и оценок. Нередко историки ограничиваются простым описанием, изложением более или менее известных событий без всяких оценок и выводов, благо последующая история петровского царствования, его блистательные достижения легко заслоняют нарвскую катастрофу.

Каждая из сторон нарвского дела что-то открывает и дополняет в выяснении существа этого исторического события, идет ли речь о поведении тех или иных лиц, состоянии материальных факторов вроде степени обеспеченности русской армии боеприпасами и продовольствием или даже погоды в момент шведской атаки. История не может пренебрегать ничем. Однако наиболее общими и важными в раскрытии как причин, так и последствий Нарвы служат обстоятельства международно-политического характера.

План похода, штурма и взятия шведской крепости был задуман Петром с учетом совершенно определенных внешних факторов. Заключив союз с Данией и Саксонией, царь воздерживался от вступления в войну не только вынужденно, в связи с опасностью возникновения второго, турецкого фронта. Он дальновидно рассчитывал, что наиболее благоприятным моментом нанесения первого удара шведам его еще слабо подготовленной армией будет время, когда силы Швеции отвлекут на себя датский король и саксонский курфюрст. Не переоценивая ни их полководческих дарований, ни сил, которыми они располагали, можно было уверенно надеяться, что союзники по меньшей мере на какое-то время свяжут своими действиями главные силы шведов. А за это время русская армия со всеми ее очевидными слабостями так или иначе овладеет важнейшей исходной стратегической позицией. Из всех возможных вариантов план Петра, несомненно, был в своей сущности оптимальным.

Международные события спутали все карты Петра. Борьба вокруг испанского наследства в Европе не помешала Англии и Голландии оказать ценнейшую, хотя и кратковременную, помощь Карлу XII, благодаря которой он молниеносно разгромил Данию и поручил возможность быстро перебросить главные силы в Восточную Прибалтику. По здесь действовал другой союзник — Август II, который мог бы отвлечь Карла к Риге, ибо ее потеря была бы более ощутимой для шведов, чем взятие русскими Нарвы. Но «совсем бессовестный саксонский авантюрист», как справедливо называл Августа В. О. Ключевский, предательски сняв осаду Риги и вступив в сепаратные мирные переговоры с Карлом, оказал ему не менее эффективную поддержку, чем английский и голландский флоты в проливе Зунд. Август и Паткуль больше боялись успехов Петра, чем Карла, главным противником они считали своего союзника! Они стремились не помочь, а помешать русским овладеть Нарвой. Паткуль писал саксонскому посланнику барону Лангену: «Вы знаете хорошо, как хлопотали мы о том, чтобы отвратить его (Петра) от Нарвы; мы руководствовались при этом важными соображениями, между которыми главное, что не в наших выгодах допустить царя в сердце Ливонии, позволив ему взять Нарву». Вот где кроются причины снятия осады Риги или попыток заключения сепаратного мира с Карлом. В свете такой политики приходится рассматривать и поведение саксонского генерала Галларта, руководившего «неудачной» осадой Нарвы, и присланного Августом фельдмаршала герцога де Круа, который, находясь в русском лагере, обменивался с Августом шифрованными письмами...

Петр узнал о выходе Дании из Северного союза, когда армия уже двигалась к Нарве, а двойная игра Августа II пока давала основания лишь для догадок и подозрений. Курфюрст ловко скрывал свое двуличие, понимая, что все равно у Петра нет других союзников. К тому же царь страдал всегда, особенно в то время, избытком простодушной доверчивости по отношению к своим европейским дипломатическим партнерам. Да и поздно уже было менять планы на ходу. События под Нарвой приобрели неотвратимый характер. Петр планировал осаду и штурм всего одной шведской крепости. Но его армии пришлось совершенно неожиданно вступить в сражение с главными силами шведов во главе с самим королем, к чему она была совсем не подготовлена ни материально, ни пси-

хологически. Под Нарвой стояла армия, представлявшая собой только зародыш тех вооруженных сил, которые были необходимы, чтобы сокрушить Швецию один на один, действуя самостоятельно, без союзников.

Таким образом, вопреки распространенному тогда мнению под Нарвой не произошло разгрома новой петровской армии. Дело в том, что там еще не было этой армии, если не считать трех полков: Преображенского, Семеновского и Лефортова. Но там находились пять старых стрелецких полков и традиционное дворянское ополчение, о крайне низких боевых качествах которых уже шла речь. Правда, оставшаяся часть войск составляли так называемые новоприборные полки, то есть новобранцы, находившиеся в строю менее года и никогда не нюхавшие пороха. Этим солдат очень хвалили иностранные дипломаты. Беда в том, что во главе их не было опытных и подготовленных русских офицеров. Офицерский корпус армии состоял в основном из наемных иностранцев, о военных достоинствах которых ничего не было известно. Собственно, облик этих случайных людей символизировала фигура главнокомандующего герцога Шарля де Круа. Раньше он служил главным образом в австрийской армии, из которой был уволен за провал крупной операции. Это не помешало императору рекомендовать его Петру в качестве опытного полководца. Он был прислан к Петру Августом II, на службу к которому герцог поступил в 1698 году. Вкладом герцога в нарвскую битву послужила его сдача в плен, что он сделал, даже не попытавшись руководить боем. Не зря Карл XII первым делом наградил своего пленника крупной суммой в 1500 червонцев и приказал кормить его с королевского стола! Фактически русские войска под Нарвой не имели руководства, и главной причиной разгрома была дезорганизация командования. Собственно, можно ли было считать армию Петра у Нарвы русской армией, если ее офицерский состав представлял собой наспех набранных наемников из отбросов европейских армий? Можно сказать, что в этом смысле Карл XII под Нарвой нанес поражение не русской, а европейской армии! Конечно, в ней было немало прекрасных солдат, даже целых подразделений, державшихся великолепно. Пример тому — героическое поведение Преображенского и Семеновского гвардейских полков.

Итак, два фактора сыграли роковую роль: унаследованная от старомосковских времен старая военная организация и жалкая роль иностранного командного состава. Самые пагубные последствия имела ошибка самого Петра, выразившаяся в его чрезмерном доверии к наемным иностранным офицерам. Только после Нарвы русский царь начнет постигать ту истину, что если в мирных делах, в строительстве кораблей, в создании промышленности и т. п. иностранным специалистам можно и должно доверять, то на войне, требующей самопожертвования, презрения к смерти, героизма и других необходимых воинских качеств, рассчитывать на них невозможно. Трудно было и требовать от них, чтобы они умирали за непонятную и часто презираемую ими «варварскую» страну.

Наконец, пресловутый вопрос, до сих пор порождающий множество спекулятивных рассуждений. Почему накануне сражения под Нарвой, начатого неожиданным нападением Карла XII на русский лагерь, Петр оставил его и уехал, поручив командование какому-то наемному герцогу? В иностранной, а порой и в отечественной литературе дело доходит до того, что Петра даже обвиняют в трусости. Учитывая бесчисленные факты подлинно героического поведения Петра на всем протяжении его жизни, это абсурд. Нельзя судить Петра Великого по меркам поведения, применимым к солдату, офицеру или даже генералу. Он был главой государства, причем государства абсолютистского, где все замыкалось на одной личности. К тому же это государство было уже вовлечено в сложный и тяжелый процесс преобразований, ставивших под вопрос все его традиционные устои. В такой момент, как никогда, благополучие страны, нации воплощалось в зыбком физическом существовании одного смертного человека. Подвергать его опасности ради соблюдения пресловутых феодальных норм «королевской чести» было бы верхом претенциозной глупости, фанфаронства и безответственности.

Гарантировать войско от возможного поражения уже нельзя было ничем, в том числе и личным присутствием царя. Более того, в случае его гибели или плена поражение стало бы непоправимым. С другой стороны, проигрыш одного сражения в конце концов совсем не означал проигрыша войны, которая еще только начиналась.

Ближе всех историков к пониманию тайны поведения Петра под Нарвой стоит С. М. Соловьев, который писал, что «безрассудная удаля, стремление подвергаться опасности бесполезной было совершенно не в характере Петра, чем он так отличался от Карла XII. Петр мог уехать из лагеря при вести о приближении Карла, убедившись, что оставаться опасно и бесполезно, что присутствие его может быть полезно в другом месте. Это был человек, который менее всего был способен руководствоваться ложным стыдом».

Поражение под Нарвой ярко обнаружило одно из сильнейших качеств Петра — государственного деятеля, полководца, дипломата, преобразователя — умение извлекать уроки из событий, использовать неудачи в качестве стимула для резкой активизации своей деятельности. «Нарва,— писал К. Маркс,— была первым серьезным поражением поднимающейся нации, умевшей даже поражения превращать в орудия победы».

Реализм Петра проявился в оценке, которую он давал нарвскому поражению. Признавая факт победы шведов, он трезво оценивал и состояние русской армии, ее необученность, отсутствие должного снабжения, крайнюю слабость руководства, оказавшегося ниже всяких требований. Ее действия Петр сравнивал с детской игрой. Поэтому победа шведов была совершенно закономерной, поскольку речь шла о превосходстве опытной, обученной армии над армией, не имевшей еще никакой практики. Такие выводы делал Петр в «Истории швейцарской войны». Там же он охарактеризовал влияние поражения на Россию, на свою собственную деятельность, говоря, что, когда это несчастье, а вернее, «великое счастье», произошло, оно вынудило русских отказаться от лени и проявить небывалое трудолюбие и активность.

Царь действует с бешеной энергией. Первым делом князю Репнину приказано было привести в порядок полки, отступившие от Нарвы; они насчитывали 23 тысячи человек. Петр строжайше указал не отступать под страхом смерти от линии Новгорода и Пскова. Города эти и Печерский монастырь лихорадочно укреплялись и превращались в крепости. В Москве спешно объявили новый набор. Призывали людей любого звания, не исключая и крепостных. Необходимо было возместить потерянную под Нарвой артиллерию. Именно теперь начинается рождение мощной уральской металлургии. Но нельзя было терять ни часа. «Ради Бога,— писал Петр Винуису,— спешите с артиллерией, как только можно; потеря времени смерти подобна». Следует легендарный приказ Петра: снимать колокола с церквей и переливать их на пушки. Всего за год удалось отлить пушек, мортир и гаубиц больше 300. В конце января 1701 года имперский посол Плейер доносил в Вену, что армия быстро стала сильнее прежней втрое.

Если для России, для Петра Нарва оказалась тяжелым, грубым, но полезным уроком, воочию показавшим русским людям своевременность и необходимость петровских преобразований ради спасения отечества, то для юного шведского короля, одержавшего победу, она имела роковое последствие. Уже и до этого отличавшийся безудержным тщеславием, болезненной гордостью и самолюбованием, он окончательно уверовал, что в его лице бог создал нового Александра Македонского. Отныне страсть к войне становится у него маниакальной. Один из его верных помощников — генерал Стенбок писал после Нарвы: «Король ни о чем больше не думает, как только о войне; он уже больше не слушает чужих советов; он принимает такой вид, что как будто бы бог непосредственно внушает ему, что он должен делать».

Карл XII утратил способность трезво оценивать события и факты. В его глазах нарвская суматоха, где только счастливый для него случай дал ему победу, превратилась в свидетельство его полководческого гения. Он проникся крайне опасной для военачальника верой в мифическую слабость русской армии, в воображаемое малодушие Петра.

«Нет никакого удовольствия,— говорил он с презрением,— биться с русскими, потому что они не сопротивляются, как другие, а бегут».

События под Нарвой вызвали широкий резонанс в Европе. При этом масштабы поражения России непомерно преувеличивались в духе представлений самого Карла XII. Известие о его победе было повсюду встречено с радостью и одобрением. Дело в том, что обе группировки, готовившиеся к войне за испанское наследство, соперничали в стараниях привлечь на свою сторону Швецию, которая давала авансы как Англии и Голландии, так и Франции. Начало Северной войны было встречено в этих странах с крайним недовольством, поскольку боялись, что Швеция увязнет в войне с Россией и другими участниками Северного союза и не сможет участвовать в испанской войне. Когда же из-за нападения Дании на Голштинию и попытки штурма Риги Августом II Швеции пришлось воевать, ей всячески старались помочь. Поддержка Англией и Голландией Карла против Дании была продиктована именно этими стремлениями. Когда пришло известие, что Карл, только что разгромивший Данию, затем Августа II, одержал победу под Нарвой, то восторгом не было конца. Возникла уверенность, что Швеция очень скоро победоносно расправится со всеми своими противниками на севере, а затем вследствие обнаружившейся крайней воинственности молодого короля непременно ввяжется в испанскую войну.

В Европе, особенно в германских протестантских государствах, ожили воспоминания о прадеде Карла XII — Густаве-Адольфе, прославившемся в Тридцатилетней войне своими победами. Даже самые знаменитые полководцы тех времен, такие как герцог Мальборо или Евгений Савойский, пели дифирамбы новоявленному Александру Македонскому.

О впечатлении, произведенном в Европе победой Карла XII под Нарвой, и о международных последствиях этого события дают представление донесения, поступавшие от единственного в то время постоянного дипломатического представителя А. А. Матвеева из Гааги. Здесь были крайне недовольны осадой Нарвы, предпринятой Петром. В Голландии опасались, что приобретение Россией портов на Балтике нанесет ущерб голландской торговле. Вспоминали пребывание Петра на голландских верфях. Некогда его воспринимали как чудачество царя. Теперь начали понимать, что дело обстоит гораздо серьезнее и что возможность появления на морях кораблей под русским флагом может стать реальностью. Английский посланник в Гааге от имени короля предлагал Матвееву посредничество для заключения мира со Швецией.

Полученное в Голландии в середине декабря 1700 года сообщение о победе шведов под Нарвой произвело «несказанную» радость. Матвеев доносил Петру: «Шведский посол с великими ругательствами сам, езда по министрам, не только хулит ваши войска, но и самую вашу особу злословит, будто вы, испугавшись приходу короля его, за два дня пошли в Москву из полков, и какие слышу от него ругания, рука моя того написать не может. Шведы всяким злословием поносят и курантами на весь свет знают не только о войсках ваших, и о самой вашей особе. Здешние господа ждут мира, потому что лучшие ваши войска побиты... и солдат таких вскоре обучить невозможно».

Шведы не довольствовались распространением через газеты живописных подробностей сражения с явными преувеличениями, например, численности и потерь русской армии в три раза. Были выбиты специальные медали, прославлявшие Карла и унижавшие Петра. На одной из таких медалей русский царь изображен бегущим в панике из-под Нарвы, теряющим на ходу шпагу и шляпу. В Голландии русский посол все же мог опровергнуть наиболее вопиющую клевету, что он и делал. В частности, Матвеев предал гласности факты бесчестного поведения Карла, заключившего с русскими соглашение об их отступлении от Нарвы с оружием и знаменами, а затем, когда лучшие части уже покинули лагерь, вероломно напавшего на оставшиеся войска и захватившего в качестве «пленных» группу генералов и офицеров.

На протяжении своей пока еще небольшой дипломатической практики Петр уже имел возможность убедиться, как мало значат в международной политике нравственные принципы, пресловутые христианские моральные нормы, которыми неизменно пользовались на словах правители цивилизованных стран передовой Европы. Циничные нравы голого расчета, прямой выгоды и просто разбоя царили в дипломатической жизни, несмотря на то что уже родилось на свет международное право, идеи которого охотно восприняли европейские политики в качестве еще одного средства маскировки своих хищнических действий. Представители «варварской» России, в том числе и Петр, не переставали возмущаться такими нравами и даже пытались в практической деятельности соблюдать официальные правовые принципы. Характерно, что современные западные историки, третирующие старую Россию за ее пресловутое «варварство», не перестают этому удивляться. Так, Анри Труайя в своей книге, изданной в 1979 году, описывает как парадокс тот факт, что, «узнав о вступлении России в войну, Карл XII приказал арестовать посла царя Хилкова, его сотрудников, его слуг, так же как и всех русских коммерсантов. Петр, наоборот, разрешил шведам покинуть Россию».

Надо сказать, что буржуазная протестантская Голландия, где действовал А. А. Матвеев, отличалась определенной умеренностью в презрении к элементарным моральным принципам. Ее руководители дорожили своей респектабельной репутацией. Но и здесь дипломатия все равно действовала в конечном счете в духе «закона джунглей». До Нарвы Голландские штаты выступали за мир между Россией и Швецией, рассчитывая сделать ее своим союзником. Но Карл оказался неблагодарным партнером. Воспользовавшись голландской помощью в войне с Данией в начале 1701 года, он начинает затем заигрывать с потенциальным врагом Голландии — Францией, пообещавшей ему крупные денежные субсидии. Голландия, опасаясь, что Швеция будет союзником Людовика XIV, выступает теперь за продолжение войны шведов с Россией. К тому же голландские весьма деловые люди не упускали возможности заработать на русско-шведской войне. Благодаря этому Матвееву удавалось продолжать крупные закупки оружия в Голландии, которое тайно вывозилось в Россию. Русская дипломатия постепенно осваивает искусство игры на противоречиях между европейскими державами. Эти противоречия в начале 1701 года позволяли надеяться, что морские державы в дальнейшем больше не будут оказывать помощь шведскому королю. Такого рода информация, получаемая Петром от Матвеева, естественно, представляла для него огромную ценность. Однако все это происходило на фоне общего ухудшения отношения к России Англии и Голландии, объединенных тогда не только совместными внешнеполитическими интересами, но и личностью Вильгельма III. Король Англии и штатгальтер Голландии еще недавно, во время Великого посольства, проявлял некоторую благожелательность к Петру. Сейчас положение меняется. Как пишет С. М. Соловьев, «Петр в глазах Вильгельма был побежденный государь варварского народа, наказанный за дерзкое предъявление прав на могущество и цивилизацию; Вильгельм холодно обходился теперь с Матвеевым, ласково с шведским послом».

Еще хуже дело обстояло с империей, где вообще пока не было постоянного русского дипломатического представительства. Между тем отношения с Веной приобретали новое и важное значение. Раньше интересы двух стран в определенные моменты сближались из-за общей борьбы с Турцией. Теперь политика Австрии в решающей степени определялась ее интересами в испанском наследстве. Австрия вместе с Англией и Голландией также была заинтересована в привлечении на свою сторону Швеции и поэтому сначала выступала против русско-шведской войны. Дипломаты императора предлагали свое посредничество для установления мира. Однако затем, опасаясь перехода Швеции на сторону Франции, в Вене в начале 1701 года стали проявлять заинтересованность в продолжении и усилении этой войны. Немаловажное значение имел также прибытие шведской армии в Восточную Европу. Католическая империя, в состав которой входило немало протестантских германских княжеств, испытывала тревогу по поводу непредсказуемого поведения воинственного короля протестантской

Швеции. Во время Тридцатилетней войны предки нынешнего шведского короля создавали огромные трудности императору.

1 ноября 1700 года умер, наконец, испанский король Карл II, незадолго до смерти подписавший завещание, по которому испанская корона переходила к внуку Людовика XIV герцогу Анжуйскому, ставшему испанским королем под именем Филиппа V. Англия и Голландия признали его в расчете на компенсацию в испанских колониях и в торговле. Австрия в конце 1700 года осталась в одиночестве и одна собиралась вести войну за испанское наследство. Однако вскоре Людовик XIV нарушил обязательство не объединять Францию и Испанию и стал рассматривать эту страну как часть своего королевства. «Нет больше Пиренеев», — сказал он, согласно легенде. Тогда Англия и Голландия вновь объединяются с империей, и в конце концов 7 сентября 1701 года заключают в Гааге так называемый Великий союз этих держав, окончательно предопределивший расстановку основных сил в начинавшейся войне, которая официально была объявлена Англией и Голландией в мае, а империей — в сентябре 1702 года.

Нот в таких сложных условиях должен был действовать назначенный Петром в начале февраля 1701 года послом в Вену князь Петр Алексеевич Голицын (брат воспитателя и друга Петра в юности Н. А. Голицына). Ему было предписано ехать инкогнито, «не называясь послом». Он должен был тайно добиться частной аудиенции цесаря. Целых три месяца добирался Голицын до Вены. Еще семь недель потребовалось, чтобы через влиятельного иезуита Вольфа добиться встречи с императором Леопольдом I. Но к этому времени обстановка изменилась, и в Вене уже не поддерживали идею посредничества с целью мира между Россией и Швецией. Более того, после Нарвы и здесь отношение к России резко ухудшилось. Письма П. А. Голицына исполнены горькими описаниями того презрения, с которым к нему отнеслись при императорском дворе. «Главный министр, граф Кауниц, от которого все зависит, и говорить со мной не хочет, да и на других нельзя полагаться: они только смеются над нами», — доносил Голицын Петру и рассказывал об издевательствах, которым он подвергался. Он, как, впрочем, все русские представители за границей, жаловался на отсутствие денег, которые были важнейшим дипломатическим орудием в сношениях с крайне продажными придворными императора. «Люди здешние вам известны, — писал он Ф. А. Головину, — не так мужья, как жены министров бесстыдно берут. Все здесь дарят разными вещами: один только я ласковыми речами». Граф Кауниц получал в это время щедрые взятки от шведского короля.

Но главной причиной презрительного отношения к русскому представителю было впечатление от нарвского поражения. В газетах печатались лживые сообщения о новом, еще более тяжелом поражении русских войск, якобы случившемся вблизи Пскова, о бегстве Петра, об освобождении Софьи и ее приходе к власти.

Голицын считал, что восстановить и укрепить влияние России могут только успехи русского оружия. «Всякими способами, — писал он осенью 1701 года, — надобно домогаться получить над неприятелем победу... Хотя и вечный мир заключим, а вечный стыд чем загладить? Непременно нужна нашему Государю хотя малая виктория, которой бы имя его по прежнему во всей Европе славилось: тогда можно и мир заключить. А то теперь войскам нашим и войсковому управлению только смеются. Никак не могу видеть министров, сколько ни ухаживаю за ними: все бегают от меня и не хотят говорить».

Все же Голицыну удалось довести до сведения венского двора русские предложения. Просьбы о содействии России в войне против Швеции были отвергнуты самым презрительным образом. Голицын, ссылаясь на прежние, сделанные еще до Нарвы предложения Австрии о посредничестве с целью заключения мира, просил теперь об этом посредничестве. На вопрос Кауница об условиях мира, которые устроили бы Россию, Голицын сообщил, что она хотела бы получить часть Ливонии по линии реки Нарвы с городами Нарва, Ивангород, Ревель, Копорье, Дерпт с правом свободной торговли через эти города. Такие требования после нарвского поражения показались Кауницу явно чрезмерными. «Нельзя и думать, чтобы швед на это согласился», — говорил он. Тем не

менее их сообщили Карлу XII, который, естественно, высокомерно их отверг. По всей видимости, эти условия мира предназначались лишь для дипломатического зондажа, а главное — для демонстрации того, что Россия отнюдь не считает себя побежденной.

Однако, зная по своему опыту переменчивость военного счастья, стремясь хотя бы сохранить на всякий случай внешние формы дипломатических связей, в Вене прибегают к туманным посулам, к проявлению мнимого дружелюбия и т. п. В этой связи находится предпринятое летом 1701 года от имени императрицы Элеоноры-Магдалины иезуитом Вольфом сватовство. Учитывая, что в Москве имелась целая группа незамужних царевен (четыре дочери царя Алексея Михайловича и три дочери царя Ивана, умершего брата Петра), императрица выразила желание получить для эрцгерцога, то есть наследника императора, русскую царевну в невесты. В Москве изготовили портреты трех царевен — дочерей Ивана: Екатерины — 11 лет, Анны — 9 и Прасковьи — 7. Конечно, ничего из этого сватовства не вышло, так же как и из затеи прислать в Вену для воспитания сына Петра от Евдокии Лопухиной — Алексея. Разговоры и переписка по этим вопросам служили просто средством как-то прикрыть натянутые отношения между Веной и Москвой.

Разумеется, нарвское поражение не укрепило отношений России и с партнерами по Северному союзу, прежде всего с Данией, вышедшей из союза еще в августе 1700 года. Травендальский договор поставил ее в зависимость от Англии и Голландии, благодаря которым она после разгрома все же сохранила флот и столицу: Карлу не дали занять Копенгаген. Тем более неожиданно выглядит секретный трактат, заключенный датским посланником в Москве Гейнсом в январе 1701 года. Он предусматривал обязательство Дании прислать русским три пехотных и три конных полка в 4500 человек. Договор остался на бумаге, будучи лишь эпизодом в торге Дании за более выгодные условия участия в войне за испанское наследство на стороне антифранцузской коалиции. Затем она в нее и вступила, предоставив половину своей армии для начавшейся вскоре войны против Франции. Пройдет много лет, прежде чем Дания вновь окажется в Северном союзе.

Оставался один, ненадежный, но крайне необходимый, союзник — саксонский курфюрст и польский король Август. События показали, что на него положиться нельзя. Тем не менее обстоятельства вынуждали его дорожить союзом с Петром. Август понимал, что если он получил польскую корону благодаря помощи царя, то без продолжения этой поддержки он ее быстро потеряет, поскольку слишком много поляков королем его не признавали. С помощью Петра Август рассчитывал также осуществить свою заветную, но совершенно иллюзорную мечту: установить в Польше наследственную самодержавную власть саксонских курфюрстов, ликвидировав аристократическую демократию Речи Посполитой. К сохранению союза с Россией, кроме того, толкал, как это ни странно, Карл XII, который возненавидел Августа лютой ненавистью и отвергал его предложения о мире. Но, с другой стороны, саксонский курфюрст почувствовал, насколько сильно после Нарвы Петр заинтересован в сохранении единственного союзника, и стал небывало требовательным. В этих условиях и происходит встреча Петра с Августом в Курляндии, в местечке Биржи, в феврале 1701 года.

Встречи с Августом уже приобрели обычный для них характер: дела решались здесь в промежутках между развлечениями, главным образом застольями. На второй день свидания в Биржах «государи так подгуляли,— пишет Устрялов,— что король проспал обедню следующего дня». Петр, сдержанный в употреблении напитков на дипломатических обедах и ужинах, встал рано и один пошел на богослужение в католический собор, где он с любопытством расспрашивал о всех обрядах. Царь явно ухаживает за тщеславным Августом. Он демонстративно предоставляет ему всегда правую, почетную сторону, охотно уступает первенство в соревновании двух монархов по стрельбе в цель из пушки и т. п.

Гораздо более серьезные уступки сделал Петр Августу в новом союзном договоре, заключенном в Биржах. Стороны взяли на себя обязательства продолжать войну против Швеции всеми своими силами и не заключать мира без взаимного согласия. В этом состояло главное, чего добивался и добился Петр. Но за это ему пришлось заплатить немалую цену, определенную в остальных статьях договора. Царь обещал выделить в распоряжение Августа 15 — 20 тысяч хорошо вооруженной пехоты, выплачивать ему в ближайшие два года по 100 тысяч рублей. В договоре подчеркивалось, что Россия не будет иметь никаких притязаний на земли Лифляндии и Эстляндии, которые должны были отойти к Польше. В особо секретной статье Петр обещал 20 тысяч рублей для распределения среди польских сенаторов с целью вовлечения в войну против Швеции Речи Посполитой.

Особенно тяжелыми были финансовые обязательства. Чтобы выплатить первый взнос в 150 тысяч рублей, пришлось полностью опустошить все московские кассы и прибегнуть к помощи частных лиц и монастырей. Однако эти и другие жертвы, как покажут события, с лихвой окупятся в дальнейшем. Они помогут задержать главные силы Карла в Польше, где он надолго увязнет в первые, самые трудные для русских, годы Северной войны. В Биржах Петр и Ф. А. Головин вели переговоры с группой вельмож Речи Посполитой. Хотя она и не имела полномочий для заключения каких-либо соглашений, русским удалось получить более ясное представление о позиции Польши. Царь предлагал ей принять участие в войне против шведов, благодаря чему она получит Лифляндию. В ответ Петр услышал, что Речь Посполитая может пойти на войну, если получит за это Киев и другие русские земли. Стало ясно, что рассчитывать на содействие польской шляхты не приходится. Тем не менее Петр все же стремился приобрести ее расположение. «Несправедливо думают,— говорил он полякам,— будто я хотел содействовать королю против вольности Речи Посполитой: мне, как соседу, это вовсе не нужно. Если бы что-либо было в виду против Польни, я мог бы воспользоваться бурным временем междуцарствия, но и тогда сохранил свою дружбу, а на будущее время постараюсь ее увеличить». Переговоры с представителями Речи Посполитой в Биржах не дали непосредственных формальных результатов. Однако самим фактом своего проведения они имели определенное значение в отношениях с Польшей, надолго оставшихся сложнейшей проблемой для дипломатии Петра.

В Биржах состоялась еще одна любопытная встреча, важная не по своим практическим последствиям, ибо их не было, а потому, что она проливает свет на процесс расширения интересов внешней политики России. Петр дал аудиенцию посланнику Людовика XIV при польском короле Эрону. Французский дипломат зондировал почву относительно возможности использования русской военной помощи в войне за испанское наследство. Петр выразил желание установить дружеские отношения с Францией и говорил о выгодности для двух стран развития между ними торговых связей. Эта беседа явилась одним из свидетельств того, как петровская дипломатия все больше выходит из рамок прежней региональной внешней политики, которая ограничивалась лишь отношениями с непосредственными соседями России. Теперь Россия имеет общеевропейские интересы, и для нее приобретают значение отношения с Францией, находившейся на противоположном конце континента. Между тем сразу после свидания в Биржах Петр стал ревностно выполнять взятые на себя обязательства. Сначала выплатили огромную денежную субсидию, с трудом собрав ее буквально по крохам. В апреле 1701 года последовал приказ князю Репнину идти на соединение с саксонскими войсками под Ригу с 20-тысячным корпусом. Правда, саксонский фельдмаршал Штейнау основную часть русских войск использовал для строительства укреплений. Под Ригой в июле 1701 года произошло новое крупное сражение. Карл XII после Нарвы отвел свою армию в район Дерпта и здесь около полугода ждал подкреплений из Швеции. Затем он выступил к Риге и неожиданно нанес сокрушительное поражение саксонской армии. Русские войска не принимали участия в этом сражении и после отступления разбитых саксонцев вернулись в

Псков. И так, Карл XII одержал третью крупную победу в Северной войне (первые две — в Дании и под Нарвой). Слава о непобедимости Карла XII достигла зенита. Ведь победа была на этот раз одержана не над «варварским» русским войском, а над опытными вояками-саксонцами. Инициатива в войне пока действительно целиком принадлежала Карлу. Против кого же он направит свою армию после новой победы? Так же как и сразу после Нарвы, его первым побуждением явилось намерение идти на Россию. Как говорил впоследствии Шлиппенбах, один из лучших шведских генералов, «король по отбитии саксонцев от Риги, думал из Курляндии идти в Россию, как он уже в Нарве дорогу на ландкарте показывал; но генералы его отговорили». Саксонцев все еще считали более опасным противником, чем русских. Следовательно, главные силы надо было бросить против них. Конечно, проще было бы заключить мир с Августом и пойти на русских. Ведь саксонский курфюрст усиленно стремился к такому миру. Но Карл полагал, что Августу верить нельзя, с ним вообще невозможно заключать договоры. Шведский король считал (и не без основания) Августа совершенно бесчестным политиком. Он писал Людовику XIV: «Поведение его так позорно и гнусно, что заслуживает мщениия от бога и презрения всех благомыслящих людей». Ненависть к Августу, по мнению многих историков, определяла стратегические решения Карла XII. С. М. Соловьев пишет по этому поводу: «Август был драгоценный союзник для Петра не силою оружия, но тем, что возбудил к себе такую ненависть и такое недоверие шведского короля: он отвлек этого страшного в то время врага от русских границ и дал царю время ободрить свои войска и выучить побеждать шведов».

Конечно, чувства и настроения шведского короля играли, как и всегда, свою роль в определении стратегического плана войны. Но в последнем счете решающим фактором шведской стратегии было то обстоятельство, что Швеция, как и Россия, не могла успешно воевать на два фронта. Карл не мог углубляться в Россию, имея за спиной открытого или даже потенциального врага. Карл XII и особенно его министры и генералы понимали, как опасно идти в Россию, не разбив предварительно саксонскую армию до конца. Серьезное влияние на ход событий в тот момент оказала петровская дипломатия. Русско-саксонский договор в Биржах стал удачным дипломатическим ходом Петра. Царь преодолел свою закономерную обиду, возмущение двуличным поведением Августа и пошел на уступки, воздавая польскому королю, как казалось, вовсе незаслуженные почести. Благодаря этому Петр выиграл несколько лет, абсолютно необходимых ему для усовершенствования своей армии, для мобилизации всех сил русского народа на справедливую великую войну. Август на время бросил заигрывание с Карлом. А тот, совершенно опьяненный славой, совсем не чувствовал, в какую опасную западню он идет, увлекаемый заманчивой легкостью предстоящих побед в Польше и Саксонии, производящих такое сильное впечатление на всю Европу!

Вот так победоносный шведский король решил воевать в Польше, самонадеянно считая, что русская добыча от него не уйдет. Любопытно, что в то время руководители шведской дипломатии воображали, будто они ведут крайне осмотрительную и дальновидную политику. В самом деле, Карл XII отверг все соблазнительные посулы Франции, Англии, Австрии, пытавшихся втянуть его в войну за испанское наследство. Ведь захваченное в этой войне было бы поделено сильными союзниками. А здесь в перспективе имелась вся необъятная Россия, не говоря уже о Польше, безраздельным хозяином которых будет только один король Швеции! История покажет: внешняя политика Швеции, выглядевшая тогда столь помпезно, была в такой же огромной степени иллюзорной, в какой дипломатия Петра была в данном случае дальновидной и реалистичной.

Поскольку свои основные силы Карл XII решил использовать в Польше, Россия получила передышку, крайне необходимую для реорганизации, оснащения и обучения армии в свете печального опыта Нарвы. Однако Петр не собирался пассивно ожидать нападения шведов, он стремился при первой возможности добиться отмщения за

Нарву. Этого требовали внешнеполитические интересы, ибо от влияния, авторитета, от демонстрации силы зависели перспективы сохранения мира с Турцией, так же как и поведение ненадежного польского союзника. Россия чрезвычайно нуждалась в военных победах. Первые вести о русских успехах поступили из мест, где шведов вовсе не ожидали. Так, летом 1701 года к Архангельску попытались пробиться семь шведских кораблей, замаскированных английскими и голландскими флагами. Нападение кончилось для шведов неудачей, они потеряли два корабля. Первого действительно крупного успеха удалось добиться в Ливонии. На протяжении всего 1701 года Петр не переставал своими письмами и указами побуждать к действиям медлительного и осторожного В. П. Шереметева, командовавшего главной группой войск. 29 декабря 1701 года под Эрстфером Шереметев нанес крупное поражение армии Шлиппенбаха, потерявшей в битве три тысячи человек. Русские взяли 350 пленных. Первая победа над шведами торжественно отмечалась в Москве. Шереметев получил звание генерал-фельдмаршала и орден Андрея Первозванного. Через несколько месяцев Петр снова посылает Шереметева в Лифляндию, и 18 июля 1702 года при Гуммельсгофе он снова встречается с армией Шлиппенбаха и наносит ей новое, еще более крупное поражение. Шведы потеряли пять тысяч убитыми, всю артиллерию и 300 пленных. В сентябре Петр начинает лично руководить завоеванием Ингрии и вызывает сюда армию Шереметева. 11 октября 1702 года после ожесточенного штурма была взята шведская крепость Нотебург, находившаяся у Ладожского озера на Неве. Нотебург переименовывают в Шлиссельбург — ключ-город. Петр и считает его ключом к морю. 1 мая 1703 года взята другая крепость — Ниеншанц, стоявшая около устья Невы. 7 мая новая победа, на этот раз морская: в устье Невы захвачены два шведских корабля. А 16 мая на едва отвоеванном куске балтийского побережья Петр основывает город Петербург — событие, имевшее неисчислимы последствия. Современный французский историк Роже Порталь пишет: «Можно только восхищаться выдержкой, упорством Петра, зацепившегося за эти бедные, нездоровые места, отрезанные тогда от Запада шведской оккупацией Польши, где, однако, в полной неуверенности за судьбу своих армий он решил создать свою столицу. Есть мало примеров подобной веры в свое будущее». Начинается строительство балтийского флота. Шведы пытаются отогнать русских от побережья. К Петербургу идет шведский генерал Кронгиорт. На реке Сестре с четырьмя полками его встречает сам Петр и обращает в бегство. Русские войска штурмуют и занимают старинные русские города — Копорье, Ям. Войска Шереметева совершают опустошительные походы в Лифляндию и Эстляндию. 13 июля 1704 года была взята сильная крепость Дерпт, а 9 августа — Нарва! Итак, за три года русские овладели Ингрией, основали в устье Невы Петербург, защищенный с моря островной крепостью Кроншлотом. Таким образом, первоначальная цель войны достигнута, если бы только Карл XII признал эти приобретения.

ДИПЛОМАТИЯ В ГОДЫ ПЕРВЫХ ПОБЕД

Во все времена истинное отношение любого государства к войне или миру, его агрессивность или миролюбие проявляются нагляднее всего в периоды военных успехов. Когда петровская дипломатия добивалась посредничества других держав с целью заключения мира с Швецией сразу после поражения под Нарвой, то это воспринималось повсюду как проявление слабости России. Завоевание Ингрии, приобретение вожделенного балтийского побережья в результате не одного, а многих сражений создавало новое положение. В сознании русских людей и, конечно, самого Петра Россия выдержала суровый экзамен, ее молодая армия прошла жестокую проверку в боях и показала способность успешно действовать в войне с одной из сильнейших в Европе современных армий. Тем более знаменательно, что победы обнаружили у русских не столь обычную в этих случаях воинственность, а напротив, желание мира. Так же как это

было во времена Нарвы, главной целью русской дипломатии в период первых побед остается стремление к миру с Швецией и неустанные поиски обычного тогда средства — посредничества других стран. Конечно, при этом она пытается приобрести и любое содействие для продолжения войны в случае невозможности заключения мира. Русские дипломаты по-прежнему стараются удерживать своих партнеров от союза с Карлом XII, надеясь изолировать Швецию. Наконец, все больше места в их деятельности занимают усилия, призванные создать объективное представление о России, о ее внутренних и внешних политических целях.

Своеобразным программным документом явился в этом отношении Манифест Петра о приглашении иностранных специалистов на работу в Россию, который был опубликован в апреле 1702 года и широко распространялся за рубежом. Манифест, предоставляя иностранцам разног» рода гарантии защиты их нрав в России, вместе с тем провозглашал основные цели царствования и преобразовательной деятельности Петра. В Манифесте от имени царя говорилось, что «со вступления нашего на сей престол все старания и намерения наши клонились к тому, как бы сим государством управлять таким образом, чтобы все наши подданные попечением нашим о всеобщем благе более и более приходили в лучшее и благополучнейшее состояние; на сей конец мы весьма старались сохранить внутреннее спокойствие, защитить государство от внешнего нападения и всячески улучшить и распространить торговлю. Для сей же цели мы побуждены были в самом правлении учинить некоторые нужные и к благу земли нашей служащие перемены, дабы наши подданные могли тем более и удобнее научиться поныне им неизвестным познаниям и тем искуснее становиться...»

Разъяснение за рубежом истинных сведений о России, о ее стремлениях и намерениях было тем более необходимо, что Европа все еще пребывала во власти старых представлений о восточной «варварской» стране, остающейся за пределами цивилизованного мира. Характерно, что, в отличие от громкого резонанса нарвского поражения, первые русские победы в Северной войне не вызвали столь же широких откликов. Европейские державы и их дипломатия по-прежнему жили впечатлениями нарвского разгрома. В политической жизни Запада в это время доминирует разгоревшаяся долгожданная война за испанское наследство. Правда, это имело и положительное значение. Антирусские тенденции в значительной мере ослаблялись конкретными заботами воюющих коалиций. Для внешней политики России создалась более благоприятная обстановка, уменьшились возможности враждебных России сил. В новых условиях сама русская дипломатия начинает выступать в новом облике. Действует развивающаяся система постоянных дипломатических представительств за границей. А. А. Матвеев активно трудится в Гааге, его усилия распространяются и на Англию. П. А. Голицын подвизается в столице Германской империи Вене, Г. Ф. Долгорукий — в Варшаве, Н. А. Толстой — в Константинополе. Постоянный представитель князь А. Я. Хилков находится в Стокгольме, но, увы, в тюрьме. Действуют неофициальные резиденты, например П. В. Постников в Париже. Несравненно расширилась, стала более оперативной и достоверной зарубежная информация, получаемая самим Петром и Ф. А. Головиным.

Русский посол в Гааге А. А. Матвеев дождался, наконец, времени, когда и он мог объявлять о победах русских войск. Представители Голландии поздравляют его, но способствовать заключению мира России с Швецией по-прежнему не хотят. Н ответ на новые требования Головина добиваться посредничества Матвеев объясняет, что теперь в Голландии и Англии вместо прежнего презрения к России из-за ее поражения под Парной появился страх перед успехами русского оружия: «От Штатов и королевы английской благопотребного посредства к окончанию войны нечего чаять; они сами вас боятся: так могут ли стараться о нашем интересе и прибыточном мире и сами отворить двери вам ко входу в балтийское море, чего неусыпно остерегаются, трепещут великой силы нашей не меньше, как и француза. Подлинно уведомлен я, что Англия и Штаты тайными наказами

к своим министрам в Польше домогаются помирить шведа с одною Польшею без вас». В Англии и Голландии рассчитывали, что в случае заключения мира Швеции с Польшей часть шведских войск сможет оказать им помощь в войне с Францией или войска Августа II придут на помощь их союзнику — Австрии.

В августе 1703 года Матвеев сообщил, что Голландия и Швеция подписали подтверждение их старых союзных договоров, а по секретному дополнению шведский король обещал по окончании Северной войны выступить на стороне Великого союза против Франции. На союз с Швецией ориентировалась не только Англия, особенно после того, как королева Анна, сменившая умершего в 1702 году Вильгельма III, стала во всем прислушиваться к советам своего фаворита герцога Мальборо, благоволившего к шведам. Матвеев сообщал, что знаменитый полководец получает крупные взятки из Стокгольма, и, учитывая это, подсказывал наиболее реальный путь к приобретению влияния на английскую политику путем подкупа падкого на деньги герцога.

Кстати, что касается взяток, которые тогда почти официально считались вполне допустимым средством достижения дипломатических целей, то в Голландии дело обстояло не так, как при императорском дворе в Иене или при султанском правительстве в Стамбуле. В этих столицах высокопоставленные должностные лица буквально обогащались на получении взяток от иностранных послов. Не считалось зазорным получать от иностранной державы постоянное жалование. В республиканской буржуазной Голландии до вульгарных взяток дело не доходило. Правда, можно и даже нужно было делать официальные подарки, предлагать и выплачивать большие иностранные субсидии, но не лицам, а государству. Обычная продажность считалась недопустимой. Тем не менее А. А. Матвееву постоянно не хватало денег. Ведь он должен был вести светскую дипломатическую жизнь: не только посещать приемы, обеды, ужины, разные праздники, которые устраивали другие послы, но и приглашать к себе иностранных дипломатов, принимая их на достойном уровне. Смысл этого, естественно, сводился к политике, к получению неофициальной информации, к налаживанию полезных для дела личных связей.

Интересен бюджет русского посла в Голландии. Так, в 1704 году Матвеев получил жалование в 15000 гульденов в год, расходы же составляли 27193 гульдена. Распределялись они так: наем квартиры — 2200, на стол — 1560, на случайные столы — 1500, на дрова — 1000, на стирку платья — 200, на освещение — 500, на дворовую чистку — 60, на десять лошадей — 2600, кузнецу и на починку экипажей — 200. Посла обслуживали: гофмейстер, доктор, камердинер, пажи, повар, портье, 10 лакеев, четыре служанки. Как видим, бюджет посла сводился с большим дефицитом, и Матвеев жаловался, что покрывать его приходится доходами с принадлежавшего ему на родине имения. Вообще Петр не любил обременять карманы своих дипломатов лишними деньгами. Справедливости ради надо отметить, что жесткую экономию Петр соблюдал прежде всего в отношении самого себя. Как царь он вообще не получал ни копейки. На свои личные нужды он употреблял только денежное жалование, полагавшееся ему по воинскому чину. А «служить» он начал с самых малых чинов. Только после Полтавы Петр Великий получил звание генерала...

Неожиданно в конце 1703 года голландцы сами предложили Матвееву свое посредничество для заключения мира с Карлом XII. Посол быстро догадался, чем это вызвано: французский король направил своего представителя в Москву. Предложение о посредничестве имело реальную цель — помешать установлению хороших отношений России и Франции.

Французский король Людовик XIV, против которого тогда ополчилась почти вся Европа, повсюду искал союзников. Поэтому в 1703 году в Москву был направлен чрезвычайный посланник Балюз с предложением о заключении союзного договора. В Версале рассчитывали побудить Россию вступить в войну против Австрии, после того как при посредничестве Франции она заключит мир с Швецией. При этом России обещали,

что французский король постарается помочь ей сохранить завоеванные прибалтийские земли. Переговоры Балюза не имели успеха, поскольку французские предложения носили крайне неопределенный и просто опасный для России характер и потому были отклонены. К тому же Францией были предприняты явно враждебные действия: захват двух русских торговых судов, их конфискация вместе с грузом. Для улаживания этого инцидента в Париж в 1705 году отправился А. А. Матвеев. Успеха в деле с кораблями он не добился, так же как и в заключении русско-французского торгового договора. Посол пришел к выводу, что ориентация на Францию не сулит России никаких выгод. Он писал в Москву: «Сменять дружбу англичан и голландцев на французскую не обещает нам прибытку».

Постоянное дипломатическое представительство Россия имела в столице Германской империи, откуда русской посол П. А. Голицын еще недавно просил хотя бы «малую викторию». Теперь виктории были, и немалые, но отношение Австрии к России не только не стало лучше, но даже ухудшилось. О помощи Вены в деле заключения мира не могло быть и речи. В начале 1702 года Голицын предложил подписать союзный русско-австрийский договор. Казалось бы, в условиях активного участия в войне за испанское наследство, когда все силы империи были брошены в Италию и на Рейн против армий Людовика XIV, ей выгодно было бы иметь па всякий случай гарантию безопасности восточных границ, например от нападения Турции. Однако идея договора не была поддержана. Осенью 1702 года в Вене появился новый «русский» дипломат, действовавший инкогнито. Это был тот самый Паткуль, который ранее фигурировал в качестве советника короля Августа II. Однако он переменял службу, ибо считал для себя небезопасным оставаться при короле, который не прекращал попыток заключения сепаратного мира с Карлом XII — смертельным врагом Паткуля. Теперь он вел переговоры с графом Кауницем от имени русского царя, представив другой, обновленный вариант союзного договора. Императору обещали все: русские войска, огромные денежные займы на выгоднейших условиях и т. д. Тем не менее, несмотря на хваленую силу убеждения, которой обладал Паткуль, он ничего не добился. Не помогло даже обещание выплачивать Кауницу и его жене по пять тысяч червонцев в год.

Дело объяснялось просто. Карл XII ввел свои войска в Польшу, и они оказались около незащищенных границ империи. Карлу ничего не стоило вторгнуться, например, в Силезию или быстро занять Вену. Ведь шведский король одновременно состоял формальным союзником Англии и Голландии, с одной стороны, и Франции — с другой. Поскольку страны Великого союза все более скупно направляли ему субсидии, он сблизился с Францией. Поэтому от Карла XII, способного на самые неожиданные поступки, можно было ожидать неприятных сюрпризов. В Вене жили в состоянии тревоги и страха, стремясь ничем не вызывать гнева шведского полководца.

Императорский двор буквально пресмыкался перед Карлом, боясь вызвать его раздражение не только союзным договором с его врагом — Россией, но даже простыми дипломатическими отношениями. В 1703 году в Вене решили по примеру России направить в Москву своего постоянного представителя. Уже назначили посла князя Порция, подобрали ему помощников, составили инструкции. 9 января 1704 года император Леопольд I подписал его верительную грамоту. И вдруг шведский посол в Вене Штраленгейм выразил неудовольствие в связи с намерением Австрии поддерживать простые дипломатические отношения с Петром. Император в страхе отменил отъезд посольства. Естественно, что союзный договор мог бы возбудить еще большее недовольство. Поэтому Голицыну приходилось несладко, и он слезно просил Москву освободить его от неблагоприятной миссии русского посла в Вене.

В трудных условиях Петр стремился всячески усовершенствовать деятельность своей дипломатии. В этом деле, требовавшем обширных знаний, особенно ощущался острый недостаток подготовленных людей. Как и в других областях, Петр хотел бы назначать на ответственные посты русских. Однако именно в дипломатии больше всего сказывались последствия многовековой изоляции России от Европы. Не так уж много

было у Петра тех, кто знал языки и имел четкое представление о международной жизни. Естественно, что такими качествами обладали прежде всего иностранцы. Этим и объясняется появление на русской дипломатической службе Паткуля, которого Петр взял в 1702 году в качестве тайного советника. В деятельности этого бесспорно талантливого международного авантюриста особенно отчетливо проявилась сложность привлечения иностранцев в русскую дипломатию. Оказалось, что это имеет столь же противоречивые последствия, как и в военном деле. Случай с Паткулем показателен тем, насколько безответственно, даже пренебрежительно относились к интересам России наемные дипломаты, стоившие огромных денег. При этом Паткуль служил не только ради денег, но и для удовлетворения своего ненасытного тщеславия, для проявления своих субъективных, часто вздорных претензий. Интересную характеристику Паткуля в роли русского дипломата дает С. М. Соловьев: «Он оставался вполне иностранцем для России, для русских, и потому его внушения и советы шли наперекор намерениям Петра. Петр смотрел на военную или дипломатическую деятельность как на школу для русских людей; ошибки, необходимые вначале, нисколько не смущали его: иностранцы были призываемы помогать делу учения, а не заменять русских, не отнимать у них возможности упражнения, т. е. учения, не вытеснять их из школы. Но Паткуль, оставаясь вполне иностранцем в отношении России, разумеется, смотрел иначе: он внушал, что русские не приготовлены к дипломатическому поприщу, делают ошибки, и потому нужно заменить их везде искусными иностранцами... Паткуль, презиравший русских дипломатов, упрекавший их в непростительных ошибках, Паткуль сам не мог быть полезен России на дипломатическом поприще; у него не доставало широкого взгляда, которым бы он обнимал все интересы известной страны, ясно понимал ее положение и верно выводил возможность для нее к тому или другому действию».

И вот этот деятель хотел быть главой всей системы постоянных представительств России в Европе, в которых находились бы иностранцы, подобранные им самим. К счастью, такого не случилось. Как ни доверял Петр немцам, до этого дело не дошло. Правда, в сентябре 1704 года царь принял предложения Паткуля и утвердил русскими резидентами: в Вене — бывшего датского посланника Урбиха, в Копенгагене — тоже чиновника из Дании Нейгаузена, в Берлине — Лита. Крупных дипломатических действий им, как правило, не поручали, довольствуясь получением от них текущей политической информации. Сам Паткуль в основном подвизался в Польше, где, подобно его действиям в Вене, он как бы дублировал Долгорукого, внося немало путаницы и осложнений. Видимо, Петр использовал Паткуля, желая иметь дополнительную информацию не только из одного источника, но и как своеобразное средство контроля над своими еще неопытными дипломатами. Однако в конечном счете Паткуль, как и другие нерусские на дипломатических постах, принес больше вреда, чем пользы России. Он мешал работе русских дипломатов, создавая им трудности, оскорблял и унижал их. Характерно его отношение к одному из талантливейших первых русских послов — А. А. Матвееву. В письмах Ф. А. Головину он прямо клеветал на него, злобно изображал его невеждой и бездеятельной личностью, уверяя, что вот он бы сумел на месте Матвеева добиться небывалых успехов. Оскорбленный русский дипломат совершенно правильно прекратил с ним всякие отношения. Много неприятностей доставлял он и другим русским дипломатам. Паткуль неоднократно жаловался на П. А. Голицына, осмелившегося несколько умерить расточительное отношение ливонского проходимца к доверенным ему русским деньгам. Он пытался компрометировать и Г. Ф. Долгорукого, доказывая, что из-за незнания иностранных языков он пользуется подозрительными переводчиками и потому ему нельзя доверять государственных тайн. Между тем Паткуль, кстати, не знавший русского языка, выбалтывал направо и налево русские секреты, например требовавшие особой скромности щекотливые русско-австрийские разговоры по поводу предполагавшегося брака австрийского эрцгерцога и одной из русских царевен.

Словом, вреда интересам России от Паткуля было немало. Ничего, кроме ущерба русскому престижу, не дала его деятельность в Вене. Голицыну долго, путем терпеливой и внешне незаметной работы пришлось исправлять положение. Интересно, что сами иностранные дипломатические ведомства предпочитали иметь дело с дипломатами русского происхождения, справедливо считая иностранцев неспособными до конца проникнуться интересами чужой страны.

Видимо, Петр понимал все это. Именно поэтому он не раз шел на то, чтобы поручать ответственные дипломатические посты даже тем русским людям, которые внутри страны примыкали к враждебным ему лично кругам. Царь подавлял свои естественные чувства антипатии к политическим противникам, доверяя ключевые должности, например, представителям несомненно оппозиционной старой боярской знати. Как известно, никто не заслужил такой неистребимой ненависти Петра, как лица, группировавшиеся вокруг его злейшего врага — боярина И. М. Милославского. И тем не менее Петр поручил самый, пожалуй, сложный и ответственный пост посла в Стамбуле родственнику Милославских, некогда близкому к царевне Софье, но зато человеку русскому — Петру Андреевичу Толстому.

Стамбул оставался по-прежнему таким местом, где интересы России защищать было особенно трудно. Константинопольский договор о тридцатилетнем перемирии с Турцией, заключенный Е. И. Украинцевым в августе 1700 года, полностью не избавил русских от забот и тревоги за свои южные границы. В 1701 году в Константинополь отправился князь Д. М. Голицын для подтверждения договора. Кроме этого, ему поручили попробовать вырвать согласие Турции на свободу плавания по Черному морю. Снова, как и на переговорах с Украинцевым, последовал категорический отказ. Иерусалимский патриарх советовал Голицыну лучше не говорить о Черном море, чтобы не нарушать мирных отношений. Страх султана перед русским флотом дошел до того, что пытались даже осуществить фантастический проект засыпки землей Керченского пролива. В это время распространяется слух о подготовке Турции к войне с Россией. Петр приказал готовить к обороне Азов, сам отправился в Воронеж для подготовки флота. Подтверждение султаном мирного договора временно успокоило царя. Однако необходимо было бдительно следить за Турцией, где действовали влиятельные послы Франции и других европейских стран, заинтересованных в том, чтобы отвлечь силы России на юг. Поэтому в апреле 1702 года полномочным послом в Константинополь и назначается П. А. Толстой. Поскольку раньше в Турции никогда не было постоянного русского представителя, прибытие Толстого турки встретили с большим подозрением. В действительности задача посла имела сугубо мирное назначение. Россия больше всего была заинтересована в сохранении мира с Турцией, и все подозрения по отношению к русскому послу были следствием либо беспочвенных турецких предубеждений, либо происков европейских послов (в то время чаще всего французского). Намерения России были настолько доброжелательны, что первой задачей Толстого явилась выплата денежной компенсации Турции за ограбление турецких торговцев запорожскими казаками. Во всем другом русский представитель также проявлял максимальную предупредительность. П. А. Толстой сразу же обнаружил, что источником агрессивных побуждений служит Крым. Лишенный по новому договору русской дани и «прав» разбойничьих набегов, крымский хан непрерывно подстрекает султанский двор к враждебным действиям против России. В начале 1703 года возникло опасное положение, когда везир Далтабан, ярый враг русских, тайно от султана пытался спровоцировать войну против России, организовав бунт крымских татар. Однако Толстой, действуя с помощью подарков и взяток, сумел через мать султана раскрыть эту интригу. Везира сместили и казнили. Но на этом посту, который соответствовал главе правительства, люди сменялись крайне часто, и русскому послу приходилось тратить много времени, сил, а особенно денег и соболей, чтобы добиться менее враждебного отношения. Тем не менее по таинственным причинам время от времени внезапно наступают периоды ухудшения

отношения к России. В 1703 году в результате мятежа султан Мустафа II был свергнут и на его место вступил Ахмед III. С извещением о смене власти в Москву был направлен посол Мустафа-ага, показавший самое злобное высокомерие даже в манере поведения. От имени султана он потребовал не строить на Днепре и около Азова (на русской территории) новых поселений, уничтожить Воронежский флот и т. п. Подобные совершенно непопустительные требования предъявлялись и послу. Приходилось отвергать такие претензии, сохраняя всеми силами мирные отношения. Эту нелегкую задачу успешно, с большим тактом и ловкостью решал П. А. Толстой. Он усиленно использовал связи с представителями угнетенного османами православного населения, получал от них ценную информацию. Главное, чего добивался Толстой,— сохранения относительной безопасности южных границ России.

Однако наиболее сложные задачи стояли перед русской дипломатией в Польше. В первые годы XVIII века именно здесь находится центр внешнеполитических интересов России. Дипломатическая активность в Польше осуществляется в крайне своеобразной форме. Здесь, в отличие от других государств, не было единого центра власти. Кроме короля и Речи Посполитой, действовавших чаще всего в противоположных направлениях, существовали многочисленные фракции шляхты, возглавлявшиеся крупнейшими магнатами. Они отличались самостоятельностью и во внешнеполитических вопросах, вступали нередко в вооруженные конфликты друг с другом и т. п. Эта политическая анархия особенно усилилась с тех пор, как Польша оказалась затронутой Северной войной. Постоянная междоусобная борьба была благодатной почвой для вмешательства иностранных дипломатов. Польские магнаты часто ставили личные материальные выгоды выше национальных интересов. А сознание этих интересов проявлялось столь слабо, что даже в периоды крайней внешней опасности страна была не в состоянии организовать свою оборону. Это с особой силой проявилось при вступлении в Польшу армии Карла XII. «Безнарядье» дошло до состояния небывалого хаоса.

Послом в Польше с 1700 года был князь Григорий Федорович Долгорукий. Человек уже немолодой (на 16 лет старше Петра), он происходил из старого боярского рода. Во времена борьбы Петра за власть с Софьей с самого начала поддержал молодого царя. Командовал ротой в Преображенском полку в Азовских походах, потом в числе первых стольников отправился на учебу за границу, изучил европейские языки. Это был умный и дальновидный дипломат, терпеливый и настойчивый. Свой дипломатический пост в Варшаве он будет занимать двадцать лет с небольшими перерывами. Принимая решения, Петр считался с мнением и предложениями Г. Ф. Долгорукого, и не только в чисто дипломатической области. Так, еще в 1701 году князь советовал Петру разорить Лифляндию, чтобы лишить Карла XII источника снабжения и базы для операций против русских. Это и было успешно сделано Б. П. Шереметевым. Г. Ф. Долгорукий в своих письмах и донесениях обнаруживает способности ориентации в самой сложной и запутанной ситуации тогдашней Польши. «Бог знает,— писал он,— как может стоять Польская республика: вся от неприятеля и от междоусобной войны разорена вконец, и, кроме факций себе на зло, иного делать ничего на пользу не хотят». Однако каждый раз Долгорукий находил в этом невероятном хаосе пути и методы эффективных действий.

Главная цель политики России заключалась в том, чтобы Карл XII и его армия подольше задержались в Польше. Это позволяло Петру выиграть главное — время, столь необходимое для собирания сил России, для подготовки их к решающей схватке с врагом. Поэтому следовало содействовать тем стихийным обстоятельствам, которые влекли шведского короля по роковому для него и его армии пути. Политическая ограниченность Карла, неспособность трезво ориентироваться в сложной, противоречивой обстановке Северной войны умело использовались Петром. Ведь если бы Карл прислушался к советам собственного правительства, положение России оказалось бы более тяжелым. Вскоре после Нарвы Государственный совет Швеции представил королю доклад, в котором умолял заключить мир хотя бы с одним из своих врагов: «Из чувства подданнической

верности и из сострадания к положению обедневшего народа мы просим ваше величество освободить себя по крайней мере хоть от одного из двух врагов, лучше всего от польского короля...»

Август II согласен был помириться с Карлом и, как считал первый министр шведского короля граф Пипер, на приемлемых условиях. Заключая Бирженский договор 1701 года, по которому он обязался не идти на сепаратный мир, Август II одновременно пытался договориться с Карлом XII. Польский король по избранию и саксонский курфюрст по рождению испытывал величайшее презрение и ненависть по отношению к полякам и готов был даже на раздробление польских земель при условии установления в Польше его самодержавной власти. Он использовал усердное посредничество послов Франции и Австрии в переговорах с Карлом. Чтобы заключить с ним сделку, он даже направил к нему особое дамское посольство, поручив самой красивой своей любовнице графине Авроре фон Кенигсмарк любой ценой очаровать молодого шведского короля. Она делала все, что могла, буквально падала к ногам короля, но успеха не имела. Август не учел того, что Карл никогда не знал женщин и не испытывал к ним ни малейшего влечения.

Он не желал иметь дело именно с Августом II и допускал заключение мира только путем полного подчинения Польши шведскому господству. Он не считался с мнением членов своего Государственного совета, справедливо признававших, что Польшу легко победить, но трудно подчинить. Карл вторгается в Польшу, легко занимает один город за другим, наносит войскам Августа поражение за поражением. Но подчинить Польшу все равно не удастся. Анархия, царившая там, не позволяла организовать сплоченное сопротивление захватчику. Но она же не позволяла контролировать Польшу. Правда, нашлись силы, готовые пойти на подчинение шведам, считавшие его выгодным в той междоусобной борьбе шляхетских группировок, которая была главной особенностью положения в стране. В Литовском княжестве, одной из двух составных частей Речи Посполитой, это была группировка, объединявшаяся вокруг богатейшего магната — графа Сапеги. В другой ее части, в собственно Польше, на шведов ориентируется шляхта, идущая за кардиналом-примасом Радзеевским. Карл, который терпеть не мог Августа, желал любой ценой иметь «собственного» польского короля. В конце 1703 года в письме к Речи Посполитой Карл XII назвал удобную ему кандидатуру на польский трон — Якова Собесского, сына последнего знаменитого короля Яна Собесского. Однако Август немедленно арестовал его и отправил в Саксонию. Узнав об этом, Карл заявил: «Ничего, мы состряпаем другого короля полякам».

«Стряпанье» началось с того, что созданный в Варшаве кардиналом Радзеевским сейм под прямой угрозой шведских штыков и благодаря обещанию Карла заплатить полмиллиона талеров объявил Августа низложенным за вступление в войну против Швеции без согласия Речи Посполитой. А затем Карл назначает королем молодого, малоизвестного и совсем не влиятельного Станислава Лещинского. Наспех собранная группа шляхты в окружении шведских драгун послушно голосует, и Польша получает сразу двух королей. Дело в том, что, поближе познакомившись с жестокой шведской оккупацией и видя в Лещинском явную марионетку, поляки стали больше склоняться к Августу. За него высказался сейм в Сандомире, и возникла сандомирская конфедерация, выступавшая за Августа. Все это происходило в полной неразберихе, ожесточенных столкновениях, под воздействием угроз, подкупа и небывалого для Польши междоусобия.

В таких условиях перед русским послом непрерывно возникали сложные проблемы, которые требовалось решать безотлагательно. Г. Ф. Долгорукому приходилось действовать в крайне враждебной обстановке. Против России активно, не стесняясь в средствах, выступали послы европейских держав. Они стремились не только к примирению Августа и Карла, но и к превращению Польши в союзника Швеции. Главное, в чем нуждался Долгорукий для приобретения друзей, были деньги. Он писал в одном из донесений: «Зело надлежит нам помогать как возможно ныне полякам, не мешкав, дабы

неприятель не принудил их на нас с собой, понеже посол французский имеет при себе многие деньги, в Варшаве королю шведскому вельми помогает и наклоняет к нему поляков, от чего боже упаси!» Чтобы нейтрализовать происки Радзеевского и Сапеги, Долгорукий распределяет деньги и подарки среди польской знати. К сожалению, денег не хватало и приходилось не столько давать, сколько обещать.

Долгорукий трезво расценивает ситуацию в Польше, не скрывает от Петра трудности и неудачи, но при этом всегда указывает и на благоприятные стороны даже в самой сложной обстановке. Когда единственного союзника России — Августа II шведам и их сторонникам удалось отрешить от трона, дипломат утверждает, что это откроет многим полякам глаза на опасность потери независимости Польши, заставит самого Августа осознать невозможность соглашения с королем Швеции. Долгорукий пишет по этому поводу: «Все теперь открыто и остается один исход — война.., у самого короля открылись глаза и много прибавилось к доброму делу охоты, и поляки добрее в своем деле теперь поступают». Русский посол отмечает те события, которые облегчают решение проблемы привлечения к войне против Швеции Речи Посполитой. Он считает, что бесцеремонность Карла XII, его произвол в выборе своего ставленника на польский трон только помогают обеспечению русских интересов. «О нововыбранном в Варшаве кролике не извольте много сомневаться,— пишет он Ф. А. Головину,— выбран такой, который нам всех легче: человек молодой и в Речи Посполитой незнатный, кредита не имеет, так что и самые ближайшие его свойственники ни во что его ставят».

Сложная обстановка в Польше и решающее значение развития событий в этой стране требовали от России некоторых принципиальных уступок. Так, в эти годы пришлось резко ослабить традиционную деятельность в защиту православного населения Речи Посполитой от религиозных преследований, от насильственного обращения в унию. С 1702 года на Правобережной Украине разгорелось сильное восстание украинского народа против шляхетского гнета, возглавлявшееся казацким полковником Семеном Палеем. Эта справедливая борьба угнетенного народа заслуживала русской поддержки, которая в иные времена неизменно и оказывалась. Однако сейчас это восстание подрывало позиции союзника России — польского короля Августа II. Поэтому Долгорукий считал неизбежным любым способом прекратить казацкое восстание. Он писал в Москву в начале 1703 года: «Извольте приложить труды к успокоению тех непотребных бунтов, которые поляков против неприятеля гораздо удерживают: паче всего можете тем усмирением склонить к союзу Речь Посполитую». Необходимость заставила Петра дать указание гетману Мазепе арестовать Палея и не только прекратить поддержку, но и ввести затем в Белую Церковь, главный центр восстания, русские войска.

Благодаря настойчивым усилиям русской дипломатии и давлению обстоятельств, прежде всего опустошительного шведского нашествия, Речь Посполитая все больше склонялась к участию в войне. Ведь прежние союзные договоры — Преображенский 1699-го и Бирженский 1701 года — были заключены с польским королем, а не с Польшей. Фактически это были русско-саксонские договоры. Теперь союзником России становилась сама Польша, то есть Речь Посполитая. После заключения предварительных трактатов в августе 1704 года, через десять дней после успешного штурма и взятия русскими Нарвы, вблизи нее состоялось подписание окончательного союзного договора.

Он предусматривал обязательство двух стран вести войну против Швеции, не вступать ни в какие сепаратные переговоры и не заключать отдельно мира. Россия обязалась содействовать прекращению восстания во главе с Палеем и возвращению занятых им городов. Все города и крепости в Лифляндии Россия уступит Речи Посполитой. В помощь ей будет направлено 12 тысяч русских регулярных войск. На 1705 год Россия обязалась выдать 200 тысяч рублей на содержание армии Речи Посполитой в 48 тысяч человек. На будущее время ежегодно будет выплачиваться по 200 тысяч рублей.

России удалось, таким образом, добиться вступления Польши в союз и отказа от прежнего предварительного требования о пересмотре «вечного мира» 1686 года о

возвращении Киева и других территорий. С другой стороны, как и в прежних договорах, Россия платила деньги и выделяла войска ради участия Польши в войне против Швеции. Договор был заключен в трудных условиях, когда Польша подвергалась военному давлению Швеции, когда внутри страны действовала сильная шведская «пятая колонна». Поэтому его заключение было значительным дипломатическим успехом, хотя надеяться на то, что армия Речи Посполитой будет серьезной военной силой, не приходилось.

Как и другим русским послам за рубежом, и даже еще в большей степени, Долгорукому пришлось иметь немало неприятностей из-за злополучного «русского» дипломата Паткуля. Петр считал необходимым направить его с тайной, но официальной миссией в Польшу. Видимо, он рассчитывал, что лютая ненависть Паткуля к шведскому королю вдохновит его на то, чтобы успешно удерживать Августа II от сговора с Карлом XII. Не учли при этом того, что Август сам ненавидел Паткуля и совершенно не доверял ему. Поэтому и в Польше активность ливонского авантюриста принесла больше вреда, чем пользы. Долгорукому не раз приходилось просить Москву дезавуировать безответственные заявления Паткуля, путавшего все карты русской дипломатии. Этот авантюрист дошел до того, что пытался добиться пересмотра самих основ тогдашней политики России в Польше. Петр считал, что самое разумное для Августа состоит в том, чтобы изматывать войска Карла частичными военными действиями, не доводя дело до генерального сражения, которое польский король наверняка проиграл бы. Такая тактика вынуждала Карла несколько лет бесплодно гоняться за саксонской армией и терять время. В результате главные силы шведов оставались в Польше, что способствовало России в завоевании Ингрии, Лифляндии и Эстляндии, в постепенной подготовке своих войск к решающим битвам. Паткуль же упорно добивался, чтобы именно Польша преждевременно стала главным театром действий русской армии. К счастью, Петр знал цену полководческому таланту Паткуля и не принимал во внимание его опасных предложений. Конечно, это вовсе не означало, что Россия вовсе отказывала своим союзникам в помощи войсками. Так, еще до Нарвского договора в распоряжение Августа были выделены свыше 10 полков. Благодаря русской помощи ему даже удалось в августе 1704 года занять Варшаву. Правда, вскоре Карл подошел к столице и Август отступил, не принимая боя. После этого его войска потерпели еще ряд поражений, уцелевшие бежали и рассеялись, а сам Август удалился в Саксонию. К 1705 году стало ясно, что без серьезного военного вмешательства русской армии Август II может окончательно отказаться от борьбы.

*

Дипломатия Петра перед началом Северной войны и в ее первые годы проходит этап становления. В целом она успешно решает свою главную задачу — обеспечение внешних международных условий для преобразования России, преодоления ее отсталости, приобретение жизненно необходимого для ее развития выхода к морю. Происходит несомненное укрепление международных позиций России, возрастает ее военная мощь, расширяются выгодные связи с другими странами, особенно внешняя торговля. Растет международный авторитет России. За рубежом постепенно складывается более объективное представление о стране, ее проблемах, задачах и целях.

Деятельность русской дипломатии развивается по трем основным направлениям: отношения с Турцией, отношения со странами Европы, отношения с союзниками — Данией и Польшей.

Турецкая проблема сводилась к необходимости установления прочного мира с тем, чтобы иметь возможность сосредоточить все силы на северном, балтийском направлении. Задача решалась путем заключения Карловицкого перемирия, затем — Константинопольского договора. Это был компромисс, по которому Россия удовлетворялась приобретением Азова и прилегающего к нему района и прекращением выплаты дани крымскому хану. Она пошла на отказ от приднепровских городков и от требования свободы судоходства по Черному морю. Для поддержания мирных отношений с

Турцией в Стамбуле появилось постоянное русское дипломатическое представительство. Фактором, сдерживающим активность турецких поборников войны с Россией, служил воронежский флот. Проблема отношений со странами Европы состояла в том, чтобы попытаться приобрести максимально возможное содействие этих стран в деле достижения стоявших перед Россией целей. Союзнические отношения удалось установить только с Данией и королем Польши. Удалось также обеспечить возможность закупок в Европе оружия, военного снаряжения, приглашения на русскую службу военных и других специалистов. Русская дипломатия стремилась, кроме того, препятствовать установлению союзнических отношений Швеции с другими странами Европы. Добиться этого в полной мере не удалось, ибо Швеция имела формальные союзы с Англией, Голландией, Францией. Однако возникли благоприятные для России обстоятельства, сделавшие эти союзы недостаточно действенными. Этому способствовала война за испанское наследство и крайне нереалистичная политика Карла XII. С самого начала Северной войны Россия ставит вопрос о заключении мира с Швецией и добивается посредничества европейских держав. Хотя достичь этого оказалось невозможно, русская миролюбивая позиция ослабляла активность антирусских сил в Европе, способствовала постепенному убеждению европейских государств и правомерности и обоснованности возвращения России выхода к Балтике. Петровская дипломатия осваивает искусство использования противоречий между странами Европы, их заинтересованности в развитии торговых связей с Россией.

Международные отношения в Европе крайне осложняются. Именно к этому времени в полной мере относится возникновение исключительно благоприятных обстоятельств, способствовавших внешней политике России, о которых писал Ф. Энгельс. Сразу на четырех фронтах разворачивается война за испанское наследство: в Италии, в Испании, на западе Германии и в Голландии. В первый период войны Франция не только успешно выдерживала натиск объединенных сил коалиции, но даже имела военные успехи в Германии, Италии и на море. Однако с 1705 года обстановка меняется, и положение Франции ухудшается. Войска ее противников под командованием известных полководцев герцога Мальборо и принца Савойского начинают брать верх. Франция истощена экономически, ее ослабляет восстание камизаров. Естественно, что в этот решающий момент схватки крупнейших европейских держав между собой им было просто не до России. Поэтому внешней политике Петра удавалось решать двойную задачу. С одной стороны, русская армия одерживает свои первые победы, завоевывая важные опорные пункты шведов в Восточной Прибалтике. С другой стороны, дипломатия обеспечивает отвлечение главных сил Карла XII на борьбу с саксонской армией Августа II. В этой борьбе шведы выигрывают сражения, которые вызвали в Европе гораздо больший резонанс, чем первые успехи русских в Прибалтике. И это имело определенное положительное значение для России, ибо рост ее мощи на Западе недооценивали. Сложная, даже запутанная европейская ситуация нашла отражение в одном распространенном в Европе памфлете, который сохранился в бумагах князя Б. И. Куракина. Тогдашнее положение изображалось в форме мыслей партнеров по карточной игре. Успехи Англии выражались ее репликой: «Имею добрые карты для игры». Положение Франции казалось неопределенным, и она сомневалась: «Выиграю или проиграю?» Выгодная для Москвы осторожность Турции сказывалась в мыслях турка: «Я играл, да много проиграл, больше не хочу». Эфемерный характер побед Карла XII ясен из соображений Стокгольма: «Играю, играю и все выигрываю, а прибыли не имею». Действительно, удары, наносимые Карлом Августу II, были своеобразным выигрышем для Москвы, чем и объясняется ее реплика: «Брат Август, играй смело, я за тебя поставлю». Несомненно, эти «ставки» России в виде субсидий Августу делались не напрасно.

Несмотря на огромные трудности, так решалась проблема союзников. Один из них — Дания была выведена из Северного союза из-за ее разгрома Швецией с помощью

Англии и Голландии. Неизбежные сложности возникали и в деле поддержания союза с польским королем. Они были связаны с крайней непрочностью позиций Августа II в Польше, с личностью самого монарха, его непоследовательностью и неискренностью, с давлением дипломатии других европейских стран. Однако в результате искусной личной дипломатии Петра, мудрых компромиссов, рассчитанных уступок и жертв удалось все же сохранить последнего ненадежного союзника. Этого оказалось достаточно, чтобы на длительное время связать основные силы Карла XII в Польше и выиграть время для завоевания Ингрии и для других первых военных успехов, для подготовки к решающей схватке с врагом. Кроме того, удалось даже привлечь к участию в войне против Швеции Речь Посполитую, хотя это участие оставалось малоэффективным в военном отношении. К исходу первого пятилетия союзнические отношения с Речью Посполитой переживают кризис из-за явного военного превосходства Карла XII в Польше, из-за усиления процесса распада польского государства. Но это же обстоятельство лишало его возможности использовать Польшу в качестве плацдарма для войны с Россией. Легкие победы над войсками Августа не давали Карлу никакого стратегического преимущества. Они только изматывали постепенно шведскую армию в Польше, в то время как армия Петра в Прибалтике совершенствовалась, училась, закалялась и готовилась к главным битвам.

В эти годы фактически заново формируется аппарат русской дипломатии. Выдвигаются добросовестные и умелые русские дипломаты — П. Б. Возницын, Е. И. Украинцев, А. А. Матвеев, Г. Ф. Долгорукий, П. А. Голицын и др. Непосредственную помощь Петру по руководству всей русской дипломатией оказывают Ф. А. Головин и П. П. Шафиров. Вместе с тем на дипломатическую службу привлекаются иностранцы, но уже первый опыт, даже с таким способным авантюристом, как И. Р. Паткуль, оказался плачевным. Русские дипломаты успешно осваивают методы и приемы дипломатической деятельности, приобретают опыт и знания. Они быстро воспринимают принципы тогдашнего международного права и эффективно используют их. Дипломатия становится хорошо действующей составной частью механизма абсолютистского государства, создаваемого Петром. Успехи этой дипломатии обеспечивались организацией и совершенствованием русской армии, созданием флота, основанием и началом строительства Петербурга, развитием промышленности, расширением торговли. Вся внешняя политика Петра подчинялась внутренним задачам по преобразованию России. Это не ускользнуло от внимания Вольтера. В своей «Истории Российской империи при Петре Великом» он писал: Петр «знал, что дипломатические переговоры, притязания государей, их союзы, их дружба, их подозрения, их неприязнь подвержены почти каждодневным изменениям и что от самых мощных политических усилий зачастую не остается ровно никакого следа. Одна хорошо оборудованная фабрика приносит государству иной раз больше пользы, чем двадцать договоров». В свою очередь дипломатия в большой мере способствовала росту могущества России, создавая для этого необходимые внешние условия.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПОЛТАВА

ПЕРЕД НАШЕСТВИЕМ

К началу 1705 года русская армия численностью в 60 тысяч человек находится на территории Речи Посполитой в районе Полоцка. Настало время действовать в Польше более активно. Петр не собирался, однако, рисковать всеми своими силами, как того требовали Август II или Паткуль. Отдается строжайший приказ: ни в коем случае не вступать в генеральное сражение с участием всей армии. Русские войска в основном призваны пока решать не столько чисто военную, сколько внешнеполитическую задачу:

до последней возможности удерживать Августа в союзе с Россией. У саксонского курфюрста было все же 40 тысяч войска, в его распоряжении находился и русский вспомогательный корпус. Правда, силы эти были ослаблены поражениями и бездарным командованием. Поскольку Карл XII со своей армией стоял у границ Саксонии — наследственного владения Августа II, то он и особенно его министры все больше склоняются к отказу от честолюбивых притязаний в Польше и сильнее стремятся к соглашению с шведами. Из-за того, что Россия обнаруживала мало желаний таскать каштаны из огня для саксонского курфюрста, ослабевают действие факторов, толкавших Августа II к союзу с Петром.

Сосредоточение русской армии на востоке Речи Посполитой имело и другую задачу. Антишведская сандомирская конфедерация поляков нуждалась в поддержке. Присутствие русской армии позволяло влиять на внутреннюю борьбу в Польше между сторонниками Станислава Лещинского и шведов и сторонниками Августа и союза с Россией. Поддержка национально-освободительной борьбы Польши против шведских интервентов отвечала русским интересам.

В это время Петру снова пришлось встретиться с «дипломатической» проблемой, порожденной тем, что он вынужден был широко прибегать к помощи иностранцев. Обнаруживается одно из главных противоречий в петровской политике европеизации России. Использование иностранных специалистов было оправданной необходимостью. Однако оно влекло за собой столь же неизбежные отрицательные явления. Иноземцы служили только ради денег, Россия оставалась для них чужой страной, ее отсталость вызывала презрение к русским, бесконечные конфликты, носившие отнюдь не личный характер. Подобно тому как в дипломатической борьбе на каждом шагу проявлялась враждебность Европы к России в целом, наемные представители Европы часто выражали, сознательно или неосознанно, эту же враждебность в частных обстоятельствах своей временной службы в России. На этот раз речь шла о командовании войсками, выдвинутыми к Польше. Кого из двух имевшихся фельдмаршалов назначить главным: русского Б. П. Шереметева или наемного немца Г. Б. Огильви? С одной стороны, Петр все еще не очень был уверен в способностях своих отечественных полководцев, хотя Шереметев уже одержал несколько блестящих побед над шведами. С другой стороны, старого наемного фельдмаршала, прослужившего 38 лет в австрийской армии, толком никто из русских не знал. К тому же необходимо было давать возможность русским приобретать боевой опыт. Петр принял соломоново решение и разделил армию между двумя фельдмаршалами, так что недовольны были оба. Естественно, между ними возник конфликт. Он продолжался и после отъезда Шереметева. Огильви немедленно столкнулся с Меншиковым, Репниным и другими русскими генералами.

Еще в начале лета 1705 года царь прибыл к войскам в Полоцк и вскоре направил армию Шереметева в Курляндию. Здесь 15 июля произошло сражение. Русские были разбиты шведским генералом Левенгауптом при Мур-мызе (Гемауэртгоф). По этому печальному поводу Петр лишней раз проявил широту своего характера и умение переживать неудачи. Он писал жестоко терзавшемуся Шереметеву: «Не извольте о бывшем несчастье печальны быть; всегдашняя удача много людей ввела в пагубу; забудьте и людей ободряйте». Петр сам с войсками идет в Курляндию, чтобы вместе с Шереметевым отрезать Левенгаупта от Риги и разгромить его. Однако шведы ускользнули и укрылись в Риге. Тогда русские успешно осаждают и берут столицу Курляндии Митаву, затем крепость Бауск, захватывают богатые трофеи. Наступает зима, и надо устроить армию на зимние квартиры. Меншиков предлагает остановиться в сильно укрепленном городе Гродно, Огильви, наперекор ему, — в Меречи. Правда Меншикова очевидна, и Петр поддерживает его. В конце октября Август II явился в Гродно. Под чужим именем, в сопровождении лишь трех человек он с трудом пробился из Саксонии через Венгрию. Зато король привез с собой знак вновь учрежденного им ордена Белого орла, который он раздал многим русским генералам... Петр поручает войско Августу и в декабре уезжает в

Москву. Между тем Карл XII несколько месяцев провел в Варшаве, где устроил торжественное коронавание «своего» польского короля Станислава Лещинского. Внезапно, несмотря на сильные морозы, он двинулся во главе 20-тысячной армии к Гродно. Однако, подойдя к крепости, на осаду и штурм Карл не решился и расположил свою армию в 70 верстах, блокировав русские войска.

Когда Петр находился в Митаве, пришло известие, которое вызвало у него более сильную тревогу, чем прибытие новых шведских войск. Разразился так называемый астраханский бунт. С начала войны Россия терпеливо переносила выпавшие на ее долю трудности. Армия получала все, что ей нужно: хлеб, скот на мясо, лошадей, оружие, деньги, а главное — рекрутов. Но потребности росли, и прибыльщики вроде Курбатова изошрялись в изобретении источников новых доходов. Воеводы и приказные, привыкшие «кормиться» за счет подвластных людей, стали вводить под шумок собственные новые поборы, но уже в свой карман. В местах отдаленных, таких как Астрахань, они действовали без всякого контроля. К тому же здесь, на южной окраине, образовался как бы сборный пункт всех недовольных: раскольников, бывших стрельцов, беглых крестьян; и разнузданность местных властей была особенно опасна. Злоупотребляли своей властью и многочисленные иноземные офицеры, нередко издевавшиеся над русскими «варварами». Недоставало только повода, чтобы накопившееся недовольство вылилось в восстание. Таким поводом оказались европейские новшества: насильственное бритье бород, введение немецкого платья. Вокруг реальных мер возникали слухи, сеявшие тревогу. Из уст в уста передавали, что скоро всех девок отдадут иноземцам. Спешно начали выдавать дочерей за кого попало замуж. В один день в Астрахани крутили по сотне свадеб, а пьянство по этому поводу подогревало накопившиеся страсти. И вот 30 июня 1705 года вспыхнуло восстание «за старину». Убили воеводу, особо ретивых поборников новшеств и, конечно, перебили иноземцев. На призыв астраханцев к ним присоединились еще четыре города — поменьше. Однако донские казаки отказались примкнуть к восставшим. В астраханских событиях было много запутанного. Вызванные вполне конкретными тяготами и притеснениями, они имели смутные, противоречивые цели, а чувство законного возмущения тяжелой жизнью выливалось у народа в бешеную ярость ко всему непривычному, новому, непонятному. В глазах простого народа именно так и выглядели некоторые из петровских преобразований...

Беспокойство Петра по поводу астраханского восстания было настолько велико, что он приказал фельдмаршалу Шереметеву оставить театр войны и с несколькими полками идти к Астрахани. Бунт против иноземных новшеств, против иностранцев и в защиту старины царь считал возможным ликвидировать не путем применения обычных средств: насилия, пыток и казней. Он проявляет небывалую гибкость, что сказалось в самом назначении Шереметева. Подавлять восстание был послан не иностранец, не представитель новой знати типа Меншикова, а человек, воплощавший в своем облике старомосковскую Русь, боярин, о котором все, в том числе и Петр, знали, что он отрицательно относится к крайностям в деле европеизации страны и болеет душой за сохранение исконно русских нравов и обычаев. Это должно было само по себе обескуражить восставших в Астрахани. К тому же Петр приказывает использовать в борьбе с мятежом прежде всего политические, мирные средства. Его участникам обещают пресечение злоупотреблений и прощение в случае раскаяния. В указах и письмах царь требует осторожного обращения с восставшими: «Не держайте, не точию делом, но словом жестоким к ним поступать»; «всех милостию прощением вин обнадеживать, и взяв Астрахань, отнюдь над ними и над заводчиками ничего не чинить»; «зачинщиков причинных ничем не озлоблять и всяко трудиться, чтобы ласкою их привлечь.., без самой крайней нужды никакого жестокого и неприятельского поступка не предпринимать».

...Этот новый необычный подход к мятежникам удивлял тех, кому было поручено восстановить спокойствие в тылу во время жестокой войны, он вызывал недоумение и

недоверие у самих восставших. Поэтому примирительные намерения Петра имели незначительный, временный успех. Их саботировал и фактически сорвал Шереметев. Он предпочел брать Астрахань штурмом, а затем последовали и казни свыше трехсот активных участников восстания. Во всяком случае поведение Петра отличалось от того, как он действовал в связи со стрелецким мятежом. С возрастом, по мере приобретения все большего опыта он уже не так непримирим и нетерпим, как прежде. Искусство компромисса, которое он столь широко применял в дипломатической деятельности, он пытался перенести на внутреннюю, временами столь горячую, почву...

Между тем одновременно с астраханским восстанием продолжается нелегкая гродненская операция. В соответствии с планами Петра необходимо прежде всего не рисковать армией. В Гродно было 40 тысяч лучших русских войск, включая гвардейские полки. Однако Огильви вопреки мнению русских генералов был против отступления и требовал ждать крайне сомнительной помощи саксонской армии. Фельдмаршал ссылаясь на соображения «чести». «Жаль будет,— писал он Петру,— что его царское величество славу своего оружия, доселе постоянно гремевшую, потеряет постыдным, неожиданным отступлением и тем навлечет на себя насмешки».

Огильви явно навязывал Петру опасную авантюру, грозившую гибелью русской армии. Меншиков имел основания писать Петру: «Особенно вашу милость прошу: не изволь, Государь, фельдмаршаловым письмам много верить... Истинно он больше противен нам, нежели доброжелателен».

Что касается Августа II, то он, после того как Карл, не решившись штурмовать город, отошел от него, внезапно уехал из Гродно, захватив с собой четыре русских полка. Курфюрст обещал через три недели вернуться на помощь русским с сильной саксонской армией. Огильви же продолжал отстаивать свой план в письмах к Петру, которые неизменно заканчивались требованием денег. Царь отправляет письмо за письмом. Он объясняет, уговаривает, наконец, просто категорически приказывает вывести армию из Гродно.

Характерно, что фельдмаршал Огильви одновременно вел секретную переписку с Августом. В связи с этим князь Репнин просил инструкции на случай явной измены: «Просим о тайном указе его величества, что нам делать, когда увидим противное интересу государственному?» Все свидетельствовало, что в Гродно армия находится в смертельной опасности, при этом не столько от военных действий Карла XII, сколько от махинаций Августа и Огильви, этих союзников-наемников, деятельность которых все больше походила на измену. В Гродно происходила вопреки обычным описаниям драма не военная, а дипломатическая. Гродно оказался западней, ибо доверили руководство Августу и Огильви. Петру с огромным трудом приходилось буквально вырывать свою армию из лап лживых «друзей».

В феврале лопнул миф о пресловутой саксонской армии, которая должна была, согласно обещаниям Августа и Огильви, создать такой перевес сил против Карла XII, что гибель его была бы неминуема. С помощью этого довода русскую армию и хотели втянуть в опасную авантюру в Польше. Но вот поступили сведения о движении саксонцев по направлению к Гродно. По пути предстояло лишь разгромить небольшой шведский корпус генерала Реншильда. Эта встреча произошла в начале февраля 1706 года при Фрауэрштадте. Закончилась она страшным поражением саксонцев. Петр с горечью писал Ф. А. Головину: «Все саксонское войско от Реншельда разорено и артиллерию всю потеряли. Ныне уже явна измена и робость саксонские: 30000 человек побеждены от 8000! Конница, ни единого залпу не дав, побежала; пехота более половины, кинув ружья, сдалась, и только наших, одних, оставили, которых не чаю половины в живых. Бог весть, какую нам печаль сия ведомость принесла и только дачею денег беду себе купили».

Но даже после этого позорного разгрома, опрокинувшего все предположения, расчеты и планы фельдмаршала Огильви, он упорно противился отводу русской армии! «Если покинуть Гродно,— писал он Петру,— то вся Польша и Литва склонятся на

сторону шведов, и вся тяжесть войны обрушится на Россию; лучше бы постоять целое лето в Гродно».

Петр ответил, что не только делать, но и думать об этом запрещает и что если Огильви и дальше будет упорствовать, то его придется рассматривать как неприятеля. Именно в это время Петр, как он писал, в «адской горести жил». И это было вызвано не страхом перед противником, а возмущением действиями иноземных наемных «друзей» и союзников. 24 марта в точном соответствии с детальными инструкциями Петра русская армия вышла из Гродно, а Карл не смог ее преследовать и вскоре отправился в Саксонию, чтобы окончательно разделаться с Августом. Вывод войск из Гродно Петр отмечал как радостное событие, равноценное большой победе. В сущности, так и было, и не случайно Петр признавал, что до этого у него «всегда на сердце скребло».

Поскольку планы Карла XII еще не были окончательно известны, готовились отразить его в России. Укреплялись Киев, Смоленск, создавалась оборонительная линия на границах. И в этом деле Огильви продолжал ставить палки в колеса, посылая свои жалобы на Меншикова и других русских генералов. В конце концов в сентябре 1706 года Петр приказал его уволить. Можно только удивляться тому, сколько дипломатической выдержки было проявлено в этом давно назревшем деле. П. П. Шафиров писал Меншикову: «Не взирая на все худые поступки, надобно отпустить Огильви с милостию, с лаской, даже с каким-нибудь подарком, чтобы он не хулил государя и ваше сиятельство, а к подаркам он зело лаком и душу свою готов за них продать».

Иноземцы охотно продавали душу и оптом, и в розницу. Пример первого — Саксония, которая еще сохраняла союз с Петром ради денежных субсидий, примеров же второго было бесчисленное множество. Уже говорилось о Паткуле, о его весьма двусмысленной игре. В это время с ним приключилась история, в которой спутались авантюристические затеи самого Паткуля, недобросовестно игравшего интересами России, находясь у нее на службе, с двуличным поведением русского «союзника» Августа II и его саксонских министров.

Напомним, что Паткуль, облеченный полномочиями чрезвычайного русского посла, был направлен к Августу II. На русской службе он являлся не только тайным советником, но и генералом. В этом качестве он командовал русским вспомогательным корпусом, отправленным к Августу. Паткуль сразу вступил в острый конфликт с находившимся при этом войске князем Д. М. Голицыным и со всеми русскими офицерами, которых он третировал и хотел поголовно заменить иностранцами. Дело происходило в Саксонии, где русские солдаты оказались в отчаянном положении. Саксонские союзники довели до того, что русские полки оказались буквально под угрозой голодной смерти. Вернуться в Россию они не могли, ибо пришлось бы идти через земли, занятые шведами. Паткуль нашел выход в передаче этих войск на временную австрийскую службу и заключил соответствующее соглашение с императором. Это использовали саксонские министры, лютую ненависть которых Паткуль заслужил не только своим скандальным характером, но и дипломатическими комбинациями.

Дело в том, что ему поручили, кроме всего прочего, наладить отношения с прусским королем. Паткуль должен был попытаться либо привлечь короля Фридриха I к союзу против Швеции, либо, на худой конец, добиться нейтралитета Пруссии. Он много раз вел переговоры в Берлине и в конце концов пришел к предварительному соглашению, по которому Пруссия вступала в союз против Швеции при условии смещения якобы неприемлемых для нее саксонских министров Августа II. Дипломат-фантазер совершенно не понял смысла хищнической прусской политики. Стремясь захватить Западную Пруссию, в Берлине готовы были идти на союз с любым победителем, все равно — Россией или Швецией, поддерживать любого польского короля, Августа или Станислава Лещинского. Но в ходе войны создалось тогда неопределенное и колеблющееся равновесие сил; она шла с переменным успехом. Поэтому Пруссия одновременно заигрывала с русскими и шведами, склоняясь все же к союзу с Карлом XII. Требование

смещения саксонских министров, которое серьезно воспринял Паткуль, было выдвинуто исключительно для того, чтобы, не отвергая прямо русских предложений о союзе, оставить заключение этого союза как бы в резерве своей невероятно изощренной дипломатической игры. Но Паткуль наивно принял эти условия за чистую монету, чем, естественно, довел до высшей степени ненависть саксонских министров. Вот они и воспользовались в качестве повода для расправы с Паткулем его намерением передать вспомогательные русские войска в распоряжение императора, что объявили «изменой», хотя Паткуль согласовал эту передачу с Ф. А. Головиным. В декабре 1705 года по решению Тайного совета Саксонии, управлявшего в отсутствие короля, Паткуля арестовали и заключили в крепость Зонненштейн. Несомненно, Паткуль сам способствовал такому неожиданному повороту событий своей сверххитроумной дипломатией.

Но все же это имело и другую весьма важную сторону дела. Паткуль официально являлся полномочным послом русского царя — союзника Саксонии. Его арест представлял собой не только вопиющее нарушение элементарных норм международного права, но и прямое оскорбление России и лично Петра. Наглая, вызывающая акция в отношении союзника осуществлялась, однако, не без верного расчета: саксонцы знали, что царь крайне нуждается в сохранении союза с Августом и на разрыв из-за Паткуля не пойдет. Поэтому многочисленные решительные протесты и требования Петра освободить его посла оставались гласом вопиющего в пустыне. С другой стороны, саксонские министры доставляли удовольствие Карлу XII, для которого Паткуль был не только изменником, но и личным злейшим врагом. В целом вся затея представляла собой еще один шаг по пути внешнеполитической переориентации Саксонии и отказа от союза с Россией путем заключения мира с Карлом XII. И Петр ради высших интересов своей политики терпел эти провокации «союзника». Особенно гнусно вел себя сам Август II, уверявший русских, что в Лейпциге и Дрездене действуют без его ведома, хотя в секретных письмах он полностью одобрил поведение своего Тайного совета.

Однако история с Паткулем служила лишь прелюдией к финалу предательства Августа II. После того как Карл XII упустил русскую армию из Гродно и не смог успешно преследовать ее в землях России, он повернул к Саксонии и явился туда в конце августа 1706 года, оставив в Польше под Калишем армию Мардефельда для поддержания польских сторонников короля Станислава. В Саксонии он не встретил никакого сопротивления. Все во главе с королевским семейством Августа II в панике бежали.

Сам король находился в Польше, где он и получил сообщение о захвате его наследственного владения. По совету своей очередной любовницы — графини Коссель и тайком от союзника он, в нарушение всех своих обязательств, послал представителей к Карлу с мольбой о мире. Август соглашался разделить Польшу пополам со Станиславом Лещинским. Шведы с презрением отвергли эту идею и продиктовали ультиматум.

Август должен навсегда отказаться от польской короны и признать законным королем Станислава, разорвать все враждебные Швеции союзы, в особенности с московитами, освободить всех пленных шведов, выдать шведских перебежчиков, и прежде всего Рейнгольда Паткуля.

Представители Августа приняли все требования, и еще до формального подписания договора 19 сентября Паткуль, закованный в кандалы, был передан шведам. Подписание договора состоялось 24 сентября в Альтранштадте, вблизи Лейпцига, где была штаб-квартира Карла XII. Август обещал также дополнительно к условиям ультиматума выдать шведам русские вспомогательные войска, находившиеся в Саксонии, и взять на содержание шведскую армию. Это была полная капитуляция: Август предал своего союзника Петра, он предал поляков, которые поддерживали его. Единственное, что он выпросил, — это обещание содержать пока в тайне подписание договора.

Шведы объявили сначала только о перемирии на десять недель. Последовала характерная реакция других держав. Их волновал вопрос о том, куда же направит Карл

теперь свои победоносные войска. Империя, Англия, Голландия, Дания, Пруссия, несколько германских государств немедленно направили в Альтранштадт своих послов. Все они наперебой поздравляли шведского полководца с победой и настойчиво просили взять их в посредники для заключения мира (о подписании договора пока никто не знал) на условиях, угодных Карлу XII. Мечтали только о том, чтобы Швеция, получив свободу рук, обратила все свои силы против России. Особенно раболепствовал перед Карлом прусский король Фридрих I. Правда, одновременно он дал указание своему посланнику в Москве Кайзерлингу заверить Петра в неизменной дружбе, в том, что Пруссия останется нейтральной. Пруссия всегда умела занимать сразу две противоположные позиции. Царя просили не считать признание шведского ставленника Станислава показателем разрыва с Россией. Вслед за Пруссией Станислава постепенно признала империя и другие западные страны.

Что же касается Августа II, то он, находясь в Польше, вел себя так, как будто ничего не произошло. Уже 6 октября он целиком и полностью одобрил текст Альтранштадтского договора, по которому он фактически переходил во вражеский лагерь. Но и после этого он, соединившись в Люблине с Меншиковым, который по указанию Петра пришел к Августу на помощь, собирався вместе с ним предпринять нападение на шведскую армию генерала Мардефельда. Поскольку его предательство все равно со дня на день должно было открыться, то возникает вопрос, в чем же заключался смысл этой высокой политики? Оказывается, в том, что было сущностью, природой Августа: стремлением в последний момент еще урвать что-то от уже преданного им союзника. Меншиков писал Петру из Люблина: «Королевское величество зело скучает о деньгах и со слезами наедине у меня просил, понеже так обнищал: пришло так, что есть нечего. Видя его скудость, я дал ему своих денег 10000 ефимков».

Кстати, в это время до Меншикова уже дошли слухи о том, что в Саксонии заключено перемирие с Карлом, но он им не поверил, а поверил Августу. 18 октября вместе с его польско-саксонскими войсками Меншиков повел русскую армию в сражение и выиграл его. Победа под Калишем, где погибло больше половины шведских войск, а их командующий оказался в плену, была одним из крупнейших достижений русских в Северной войне. После боя, в котором в плен попало много шведов, Август совершает еще одну подлость. Он уговаривает Меншикова отдать ему всех пленных, обещая, причем в письменной форме, обменять их на русских, находившихся у шведов. И это стало обманом. Пленные нужны были предателю, чтобы смягчить возможный гнев Карла XII по поводу вынужденного участия Августа в битве при Калише на стороне русских. Карл действительно возмутился, уже решил считать заключенный договор уничтоженным и возобновить войну. Однако вскоре Августу удалось оправдаться, он обещал также компенсировать весь ущерб.

Но пока король (уже бывший, ибо от королевской короны он отрекся) продолжает позорную двойную игру. Он даже награждает Меншикова за победу поместьями в Польше и Литве. Вернувшись в Варшаву, он совершает торжественное благодарственное богослужение за Калишскую победу, публикует универсал, запрещающий полякам под страхом смерти помогать шведам. Еще целый месяц он остается в Варшаве и продолжает морочить голову русским и полякам. Только 17 ноября князь В. Л. Долгорукий (он временно заменял в Варшаве своего родственника Г. Ф. Долгорукого) узнал о сговоре Августа с Карлом и потребовал объяснения.

Вот как оправдывал свое поведение бывший союзник: «Невозможно мне Саксонию допустить до крайнего разорения, а избавить ее от этого не вижу другого способа, как заключить мир с шведами только по виду и отказаться от Польши с целью выпроводить Карла из Саксонии, а там как выйдет, собравшись с силами, опять начну войну вместе с царским величеством. Союза с царским величеством я не нарушу и противного общим интересам ничего не сделаю». Подобные «объяснения» могли только войти в историю дипломатии в качестве дурного анекдота. 19 ноября Август уехал из Варшавы на свидание

с Карлом XII. Таким образом, русско-саксонский союз, начало которому было положено Преображенским договором 1699 года, перестал существовать. Россия осталась в войне одна, без союзников. Как же восприняли это событие в России? Апраксин, сообщая в конце декабря 1706 года Петру о том, что в Москве все уже знают об Альтранштадтском договоре, добавлял: «Однакож печали лишней не имеют». Действительно, ценность Августа в качестве союзника была весьма сомнительна. Во всяком случае приходилось делать выводы и принимать решения.

Как раз в это время происходит смена руководства внешнеполитического ведомства России — Посольского приказа. Летом 1706 года по пути в Киев, в городе Глухове, скончался первый министр, адмирал Федор Алексеевич Головин. Это был умный, способный и энергичный помощник Петра по руководству внешней политикой и дипломатией России. Царь ценил и уважал его, что видно, в частности, из его скорбного письма к Апраксину: «...Никогда сего я вам не желал писать, однако воля всемогущего на то нас понудила, ибо сей недели господин адмирал и друг наш от сего света отсечен смертию в Глухове; того ради извольте, которые приказы (кроме Посольского) он ведал, присмотреть, и деньги и прочие вещи запечатать до указа. Сие возвещает печали исполненный Петр». Во главе Посольского приказа был поставлен Гавриил Иванович Головкин, родственник матери Петра, давний приближенный царя, постоянно сопровождавший его в разъездах. Головкин был человеком иного склада, чем Ф. А. Головин — личность безусловно выдающаяся. Если Головин заложил основы петровской дипломатической службы, то Головкин уже пришел на готовое. Аккуратный исполнитель повелений Петра, он, однако, не выдвигал крупных идей или оригинальных решений. Характер Гавриил Иванович имел тяжелый. Он довольно быстро вступил в острый конфликт со своим заместителем П. П. Шафировым, и долгие годы только страх перед Петром не давал этой вражде прорваться наружу. Были у него частые размолвки и с другими крупными дипломатами, даже с хитрейшим П. А. Толстым. Талант заменяли ему навыки ловкого царедворца, не зря же он продержался на своем высоком посту в течение четырех разных царствований. Головкин отличался анекдотической скупостью и нажил большое богатство. В Петербурге ему принадлежал весь Каменный остров.

Это назначение случайно совпало с началом нового этапа во внешней политике России, когда она выступает в войне и в дипломатии без союзников. Альтранштадтский мир, естественно, не мог не иметь влияния на отношения России с другими странами. Но больше всего нового следовало ожидать от Карла XII, освободившегося теперь от войны на два фронта. Прежде всего требовалось сделать все, чтобы уменьшить отрицательное воздействие Альтранштадтского договора как на ход войны, так и на дипломатию. Эта задача решалась в Жолкве, в Западной Украине, где Петр находился с конца декабря 1706 года по конец апреля 1707 года. Вокруг Жолквы (сейчас город Нестеров), около Львова, расположились тогда на зимние квартиры основные силы русской армии. Здесь собрались в конце декабря Меншиков, Шереметев, Головкин, Григорий Долгорукий, а 28 декабря прибыл Петр. На совещаниях русских военачальников родился так называемый Жолковский план, на основе которого развивались действия русской армии вплоть до победоносного Полтавского сражения. Собственно, этот план частично зародился раньше в указах, распоряжениях, письмах Петра, который и был его главным автором. Поскольку явно наступал решающий и самый ответственный период войны, Петр хотел обсудить и утвердить со всеми главными генералами план действий так, чтобы он явился общим детищем, чтобы его выполняли не слепо, только из повиновения царю, но осознанно, убежденно. План вытекал из уже применявшейся идеи Петра, по которой надо было избегать генерального сражения до тех пор, пока не будет верных шансов на победу в таком сражении. Он исходил также из того, что после Альтранштадтского мира опасность вторжения Карла XII в Россию стала значительно более вероятной. В «Журнале или Поденной записке Петра Великого» Жолковский план сформулирован следующим образом: «В Жолкве был Генеральный совет, давать ли с неприятелем баталию в Польше, или при

своих границах... положено, чтоб в Польше не давать; понеже ежелиб какое нещастие учинилось, то бы трудно иметь ретираду; и для того положено дать баталию при своих границах, когда того необходимая нужда требовать будет; а в Польше на переправах, и партиями, также оголоженьем провианта и фуража томить неприятеля, к чему и польские сенаторы многие в том согласились».

План намечал организацию отпора врагу на любом из двух возможных направлений вторжения шведов в Россию — через Белоруссию или Украину. На пути шведы должны были встретить оборонительные заграждения и укрепленные крепости. Жолковский план предусматривал активную оборону путем изматывания противника налетами легкой кавалерии, сопротивления мирного населения захватчику, уничтожения или укрытия всех источников снабжения. Кульминационным пунктом плана оставалось, однако, генеральное сражение на русской территории в нужный момент и нужными силами. Осуществление этого плана в недалеком будущем приведет шведов к Полтаве.

План начали обсуждать в Жолкве еще в конце декабря, но окончательно приняли в апреле 1707 года. Дело в том, что на протяжении всех четырех месяцев пребывания Петра в Западной Украине проводилась напряженная и сложная дипломатическая деятельность с целью сохранения Польши в качестве союзника. В результате Альтранштадтского мира антишведские силы потеряли своего номинального главу — Августа в качестве короля, который отрекся от престола и признал королем Польши Станислава Лещинского. В своем раболепии перед Карлом XII он дошел до того, что направил шведскому ставленнику почтительное поздравление с приобретением польской короны. В «Журнале или Поденной записке Петра Великого» указано, что Петр «пошел в Польшу, дабы оставшуюся без главы Речь Посполитую удержать при себе».

Собственно, еще до прибытия Петра в Жолкву туда явились видные польские деятели и обсуждали с русскими вопрос о выборах нового короля. В начале января 1707 года Петр направил приглашение наиболее верным сторонникам союза с Россией — литовскому гетману Огинскому и великому коронному (то есть польскому) гетману Сенявскому. Во Львов прибыли также другие руководители Сандомирской конфедерации. Они решили созвать во Львове Бальную раду, являвшуюся обычно высшей властью в период бескоролья.

7 февраля 1707 года Рада начала свою работу в присутствии кардинала-примаса Шембека, исполнявшего обязанности главы польско-литовского государства и русского представителя В. Л. Долгорукого. Приняли документ, в котором Лещинский королем не признавался, а в связи с отречением Августа говорилось о необходимости выбора нового короля.

Затем начались переговоры с русскими представителями во главе с Г. И. Головкиным. Поляки требовали, чтобы Россия несла на себе все тяготы войны. Они отказывались давать провиант русским войскам в Польше, хотя обещали это по договору 1704 года, требовали, чтобы Россия давала на содержание польско-литовского войска огромные денежные субсидии. Споры были долгими и напряженными, пока, наконец, не пришли к компромиссу по этим вопросам, закрепленному в особой конвенции. Трудности на переговорах возникли также из-за Белой Церкви и других правобережных украинских городов, в районе которых происходило антипольское восстание казаков во главе с Семеном Палеем. Россия вынуждена была способствовать прекращению этого восстания и вернуть города, которые до сих пор занимали русские войска. Поляки особенно добивались возвращения им Белой Церкви. Россия согласилась на это, но предупредила, что восстание после ухода русских войск может вспыхнуть снова. Этого аргумента оказалось достаточно, чтобы поляки сняли свое требование.

Но главное значение имел вопрос о подтверждении действия русско-польского договора 1704 года, подписанного в Нарве. Для его решения Петр дважды приезжал во Львов и встречался с польскими представителями. Наконец, 30 марта 1707 года они подписали документ, в котором заявили, что Польша не отступит от союза 1704 года, не

вступит в переговоры с шведами и будет до конца войны действовать совместно с Россией. Львовская рада постановила также считать царя защитником вольностей Речи Посполитой и системы выборности короля, не признавать Станислава Лещинского королем Польши, избрать на польский престол другого кандидата.

Однако это явилось нелегкой задачей. Сами поляки оказались не в состоянии назвать ни одной кандидатуры ни из своей страны, ни из иностранцев. Они потребовали, чтобы царь нашел им короля. Беда заключалась в том, что желающих принять злосчастную польскую корону не было. Все понимали, что будущий король Польши не имеет никаких шансов получить признание иностранных монархов. В те времена признание короля другими дворами имело значение более решающей санкции утверждения на троне, чем признание собственного народа. Этот принцип феодального международного права еще повсюду соблюдался. Между тем Станислав Лещинский, не пользовавшийся серьезной поддержкой в самой Польше, получал одно за другим признания других государств. А они соревновались в том, чтобы привлечь Карла XII на свою сторону в общеевропейском конфликте из-за испанского наследства. Шведский король находился тогда в зените своего международного влияния.

Сначала корону Польши предложили поочередно трем сыновьям весьма популярного среди поляков Яна Собесского. Все они после некоторых колебаний отказались. Затем возникла кандидатура австрийского фельдмаршала принца Евгения Савойского. Она устраивала Россию и поляков. Петр лично направил ему письмо с лестным предложением. Принц благодарил, но свое согласие поставил в зависимость от решения императора. Однако в Вене, где больше всего боялись вызвать недовольство Карла XII, стоявшего со своими войсками совсем рядом, выработали весьма дипломатичную форму отказа. Евгений Савойский согласен принять корону, но только после окончания войны. Еще одним кандидатом был Ференц Ракоци, глава венгерского освободительного движения против гнета Австрии. Князь Ракоци охотно стал бы польским королем, но ему помешало одно щекотливое обстоятельство. Он пользовался покровительством Людовика XIV, и ему было трудно выступать против Станислава Лещинского, который в свою очередь был не только шведской марионеткой, но и клиентом французского короля. Поэтому переговоры русских представителей и здесь окончились неудачей.

Петр вел также секретные переговоры с гетманом Сенявским, который охотно соглашался взять вакантную корону. Но отрицательное отношение к нему других польских магнатов вынудило оставить эту идею. Наконец, ходило много слухов о кандидатурах Меншикова и царевича Алексея, что совершенно не входило в расчеты России, ибо выдвижение любого из них было бы расценено как стремление установить русский протекторат над Польшей. На такую авантюру Москва идти не собиралась.

Вообще, в вопросе о выборе того или иного лица в качестве главы иностранного государства Петр придерживался принципиальной позиции, для того времени весьма передовой. В сущности, он исходил из понятия национального суверенитета, который и в цивилизованной Европе еще далеко не привился. Отвечая на вопрос прусского короля о том, кого бы предпочел Петр признать королем в Польше, он давал совершенно четкий ответ: того, кто удержится у власти без помощи иностранцев («А о признании такое средство положить: который без помощи прочих останется собственною силою, того и признать»).

В конечном счете сложная и длительная дипломатическая суeta вокруг польской короны успеха не имела. Оставался все тот же Август, который не раз по секрету подтверждал свое желание при подходящих условиях снова сесть на польский трон. Ясно, что такие условия могли возникнуть только после разгрома Карла XII, а до этого было еще далеко.

Переговоры с поляками в Жолкве, потребовавшие больших усилий, терпения и длительного времени, в конечном итоге имели все же ограниченное значение. Оно

сводилось на нет крайне неустойчивой ситуацией в Польше, политический хаос в которой из-за ухода Августа еще больше усилился. Вот, к примеру, как расценивал положение английский резидент Витворт: «Царю предстоит утомительная игра, потому что, может быть, поляки своими открыто проводимыми интригами в его пользу только стремятся под рукой выговорить для себя более выгодные условия у Станислава».

Естественно, что русские понимали сложность положения в Польше лучше, чем европейские наблюдатели. Но тем более необходимо было в новых осложнившихся условиях использовать даже сомнительных и колеблющихся союзников для укрепления положения России накануне приближавшегося решающего этапа войны. Как ни трудна была обстановка в Польше, она все же открывала более благоприятные перспективы, чем положение, создавшееся в Европе, где перед русской дипломатией возникли новые сложные проблемы. Подтверждение и обновление русско-польского договора 1704 года свидетельствовало, что Польша оставалась союзником России, несмотря на Альтранштадтский мир. Ведь Карлу XII и Станиславу Ленинскому так и не удалось после заключения этого мира установить контроль над всей Польней. Урегулировали некоторые проблемы отношений с Речью Посполитой, возникли предпосылки для продолжения боевого сотрудничества поляков с русской армией. Несмотря на ограниченные военные возможности Речи Посполитой, на слабость ее армии, она все же окажет России некоторую помощь в войне с Швецией.

ЕВРОПА, ШВЕЦИЯ И РОССИЯ

Двигаясь от одной легкой победы к другой, Карл XII становится в 1707 году арбитром Европы. Захват Саксонии сам по себе не был военной победой, шведы вообще не встретили там никакого сопротивления. Тем не менее слава молодого шведского короля достигла апогея. Деревня Альтранштадт, вблизи Лейпцига, где находилась штаб-квартира Карла XII, превратилась в дипломатическую столицу Европы, куда спешили посланцы европейских держав, стремившихся заручиться расположением шведского непобедимого полководца. Правда, такая репутация Карла трудно согласовывалась с его реальными достижениями в войне. Русские завоевали Ингрию и Карелию, опустошили основные базы снабжения шведов в Лифляндии и Остляндии, нанесли шведам много сильных ударов, опровергнув легенду об их пресловутой непобедимости. Достаточно красноречивым примером был плачевный для них исход последнего сражения под Калишем. Однако сам Карл и Европа все еще жили впечатлениями от первой Нарвы. Они упорно недооценивали возможности роста могущества России, не понимали смысла происходившего в ней процесса обновления, вызванного петровскими преобразованиями.

С другой стороны, международные отношения в связи с войной за испанское наследство создали шведскому королевству изумительно благоприятные условия для возвышения, не основанного ни на реальном экономическом потенциале Швеции, несомненный упадок которой авантюристическая политика Карла XII лишь усиливала, ни даже на ее военных возможностях. Сама по себе 50-тысячная шведская армия представляла собой не такую уж гигантскую силу. Армии Франции и Австрии, например, были крупнее. Но в ходе ожесточенной войны между двумя коалициями она могла своим переходом на сторону одной из них изменить соотношение сил. Для этого шведский военный потенциал был вполне достаточным. Его роль искусственно усиливало своеобразное промежуточное положение Швеции между двумя враждебными лагерями. Она имела формальные союзнические отношения одновременно с Англией и Голландией и с враждебной им Францией. В то же время Швеция сохраняла определенную самостоятельность. Вернее, она непрерывно колебалась между ними, склоняясь то к одной то к другой, в зависимости от того, кто был более щедр к Карлу XII в предоставлении денежных субсидий. В конечном итоге дипломатическая борьба за

позицию Швеции должна была решиться в пользу того, кто богаче. Так, в сущности, и произошло.

Война за испанское наследство уже в 1705 году вступила в новую фазу, когда военное счастье покидает прославленные армии французского «короля-солнца». Они терпят неудачу за неудачей. Поражения при Рамийи в Испанских Нидерландах в мае 1706 года, затем под Турином в Италии в сентябре вынуждают Людовика XIV все настойчивее домогаться заключения мира. Французская дипломатия пыталась использовать различия в целях войны и противоречия между Англией и Голландией. Последняя проявляла меньше склонности к продолжению дорогостоящей войны. Однако Франции были предъявлены такие драконовские условия мира, что Людовик XIV предпочел продолжение войны, тем более что именно в это время зародились надежды на возможность вступления в войну Швеции на стороне Франции. Эти надежды были вызваны проявлениями враждебности Карла XII по отношению к австрийскому императору. В Вене давно уже опасались, что Швеция может в соответствии с традицией и опытом Тридцатилетней войны вновь стать союзником Франции. Теперь, когда шведские войска стояли в Саксонии, совсем близко от Австрии, ее положение оказалось крайне уязвимым. Основные силы австрийской армии действовали на Рейне и в Италии, все больше войск отвлекало венгерское восстание во главе с Ракоци, которого поддерживали французы. Вена была совершенно беззащитной и казалась соблазнительно легкой добычей.

К тому же между шведским королем и императором вспыхивает конфликт на религиозной почве. Протестантская Швеция по традиции выступала защитником единоверцев в германских государствах против религиозных преследований католического императора. В Силезии у них отбирали церкви, и они умоляли Карла XII о защите. Он охотно оказал им помощь и под угрозой применения военных сил потребовал возвращения церквей и прекращения всякой религиозной дискриминации. Император Иосиф поспешил выполнить все требования Карла вплоть до выдачи ему одного из австрийских министров, осмелившегося осуждать шведского короля. Он даже с горечью говорил, что, на его счастье, шведский король не потребовал от него, чтобы он сам стал лютеранином. Такое положение не могло не породить в Версале надежд на привлечение Швеции в свой лагерь. Французский посланник Жан-Виктор де Базенваль развил усиленную активность с целью подтолкнуть Карла против Австрии. В столицах стран Великого союза возникла настоящая паника, и по всей Европе циркулировали слухи о неминуемом вступлении Швеции в войну на стороне Франции.

В двух странах особенно пристально следили за поведением Карла XII и с напряженным вниманием относились к тому, что происходило в Альтранштадте. Крайне встревожен был Лондон. Ведь если Австрия будет вынуждена перебросить свои войска против Карла, то Англия останется в войне одна, а своей сухопутной армии у нее фактически не было; да и вообще она привыкла воевать чужими руками. Правда, у англичан был выдающийся полководец Джон Черчилль, герцог Мальборо, который в тот момент оказался действительным главой антифранцузской коалиции, поскольку королева Анна ему безропотно подчинялась. Но именно герцог особенно сильно беспокоился и соперничал с Веней в подобострастии перед Карлом. Он так однажды наставлял своих голландских союзников: «Когда бы Штаты или Англия ни писали королю Швеции, необходимо, чтобы в письме не было угрозы, так как король Швеции обладает очень своеобразным чувством юмора». Но зато Петр радовался каждому известию о том, что Карл пока не собирается возвращаться в Польшу и вот-вот вторгнется в империю. «Дай, боже, чтобы это было правдой»,— писал он Апраксину. Такой поворот событий создал бы для России исключительно благоприятные возможности. Она бы получила передышку и смогла лучше подготовиться к неизбежной, решающей схватке с Карлом. Возникла также перспектива приобретения нового союзника взамен потерянного Августа II. Им могла стать Англия, которая, оставшись в одиночестве, остро нуждалась бы в помощи крупной армии. Когда поступили сведения, что Карл, возможно, попытается навязать Англии

такой невыгодный мир с Францией, по которому она ничего не получила бы от войны, Петр специально поручил Шафирову постараться выяснить, как поступит Англия, подчинится ему или предпочтет вступить против него в борьбу в союзе с Россией?

В этих условиях Петр принимает решение провести широкую дипломатическую операцию, с тем чтобы использовать сложившуюся обстановку. Активизируются попытки добиться посредничества западных держав для заключения мира с Швецией. Идея посредничества уже усиленно использовалась русской дипломатией и раньше, с самого начала Северной войны, с целью изоляции Швеции и укрепления международного влияния России. В этом смысле она была плодотворной, хотя прямой цели — активного посредничества в заключении мира на приемлемых для России условиях — достичь не удалось. Но сейчас появились признаки, что просьба о посредничестве может встретить поддержку, хотя до конца и серьезно Петр никогда не верил в эту идею и в деле достижения мира убежденно полагался главным образом на силу оружия.

Во всяком случае в начале 1707 года появились такие возможности, упускать которые не следовало. Даже в случае неудачи, то есть отказа в посредничестве, переговоры по этому вопросу были бы крайне полезны. Если Карл XII все равно пойдет в Россию, то русские просьбы о мире будут истолкованы им как проявление слабости русских. А это поощрит и без того невероятную самоуверенность, легкомыслие Карла, который и не задумается о необходимости серьезной подготовки к походу на Россию. Кроме того, переговоры о посредничестве послужат дипломатической маскировкой интенсивной, опирающейся на Жолковский план подготовки к войне с Карлом, которая не прерывалась ни на минуту и осуществлялась, независимо от хода дипломатических переговоров; шансы на их успех Петр не переоценивал.

Политику ориентации на посредничество с целью заключения мира на новом этапе решено было предпринять путем обращения к Англии. В начале 1705 года в России появился постоянный английский чрезвычайный посланник — видный дипломат Чарльз Витворт, который до этого был резидентом в Вене. Вскоре после его приезда, в марте 1705 года, на переговорах с Ф. А. Головиным ему задали вопрос о посредничестве, но английский представитель занял тогда уклончивую позицию, ссылаясь на то, что король Швеции не имеет никакой склонности к миру. Вскоре выяснилось, что Англия явно заинтересована в продолжении войны России и Швеции. Однако после Альтранштадтского мира, когда возникла опасность нападения Карла XII на Австрию, создалось новое положение, о котором уже шла речь. В этих условиях Петр принимает решение направить в Лондон посла в Гааге А. А. Матвеева. Царь с полным основанием считал Англию наиболее влиятельной державой среди всех участников Великого союза («Понеже сие место ныне принципиальное в мочи у всего аллирта»).

В мае 1707 года Матвеев отправился в Лондон, где русского представителя встретили, как он писал, «не по примеру других послов». Ему оказывали исключительные знаки внимания. Герцог Мальборо предоставил Матвееву для поездки свою яхту «Перегрин». Правда, при этом он, предварительно выведав намерения Матвеева, дал знать в Лондон, чтобы там не спешили с удовлетворением требований России. Ход переговоров вообще оказался как бы зеркальным отражением событий в Альтранштадте. По мере того как опасность перехода Карла XII на сторону Франции и его нападения на Австрию ослабевала, менялось и отношение к русскому послу в Лондоне. Еще до начала русско-английских переговоров английская дипломатия делала все возможное, чтобы предотвратить опасность участия Швеции в войне за испанское наследство на стороне Франции. В Альтранштадт на поклон к Карлу XII отправился сам прославленный английский полководец. Он заявил шведскому королю: «Я вручаю вашему величеству письмо не от кабинета, а от самой королевы, моей госпожи, написанное ее собственной рукой. Если бы не ее пол, она переправилась бы через море, чтобы увидеть монарха, которым восхищается весь мир. Я в этом отношении счастливее моей королевы, и я хотел бы иметь возможность прослужить несколько кампаний под командованием такого

великого полководца, как ваше величество, чтобы получить возможность изучить то, что мне еще нужно узнать в военном искусстве».

Мальборо имел в запасе кое-что посущественнее подобных комплиментов. В Лондоне его снабдили большой суммой денег для раздачи шведским министрам и генералам, чтобы они отговорили короля от враждебных замыслов в отношении Австрии. Впрочем, уже из бесед с ними Мальборо понял, что особых оснований для беспокойства нет. К тому же на столе у Карла XII была разложена карта Московии. Во всяком случае некоторые историки утверждают, будто бы герцог решил деньги, предназначенные для взяток, оставить себе, что было вполне в его стиле. Все же окончательной уверенности в отношении намерений Карла XII не было. Поэтому визит русского посла в Лондон оказался как нельзя более кстати. Он давал возможность показать Карлу, что в случае враждебных действий против стран Великого союза ему придется воевать на два фронта, ибо русский царь очень хочет стать участником этого союза.

Тем более, что так оно и было. Матвееву поручили просить посредничества Англии в переговорах о мире России с Карлом XII при условии сохранения за ней Петербурга и прилегающей к нему местности. Ради этого Россия готова вступить в Великий союз и уже сейчас может выделить 12 — 15 тысяч солдат в его распоряжение. После заключения мира их число будет доведено до 30 тысяч. Если Швеция не проявит склонности к миру, то Англия может принудить ее к этому под угрозой применить против нее флот. Чтобы добиться принятия своих требований, Матвеев мог использовать сильную заинтересованность Англии в торговле с Россией. Поскольку в Москве уже знали о тревоге по поводу возможного появления на Балтике русского флота, Матвеев должен был успокоить эти опасения обещанием царя не заводить большого военного флота.

В распоряжении русского посла были самые сильные средства дипломатического воздействия — обещания денег высокопоставленным английским деятелям, особенно «дуку Малбургу». Ему можно было предлагать за содействие в деле заключения мира с Карлом до 200 тысяч ефимков. Еще раньше русский представитель в Вене барон Гюйсен обнаружил намерение герцога содействовать русским замыслам в том случае, если ему будет дано княжество в России. Петр распорядился обещать ему любое из трех, какое захочет: Киевское, Владимирское или Сибирское, — и гарантировать, что каждый год он будет от этого иметь доход по 50 тысяч ефимков. Он получит также камень-рубин необычайных размеров и орден Андрея Первозванного.

Однако не пришлось «дуку Мальбургу» стать русским владетельным князем. В Лондоне решили, что 30 тысяч русских солдат в случае вступления России в Великий союз никак не уравновесят шведскую армию на стороне Франции, что соотношение сил окажется гораздо более благоприятным, если Карл вообще отвлечется от западных дел и пойдет завоевывать Россию. Последний вариант больше привлекал Англию.

Вопрос заключался только в том, чтобы Карл XII ясно и определенно принял окончательное решение. А до этого времени в Лондоне Матвееву морочили голову бесконечными затяжками и изысканной любезностью. 21 мая 1707 года он вручил русские предложения, но только 23 ноября получил, наконец, официальный ответ. Королева приветствовала вступление России в Великий союз при условии предварительного согласия Голландии и Австрии. О посредничестве с целью мира — ни слова. Не дали ответа и на другие предложения России. Как ни настойчив был Матвеев, его английские партнеры искусно отделялись недомолвками, обещаниями, оттяжками. В конце концов посол пришел к заключению: «Здесьнее министерство в тонкостях и пронырствах субтельнее самих французов, от слов гладких и бесплодных проходит одна трата времени для нас».

Наконец, в начале 1708 года, когда Англия признала в угоду Карлу XII Станислава Лещинского польским королем и гарантировала Альтранштадтский договор, стало ясно, что дальнейшее пребывание русского посла в Лондоне не имеет смысла. В это время армия Карла XII уже вторглась в пределы России. В Англии были уверены в его близкой

победе. Английский посланник в России Витворт в своих донесениях часто употребляет выражение «бедный русский царь»...

Так и не добившись в Англии никакого успеха, Матвеев собирается уезжать. Осталось только получить отпускную грамоту королевы. 21 июля 1708 года происходит нечто неслыханное: карету посла останавливают, его самого начинают избивать, а затем заключают в долговую тюрьму под предлогом невыплаченного им долга в 50 фунтов. Правда, вмешательство возмущенных дипломатов других стран и помощь друзей позволили в ту же ночь Матвееву выйти из тюрьмы. Но инцидент не был исчерпан: совершено грубейшее нарушение международного права, нанесено оскорбление тому, кого представлял Матвеев,— царю Петру. Вся эта позорная для Англии история кончилась в конце концов извинениями королевы, наказанием виновных и т. п. Была ли она сознательно инспирирована английскими властями или произошла случайно в атмосфере антирусских настроений — все это существенного значения не имело. Несомненно другое: она символически отразила уровень внешней политики сильнейшей державы мира, крайнюю недалковидность, ограниченность ее руководителей. Конечно, в ходе миссии Матвеева со стороны России были допущены определенные ошибки в смысле переоценки возможностей достижения соглашений, проявлена характерная для русских дипломатов того времени наивная непосредственность. Но это были тактические ошибки. Что касается Англии, то она, вернее, стоявшее у власти окружение королевы Анны во главе с герцогом Мальборо, в отношении России допустила ошибку стратегического характера, списывая со счета страну, которая вскоре станет единственной державой мира, способной соперничать с сильнейшей тогда западноевропейской страной — самой Англией.

Посредничества и мира русские дипломаты пытались добиться в это время и в других странах Великого союза. Но там дело даже не доходило до конкретных переговоров, как это было в Англии. В Вене, где императорское правительство особенно сильно испугалось шведского вторжения, естественно, не было никакой надежды на успех. Пруссия, король которой не переставал твердить о своей дружбе к Петру, делала все, чтобы угодить шведам. Несколько больше реализма и самостоятельности проявили в Голландии. Хотя там тоже не пошли навстречу русским пожеланиям, Голландия все же оказалась единственной страной Великого союза, не признавшей короля Станислава Лещинского: сыграли роль обширные торговые интересы Голландии в России.

Предпринимается попытка восстановить прежние союзнические отношения с Данией и побудить ее вступить в войну против Швеции. Ей предлагают за это в будущем владение Дерптом и Нарвой. Но и здесь царил страх перед Карлом.

В 1707 году неофициального посла князя В. И. Куракина направляют в Рим, к папе римскому. Не страдая религиозной нетерпимостью, Петр, в отличие от своих предшественников, предоставил кое-какие возможности для католиков в России. В Москве разрешалось исповедовать католическую веру, построить собор и т. п. Князь Куракин, напомнив об этом, просил папу не признавать Станислава Лещинского как ставленника врага Римской церкви, протестантского короля Швеции. В ответ было туманно заявлено, что Рим не будет признавать Станислава до тех пор, пока вся Речь Посполитая не признает его.

Наконец, вспомнили о Франции, стране, которая была больше всех заинтересована, чтобы Карл освободился от войны на востоке. Раз антифранцузская коалиция ни в чем не хочет поддерживать Россию, то почему бы не обратиться к ее врагу, тем более что Людовик XIV в 1703 году через своего специального посланника Балюза предлагал мирное посредничество? Весной 1707 года сразу по нескольким каналам передается просьба к французскому королю о посредничестве. Условия, на которых царь согласен заключить мир, были те же: Россия готова уступить все, кроме Петербурга и его окрестностей. Французский посол Базенваль в Альтранштадте обратился к Карлу с соответствующим запросом.

Шведский король надменно ответил, что согласится на мир только тогда, когда царь вернет все завоеванное без всякого исключения и возместит военные издержки. Карл сказал, что он скорее пожертвует последним жителем своего государства, чем оставит Петербург в царских руках. Когда ему напомнили, что Россия готова выплатить денежную компенсацию за крохотную территорию на Балтике, Карл ответил, что он не продает своих балтийских подданных за русские деньги. Король, чувствуя себя на вершине военной славы, не проявлял никакой заинтересованности в мире и считал унижением любые мирные переговоры.

Характерно, что непримиримую позицию шведского короля современники легко понимали и считали совершенно естественной. Напротив, их озадачивала позиция Петра, готового вести страшную войну из-за одного Петербурга. Направляя своих дипломатов для ведения переговоров с целью мирного посредничества, Петр категорически подчеркивал, чтобы они и «в мыслях не имели» при этом возвращение Петербурга шведам. А ведь Петербург был тогда лишь небольшим скоплением деревянных домов на болотах с земляной крепостью и примитивной верфью. Правда, царь называл это селение «парадизом», то есть раем, из-за которого он готовился вступить в схватку с непобедимым полководцем! Такое поведение Петра, казавшееся непонятным и загадочным, уже вскоре будет для всех мудрым, замечательно смелым и успешным замыслом. По загадкой до сих пор остается другое: почему Петр, зная о непреклонно отрицательном отношении Карла XII к мирным переговорам на условии сохранения за Россией устья Невы, предпринимал разнообразные и терпеливые дипломатические усилия, чтобы добиться мирного посредничества?

Возможно, что дело объясняется личными качествами Петра. Хотя все его царствование было почти непрерывной войной, он искренне предпочитал ей мир. Как пишет французский историк Роже Порталь, «Петр Великий был воинственным по долгу, но миролюбивым по темпераменту». Готовясь к смертельной схватке с сильнейшей армией, возглавляемой самым знаменитым тогда полководцем, Петр стремился предварительно использовать любую, даже самую сомнительную возможность заключения мира. Однако почему же тогда царь не попытался перед началом Северной войны, инициатором которой он был, добиться возвращения старых русских земель на Балтике с помощью переговоров, выкупа, обмена и т. п.?

Некоторые зарубежные историки предполагают, что Петр, отдавая себе отчет в том, какое тяжелое испытание предстоит России, что исход этого испытания предсказать невозможно, что нельзя исключить и вероятность катастрофы, как бы готовил себе алиби. Пусть история и бог, в которого он верил, засвидетельствуют, что было сделано все возможное, что не упущено ничего, что не пожалели усилий для мирного решения жизненно неотложной проблемы России — для приобретения выхода к морю.

Ближе к истине все же, видимо, более рационалистическое объяснение. Целенаправленные усилия русской дипломатии были частично продуманной, запланированной, а частично интуитивно найденной Петром линией, дававшей максимально возможный эффект в деле внешнеполитической изоляции Швеции. Предпосылки для такой изоляции создавала война за испанское наследство. Союзники Карла XII, а ими были сильнейшие государства — Англия и Франция, фактически не выполняли своих обязательств, ограничиваясь временной поддержкой. Необычайное политическое возвышение Карла XII после Альтранштадтского мира создало ему ореол непобедимости. Но это не дало ему реальных союзников, даже напугало многих, особенно в Германии. Все хотели, чтобы свои завоевательные тенденции он обратил куда-нибудь подальше от Европы. Россия в этом отношении казалась очень подходящим объектом. Чем могущественнее выглядел шведским король, тем меньше шансов у него было на приобретение союзников, ибо его мощь в конце концов могла обратиться и против самих западноевропейских стран. К тому же в своей самонадеянности Карл серьезно пока и не искал союзников для войны с Россией, которая представлялась ему заранее

побежденной. И в этих условиях мирная кампания русской дипломатии содействовала закреплению и усилению изоляции Швеции, поскольку ее повсюду истолковывали в качестве проявления слабости России, в борьбе с которой Карл, казалось, не нуждался в помощи.

Деятельность русской дипломатии в период между Альтранштадтским миром и вторжением Карла XII в Россию может служить классическим примером стратегии косвенных, или непрямых, действий, которые во все времена давали наибольший эффект. Официальная цель дипломатических усилий России в это время заключалась в поисках мира с Швецией, даже ценой уступок. Однако в уступках Россия не заходила столь уж далеко. Главное — отказ от завоеванного побережья Финского залива — категорически исключалось Петром. А поскольку это было совершенно неприемлемо для шведского короля, официальная дипломатическая цель и не могла быть достигнута. Зато одновременно решалась действительная, реальная, практическая задача — изоляция Швеции. Она достигалась не прямым, а косвенным путем, что и является высоким дипломатическим искусством. Петр показал, что он прекрасно владеет этим искусством.

Таким образом, несмотря на формальный провал некоторых дипломатических мероприятий, например миссии А. А. Матвеева в Лондоне, международное положение России нельзя считать столь плачевным, как это представлялось тем, кто был очарован тогда феерической славой Карла XII, снисходительно выслушивавшего комплименты иностранных правительств вроде приведенного выше панегирика герцога Мальборо. До сих пор многие историки придерживаются мнения, что положение России было «крайне тяжелым». Легким и простым оно действительно не являлось. Однако уже в те смутные времена все же находились внимательные люди, видевшие реальную перспективу событий. Тот же герцог Мальборо, будучи в Альтранштадте, не упустил возможности изучить состояние шведской армии. От опытного взгляда полководца не укрылись, например, слишком незначительное количество артиллерии, отсутствие госпитальной службы и т. п. Он услышал также от шведских офицеров, что, по их мнению, предстоящая кампания в России будет делом сложным и продлится не меньше двух лет. Правда, их король думал иначе, и его тревожила только мысль о том, чтобы войска Петра не «ускользнули» от него.

Некоторые русские дипломаты в своих донесениях также давали Петру объективную картину. В этом отношении характерна информация, которая шла от русского посла в Вене барона Генриха Гюйсена (он находился на этом посту с лета 1705 по март 1708 года). Кстати, это был один из немногих иностранцев, честно послуживших России на дипломатической службе, хотя из-за злосчастного царевича Алексея его карьера закончилась и не совсем удачно. Он писал из Вены в сентябре 1707 года, что шведы идут в Россию «нехотя и сами говорят, что почти совсем отвыкли от войны после продолжительного покоя и роскошного житья в Саксонии. Поэтому некоторые предсказывают победу Петру, если вступит с Карлом в битву».

Любопытно также относящееся к этому же времени мнение французского посла Пазенваля, который считал, что «кампания против России будет трудной и опасной, ибо шведы научили московитов военному искусству и те стали грозным противником; к тому же невозможно сокрушить такую обширную могущественную страну».

Но главное, что вселяло веру в будущность России, было настроение самого Петра. Он, конечно, непрерывно волновался по разным поводам, высказывал тревогу, сомнения, испытывал гнев и ненависть: такая уж это была бурная натура. Но он ни на минуту не сомневался, например, что завоеванное им балтийское побережье, особенно «райский» Петербург, основанный на земле, юридически являвшейся тогда шведской, навсегда будет принадлежать России. И он уверенно бросал огромные людские и материальные ресурсы на строительство своего «парадиза», невзирая ни на какие опасности международного положения России. Такая целеустремленная энергия Петра значила неизмеримо больше,

чем легкомысленное заявление Карла XII о Петербурге: «Пусть строит, все равно это будет наше...»

Конечно, были у Петра свои слабые, вернее, больные места. Во внешних делах — Турция, во внутренних — новые народные восстания.

В Стамбуле по-прежнему сидел послом хитрейший и умнейший П. А. Толстой. После тревог 1704 года, последовавших за приходом к власти нового султана Ахмеда III, положение здесь стабилизировалось. «О начатии турками войны в какую-нибудь сторону вовсе не слышится... Нынешний везир никакого дела сделать не умеет, ни великого ниже малого, и потому я теперь сижу без дела». Однако забот у посла хватало, и он жаловался на трудности поддержания связи с верными греками, а особенно на недостаток денег. «Ныне известно единому богу, в какой живу нужде,— писал Толстой,— из соболей, присланных мне в годовое жалованье, до сего времени не продал ни одного и впредь их скоро продать не надеюсь». Оказывается, в Турции запретили носить соболя всем, кроме султана и везира. Поэтому посол просил присылать жалование деньгами. В начале 1706 года Толстой слезно умолял Ф. А. Головина освободить его от тяжелой службы в Константинополе. Узнав об этом, Петр решил ободрить посла собственноручным письмом и попросить из-за важности его миссии потерпеть: «Господин амбасадер! Письмо ваше мы благополучно приняли, на которое и о иных делах писал к вам пространнее господин адмирал. Что же о самой вашей персоне, чтоб вас переменить, и то исполнено будет впредь; ныне же для бога не поскучь еще некоторое время быть, большая нужда там вам побыть, которых ваших трудов господь бог не забудет, и мы никогда не оставим».

Царское письмо обрадовало посла, и он написал Головину, что отныне и думать об отказе от своей тяжелой службы не будет, «хотя бы и до конца жизни моей быть мне в сих трудах». Обстановка в Стамбуле действительно нередко доставляла русскому послу неприятности. Например, много затруднений вызывали крайне частые смены великих везиров, то есть глав правительств. Сообщая о смене уже упомянутого некомпетентного везира другим, более сообразительным, Толстой писал: «Воистину зело убыточны частые их перемены, понеже всякому везиру и кегае его (помощнику.— Авт.) посылаю дары немалые, и проходят оные напрасно, а не посылать невозможно, понеже такой есть обычай, и так чинят все прочие послы».

Решение главной задачи — поддержания любой ценой состояния мира с Турцией, чтобы избежать войны на два фронта — требовало постоянных напряженных усилий русского представителя. Ему приходилось действовать в обстановке противоречивых политических тенденций султанского двора, интриг продажного султанского окружения, происков ярых ненавистников России, тайных и явных маневров иностранных дипломатов. П. А. Толстой с его изощренным умом довольно циничного склада, как нельзя более удачно подходил для такой беспокойной жизни. Но и ему приходилось туго.

Постоянным противником Толстого был французский посол в Стамбуле барон Шарль де Ферриоль. Давние союзнические отношения Франции с Турцией, обширные экономические связи двух стран предопределяли его роль, которая была столь значительна, что турки даже прозвали Ферриоля «вице-султаном». Французская политика в Турции определялась участием Франции в войне за испанское наследство. Желанным союзником для нее была Швеция, отвлеченная Северной войной против России. Поскольку прекратить эту войну оказалось невозможно, Франция помогала Карлу XII побыстрее закончить ее победой над Россией. Этому, естественно, способствовала бы одновременная война Турции против России. Франция всеми силами пытается внушить туркам необходимость такой войны, используя миф о русской опасности. Так, в марте 1706 года французский посол вручил меморандум своего правительства, в котором говорилось: «Все толкает царя на войну с Турцией: настроение у греков и валахов и его чрезвычайная амбициозность. Поэтому надо опередить царя и напасть на него, пока он не может справиться со Швецией».

Вопреки явной заинтересованности России в мире с Турцией французский посол пытается настойчиво вызвать страх перед русской угрозой, доказывая необходимость превентивной войны против северного соседа. В начале 1707 года Толстому удалось познакомиться с содержанием многочисленных писем Ферриоля высокопоставленным туркам, в которых обосновывалась целесообразность войны с русскими. Естественно, что Толстому приходилось вести постоянную «контрпропаганду», доказывая мирные намерения России. В этой напряженной дуэли двух послов решающую роль играли, впрочем, не аргументы, а деньги и другие подарки. Например, в 1707 году султан созвал очередной совет по вопросу о том, воевать ли с Россией или сохранять мир. Осторожность взяла верх, и Толстой с удовольствием сообщал, что подарки французского посла пропали даром, а ему это обошлось лишь в несколько шкурок горностая и четыре пары соболей. Но иногда русские и французские интересы совпадали, и Толстой стремился это использовать. Так было, в частности, с попытками французского посла побудить Турцию вмешаться в антиавстрийское восстание в Венгрии на стороне венгров, чтобы заставить императора ослабить свои войска, действовавшие против Франции. Правда, эти усилия французской дипломатии успеха не имели. Рассеялись также надежды Толстого на то, что удастся отвлечь Турцию войной против Австрии. Если французский посол препятствовал Толстому в решении его основной задачи, то английский посол в Стамбуле Саттон и посол Голландии Кольер, напротив, помогали ему сдерживать Османскую империю от нападения на Россию. Морские державы, опасаясь вступления Карла XII в испанскую войну на стороне Франции, стремились отвлечь его войной с Россией. Однако в их интересы не входило быстрое окончание этой войны в результате победы Швеции. Ведь после этого Карл снова мог вернуться в Европу. Англия и Голландия боялись, что вступление Турции в войну ускорит победу Швеции. Они хотели, чтобы Швеция и Россия подольше воевали друг с другом до взаимного истощения. Поэтому Саттон и Кольер помогали русскому послу в умиротворении султанского правительства.

Но важнее всего было предотвратить союз Турции и Швеции против России. Первые связи шведов с турками устанавливаются уже вскоре после начала Северной войны. В 1702 году крымский хан получил письмо шведского короля, склонявшего его к войне против русских. Шведы используют также поляков и запорожских казаков для установления контактов с Турцией. Затем в этом же направлении действует Станислав Лещинский. В 1707 году в Турции появляются его представители. Султан Ахмед III устанавливает с ними отношения, направляет дружественные послания Лещинскому и самому Карлу XII. В 1708 году в Стамбуле все больше усиливаются антирусские настроения. Крымским ханом султан назначает Девлет-Гирея, яростного поборника войны против России. Согласно донесению австрийского посла в Стамбуле, он принял ханство только при условии, что султан осуществит против Москвы такие меры, благодаря которым московиты, закрепившиеся близко от Крыма и построившие здесь свои крепости, будут удалены из них. П. А. Толстой шлет тревожные донесения в Москву, где тоже понимают растущую опасность с юга. В декабре 1708 года Г. И. Головкин писал Толстому, что необходимо действовать, «дабы Порту до зачинания войны не допустить (також бы и татарам позволения на то не давали), не жалея никаких иждивений, хотя бы превеликие оные были».

Что касается «иждивений», то, к сожалению, нет точных данных о том, сколько денег пришлось пустить в ход П. А. Толстому для удержания Турции от войны. Правда, называют приблизительные цифры. Турецкий везир Хасан, которому специально поручили следить за русским послом на протяжении нескольких лет, утверждал, что Толстой ради продления мира «роздал в различных местах около 3000 кошелей, или полтора миллиона талеров». Однако эта сумма представляется явно преувеличенной, хотя, несомненно, мир с Турцией России обошелся недешево.

Политика Турции в конечном счете определялась все же не «иждивением», а реальным соотношением сил России, Швеции и самой Турции. На нее воздействует

главным образом ход военных действий в России. В совершенно непредсказуемом поведении турок ясно обнаруживается закономерность: за успехами шведов следует активизация воинствующих кругов, особенно, крымского хана. Напротив, известия о поражениях шведов вызывают проявления миролюбия. Во всяком случае за полгода до Полтавы берет верх неблагоприятная для России тенденция. В конце 1708 года турецкое правительство приступает к обширным военным приготовлениям: строятся новые корабли, заготавливаются артиллерия и боеприпасы, крымский хан получает указ о подготовке к войне. Крымские татары собирались выступить совместно с запорожцами во главе с кошевым Гордиенко. Воинственные намерения усиливались преувеличенными данными о числе тех, кто пошел за изменником Мазепой. Разгром русскими войсками Запорожской сечи весной 1709 года охладил воинственный пыл.

Каждое событие в России отражалось на поведении Турции. Весной 1709 года Петр едет в Воронеж и Азов, и в Турции сразу распространяются слухи об угрозе со стороны русского флота. Султан собирает военный совет, на котором обсуждается вопрос о намерении крымских татар воевать с русскими. По донесению Толстого, ему удалось повлиять на турок, чтобы запретить намеченные действия, «с великим труда иждивением и с немалою дачею». Великого везира убедили, что русский царь прибыл в Азов «ни для чего иного, разве ради гуляния», ибо «царское величество имеет нрав такой, что в одном месте всегда быть не изволит». Поездка Петра была не военной, а мирной демонстрацией. Он прибыл в Азов всего с двумя небольшими кораблями, а в самом Азове, осмотрев стоявшие там уже подгнившие корабли, приказал их не ремонтировать, а разобрать, что и было сделано в присутствии турецкого представителя.

Между тем Карл XII, еще недавно считавший, что и без всяких союзников он легко разделается с Россией, встретившись с внезапными для него трудностями похода, стал думать иначе. В конце марта 1709 года он начал переговоры с гурками о том, чтобы в Стамбул отправился шведский посол с целью заключения дружественного союза. Он стремился также ускорить выступление крымского хана против русских. Однако шведы столкнулись с неожиданным препятствием. Турки вдруг стали проявлять осторожность, опасаясь, что Карл заключит мир с Россией, и им придется иметь с ней дело в одиночестве. Разгадка же столь непонятного поведения турок заключалась в ловком дипломатическом маневре русских. Он был основан на использовании действительного факта переговоров со шведами об обмене пленными и о мире, проходивших в мае 1709 года. Практических последствий они не имели, но сам факт переговоров дал основание Головкину поручить П. А. Толстому сообщить туркам, что король шведский «гордость свою оставляет и уже явную склонность к миру являет». В результате в переговорах с Карлом Турция занимает сдержанную позицию. Более того, крымский хан уже выступил в поход к Полтаве, но приказ султана остановил его. Таким образом, несмотря на враждебное по своему существу отношение Турции к России, в решающий момент Северной войны она сохранила выжидательную, осторожную позицию. Заслуга русской дипломатии в этом деле несомненна.

В целом внешние дела России накануне Полтавы не внушали серьезных опасений. Европа, занятая испанской войной и уверенная в непобедимости Карла XII, была практически нейтрализована. Усилия русской дипломатии в поисках посредничества для заключения мира только укрепляли такое благоприятное положение. Наиболее неприятных сюрпризов можно было опасаться со стороны Турции. Но и их удалось в конечном итоге избежать. Тем досаднее для Петра оказались непредвиденные внутренние трудности.

Спустя полтора года после восстания в Астрахани началось восстание во главе с К. А. Булавиным на Дону. Собственно, ничего непредвиденного в этом не было. Россия не избежала действия общей закономерности, когда внешние войны, вызывая усиление социальных тягот, становятся катализатором обострения классовых противоречий. Во Франции тяжелая война за испанское наследство ускорила восстание камизаров в 1702 —

1704 годах на юге страны, в Лангедоке, заставившее короля отозвать крупные силы с фронтов войны против стран Великого союза. Подобное случилось и в России, разумеется, во всем своеобразии социальных, этнических, культурных, религиозных и других особенностей.

Булавинское восстание вошло в историю в качестве специфически казачьего. Казаки играли ведущую роль в движении, оно вспыхнуло на казачьих землях. Само возникновение казачества и его длительное существование служило выражением социального протеста русского народа против феодального государства. Старое казачество уже превратилось в служилое сословие Московского государства, но постоянное пополнение беглыми сохраняло его оппозиционный, антигосударственный дух, приверженность к своим «вольностям». Петровские преобразования и резкая активизация внешней политики России не могли происходить без усиления различных тягот для русского населения. Оно отвечало самой массовой и самой опасной для государства формой протеста — побегами в южные, дикие степи. Бежали крепостные крестьяне, рекруты, солдаты, мобилизованные на строительство каналов, крепостей, Петербурга. Поимка и возвращение беглых давно стала насущной заботой государства. Петр повел это дело с присущей ему энергией и размахом, решительно посягнув на основное неписаное право казачества: с Дона беглых не выдавать.

В октябре 1707 года двести казаков во главе с атаманом Булавиным напали на отряд гвардии под командой князя Ю. В. Долгорукого, занимавшегося поимкой беглых. Отряд полностью уничтожили, включая самого князя. Атаман на этом не успокоился, ибо его атака была не случайностью. Призывы и «прелестные письма» Булавина упали на хорошо подготовленную почву широкого недовольства. В отличие от астраханских событий, мотив борьбы «за старину» здесь звучал не так сильно: ведь казаков не лишали бороды или русского платья. Тем не менее восставшие требовали «старых» порядков; среди них было немало раскольников. Вожаки движения рассчитывали, что, пока царская армия воюет против шведов (эта мысль отразилась в документах), им удастся тем временем отстоять и закрепить казачьи вольности.

Политическая программа сводилась к введению казачьего самоуправления. Стихийно она предопределялась классовым составом основной массы восставших, состоявшей из наиболее обездоленных и обиженных. Характерно, что верхушка богатого казачества не поддержала Булавина. За полтора года восстание прошло сложный путь успехов и поражений, хорошо изученный и освещенный в исторической литературе. В некоторых исследованиях отмечается его перерастание в крестьянскую войну. В данном случае мы ведем речь лишь о его внешнеполитической роли.

Масштабы восстания, распространившегося на огромную территорию и затронувшего десятки тысяч людей, не могли не сказаться на ходе войны. Для его подавления пришлось послать боевые полки армии, объявить мобилизацию дворянского ополчения. На борьбу с булавинцами потребовалось бросить свыше 30 тысяч человек. Сам Петр, крайне обеспокоенный событиями в тылу, совершенно серьезно собирался ехать на Дон, ибо казачье выступление, по его мнению, явилось ударом в спину русской армии более тяжелым, чем неудача в крупном сражении. Весть о восстании распространилась через посредство множества иностранцев, находившихся в России, по всей Европе и, что было особенно опасно, быстро дошла до Турции, не говоря уже о Крыме, и без того рвавшемся воевать с русскими. В то время когда Петр приказал тщательно готовить Азов к отражению возможного турецкого нападения, он подвергся атаке и штурму с тыла, со стороны Булавина. И хотя штурм был отбит, возникла опасность объединения внешних, турецких и крымских, враждебных сил с казаками, тем более что Булавин, прекрасно разбираясь в сложившейся трудной внешнеполитической ситуации России, сознательно стремился использовать эту ситуацию для «устроения» государственной независимости донского казачества. С этой целью он вступил в переговоры с калмыками, ногайцами и, что особенно важно, с Крымом и Турцией. В

письме к Гусейн-паше он писал, что «если государь их не пожалует против прежнего, то они от него отложатся и станут служить султану, и пусть султан государю не верит, что мир; государь и за мирным состоянием многие земли разорил, также и на султана корабли и всякий воинский снаряд готовит».

Подобного рода предостережения направлялись туркам, когда русский посол в Стамбуле П. А. Толстой прилагал отчаянные усилия, чтобы убедить султанское правительство в мирных намерениях России, что, кстати, соответствовало действительности. Сепаратистские тенденции среди руководителей булавинского восстания, в отличие от деятельности Гордиенко в Запорожской сечи или Мазепы на Левобережной Украине, серьезных последствий не имели. Восстание потерпело поражение из-за внутренних распрей среди казачества и под ударами русской армии. Только атаман Некрасов с двумя тысячами казаков ушел в турецкие земли.

Одновременно с булавинским движением на Дону происходило восстание башкир. В состав России Башкирия вошла еще в середине XVI века не в результате завоевания, а путем добровольного присоединения. Она сохранила при этом внутреннюю автономию, свои родо-племенные порядки и мусульманскую веру. Долгое время связи башкирского населения с русской администрацией были эпизодическими. Дело ограничивалось выплатой «ясака» — натурального налога мехом, лошадьми, медом и т. п. Размер «ясака» на душу был меньше тягловой подати русского крестьянина. К началу XVIII века положение меняется. Вблизи Башкирии возникают русские поселения, крепости, деревни. Начинается строительство металлургических заводов на Южном Урале. Полукочеевое башкирское население пытается отстаивать свои земли, при этом возникают многочисленные конфликты. С началом Северной войны усиливается налоговый гнет. Башкирам предъявляют растущие требования в отношении поставки лошадей.

Правомерность таких претензий не признавалась башкирским населением, его феодально-племенной, религиозной верхушкой. Экономические и культурные связи с Россией оставались еще очень слабыми. Этническая и религиозная рознь преодолевалась с большим трудом. Не случайно отношения с башкирским населением входили в ведение Посольского приказа. Связи Башкирии с Россией были не прочнее ее связей с внешними странами и определялись в основном географической близостью. Языковая и религиозная общность обуславливала тяготение к мусульманским странам, особенно к Турции. Все это и сказалось, когда Россия стала требовать от башкир выполнения новых повинностей. При этом, как всегда, представители русской администрации, пользуясь отдаленностью и отсутствием контроля, допускали злоупотребления. В 1705 году особенно отличался уфимский комиссар Сергеев, который занимался сбором лошадей и поисками беглых рекрутов. Он подвергал башкир жестоким издевательствам. За это его в конце концов повесили в Казани. Однако такие действия оказались поводом для вспышки затяжного восстания. Восставшие разоряли русские поселения, уничтожали и уводили в рабство их жителей. В Казанском и Уфимском уездах сожгли и разорили 303 деревни, убили или увели в плен 12705 русских.

Борьба с башкирским восстанием оказалась особо трудным делом, ибо не существовало какой-либо единой башкирской военной или политической организации. К тому же все осложнялось тем, что башкирское мусульманское население имело постоянные связи с Турцией и Крымом. Башкирская верхушка (ханы, батыры, султаны и муллы) придерживалась в большинстве своем протурецкой ориентации.

Башкирские представители появляются в Турции и Крыму, просят помощи и покровительства, выражают желание перейти под турецкую или крымскую власть. Так, один из башкирских вожаков Алдор Исекеев направил к крымскому хану послов с просьбой прислать из Крыма хана для управления Башкирией. Подобные требования активно использовались Крымом, добивавшимся в это время в Стамбуле согласия па войну против России. Борьба с башкирским движением в тяжелые годы войны против шведского нашествия стоила огромных усилий, ослабляя Россию в момент решающей

битвы с иностранным захватчиком. Естественно, что оценка башкирского восстания не может быть односторонней. Это как раз такой случай, когда необходимо помнить указание В. И. Ленина о том, что «...марксист вполне признает законность национальных движений. Но чтобы это признание не превратилось в апологию национализма, надо, чтобы оно ограничивалось строжайше только тем, что есть прогрессивного в этих движениях...».

ПОБЕДА

Еще в 1705 году в Москве состоялась торжественная коронация «короля» Швеции: Петр, узнав об избрании Станислава Лещинского королем Польши, назначил шведским «королем» своего шута и устроил соответствующую помпезную церемонию. Это была обычная петровская шутка в духе легендарного всешутейшего собора. Своеобразное чувство юмора не покидало царя и в тяжелые годы Северной войны. В каждой шутке, как известно, всегда заключается какая-то доля правды. В данном случае эта доля оказалась весьма значительной. Коронация Станислава Лещинского действительно воспринималась большинством поляков как фарс. Что касается Карла XII, то он не раз предстал в глазах современников в роли злого и кровавого шута. Особенно во время и после Полтавы. Чего стоит хотя бы его утверждение, что Полтавское сражение — это не величайшая трагедия для Швеции, не крушение ее великодержавия, не крах грандиозных завоевательных претензий шведского короля, а всего-навсего «странный случай»...

Многие историки пишут о поразительном, уникальном легкомыслии Карла XII и приводят бесконечное количество примеров. В действительности это был безусловно талантливый, хотя и необразованный человек, сформировавшийся под воздействием сложившегося в Европе представления о короле, его власти, его правах и обязанностях. Вернее, об отсутствии у него каких-либо обязанностей. Карл XII, как и почти все его коронованные коллеги, считал, что его поступки, в отличие от поступков подданных, не подлежат никакой оценке. Короля нельзя заменить, значит все обязаны принимать его таким, каков он есть. Власть монарх получает от бога и ответственность несет только перед богом, но ни в коем случае не перед людьми. Когда эти «истины» входят в плоть и кровь человека тщеславного, то он приобретает патологически извращенное видение окружающего мира. И это естественно. Правда, бывали случаи, когда неограниченная власть в традиционном самодержавном воплощении не вела к потере способности самокритичного анализа. Петр был таким исключением из правила, но Карл им не был. Тем не менее на фоне других коронованных современников Карл XII не выглядел каким-то уродом, ибо не требовалось особых качеств, чтобы, будучи королем, прослыть мудрым и прозорливым. С точки зрения обычных критериев, применявшихся не к коронованным особам, английская королева Анна была, например, довольно неумной дамой, малообразованной, ленивой и капризной. Карл II испанский (после его смерти началась война, о которой уже много говорилось) отличался умственной и физической недоразвитостью. Он был просто полоумным старым младенцем, больше всего на свете любившим играть в бирюльки. Даже «король-солнце» Людовик XIV известен крайним невежеством. За свою долгую жизнь он научился только танцам и игре на гитаре. Он никогда не читал, со страхом подчинялся лицемерным святошам. О его эгоизме и чувственной распушенности ходили легенды. Хотя бы в этом отношении Карл XII был вне подозрений.

Всю свою одиозность фигура шведского короля приобрела из-за гигантских последствий совершенных им ошибок, и главной среди них — его решения уничтожить Россию и попытки осуществить такое решение. Оно было принято не по мгновенному капризу; Карл много думал о нем, изучая новейшую карту России, подаренную ему злополучным «союзником» Петра — Августом II. Однако, кроме этой карты, Карл не

изучал ничего. Вот как пишет академик Е. В. Тарле о роковом для шведского короля замысле: «Разрушение Русского государства, возвращение русского народа к временам не только удельных княжеств, но к временам полного политического подчинения этих удельных княжеств чужеземному игу (в данном случае не татарскому, а шведскому) — все это было несбыточной мечтой, обусловленной безграничным невежеством Карла и его соратников и единомышленников. Вычеркнуть из русской истории почти полтысячелетия, одинаково решительно, не только игнорировать историю русского народа, но и закрыть перед ним все его будущее, отбросить Россию навеки в моральную и умственную тьму безысходного политического порабощения — все это ни при каких условиях не было осуществимо, если бы даже в России уже тогда не было гораздо больше жителей, чем подданных у Карла XII, даже если бы у России не было тех природных богатств, какие у нее были, даже если бы она не догнала так быстро шведскую военную выучку и технику, как она догнала ее в действительности, даже если бы Петр не оказался гением такой величины, каким он оказался».

Карл намеревался занять Москву и здесь продиктовать условия мира. Петр будет свергнут с престола и на его трон сядет преданный королю «царь». Конкретно называлась кандидатура Якова Собесского. Псков, Новгород и весь север России станут шведским владением. Вся Украина, Смоленщина перейдут под власть польского короля Станислава Лещинского. Впрочем, в качестве его вассала на Украине будет править великий князь Мазепа. Южные земли России достанутся туркам, крымским татарам и тем другим, кто захочет принять участие в борьбе с Петром. При этом Карл XII рассчитывал получить еще поддержку русских князей, недовольных европеизацией. Подобно русским раскольникам и старому боярству, король Швеции выступал «за старину», собирался отменить все нововведения Петра, особенно ликвидировать регулярную армию. В беседе со Станиславом Лещинским Карл рассуждал о необходимости восстановления старого режима в России, об отмене всех реформ, о роспуске новой армии: «Мощь Москвы,— говорил король,— которая так высоко поднялась благодаря введению иностранной военной дисциплины, должна быть уничтожена». Подобные замыслы можно было бы назвать бредом, порожденным манией величия, если бы вся цивилизованная Европа не верила в их осуществимость. Европейские политики считали, что Карл, легко сокрушивший Данию, Польшу и Саксонию, с еще большей легкостью разгромит Россию. В новейшей американской работе Роберта Мэсси «Петр Великий» говорится, что с началом русского похода Карла и вплоть до Полтавы «государственные деятели всех стран с нетерпением ждали новостей о том, что Карл снова одержал победу и его знаменитая армия вошла в Москву, что царь низвергнут с трона и, возможно, убит в общей суматохе неопределенности. Новый царь был бы провозглашен и стал бы марионеткой, подобно Станиславу. Швеция, уже хозяйка Севера, стала бы повелительницей Востока, арбитром всего, что происходит между Эльбой и Амуром. Холопская Россия распалась бы по мере того, как шведы, поляки, казаки, турки и, возможно, татары и китайцы отрезали бы от нее солидные куски. Петербург был бы стерт с лица земли, а побережье Балтики отобрано, и пробуждающийся народ Петра остановлен в своем развитии и повернут вспять в темный мир старой Москвы».

Вот с такими намерениями шведский король Карл XII летом 1708 года двинулся на Россию. Наступала решающая фаза борьбы, весь исторический смысл которой раскроется именно в это время. Война за возвращение балтийского побережья, начатая Петром в 1700 году, не всеми понималась как жизненно важная для государства задача. Теперь же события сами собой раскрыли смысл, существо, цель тех усилий и жертв, которые потребовал Петр от своих соотечественников. Речь шла о спасении существования России. Сознательно или инстинктивно это поняли или почувствовали все те русские, которые проявили в борьбе с жестоким врагом стойкость, мужество, героизм. Открывается одна из самых славных, самых героических и самых трагических страниц истории нашей Родины...

В борьбе против шведского нашествия проявились с особой силой те замыслы и стремления, которые давно уже выражала петровская дипломатия. Стратегия, понимаемая в широком смысле как замысел войны и его реализация, дипломатия как осуществление внешней политики не только неразрывно связаны, но и составляют разные стороны, формы одного процесса борьбы. Отделить их практически невозможно. Тем более в данном случае, когда высшее руководство и войной, и дипломатией концентрировалось в руках одного человека — Петра. Кстати, все это время, включая и день самого Полтавского боя, главные русские дипломатические деятели Г. И. Головкин, П. П. Шафиров, Г. Ф. Долгорукий почти постоянно находились при армии, непосредственно в местах ее расположения.

Испытанию, проверке должна была подвергнуться прежде всего конкретная стратегия войны, разработанная Петром и закрепленная еще в Жолковском плане. Конечно, ее практическое воплощение осуществлялось в совершенно неожиданных ситуациях, планировать которые было невозможно. Кроме того, она творчески обогащалась новыми решениями и действиями. Но существо заранее принятого плана последовательно и с огромным успехом воплощалось в жизнь. Чего стоят после этого разговоры некоторых историков, например П. Н. Милюкова, что деятельность Петра — это хаос случайных порывов, что он все делал по капризу, от случая к случаю!

Стратегия русских по-прежнему сводилась к уклонению от генерального сражения, к выжиданию ошибок и промахов противника, к использованию их для нанесения ему ударов без больших усилий и жертв, к выбору момента крайнего истощения и деморализации врага, когда он будет обречен на гибель. В дополнение ко всем этим заранее принятым установкам решающее значение приобрело маневрирование войсками на огромном, поистине необъятном театре военных действий от Балтики до Черного моря. Ведь с самого начала было неясным, куда Карл направит главные силы своей армии. К счастью, сам король этого толком не представлял, стремясь лишь к Москве, до которой можно было добраться разными путями. В конечном итоге его маршрут определила русская армия, взяв инициативу в свои руки.

Карл привел за собой в Россию армию в 35 тысяч человек, и, кроме того, вскоре к нему должны были присоединиться войска генерала Левенгаупта численностью в 16 тысяч человек. Петр имел больше войск. Но у Карла была опытная, закаленная, прославленная победами армия. Петр же оказался вынужденным разделить свои войска по трем возможным направлениям движения шведов. Поэтому сразу после вторжения силы были равны. Более того, если бы Петр проявил нетерпение, не выдержал томительной неизвестности и ввязался в сражение, то победа Карла была бы вероятной. Это Петр понимал, он отдавал себе отчет в том, что на карту поставлено все. Для него война означала решение вопроса о жизни и смерти России. Для Карла она представляла собой заманчивый и легкий поход, который покроет его новой славой и обогатит Швецию огромными приобретениями. Карл был тем более спокоен, что самой Швеции ничего не угрожало, тогда как он двигался к самому сердцу России. Но это же обстоятельство диктовало Петру необходимость к раннему расчетливости и осторожности, оно обязывало его действовать только наверняка.

Однако никакая осторожность и предусмотрительность не исключает непредвиденных случайностей, особенно на войне. Так и произошло, когда 3 июля 1708 года шведы напали на корпус князя Репнина у местечка Головчино. Это был первый более или менее крупный бой после начала похода Карла XII на Россию. Правда, дело происходило пока в Белоруссии, входившей в Речь Посполитую. С русской стороны сражалось примерно 8 тысяч человек — и сражалось неудачно. Со стороны шведов боем руководил сам Карл и действовал успешно. Русские потеряли больше, чем шведы, и они отступили. Хотя о разгроме говорить не приходилось, шведы победили. Но эта победа в начале похода имела для них, как это ни странно, самое пагубное последствие. Что же еще могло так оправдать беспечную авантюру Карла, как не успех с самого начала? Что

касается русских, то они получили хороший урок. Вернее, это Петр превратил поражение под Головчином в назидательное средство не только для своих солдат, но и для генералов. Двое из них — Репнин и Чамберс — предстали перед военным судом и были разжалованы в солдаты. В отличие от известного случая с Шереметевым, когда тот, потерпев поражение, получил утешительное письмо от Петра, теперь царь сурово давал попят, что время для поражений прошло, что уже пора начать воевать всерьез, что позади — Россия. Правда, отступить было не только можно, но и нужно. Русские заманивали врага, оставляя за собой выжженную землю. Кроме травы для лошадей, шведы, привыкшие снабжаться провиантом за счет населения, ничего на своем пути не находили. Вот почему около месяца Карл стоит в Могилеве, ожидая прибытия Левенгаупта с огромным обозом, нагруженным всем необходимым для армии, которая уже голодала.

А 29 августа на шведов напали русские во главе с князем М. М. Голицыным у местечка Доброе. В этом бою, как никогда ранее, русская армия показала, что она поднялась до уровня самой подготовленной, современной регулярной армии. Петр с удовлетворением писал: «Я, как начал служить, такого огня и порядочного действия от наших солдат не слышал и не видал (дай, боже, и впредь так!) и такого еще в сей войне король шведский ни от кого сам не видал». Шведы потеряли убитыми больше двух тысяч, русские — 375 человек. Решив свою задачу, русские войска в полном порядке отступили. Это дало основание Карлу говорить об очередной «победе». Теперь таких «побед» будет все больше. При этом, в отличие от русских, шведы не имели возможности восполнить свои потери, поскольку король затащил их слишком далеко от родины. Стало ясно, что русские, избегая генерального сражения, начинают уничтожать шведскую армию по частям.

В начале сентября Карл XII неожиданно обращается к генералам с требованием дать ему совет, куда вести войска дальше. Генерал-квартирмейстер Гилленкрок говорит, что на такой вопрос нельзя ответить, ничего не зная о планах и намерениях короля. Тогда следует знаменитое заявление Карла: «У меня нет никаких намерений». Шведский король считал разгром России настолько простым делом, что даже не думал о плане такого разгрома. Шведские генералы, привыкшие только к слепому повиновению внезапным приказам короля, долго спорят. В конце концов принимается решение отказаться от прямого движения к Москве через Смоленск и Можайск и повернуть к югу, на Украину. Смысл поворота, последовавшего 14 сентября, так разъясняется в донесении посла А. А. Матвеева, писавшего из Гааги: «Из секрета здешнего шведского министра сообщено мне от друзей, что швед, усмотря осторожность царских войск и невозможность пройти к Смоленску, также по причине недостатка в провианте и кормах, принял намерение идти в Украину, во-первых, потому, что эта страна многолюдная и обильная и никаких регулярных фортеций с сильными гарнизонами не имеет; во-вторых, швед надеется в вольном казацком народе собрать много людей, которые проводят его прямыми и безопасными дорогами к Москве; в-третьих, поблизости может иметь удобную пересылку с ханом крымским для призыву его в союз, и с поляками, которые держат сторону Лещинского; в-четвертых, наконец, будет иметь возможность посылать казаков к Москве для возмущения народного».

Однако заманчивые перспективы, которыми увлеклись шведы, поворачивая к югу, оказались миражом. Под его обманчивым воздействием они пренебрегли ценностью обоза из восьми тысяч подвод, который Левенгаупт осторожно вел из Риги. Реальный шанс на спасение упустили ради фантастических грез Карла. Не подумали о том, что обремененному обозом Левенгаупту будет гораздо труднее, чем идущим налегке главным силам Карла. Но король — словно в бреду. Его не покидает радостное ощущение близкой победы, и никакие трудности для него не существуют. Во время совещаний со своими генералами в середине сентября Карл заявляет: «Мы должны дерзать, пока нам улыбается счастье». Это было счастье рокового самообмана.

Петр сразу же понял возможности, открывшиеся перед ним. Формируется специальный подвижный корпус в одиннадцать с половиной тысяч человек, который возглавлял сам царь. 28 сентября 1708 года он нападает у деревни Лесной на 16-тысячную армию Левенгаупта и в результате жестокого боя наносит ей полное поражение. Шведы потеряли десять тысяч солдат и драгоценный транспорт с провиантом и боеприпасами. Только жалкие остатки своей армии, а вернее, дрожащую от страха, голода и холода толпу и, конечно, без всякого обоза привел Левенгаупт к Карлу.

Победа под Лесной была сокрушительной и великопепной. Ее значение состояло не только в том, что шведы потеряли бесценный обоз, огромное число лучших своих солдат и т. п. Гораздо важнее, что она заставила русских поверить в себя, в свои силы, в свою способность победить. Произошел моральный перелом в сознании русских солдат, узнавших свои силы и возможности. Об этом замечательно сказал сам Петр: «Сия у нас победа может первая назваться, понеже над регулярным войском никогда такой не бывало; к тому же еще гораздо меньшим числом будучи пред неприятелем. И по истине она виною благополучных последований России, понеже тут первая проба солдатская была, и людей конечно ободрила, и мать Полтавской баталии, как ободрением людей, так и временем, ибо но девятимесячном времени младенца счастья произвела».

Поведение, реакция Петра вполне естественны. Он трезво оценивает происшедшее, не только не преувеличивает, но невольно даже преуменьшает масштабы победы, осторожно обращаясь с цифрами. Но Петр не может скрыть радости. Отныне день сражения при Лесной будет ежегодно отмечаться праздником. Как же ведет себя его высокомерный соперник? По свидетельствам людей из его близкого окружения, Карл жестоко уязвлен случившимся. Он не спит ночами, молчит, словом, ведет себя, как всякий человек, который переживает несчастье. Генерал Гилленкрок, один из самых умных его военачальников, считал, что с этого времени Карл стал сомневаться в своей победе. Однако он ни слова не говорит об этом вслух. Напротив, в еще большей степени, чем раньше, он защищается броней грубой лжи. Его деспотия, как и любая другая, не может существовать иначе, как от победы к победе. Узнав о разгроме у Лесной, Карл пишет Левенгаупту: «До меня уже раньше дошли слухи о счастливом деле, которое вы, генерал, имели с неприятелем, хотя сначала распространились известия о том, будто вы, генерал, разбиты».

Даже когда прибыл сам разгромленный генерал и рассказал все, Карл не подумал признать поражение. Он полностью исключает возможность того, что эти варвары-московиты могут громить его, прославленного полководца. В крайнем случае если все идет и не так, как нужно, то только там, где нет самого Карла, ибо где король — там всегда победа. В это время, все девять месяцев от Лесной до Полтавы, война не прекращалась, и, хотя крупные сражения случались редко, стычки, перестрелки и другие бесчисленные эпизоды войны происходили непрерывно. Шведы «побеждали» всегда, во всех случаях без исключения, но их армия катастрофически сокращалась. Ложь становится формой существования короля Швеции. Как замечает Е. К. Тарле, «отныне Карл повел двойную жизнь, потому что на людях он продолжал бодриться и толковать о взятии Москвы...»

Но пока ему не удавалось даже приблизиться к Москве. После Лесной стало ясно, что легкая прогулка к русской столице не состоялась, ибо русское сопротивление совершенно не соответствовало старым представлениям Карла, которые он сохранил со времени поражения русских под Нарвой в 1700 году. Необходимо было пополнение людьми, оружием, боеприпасами, провиантом: Надежды на обоз Левенгаупта рухнули. Карл вызывает о помощи к далекой Швеции, хотя он уже вытянул из своего королевства все, что оно могло дать. Н. Л. Долгорукий в ноябре 1708 года писал в донесении из Копенгагена о настойчивых требованиях Карла к своему государству: «Хотя как возможно во всей швецкой земле берут рекрут, и за великой скудостью людей пишат стариков, у коих от старости зубов нет, и робят, которые не без труда поднять мушкет

могут, однакож собрав и таких, не чают, чтобы мочь знатного с такими людьми учинить, когда лучшие свои войска растерял, не учиня с ними ничего...»

Раньше Карл, уповая на свою непобедимость, пренебрегал поисками союзников. Теперь он мечтает получить помощь от них. Но силы Франции, так же как Англии и Голландии, были связаны войной за испанское наследство. Они оказали Карлу политическую поддержку признанием Станислава королем Польши, гарантией Альтранштадтского договора. Теперь выяснилось, что шведский король нуждается в прямой военной помощи. Франция, переживавшая в это время тяжелые поражения, даже при желании ничего сделать не могла. Ее противники — Австрия, Англия, Голландия — считали полезным для себя длительное продолжение войны Швеции против России. Они опасались, что быстрая победа Карла развяжет ему руки, и он успеет ввязаться в испанскую войну на стороне Франции. Дипломатическая неустойчивость Карла давно внушала тревогу странам, связанным с Швецией союзными договорами. Карл дал немало свидетельств того, что они для него ничего не значат. Резидент Станислава Лещинского при шведской армии Понятовский писал, что, направляясь в Москву, Карл собирался затем вернуться в Германию, чтобы оказать помощь Франции войной против Австрии.

Дипломатическая конъюнктура начинает изменяться после того, как в Европе узнали о победе русских под Лесной, о все более трудном положении Карла XII в войне с Россией. Опасность его быстрого возвращения в Европу и участия в войне на стороне Франции тем самым исчезла. Однако в глазах морских держав, особенно Англии, нежелательно было возвышение России. Опасения по поводу такой возможности заменяют прежний страх перед могуществом Швеции с ее неуравновешенным королем. Н этих условиях шведская дипломатия ставит перед Англией и Голландией вопрос о выполнении ими прежних союзнических договоров с Швецией. Особенно активно действует шведский посол в Гааге Пальмквист. Поскольку в это время намечается близкое прекращение войны за испанское наследство, Швеция просит оказать ей помощь если не людьми, то деньгами. На полученные таким образом денежные субсидии шведы собирались нанять войска немецких государств, которые освободились бы после заключения мира. О деятельности шведских дипломатов узнает русский посол А. А. Матвеев. Он предпринимает энергичные действия в отношении Англии и Голландии, направляет мемориалы и ведет переговоры с пансионарием штатов Гейнсиусом и герцогом Мальборо. Ему удается получить от них успокоительные заверения. К тому же переговоры о мире между Францией и ее противниками сталкиваются с затруднениями, и, таким образом, шведские попытки получить помощь от союзников оканчиваются безрезультатно. А. А. Матвеев, который незадолго до этого вернулся из Англии, где его миссия оказалась неудачной и он даже подвергся оскорбительному обращению, тем более настойчиво добивается улучшения отношений с Голландией. Хотя она вместе с Англией воевала с французами, внешнеполитические интересы этих двух стран во многом различались и вступали в противоречия. Если Англия признала Станислава королем и гарантировала Альтранштадтский договор, то Голландия воздержалась от признания. Не ограничиваясь объявлением официальной благодарности за это и традиционными подарками в виде соборей и чернобурых лис, Россия старалась идти навстречу Голландии в удовлетворении ее торговых интересов. По просьбе Матвеева голландские торговые суда получили выгодные таможенные льготы в Архангельске. Голландские купцы приобрели привилегированное право на вывоз хлеба из России. А. А. Матвеев использует также заинтересованность Голландии в русской политической поддержке. Она имела острые территориальные споры с Ганновером и Пруссией. Эти страны рассчитывали решить их в свою пользу с помощью Швеции. Голландия хотела иметь в этом деле поддержку России, и такая поддержка была ей обещана в надежде на помощь Голландии при заключении в будущем мира с Швецией. Но практически в то время

русские дипломаты занимались в основном подготовкой к заключению торгового договора с Голландией.

Если до 1708 года существовала надежда на сближение с морскими державами, особенно с Англией, а также с Австрией, то после Лесной, когда их опасения Швеции сменяются страхом перед усилением России, русские сами решили снять вопрос о вступлении в Великий союз. Все равно реальных шансов на это уже не было. Причем Россия проявила инициативу. Осенью 1708 года через Матвеева делается официальное заявление, что «его царское величество не соизволяет больше вступать с союзниками в общий великий союз». Тем самым Россия сохраняла достоинство, демонстрировала независимость и готовила условия для поворота своего курса в сторону борьбы за восстановление Северного союза. Это гораздо сильнее ударило бы по позициям Швеции в Европе. Такой внешнеполитический поворот сам по себе говорил, что вторжение Карла в Россию не укрепило, а ослабило его позиции в Европе.

Практически возрождение Северного союза было вероятно только при участии в нем бывших русских союзников — Дании и Саксонии. Такая задача была трудна, но реально разрешима. Ни Дания, ни Саксония не имели никаких оснований благословлять унижительные для них Травендальский и Альтранштадтский договоры, похоронившие Северный союз. При первой возможности они мечтали ликвидировать их. Вот почему даже сразу после заключения договоров, что можно было в обоих случаях рассматривать в качестве актов предательства, Россия не порывает с этими странами. В отношении Дании и Саксонии петровская дипломатия поднялась до уровня подлинно высокой политики, которая абстрагируется от естественных чувств возмущения и ориентируется на постоянные государственные интересы дальнего прицела.

В ноябре 1706 года князь В. Л. Долгорукий с одобрением выслушал заверения Августа II, что, как только Карл XII уйдет из Саксонии, он с 25-тысячным войском возвратится в Польшу. Русские уже хорошо знали цену Августу, но тем не менее после неудачи в подыскании новой кандидатуры на польский престол в противовес шведской марионетке Станиславу они не препятствовали Августу убеждать польских магнатов, что он не собирался отказываться от польской короны и обязательно вернется в Польшу с войском. Русские агенты при германских дворах — Урбих в Вене и Лит в Перлине — подтверждали это и содействовали бывшему союзнику. В декабре 1706 года Г. И. Головкин просил Петра принять представителя Августа — Шпигеля, чтобы «выслушать и отправить его с милостью, дабы тем Августа о склонности вашего величества к нему весьма уверить и к скорому выходу в Польшу охоты ему добавить». Конечно, Август снова выпрашивал денег, но Головкин считал, что давать не надо, пока не будет явных действий Августа против Карла. Петр надеялся на такие действия, но преждевременно, ибо без решающего военного успеха русских рассчитывать на него было трудно. Дело тянулось. Август отделялся обещаниями, но не брал на себя конкретных обязательств. Петр писал Головкину: «О выходе Августове я не без сомнения, понеже все глухо обнадеживает... смотрит на наше дело что с шведом учиним — для того медлит».

Но даже после того, что «с шведом учинили» русские при Лесной. Август не торопился действовать, хотя Петр с полным основанием писал ему весной 1709 года, что шведская армия почти уничтожена и Карл уже никогда не вернется в Польшу. Самое большее, на что отважился Август, — это участие в переговорах с Данией об антишведском союзе. Что касается Дании, то возобновление ее борьбы с Швецией было для России особенно желательным. Дания имела большой флот на Балтике, а русский балтийский флот еще только зарождался. Русские дипломаты с самого начала Северной войны не переставали интересоваться позицией Дании, однако все их демарши в этом направлении оказывались напрасными: слишком велик был в Копенгагене страх перед Карлом XII. Но оттуда следили за развитием событий и выжидали. Победа при Лесной произвела большое впечатление на Данию, и Матвеев принимал датские поздравления. В

ноябре 1708 года он доносил о намерении короля Фредерика IV вступить в переговоры с Августом II о возобновлении войны против Швеции. Об этом сообщал и Долгорукий из Копенгагена.

Поскольку Фредерик IV отправился в длительную поездку в Италию, туда был направлен русский посланник в Вене, саксонец барон Урбих. К сожалению, его миссия оказалась неудачной. Склонный давать от имени России невыполнимые обещания, легкомысленный, болтливый и тщеславный Урбих лишь сделал достоянием широкой публики сведения, которые надлежало хранить в тайне. А. А. Матвеев выражал возмущение «развратными поступками и помешательствами» Урбиха. Значительно более серьезны были переговоры, которые вел в Копенгагене Долгорукий. Он предложил Дании при условии возобновления войны против Швеции вспомогательные войска, субсидию в 300 тысяч ефимков на первый год и по 100 тысяч ежегодно на время войны. Но датские министры заявили, что этих денег недостаточно для снаряжения флота.

А в это время датский король встретился в Дрездене с Августом, и они договорились действовать против Швеции. Слухи об этой встрече крайне встревожили Швецию и ее союзника — Голштинию, дипломаты которых стали добиваться от Англии и Голландии противодействия попыткам возрождения Северного союза. Морские державы со своей стороны забеспокоились, поскольку 30 тысяч саксонских и датских войск участвовали на их стороне в войне против Франции. В этих условиях русские дипломаты, и прежде всего Матвеев, попытались успокоить опасения Англии и Голландии, и эти страны в конце концов согласились не препятствовать Августу выступить против Карла. В июле 1709 года (о Полтаве в Европе еще не знали) в Потсдаме подписывается антишведский договор Дании, Саксонии и Пруссии. Участники обязались содействовать Августу в его борьбе за возвращение польской короны, Дании — вернуть земли на юге Скандинавского полуострова. Договор остался на бумаге, ибо Пруссия, как всегда, хотела использовать его, чтобы без всяких усилий захватить новые земли, на что не соглашались другие участники договора. Но главное заключалось в том, что возрождение Северного союза без участия России вообще было несерьезной затеей. Во всяком случае эти дипломатические комбинации все же имели положительное значение для России. Уже тот факт, что Саксония и Дания заговорили открыто о восстановлении Северного союза, свидетельствовал об ослаблении международных позиций Швеции, о ее изоляции, о том, что пока ей не приходится ждать помощи от Европы, где еще недавно все пели дифирамбы гениальному шведскому полководцу и пресмыкались перед ним в Альтранштадте.

Теперь Карл XII углубился в просторы Украины и метался в поисках зимних квартир для своей армии, которая непрерывно таяла, вернее, замерзала, ибо наступала необычно холодная зима. В разгар битвы при Лесной в конце сентября разыгралась снежная вьюга. Чем дальше тили шведы в глубь России, тем труднее становилось с боеприпасами, с продовольствием, кормом для лошадей. Оставшаяся позади Европа помочь Карлу или не могла, или не хотела.

Неужели все потеряно и нет никакой надежды? Карл XII, да и не только Карл, так не считал, все еще надеясь привлечь других возможных союзников, находившихся совсем рядом. У них были свои претензии к России, и шведское нашествие, казалось, создавало исключительно благоприятную ситуацию для объединения различных сил, которых толкала к союзу застарелая традиционная неприязнь к Москве. Формально союзником Карла была Польша с территорией и населением, намного превосходившими возможности Швеции. Во главе Польши Карл XII позаботился поставить угодного и послушного ему короля Станислава. К югу от России находилась необъятная Османская империя, ожидавшая лишь благоприятного момента, чтобы вернуть потерянный Азов и окончательно отбросить русских от Черного моря. Крымское ханство, привыкшее постоянно грабить южные русские земли и получать от Москвы дань, не хотело примириться с потерей этих «прав» и видело в нашествии Карла на Россию счастливую

возможность восстановить их. Наконец, новые великолепные перспективы открывала измена Мазепы, ясновельможного гетмана Украины, обещавшего дать на борьбу с Россией несметное войско лихих украинских казаков. Если все эти силы объединятся вокруг шведского Александра Македонского, то что может спасти самонадеянного царя варварской Московии? Так рассуждал король.

Объединение этих столь естественно тяготевших к Карлу сил представлялось отнюдь не беспочвенной фантазией, а дипломатической проблемой, хотя и сложной, но реально разрешимой.

Проще всего, казалось бы, обстояло дело с польским королем Станиславом Лещинским. В его лояльности по отношению к Карлу XII сомневаться не приходилось. Это был явный шведский ставленник, готовый действовать по приказу хозяина. Однако очень быстро обнаружилось, что его власть в Польше призрачна. Недовольство поляков шведской оккупацией выливалось прежде всего в борьбу против Станислава и в поддержку сначала Августа, а затем Сандомирской конфедерации. Даже Карл видел неустойчивость власти Станислава. Отправляясь на завоевание России, он вынужден выделить для его защиты группу шведских войск во главе с генералом Крассау численностью в 10 тысяч человек. Карл, откровенно презиравший поляков, сначала вообще не считал необходимым их содействие в войне с Россией, думая обойтись без них. Правда, вместе с его армией находился небольшой польский отряд Понятовского. К участию в войне стремилась часть шляхты, мечтавшей о захвате Киева и Левобережной Украины. Поэтому еще в начале 1708 года Станислав обещал сформировать большую польскую армию, захватить Киев, а затем и всю Украину. Предполагалось, что, когда Карл XII пойдет прямо на Москву через Смоленск, союзная польская армия перейдет Днепр на юге и пойдет на Украину.

Шведы считали такой замысел желательным, но не столь уж необходимым. Положение изменилось после того, как русская армия вынудила Карла повернуть на юг и особенно после разгрома Левенгаупта у Лесной. Теперь польская поддержка стала главной надеждой. Если до Лесной надеялись на обоз и войска Левенгаунта, то после его разгрома уповали на помощь Станислава. Но дело в том, что, в отличие от реально существовавшего обоза Левенгаунта, армия Лещинского, да еще и «большая», была мифической. Ведь, как говорили тогда, короля Станислава одна половина Польши не признавала, а другая ему не подчинялась. Число сторонников Лещинского в Польше явно сокращается после победы русских у Лесной, именно тогда, когда Карлу позарез понадобилась польская помощь.

Даже если бы Станислав очень хотел помочь Карлу, это оказалось бы для него невероятно трудным делом. В Польше активно действовала коронная армия гетмана Сенявского и литовская армия Огинского. Союзные отношения Речи Посполитой с Россией, подтвержденные в соглашениях, заключенных в 1707 году, во время пребывания Петра в Жолкве, давали реальные плоды. Летом 1708 года силы Лещинского и шведские войска генерала Крассау контролировали только ограниченную территорию на севере Польши. На остальной ее части действовали войска Сенявского, наносившие поражения Станиславу. Так, его армия потерпела сокрушительное поражение под Конецполем. Чтобы поддержать польских союзников, Петр направил им в помощь несколько тысяч казаков, затем три драгунских полка, а позже целый Заднепровский корпус генерала Гольца. К тому же войска князя Д. М. Голицына охраняли Киев и Правобережную Украину — на пути возможного появления армий Лещинского и Крассау. Пробриться через все эти заслоны постепенно разбегавшейся армии Лещинского было явно не под силу.

Но по мере того, как под ударами русских слабела армия Карла, скитавшаяся в поисках провианта и теплых квартир по Украине в условиях жестокой зимы, несбыточная мечта о приходе сильной польской армии стала для Карла навязчивой идеей. В декабре 1708 года он направляет приказ Крассау спешить в Польшу. Особенно нетерпеливо он зовет Станислава, буквально заманивает его на Украину. «Я и вся моя армия,— пишет он

в личном письме польскому королю,— мы в очень хорошем состоянии. Враг был разбит, отброшен и обращен в бегство при всех столкновениях, которые у нас были с ним». Если дела так хороши, то зачем же нужна польская помощь? Но обычная для Карла примитивная ложь, этот самообман уже превратились в единственную форму восприятия Карлом окружающей его все более тяжелой для шведов обстановки. Вплоть до самой Полтавской битвы Карл будет тешить иллюзиями о польской помощи своих генералов, а те — делать вид, что верят ему.

Главная «услуга», оказанная Станиславом Лещинским Карлу XII, состояла в том, что он помог ему приобрести еще одного столь же сомнительного союзника — гетмана Мазепу. Многократно описанная, часто в романтизированной форме, история предательства Мазепы говорит о непредвиденной неудаче, постигшей Петра. Она оказалась тем неожиданной, что именно в этом случае Ментиков, Головкин, а главное сам Петр совершили тяжкую, досадную ошибку, не столько по ее реальным последствиям, сколько по степени их наивности в доверии до последней минуты к самому злобному и самому подлейшему из врагов России. С другой стороны, измена опытного, хитрейшего политика, имевшего возможность знать реальную обстановку на Украине, как никто другой, но поставившего все на обреченную карту Карла XII,— любопытнейшее психологическое явление. Оно служит свидетельством того, как низко котировались шансы Петра, России на победу в войне с Швецией. Именно с этим минимальным уровнем надо сравнивать высоту, на которую поднял Петр Россию. Могущественный властитель Украины, обладавший огромными богатствами и властью, всеми мыслимыми званиями и почестями, соблазнился миражом авантюры, ибо считал шведский протекторат более верным средством сохранения своих привилегий, чем невероятную и невообразимую победу русских.

Еще в 1705 году через родственницу Станислава Лещинского княгиню Дольскую начались переговоры Мазепы о переходе на сторону врага. В октябре 1707 года он решительно встал на путь измены и в письменном виде предложил Карлу XII через Станислава свои услуги. В то время король гордо не пожелал делить славу предстоящей победы ни с кем, тем более с казаками Мазепы.

Он заявил, что не считает канаков пригодными для военных действий против регулярной армии в серьезном бою, но признает их боевую ценность в качестве вспомогательной силы в деле преследования и уничтожения остатков уже разгромленного противника. Поэтому он велел ответить Мазепе, чтобы ждал, когда потребуется именно для этой цели. После того как шведы испытали на себе действие казачьей конницы, воевавшей на стороне русской армии, отношение к Мазепе меняется. Когда Карл решал со своими генералами вопрос о том, чтобы от первоначального направления прямо на Москву повернуть на Украину, то одним из доводов в пользу поворота была надежда на Мазепу, якобы ожидавшего прихода шведов на Украине с 20 тысячами казаков.

Каково же было разочарование Карла, когда в конце октября Мазепа явился не с 20, а всего с двумя тысячами казаков. Польше не нашлось желающих разделить участь изменника. Шведы приобрели не сильного союзника, а жалкого беглеца, имя которого и раньше не вызывало среди украинского населения никаких симпатий. Теперь же шведам пришлось почувствовать на себе усиление народной войны. Карл XII повернул на Украину, чтобы воспользоваться ее богатствами и накормить здесь свою голодающую армию. С этой надеждой пришлось расстаться сразу. Население не только ничего не давало шведам, пряча или уничтожая все, но и развернуло против них настоящую народную войну. Переход Мазепы к Карлу серьезно усилил ее, ибо вскоре всем стало известно, какую судьбу готовят Украине Мазепа и его новый хозяин — шведский король. А он, понимая, что военной пользы от Мазепы получить нельзя, попытался использовать его как дипломатическое средство, чтобы привлечь все же на помощь Речь Посполитую обещанием присоединения к ней всей Украины. Поэтому Карл приказал Мазепе послать Станиславу письмо, в котором содержалось бы обязательство гетмана передать

Украину как законное достояние польских королей под власть Польши. Это письмо перехватили русские, но указанию Петра размножили текст в большом числе экземпляров и широко распространили его. Среди народа на Украине не существовало ничего более ненавистного, чем господство польских панов. Собственно, поэтому полвека назад Левобережная Украина и воссоединилась с Россией. Естественно, что последовал взрыв ненависти к Мазепе, к полякам и к шведам. Народная борьба против оккупантов стала еще сильнее. В результате переход Мазепы к Карлу не только не облегчил положения шведского короля, но еще больше осложнил его. Правда, одну услугу он Карлу оказал: помог устроить присоединение к шведам значительного отряда запорожцев.

Запорожцы, вернее, возглавлявшие их атаманы, обладавшие умением обрабатывать и подкупать массу рядовых сечевиков, часто втягивали Сечь в совместные походы с крымскими татарами, поляками или турками. Кошевой Гордиенко пытался использовать сложную обстановку на Украине в связи с нашествием шведов и изменой Мазепы, которая показалась ему заманчивым примером. Сначала он вступает в переговоры с крымским ханом. Но хан, сдерживаемый указаниями султана из Стамбула, поощряя антимосковские настроения запорожцев, не взял на себя конкретных обязательств помогать им. В конце концов через посредничество Мазепы Гордиенко заключил в марте 1709 года соглашение с Крымом и привел к Карлу несколько тысяч казаков. Петр со своей стороны сделал все, чтобы мирными средствами удержать запорожцев от измены. В Запорожскую сечь для переговоров посылались представители с царским «жалованием» и увещанием. Все было отвергнуто, и банды Гордиенко стали открыто нападать на отдельные отряды русской армии. Тогда по приказу Петра весной 1709 года Запорожская сечь была взята штурмом и уничтожена. Присоединение Гордиенко к шведской армии было единственным достижением «украинской дипломатии» Карла и Мазепы, достижением весьма сомнительной военной ценности. Мазепа, воочию увидевший тяжелое положение шведской армии, начинает метаться в поисках выхода. Он то стремится подтолкнуть Карла к движению на восток, уверяя, что это будет поход в Азию, подобно походам Александра Македонского, то зовет его в декабре 1708 года в поход к Белгороду для соединения с булавинцами, не зная, что Булавин уже погиб. Наконец, гетман доходит до того, что пытается совершить обратную измену.

Мазепа пошел на предательство не только из-за ненависти к России — он просто больше всего боялся оказаться на стороне побежденного. Он был убежден, что действует наверняка, ибо опирается на реальную расстановку сил. Она представлялась ему в следующем виде: шведы обладают военным превосходством над русскими: они, конечно, получают поддержку польской армии Станислава Лещинского; в войну против России вступят Турция и, разумеется, крымский хан. В этих условиях вокруг него, несомненно, объединится большая часть казачества, прежде всего Запорожская сечь, а основная масса украинского населения если не поддержит его, то в худшем случае останется нейтральной. Все эти замыслы рушились. Пробыв несколько недель в станс Карла XII, где его встретили отнюдь не с тем восторгом, о котором он мечтал, Мазепа стал сильно сомневаться в шансах короля на победу в войне. Более того, он начинает с ужасом понимать, что совершил страшную ошибку: победит Петр, которого он подло предал! Видимо, это оказалось слишком сильным потрясением для старого предателя, и в отчаянии он совершает совсем уж немыслимые поступки. В конце 1708 года Мазепа посылает к Петру одного из своих сообщников — полковника Апостола.

Посол предателя предлагает сенсационную сделку: Мазепа захватывает и передает в руки русских Карла XII и главных шведских генералов. За это Петр возвращает ему гетманское достоинство и свое доброе отношение. Однако Мазепа должен получить ручательство, гарантию крупнейших европейских государств. Сначала Петр просто не поверил своим ушам, но затем все же поручил Головкину вступить в переговоры с Мазепой и, выразив согласие на предложение, указать на огромную трудность получения гарантии иностранных дворов. Мазепа присылает еще одного своего полковника —

Галагана. Тогда Головкин пишет письмо Мазепе с изъявлением согласия на предложенную сделку. Разумеется, русские ни на минуту не поверили в серьезность этой затеи, расчет состоял в том, чтобы получить письменный документ от Мазепы, что дало бы новое сильное оружие против него. Но все эти судороги запутавшегося предателя ни к чему реальному не привели и лишь послужили для Петра дополнительной информацией о том, как плохо обстоят дела в шведском лагере.

Среди возможных союзников Карла особое значение имела Турция. Османская империя хотя и переживала период упадка и ослабления, тем не менее при благоприятных условиях вступила бы в войну против России, поскольку антирусские тенденции в ее политике проявлялись достаточно сильно. Таким образом, Швеция и Турция имели общие интересы, которые могли бы оказаться основой шведско-турецкого союза, крайне опасного для России. Эту угрозу ясно увидели в Москве еще до начала Северной войны. Поэтому и предпринимались успешные дипломатические мероприятия, такие как заключение Константинопольского договора 1700 года о перемирии на 30 лет и назначение постоянного дипломатического представителя в Стамбул.

Карл XII и его министры, напротив, упустили все свои возможности в Турции, совершив тем самым крупнейшую дипломатическую ошибку. Если Россия с начала войны имела в турецкой столице своего посла в лице выдающегося дипломата П. А. Толстого, то Швеция только в марте 1709 года начинает переговоры о посылке своего представителя в Стамбул и о заключении союзного договора.

Правда, в интересах Швеции активно действовал посол Франции, пытавшийся толкнуть Турцию на войну против России. Но его происки успешно парировал П. Л. Толстой. Столь же успешно он противостоял аналогичным попыткам представителей Станислава Лещинского. Сам же Карл XII начинает серьезно что-то предпринимать, только когда он уже вступил со своей армией на Украину. Он направляет своих представителей к крымскому хану и в Бендеры, к силистрийскому сераскиру Юсуф-паше, кстати, надежно подкупленному русскими. Крымский хан Девлет-Гирей активно стремится участвовать в войне против России совместно с Швецией. Но его сдерживала осторожность Стамбула, выжидавшего признаков решающего перевеса одной из сторон. Таким образом, Турция и Крым так и не стали перед Полтавой союзниками Карла XII. И начале 1709 года Толстой после переговоров с великим везиром писал Головкину: «Извольте быть безопасны от турок и татар на будущую весну: разве татары какие-нибудь малые набегии сделают воровски. Уповаю, что и вор Мазепа не может здесь ничего сделать к своей пользе. Ваше сиятельство мне повелеваете не жалеть и превеликих иждивений и своей последней копейки, только не допускать Порту к разрушению мира: поставляю свидетелем всемогущего, если случится дело, требующее иждивений, то хоть в одной рубашке останусь — ничего не пожалею, но теперь больших иждивений давать уже не для чего». Весной 1709 года П. А. Толстой получил заслуженную награду за свои труды: царский портрет, украшенный бриллиантами.

Среди упущенных шведами дипломатических возможностей непосредственно перед Полтавским сражением оказался и отказ Карла XII от нового, очередного русского предложения о мирных переговорах. Предложение было сделано, когда положение шведской армии стало уже критическим. Шведский генерал Гилленкрот говорил тогда, что «если только какое-нибудь чудо нас не спасет, то никто из нас не вернется».

Возможность такого «чуда» обнаружилась, когда 2 апреля русские прислали шведского пленного офицера с письмом Головкина первому министру Карла XII Пиперу. В письме содержалось предложение об обмене пленными и, что особенно интересно, — начать переговоры о мире. Пипер ответил, что от выгодного мира Швеция не отказывается. Последовало второе письмо с русской стороны, в котором уже предложено было назначить представителей для переговоров. Русские соглашались заключить мир при условии уступки России части Карелии и Ингрии с Петербургом. За эту небольшую территорию предлагалась денежная компенсация. Русское предложение открывало для

шведов путь к спасению своей армии. Именно в это время шведские генералы умоляли короля отступить от Полтавы и увести армию за Днепр, в Польшу. Карл говорил им в ответ: «Если бы даже господь бог послал с неба своего ангела с повелением отступить от Полтавы, то все равно я останусь тут».

Что касается русских, то они на свое мирное предложение получили такой высокомерный ответ: «Его величество король шведский не отказывается принять выгодный для себя мир и справедливое вознаграждение за ущерб, который он, король, понес. Но всякий беспристрастный человек легко рассудит, что те условия, которые предложены теперь, скорее способны еще больше разжечь пожар войны, чем способствовать его погашению».

Карл XII не воспользовался умеренностью и миролюбием Петра. Расплата за эту очередную ошибку не заставит себя ждать. А русская дипломатия не преминула эффективно использовать даже этот краткий и безуспешный обмен мнениями о мире, чтобы, как уже было рассказано, сохранять мирные отношения с Турцией.

Предполтавская дипломатия Карла XII оставалась вплоть до самой Полтавы на уровне представлений Альтранштадтского договора, когда Швеция оказалась арбитром Европы и перед ней заискивали самые могущественные европейские государства. Сам Карл XII, как, впрочем, и остальная Европа, находился под гипнозом традиции непобедимой Швеции, шедшей от легендарной славы Густава-Адольфа. Отсюда пренебрежение задачей поисков союзников, недооценка необходимости союза с Турцией. Предпринятые в последний момент действия по пересмотру своего отношения к необходимости союзников оказались запоздалыми. Карл XII самонадеянно не использовал изумительно благоприятную для него международную обстановку перед походом на Россию, когда Европа охотно предоставляла ему все возможности.

В связи с этим трудно признать справедливой оценку С. М. Соловьевым поведения Европы во время нашествия Карла на Россию: «Западная Европа, занятая своими делами, была рада, что беспокойный шведский король ушел, наконец, в пустыни северо-востока, и оставалась безучастною, хотя и внимательно зрительницею борьбы между Карлом и Петром». В действительности Европа стояла в этой борьбе явно на стороне Карла. Основные страны Европы, кроме Голландии, признали в угоду Карлу шведского ставленника Станислава Лещинского королем Польши, они гарантировали Альтранштадтский договор. Нарушив свои прежние обязательства защищать Саксонию, они выдали ее Карлу, и он смог благодаря этому подготовиться к русскому походу. С другой стороны, западноевропейские страны отвергли все попытки русской дипломатии выйти из состояния изоляции с помощью посредничества для заключения мира с Швецией. Что касается Франции, то она в течение всего предполтавского периода пыталась подтолкнуть Турцию на войну с Россией, чтобы оказать решающую помощь Карлу. Другой вопрос, что явная антирусская деятельность европейских государств была в значительной мере нейтрализована петровской дипломатией. Это не меняет того факта, что Западная Европа оставалась отнюдь не «безучастною». Если же европейская поддержка Карлу оказалась малоэффективной, то это не вина, а беда правителей Европы. Они, как и Карл XII, роковым образом недооценивали Россию, не понимали смысла петровских преобразований, не верили в успех стратегии и дипломатии Петра. В отношении военной стратегии Карл XII тоже оставался в плену старых представлений времен поражения русских под Нарвой в 1700 году. Лавры его легких побед над Данией, Польшей и Саксонией мешали ему видеть Россию в ее подлинном облике. Он не смог извлечь уроков из поражения под Лесной, из последовавших затем многочисленных неудач меньшего масштаба. Даже жестокая зима, проведенная им в опасных скитаниях по Украине, когда шведы мерзли, голодали, страдали от болезней, а главное — от ударов русской армии, не открыла ему до конца глаза на суровую, страшную для него действительность. Однако неверно было бы идти вслед за шведскими генералами, которые в своих воспоминаниях изображают дело так, что Карл XII не внимал их мудрым

и осторожным советам и находился в состоянии самоослепления. Часто воспроизводят действительные или сочиненные диалоги между королем и его генералами накануне Полтавы, когда эти генералы предупреждали, что только что-то необыкновенное может спасти шведов. Карл отвечал на это: «Да, мы должны совершить необыкновенное; за это мы пожнем честь и славу». Эти слова приводятся в подтверждение тезиса о фантастическом «легкомыслии» Карла. А как же должен вести себя полководец даже в самом отчаянном положении для его армии? Разве он не обязан до последнего мгновения поддерживать боевой дух своих соратников и своих солдат? Карл понимал все, в том числе и отсутствие для себя выхода из положения. Видимо, этим и объяснялась его отчаянная личная храбрость, по поводу которой шведские солдаты говорили: «Он ищет смерти, потому что видит дурной конец».

Правда, король отделался лишь ранением. 17 июня 1709 года, в день рождения Карла, казацкая пуля попала в его левую ногу. Эпизод случился за десять дней до сражения, и многие считают до сих пор, что несчастный случай с левой ногой помешал шведам выиграть бой. Это абсурд, ибо судьба сражения была уже предрешена.

От прекрасной армии, которую Карл повел на Россию, к историческому дню Полтавского боя осталось не более половины. «Стыдно было проиграть Полтаву после Лесной,— пишет В. О. Ключевский, — ... под Полтавой девятилетний камень свалился с плеч Петра: русское войско, им созданное, уничтожило шведскую армию, т. е. 30 тысяч отощавших, обносившихся, деморализованных шведов, которых затащил сюда 27-летний скандинавский бродяга». Историк недооценивает значение Полтавского сражения, ибо он берет его отдельно, изолированно от титанических усилий всей России, которую Петр в течение уже десяти лет заставлял тяжело трудиться и страдать ради торжества в день решающей битвы. Полтава была лишь финалом осуществления гениальной стратегии и дипломатии Петра Великого, заключительным актом исторической драмы, действие которой развертывалось на гигантских пространствах от Урала до Балтики, от Архангельска до Черного моря. Правда, наиболее ожесточенный этап сражения продолжался два часа. Но какие два часа! Русские положили на месте девять тысяч шведов, а затем взяли в плен три тысячи иностранных пришельцев³. Одна пуля пробила шляпу Петра, другая — попала в седло, а третья — прямо в грудь, и только тяжелый крест, в который она угодила, спас жизнь царя.

Действительно, «стыдно» было бы, как говорит Ключевский, проиграть Полтавское сражение 27 июня 1709 года. Непосредственно в нем участвовало только 10 тысяч русских солдат против 16 тысяч шведов. А в резерве у русских оставалось еще 30 тысяч. У шведов на поле боя было только четыре пушки, тогда как 72 русских орудия непрерывно изрыгали огонь, ядра и картечь. Русские действительно обладали перевесом в материальных силах. Но ведь высшим проявлением военного искусства и служит способность создать необходимый перевес в необходимом месте и в необходимое время. Однако материальная сила в войске — это еще далеко не все. Как говорил Наполеон, на войне «моральный фактор относится к физическому, как три к одному». Петр нашел и пробудил этот моральный фактор — патриотизм русского народа. О том, как он понимал значение и роль этого фактора, как он опирался на него, свидетельствует знаменитый «полтавский приказ» Петра перед сражением. Вот выдержки из текста этого исторического документа в наиболее достоверной форме: «Воины! Вот пришел час, который решит судьбу отечества. Итак, не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру порученное, за род свой, за отечество... Не должна вас также смущать слава неприятеля, будто бы непобедимого, которой ложь вы сами своими победами над ним неоднократно доказали. Имейте в сражении пред очами вашими правду... А о Петре ведайте, что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россия в блаженстве и в славе для благосостояния вашего».

³ Всего было взято в плен под Полтавой и через два дня у Переволочны более 19 тысяч шведов.

В этом приказе отразилась идеологическая специфика петровского царствования, своеобразное, передовое для того времени понимание Петром роли царя, народа, отечества и государства. Превыше всего для него не царь — помазанник божий, а отечество, государство, народ. Абсолютные монархи того времени считали само собой разумеющимся, что их подданные существуют для них лично, что солдаты обязаны сражаться и умирать за короля, что государство, отечество — это просто синонимы той же персоны, благо которой является высшей целью и смыслом существования народа. «Государство — это я», — говорил в те времена Людовик XIV, выражая суть подобной идеологии. Петр же призывает солдат послужить не ему, а государству, отечеству, которому и он сам служит. Петр считал главным фактором достижения победы не свою личную деятельность, а подвиг солдат. Вечером 27 июня он писал о великой победе, «которую господь бог нам через неописанную храбрость наших солдат даровать изволил».

Здесь же, на поле боя, состоялось распределение наград. Их получили все отличившиеся, от фельдмаршалов до солдат. Сам Петр, который до Полтавы имел чип полковника, был произведен по желанию генералитета, офицеров и солдат в генералы. Наградили и дипломатов. Ближний министр и верховный президент государственных посольских дел граф Головкин пожалован в канцлеры, барон Шафиров — в подканцлеры, князь Григорий Долгорукий — в тайные советники. Дипломатия внесла свой вклад в подготовку победы. Теперь, когда была создана более прочная основа для ее деятельности, она приобретает возрастающее значение. На знаменитом обеде, куда пригласили и пленных шведских генералов, Петр в ответ на слова Пипера и Реншильда о том, что они всегда советовали Карлу заключить мир с Россией, сказал: «Мир мне паче всех побед, любезнейшие». Сам факт приглашения пленных шведских генералов па торжественный царский пир по случаю только что одержанной победы — явление поразительное. Насколько беспощаден, суров, жесток был Петр в тяжелой и долгой борьбе с врагом, настолько же великодушен и добр он — в своем отношении к побежденному противнику. В этом, в сущности, мелком эпизоде весь Петр с его подлинно русским характером... Он хвалит шведского фельдмаршала Реншильда за храбрость, дарит ему свою шпагу, наконец, провозглашает тост за здоровье своих «учителей» в военном искусстве, за шведов!

По случаю Полтавской победы вспомнили, правда, с опозданием, и главного виновника торжества — русского крестьянина. По представлению «прибыльщика» Курбатова о том, что при взимании недоимок за многие годы слышен «всенародный вопль», через пять месяцев после Полтавы был издан указ о списании недоимок за все прошедшие годы, кроме двух последних. Редчайший случай в русской истории...

Чтобы кратко и полно завершить характеристику значения победы над шведами под Полтавой, воспользуемся прекрасными словами В. Г. Белинского: «Полтавская битва была не простое сражение, замечательное по огромности военных сил, по упорству сражающихся и по количеству пролитой крови; нет, это была битва за существование целого народа, за будущность целого государства, это была проверка действительности замыслов столь великих, что, вероятно, они самому Петру, в горькие минуты неудач и разочарования, казались несбыточными, как и почти всем его подданным».

ПОСЛЕПОЛТАВСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ

Уничтожение шведской армии под Полтавой обеспечивало независимость и безопасность России. Карл XII, еще недавно угрожавший ликвидировать русское государство, оказался в самом жалком положении. Он еле спасся бегством от плена и с кучкой усталых, измученных в боях спутников просил убежище в Турции.

Однако заключение мира с Швецией, о чем Петр заговорил уже в день победы под Полтавой, остается неразрешимой задачей. Не дали никаких результатов переговоры через шведского генерала Мейерфельда, состоявшиеся сразу после Полтавского сражения.

Карл XII не желал и слышать об удовлетворении законных интересов России, отвергая даже самые скромные русские требования. В плен к русским попал королевский секретарь Цедергельм. Его отпустили с условием, что он отправится в Стокгольм и передаст предложение России о мирных переговорах. И эта попытка осталась безрезультатной. Правда, в Стокгольме гораздо более трезво смотрели на положение Швеции, чем сам Карл XII, который даже после Полтавы продолжал вести себя с видом победителя. Его самоуверенность достигла анекдотических форм и масштабов. Погубив большую армию, разорив свою страну, он не чувствовал никаких угрызений совести или раскаянии. Бессильную злобу к победителю он выразил в приказе еще больше ужесточить условия содержания русских пленных в Швеции, которые и без того подвергались там настолько жестокому обращению, что оно даже превосходило варварские условия турецкого плена. Напрасно из Стокгольма Карлу доносили, что экономика страны окончательно подорвана, что потеря армии для Швеции с ее полутора миллионным населением непоправима. Король просто приказал не присылать ему таких сообщений. В Стокгольме подчинились, ибо там еще сохранилась слепая вера в Карла XII, правящая аристократия раболепно пресмыкалась перед ним и скрывала от народа истинные масштабы катастрофы. Но нежелание Швеции идти на мирные переговоры, на отказ от несправедливо захваченных раньше русских прибалтийских земель предопределялось некоторыми реальными обстоятельствами. Хотя русская армия освободила от шведов обширные земли в Восточной Прибалтике, собственно шведская территория не была затронута войной. Шведские войска оставались в Померании, Риге, Ревеле, Выборге, Норвегии, Финляндии, в самой Швеции. Кроме того, существовал шведский флот, с которым еще не решался соперничать быстро строившийся русский балтийский флот.

Поэтому в Стокгольме предпочли не извлекать уроков из разгрома шведской армии под Полтавой. Объявили, что, конечно, потери прискорбны, но зато спасен король, и за это надо благодарить бога. Распространилась официальная версия сражения под Полтавой, согласно которой с русской стороны, оказывается, против 20 тысяч шведов сражалось 200 тысяч солдат! Идею заключения мира на условиях возвращения исконно русских земель приравнивали к измене. Отказ от заключения мира в Швеции связывали с расчетами на военную помощь крупнейших государств Западной Европы. Подобные надежды сразу же после Полтавы начали внушать в первую очередь английские дипломаты. В конечном итоге отрицательное отношение Швеции к мирным переговорам явилось отражением нового положения России, созданного Полтавой. Очень характерной была первая реакция ошеломленной Европы. Известие о победе русских вызвало удовлетворение в столицах двух стран — Дании и Саксонии, где возродились затаенные мечты о ликвидации унизительных договоров, навязанных им Швецией, — Травендальского и Альтранштадтского. В Голландии реакция оказалась значительно более сдержанной. Тем не менее здесь не препятствовали русскому послу А. А. Матвееву устроить по случаю Полтавской победы большой праздник с фейерверком. Иначе дело обстояло в Вене. Императорское правительство запретило русскому послу устраивать какое-либо торжество. В Лондоне не скрывали своего огорчения уничтожением армии Карла XII. Естественно, что во Франции, где Швецию считали союзником, тоже не испытывали радости. В Берлине пришли в ужас, ибо прусская политика строилась тогда в расчете на победу Карла.

Полтава перевернула представления европейских государств о России. Уходит в прошлое недооценка сил России, неверие в ее возможности, пренебрежение к ней. Американский историк Роберт Мэсси, называя Полтаву «грозым предупреждением» всему миру, пишет: «Европейские политики, которые раньше уделяли делам царя немногим больше внимания, чем шаху Персии или моголу Индии, научились отныне тщательно учитывать русские интересы. Новый баланс сил, установленный тем утром пехотой Шереметева, конницей Меншикова и артиллерией Брюса, руководимых их двухметровым властелином, сохранится и разовьется в XVIII, XIX и XX веках».

Действительно, укоренившееся из-за нарвского поражения представление о русских окончательно вытесняется потрясающим впечатлением от Полтавы. Но это не сделало отношение к России более дружественным. Напротив, появился осложняющий действия русской дипломатии фактор — страх перед Россией, недоверие к ее политике, подозрительность к ней. Раньше и ярче всего это отразилось в политике Англии и Австрии. Другие европейские страны в той или иной степени разделяли эти настроения. Вместе с тем возникло и сильное стремление использовать русское могущество в своих интересах. Русским дипломатам уже не приходится, как раньше, жаловаться на невнимание или пренебрежение к ним. Однако теперь от них требуется гораздо больше прозорливости, осторожности. Отныне пережитки простодушной наивности и непосредственности, унаследованные от старомосковской дипломатии, становятся непростительными. Период ученичества для петровских дипломатов закончился; отныне они представляют великую европейскую державу. К счастью, они не питали иллюзий, что после Полтавы дела пойдут легко и просто. Новое ощущение спокойной уверенности в своих силах, гордости за свою страну русские дипломаты перенимали у самого Петра. Ему Полтава не вскружила голову, и трезвый реализм его политики становится еще заметнее. Полтавская победа не побудила Петра вносить какие-либо принципиальные изменения в эту политику. «У него было одно желание,— пишет С. М. Соловьев,— кончить как можно скорее тяжкую войну выгодным миром, и поэтому он не давал ни себе, ни войску, ни народу своему отдыха, чтоб воспользоваться Полтавою и вынудить у Швеции мир поскорее и как можно выгоднее».

Но почему же мир не был заключен сразу после Полтавы, когда враг был повержен в прах, а Россия вознеслась к вершине величия? Почему потребовалось еще двенадцать лет тяжелой войны, уже достаточно измучившей русский народ? Большинство наших историков предпочитают вообще не ставить такой вопрос, ограничиваясь спокойным описанием внешней политики Петра. Но академик Е. В. Тарле этот вопрос не только не обходит, он отвечает на него. Его ответ сводится к тому, что принудить Швецию и Карла XII к заключению мира помешало отсутствие сильного флота у России и наличие флота у Швеции, что давало возможность шведам отсидеться за морем, питая призрачные надежды на английскую помощь. «И если бы не существовало шведского флота или если бы в дни Полтавы у России уже был на Балтийском море флот, который мог бы изгнать шведов с моря и вместе с тем был бы настолько внушителен, чтобы сделать невозможным активное вмешательство Англии на стороне Швеции, то война, вероятно, и окончилась бы очень скоро после Полтавы, в 1709, а не в 1721 г.». Однако в другой своей работе — «Русский флот и внешняя политика Петра I» Е. В. Тарле приводит данные со ссылкой на донесение английского посла в России Ч. Витворта о том, что еще в мае 1708 года около Кроншлота стояли 12 русских линейных кораблей с 372 орудиями, 8 галер с 64 орудиями, 6 брандеров и 2 бомбардирских корабля, мелких судов — около 305. «Все это представляло силу, и силу немалую», — заключает Е. В. Тарле. К этому можно добавить, что война с Карлом XII ни на минуту не прекратила усиленное строительство кораблей русского Балтийского флота. Кстати, вернувшись после Полтавской победы в Петербург, Петр первым делом заложил очередной военный корабль, названный «Полтава». Таким образом, флот у русских уже был, Англия еще связана и будет связана несколько лет испанской войной, а Швеция, между прочим, находилась в пределах досягаемости и для русской пехоты — через Финляндию, зимой же — по льду Ботнического залива...

В. О. Ключевский считает, что мир с Швецией сразу после Полтавы не был заключен не в результате отсутствия материальных возможностей, а из-за серьезной внешнеполитической ошибки Петра. Знаменитый историк не видит смысла в погоне Петра за союзниками, особенно из числа германских государств, тогда как «Лесная и Полтава показали, что Петр одинокий сильнее, чем с союзниками». Ключевский утверждает, что «главная задача, стоявшая перед Петром после Полтавы, — решительным ударом на Балтийском море вынудить мир у Швеции разменялась на саксонские,

мекленбургские и датские пустоши, продлившие томительную 9-летнюю войну еще на 12 лет».

Мнения двух крупных историков не получили всестороннего обоснования и подтверждения их конкретными исследованиями. Некоторые историки вообще считают неразрешимой загадкой вопрос о целях послеполтавской дипломатии Петра. Так, Т. К. Крылова пишет: «Невозможно сейчас с полной достоверностью разрешить вопрос о том, каковы были замыслы Петра после Полтавы,— ограничивал ли он свою задачу утверждением России в Восточной Прибалтике или уже видел себя в недалеком будущем владельцем Карлскроны и Киля». Последнее любопытное предположение советского специалиста по внешней политике Петра свидетельствует, что, возможно, царь после Полтавы имел грандиозные завоевательные замыслы. Представляется, однако, что гораздо ближе к истине утверждение С. М. Соловьева, что у Петра тогда «было одно желание — кончить как можно скорее тяжкую войну». Справедливость этого мнения подтверждается простым сопоставлением внешней политики с внутренним, особенно экономическим, положением измученной России после Полтавы. Бесспорно, здесь одна из еще невыясненных проблем петровской внешней политики. Очевидно также, что ее решение можно найти лишь в самих событиях послеполтавской дипломатии Петра.

Она по-прежнему осуществляется одновременно и в неразрывной связи с продолжающейся Северной войной. Победоносным русским войскам не пришлось отдыхать после Полтавы. Одна армия во главе с фельдмаршалом Шереметевым 15 июля двинулась в Прибалтику, чтобы осаждать Ригу. Ментиков, который теперь тоже стал фельдмаршалом, с другой армией пошел в Польшу.

Если Шереметеву придется воевать основательно против шведов, то возможный противник Меншикова в Польше предпочел не дожидаться прибытия его войск. Армия генерала Крассау поспешно удалилась в шведскую Померанию. Вместе с ней, бросив свой польский трон на произвол судьбы, бежал и Станислав Лещинский. Почти одновременно в Польшу вступила 14-тысячная армия Августа II. Он давно обещал ввести саксонские войска, но потребовалась Полтава, чтобы он решился на это. 8 августа 1709 года Август объявил Альтранштадтский договор недействительным. Оказывается, три года назад его ввели в заблуждение недобросовестные советники, действовавшие, кстати, в соответствии с его прямыми указаниями. Теперь Август требует возвращения ему польской короны, от которой он тогда отрекся. Чтобы получить ее, он стремится вновь стать союзником России, которая в свою очередь идет на это, рассматривая Августа как наименьшее зло, неизбежное для восстановления Северного союза. Единственное, что мог позволить себе Петр,— это дать Августу понять в довольно занятой форме, как Россия относится к его прошлой деятельности в качестве союзника.

В октябре 1709 года Петр встретился с Августом в Торуне и подарил ему шпагу. Об этом не стоило бы упоминать, если бы не то обстоятельство, что эту же самую шпагу царь уже дарил тому же Августу несколько лет назад. Однако благодарный «союзник» не нашел ей лучшего применения, чем использовать ее для подарка Карлу XII во время недавнего пресмыкательства перед шведским королем в Альтранштадте. Под Полтавой русские захватили со всем генералитетом и личные вещи короля, среди которых обнаружили эту злополучную шпагу. Теперь в назидание Августу Петр использовал ее в качестве орудия воспитательного воздействия. В Торуне состоялось подписание нового договора Петра с Августом, который восстановил прежние союзнические отношения и обязательства. Например, как и прежде, Август выпросил русские денежные субсидии. Россия обещала передать Августу как саксонскому курфюрсту Лифляндию в виде наследственного владения. Но договор содержал и существенно новое условие, отразившее изменение, вызванное Полтавой. Если раньше предусматривался переход к России только Ингрии, теперь Август согласился на присоединение к России и Эстляндии с Ревелем. Вообще, поведение Августа во время этой встречи с Петром поражало

лакейским раболепием короля перед царем, что, впрочем, не делало его более надежным союзником.

В начале войны против Швеции русской дипломатии пришлось потрудиться, чтобы привлечь к участию в войне Речь Посполитую. Эта задача решилась Нарвским договором 1704 года. Польские и литовские войска играли определенную роль в борьбе против шведов и Станислава Лещинского. Однако примитивная организация польско-литовских сил не позволяла надеяться на возможность их использования за пределами Речи Посполитой. После полтавского разгрома шведская интервенция ей больше не угрожает. Поэтому Речь Посполитая впредь не участвует в Северной войне. Для отношений России с Польней положительную роль играло признание в 1710 году Варшавским сеймом договора 1704 года и «вечного мира» 1686 года. Через 23 года после подписания договор, наконец, утвердили, что явилось еще одним показателем укрепления международного положения России. Однако в целом взаимоотношения с Польшей не стали проще и лучше, как мы увидим в дальнейшем.

Почти одновременно с русско-саксонским союзом (на один день позже) был подписан и союзный договор о войне против Швеции с Данией. Здесь дело обстояло сложнее, чем при заключении нового договора с Августом. Сама Дания активно стремилась воспользоваться тяжелым положением Швеции, чтобы ликвидировать Травендальский договор и попытаться вернуть земли, захваченные шведами. Русско-датские переговоры о возобновлении союза начались еще до Полтавы. Тогда Дания требовала крупных денежных субсидий, и Россия соглашалась предоставить их. После Полтавы Дания подписала договор без всяких субсидий. Этому решительно воспротивились Англия и Голландия. Они опасались не только нового могущества России, но и того, что возобновление участия Дании в Северном союзе приведет к отзыву датских войск, которые участвовали в войне против Франции. Поэтому России и ее союзникам — Дании и Саксонии пришлось дать морским державам гарантию, что датские и саксонские солдаты не будут отозваны из состава армий Великого союза. Таким образом, Северный союз в том же составе, как в самом начале войны против Швеции, формально удалось восстановить.

Более того, русская дипломатия пытается даже расширить этот союз путем привлечения к нему новых участников. Наибольший интерес, как и раньше, вызывала Пруссия. Расположенная между Польшей и шведской Померанией, куда ушли шведские войска из Польши, она занимала важное стратегическое положение. До Полтавы, как уже говорилось, Пруссия вела обычную для нее двусмысленную линию, пытаясь одновременно иметь дружбу с Карлом и Петром, чтобы вымогать что-то в свою пользу от каждого из соперников. Именно тогда рождалась знаменитая прусская политика, сочетавшая в себе трусость, хищничество и коварство. Пруссия добивалась непрерывного расширения за чужой счет, «всегда следуя, — писал К. Маркс, — за кем-либо в качестве мелкого шакала, чтобы урвать кусок добычи». Полтава нанесла удар прусской дипломатии пресмыкательства перед Карлом. Однако, будучи вынужденной менять союзника, она не прекращает двойной игры. Как раз в октябре 1709 года, когда король Пруссии Фридрих I спешил в Мариенвердер на свидание с Петром, он, еще не встретившись с ним, уже предавал царя. Через прусскую территорию свободно проходила в это время шведская армия генерала Крассау в свое убежище в Померании. Фридрих I тем самым не только помогал противнику Петра; он нарушал собственное обязательство о нейтралитете по договору с Данией и Саксонией, заключенному всего три месяца назад.

Фридрих I рассчитывал воспользоваться состоянием победной полтавской эйфории, в которой еще пребывал Петр. Король пытался воздействовать на него проявлениями невероятно приторной, фальшивой «любви и дружбы», рассчитывая на очередную выгодную добычу. Но, несмотря на великодушные и снисходительные Петра в отношениях с иностранными партнерами, щедро проявляемые им после Полтавы, царь все же сумел разглядеть суть лицемерных и невероятно наглых домогательств прусского

короля. Надеясь на любимое Петром венгерское вино, которое лилось рекой, Фридрих попытался навязать свой излюбленный «великий замысел», то есть план раздела Польши. По этому фантастическому проекту Фридрих I хотел раздать огромные куски польских земель Августу II и Станиславу Лещинскому, то есть фактически Швеции, вознаградить Данию, даже Ганновер. Естественно, львиная доля доставалась Пруссии, вообще не участвовавшей в Северной войне. Любопытно, что России из «польских» владений предназначался... Петербург! Конечно, Петр с презрением отверг «великий замысел». Привлечь Пруссию к участию в Северном союзе ему не удалось. Единственное, что обещал Фридрих,— это не пропускать больше через свои владения шведскую армию. В награду за это ему был обещан в будущем в вечное владение город Эльбинг.

Петровская дипломатия предпринимает также попытку расширения Северного союза путем присоединения к нему курфюршества Ганновер — одного из крупных протестантских государств Германии. Для этой цели из Мариенвердера Петр отправил туда специальным посланцем князя Б. И. Куракина. Курфюрст Ганновера был сыном той самой Софии Ганноверской, которая встречалась с молодым Петром во время Великого посольства. Куракин получил задание добиться заключения наступательного или по крайней мере оборонительного союза России с Ганновером против Швеции. На протяжении долгого времени, до середины лета 1710 года, происходили сложные и запутанные переговоры, завершившиеся подписанием трактата сроком на 12 лет. От наступательного союза и вступления в Северный союз Ганновер уклонился, и достигнутое после долгих проволочек соглашение носило довольно двусмысленный характер. Договор с официальной формулировкой «о взаимной дружбе и союзе» предусматривал, что Ганновер будет содействовать обеспечению безопасности земель — Дании и Саксонии. За это Россия взяла на себя обязательство не нападать на шведские войска в Померании, если они сами не нападут на русских союзников. Фактически этот договор не только не усиливал Северный союз, но и ограничивал возможности русских действий против шведов в Германии. Конечно, в период до Полтавы такой договор мог бы рассматриваться как успех, но не после, когда благосклонность одного из германских курфюрстов уже не имела для России особой важности. Указывают на ценность договора в связи с тем, что курфюрст Ганновера должен был стать после смерти королевы Анны королем Англии. Так действительно и произойдет. Однако именно король Георг I будет в конце концов самым опасным и злейшим врагом России.

Договоры с Пруссией и Ганновером все же имели определенное положительное значение хотя бы потому, что нейтрализовали крайне враждебную России активность дипломатии этих государств. В 1708 году Матвеев доносил в Москву, что представители прусского и ганноверского дворов настойчиво внушали, что «всем государям Европы надобно опасаться усиления державы Московской; если Москва вступит в великий союз, вмешается в европейские дела, навькнет воинскому искусству и сотрет шведа, который один заслоняет от нее Европу, то нельзя будет ничем помешать ее дальнейшему распространению в Европе. Для предотвращения этого, союзникам надобно удерживать царя вне Европы, не принимать его в союз, мешать ему в обучении войска и в настоящей войне между Швецией и Москвой помогать первой».

Ясно, что точка зрения Пруссии и Ганновера после Полтавы могла только еще больше утвердиться, а их страх и враждебность — увеличиться. Тем более показательным, что теперь эти страны если не вступают в союз с Россией, то опасаются открыто занимать прежнюю крайне враждебную позицию, хотя, по существу, она стала даже более жесткой, как бы ни скрывали ее прусские и ганноверские дипломаты внешней любезностью и лестью. Собственно, поведение этих стран ничем, по сути, не отличалось от отношения всей Европы к России после Полтавы. За демонстрациями притворного дружелюбия зачастую скрывалось усиление враждебности.

Итак, расширить Северный союз путем включения в него Пруссии и Ганновера не удалось. Если эти страны и пошли на сближение с Россией, то только потому, что их

прежний покровитель Карл XII, разбитый в пух и прах под Полтавой, отныне в европейской политике представлял собой нулевую величину. Они рассчитывали также, что им перепадет кое-что из шведских владений в Европе, если сумеют приобрести расположение русского царя. Наивно было бы рассчитывать на их реальную помощь в деле завершения войны против Карла XII.

Но Северный союз в прежнем составе (Россия, Дания и Саксония) был все же восстановлен. Русской дипломатии не пришлось прилагать для этого особых усилий. Теперь Дания и Саксония с полным основанием рассчитывают на победу благодаря русскому могуществу. Прежнего риска, связанного с участием в Северном союзе, уже нет. Стало совершенно очевидным, что ушло в прошлое то время, когда Карл XII мог диктовать Травендальский и Альтранштадтский договоры. Новая мощь России была достаточной гарантией против этого.

Возрождение Северного союза имело безусловно положительное значение для России. Но оно уже не идет в сравнение с ролью этого союза в первый, дополтавский период войны. В то время благодаря союзу Карл XII на много лет завяз в Польше, воюя против Августа. Тем самым Петр получил драгоценное время для создания новой, могучей, регулярной армии, для закалки и обучения ее в огне первых побед, для подготовки Полтавы. Но теперь умудренный опытом Август II явно уклоняется от прямого участия в войне. Зато Дания проявляет воинственность. Она высаживает свои войска на южной оконечности Скандинавского полуострова, одерживает там сначала победы над шведами. Однако в феврале 1710 года шведский генерал Стенбок наносит датской армии крупнейшее поражение. А осенью того же года страшная буря на Балтийском море причиняет огромный ущерб датскому флоту и надолго выводит его из строя.

Как и прежде, война против Швеции ведется главным образом русскими силами. После переговоров с Августом II и Фридрихом I Петр в ноябре 1709 года направляется к Риге, под стенами которой стояла армия Шереметева. Царь сам сделал три первых выстрела, начав тем самым осаду города. Но из-за наступления зимы взятие Риги отложили. Весной 1710 года боевые операции начались под Выборгом. Безопасность Петербурга давно уже требовала отобрать этот город и крепость у шведов. Первая попытка взять Выборг предпринималась в 1706 году, но она оказалась неудачной. В марте 1710 года 13-тысячный корпус адмирала Апраксина по льду Финского залива подошел к Выборгу и начал осаду. Когда море стало очищаться от льда, к Выборгу направился русский флот, который не дал шведской эскадре пройти к осажденной крепости и оказать ей помощь.

13 июня Выборг был занят русскими. Петр считал это важнейшим вкладом в обеспечение безопасности Петербурга. Вслед за тем без особых усилий в сентябре русские берут Кексгольм.

Весной 1710 года возобновилась осада Риги. После артиллерийского обстрела 4 июня Рига — в руках русских. В конце сентября был взят Ревель. Таким образом, освобождение от шведов Прибалтики, начатое еще в 1701 году, окончательно завершается. Россия достигла всего, к чему она стремилась, и требовалось только закрепить это заключением мирного договора с Швецией.

Однако новые русские победы не изменили отрицательного отношения Стокгольма, не говоря уже о Карле XII, к перспективе установления мира. Такое упорство объяснялось главным образом обещаниями держав Великого союза, особенно Англии, оказать Швеции помощь против России. Но неопределенные словесные посулы не успокаивают Стокгольм, напуганный взятием русскими Выборга, Риги и Ревеля, строительством Балтийского флота. Шведские послы в столицах стран Великого союза умоляют спасти их страну. От них не требовалось много усилий, чтобы склонить на свою сторону Англию, Австрию, Голландию. Хотя, в отличие от Швеции они не подвергались угрозе военного удара со стороны России их пугало ее политическое возвышение, ее

возможное экономическое соперничество, конкуренция на морях, ликвидация их промышленной, торговой, политической монополии. Их страшила неизвестность, таившаяся в возможности того, что Россия в недалеком будущем использует целиком свои людские, природные и другие ресурсы. Рвавшаяся к всемирной гегемонии Англия, вступавшая в эру «английского преобладания», не желала допустить появления нового соперника в момент, когда казалось, что старый соперник — Франция терпит поражение в войне. Тем не менее противостоять росту российского могущества путем вооруженной борьбы ни Англия, ни другие страны Европы были тогда не в состоянии. Поэтому они прибегают к оружию большой дипломатической интриги. Петр тоже не мог позволить себе роскошь вести войну еще и с другими странами... Оставались лишь средства дипломатии. После Полтавы начинается, таким образом, новый этап дипломатической борьбы между странами Западной Европы и Россией. Она идет сразу, одновременно по нескольким основным направлениям.

Дипломатическими «полями сражений» служат проблемы, вокруг которых развивается наиболее интенсивная активность: нейтралитет или нейтрализация германских государств; посредничество для заключения русско-шведского мира; разжигание войны между Турцией и Россией; раздувание и использование антирусских тенденций внутри Северного союза, и особенно в Польше.

Запутанная и двусмысленная история с нейтралитетом началась еще в связи с восстановлением Северного союза. Чтобы преодолеть сопротивление Англии и Голландии России и ее союзникам пришлось гарантировать в декларации от 22 октября 1709 года, что датские и саксонские войска останутся в составе армии Великого союза и что страны Северного союза «не внесут войну» в Германию, не станут нападать на Померанию, где укрылась шведская армия. Но они потребовали, чтобы страны Великого союза со своей стороны дали гарантию того, что шведы не нарушат мира в империи и не нападут на Данию и Саксонию.

России, естественно, не приходилось опасаться такого нападения, но Дания и Саксония действительно боялись этого в свете своего опыта. Первая подвергалась нападению шведов в 1700 году, вторая — в 1706-м. Россия, следовательно, выступала с декларацией в интересах союзников и по их просьбе, чтобы укрепить Северный союз.

Страны Великого союза отнеслись к просьбе о гарантиях весьма благоприятно и, как писал А. А. Матвеев, «с чрезвычайным поспешением». Еще бы, это отвечало их самому большому желанию — не допустить нового разгрома шведской армии теперь уже в самой Европе. Гарантия спасала шведов и закрывала русской армии путь в шведскую Померанию. Шведский посол в Гааге Пальмквист не случайно заявил, что он ручается за быстрое одобрение нейтрализации шведским риксдагом.

В декабре 1709 года Англия, Голландия и империя выступили с гарантией «тишины и покоя» в империи. В марте 1710 года гарантия закреплялась в торжественном «акте о северном нейтралитете» этих держав. Поскольку шведы еще не опомнились от ужаса Полтавы и крайне нуждались в передышке, чтобы подготовиться к продолжению войны, то «акт о северном нейтралитете» немедленно одобрили в Стокгольме. Ведь пока шведы и думать не могли о нарушении «тишины и покоя». Они получили великолепную возможность использовать Померанию в качестве гарантированного убежища, как в свое время Карл использовал Саксонию для подготовки похода на Россию. «Акт о северном нейтралитете» поддержали Пруссия и Ганновер, в свою очередь боявшиеся появления русской армии в Западной Европе.

Когда в 1706 году Карл XII, захватив Саксонию, нарушил «тишину и покой» в империи, то ни Англия, ни Голландия, ни сам император не сделали ничего, чтобы ему воспрепятствовать. Теперь же только одна мысль о возможности действий русских войск против шведов на территории Европы побудила их к решительным действиям. Страны Великого союза объявили о своем намерении защитить нейтралитет в случае необходимости «силой оружия». И это были не одни слова: начались переговоры о

формировании специальной смешанной армии численностью в 20 тысяч человек. И так, когда возникла опасность отъезда датских и саксонских войск для войны против Швеции, то Англия, Голландия, Австрия горячо возмутились. Когда же надо было выделять войска для предупреждения появления в Европе России, то они охотно соглашались пойти на такую жертву. Трудно было представить более явное враждебное объединение Европы в защиту Швеции и против России. Однако делалось это в весьма изощренной дипломатической форме. Дело дошло до того, что удалось поставить Россию в такое положение, когда она сама одобрила всю эту антирусскую комбинацию, призванную помешать Петру поскорее завершить войну, вынудив Швецию заключить мир.

Почему же Петр 22 июня 1710 года пошел на признание «акта о нейтралитете», почему он указал русским послам поддерживать идею создания международного смешанного корпуса и, вообще, вести себя так, будто Россия и Европа находятся в полном согласии и единодушии в европейских делах? Именно здесь, как никогда ранее, проявилась вся тонкость и глубина петровской дипломатии, ее способность действовать в самых сложных политических обстоятельствах. Во-первых, надо было, как уже отмечалось, поддерживать «акт о нейтралитете» ради союзников — Дании и Саксонии; во-вторых, требовалось время для подготовки самой операции против шведских войск в Померании; в-третьих, затаив с нейтралитетом успокаивала шведов, давала им ощущение безопасности и тем самым ослабляла их усилия по подготовке реванша за Полтаву; в-четвертых, сама Россия нуждалась в передышке после страшного напряжения и усилий, потребовавшихся в борьбе с шведским нашествием; в-пятых, надо было дать поработать времени, чтобы антирусские замыслы сами расстроились из-за противоречий между европейскими странами; в-шестых, лобовой удар открытой конфронтации привел бы не к расколу единых общеевропейских замыслов против России, а, напротив, к сплочению русских недругов.

Существо дальновидной позиции России по отношению к «акту о нейтралитете» авторитетно разъяснил вице-канцлер П. П. Шафиров в своем знаменитом «Рассуждении» о причинах войны Петра Великого против короля Карла XII. Рассказывая, как Англия, Голландия и Австрия «час от часу домогательства свои умножали» вокруг затеи с нейтралитетом, Шафиров пишет: «И хотя сие весьма противно было его царского величества и его союзников высокому интересу, однакож дабы всему свету свою умеренность показать, изволил согласитца с своими союзниками и склонить оных к восприятию того, хотя и бесполезного их интересу, предложения».

Кроме всего прочего, в дипломатии, как и вообще в жизни, надо было кое-что оставить и на долю случайностей, которые обычно вмешиваются в ход событий из-за ошибок людей, из-за проявлений особенностей их психологического склада, из-за их сумасбродства в конце концов. Тем более что приходилось иметь дело с такой экстравагантной личностью, как Карл XII. А шведский король, который зализывал полтавские раны на захолустной окраине Османской империи под защитой турецких янычар, неожиданно поднял свой гневный голос. Стокгольмское правительство очень быстро и очень охотно одобрило «акт о северном нейтралитете». Согласовать это с Карлом, естественно, не было просто физической возможности, да и к тому же его очевидная выгодность Швеции давала основания для уверенности, что Карл XII, кроме радости и облегчения, не должен испытывать других чувств. Но король, питавший органическое отвращение к дипломатии, но понял существа дела. Он возмутился, что столь важные дела решаются без его согласия и в его отсутствие, и поэтому категорически отверг «акт о нейтралитете».

Карл XII в слепой ярости разорвал хитроумную дипломатическую сеть, призванную оградить Швецию от окончательного разгрома и связать руки России. Правительство Англии, усилия которого пошли прахом, в инструкции одному своему послу в раздражении раскрывало тогда всю подоплеку этого дела: «Шведские министры настаивают, чтобы мы спасли их, и в то же время они отнимают у нас возможность

сделать это, отвергая акт о нейтралитете, который является единственным средством, имеющимся в наших руках, чтобы оказать эту услугу».

Услуга была отвергнута Карлом XII, и вся затея с нейтрализацией пошла насмарку. Уже в начале 1711 года страны Северного союза обсуждают план вступления их войск в Померанию. Поскольку Швеция активно готовила свои войска для военных действий, Россия, Дания и Саксония не считали себя связанными «актом о нейтралитете».

Другим направлением антирусских дипломатических интриг Англии становится после Полтавы проблема посредничества с целью заключения мира между Россией и Швецией. Почти пять лет добивалась этого посредничества русская дипломатия, причем особенно от Англии. Достаточно вспомнить злосчастную миссию А. А. Матвеева, которая довела его даже до английской тюрьмы. Раньше, до Полтавы, в посредничестве либо просто отказывали, либо ссылались на непримиримость Швеции или чрезмерную завышенность русских требований по отношению к Швеции. При этом не проявлялось намерения оказать какое-либо воздействие на Швецию, чтобы побудить ее к согласию заключить мир. После неудачи переговоров Матвеева в Лондоне, русские стали склоняться к мысли, что любая прямая форма переговоров может скорее привести к миру, чем посредничество. Изменение дипломатической обстановки благодаря победе русских под Полтавой показало, что такой путь может стать реальностью, и это повлияло на политику Англии, где возникли опасения, что мир между Россией и Швецией, возможно, будет заключен без всякого английского участия. Поэтому уже осенью 1709 года английский посол в Москве Ч. Витворт получает указание своего правительства «прилагать все старания» к тому, чтобы Россия возбудила вопрос о посредничестве. Предполагалось, в частности, действовать через посла Пруссии с тем, чтобы инициатива исходила именно от России. Из этого, однако, ничего не вышло, и в декабре 1709 года Витворт начинает действовать сам. В это время Петр вернулся в Москву и жил в подмосковном селе Коломенском, в царской резиденции, ожидая окончания подготовки к проведению праздника по поводу Полтавской победы. Это было грандиозное зрелище; достаточно сказать, что по Москве провели более 20 тысяч пленных шведов. Во время религиозных праздничных церемоний Витворт встречался с Петром, а также с Головкиным и Шафировым. Посол несколько раз заводил речь о том, что следовало бы закрепить столь великую победу заключением мира на «умеренных условиях», что Англия согласилась бы по просьбе России выступить в качестве посредника. Никакого определенного ответа англичанин не получил. Это было нечто совершенно новое в русско-английских дипломатических отношениях. Роли переменялись, и просителем поневоле пришлось выступить послу Англии.

Только в середине января 1710 года Шафиров по указанию Петра сообщил Витворту, что царь готов заключить мир, который обеспечит «потребности его государства», но просить о посредничестве он сейчас не намерен. Россия рассмотрит предложение о посредничестве Англии, если оно будет сделано в приемлемой форме. Витворт уже не поднимает вопрос о том, чтобы Россия просила посредничества, как раньше. Теперь он, подобно Матвееву, еще год назад обивавшему пороги лондонских канцелярий, ищет встреч с Головкиным, Шафировым и уже сам предлагает от имени королевы английское посредничество. Более того, если раньше Англия пренебрежительно отвергала просьбу России о ее вступлении в Великий союз, то теперь она сама предлагает это русским. Витворт слышит в ответ, что Россия согласна, если ей предложат выгодные условия участия в Великом союзе. В ходе переговоров выясняется также, что английское участие в мирных переговорах приемлемо для России уже не в форме посредничества, но в виде добрых услуг. А это существенно меняет дело.

Посредничество служило тогда очень распространенной формой прекращения вооруженных конфликтов. Обычно оно являлось прерогативой наиболее влиятельных держав. Посредник в переговорах между враждующими странами играл огромную самостоятельную роль и мог успешно содействовать одной из них за счет другой. Иное дело

добрые услуги, которые превращают посредника в простую передаточную инстанцию, не играющую самостоятельной роли.

Наконец, происходит нечто совершенно неслыханное. Петр в ответ па английское предложение о посредничестве, которое он не отвергает в принципе, но и не принимает, предлагает посредничество самой России в мирных переговорах между Францией и странами Великого союза, происходивших как раз в это время! К тому же выясняется, что эта идея, вызвавшая сначала возмущение Витворта, другим странам вовсе не кажется столь уж нелепой.

Теперь Россия приобрела такой международный вес в европейских делах, который делает вполне уместным выполнение ею миссии арбитра при решении самых крупных проблем. Даже такой опытный, умный дипломат, как Чарльз Витворт, озадачен. В начале 1710 года он едет в Лондон, чтобы со своим правительством заново изучить и выработать дипломатическую линию, отвечающую интересам Англии в новых условиях, когда Россия действует в качестве великой державы.

Таким образом, Россия уклоняется теперь от английского посредничества, хотя в переговорах эта тема сохраняется. Но не лишила ли она себя тем самым возможности использования важнейшего канала для движения к столь желанному Петром миру со шведами? Не вскружила ли голову русским Полтавская победа? Факты свидетельствуют об обратном. Явное охлаждение отношения к Англии было правильно и хорошо рассчитанным дипломатическим ходом, соответствующим новому соотношению сил. Русские отлично понимали, что Англия совершенно не стремится к миру между Россией и Швецией. Ей было выгодно продолжение войны между ними. С помощью посредничества Англия рассчитывала, используя поддержку Голландии, утвердить себя в качестве арбитра на Балтике. Если же события и побудили бы Швецию пойти на прекращение войны, то Англия намеревалась сделать все, чтобы Швеция слишком не ослабела, а Россия не приобрела бы слишком много. Предлагая в Москве свое мирное посредничество, в Стокгольме англичане делали все возможное, чтобы убедить шведов продолжать войну, несмотря на ее полнейшую для них бесперспективность. В. Л. Долгорукий в конце 1709 года сообщал из Копенгагена: «Из Голландии посылается некая знатная особа в Швецию со обнадеживаньем, что все то, что король швецкий во время сея войны потеряет, Англия и Голландия без наименьшего труда и убытку Швеции возвратит по генеральному миру обещают». Донесения других послов — А. А. Матвеева, Б. И. Куракина — все время предупреждают Петра о новых враждебных происках английской дипломатии. Большую опасность для русских интересов имели попытки развалить и без того непрочный Северный союз, который удалось восстановить вопреки усилиям англо-голландской дипломатии. Особую ценность для России в этом союзе имела Дания, поскольку у нее был флот. В начале 1710 года разрабатывается план высадки совместного русско-датского десанта в районе Стокгольма. К сожалению, этот замысел провалился из-за того, что руководство войной в Дании осуществлялось в обстановке непрерывных разногласий между королевскими министрами, занимавшимися главным образом выпрашиванием взяток у иностранных послов, особенно у России. Богатая Англия в полной мере использовала такое положение. Ее представители в Копенгагене все время пытаются склонить Данию к сепаратному миру с Швецией. Обстановка способствовала им, поскольку в феврале 1710 года войска Дании потерпели поражение, потеряв шесть тысяч человек. 15 октября Дания капитулировала и вступила в мирные переговоры. Только непримиримость Швеции мешала Англии полностью вывести Данию из Северного союза.

При всем этом русско-английские отношения сохраняют респектабельную видимость нормальных, даже дружественных дипломатических контактов. В феврале 1710 года Петр дал аудиенцию вернувшемуся из Лондона послу Витворту, который вручил личное письмо королевы Анны. В самой изысканной и любезной форме королева просила принять ее извинение за оскорбление, нанесенное в Лондоне послу А. А.

Матвееву, сообщала о наказании виновных и издании закона, исключаящего подобные инциденты. Казус с Матвеевым вошел в историю международного права и послужил прецедентом для выработки гарантий прав и привилегий дипломатических представителей. Королева именовала Петра «императором», и Витворт по просьбе Головкина согласился впредь использовать этот титул в обращениях к царю.

В октябре 1710 года в Лондон в качестве посла и полномочного министра отправился князь П. И. Куракин с наказом «стараться отвлечь аглинский двор от шведов». Очень скоро Куракин убедился в невозможности достижения этой цели, несмотря на приход к власти в 1710 году партии тори, которую он считал более расположенной к России, чем виги. Куракин доносил из Лондона, что Англия является самой враждебной русским интересам страной Европы. Тем не менее Куракин сохранял с Англией внешне дружественные отношения, вел безрезультатные переговоры о нейтралитете германских государств, о посредничестве и т. п. Под покровом этой дипломатической благопристойности Англия вредила России везде, где только могла. Князь Б. И. Куракин занимал свой пост недолго, летом 1711 года он был отозван, чтобы получить вскоре назначение в Париж. Видимо, в Москве поняли, что пребывание в Лондоне столь крупного дипломата не имеет смысла в связи с бесперспективностью реального улучшения отношений с Англией. Вместо него в Лондон послали фон дер Лита, который был до этого посланником в Пруссии. Делать рутинную работу по поддержанию видимости нормальных дипломатических отношений способен был и этот, наемный дипломат. Куракину предстояло решать более серьезную и сложную задачу.

Меняющаяся обстановка требовала постоянного маневрирования людьми подобно тому, как на поле боя непрерывно передвигают отряды кавалерии или пехоты. Искоренить враждебность европейских держав к России было невозможно, но следовало настойчиво ослаблять ее с помощью терпеливой дипломатии. Петр понимал, что любые мирные средства достижения целей предпочтительнее, выгоднее, дешевле войны. Не надо пренебрегать никакими, даже частичными, эфемерными, улучшениями в отношениях с многочисленными европейскими партнерами. Здесь нельзя было добиться одной решающей победы; каждый успех создавал новые сложные проблемы, и не оставалось ничего окончательно достигнутого. Примером нового, более высокого уровня дипломатического искусства, которого требовала послеполтавская ситуация, служила миссия Б. И. Куракина в Ганновере. До этого он выполнял лишь эпизодические задания в дипломатии. Теперь он после Полтавского боя, где успешно командовал гвардейским Семеновским полком, целиком переходит на дипломатическую службу. Классический русский аристократ новой формации, он отличался самостоятельностью, высокой культурой, незаурядным умом и смелостью. Он не входил в «компанию» Петра, то есть не был близким к нему человеком. Тем более характерно, что царь поставил интересы дела выше своих личных склонностей. В этом, как и во многом другом, проявляется зрелость самого Петра как дипломата. Именно теперь, после Полтавы, Петр постигал всю сложность отношений с Европой, которую приходилось дорогой ценой удерживать от антирусского сплочения, от открытой и слепой враждебности к России. Главная опасность таилась в маневрах стран Великого союза. Требовалось терпеливо сдерживать их, чтобы предотвратить самое опасное — открытую военную поддержку Швеции, которая могла бы спасти Карла XII даже после Полтавы. Не сокрушать врага в открытом бою силой, но кропотливо, настойчиво приспосабливаться к нему так, чтобы побеждать без боя,— вот занятие русских дипломатов. По указанию Петра они «ласкали» правительства морских держав, чтобы хоть частично ослабить их неприязнь, нейтрализовать, усыпить, успокоить эту усилившуюся после Полтавы неприязнь. В концентрированном виде сущность послеполтавской дипломатии Петр выразил тем тяжелым по форме, «ломавшимся» тогдашним русским языком, тоже подвергавшимся, подобно всей России, преобразованиям, следующим образом: «Разсудить надлежит, что вся опасность Северной войны была от морских потенций, которых мы все ласкали, что

ежели б хотя нейтралство (не точию помоч) нам обещали, тогда б чего оные требовали с радостью учинили в их довольство».

Петр сразу понял, что в конечном счете главная опасность в новый период Северной войны исходит уже не от Швеции, а от морских держав — Англии и Голландии. Русские должны сделать все, чтобы получить от них даже не помощь, на что надеяться было бы нереально, но хотя бы их нейтралитет, невмешательство в борьбу между Россией и Швецией. Русская дипломатия кое-чего все же достигла в этом деле. Но гарантировать Россию от всех случайностей она не могла. Опасностей было слишком много, и они таились повсюду. Совершенно неожиданно летом 1711 года Петр едва не оказался жертвой прутской катастрофы.

УРОК НА ПРУТЕ

Сколько бы забот ни доставляли усложнившиеся после Полтавы международные дела, в целом они уже не вызывали таких опасений, как раньше. В самом деле, достаточно вспомнить 1700 год, когда разбитые русские войска бежали из-под Нарвы. В смертельной тревоге спрашивали: а что если Карл XII сразу же пойдет на Москву? Или 1708 год, когда спешно укрепляли старую столицу, вывозили ценности из Кремля и собирались ради удобства его обороны разрушить храм Василия Блаженного... Теперь ничего подобного вообразить было невозможно.

Прославленный и непобедимый Карл XII привел с собой в Россию 60-тысячное войско, а бежал из ее пределов в сопровождении всего двух сотен дрожавших от страха спутников. Турция, которая вплоть до Полтавы нависала дамокловым мечом над южными границами России, упустила благоприятный момент, когда основные силы русских были заняты войной против шведов. Европу связывали по рукам и ногам военные и дипломатические передряги дележа испанского наследства. Да и вообще, кто осмелился бы замахнуться на победоносную полтавскую армию Петра? Как же могло случиться, что летом 1711 года эта самая армия, окруженная превосходящими силами врага, будет па краю гибели? В прутской истории, оказавшейся какой-то нелепой трагикомической интермедией петровской внешней политики, причудливо смешались парадоксальные ошибки и случайности. Сказались незавершенность, лихорадочная поспешность многого в преобразовательной деятельности Петра, где гениальность великих замыслов сочеталась иногда с опрометчивостью конкретных решений. Началом всего и здесь стала Полтава, известие о которой произвело ошеломляющее впечатление на правителей Османской империи. До этого они выжидали, когда Россия попадет в трудное положение, чтобы напасть на нее, вернуть Азов, захватить юг Украины и Польши, снова дать крымскому хану «право» ежегодно грабить и разорять русские земли. Разгром шведов под Полтавой вызвал в Стамбуле взрыв слепой ярости. Беглого шведского короля, явившегося вместе с Мазепой, встретили с почетом, как героя, и сразу развернули военные приготовления, двинув войска к русским границам. Посол П. А. Толстой писал Г. И. Головкину из Стамбула: «Не изволь удивляться, что я прежде, когда король шведский был в великой силе, доносил о миролюбии Порты, а теперь, когда шведы разбиты, сомневаюсь! Причина моему сомнению та: турки видят, что царское величество теперь победитель сильного народа шведского и желает вскоре устроить все по своему желанию в Польше, а потом, не имея уже никакого препятствия, может начать войну и с ними, турками. Так они думают, и отнюдь не верят, чтоб его величество не начал с ними войны, когда будет от других войн свободен».

Поскольку, несмотря на Полтавскую победу, конца войны с Швецией не предвиделось, Петр в грамотах султану выразил твердое желание по-прежнему соблюдать мирные отношения с Турцией. В качестве условия Россия требовала задержать Карла XII и выдать предателя Мазепу. Однако султанское правительство, ссылаясь на Коран, который предписывает предоставлять гонимым убежище, отказалось выдать России ее

врагов. Что касается Мазепы, то вопрос отпал сам собой, ибо в сентябре 1709 года старый предатель умер. После долгих колебаний, споров, обсуждений в Стамбуле все же склонились к миру, и в январе 1710 года султан Ахмед III принял Толстого и торжественно вручил ему ратификационную грамоту, подтверждающую Константинопольский договор 1700 года. Кроме того, подписали соглашение о шведском короле. Он должен был вернуться в Швецию через Польшу, по территории которой его будет сопровождать русский отряд. Если это его не устроит, то ему придется самому найти себе дорогу на родину.

Миролюбивая акция султана вовсе не означала, что в политике разлагавшейся Османской империи возобладали реальные государственные интересы. Как справедливо отмечал А. С. Пушкин в «Истории Петра», «2000 мешков шведских денег (захваченных под Полтавой. Авт.) были Толстым выданы визирю, что весьма подкрепило его дипломатические рассуждения. Толстой получил аудиенцию: султан объявил, что он готов подтвердить мир...» П. А. Толстой по случаю подтверждения мира был произведен Петром в тайные советники.

Подтверждение мирного договора в России пышно отпраздновали. Но оказалось, что радовались преждевременно. Турецкая сторона сразу же стала колебаться. Метод возвращения короля объявили «невыгодным», а Карлу XII неожиданно удалось приобрести в Стамбуле огромное влияние.

Приближенные Карла развернули в Турции бешеную активность. Главным средством воздействия на султанское правительство оказались, как всегда, деньги. Король получил золото, которое вывез и оставил после себя Мазепа, затем сделал крупный заем в Голштинии, а также у английских банкиров — братьев Кук из Левантийской компании. В конце концов сами турки предоставили ему огромную сумму, которую он использовал в основном на подкуп султанских чиновников. Сначала Карл думал о возвращении в Швецию. Но, перебрав несколько возможных маршрутов (через Польшу, Австрию, Венгрию, морем и через Францию и т. д.), он надолго остался в стране правоверных. Его требования и приказы Стокгольму срочно создать новую армию и направить к нему, чтобы разгромить Петра и покарать Москву, а он все еще твердил об этом, натолкнувшись на верноподданный отказ по причине полного истощения Швеции. Приходилось думать о защите своей территории. Но, потерпев поражение в собственном королевстве, он одержал победу в столице султана. Сам король, презирая дипломатию, редко вступал в контакты с турецкими хозяевами. Все делали два его энергичных помощника. Первым был Мартин Нейгебауэр, перебежчик, немец, ранее находившийся на русской службе. Его наняли в качестве воспитателя сына Петра — царевича Алексея. Педагог из него не вышел, а его наглые домогательства высоких придворных чинов вызвали скандал. Нейгебауэра выслали из России, но он отомстил царю, напечатав в Европе яростный антирусский памфлет. Этим, видимо, он завоевал расположение Карла, сделавшего его своим секретарем. Теперь Нейгебауэр получил от Карла XII ранг чрезвычайного посла Швеции при султанском правительстве. Столь же активным представителем Карла был Станислав Понятовский, генерал и резидент короля Лещинского при шведском короле.

Политическая основа сделки Карла XII с Османской империей была изложена в письме короля султану: «Обращаем внимание вашего императорского высочества на то, что если дать царю время воспользоваться выгодами, полученными от нашего несчастья, то он вдруг бросится на одну из ваших провинций, как бросился на Швецию вместе с своим коварным союзником, бросился среди мира, без малейшего объявления войны. Крепости, построенные им на Дону и на Азовском море, его флот обличают ясно вредные замыслы против вашей империи. При таком состоянии дел, чтобы отвратить опасность, грозящую Порте, самое спасительное средство — это союз между Турцией и Швецией; в сопровождении вашей храброй конницы я возвращусь в Польшу, подкреплю оставшееся там мое войско и снова внесу оружие в сердце Московии, чтобы положить предел честолюбию и властолюбию царя».

«Спасительное средство», предлагавшееся Карлом, не имело для Турции никакого смысла. Что мог дать султану союз с королем Швеции, у которого уже не было практически войск в Турции, а «оставшееся» в Польше войско генерала Крассау ушло в Померанию? Тем не менее Нейгебауэру и Понятовскому удалось постепенно привлечь турок на свою сторону. Эмиссары Карла действовали по всем каналам. Так, им удалось заручиться содействием матери султана Ахмеда III. В исторической литературе нередко рассказывают о том, что дипломатия Нейгсбауэра и Понятовского победила дипломатию Толстого. Но дело объяснялось гораздо проще. У шведских агентов оказалось больше денег, чем у Толстого, и они смогли предложить более крупные взятки. Поэтому им удалось в июне 1710 года добиться отстранения от должности великого везира Али-пашу, проводившего по отношению к России довольно сдержанную политику. Понятовский и Нейгебауэр сумели убедить султана, что Али-паша подкуплен русскими и изменяет правителю правоверных в пользу России. Новый великий везир Нуман-паша 24 июля вызвал Толстого и потребовал, чтобы Россия отвела свои войска от турецкой границы и пропустила Карла в Польшу в сопровождении 50 тысяч турецких войск.

Хотя это заявление было сделано в грубо ультимативной форме, Петр реагировал сдержанно. Он направил Ахмеду III письмо, в котором подтвердил мирные намерения России, и шел на компромисс, соглашаясь на переход Карла XII через Польшу в сопровождении трехтысячного турецкого отряда. Поскольку Россия держала тогда в Польше 30 тысяч войск, это не представляло опасности. Но, зная неустойчивость турецкой политики, в которой неизменной сущностью всегда оставалась неискоренимая враждебность к России, Петр принимает и другие меры. Прежде всего дипломатические. Он приказал обратиться к империи и Венеции как союзникам России по старым договорам, например от 1696 года, чтобы просить их помощи против Турции. Петр призвал также Августа II, вновь сделавшегося «союзником» России, подготовиться к совместному отпору турецко-шведскому наступлению. Однако в свете печального опыта все эти союзники были союзниками только на словах, а не на деле. Поэтому Петр приказал увеличить численность русских войск в Польше и назначил командовать ими князя М. М. Голицына, опытного и способного военачальника. Между тем обстановка в Стамбуле становилась все более тревожной. Занявший место Али-паши новый великий везир Нуман-паша продержался всего два месяца и был заменен Балтаджи Мехмед-пашой, который по своей ненависти к России и по преданности ее врагу — Карлу XII превосходил всех своих предшественников. По случаю вступления на свой пост он, согласно обычаю, принял всех иностранных послов, за исключением одного — посла России П. А. Толстого. Вскоре Карл получил от Порты полмиллиона талеров в виде беспроцентного займа. От России потребовали полностью очистить Польшу от своих войск и не препятствовать возвращению шведского короля через эту страну в сопровождении большой турецкой армии. На письмо Петра султану, посланное еще в июле, никакого ответа из Стамбула не последовало. Тогда в октябре Петр направляет новое послание, в котором требует решительного ответа: либо Порта будет сохранять мир и тогда шведский король, подрывающий мирные отношения между двумя странами, должен быть выслан из Турции; либо в Стамбуле не хотят мира и тогда Россия двинет свои войска к границе и будет готова к войне в союзе с Польшей.

И на это письмо ответа не было, хотя обе грамоты дошли по назначению: их отобрали у царских гонцов, которых посадили в земляные тюрьмы. Стало известно, что в Стамбул вызван крымский хан Девлет-Гирей, закоренелый ненавистник России, давно требовавший войны с нею. Понятовский и Нейгебауэр немедленно нашли с ним общий язык, и силы, стремившиеся к войне с Россией, получили в турецкой столице новый, весьма влиятельный голос. На совещании Великого дивана (тайного совета) у султана, где собрались все высшие сановники Османской империи, принимается решение о разрыве с Россией. 20 ноября 1710 года ей официально объявляется война. Но само по себе объявление войны было лишь формальным актом. Пока враждебные действия

предпринимаются только лично против русского посла. Спустя неделю его дом подвергается разграблению, а самого П. А. Толстого сажают на старую клячу и через весь город везут в тюрьму Едикуле, знаменитый Семибашенный замок, расположенный на южной окраине Стамбула на берегу Мраморного моря.

Однако практически война начнется еще не скоро. За предстоящие три года Турция будет четыре раза объявлять войну России, хотя воевать по-настоящему придется один раз. А пока политическая борьба вокруг проблемы войны с Россией продолжается, и в ней тесно сплетаются в один запутанный клубок различные антирусские тенденции. Султанское правительство, Карл XII, крымский хан были явными, непосредственными ее участниками, действовавшими открыто на авансцене. Но за кулисами огромную роль играла дипломатия европейских держав. В самой Европе она не упускала ничего, чтобы вредить России и воспрепятствовать ей занять в международных отношениях естественно принадлежащее ей место, предопределенное ее географическим положением, ее историей и всем процессом прогрессивного исторического развития европейского континента. Турецкая столица на время становится тем местом, где оказалось возможным нанести русским интересам особенно ощутимый ущерб. Дипломатии Англии, Австрии, Голландии и враждебной им по испанской войне Франции здесь, несмотря на разделяющие их противоречия, как бы объединяются в стремлении во всем противодействовать России. Но кто же из послов европейских держав в Стамбуле особенно преуспел в этом деле?

Крайне сложно ответить однозначно на такой вопрос. Приходится учитывать, что порой картина, представляющаяся нашему взору спустя несколько веков, деформируется наличием или отсутствием целого ряда документов. Случается, что события и действия, имевшие огромное значение, не оставили после себя документальных следов. Напротив, дошедшая до нас обильная документация может выдвинуть на первый план то, что играло в действительности далеко не главную роль. Поэтому сохранившиеся сведения о маневрах дипломатических представителей европейских держав в Турции необходимо сопоставлять с политикой тех же стран в Европе. При этом возникают самые неожиданные стечения обстоятельств. Характерный пример — Австрия, являвшаяся центром Священной Римской империи германской нации. Исторически она была естественной союзницей России по борьбе с Турцией. Россия и Австрия являлись союзниками по последней войне против Османской империи, завершившейся Карловицким миром. Но уже тогда, как мы видели, между ними возникли острые противоречия. Они продолжают сказываться и теперь. К ним добавляются и действуют новые, из-за того что под властью империи, как и под властью Турции, находились славянские народы, связанные с Россией религиозно-этнической общностью. Возвышение Москвы не могло не породить их надежд на национальное освобождение, а это в свою очередь вызывало тревогу в Пене и усиливало там антирусские тенденции.

Но, как это часто встречается в дипломатической истории, опасения, вызванные ростом мощи другой державы, толкают на союз с ней, чтобы связать ее возможные, но нежелательные действия узами «дружбы». Именно так решили действовать в Вене после Полтавы. Летом 1710 года германский император направляет в Москву чрезвычайного посла — генерала Велчка для переговоров по поводу предложенного Венной договором о союзе и дружбе. Близилась к успешному завершению переговоры о женитьбе сына Петра — царевича Алексея на принцессе Шарлотте Вольфенбюттельской, сестре жены австрийского императора Карла VI. Такого рода «семейные» узы свидетельствовали тоже о сближении Вены с Москвой. Этот курс был также связан с опасениями Австрии за ее восточные и южные территории, граничившие с Турцией, особенно за Венгрию, где продолжалось антиавстрийское восстание, поддерживаемое Францией. Французские дипломаты давно уже пытались подтолкнуть Турцию на выступление против Австрии в Венгрии, что облегчило бы положение французских войск, сражавшихся против империи в Италии и на Рейне в войне за испанское наследство. Поэтому императорское правительство и вступило в переговоры с Россией для заключения союза. Шведско-

турецкое сближение после Полтавы вызывало тревогу Вены. Австрийский посланник в Стамбуле Тальман писал в своем донесении правительству, что «трудно предвидеть, во что может вылиться подобный союз». А он, весьма вероятно, мог быть направлен на Венгрию и Трансильванию. Тем более что французский посол в Турции очень активно способствовал образованию шведско-турецкого союза.

Особую тревогу австрийского посланника вызвало намерение Карла ХМ способствовать реорганизации турецкой армии и ее обучению «европейским правилам ведения войны». Тальман писал, что в этом случае «оттоманская держава вновь окажется страшной опасностью для христианства».

Все эти соображения и диктовали курс на сближение с Россией. Но они же вызывали стремление изменить направление шведско-турецкой экспансии, обратив ее против России. Поэтому Тальман пытался способствовать усилению антирусских тенденций в политике Османской империи. Когда сразу после Полтавы мирные отношения Турции и России получили подтверждение, это побудило Тальмана обратить внимание своего правительства, что для Австрии такое подтверждение опасно «больше, чем когда бы то ни было». Австрийская дипломатия активно поддерживает переориентацию Стамбула с мира на войну с Россией, чтобы обезопасить себя в Венгрии. Объявление войны России вызвало радость Тальмана, и он писал императору в Вену: «Благодаря принятой Портой резолюции — хвала божескому провидению! — удалось, несмотря на существующую уже семь лет опасную конъюнктуру (то есть восстание в Венгрии.— Авт.), добиться того, что ничего подобного не может угрожать Вашему римско-католическому Величеству». А в то самое время, когда Тальман торжествовал по поводу начала войны Турции против России, другие австрийские дипломаты вели переговоры о дружбе с Россией! Но подобного рода «двойственность» была обычным явлением в европейской дипломатической жизни.

Трудно было ожидать иной политики и от другой ведущей державы Великого союза — Англии. Английская дипломатия в Европе в это время усердно пытается затруднить для России успешное окончание войны против Швеции. Она подрывает действия возрожденного Северного союза, препятствует продолжению войны на территории Германии, воздействует на Стокгольм, чтобы там не шли на заключение мира, и т. п. Но еще более эффективным средством предотвращения роста влияния России в Европе была бы война Турции против нее, которая отвлекла бы русские силы. Руководитель английской внешней политики статс-секретарь Сен-Джон писал: «До тех пор, пока мы не закончили наше великое дело с Францией, в наших интересах, без сомнения, поддерживать пожар в этих краях». Английский посол в Стамбуле Роберт Саттон вел себя, однако, довольно сдержанно. Тем не менее враждебная России политика Англии в Турции, ее заинтересованность в войне между этими странами не вызывала никаких сомнений.

Французский посол маркиз Дезальер, в отличие от Саттона, действовал против России совершенно откровенно. Именно он был душой сговора Карла XII с турками. Многочисленные документы свидетельствуют, что он активно интриговал на всех этапах переговоров между ними. Дезальер особенно много сделал для того, чтобы Турция решилась, наконец, объявить войну России. Толстой и другие русские дипломаты были твердо уверены, что все затруднения России в Стамбуле являются плодом деятельности прежде всего французской дипломатии. Так считал и сам Петр: «Тогда же посол французский при Порте по указу своего короля сильные вспомогательства чинил королю шведскому и Порту побуждал к разрыву мира с Россиею, и немалую сумму денег тот посол французский, будучи у короля шведского в Бендере, оному привез... французский посол короля своего грамоту солтану (которая состояла в рекомендации за короля шведского, дабы ему Порте спомогла) подал, которая грамота столько побудила и помогла, что турки о выезде короля шведского из их земли и говорить перестали».

Эта авторитетная и исчерпывающая оценка роли французской дипломатии в Стамбуле представляется вполне достаточной. И все же для полноты картины ее придется дополнить колоритными данными. Дело в том, что одновременно с циничной игрой французской дипломатии в турецкой столице, призванной спровоцировать турецко-русскую войну, «король-солнце» пытается втянуть Россию в дипломатическую аферу, в которой ей уготована жалкая роль французского орудия в борьбе против Великого союза. В то время как Дезальер действовал против России в Стамбуле, Людовик XIV и его министр де Торси решили заручиться русской дружбой, не утруждая себя даже тем, чтобы для приличия скрывать свою двойную игру. До сих пор трудно понять, чем это объяснялось: расчетами на русскую неопытность или просто несогласованностью действий отдельных звеньев и лиц французской дипломатической службы? Причина, видимо, заключалась в осознании неудачи французской политики на востоке Европы, когда в ней появляются новые, еще не утвердившиеся тенденции. Версаль колебался, сомневался и ставил сразу на все карты...

Существование этих колебаний сводилось к тому, что после Полтавы во Франции начинают догадываться, что система так называемого «восточного барьера» Ришелье рушится. Эта система в свое время должна была обеспечить Франции победу в борьбе против империи австрийских Габсбургов. Она состояла в окружении империи сплошным кольцом союзников Франции. Швеция, Польша и Турция составляли восточную часть этого кольца, тогда как с запада империю осаждала сама Франция. Уже в конце XVII века «восточный барьер» стал ослабевать из-за упадка и разложения Польши и Турции. Уничтожение шведской армии под Полтавой разрушило самую, казалось бы, надежную часть барьера. Однако заменить старую ориентацию на Швецию, Турцию и Польшу новым союзом с Россией не осмеливались, ибо не испытывали пока уверенности в том, что возвышение России имеет необратимый характер. Собственно, первый зондаж французы предприняли еще в 1703 году в виде миссии Балюза, пытавшегося выяснить возможность вывода Швеции из войны с Россией для ее использования в войне против Великого союза за испанское наследство. С той же целью дипломатическая разведка осуществлялась на переговорах с А. А. Матвеевым в 1706 году. Но эти шаги делались несерьезно, с недостаточным пониманием и учетом интересов России и успеха не имели.

Полтава заставила основательнее задуматься о могуществе России и о закате Швеции. В конце 1709 года французские дипломаты заводят речь о желании Людовика XIV установить дружбу с Россией. Разговоры об этом ведут с послом в Копенгагене — Долгоруким, в Польше — с самим Меншиковым, в Париже — с русским агентом П. В. Постниковым. С русской стороны в ответ советуют направить специального посла в Москву. Летом 1710 года эта миссия поручается тому же Балюзу, и Людовик XIV 24 июля подписывает инструкцию для него. В этом и других сохранившихся французских документах развивается заманчивая для Франции мысль о диверсии России против Великого союза путем нападения на империю в Венгрии, где русская армия должна поддержать восстание во главе с Ракоци. Это сразу бы облегчило военное положение Франции в испанской войне. Кроме того, Франция хотела, чтобы Россия резко ограничила торговлю с Англией и Голландией. Взамен России следовало обещать посредничество в переговорах с Швецией, а также предложить ей самой выступить посредником в мирных переговорах между Францией и Великим союзом. Рассчитывали, видимо, сыграть на честолюбии царя.

Хотя в России ясно видели смысл французских заигрываний, переговоры все же решили продолжать. Назначили даже резидентом в Париж французского полковника де Крока. От этого неудавшегося назначения (Крок умер в апреле 1711 года) сохранился любопытный документ: его прошение Людовику XIV, в котором он заверял, что когда он окажется на службе у русского царя, то главной его целью останется служба королю Франции. В разговорах с русскими и тем более в бумагах к ним Крок об этом обязательстве, естественно, умалчивал. А оно было типичным фактически для всех

иностранцев, находившихся на русской службе, в том числе и дипломатической. Россия для них всегда оставалась только источником приобретения денег или других выгод, а искренне они служили своим странам и королям, торгуя русскими интересами направо и налево, предавая Россию при каждом удобном случае. Чрезмерное доверие Петра к иностранцам, как правило, оказывалось обманутым. Впрочем, в данном случае до этого не дошло, ибо Петр решил потом направить послом в Париж князя Б. И. Куракина.

В апреле 1711 года французский посол де Балюз прибыл в Москву и вел здесь совершенно бесплодные переговоры. Он так и не смог убедить русских в том, что Франция непричастна к организации турецко-шведского союза и к решению Турции о войне против России. Сохранились письма Людовика XIV, в которых он опровергает подобные обвинения. «Враги Франции ложно приписывают ей причины войны, которую турки объявляют русским», писал король и сваливал вину за это на австрийского императора. Однако до сих пор все, в том числе и современные французские историки, не верят самому знаменитому из королей Франции. Так, в «Дипломатической истории» профессора Жака Дроза французская политика в отношении России характеризуется следующим образом: «Потеряв свои традиционные союзы на европейском востоке, не могла ли Франция найти компенсацию в развитии русского могущества? Не мечтал ли Людовик XIV сделать своим союзником Петра Великого? Ведь в плане международных отношений царь действительно добился огромных успехов... Что касается Людовика XIV, то он послал своего представителя Балюза в 1702 году к царю, чтобы помирить его с Швецией и побудить ее напасть на Австрию; в 1706 году он обсуждал с русским поверенным в делах в Гааге возможность двойного посредничества в двух войнах — на Западе и на Востоке; в 1711 году он послал Балюза второй раз в Москву, но параллельные усилия французской дипломатии в Константинополе в пользу Карла XII заставят русских сомневаться в искренности короля. Действительно, разве возможно было добиваться союза с Россией и союза с ее врагами?» Таким образом, французская дипломатия обнаружила отсутствие реализма. Вообще, интересно сопоставить эффективность и целенаправленность прославленной дипломатии Франции и еще очень молодой и неопытной по сравнению с ней дипломатии Петра. Не теряла ли она напрасно время, силы, внимание на переговоры с партнером, в отношении серьезности (не говоря уж об искренности) которого существовали столь обоснованные сомнения? Ведь наши дипломаты ясно видели невозможность и нецелесообразность союза с Францией Людовика XIV. Чего же они тогда добивались? Речь шла о менее претенциозных, но совершенно реальных вещах: во-первых, способствовать тому, чтобы Франция подольше продолжала войну за испанское наследство, во-вторых, оставлять двери к соглашению с ней открытыми на всякий, а вернее, на такой случай, когда страны Великого союза начали бы открыто бороться с Россией. А эта возможность не исключалась, особенно со стороны Англии.

Князь В. Л. Долгорукий, не советуя Петру брать на себя какие-либо обязательства перед Францией, в то же время писал, что по отношению к ней, «однако, надобно показать некоторую склонность... Польза от того может быть та, что Франция, увидев к себе склонность со стороны России, станет продолжать войну; йотом союзники так сильно идут наперекор интересам царского величества, и если они действительно станут против нас действовать, то Франция будет нам нужна».

Кстати, кроме этих соображений, принималось во внимание и то обстоятельство, что о русско-французских переговорах прекрасно знали в Лондоне, Гааге и Вене. Русские давали понять «друзьям» в этих столицах, что на них свет клином отнюдь не сошелся. Во всяком случае русские дипломаты, как ни трудно им было тогда, по крайней мере знали, чего они хотят.

Среди различных сил, действия которых способствовали объявлению Турцией войны России, наряду с дипломатией Австрии, Англии, Франции фигурирует и Польша. Правда, это понятие часто используется для обозначения разных вещей. Его

относят и к польскому королю Августу II, и к другому королю — ставленнику Швеции Станиславу Лещинскому, и, наконец, к Речи Посполитой. Разрыв отношений и объявление войны Турцией 20 ноября 1710 года были сделаны не только против России, но и против Польши в лице Августа II. Что касается Станислава Лещинского, то Понятовский, игравший огромную роль в принятии решения о войне, выступал его официальным резидентом при Карле XII. Кроме того, в Бендеры к шведскому королю прибыл с крупным отрядом войск польский вельможа Иосиф Потоцкий, виднейший представитель сторонников С. Лещинского. Именно он передал в Стамбул предложение Карла XII султану сделать Польшу подвластной туркам территорией, выплачивающей Турции ежегодную дань в четыре миллиона дукатов, передать ей несколько пограничных польских районов и крепость Каменец-Подольский. Таким образом, Станислав Лещинский, которого шведы именовали «национальным королем», намеревался сделать Польшу вассалом не только шведского короля, но и турецкого султана.

Карл XII и турецкие власти планировали использовать польскую территорию в качестве главного театра предстоящих военных действий. Объявляя войну России, османское правительство требовало от нее вывести из Польши русские войска, находившиеся там по соглашению с Речью Посполитой. Естественно, что в Польше поразному реагировали на эти события. Сторонники Станислава Лещинского, опустившие головы после его бегства в Померанию вместе с шведами, вновь воспрянули духом и начали выступать более активно. Что касается Августа II и Речи Посполитой, то о войне с Турцией они думали меньше всего. Правда, вопрос об этом возник на переговорах Петра с Августом II в мае 1711 года в Ярославле. Там в основном решалась проблема совместных действий против шведов в Померании. Однако в связи с тем, что Турция готовилась внести войну на польские земли, Август II обещал отряд войск для совместных действий с русскими против турок. Это обещание он не выполнил. Более того, когда в феврале 1711 года в Москву явился посол Августа и Речи Посполитой Волович, России предъявили целую серию требований, которые в условиях войны с Турцией были по меньшей мере неуместными и несвоевременными. Волович потребовал передать Польше недавно взятую русскими войсками у шведов Ригу и всю Лифляндию. Поскольку война продолжалась, а польская армия как реальная сила существовала лишь на словах, такая передача была бы совершенной нелепостью, равносильной приглашению туда шведов. Волович требовал также передать крепость Эльбинг, что также открывало бы путь шведам из Померании в Польшу. Вызывающий характер носило требование передать Польше южноукраинские крепости, находившиеся в непосредственной близости от районов, где вот-вот должны были начаться бои между русскими и турецкими войсками. Столь же неуместны были и просьбы провести срочную работу по точному установлению границы на Днепре. Все это в условиях резкого усложнения обстановки, когда России предстояла война на два фронта, свидетельствовало о полном отсутствии стремления выполнять свои союзнические обязательства по существовавшим и недавно подтвержденным договорам. Особое значение имело требование о выводе русских войск из Польши, которое буквально совпадало с аналогичным требованием Карла XII и османского правительства. Выполнение этого требования было бы равнозначно добровольной уступке территории неприятелю. Поведение посла показало, как писал С. М. Соловьев, что Москве нельзя было ждать ничего доброго.

Итак, надвигавшаяся война заставляла Россию в состоянии изоляции. Даже союзная Польша внушала не надежды, а только опасения. Что касается Дании, другого союзника, то речь тогда могла идти не о помощи, а хотя бы о том, чтобы она не заключала сепаратного мира с Швецией. Словом, не было ни одного государств, на поддержку которого можно было бы рассчитывать. И тем не менее русская дипломатия не бездействует. В начале января Петр направляет новую грамоту султану с предложением о примирении. Ее постигла та же участь, что и несколько предыдущих посланий: ответа не последовало. Послу в Лондоне поручается просить английского посредничества в

заклучении мира с Турцией и Швецией. Такое же задание дается Матвееву в Гааге. В мае Франция предлагает посредничество в переговорах с Швецией. В ответ Петр просит осуществить его лучше с Турцией. Учитывая роль Франции в разжигании войны, это уже выглядит как злая шутка. Петр даже отправляет по этому поводу письмо Людовику XIV.

Все это было совершенно бесполезной, но применявшейся всегда, вплоть до наших времен, рутинной дипломатической активностью, не дававшей никаких реальных плодов, кроме сохранения обычных дипломатических каналов. Эту неотъемлемую часть деятельности европейской дипломатии Россия освоила легко и быстро, благо она не требовала дополнительных усилий.

Но и в этот период тревожного ожидания неотвратимо надвигавшегося военного столкновения оставалась одна сфера неофициальных дипломатических контактов, имевших далеко не формальное значение. Это — крайне активные и жизненно важные тогда связи России с угнетенными православными и славянскими народами, находившимися под властью Турции, а частично и Австрии. Естественно, они осуществлялись не в формах обычной дипломатии, а в виде тайных сношений через самых разных, часто случайных, посредников. Это было очень сложно, рискованно и ненадежно. Тем не менее именно здесь заключалась действительно серьезная дипломатическая работа, от которой зависело очень многое, если не все.

Война с Турцией с целью освобождения балканских народов от османского гнета совершенно не входила в расчеты Петра. Постоянной целью русской дипломатии было сохранение мира с Турцией. Напротив, национальные руководители этих народов, светские и духовные, мечтали о такой войне. Русская победа над шведами под Полтавой вызвала среди них нетерпеливые надежды на освобождение от мусульманского гнета, который по существу и по масштабам ограбления не отличался от монгольского ига, к тому времени еще не забытого в России. Представители православных народов Балкан буквально осаждают Москву просьбами о помощи, играя на сентиментальных побуждениях русских, стремившихся помочь поработенным народам, издавна связанным с Россией религиозно-этнической общностью. Горя страстным желанием освободиться от турок, они представляют задачу русских в идеализированном виде, невероятно преувеличивая размеры освободительного движения и преуменьшая трудности, которые ожидали русскую армию. Рисовалась фантастическая картина, на которой предстоящие события изображались так, что простого появления русских войск будет достаточно, чтобы турецкое господство было мгновенно сметено всеобщим восстанием измученных рабством сербов, черногорцев, болгар, валахов и молдаван...

Вот какой заманчивый план изложил Петр, основываясь на многочисленных внушениях представителей подвластных туркам народов, в письме к Шереметеву в апреле 1711 года: «Господари пишут, что как скоро наши войска вступят в их земли, то они сейчас же с ними соединятся и весь свой многочисленный народ побудят к восстанию против турок: на что глядя и сербы (от которых мы такое же прошение и обещание имеем), также болгары и другие христианские народы встанут против турка, и одни присоединятся к нашим войскам, другие поднимут восстание внутри турецких областей; в таких обстоятельствах визирь не посмеет перейти за Дунай, большая часть войска его разбежится, а, может быть, и бунт поднимут».

Особенно конкретные надежды возлагались на Дунайские княжества, находившиеся под господством османов. Географическое положение этих княжеств как бы открывало путь на Балканы. В конце 1709 года господарь Валахии Бранкован направил в Петербург своих представителей, с которыми был подписан договор. В случае войны с Турцией Бранкован обязался перейти на сторону России, организовать восстание сербов и болгар, предоставить в распоряжение России вспомогательный корпус в 30 тысяч человек, обеспечить русскую армию продовольствием. В будущем Валахия должна была стать независимым княжеством под русским протекторатом.

В апреле 1711 года заключили секретный договор с господарем Молдавии Дмитрием Кантемиром. Согласно договору, Молдавия, освобожденная от власти Турции, станет в новых расширенных границах наследственным княжеством Кантемира под протекторатом России. К основному договору прилагался второй, дополнительный, на случай неудачи в войне с Турцией. Кантемир должен будет получить в России владения, равные по своей ценности тем, которые он имеет в Молдавии. Кантемир также обещал войска и провиант для русской армии.

Соглашения заключили с представителями сербов и черногорцев. Они действительно подняли восстание против турок и австрийцев, в котором, по их сведениям, участвовало около 30 тысяч человек. Сербь обещали Петру вспомогательные войска в 20 тысяч, помощь продовольствием и предоставлением разведывательных данных о действиях турок.

Нее это сулило заманчивые перспективы. Победа казалась легко достижимой благодаря поддержке Молдавии, Валахии, сербов, черногорцев, болгар и других угнетаемых турками народов. Именно поэтому Петр решил осуществить наступательную стратегию. Предполагалось вторгнуться на территорию Турции. Здесь русская армия получит помощь местного православного населения и обильные запасы продовольствия, обещанные его представителями. После недавнего уничтожения прославленной шведской армии, когда у Петра не было никаких союзников, разгром нерегулярного, плохо организованного турецкого войска представлялся легким. Полтава не могла не внушить Петру уверенности в своих силах и возможностях. Естественно, что он считает теперь излишней такую же тщательную подготовку, как в войне против шведского нашествия. Петр явно утрачивает свою предполтавскую осторожность и предусмотрительность. Раньше исходным пунктом всех замыслов Петра служила убежденность, что успешно воевать на два фронта Россия не в состоянии. Сейчас же на каждом из фронтов — северном и южном — русские армии не ограничиваются обороной: они наступают! Многие историки, особенно зарубежные, считают, что действия Петра в прутском походе очень напоминают стратегию и тактику Карла XII во время его вторжения в Россию. Отмечают и другие ошибки Петра. Французский историк Жорж Удар пишет: «Теперь Петр имеет перед собой двух врагов. Это явилось результатом целой серии его ошибок. Прежде всего он совершил непоправимую ошибку, позволив Карлу XII бежать из-под Полтавы. Затем он имел несчастье, вместо того чтобы сконцентрировать все усилия на заключении мира с Швецией, ввязаться в хаос сложных дипломатических интриг, которые требовали тонкого политического чутья, изощренной дипломатии и финансовых средств, которых ему не хватало».

В России не хотели этой войны и, естественно, не готовились к ней. Армия была разбросана на огромных пространствах завоеванной Прибалтики, в многочисленных взятых крепостях. Отозвать войска с севера было нельзя хотя бы потому, что англо-голландская дипломатия могла воспользоваться этим для раскола и ликвидации Северного союза.

Многие документы свидетельствуют, что весна 1711 года была тяжелой для Петра. Как назло, он переносит серьезную болезнь. Перед отправлением в прутский поход царь приводит в порядок свои личные дела. В феврале он оформляет законным церковным браком свои давние супружеские отношения с Екатериной, от которой он уже имел детей. Отвечая на поздравление, он пишет А. Д. Меншикову о причинах этого брака: «Еже я учинить принужен для безвестного сего пути, дабы ежели сироты останутся, лучше бы могли свое житие иметь». По пути в действующую армию он пишет тому же Меншикову в связи со смертью грузинского царевича имеретинского, умершего в шведском плену: «Зело соблезную о смерти толь изрядного принца, но невозратимое уже лучше оставлять, нежели вспоминать; к тому имеем и мы надлежащий безвестный и токмо единому богу сведомый путь».

Итак, прутский поход именуется Петром заранее безвестным путем, исход которого ведом одному богу! Нет, Петр не походил на преступно легкомысленного шведского короля, и его жестоко терзает ощущаемая им опасность. Между тем 30 июня 1711 года русские войска вступают в Молдавию. Молдавский господарь Кантемир, выполняя свое обещание, переходит на сторону русских. Однако валахский господарь Бранкован решил остаться на стороне Турции. Но войска движутся вперед, и начинают оправдываться самые худшие опасения. Стоит жестокая жара, саранча уничтожила траву. Нет не только провианта и корма, не хватает даже воды. Все щедрые обещания насчет провианта, не говоря уже о людях, оказались нарушенными. Срываются и намеченные планы. Не удалось раньше турок выйти к Дунаю. 27 июня в войсках празднуется годовщина Полтавы. Но как не похоже положение русской армии на былой полтавский триумф! Военный совет обсуждает вопрос: повернуть назад из-за отсутствия провианта или идти вперед? Мнения разделяются. Петр решает продолжать поход. С. М. Соловьев пишет, что, «возбудив надежды христианского народонаселения, обмануть эти надежды, остановившись на Днестре, было очень тяжело для Петра».

Перейдя Днестр, русские войска вскоре вышли к Пруту. Очень важно было не дать туркам переправиться через него. Эту задачу поручили отряду под командованием генерала Януса фон Эберштедта. Он увидел, как турецкие войска начали переправу, но не выполнил приказа и отступил к главным силам армии. Подобного рода услуги (неприятелю) наемные иностранные офицеры и генералы оказывали довольно часто. Что касается Януса, пропустившего врага, то он будет за это уволен из русской армии. Петр специально отметил этот случай в «Журнале или Поденной записке»: «Конечно б мог оной Янус их задержать, ежели б сделал так, как доброму человеку надлежит».

Надо полагать, что «добрых людей» среди иностранцев было не так уж много, ибо еще до возвращения войск из злосчастного прутского похода, в Подолии, фельдмаршал Шереметев вызвал к своей палатке большую группу иноземных генералов и офицеров и объявил им повеление государя уволить тех из них, «которые были ему тягостны». Таковых оказалось: генералов — 15, полковников — 14, подполковников — 22, капитанов — 150. Но даже тех иностранцев, которые честно исполняли свой долг, использовать было нелегко. Вот как бригадир Моро де Бразе описывает процедуру отдачи генералу Янусу приказа (того самого, который генерал не стал выполнять): «Государь отдал генералу свои повеления, и как ни он, ни я по-русски не разумели, то его величество повелел их объяснить на французском и немецком языке и вручил нам тот же приказ, написанный по-русски с латинским переводом на обороте». Трудно было руководить войсками в боевой обстановке, если требовалась столь сложная процедура. В данном случае переводчики нашлись. Но легко представить, как обстояло дело с взаимоотношениями между иностранными офицерами и русскими солдатами, которые совершенно не понимали друг друга.

Вернемся, однако, к русским войскам, стоявшим на берегу Прута. 9 июля они были полностью окружены турками. Их было 135 тысяч человек, русских — 38 тысяч. Бой начался атакой янычар и продолжался три часа. Русские потеряли убитыми 4800 человек, турки — 8900.

С чисто военной точки зрения положение русской армии было не так уж плохо. Когда на другой день турецкое командование приказало возобновить атаку, то даже ударные части — янычары — отказались идти в бой. Английский посол Саттон писал из Стамбула в своем донесении: «Здравомыслящие люди, очевидцы этого сражения, говорили, что, если бы русские знали о том ужасе и оцепенении, которое охватило турок, и смогли бы воспользоваться своим преимуществом, продолжая артиллерийский обстрел и сделав вылазку, турки, конечно, были бы разбиты».

Но турки не знали положения дел в русском лагере, где люди и лошади уже много дней обходились без пищи и воды. Всего в прутском походе армия Петра потеряла 27285 человек, из которых в бою пало 4800. Остальные умерли от голода, жажды, болезней.

Армия выступила в поход, имея провианта всего на восемь дней. Обещанные молдаванами, валахами огромные запасы продовольствия оказались мифом. Страшная жара, саранча довершили дело. Армия утратила нормальную боеспособность.

С. М. Соловьев пишет о состоянии и самочувствии самого Петра в эти тяжелые дни и часы: «Как освободиться от упреков, зачем небольшое войско заведено так далеко в чужую страну без обеспечения насчет продовольствия, по слухам, что народонаселение примет русских как освободителей? Зачем повторена была ошибка Карла XII, который с такими же надеждами на казаков вошел в Малороссию? И все это бесславие после «преславной виктории»? Петр привык уже писать письма к своим с известиями о победах; а теперь о чем он должен известить их?»

Вот тогда-то, видимо, 10 июля Петр и написал печально знаменитое письмо к учрежденному им перед походом Сенату: «Господа Сенат! Извещаю вам, что я со всем своим войском без вины или погрешности нашей, но единственно только по ложным известиям в семь крат сильнейшею турецкою силою так окружен, что все пути к получению провианта пресечены, и что я без особенных божий помощи, ничего иного предвидеть не могу, кроме совершенного поражения, или что я впаду в турецкий плен. Если случится сие последнее, то вы не должны меня почитать своим царем и государем, и ничего не исполнять, что мною, хотя бы то по собственному повелению от нас, было требуемо, покаместь я сам не явлюсь между вами в лице моем; но если я погибну и вы верные известия получите о моей смерти, то выберите между собой достойнейшего мне в наследники».

Это письмо, как, впрочем, многие другие письма Петра, в подлиннике не сохранилось; впервые оно было опубликовано на немецком языке в 1785 году. С тех пор идет спор о его достоверности. Бесспорных доказательств, что это не фальшивка, не было представлено. Стиль, смысл, соответствие исторической обстановке сомнений не вызывают. Некоторые советские специалисты считают его подлинным. Например, Е. П. Подъяпольская или С. Ф. Орешкова в книге «Русско-турецкие отношения в начале XVIII века». К этому же мнению склоняется и русский историк С. М. Соловьев.

10 июля 1711 года собрался военный совет и решил предложить туркам перемирие. Если его отвергнут, то обоз сжечь и атаковать неприятеля. Направили парламентаря с письмом фельдмаршала

Шереметева в турецкий лагерь. Никакого ответа. Послали второго — и снова молчание. Тогда был дан приказ полкам идти в бой. Войска двинулись, и в это время появился турок с просьбой прекратить атаку и с сообщением, что предложение о мире принимается. В тот же день подканцлер П. П. Шафиров отправился на переговоры.

Прутские мирные переговоры — в определенном смысле столь же странный эпизод в истории петровской дипломатии, как и сам прутский поход в истории всего петровского царствования. Действия Петра по подготовке и проведению этого похода отличались явной переоценкой своих возможностей и недооценкой врага. Переговоры на Пруте, наоборот, имели исходным пунктом явную недооценку своих шансов и переоценку прочности позиций партнера. Об этом говорят первоначальные инструкции, которые Петр дал Шафирову, направляя его к великому везиру Балтаджи Мехмед-паше. Вообще, турки не ожидали, что русские запросят мира. Они даже сначала заподозрили здесь какую-то военную хитрость. До начала переговоров они совсем не считали себя победителями. Им было хорошо известно, что против них действует только часть русской армии. Притом сразу же почувствовалась разница между регулярной, дисциплинированной, обученной армией и турецким ополчением, которое шло в бой, как простая толпа. Даже янычары — отборные турецкие войска — выдохлись после первого же серьезного боя. К тому же старый везир был неопытным полководцем и опасался войны. Балтаджи понимал, что главная надежда русских — турецкие христиане еще могут сыграть свою роль спустя некоторое время. Везир чувствовал шаткое внутреннее положение Османской империи. Он знал также кое-что, чего еще не знали русские.

Например, действовавшая отдельно русская армия генерала Ренне захватила город Браилов с большими запасами продовольствия. Турецкий командующий получил сведения, что Австрия хочет воспользоваться войной, чтобы урвать кое-что у Турции, и уже собирает для этого силы. Русским было неизвестно о вражде между везиром и крымским ханом, представляющим непримиримо воинственную тенденцию. Не знали они также, что султан разрешил везиру заключить мир, не считаясь с интересами шведского короля, которому эта война нужна была больше всех. Петр и его войска, окруженные сплошным вражеским кольцом, в выжженной солнцем пустыне, измученные голодом, жаждой, а главное — ощущением неизвестности, естественно, видели все в слишком мрачном свете. Царь указал Шафирову идти на максимальные уступки ради заключения мира. Он мог согласиться вернуть Турции все завоеванное на юге, включая Азов, отдать шведам на севере тоже все, кроме Петербурга и Ингрии. Если этого покажется мало, то отдать Псков и другие русские владения. Можно было также согласиться с возвращением Станиславу Лещинскому польской короны. В дополнительной инструкции вообще предписывалось соглашаться на все, что потребуют, кроме рабства, лишь бы выбраться из окружения. Фактически это была установка па мир любой ценой.

Заслуга Шафирова в заключении мира, несколько преувеличенная в отечественной и особенно зарубежной литературе, состоит только в том, что у него хватило терпения и выдержки не раскрывать своих карт и дожидаться, пока турецкая сторона изложит условия мира. А они превзошли самые оптимистические надежды русских! Главное состояло в том, что турки оказались достаточно предусмотрительными, чтобы не работать на шведского короля. О возвращении каких-либо завоеваний на севере речь даже не заходила. Требования крымского хана, домогавшегося возобновления выплаты Москвой дани и настаивавшего на полном отказе от заключения мира, не были приняты во внимание. Шафирову удалось кое-что выторговать: турки сняли свое требование о выдаче господаря Молдавии Дмитрия Кантемира и серба Саввы Рагузинского. Благодаря этому, кстати, русская дипломатическая служба приобретает двух видных дипломатов. Кроме того, вместо выдачи артиллерии, находившейся с армией на Пруте, договорились отдать туркам пушки в крепости Каменный Затон, отходившей к Турции.

12 июля 1711 года мирный трактат на Пруте был подписан Шафировым и Михаилом Шереметевым (генералом, сыном фельдмаршала В. П. Шереметева), а с турецкой стороны — великим везиром Балтаджи Мехмед-пашой. В семи статьях содержались обязательства России вернуть Турции Азов, разорить Таганрог и Каменный Затон, не вмешиваться в польские дела и не держать в Польше войска, отказаться от содержания в Стамбуле постоянного дипломатического представительства. В договоре имелся туманно сформулированный пункт, обязывающий Россию «отнять руку» от казаков и запорожцев. Речь шла, как это понимали русские, о том, чтобы не преследовать остатки предателей, запорожцев и мазепинцев, укрывшихся частично в Турции. Эта довольно туманная статья приобретет затем неожиданное значение. Что касается Карла XII, то договор предусматривал обязательство России не препятствовать его возвращению в Швецию, а также заключить с ним соглашение о мире, если это соглашение окажется возможным. По данному пункту, собственно, договор лишь подтверждал прежнюю позицию России. П. П. Шафирову и М. Б. Шереметеву предстояло, по условиям договора, отправиться в Турцию в качестве его гарантов, а вернее, заложников. Таким образом, самого страшного удалось избежать. Прутский договор казался наилучшим среди всех возможных выходов из тяжелого положения, в которое попали Петр и его армия в результате опрометчивых действий и из-за несчастного стечения обстоятельств. И все же на фоне Полтавской победы это был бесславный договор, досадная внешнеполитическая неудача.

Но настоящим несчастьем прутский договор стал не для Петра, а для Карла XII. Когда Турция под одновременным воздействием собственных реваншистских стремлений, агрессивности крымского хана, антирусской дипломатии Франции, Австрии,

Англии, под влиянием шведов и поляков Станислава Лещинского объявила войну, для России открылась опасная перспектива шведско-турецкого союза. Такой союз при поддержке всей Европы грозил свести на нет успех русских в Северной войне, в самом преобразовании России. Однако за время от объявления войны в ноябре 1710 года до сражения на Пруте в июле 1711 года в Османской империи поняли, что затеянное предприятие против России не только ей не по силам, но и вообще не отвечает ее интересам. Поэтому склонность султана к шведскому королю ослабевает. Правда, когда турецкая армия собиралась на Дунае, великий везир послал Понятовского к Карлу, чтобы пригласить его участвовать в кампании в качестве гостя везира. Сначала Карл намеревался принять приглашение, но затем отказался. Как монарх, да еще такой прославленный и гордый, он не мог присоединиться к армии, которой командовал кто-то другой, в особенности если командующий ниже его по рангу. Эта ошибка дорого обойдется Карлу.

Но интересы шведского короля при великом везире бдительно охранял Понятовский. Согласие везира на мирные переговоры возмутило его, и он делал все возможное, чтобы сорвать их. Как только Шафиров появился в шатре везира, Понятовский немедленно послал курьера в Бендеры. Это было 11 июля, гонец прискакал туда вечером 12-го. Карл моментально вскочил в седло и в 3 часа дня 13 июля после непрерывной 17-часовой скачки уже был в турецком лагере. Он еще успел увидеть, как последние русские колонны с развернутыми знаменами под барабанный бой покидали злосчастное для них место, увозя с собой свои пушки. Они вовсе не выглядели разгромленными.

Карл бросился в шатер к великому везиру, и здесь под священным зеленым знаменем Магомета состоялось бурное объяснение. Карл гневно спрашивал, почему выпустили русских, зачем заключили мир? Балтаджи Мехмед-паша спокойно отвечал, что он все делал во имя интересов повелителя правоверных. Карл попросил одолжить ему лучшую часть турецкой армии. Поскольку король не связан мирным договором, он нападет на русских и возьмет в плен Петра. Балтаджи отказал Карлу, заявив, что христианин не может командовать правоверными.

Отныне везир и король Швеции станут смертельными врагами. Балтаджи потом рассказал Шафирову о беседе со взбешенным королем, который «говорил с великим сердцем и угрозами, чтоб везир не делал с царским величеством миру без того, чтоб и с ним — королем, обще помириться и все от него взятые города отдал». Но везир отвечал королю, что сему до него дела нет и мирился он от своего государя, а его должен как гостя проводить безопасно и тот проезд свободный ему уговорить. Король де ему с великою досадою и грубостью говорил, что на него султану будет жаловаться».

Карл XII выполнит свое обещание и доставит везиру немало неприятностей. Он еще несколько лет будет висеть на шее у султана, добьется от него с помощью союзников, особенно Франции, новых действий против России. Но благоприятная возможность на Пруте уже потеряна безвозвратно. Создать прочный антирусский союз Швеции и Турции не удалось. Прутский договор помешал замыслам Карла XII, Понятовского, маркиза Дезальера и крымского хана Девлет-Гирея. И в этом смысле он в последнем счете оказался выгодным для России.

От Карла XII и Понятовского пошла выдумка, что этот договор Балтаджи подписал только из-за огромной взятки, заплаченной ему русскими. Взятку везиру Шафиров действительно обещал, и немалую. Везир и его помощники должны были получать до 300 тысяч рублей. Ведь в те времена, в дипломатии без взяток обойтись было невозможно. Деньги в серебряной монете, уложенные в бочонки, русские даже доставили в турецкий лагерь уже после выхода армии из окружения. Но везир отослал их обратно, ибо знал, что либо крымский хан, либо Понятовский обязательно донесут об этом султану. Заключая прутский договор, Балтаджи действовал, исходя исключительно из интересов Турции. А они состояли в том, чтобы получить обратно Азов и другие русские завоевания, отрезать Россию от Черного моря, закрыв ей устья Дона и Днепра. Такая цель и была достигнута,

причем очень легко, путем войны, продолжавшейся всего четыре дня. Не случайно в Стамбуле рассматривали прутский договор как нежданное счастье. Праздник по этому случаю продолжался там шесть дней. Султан Ахмед III ко всем своим титулам прибавил звание «Гази» — победитель. Так что прутский договор вполне удовлетворял турок, чего нельзя было сказать о крымском хане или Людовике XIV, а особенно о Карле XII. Если бы русско-турецкая война продолжилась, то Россия вряд ли смогла бы закрепить свои завоевания на Балтике.

Поэтому Петр был совершенно прав, когда, сообщая адмиралу Апраксину горестную весть, что придется отдать Азов и Таганрог, утешал его (и себя!) таким доводом: «Сие дело есть хотя и не без печали, что лишиться тех мест, где столько труда и убытков положено, однако ж чаю сим лишением другой стороне великое укрепление, которая несравнительною прибылью нам есть».

Петр довольно сурово оценивал прутскую историю, а следовательно, и собственную деятельность. Решение о походе на Прут он считал «отчаянным», итоги похода — «бедственными» и «печальными». Сразу после Прута в Польше его поздравили со счастливым возвращением, на что Петр ответил: «Мое счастье в том, что я должен был получить сто палочных ударов, а получил только пятьдесят».

*

Период с 1705 по 1711 год во внешней политике России наполнен исключительно важными событиями. Среди них главное место занимает Полтавская битва. Она явилась кульминационным пунктом напряженных усилий русского народа, которых потребовала преобразовательная деятельность Петра. Свою долю в эти усилия внесла русская дипломатия.

Удалось обеспечить два важнейших внешних условия Полтавской победы. Россия успешно избежала опасности войны на два фронта. Турция вопреки враждебности ее правителей к России и подстрекательству дипломатии европейских держав, главным образом Франции, осталась в стороне от войны России и Швеции и была, таким образом, нейтрализована в решающий момент.

Другим важнейшим внешним условием победы русских над шведами была относительная изолированность Швеции, которая не имела официальных, формальных союзников, начиная вторжение в Россию. Однако Западная Европа была отнюдь не нейтральна. Фактически обе стороны, противостоявшие друг другу в войне за испанское наследство, оказывали содействие Карлу XII в его войне против России, которую считали уже обреченной.

Между тем обреченными на поражение оказались сам шведский король и его армия. Это становилось все яснее по мере того, как шведы двигались на восток. Сражение при Лесной побудило Карла предпринять запоздалые усилия по привлечению к войне таких союзников, как Турция, Крымское ханство, Станислав Лещинский и Мазепа. Но все действия шведов оказались тщетными. Дипломатия Петра активно и успешно противодействовала им.

Разгром шведов придал небывалый прежде авторитет, влияние дипломатической деятельности России. Возникла совершенно новая обстановка. Это было немедленно использовано для восстановления, а затем и для расширения Северного союза, для других дипломатических конкретных мероприятий в Европе. В самый момент этих важных событий историческое значение Полтавы не могло быть осознано из-за инерции веками сложившихся представлений о России. Первое, что проявилось в результате замечательной победы, был страх перед ростом русского могущества. Поэтому деятельность русской дипломатии практически не стала более легкой и простой. Напротив, ее задачи даже усложнились, а объем практической работы резко возрос. В то же время появилась опасная почва для самоуверенности, утраты осторожности. Именно в этих обстоятельствах и возникла драматическая ситуация на Пруте, которая преподала Петру и его сподвижникам суровый урок, показавший, что во внешней политике ничто не может гарантировать от

неожиданных опасностей. Дипломатическая ситуация в целом после Полтавы показала Петру, что результаты даже самой блестящей военной победы должны быть закреплены упорными, тщательными, терпеливыми усилиями дипломатии.

Итак, Полтава явилась рубежом, разделившим историю петровской дипломатии на две части. До Полтавы дипломатия как бы работала на войну, после — война работает на дипломатию. Главная внешнеполитическая задача России до Полтавы — разгром врага, после — заключение мира с побежденным противником. До Полтавы Россия лишь добивалась права голоса при решении важнейших европейских проблем, теперь она осуществляет это право. Если до Полтавы Россией пренебрегали, то ныне ее боятся; если раньше многочисленные противники России часто действовали вразброд, то теперь они пытаются выступать совместно.

Новое международное положение России показало, что дипломатия не есть простое следствие или выражение материальной силы государства. Полтавская победа дала бесконечно много, по первым делом она принесла петровским дипломатам множество новых сложнейших забот, повысила их роль и ответственность.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ ВРЕМЯ ВЕЛИЧИЯ

ДЕЛА ТУРЕЦКИЕ И ПОЛЬСКИЕ

Из всех видов политической деятельности дипломатия в наименьшей степени поддается предвидению и тем более планированию. Здесь, как нигде, постоянно возникают неожиданности и случайности. Эта закономерность подтвердилась самым наглядным образом в годы, последовавшие после заключения прутского договора. Главная цель внешней политики России — окончание Северной войны путем заключения мирного договора с Швецией — остается недостижимой. К ней приходится продвигаться долгими окольными путями. Непрерывных, тяжелых, часто бесплодных усилий требовали крайне сложные и напряженные отношения с соседями — Турцией и Польшей.

Утешением по поводу несчастного прутского договора служила мысль, что теперь-то Россия, наконец, получит свободу рук, чтобы решать главные проблемы на Балтике. Увы, этим надеждам не суждено было осуществиться: руки оставались связанными турецкими делами. Казалось бы, Турция, нуждавшаяся в мире из-за своих внутренних трудностей, получила все, о чем только могла мечтать. Вначале в Стамбуле действительно ликовали по поводу мирного договора с Россией. Однако очень скоро обстановка начинает осложняться. Карл XII, действуя через своего посланника в Стамбуле Г. Функа и Понятовского, развивает исключительную активность. В антирусских интригах с ними мог соперничать только маркиз Дезальер, посол Франции. Шведский король даже направила султану детальный план расположения русских и турецких войск на Пруте, чтобы доказать легко достижимую якобы возможность пленения всей армии Петра, упущенную великим везиром Балтаджи Мехмед-пашой. Первое время султан не придавал значения домогательствам Карла и даже отправлял самому везиру все королевские кляузы. Ему же он поручил быстрее решить проблему выезда Карла XII из пределов Османской империи. Балтаджи тем более охотно брался за это дело, что он уже успел возненавидеть своего высокого гостя. В ответ на представления Шафирово о необходимости скорейшего выдворения Карла XII великий везир отвечал: «Я бы желал, чтоб его чорт взял, потому что вижу теперь, что он только именем король, а ума в нем ничего нет и как самый скот; буду стараться, чтобы его куда-нибудь отпустить».

Однако Балтаджи заявил Шафирову, что он сможет выслать Карла лишь после того, как русские выполнят главное для турок условие договора — возвратят Азов, разрушат Таганрог и Каменный Затон. Возник конфликт из-за очередности выполнения

сторонами условий прутского договора. В самом договоре об этой очередности вообще ничего не говорилось. Петр же, зная крайнюю непоследовательность султанского правительства и его полное пренебрежение к международному праву, решил Азова не отдавать, пока Карла не вышлют из Турции. Почему царь придавал такое, на первый взгляд непонятное, значение выдворению короля? Это не было вопросом престижа, а проявлением глубокой предусмотрительности Петра, которого прутская история научила осторожности. В августе 1711 года он писал Апраксину: «Азова не отдавайте и Таганрога не разоряйте, пока я отпишу, ибо турки ныне хотят... учинить, дабы в Польше король шведский паки возмутил и остался в войне с нами, а они в покое безопасном. Мы так рассуждаем сие, для того войск наших из Польши не выведем по договору, пока подлинно приедет король шведский к себе».

Действительно, стоило ли идти на утрату всех плодов 16-летних усилий по строительству воронежского флота, взятию Азова, созданию новых крепостей и многого другого, не будучи уверенным в том, что не возникнет новой опасности со стороны Турции или Польши? Если бы шведский король вернулся на родину, то ему труднее было бы уклоняться от заключения справедливого мира. Правительство в Стокгольме, народ Швеции давно уже хотели покончить с войной, истощившей страну. В год битвы под Полтавой в Швеции был сильный неурожай. Осенью того же года Дания вступила в войну против нее, что вызвало новые тяготы. В 1710 году началась эпидемия чумы. В Стокгольме осталась только треть прежнего населения. Налоги стали брать вперед, цены с начала войны выросли в три раза. Все новые рекрутские наборы вызывали протесты. Поэтому в 1710—1712 годах появились не одна, а две шведские политики: одну, вытекавшую из реального положения Швеции, пытались проводить в Стокгольме, другую — в Бендерах, где Карл XII, оторванный от своей страны, уязвленный разгромом под Полтавой, опутанный огромными долгами, которые он вынужден был делать, ибо из Стокгольма не присылали ни гроша, оказался под воздействием своих кредиторов: англичан, голландцев, турок и особенно французов. Озабоченный своей пресловутой «славой», он очень смутно понимал, что является лишь пешкой в дипломатических комбинациях общеевропейского масштаба. Если бы он вернулся в Стокгольм, то там быстро бы протрезвел, а Швеция вместо двух получила бы одну настоящую политику и тогда с ней можно было бы серьезно говорить о заключении мира.

Однако, как ни важно было добиться выдворения Карла из Турции, русские понимали, что доводить дело снова до крайне опасной для России войны на два фронта нельзя. Поэтому находившийся заложником в Стамбуле Шафиров дал везиру «обязательное письмо» передать туркам Азов в течение двух месяцев.

8 ответ он получил от Калтаджи «обнадеживающее письмо», по которому везир обещал сразу после возвращения Азова и разрушения крепостей немедленно выслать Карла. Шафиров провел этот обмен обязательствами на свой страх и риск, ибо связаться с Москвой было невозможно. Петр сначала рассердился на это своеволие, но понял, что другого выхода нет. И он сам приказывает разорить и передать туркам Каменный Затон на Днепре и крепость Богородицкую на реке Самаре. Таганрог ведено было разорить, Азов тоже подготовить к передаче туркам, но, показав им разрушения, с передачей подождать до решения дела с Карлом. Так и сделали: когда после истечения обусловленных двух месяцев турецкие войска подошли к Азову, им его показали, но не отдали. В Стамбуле это вызвало негодование, и все антирусские силы удвоили свою активность. Мир оказался на волоске. Чтобы не провоцировать султана на отказ от прутского договора, в ноябре 1711 года Петр приказывает: Азов отдать, разоренный Таганрог тоже, а из Польши вывести основные силы русских войск.

Но было уже поздно. В Стамбуле события зашли столь далеко, что Россия оказалась перед лицом нового опаснейшего кризиса в русско-турецких отношениях. Там творилось нечто до того запутанное, что ясно было лишь одно: дела опасно склоняются не в пользу России. Крайне пошатнулось положение великого везира

Балтаджи, склонного к миру, с которым русские могли найти общий язык. Сложная дворцовая интрига совсем опутала его. Все самые влиятельные сановники, крымский хан, не говоря уже о Карле и его агентах, и, конечно, о французском посланце, сумели внушить султану, что везир не только упустил на Пруте русского царя, но и готовит заговор против султана. 9 ноября Балтаджи Мехмед-паша был смещен со своего поста и сослан. Новый везир Юсуф-паша, командир янычаров на Пруте, высказался за мир, но 27 ноября пришло сообщение из Азова, что русские отказываются отдать крепость...

9 декабря Османская империя объявила России войну, и весной султан обещал сам возглавить новый поход на север. Прутский договор был денонсирован. Двух ближайших помощников Балтаджи казнили, а его самого вскоре удавили...

Русским представителям — Шафирову и Шереметеву предъявили проект нового договора, который удовлетворил бы Турцию. Жестко и категорически в нем предписывалось: русские войска должны уйти из Полыни и никогда в нее не возвращаться; Россия немедленно отдает Азов и все свои разрушенные новые южные крепости; она не должна предъявлять никаких претензий относительно шведского короля. Но все это служило прелюдией к главному — Россия уступает Турции всю Украину! Оказывается, она принадлежит жалким бандам казацких сторонников Мазепы, вместе с Карлом XII укрывшихся в Турции под покровительством повелителя правоверных!

В различных описаниях этих событий русскими, европейскими, турецкими историками, в публикациях бесчисленных документов возникает пестрая, хаотическая картина невероятно запутанных событий, кульминационным пунктом которых явился неслыханно наглый ультиматум об Украине. Чье же болезненное воображение породило этот замысел? Неужели это придумал великий «Гази» — победитель, тень аллаха, султан Ахмед III? Или живой Александр Македонский, недобитый шведский завоеватель? Или польский генерал Понятовский, переодевавшийся в Стамбуле в турецкую одежду, чтобы очаровать своих мусульманских хозяев? Все нити вели к маркизу Дезальеру, представлявшему «короля-солнце», «продолжателя Карла Великого», ослепленного своим величием Людовика XIV!

Алчному, жестокому, но весьма неумному Ахмеду III внушили, что ему ничего не стоит возродить былое могущество Османской империи, взять реванш за Карловицкий мир, сокрушив Россию, подчинив Польшу, а потом и Австрию. Украина будет поделена между султаном и Станиславом Лещинским, этой французско-шведской марионеткой.

На такой основе польский «король», Карл XII и Ахмед III возродят «восточный барьер» Ришелье, который с запада поддержит Франция. Ведь уже начались переговоры о прекращении войны за испанское наследство. Франция вот-вот освободится от бремени войны и вместе с тремя восточными союзниками составит коалицию, каждый из участников которой получит вожделенную добычу. Швеция вернет себе прибалтийские владения, Турция захватит юг России, вернет земли, уступленные Австрии, и возобновит прерванный в 1683 году марш на Вену; Польша расширится за счет Украины, вернет «исконно польский» Киев, а Франция, опираясь на этих союзников, сокрушит австрийских Габсбургов. Грандиозный замысел в перспективе обещает Франции получить возможность нанести удар морским державам, особенно Англии. Таким образом, за султанскими притязаниями на Украину стоял Людовик XIV, у которого еще хватало золота на содержание шведского короля и на подкуп верных слуг султана.

Неужели в Стамбуле всерьез верили, что удастся завоевать Украину, то есть осуществить то, что привело к гибели шведскую армию под Полтавой? Неужели там принимали всерьез уцелевших сообщников Мазепы, уверявших, что народ Украины восстанет против московитов и встретит турок, как своих освободителей?

Видимо, верили в это только в Версале, а в Стамбуле лишь бряцали оружием за французские деньги. Здесь-то знали, как украинский народ «поддержал» Мазепу. Но 27 января 1712 года снова торжественно объявляется война России, рассылаются повторные указы о сборе войск. Однако практически настоящих военных приготовлений не

происходит. Волос того, в переговорах с Шафировым уже не выдвигается требование передачи Турции всей Украины. Турецкие представители просят русских дипломатов, «дабы они хотя что малое уступили еще по той или сей стороне Днепра для увеселения султана». Постепенно обнаруживается, что только крымский хан остается убежденным сторонником войны совместно с шведами. Затем становится известно, что в Бендерах произошла ссора Девлет-Гирея с Карлом XII. А в конце марта на заседании Дивана зачитывают письма хана, в которых он тоже выступает за мир. Диван принимает постановление, что «противно закону их ту войну начать и не надлежит ни султану, ни везиру в воинский поход идти».

В конце марта возобновляются переговоры о заключении мира. При этом посредниками выступают, по приглашению турок, английский посол Саттон и посол Голландии Кольер. Возникает множество спорных вопросов о Польше, о передаче крепостей. Но об Украине турецкие представители словно забыли. Никаких фантастических претензий больше не выдвигается. Наконец, 5 апреля 1712 года новый мирный договор был подписан. Самое поразительное при этом, что дипломаты Англии и Голландии не только отказались от обычного для них противодействия русским интересам, но и активно защищали их. Шафиров доносил Петру: «Если б не английский и голландский послы, то нам нельзя было бы иметь ни с кем корреспонденции и к вашему величеству писать, потому что никого ни к нам, ни от нас не пускали, и конечно б тогда война была начата и нас посадили бы, по последней мере, в жестокую тюрьму; английский посол, человек искусный и умный, день и ночь трудился, и письмами и словами склонял турок к сохранению мира, резко говорил им, за что они на него сердились и лаяли; и природному вашего величества рабу больше нельзя было делать; при окончании дела своею рукою писал трактат на итальянском языке начерно и вымышлял всяким образом, как бы его сложить в такой силе, чтоб не был противен интересу вашего величества; голландский посол ездил несколько раз инкогнито к визирю, уговаривал его наедине и склонял к нашей пользе, потому что сам умеет говорить по-турецки. И хотя мы им учинили обещанное награждение, однако нужно было бы прислать и кавалерии с нарочитыми алмазами, также по доброму меху соболью». Дипломаты, естественно, получили и соболей, и денег немало: посол Англии — 6000 червонных, а Голландии — 4000. Конечно, деньги в тогдашней дипломатии были фактором серьезным. Однако суть дела состояла не в деньгах, а в том, что в Лондоне и в Гааге отлично понимали, что все дипломатические демонстрации и маневры турок инспирируются Францией — их главным врагом. И не ради любви к России трудились послы Англии и Голландии, а чтобы помочь провалиться далеко идущие замыслы Версаля. Только этим и объяснялся редчайший случай искреннего сотрудничества послов Англии и Голландии с русской дипломатией.

Уже 20 мая 1712 года была отправлена царская грамота великому везиру Юсуф-паше, в которой Петр сообщал, что мирный договор он «изволяет принять и содержать». Договор был, таким образом, ратифицирован, хотя по сравнению с прутским договором его условия оказались более тяжелыми для России. Особенно двусмысленно сформулировали статью о выводе в течение трех месяцев русских войск из Польни и об условиях, когда они могут быть введены туда обратно в случае враждебных действий там шведского короля. Ясно, что русским войскам невозможно вести войну против Швеции в Европе, не проходя через польскую территорию. А ведь только ради завершения этой войны Россия и шла на жертвы по новому договору. Словом, заключенный договор содержал в себе зародыши неизбежных осложнений и конфликтов. С этим приходилось мириться ради главного — обеспечения мира на южных границах России. Собственно, в петровской дипломатии, как в любой другой, не было и быть не могло договоров, дающих только выгоды и преимущества. Подобные договоры вообще существуют лишь в воображении тех историков, которые не видят в дипломатии Петра ничего, кроме непрерывных дипломатических успехов. За успехи всегда надо платить, и весь вопрос в

том, чтобы цена оказалась не слишком высокой. В данном случае она была высока, хотя договор давал и разные преимущества. Например, турки выпустили, наконец, из тюрьмы русского посла, тайного советника П. А. Толстого. Его письмо канцлеру Г. И. Головкину по этому случаю служит хорошей иллюстрацией того, к чему приводила дипломатическая деятельность на посту посла в Турции. «Ныне, возымев время,— пишет Толстой,— дерзновенно доношу мое страдание и разорение: когда турки посадили меня в заточение, тогда дом мой конечно разграбили, и вещи все растощили, малое нечто ко мне прислали в тюрьму, и то все перепорченное, а меня приведши в Семибашенную фортецию, посадили прежде под башню в глубокую земляную темницу, зело мрачную и смрадную, из которой последним, что имел, избавился, и был заключен в одной малой избе семнадцать месяцев, из того числа лежал болен от нестерпимого страдания семь месяцев, и не мог упросить, чтоб хотя единожды прислали ко мне доктора посмотреть меня, но без всякого призрения был оставлен, и что имел и последнее все иждивил, покупая тайно лекарства чрез многие руки; к тому же на всяк день угрожали мучением и пытками...»

Нет никаких оснований удивляться жестокому обращению турок с дипломатами или объяснять это культурной отсталостью, варварством Турции. В христианской Швеции происходило то же самое. Русский посланник князь Хилков так и умер там в тюрьме, условия которой были не лучше, чем в турецкой. Любая форма общения с иностранцами, будь то война или дипломатические переговоры, осуществлялась на одном и том же нравственном уровне звериной вражды и ненависти. Если же Стамбул прибегал к мирным формам такого общения, то есть к дипломатии, то это служило лишь выражением слабости. Никаких иных побуждений здесь быть не могло.

Требую вывода русских войск из Польши, султан хотел обеспечить максимально благоприятные условия для Карла XII, Станислава Лещинского и его сторонников для возвращения в Польшу шведской армии. Он верил в данное Карлом еще до войны с Россией на Пруте обещание отдать султану Польшу в качестве вассального государства, выплачивающего огромную дань Турции. Турки хотели помочь шведам и их сторонникам в Польше захватить ее с тем, чтобы потом она стала турецким протекторатом. Эти притязания могли иметь успех, если бы султан и Карл располагали достаточными силами. Но их не существовало. Была только возможность создавать для России осложнения и трудности. Петр вынужден был мириться с ними как с неизбежным злом. Другой целесообразной политики не имелось, и ее неприятные последствия приходилось терпеть. Устранить их могла только сила, то есть, например, разгром турецкой армии. Но в условиях продолжения Северной войны такой возможности не было. Поэтому и поддерживали те странные отношения с Турцией, которые представляли нечто среднее между миром и войной. Заключая второй мирный договор с Турцией, Петр знал, что неизбежно предстоят новые передрыги в отношениях с Османской империей. Уменьшать по мере сил эти неизбежные трения — вот в чем состояла задача. Поэтому к июню 1712 года все русские войска действительно пришлось увести из Польши. Исключением была крепость Эльбинг, которую необходимо было держать в своих руках, поскольку она стояла на линии минимально необходимых коммуникаций с русскими войсками в Померании.

Однако Карл портил султану всю его игру вокруг вопроса о русских войсках в Польше. Он послал туда большой отряд верных ему поляков под командой Грудзинского. Из-за этого обостряются отношения между султаном и шведским королем. Султан поручает объявить Карлу, чтобы «он более на него не надеялся, но ехал бы от его области, ибо народ весь его более не хочет видеть в своем государстве и он за него стоять не будет».

Туркам давно уже стало обременительным содержание требовательного, но бесполезного гостя. Султан урезывает суммы на его расходы. Карл под огромные проценты делает займы у французских и английских купцов. В конце концов он целиком переходит на иждивение Франции. 1 сентября 1712 года в Тендерах заключается

французско-шведский договор. Франция обязуется склонить Турцию к войне против России, поддерживать возвращение польской короны Станиславу Лещинскому. Он в свою очередь вернет Турции земли, отошедшие от нее по Карловицкому миру. А за это Турция принудит царя московского вернуть Польше Киев и другие земли на правом берегу Днепра. Карл XII и маркиз Дезальер смело делят чужие земли, однако претендуют на полное невмешательство России в дела Польши и Украины. А Карл XII обязуется, если война за испанское наследство будет продолжаться еще больше года, вступить в эту войну на стороне Франции и напасть на земли империи. Франция предоставляет Карлу и Станиславу миллион ливров и впредь будет выплачивать ежегодные субсидии шведскому королю. Таким образом, начинается конкретная реализация (правда, пока на бумаге) того «великого замысла», о котором уже шла речь. Но всем этом проявились судорожные попытки Людовика XIV уйти от поражения в войне за испанское наследство.

Деятельность шведского короля все больше раздражает турок. Великий везир Юсуф-паша откровенно говорит об этом Шафирову: «Не бойтесь, чтоб шведский король мог теперь здесь что-нибудь сделать, хотя он и хлопочет, и всюду суется, уподобляясь человеку, посаженному на кол: с тоски то за то, то за другое хватается».

Но в турецком правящем лагере царит полная неразбериха, настроения там меняются непрерывно. Шведы и Понятовский ловко шантажируют султана русскими войсками в Польше. Султан посылает в Польшу салахара Ахмед-бея для проверки, действительно ли там остаются русские. Они по-прежнему находятся в крепости Эльбинг, но из-за разбойных действий отряда Грудзинского, присланного Карлом, пришлось направить против него некоторые силы. Естественно, что салахар, вернувшись из Польши, докладывает, что русских войск в Польше много. Эту информацию охотно подтверждает посол Австрии, чтобы способствовать раздуванию турецко-русского конфликта. Посол Англии прекращает прежнюю поддержку русской дипломатии, и только посол Голландии еще содействует ей. Чтобы разрядить обстановку, русские войска опять полностью эвакуируются из Польши. Оставили даже Эльбинг. Но в Стамбуле реальное положение дел, очевидные факты, логика и здравый смысл уже совершенно не принимаются во внимание. 31 октября 1712 года Великий диван выносит решение снова объявить войну России. Шафиров, Шереметев, Толстой и всех их людей арестовывают. Великий везир Юсуф-паша смещен, и на его место назначен новый — Сулейман-паша. Он действует в тесном контакте с Дезальером, и французский посол буквально продиктовал султанскому правительству новую программу требований к России. Среди них опять фигурируют восстановление Станислава на польском троне, отказ России от Украины в пользу Турции и от всех балтийских завоеваний в пользу Карла XII. В случае отклонения требования Турция начнет войну. Султан Ахмед III едет в Эдирне (Адрианополь) — традиционное место сбора войск для походов. Рассылаются указы о наборе солдат.

Поскольку главным театром предстоящей войны должна была оказаться Польша, то значение имела ее позиция. До сих пор Август II и Речь Посполитая практически не помогали русской дипломатии в борьбе против французско-турецко-шведских происков. Однако угроза превращения страны в поле битвы заставляет их активизироваться. Приезд польского посла Хоментовского сам по себе опровергает нелепую уверенность султана в том, что вся Польша поддерживает Станислава. Польский посол в переговорах выступает за мир между Турцией и Россией. Оппозиция против авантюристических планов султана, и особенно против Карла XII, усиливается. Шафиров пишет о настроениях турецкой верхушки в начале 1713 года: «Турки не рады и стыдятся, что объявили войну, и в разговорах дивятся, для чего ваше величество никого к ним не пришлет для обновления мирных договоров».

Петр не видел основания для присылки кого-либо еще в Турцию, ибо там уже находились подканцлер Шафиров, посол Толстой, М. Б. Шереметев. Правда, они сидели в Семибашенном замке. К тому же поведение султана вообще не позволяло рассматривать его самого и других высокопоставленных турецких вельмож в качестве собеседников или

партнеров в каких-либо переговорах. Собственно, новые ультимативные требования, демонстративный выезд султана в Адрианополь, указ о мобилизации служили грубым шантажом России. Естественно, были приняты меры для подготовки к новой войне с Турцией. В районе Киева стояла наготове армия фельдмаршала Б. П. Шереметева. Если перед прутским походом провианта заготовили на неделю, то теперь приказано было иметь его на семь месяцев. Причем на этот раз предусмотрительно решили ориентироваться на войну оборонительную. Султан же, видя безрезультатность шумных и угрожающих демаршей, обратил свое недовольство против Карла XII. Ведь его люди, Понятовский, маркиз Дезальер и др., убедили Ахмеда III, что Россия и без войны примет все требования. Этого не произошло, и воинственный пыл султана обрушился самым трагикомическим образом на Карла XII. Шведский король давно уже приобрел множество врагов в Турции, и его перестали воспринимать всерьез. Крымский хан Девлет-Гирей, который сначала был его союзником, стал злейшим врагом короля. Это он сговорился с Августом II, что Карл выедет через Польшу в сопровождении турок и татар. На польской территории охрана собиралась «потерять» короля, и он был бы захвачен поляками и превратился в пленника Августа II, который намеревался припомнить ему Альтранштадтский договор. Но Карл узнал об этом замысле и не попал в ловушку. Султан Ахмед III придумал другой способ избавиться от союзника и высокого гостя. 18 января 1713 года он приказал отправить короля, если потребуется — с применением силы, из Бендер в Салоники. Там его должны были посадить на французский корабль, который доставил бы Карла в Швецию. Турки во главе с крымским ханом и бендерским пашой имитировали нападение на лагерь Карла, но король решил защищаться по-настоящему. Началось сражение, вошедшее в историю под турецким названием «калабалык».

Шафиров в своем донесении писал, что турки требовали отъезда короля «по варварскому обычаю сурово, а король, по своей солдатской голове удалой, стал им в том отказывать гордо, причем присланный султаном конюший грозил ему отсечением головы; король на это вынул шпагу и сказал, что султанского указу не слушает и готов с ними биться, если станут делать ему насилие. Тогда турки отняли у него корм, пожгли припасы и амбары и окружили его войском. Карл окопался около своего двора, убрался по воинскому обычаю, приготовился к бою, велел побить лишних лошадей, между которыми были и присланные от султана, и приказал их посолить для употребления в пищу. Султан, узнав об этом, послал указ взять Карла силою и привести в Адрианополь; если же станет противиться, то чинить над ним воинский промысел».

Началась осада укрепленного лагеря Карла, путившего в ход даже несколько имевшихся у него пушек. Поскольку туркам приказали не причинить вреда лично королю, то именно они имели немалые потери. Надо отдать должное королю, этому, по выражению Шафирова, «храброму и первому в мире солдату», — он сражался отчаянно. В конце концов янычары взяли его в плен. При этом король, как сообщал Шафиров, понес потери; он потерял четыре пальца, часть уха и кончик носа. По другим данным, ему еще и сломали ногу. После этого Карл оказался на положении пленника. Так окончилась эта, писал Шафиров, «разумная с обеих сторон война», в которой против 100 шведов сражалось 12 тысяч турок. В итоге Карл вынужден был уехать из Турции инкогнито в сопровождении небольшого отряда шведов через Венгрию, Австрию и Германию. Осенью 1714 года он отправился в шведскую Померанию под именем капитана Петра Фриска. 10 ноября, измученный почти непрерывной 14-дневной скачкой, он явился к шведской крепости Штральзунд. После 15-летнего отсутствия Карл XII вернулся из похода, в который он отправился с 60-тысячной армией, а возвратился в сопровождении только одного человека.

В Турции, наконец, кажется, поняли бессмысленность яростной, но безнадежной борьбы против России, в которой султан часто играл роль слепого орудия в руках французской дипломатии. Здесь снова меняют великого везира, назначают нового крымского хана, обновляется почти все высшее руководство Османской империи.

Русских дипломатов после пятимесячного заключения в стамбульской тюрьме в марте 1713 года перевозят в Адрианополь, и возобновляются мирные переговоры. Но будут ли они серьезными или снова разыграется фарс с целью вымогательства и шантажа? Шафиров писал тогда Петру: «Мне стыдно уже доносить вашему величеству о здешних происшествиях, потому что у этого непостоянного и превратного правительства ежечасные перемены». 7 мая переговоры возобновляются, и русские дипломаты, еще не успевшие прийти в себя от ужасов турецких застенков, снова терпеливо отстаивают очевидные истины и справедливые права России. Хотя положение Турции не таково, чтобы она могла сохранять свой провокационный и ультимативный тон, русским предъявляют новые наглые требования: Россия должна не только передать туркам новые территории, но и согласиться поселить на них предателей, сообщников Мазепы. От нее требуют также возобновить выплату дани крымскому хану. Эти условия были опять продиктованы маркизом Дезальером и Понятовским, которые видят, что все их усилия по разжиганию войны вот-вот рухнут. Шафиров писал Петру, что «французский посол и Понятовский мечутся как бешеные собаки денно и ночно всюду, для того я принужден ныне последние силы и умишко в том употреблять».

Надо признать, что «умишко» Шафирова помогал ему вместе с П. А. Толстым находить выход из самых труднейших ситуаций. Шафирову приходилось тем более трудно, что канцлер Головкин плохо относился к нему. За два года пребывания Шафирова в Турции он не послал ему ни одного обстоятельного ответа на его письма. Фактически у него не было инструкций, кроме доходивших редко и с трудом указаний Петра. Он даже жаловался царице Екатерине Алексеевне на Головкина: «Мы новый договор о мире поставили; однако же в том обретаюсь в великой печали, что сие принужден учинить, не получа нового указа, понеже тому с 8 месяцев, как ни единой строки от двора вашего ни от кого писем не имели. Того ради прошу о всемилостивейшем предстательстве ко государю, дабы того за гнев не изволил принять, что я не смел сего случая пропустить и сей мир заключил...»

Действительно, требовалось немало мужества, чтобы категорически отвергнуть претензии турок о выплате дани крымскому хану и о поселении на русской границе казаков-мазепинцев. Ведь тем самым Шафиров и Толстой рисковали разрывом переговоров и, возможно, новой войной. С другой стороны, русские дипломаты самостоятельно приняли решение пойти на новые уступки туркам, чтобы заключить, наконец, мирный договор 13 июня 1713 года. Можно понять Шафирова, когда он писал, что сделано это было им «по многим трудностям и поистине страхом смертельным». Но Петр все понимал и одобрил подписанный договор, приказав своим послам больше ни в какие переговоры с турецкими властями не вступать.

Этим завершился очень сложный и тяжелый этап в русско-турецких отношениях. Они стабилизировались, чему способствовали отъезд Карла XII из Турции, а затем и ее война против Венеции и Австрии. Русская дипломатия в невероятно трудных условиях выдержала борьбу против страшной угрозы войны на два фронта. Пришлось, правда, пойти на уступки и жертвы. Но главное удалось достичь: в конце концов были созданы условия для завершения Северной войны. Русская дипломатия выиграла тяжелейшую схватку с объединенными силами дипломатии Франции и Турции, а также Австрии, которым нередко помогали представители морских держав. Она расстроила интриги Карла XII и представителей Станислава Лещинского. Все это происходило там, где больше всего сказались последствия «прутского позора». Мирный договор с Турцией с учетом этого обстоятельства, как ни тяжел он был, явился несомненным успехом. Если верно, что дипломатия — это искусство возможного, то в данном случае наши дипломаты достигли невозможного.

От рассмотрения турецких дел в послеполтавское время логика событий органично требует перехода к делам польским. Они оказались не менее сложными и не менее важными. Особенность петровской дипломатии в польском вопросе в том, что здесь она

гораздо непосредственнее подходила к главной внешнеполитической задаче царствования Петра — к сближению России с Западной Европой. Географическое положение Польши делало ее связующим звеном, мостом между Россией и Европой. Многие достигнуто в преодолении прежней функции Польши как преграды, стены между Россией и остальной Европой. Это началось еще до Петра известным «вечным миром» 1686 года. Но только после Полтавы Речь Посполитая признала «вечный мир». Запоздалая ратификация символизировала усиление русско-европейского сближения, в котором Польша объективно призвана стать как бы посредником. Однако в прогрессивном превращении западноевропейской системы международных отношений в общеевропейскую, простирающуюся от Атлантики до Урала, Польше в то время не суждено играть роль активного самостоятельного фактора. Злосчастная историческая судьба Польши ввергла ее в начале XVIII века в политическую анархию и внешнеполитический паралич. Виновниками польского бессилия и хаоса были крупные магнатские роды, соревновавшиеся в ограблении собственного сельского и городского населения. Во внешней политике они также не обладали ни малейшим сознанием государственных и национальных интересов и соперничали между собой в продажности внешним силам, будь то Франция, Швеция или Россия. Реальный национальный внешнеполитический интерес пробивал себе дорогу и получал отражение лишь в отдельных внешнеполитических акциях, таких как союзный договор Речи Посполитой с Россией 1704 года, подтвержденный в 1709 году. Но практически он не смог стать основой польской внешней политики, ибо такой вообще не существовало из-за отсутствия стабильной центральной политической власти. Речь Посполитая раздиралась распрями между паразитирующими магнатами; король Август II руководствовался только мелкодинастическими корыстными расчетами, которые ограничивались лишь королевской трусостью; другой «король» — Станислав Лещинский был вообще простой марионеткой, для которой шведские, французские, турецкие замыслы служили единственными побудительными факторами какой-либо деятельности. И вот с этим яростно копошащимся клубком противоречий между шляхетско-магнатскими кликами приходилось иметь дело Петру. Естественно, что отношение России к Польше и в послеполтавский период определялось главной внешнеполитической целью Петра — сближением с Европой путем утверждения России на балтийских берегах. Формально Польша остается русским союзником, хотя выполняет союзнический долг крайне непоследовательно. Но об этом пойдет речь в связи с рассмотрением дальнейшего хода Северной войны. Сейчас же придется коротко обозреть чисто русско-польские проблемы.

В дипломатических отношениях между Россией и Польшей огромное место занимают почти непрерывные претензии по поводу пребывания русских войск на польских землях. Оно было вызвано прежде всего потребностями и просьбами самих поляков. Их звали сюда, когда надо было защищаться от нашествия шведов или турок, когда требовалось умерить алчные аппетиты Пруссии, короли которой носились с планами раздела и уничтожения Польши. В этих случаях русская армия была спасительницей, опорой независимости страны. Но русская армия сама нуждалась в польской территории для военных действий против Швеции. После Полтавы конкретно речь шла о шведской Померании. На юге Польши приходилось держать войска из-за угрозы турецко-шведского вторжения. Если Турция в это время пыталась лишить русских даже права прохода через польские земли, чтобы поддержать Карла XII или освободить путь своей армии, то поляки требовали того же по другим соображениям. Роль союзника в Польше соглашались выполнять только в тех случаях, когда это без особых усилий давало прямую, непосредственную выгоду. Поэтому присутствие русских войск используется для вымогательства денежных субсидий и возмещения реального или мифического ущерба. Отрицать факты такого ущерба было нельзя, они действительно имели место. Речь шла о том, чтобы избежать злоупотреблений как с русской, так и с польской стороны.

Издержки, связанные с присутствием русских, были, к сожалению, неизбежны, ибо в те времена крайней неразвитости транспортных средств и путей сообщения армии всех стран существовали буквально на подножном корму. Не случайно войны той эпохи носят сезонный характер. Зимой, как правило, военные действия прекращаются или ослабевают до той поры, когда зазеленеет свежая трава — минимально необходимый корм для лошадей. Продовольствием армии обеспечивались, в большей или меньшей степени, за счет населения тех стран, где они находились. Никаких законов и порядков здесь не существовало. Более того, уже появившееся на свет международное право санкционировало и освящало обычай пропитания армий за счет многострадального населения. «Отец» международного права Гуго Гроций писал в XVII веке, что грабеж населения оккупированных стран допустим, ибо «не противоречит законам природы ограбить того, кого можно законно убить».

Характерным примером может служить практика того же Карла XII и в той же Польше, которая перед его вторжением в Россию числилась союзницей шведов. Находясь вблизи Торуня, Карл направляет такой приказ генералу Реншильду: «Контрибуцию взыскивать огнем и мечом. Скорее пусть пострадает невинный, чем ускользнет виновный... Было бы самое лучшее, чтобы все эти места были уничтожены путем разграбления и пожаров и чтобы все, кто там живет, виновные или невинные, были уничтожены». Карл XII очень одобрял своего генерала Стенбока, который изобрел с целью сбора контрибуций метод постепенного сожжения городов, начиная с предместий. Король писал этому генералу: «Я тут в полумиле от Люблина, а Мейерфельд стоит со своим гарнизоном в городе и начинает их вгонять в пот поджогами. Я думаю, он выжмет из них чистыми деньгами.., а если они не заплатят, он начнет сжигать эффективно». От полководческой деятельности Карла XII сохранилось множество бумаг подобного содержания.

Что касается Петра, то именно в связи с пребыванием русских войск в Польше многочисленные документы свидетельствуют, какую непримиримую борьбу вел Петр против несправедливостей в отношении польского населения при сборе провианта. Так, вскоре после прутского похода он поручил царевичу Алексею Петровичу организовать в Польше сбор провианта для 30-тысячной армии. Царь направил сыну подробную инструкцию, в которой приказал выделять офицеров гвардии для контроля над приобретением продовольствия. Петр писал, что «наперед перед посылкою всем офицерам сказать: ежели кто чрез указ возьмет что у поляков, то казнен будет смертию. И чтоб все тот указ подписали, дабы никто неведением не отговаривался: а кто сие преступит и обвинен будет, то без всякого пардона экзекуцию чинить».

Однако сам факт, что потребовался такой приказ, а подобных указаний Петра сохранилось очень много, говорит сам за себя: видимо, основания для претензий поляков имелись. Повод для них давали прежде всего действия вспомогательных войск русской армии, то есть казацкой конницы, — эти лихие наездники считали естественной целью любой войны добычу. Правда, после Полтавы, и особенно в Польше, такая легкая кавалерия с ее невысокими боевыми качествами использовалась значительно реже, чем в первый период Северной войны.

Гораздо больше неприятностей в дипломатических отношениях с Польшей имел Петр из-за тех, кого С. М. Соловьев называл «западноевропейскими казаками». Как правило, наемные иностранные офицеры до службы в русской армии начинали свою военную карьеру в регулярных армиях европейских государств. Приобретенные там привычки и права они показывали и в России, не считаясь с указаниями Петра. «Немцы, — пишет С. М. Соловьев, — поступавшие в русскую службу с единственной целью обогащения, продолжали думать, что строгие указы царские относятся только к русским».

Когда в 1710 году князь Г. Ф. Долгорукий снова приехал в Варшаву чрезвычайным и полномочным послом, то он столкнулся с многочисленными жалобами на русские войска в Польше, которыми командовал наемный фельдмаршал Гольц,

совершенно не считавшийся с интересами населения союзной страны. Долгорукий писал канцлеру Головкину: «Со всех сторон, особенно же на Гольца, великие жалобы и слезы, что сам человек очень корыстолюбивый и своевольных не унимает. Безмерная мне тяжесть от жалобщиков на наших людей, больше на офицеров, и всего больше на иностранцев». Не случайно Гольц оказался первым в списке генералов, которых Петр уволил после прутского похода из русской армии даже без выплаты обычных наградных денег. Таким типичным «западноевропейским казаком» был также генерал-квартирмейстер фон Шин. Генерал В. В. Долгорукий писал Петру о нем: «Весьма корыстный человек этот Шпц и никакого стыда в корысти не имеет: говорил, что он для того только и в службу вашего величества пошел, чтобы идучи через Польшу, сумму денег себе достать».

Тем не менее сваливать всю ответственность за неприятности в русско-польских отношениях па присутствие в русской армии в Польше иностранных офицеров было бы несправедливо. Во-первых, среди них имелось немало добросовестных и ценных военных специалистов. Во-вторых, количество их непрерывно уменьшалось по мере того, как совершенствовалась, закалялась петровская армия, в рядах которой росли свои отечественные военные кадры. А в-третьих, и среди самих русских хватало людей с наклонностями отнюдь не рыцарскими по отношению к мирному населению. Достаточно сказать, что не без греха был сам фельдмаршал А. Д. Меншиков, возглавлявший русские войска, вступившие в Польшу сразу после Полтавы. Этот самый знаменитый российский казнокрад петровского времени отличался своей алчностью и в Польше. Правда, он брезговал мелочами и работал по-крупному, присваивая целые богатые поместья литовских и польских вельмож. Кстати, именно с этими недостойными поступками героя Калиша, Полтавы и других сражений связано охлаждение отношений личной дружбы, которые связывали с ним Петра. Царь был жестоко уязвлен и обижен грабительскими деяниями человека, которого он поднял из грязи в князи...

Как бы то ни было, бесконечные польские протесты и жалобы, хотя они часто оказывались несостоятельными, серьезно осложняли деятельность русской дипломатии. Ведь именно в это время в Стамбуле происходила ожесточенная дипломатическая борьба, в которой фигурировал вопрос о русских войсках в Польше. Карл XII и Понятовский вместе с французским послом побуждали султана требовать полного вывода русских войск. Одновременно они обещали сделать Польшу турецким вассалом. Поляки тоже требовали вывода русских войск; таким образом, турецкие и польские представители заняли аналогичную позицию, хотя руководствовались разными целями. Получалось, что Речь Посполитая не видела опасную перспективу порабощения Польши Турцией. Подобного рода противоречий в польской внешней политике было множество.

При этом характерно, что число реальных сторонников Станислава Лещинского и его покровителя Карла XII в Польше было невелико. В 1712 году Карл предпринял диверсию, которая предназначалась для их объединения. Он послал отряд поляков во главе с Грудзинским, к которому действительно примкнули сторонники Лещинского. Их общее число достигло 15 тысяч; им даже удалось разбить один русский полк. Но 15 июня генерал В. В. Долгорукий, имея всего 2700 человек, разгромил и уничтожил все эти силы. В дальнейшем сторонники шведов и Лещинского не смогли сделать ничего серьезного.

В борьбе за мирное урегулирование отношений с Турцией для русских дипломатов крайне важна была позиция Речи Посполитой и Августа II. Король, как обычно, бесчестно подводил Петра. Так, он обещал во время прутского похода прислать на помощь 30-тысячную армию, но, конечно, обманул. Теперь же с польской стороны требовалось ясное заявление, что русские войска находятся в Польше в качестве союзных войск и Речь Посполитая против того, чтобы этот факт использовали как повод для турецко-русского конфликта. Ведь так оно и было, ибо войска там находились исключительно из-за действий в шведской Померании, а на юге — из-за турецкой угрозы. Петр специально поручил послу Долгорукому разъяснить полякам, что положение прутского договора о

русских войсках состоит в том, «что нам из их владения ничего не присвоить и не претендовать, и в их дела, которые касаются управления их государства, не мешаться, а не в такой силе, чтоб войскам нашим не иметь проходу через Польшу в неприятельские границы». Обещая твердо придерживаться такой позиции, Петр хотел лишь от Польши, чтобы ее посол отправился в Стамбул и подтвердил польское согласие с ней, лишая тем самым турок, шведов и французов возможности сослаться на поляков для осуществления своих экспансионистских замыслов в отношении самой Польши. Долгорукому удалось в конце концов добиться того, чтобы в Стамбул отправился польский посол с соответствующей миссией.

Вообще, что касается территориальных вопросов, то Россия занимает в отношении Польши крайне лояльную позицию. Если в Польше время от времени раздаются призывы и требования отобрать у России Киев и другие земли, то Россия совершенно не затрагивает того обстоятельства, что в состав Польши входили огромные территории, населенные русским, украинским и белорусским православным населением. Точно так же Россия занимает сдержанную позицию в отношении преследований православной церкви на территории Польши. В этом сказывалась целеустремленность петровской дипломатии, которая концентрировала свои усилия на достижении главной цели — завершения Северной войны. Напротив, Польша, часто неспособная обеспечить безопасность собственной территории, проявляет большой аппетит к приобретению чужих земель. Как уже отмечалось, по союзным договорам России с Августом II и Речью Посполитой Петр обещал, что после совместной победы над шведами Лифляндия с городом Ригой будет передана Польше. Сразу после того, как русские войска очистили от шведов Лифляндию и взяли Ригу, Польша немедленно требует передать ей их. Еще послу Воловичу, как уже отмечалось, было сказано, что до конца войны такая передача нецелесообразна. В самом деле, участие Польши в войне с Швецией проявилось, в частности, в том, что она не только не способствовала отвоеванию Лифляндии у Швеции, но скорее наоборот. Тем не менее Россия не отказывалась от своего обязательства, рассчитывая, что Польша еще, возможно, выполнит обязанности союзника. Но главное заключалось в том, что передача Риги и Лифляндии Польше в разгар войны означала бы приглашение туда шведов, ибо защитить их польские войска были не в состоянии. По этим соображениям многочисленные, из года в год повторяющиеся требования передачи Лифляндии неизменно отвергались. Русской дипломатией использовалось и то обстоятельство, что на Ригу и Лифляндию одновременно претендовали Речь Посполитая и Август II, который хотел занять ее саксонскими войсками и сделать наследственным владением саксонских курфюрстов, против чего решительно возражали поляки.

Между тем претензии и жалобы, связанные с пребыванием русских войск в Польше, как и требования о их выводе, становятся все более редкими и менее настойчивыми. Войска располагаются там не постоянно, а время от времени, только в связи с потребностями войны против шведов. Сказывается также и укрепление их дисциплины в результате жестких мер Петра. Но главное заключалось в том, что гораздо больше обид полякам приходилось терпеть не от русских, а от саксонских войск короля Августа II. Саксонцы вели себя совершенно разнузданно, как это было принято в армиях германских государств.

Противоречия между королем Августом с его саксонской армией и поляками начинают серьезно обостряться в 1714 году. Генерал В. В. Долгорукий писал Петру: «В Польше, государь, не малая конфузия. Саксонцев по квартирам в Польше и Литве, сказывают, около 30000, и поступают они с поляками очень гордо, что полякам, по их нравам, всего противнее... Сильно озлоблены поляки, и думаю, насколько я их знаю, что будет между ними смута; и как мы теперь видим житье польское несносно им, не могут выдержать; так стали убоги, что поверить нельзя».

Эти предположения и опасения полностью оправдались. Действительно, началась смута, небывалая по масштабам даже для Польши. На сеймах бушевали страсти: поляки

требовали немедленного, удаления саксонцев, и при этом многие все чаще повторяли, что единственное спасение для Польши — помощь России. Резидент Дашков просил Августа от имени Петра вывести саксонские войска ради общих интересов союзников. Нельзя допустить, чтобы в разгар войны против Швеции вспыхнула польско-саксонская война в Польше. Но Август II не только отказывался выводить своих саксонцев, грабивших Польшу, но еще и требовал предоставить ему возможность ввести их в Лифляндию.

Положение в Польше настолько осложнилось, что Петр, не очень доверяя дипломатическим способностям резидента Дашкова, весной 1715 года снова направил в Польшу послом князя Г. Ф. Долгорукого. Донесения Долгорукого рисуют картину полного хаоса и разброда. Август и его фельдмаршал Флемминг отвечали на все жалобы поляков жестокими репрессиями, вводили новые контрибуции, действуя, как во враждебной завоеванной стране. Теперь поведение русских войск, которое вызывало так много нареканий, казалось полякам просто идеальным. Долгорукий писал Петру: «Войско наше никогда не пользовалось такой доверенностью в Польше, как теперь, ни от одного человека не слышал я жалобы, а только благодарность, потому что солдаты кормятся по дороге безо всякого огорчения обывателям».

Долгорукий делал все возможное, чтобы успокоить Польшу, примирить враждебные стороны. Однако Август II и его саксонцы вызывают такую всеобщую ненависть, что восстание охватывает обе части Речи Посполитой: Литву («княжество»), где во главе выступал гетман Потей, и собственно Польшу («корону»). Здесь, в Тарногороде, возникла антисаксонская конфедерация, избравшая маршалом Ледуховского. Начинается война, и повсюду происходят нападения на саксонские отряды. Долгорукий настойчивыми усилиями добивается примирения. Сначала было заключено перемирие, но оно было сорвано. Затем конфедерация даже заключила с саксонским фельдмаршалом Флеммингом мирный договор, но и он остался на бумаге. Литва, а потом и конфедерация официально стали просить посредничества русского царя. Август со своей стороны пытался избежать вмешательства Петра, но вскоре понял, что он рискует окончательно потерять польскую корону. Тогда и он запросил Петра о помощи и посредничестве.

Вся эта запутанная кутерьма тянулась годами, истощая страну, ложась страшными бедами на самых обездоленных — на крестьян и городской люд. Страна приходила в запустение, хотя главные магнатские роды по-прежнему обогащались, их имения и дворцы славились своей помпезной роскошью во всей Европе. Петр, занятый тяжелыми задачами Северной войны, внутренними заботами по развитию России, долго надеялся, что время как-то урегулирует положение в Польше, но напрасно. Не было там ведущей патриотической силы, которая объединила бы страну и пробудила бы чувство самосохранения. Король-немец Август II, ненавидевший и презиравший поляков-славян, рассматривал «свое» королевство как источник удовлетворения ненасытной алчности, как базу для внешнеполитических авантюр. России пришлось взять на себя задачу успокоения несчастной Польши. Давно назревшее скопище проблем Петр решил крупным дипломатическим мероприятием, которое он провел в Гданьске в марте 1716 года, где специально сделал продолжительную остановку, направляясь в Европу. Здесь приказано было собраться «тайной иностранных дел коллегии министров». В Гданьск явились великий канцлер Г. И. Головкин, посол князь Г. Ф. Долгорукий, вице-канцлер П. П. Шафиров, тайный советник П. А. Толстой, освободившийся, наконец, от своей нелегкой службы в Стамбуле.

Сюда же прибыли Август II со своими саксонскими министрами и представители многочисленных «факций», на которые раскололась Польша. Объединенные ненавистью против саксонского курфюрста и одновременно польского короля, они отчаянно соперничали друг с другом. Во всем этом проявлялось тайное, а то и явное влияние Турции, Австрии и Швеции, имевших в Польше многочисленную агентуру. Перед русской дипломатией стояла сложнейшая проблема. Какую позицию занять в конфликте между Августом и поляками? Поддержать Августа, поскольку он все же союзник, хотя и очень

сомнительный? Но это значило бы еще больше восстановить против себя Польшу. Или, наоборот, целиком стать на ее сторону? Поляки явно склонялись к изгнанию Августа. Уже называли разных претендентов на королевский трон. Но это был бы прыжок в неизвестность, явная потеря союзника, и без того склонного к измене. Надежной альтернативной кандидатуры этому прирожденному предателю и авантюристу, жадному, трусливому и подлому, не было. Поэтому решено было использовать опасную для Августа ситуацию в Польше, чтобы поставить его в жесткие рамки. Шансы на успех здесь были невелики, но в другом случае открывался риск полной неопределенности. Решили подчинить все высшей цели — скорейшему завершению войны против Швеции.

Августу предъявили «Меморию досад» — документ, в котором перечислялись все его неблагоприятные, а в сущности, предательские махинации и авантюры против Северного союза, против России. В этом перечне не было ничего нового, ибо с русской стороны уже многократно по каждому конкретному поводу делались запросы, представления, протесты. Но каждый раз Август с помощью разных уверток, отговорок, прямой лжи уходил от ответственности. В данном случае, когда события в Польше поставили его перед явной угрозой потери польской короны, ему как бы говорили, что если подобные дела будут продолжаться, то Россия пойдет на крайние меры, ибо терпение Петра кончилось.

В «Мемории» содержался резкий протест против маневров Августа II в отношении Франции. Речь шла о принятии им французского посредничества для заключения сепаратного мира между Польшей и Карлом XII. В 1714 году Август заключил формальный договор с Францией, содержание которого осталось неизвестно русским. Но даже из уклончивого объяснения Августа по этому поводу следовало, что договор предусматривал возвращение Швеции в соответствии с Вестфальским миром 1648 года всех отвоеванных у нее Россией владений. После заключения этого договора Август начал при посредничестве Франции переговоры с Карлом о мире. С этой целью Август посылал своих эмиссаров в Бендеры, к крымскому хану, к французскому послу в Стамбуле. Однако, несмотря на усиленные домогательства Августа, договор так и не заключили исключительно из-за нежелания Карла как-то вознаградить его за новое предательство. Август II пытался также подтолкнуть Турцию к войне против России, выдвигая лживый довод о мнимом намерении Петра принять титул Восточного римского императора, что якобы свидетельствовало о намерении Петра утвердиться в Константинополе. Август дошел даже до того, что предложил создать наступательный союз Польши, Турции и Швеции против России. И эта затея провалилась, отнюдь не по вине Августа.

В «Мемории» содержалось также перечисление многих других, тайных и явных, враждебных России махинаций Августа, особенно в связи с совместными действиями союзников против Швеции в Померании, о чем речь еще пойдет при дальнейшем рассмотрении событий Северной войны. Всего этого казалось достаточно, чтобы вообще разорвать союз с Августом II. Приходилось, однако, считаться с опасностью, что в таком случае Август II стал бы прямым орудием враждебных России сил. Сохранение даже столь двусмысленных, но формально союзнических отношений с Августом связывало ему руки в бесконечных дипломатических интригах, позволяло в какой-то степени контролировать его, оказывать на него воздействие и ограничивать вредные последствия двуличия польского короля для интересов России.

В Гданьске Август вынужден был согласиться с русским посредничеством в улаживании его конфликта с поляками. Правда, посол Долгорукий еще почти год занимался сложными переговорами между конфедератами и Августом. При этом решающую роль играло присутствие в Польше в критические моменты русских войск и их готовность выступить против той из сторон в конфликте, которая воспротивилась бы восстановлению мира. Соглашение в конечном счете заключили в 1716 году, а затем и утвердили на так называемом «немом» сейме. Коронная, то есть польская, армия сокращалась до 18 тысяч, а литовская — до 6 тысяч. Саксонские войска вынуждены были

покинуть Польшу. Удалось локализовать и уменьшить опасные последствия внутривосточных распрей и не допустить вмешательства в польские дела других держав, в первую очередь Австрии и Пруссии, не говоря уже о Турции или Швеции. В итоге влияние России в Польше серьезно укрепилось.

Политика Петра в отношении Польши на всем протяжении его царствования несомненно явилась одной из интересных страниц в истории петровской дипломатии. Всегда существовал соблазн использовать крайнюю слабость Польши из-за разброда, неустойчивости, интриг польских магнатов. Проще всего было бы, как казалось некоторым, действовать здесь просто грубой силой, благо Россия располагала для этого всем необходимым, особенно после Полтавы. Но, как нигде, Петр проявил здесь дальновидность, сдержанность, осторожность, выдержку и терпение. Он сумел подняться выше естественной обиды на многие антирусские действия польских феодалов, начиная с времен «смутного времени». Петр исходил не из прошлого, а из будущего, стремясь к добрососедским отношениям с этой славянской страной, долговременные объективные интересы которой в борьбе с германской экспансией совпадали с интересами России.

БАЛТИЙСКАЯ ПОЛИТИКА

Даже самый краткий обзор турецких и польских дел, которыми терпеливо занималась русская дипломатия, показывает, сколь сложными и тяжелыми были эти дела. А ведь они являлись все же вспомогательными, второстепенными для решения главной балтийской внешнеполитической проблемы. Дошедшие до нас исторические документы служат лишь бледным отражением грандиозного, сложнейшего перемещения и действий больших армий, материальных средств, а главное — десятков тысяч людей, которых единая воля стремилась направить к основной, общей цели, часто с трудом различимой в чудовищно сложном потоке событий войны, политики и труда. Мы видим осуществление только внешней политики, за которой стояла и ее направляла вся необъятная Россия с бездной внутренних проблем.

Достоинством истории тех времен остались имена и дела всего каких-то нескольких сот людей, оказавшихся вблизи высшего центра власти — самого Петра и небольшой группы его ближайших сотрудников. Этот центр власти к тому же постоянно перемещается из Москвы в Петербург, из самых глухих, богом забытых уголков России в столицы крупнейших государств Европы. А рядом с царем — молчаливый и деловой кабинет-секретарь А. В. Макаров, походная канцелярия во главе с Н. М. Зотовым, переводчик и составитель дипломатических бумаг А. Остерман. Здесь же канцлер, министры, фельдмаршалы, послы и другие люди, призванные вершить дела и судьбу России. Отдавая должное тем, имена которых дошли до нас, мы помним: главное дело петровской эпохи творил русский народ — подлинная движущая сила великих петровских преобразований. Это на его плечи ложилась вся тяжесть преобразований, и это он своим трудом платил за них тяжелую цену...

Расходы государства при Петре резко возросли, росли и доходы. Но за 1703 — 1708 годы первые превышали вторые. Правда, бюджет 1709 года удалось свести без дефицита. 96 процентов всех денег поглощала война. Не зря Петр говорил, что деньги — главная артерия войны. А сколько стоила дипломатия? В 1710 году на разные «посольские дачи» ушло 148031 рубль. Это те самые взятки деньгами и соболями, без которых нельзя было и шагу ступить в дипломатии, не считая жалования и других «законных» расходов посольств. Не так уж и много, если учесть, что в том же году на армию ушло 1252525 рублей, на флот — 444288. Но и не мало, поскольку простой человек за целый год мог заработать на тяжелой поденной работе от 10 до 15 рублей!

Политика великой державы, Северная война требовали великих денег. Ждать роста налоговых поступлений от нормального экономического развития было бы слишком долго. Приходилось снова прибегать к старым чрезвычайным мерам вроде порчи монеты,

практиковавшейся в первые годы Северной войны. Начиная с 1711 года Петр вынужден опять портить монету. Это кое-как покрывало расходы до 1717 года, после которого, собственно, только и началась серьезная петровская экономическая политика. Государственная монополия распространяется на все новые товары. Так, в 1705 году устанавливается монополия на соль с одновременным увеличением в два раза ее цены. Вводятся все новые подати. Как курьез воспринимаются сейчас налоги на бани, гробы, свадьбы или бороды. А тогда это была суровая реальность повседневной жизни. Правда, делается кое-что и поважнее. В год битвы под Полтавой число построенных заводов дошло до 40, из них 13 — металлургические. В 1712 году Россия прекращает закупку иностранного вооружения и целиком производит его сама в огромных количествах и прекрасного качества. Сбывается заветная мечта Петра — мундиры для русского солдата шьют из русского сукна! Чтобы обеспечить порядок на мостах и впредь не допускать чего-либо, подобного астраханскому восстанию, чтобы надежно гарантировать поступление налогов, в 1708 году начинается проведение областной реформы: уезды объединяются в восемь больших губерний. Петр объявляет беспощадную войну взяточникам и казнокрадам, вводится институт фискалов. Конечно, мобилизовать полностью все силы страны, пресечь все злоупотребления Петру не удастся. Но кое-чего он все-таки достиг, действуя часто жестоко и беспощадно.

При этом продолжаются преобразования. В начале 1710 года вводится новый гражданский шрифт, впервые открываются школы; всех дворян обязывают учиться, не позволяя уклоняющимся жениться! Полным ходом идет строительство Петербурга. В 1713 году все высшие правительственные учреждения во главе с недавно учрежденным сенатом переводятся в новую столицу. Туда же перебираются иностранные послы и резиденты. Тот факт, что преобразования охватывают области, которые прямо не относились к потребностям войны, раскрывает смысл внешней политики Петра. Ее задача не в завоеваниях, которые служат лишь побочной целью, а в превращении России в часть Европы, стоящую на таком же высоком уровне развития. Россия должна приобрести возможность конкурировать с другими государствами в процессе обогащения европейской цивилизации в экономике, в технике, в науке, в культуре. До этого еще бесконечно далеко, отставание страны ликвидируется лишь в самых неотложных, жизненно важных делах, прежде всего в военной области. Но уже явно, на глазах искореняется все отжившее, что неточно называют варварством, в таких сферах жизни страны, которые с войной совершенно не связаны. Это касается, например, чисто культурных нововведений. Ради обеспечения такого внутреннего прогресса и идет тяжелая борьба за прибалтийские земли, за мир с Швецией, за приобретение союзников и друзей везде, где это возможно. И даже в самые трудные моменты войны, особенно до Полтавы, да и после того как война продолжается уже не ради сохранения самого существования России, а за более благоприятные условия такого существования, постепенно ощущаемое и очевидное становится эффективность петровского преобразования. Все больше русских людей начинают постигать смысл и правомерность реформ. Переломным пунктом в этом деле явилась Полтавская победа.

Только в одной области количество проблем не уменьшается, но увеличивается, а на место преодоленных трудностей и кризисов приходят другие, еще более сложные. Это — дипломатия. Для удобства изложения приходится разделять дела турецкие, польские или балтийские, но практически все они взаимосвязаны и тесно переплетены друг с другом. И все же центр тяжести, главные задачи петровской дипломатии постоянно находятся в районе балтийского моря. Здесь, как и раньше, целью остается заключение мира с Швецией для закрепления уже завоеванного побережья и территорий. Но под влиянием крупнейших держав Европы, особенно Англии и Франции, а также из-за королевской мании величия Карла XII Швеция упорно уклоняется от переговоров. И к миру приходится идти путем войны. Поскольку все, в чем нуждалась Россия, то есть балтийское побережье от Выборга до Риги, прочно контролировалось русской армией,

война, как таковая, не имела иной цели, кроме принуждения Швеции к мирным переговорам. Во внешней политике России происходит знаменательная инверсия. Раньше, до приобретения необходимого куска восточнобалтийского побережья, дипломатия обеспечивала внешние условия для достижения военных успехов. Теперь роли переменялись. Военные успехи стали средством обеспечения условий для достижения мирных целей петровской дипломатии.

Так утверждался естественный приоритет петровской политики по отношению к войне, которую он вел. По мысли Петра, война не есть самоцель: она всегда призвана служить достижению внешнеполитических, а в конечном счете — внутривнутриполитических целей. Еще в марте 1705 года Петр приказал регулярно направлять в Посольский приказ известия о всех крупных военных действиях и событиях. В Посольском приказе велено было завести особый дневник, последовательное описание хода войны. Здесь проявилось служебное назначение войны, подчинение ее задачам дипломатии.

Но прежде чем обратиться к конкретным событиям балтийской политики Петра в начале второго десятилетия XVIII века, необходимо выяснить некоторые ее общие основания, которые в какой-то мере затрагивались и раньше. Почему после Полтавы, когда сухопутная военная мощь Швеции была сломлена, Петр, добываясь мира, повел свои армии так далеко на запад, оставив в их тылу Польшу, Пруссию? Почему они оказались в Померании, Мекленбурге, Голштинии (Гольштейн), Ганновере, Дании, то есть подошли к Северному морю, даже к Атлантическому океану? Шведских войск в Померании было не так уж много, всего около 20 тысяч, и даже полная победа над ними все равно оставляла саму Швецию незатронутой. Не лучше было бы сосредоточить все силы для действий непосредственно против самой Швеции, не прибегая к сомнительной помощи ненадежных, слабых в военном отношении союзников, таких как Дания, Саксония, а затем Ганновер и Пруссия? Здесь заключается одна из тех проблем внешней политики России, которую еще нельзя считать решенной.

В зарубежной, особенно немецкой буржуазной, историографии эту проблему решали просто, полностью игнорируя конкретные задачи внешней политики России, сущность событий и исторических документов. Все объясняют мифическими завоевательными планами Петра, намеревавшегося будто бы приобрести в Западной Европе постоянную территориальную базу в виде, например, присутствия русских войск в Мекленбурге или Голштинии, чтобы затем попытаться установить русское господство в Европе. Такая версия оторвана от реальных фактов. Если у Петра действительно были завоевательные стремления в отношении Европы, то почему бы ему не начать с соседней Польши, которая тогда была совершенно беспомощной? Или даже Пруссии, страны хищной, но слабой в военном отношении. Главное, что опровергает вымыслы о завоевательных планах Петра в Германии, — это их полная нереальность. Россия имела еще столько нерешенных внешнеполитических задач, непосредственно касавшихся ее жизненных интересов, что какие-либо авантюристические затеи в Европе были бы просто невыполнимыми и невыполнимыми. Россия еще не завершила объединения всех своих древних земель, незаконченным было и политическое объединение всего российского населения. Еще продолжался процесс формирования территории российского государства, границы которого с севера и юга оставались слишком открытыми. Словом, никаких объективных потребностей и возможностей для проникновения в Западную Европу Россия не имела и иметь не могла. Поэтому данная версия может фигурировать лишь наряду с «идеями» легендарной фальшивки, так называемого «Завещания Петра Великого».

Правда, некоторые наши отечественные историки допускали возможность того, что Петр задумывался о приобретении Россией выхода к океану. Такую гипотезу выдвигал, например, М. Полиевктов в книге «Балтийский вопрос в русской политике», вышедшей в 1907 году. Советский историк Т. К. Крылова высказывала предположение, что, возможно, Петр мечтал о Киле и Карлскроне. Особенно далеко заходила в

повторении тезисов германской историографии о намерениях Петра в области внешней политики советский историк Х. Сорина. Но подобные суждения не подтверждаются серьезным анализом исторических документов петровской эпохи.

Нельзя пройти также мимо оценок такого известного и авторитетного историка, как В. О. Ключевский. Он пишет о внешней политике России после прутского похода: «Все усилия теперь обратились к Балтийскому морю. Петр усердно помогал союзникам вытеснять шведов из Германии..., у Петра зародился новый спорт, охота вмешиваться в дела Германии». Ключевский считает это вмешательство не только бесполезным, но даже вредным для интересов России, поскольку оно распыляло ее силы вместо их концентрации непосредственно против самой Швеции. Оно усиливало также страх, недоверие по отношению к русской политике в Европе. Вероятно, Ключевский, иронически именуя германскую политику Петра «спортом», хотел сказать, что эта политика была продиктована не столько реалистическим расчетом, сколько азартной увлеченностью небывалой для предшественников Петра ролью влиятельного, могущественного арбитра в европейских делах. Подобного рода подозрения высказывают и некоторые другие историки. Справедливости ради следует признать, что, видимо, некоторая доля истины здесь есть, но только очень небольшая. В своей основе дипломатия, связанная с военными действиями в шведской Померании, была правильно рассчитанной линией. Она с самого начала и не ориентировалась на приобретение территорий. В соглашениях с Данией и Саксонией о совместных военных действиях Петр прямо обязался не претендовать ни на какие завоеванные здесь земли, а уступить их союзникам. Такой отказ был платой за то, чтобы союзники поддержали закрепление за Россией завоеваний в Восточной Прибалтике. Петр рассчитывал также использовать датский флот для проведения совместных десантных операций непосредственно против самой Швеции. В то время он еще не надеялся на силы молодого русского балтийского флота. Таковы были прямые, непосредственные цели политики России.

Другой вопрос, что союзники оказались нелояльными и часто не выполняли взятых на себя обязательств. Так, не осуществились надежды Петра на объединенные военные действия против Швеции с участием военно-морских сил союзников. Но эта неудача еще не доказывает порочности самого замысла операции. Дипломатическая история вообще почти не знает таких действий, результаты которых точно соответствовали бы первоначальным планам. Случайность — обычный фактор в политике, и если в данном случае эта случайность не оказалась счастливой, то это не вина, а беда Петра, с которой он, впрочем, справился, как и с многими другими. Суровое суждение Ключевского о германской политике Петра может быть оправдано только некоторыми ее непредвиденными результатами. Легко осуждать людей и их действия ретроспективно. Но Ключевский при этом упускает одно, очень важное, обстоятельство. Он учитывает только прямые, непосредственные цели петровской дипломатии, но игнорирует ее косвенные задачи. А они-то и были главными.

Здесь снова проявляется характерный метод дипломатического искусства Петра — стратегия непрямых действий. Восстановление, существование и деятельность Северного союза в составе России, Саксонии и Дании вопреки противодействию держав Великого союза само по себе являлось чрезвычайно эффективным, даже необходимым для России дипломатическим фактором. Он служил препятствием различным попыткам изоляции России. Два европейских государства — члена союза, Дания и Саксония, официально признавали правомерность, обоснованность территориальных притязаний России к Швеции. Поскольку они участвовали одновременно в войне за испанское наследство в составе Великого союза, то его ведущие страны, Англия и Австрия, должны были считаться с их позицией. Тем самым ослаблялось противодействие утверждению России на Балтике. Привлечение в дальнейшем в Северный союз Ганновера и Пруссии создавало, хотя бы на время, еще более благоприятный дипломатический климат, необходимый Петру для заключения выгодного мира с Швецией. Уже одно это обстоятельство,

независимо от конкретных военных результатов деятельности Северного союза, стоило того, чтобы временно держать русские войска в Германии. Оно играло особенно важную роль в тот момент, когда практически намечалось прекращение войны за испанское наследство. В октябре 1711 года состоялось предварительное англо-французское соглашение об условиях мира. В начале 1712 года предполагалось открытие мирного конгресса в Утрехте. Создавалась совершенно реальная перспектива того, что, освободившись от войны с Францией, Англия сможет активно вмешаться в балтийские дела. Англия уже проявляла лицемерную заботу о сохранении здесь «равновесия». И тогда этот тезис служил постоянным мотивом оправдания любой акции эгоистической английской политики. Английские представители открыто мешали России утвердиться на Балтике путем заключения приемлемого мира с Швецией. Поскольку Англия должна была вот-вот развязать себе руки, прекратив войну за испанское наследство, требовалось связать ей их вновь дальновидной дипломатией. В этом заключалась сущность русской балтийской политики.

Вторая половина 1711 года была периодом исключительно разносторонней активности нашей дипломатии. Много написано о том, в каком тяжелом состоянии моральной протрации находился Петр в июле, когда он вместе со своей армией оказался в турецком окружении. Если так и было в действительности, то тем поразительнее проявленная Петром сразу после этого целеустремленная внешнеполитическая энергия. Возможно, поэтому Европа как бы не заметила тягостного для Петра прутского поражения, и обретенное после Полтавы международное положение России осталось неколебимым. Правда, в сентябре Петр полмесяца проводит на лечении водами в Карлсбаде (Карловы Вары). Затем в октябре он участвует в церемонии бракосочетания своего сына царевича Алексея с принцессой Шарлоттой Вольфенбюттельской в Торгау, в Саксонии. Через неделю в Кроссене, в Пруссии, Петр ведет переговоры с представителями Дании и Саксонии о совместных военных действиях против Швеции в Померании. Одновременно сложнейшие дипломатические задания царя выполняют Шафиров (в Стамбуле, где дела идут снова к войне), Куракин (в Лондоне), Матвеев (в Гааге), два посла Долгоруких, Василий Лукич (в Дании) и Григорий Федорович (в Польше), отчаянно пытаются преодолеть разногласия между участниками Северного союза из-за совместной осады Штральзунда.

После взятия русскими войсками Нотебурга, Нарвы, Выборга, Риги и Ревеля это была последняя на континенте крупнейшая крепость, еще оставшаяся у шведов. Здесь после Полтавы поспешила укрыться, бросив Польшу, шведская армия генерала Крассау. Пополненная подкреплениями, она насчитывала около 20 тысяч человек. Восстановив Северный союз, его участники вскоре решили совместно овладеть этой крепостью и всей шведской Померанией с укрепленными городами Штеттин и Висмар. Всем было ясно, что это можно сделать только при условии решающего военного вклада России. Однако на пути русской армии в Померанию встала дипломатическая преграда — «акт о нейтралитете» 1710 года, по которому нельзя было вводить войска на территории германских государств. Русской дипломатии прежде всего необходимо было устранить препятствие. Умело воспользовавшись тем, что «акт о нейтралитете» отверг сам Карл XII, что его не выполняли Англия, Австрия и Голландия, так и не создав для поддержки «акта» совместную армию, Петр смог использовать заинтересованность Дании и Саксонии в войне с Швецией. В августе 1711 года в Гааге удалось заключить соглашение, по которому Англия и Голландия отказались от возражений против присутствия русских войск в Померании.

Теперь можно было начинать здесь войну, но разногласия между самими странами Северного союза привели к тому, что гораздо больше времени и усилий приходилось тратить на их урегулирование, чем на прямые действия против шведов. Вместо того чтобы совместно овладеть главной опорой шведов — Штральзундом, Август II требовал перенести военные действия на остров Рюген, а датчане хотели сначала взять город

Висмар. Осень и зима 1711 года прошли в напрасных усилиях двух русских послов — Г. Ф. и В. Л. Долгоруких добиться согласия между союзниками. Стоять зря всю зиму под стенами Штральзунда было невозможно, но даже о расположении войск на зимние квартиры в Померании договориться не удалось. Король Дании, опасаясь похода шведов по льду через пролив Зунд, хотел увести все свои войска. Кое-как его уговорили оставить здесь хотя бы часть этих войск. К тому же король Фредерик IV начал тайные переговоры с шведами...

В 1712 году решили продолжать военные действия на основе плана Петра, по которому наметили в апреле начать штурмовать Штральзунд или по крайней мере остров Рюген. Одновременно договорились привлечь к поддержке Северного союза Ганновер в обмен на обещание передать ему Бремен и Верден. Эта идея оказалась особенно своевременной в связи с намерением Англии заключить мир с Францией даже без своих главных союзников. Чтобы воспользоваться разногласиями в Великом союзе, в конце 1711 года А. А. Матвеев предлагает Австрии и Голландии в случае продолжения ими войны против Франции помочь им, выделив для этого 10—15 тысяч русских войск в обмен за невмешательство в Померании и гарантию сохранения за Россией ее завоеваний на востоке. Хотя достичь соглашения по этому предложению не удалось, все же демонстрация готовности оказать поддержку Голландии и Австрии сама по себе могла быть полезной.

Опыт совместных с союзниками действий (вернее, бездействий) в 1711 году убедил Петра, что добиться успеха в Померании можно только собственными силами. Весной 1712 года он направляет туда дополнительные войска и самого энергичного из своих помощников — фельдмаршала А. Д. Меншикова. А улаживать дипломатические дразги между союзниками поручил многотерпеливому князю В. Л. Долгорукому. Ему предстояла крайне неблагоприятная задача. Саксония и, особенно, Дания заигрывали с шведами. Дания не хочет воевать в Померании, предпочитая более соблазнительный и близкий Бремен. Она отказывается выполнить обещание о посылке флота против Швеции. Датский двор раздражается интригами враждебных фракций, решение вопроса о войне и мире зависело, как доносил Долгорукий, от того, оставит ли король себе старую любовницу или заведет новую «метрессу»...

Летом союзники намеревались высадить десант на острове Рюген, а затем и взять Штральзунд. Однако из-за неудачных действий датского флота операция провалилась, и осаду Штральзунда пришлось снять. В июне 1712 года Петр, раздраженный бездействием союзников, сам приезжает в Померанию. Он застаёт Меншикова с войском, беспомощно стоящим у стен Штеттина. Он не может взять город из-за того, что датский король снова обманул и не присылает обещанной артиллерии. Петр направляет гневное письмо Фредерику IV, в котором напоминает, что русские не только выполнили все свои обязательства, но даже перевыполнили их, выделив, например, в три раза больше войск, чем обещали. Он указывает датскому королю, что от успешных военных действий в Померании больше всего выиграет сама Дания, а не Россия, но именно Дания срывает их. В случае дальнейшего бездействия, предупреждает Петр, «людей своих принужден буду вы вест в свою землю». Но все тщетно: датский король увлечен мелкими успехами в Бременской области. Даже у Петра, не падавшего духом в опаснейших обстоятельствах, опускаются руки. Вот что он писал Меншикову в августе 1712 года: «Письмо ваше я получил, на которое ответить кроме сокрушения своего не могу, ибо как я к тебе в другом письме писал.., если б ветер не переменился, одним днем все было бы исполнено, и что делать, когда таких союзников имеем... я себя зело бесчестным ставлю, что я сюда приехал; бог видит мое доброе намерение, а их и иных лукавство, я не могу ночи спать от сего».

Теперь, когда России приходится вступать в сложнейшие отношения с многими германскими государствами-княжествами с их запутанными связями, Петр попадает в лабиринт хитроумных дипломатических интриг, сущностью которых были бесчисленные

вариации разнообразных форм обмана, лжи, лицемерия. Чем слабее было то или иное из германских княжеств, тем больше его министры изощрались в махинациях, прикрывавших всегда беспредельную циничную алчность этих европейских дипломатических торгашей и мелких хищников. Характерной особенностью сохранившихся документов разного рода служат постоянные напоминания Петра своим жульничающим партнерам об элементарных нормах приличия в международных отношениях. Так, в переговорах с голштинским министром Бассевичем, пытавшимся втянуть Петра в липкую паутину мелкого обмана и предлагавшего ему коварные, но с виду заманчивые затеи, царь заявляет: «Государям надобно вести себя добросовестно». Бассевич соблазняет Петра выгодной изменой обязательствам перед Данией, но в ответ он слышит: «Обязательства надлежит хранить, понеже кто кредит потеряет, все потеряет». Петр высказывает твердую убежденность в необходимости превыше всего хранить честь данного слова: «Лучше можем видеть, что мы от союзников отставлены будем, неже мы их оставим, ибо гонор пароля дражее всего есть». Бассевич пытается убедить наивного «московского варвара», как легко ему теперь приобретает для себя территории, города, крепости в Германии, но слышит в ответ: «Сего учинить невозможно, понеже мы обязались все прогрессы в немецкой земле чинить с воли своих союзников».

Царь отнюдь не тешил себя иллюзиями, что его «воспитательная работа» может повлиять на немецких дипломатов; он был просто убежден, что честная внешняя политика в конечном счете окажется эффективнее дипломатического мошенничества. И все же приходилось идти на всякие компромиссы, заключать и перезаключать сделки разного рода, играть на противоречиях, использовать противоположные притязания союзников. Они непрерывно вынуждали идти на это. К примеру, на Бремен и Верден, принадлежавшие Швеции, претендовали Голштиния, Дания, Ганновер. И все спешили заручиться поддержкой русского царя, которому приходилось терять уйму времени на распутывание этих клубков претензий и контрпретензий.

Измучившись от передраг с союзниками, Петр в октябре 1712 года отправился в Карлсбад полечиться и отдохнуть. Здесь происходит его вторая встреча с Готфридом Лейбницем. Знаменитый ученый еще во времена Великого посольства домогался встречи с Петром, но впервые она состоялась в 1711 году в Торгау. Ученый-философ и математик, он настойчиво предлагал свои услуги в качестве законодателя. «Я должен стать русским Солоном», — писал Лейбниц, намереваясь составить для России законы столь же авторитетные, «как 10 заповедей Евангелия или 12 таблиц Древнего Рима.., что вряд ли займет у меня много времени». Хотя Петр назначил Лейбница юстиц-советником, по русским Солоном ему стать не довелось. Великий ученый вел себя несколько несерьезно и придавал главное значение количеству дукатов, которые он рассчитывал получить от Петра. Не удалось ему также и занять должность русского посла в Вене, которой он очень домогался. Как бы то ни было, находясь за границей, Петр остро ощущал отсталость России и жадно стремился использовать любую возможность, чтобы поднять ее до уровня передовой европейской цивилизации. Это постоянное страстное стремление проявляется и в эти годы чудовищно напряженных и сложных дипломатических дел. Когда Петр, выпутавшись из прутской западни, отправился в Европу, то по пути он остановился в Дрездене. И первую же ночь, всю, до самого утра, он провел в знаменитом музее, где при свете фонарей изучал собранные там научные экспонаты. В 1712 году он направляет инструкцию Меншикову, подробно указывая ему главные военные и политические задачи русских в немецких княжествах. Среди важнейших распоряжений вдруг оказалось такое задание: «Ежели даст бог доброе окончание с неприятелем, то библиотеку выпросить, конечно всю из Шлезвига, также и иных вещей, осмотря самому с Врюсом, а особливо глобус». В то время когда союзники Петра яростно спорили из-за дележа земель и богатств, Петр мечтал о библиотеке и «особливо» — о глобусе! Так среди тяжких военных и дипломатических забот Петра прорывается самое заветное его желание: поднять Россию к передовой тогдашней культуре. Именно в таких фактах — главное

предназначение германской политики Петра в те годы, о которой в современной французской «Дипломатической истории» Ж. Дроза говорится как о «первых проявлениях русского империализма»!

Между тем к 1718 году в Померании складывается такое соотношение сил, что при согласованных действиях союзников и благодаря присутствию русских войск легко и быстро можно было бы нанести решающее поражение шведам, изгнать их с континента, а затем перенести войну на Скандинавский полуостров и победоносно закончить Северную войну. Все это полностью оправдывало правильность первоначального стратегического замысла Петра, в надежде на реализацию которого русские войска зашли так далеко, в Германию. Победа, а значит, и долгожданный мир казались близкими, достижимыми. Но как будто какой-то злой рок противостоит Петру...

Находясь в Карлсбаде, Петр получил известие, что шведский генерал Стенбок во главе 18-тысячной армии вышел из Померании в Мекленбург. Царь мгновенно понял, что открылась прекрасная возможность разбить шведов, лишенных защиты крепостных стен. К датскому королю мчится царский курьер с предложением о совместных действиях. Петр предупреждает, чтобы не вступали в бой до прихода русских, ибо враг силен и опасен. «Паки дружески и братски вас о сем прошу», — пишет Петр. Но король Фредерик IV и саксонский фельдмаршал Флемминг, предвкушая победу и не желая делиться славой, не хотят ждать русские войска и под Гадебушем вступают в сражение. В результате Стенбок громит их, они теряют четыре тысячи убитыми и всю артиллерию. Датский король бежит к Петру и просит о помощи. Русские немедленно устремляются на шведов в Голштинию и 31 января 1713 года разбивают их под Фридрихштадтом. Но главным силам удается уйти и укрыться в крепости Тенинген. Ментиков блокирует крепость и вынуждает Стенбока капитулировать. Около 12 тысяч шведов сдаются в плен. Это меняет обстановку на всем театре военных действий, и вскоре союзные войска занимают остров Рюген, расположенный вблизи Штральзунда. Теперь легко можно взять эту главную крепость шведов, и русские требуют немедленно начать осаду, но союзники не соглашаются: они по уши завязли в дипломатических интригах.

Из-за этого главнокомандующему русскими войсками князю А. Д. Меншикову пришлось действовать не столько в роли полководца, сколько в новом для него качестве — дипломата. По совету Петра ему предстояло осаждать город и крепость Штеттин. Снова требовалась артиллерия, которой в Померании у русских не было. Ее обещал прислать датский король, но заставить его выполнить обещание оказалось для Меншикова непосильной задачей, бесконечные отговорки и проволочки Фредерика IV приводили князя в отчаяние, и он понял, насколько сложным занятием является дипломатия. Меншиков писал царю: «Как родился, то еще никогда таких многотрудных дел не видел». В конце концов ему удалось получить сотню пушек от Августа II, и в сентябре 1713 года Штеттин был взят русскими войсками. Но теперь возникла головоломная задача: кому же отдать взятый город? На него претендовали Дания, Саксония, Пруссия, Голштиния. Петр, зная неопытность Меншикова в дипломатии, подробно инструктировал его, как поступать с союзниками. Особенно он подчеркивал важность союзнических отношений с Данией, с королем которой Меншикову не удалось найти общего языка, и он жаловался Петру на нечестность, неблагодарность и двуличие Дании. Петр разъяснял, что дипломатия требует терпения и осторожности: «Поступки датчан неладны, да что ж делать? а раздражать их не надобно для шведов, а наипаче на море: ежели б мы имели довольство на море, то б иное дело».

И все же Меншиков решил вопрос о Штеттине не в пользу Дании, которая была союзником, а в пользу Пруссии и Голштинии. Слишком велико было его возмущение систематическим невыполнением союзнических обязательств датским королем, чтобы учитывать его интересы. Решение Меншикова вызвало скандал. Фредерик IV направил Петру резкий протест, и царь обещал королю изменить некоторые статьи заключенного соглашения о Штеттине. Царь был очень недоволен

действиями фельдмаршала, и ему удалось оправдаться с немалым трудом. Однако, забегая вперед, нельзя не отметить, что дальнейший ход событий оправдал Меншикова еще больше, чем его собственные объяснения. Дания осталась союзником столь же ненадежным, что и раньше. Но в значительной мере благодаря передаче Штеттина Пруссии стало возможным установить и с ней союзнические отношения. История короткой дипломатической деятельности Меншикова показала, насколько в дипломатии порой все является условным, относительным, зыбким, где никакие знания и опыт не заменят интуиции и удачи.

Что же касается Пруссии, то русская дипломатия давно уже тщетно добивалась, чтобы эта страна, превращавшаяся в самое крупное и важное из германских государств, сменила свою крайне двусмысленную политику в отношении России и Швеции на союз с Россией. В 1713 году умер король Пруссии Фридрих I, с которым Петр еще во время Великого посольства заключил дружественный договор. На престол вступил его сын Фридрих-Вильгельм. Новый монарх достойно продолжит хищнические и милитаристские традиции Гогенцоллернов. Правда, он словно в пику своему расточительному отцу войдет в историю как страшный скряга: в отличие от отца, рабски копировавшего Версаль, он возненавидит все французское. Фридрих-Вильгельм презирал культуру и науку, даже запретил въезд в Пруссию иностранным ученым. Он считал философа Лейбница «никуда не годным человеком, который неспособен даже стоять на часах». Зато он патологически обожал армию, и при нем сама Пруссия сделалась придатком армии, численность которой он резко увеличил. Крайняя грубость, жестокость, невежество дополняли его портрет.

В начале 1713 года Петр направился в Берлин для встречи с новым королем. Царь пытался выяснить, каковы шансы на привлечение Пруссии к борьбе против Швеции в составе Северного союза. «Нового короля,— писал Петр Меншикову,— я нашел зело приятна к себе, но ни в какое действо склонить не мог». Узнав, что новый король распродает картинную галерею и увольняет архитекторов, художников и других мастеров, Петр немедленно приказал направить в Берлин Брюса для приглашения их в Россию. Посол России в Берлине Александр Головкин (сын канцлера Г. И. Головкина) провел более обстоятельные и длительные переговоры и выяснил лишь, что сделать нового короля союзником будет стоить недешево.

Русская дипломатия продолжает действовать. Петр направляет в Копенгаген генерал-адъютанта Ягужинского (своего бывшего денщика), чтобы уладить неприятности из-за Штеттина и склонить Данию к участию в десантной операции на территории Швеции. Сначала Ягужинского встретили холодно, но затем в январе 1714 года король Дании вдруг предложил привлечь в Северный союз Пруссию, если она порвет дружбу с враждебной ему Голштинией. За это Дания соглашалась дать свой флот для высадки на шведской территории. Затем отпадает препятствие, которое сдерживало Пруссию,— ее нежелание воевать против Швеции: сами шведы напали на прусские войска в Померании.

В июне 1714 года Россия и Пруссия заключили договор о союзе и гарантии. Россия гарантировала Пруссии владение Штеттином, а Пруссия обязалась поддерживать все балтийские завоевания Петра. Таким образом, решилась проблема, над которой русская дипломатия трудилась с самого начала Северной войны. В зарубежной литературе можно встретить утверждения, что этого удалось достичь благодаря необычному подарку, сделанному Петром Фридриху-Вильгельму: еще в апреле он прислал на службу в прусскую армию 80 русских солдат огромного роста. Дело в том, что прусский король имел страстное увлечение — коллекционировать солдат-великанов. Он собрал из них два батальона по 600 человек. В дальнейшем Петр, если хотел воздействовать на пруссака, иногда отзывал своих двухметровых молодцов и заменял их солдатами поменьше ростом, что повергало короля в отчаяние. Однажды после такой акции Фридрих-Вильгельм даже отказался беседовать с русским послом, заявив при этом: «Рана, нанесенная моему сердцу, еще слишком свежа...»

Разумеется, истинная причина заключения союза была посерьезнее. Великаном, сказавшим решающее слово, оказалась русская армия. Осенью 1712 года, когда Петр лично убедился, что в войне против Швеции на союзников положиться нельзя, что вся померанская кампания явно будет не столько военным, сколько дипломатическим мероприятием, он принимает решение овладеть Финляндией. В письме к адмиралу Апраксину, который должен возглавить операцию, Петр так определил ее задачи: «Идти не для разорения, но чтобы овладеть, хотя она (Финляндия) нам не нужна вовсе, удерживать, но двух ради причин главнейших: первое, было бы что при мире уступить, о котором шведы уже явно говорить начинают; другое, что сия провинция есть матка Швеции, как сам ведаешь: не только что мясо и прочее, но и дрова оттоль, и ежели бог допустит летом до Абова, то шведская шея мягче гнуться станет».

Блестящая операция по овладению Финляндией была удивительно однообразна по своему содержанию: русские войска ведут сражения, занимают один город за другим и ни одного боевого столкновения с сомнительным исходом; все они кончаются полной победой русских. Великолепным завершением победоносной кампании явилось знаменитое морское сражение около мыса Гангут. Впервые молодой русский флот в серьезных масштабах имел дело с одним из сильнейших флотов мира. Умело используя географические особенности театра, штиль на море и взаимодействие линейной и шхерной эскадр, русский флот выиграл первое в истории крупное морское сражение под руководством контр-адмирала Петра Михайлова, то есть самого Петра. За эту победу царь получил чин вице-адмирала. Вскоре, в августе, русские занимают Аландские острова, расположенные вблизи шведского побережья. В сентябре осуществляется первый рейд непосредственно на территорию Швеции. Завоевание Финляндии, победа при Гангуте имели в принципе ту же цель, что и кампания в Померании; они были призваны поддержать усилия русской дипломатии по достижению мирного урегулирования с Швецией.

Военные успехи русских оказывали самое непосредственное влияние на ход дипломатической борьбы. Решение Пруссии вступить, наконец, в союз с Россией предопределялось в конечном счете тем, что судьба Швеции уже была предрешена. Удастся достичь и некоторых других внешнеполитических успехов. Многого изменяется в отношениях между Россией, Англией и Ганновером, который в начале XVIII века становится вторым по влиянию после Пруссии германским государством. Курфюрст Ганновера Георг стал одновременно английским королем после смерти в августе 1714 года королевы Анны. Запутанные обычаи феодального престолонаследия в европейских монархиях часто приводили к странным перемещениям на тронах. Так, ганноверский немец, которому было уже за 50, ни слова не понимавший по-английски, хотя с 1701 года ясно определилось, что ему предстоит стать королем Англии, с трудом объяснялся со своими министрами на латинском языке.

Англия занимала по отношению к России неизменно враждебную позицию, сдерживаемую лишь ее ограниченными военными возможностями. Заключение Утрехтского мира в апреле 1713 года позволяло Англии активнее мешать возрастанию влияния России и Европе. Она была крайне недовольна появлением русских поисков в Померании. В начале 1713 года английская эскадра из 15 кораблей уже приготовилась отплыть к померанским берегам, но отказ Голландии присоединиться к этой авантюре и решительное предупреждение России, что она окажет вооруженный отпор и прекратит торговлю, сорвали эту операцию.

Предпочтение отдается дипломатическим средствам борьбы с Россией, и ей снова предлагают «посредничество» для мирных переговоров с Швецией, пытаясь всемерно ограничить русское проникновение на Балтику. Она должна ограничиться одним Петербургом, а остальное вернуть разгромленной Швеции. Посредники, и прежде всего Англия, хотели получить право навязать свои условия мирного договора под угрозой применения силы. Россия дает достойный отпор наглым домогательствам, но, отвергая насилие под

видом посредничества, соглашается на «добрые услуги», то есть лишь на использование третьих стран в урегулировании с Швецией в роли простой передаточной инстанции. К тому же Англии мешают в ее антирусских маневрах противоречия с Голландией, непримиримость Карла XII, вернувшегося в конце 1714 года в Швецию, а главное — твердая воля русской дипломатии и военная мощь России. Многочисленные попытки шантажа и вымогательства терпят провал.

Более того, объективные обстоятельства заставляют Лондон убеждаться, что открытая враждебность противоречит интересам самой Англии. Она была жизненно заинтересована в торговле с Россией, получая от нее важные кораблестроительные материалы: лес, пеньку, парусную ткань и т. н. Но шведы начинают открытую торговую войну, захватывая в Балтийском море все суда, идущие в Россию. Только в 1714 году они конфисковали 24 английских корабля. Англия вступает в конфликт с Швецией, требует компенсации огромных убытков. Но Карл XII хочет ликвидировать всю балтийскую торговлю и издает «Каперский устав», то есть открыто узаконивает пиратство — морской разбой на Балтике. Весной

1715 года шведы захватили свыше 30 английских судов. Англичане вынуждены посылать военные корабли для защиты торговли. На почве этих событий происходит естественное сближение русских и английских интересов.

Что касается Ганновера, то его все более соблазняет пример соседних государств, которые спешат растащить на куски отвоеванные города и земли шведской Померании. Курфюрст Ганновера мечтал округлить свои владения и получить выход к морю путем приобретения Бремена и Вердена, расположенных на реке Везер, впадающей в Северное море. Россия давно проявляла интерес к тому, чтобы привлечь и Ганновер к Северному союзу. Правда, в 1710 году удалось добиться лишь заключения договора с Ганновером о его фактическом нейтралитете. Это уже был сдвиг от Швеции в сторону России, хотя союза тогда и не заключили. Но реальность и близость вожаемой добычи побуждает и это государство активизироваться. В апреле 1714 года ганноверский министр Вернсдорф объявил В. И. Куракину о желании курфюрста принять участие в дележе шведского наследства. За Бремен и Верден Ганновер изъявил готовность установить союзнические отношения с Россией, где это предложение, естественно, приветствовали. План Ганновера приобрел особую ценность, когда его курфюрст стал английским королем Георгом I. Правда, возникли препятствия со стороны Дании, также претендовавшей на Бремен и Верден, которая только в феврале 1715 года сняла свои возражения в результате настойчивых хлопот русского посла П. Л. Долгорукого. Для переговоров с новым английским королем в Лондон в ноябре 1714 года отправился чрезвычайным и полномочным послом князь Б. И. Куракин. Прежде всего он потребовал от канцлера Г. И. Головкина отстранения от переговоров русского резидента в Лондоне барона Шака и посланника в Ганновере Шлейница. Куракин писал из Лондона, что «каждый из них присылает доношения в самом обнадеживающем тоне, пишут то, чего я ни от кого не слышу; если их доношения окажутся верными, то прошу, чтоб они те дела и оканчивали: а если мне делать, то чтоб другие не вмешивались».

Вскоре Куракин узнал о том, что предприимчивый барон Шак начал проводить личную дипломатию, вступив в переписку с министрами Дании, Ганновера, то есть устанавливал связи с государствами, где он вообще не был аккредитован. Куракин уведомил иностранных представителей, что «барон Шак вступает в дело как частное лицо, а не как министр царского величества, и в том его воля». Словом, произошла история, весьма типичная для находившихся на русской службе иностранных дипломатов, которые постоянно путали, кого же они представляют в своей дипломатической деятельности. Куракин потребовал отстранения барона от представительства России в Лондоне: «Я по своей должности доношу, что здесь лучше быть министру из русских, и потому что теперь к интересам царского величества присоединились дела имперские, причем иностранцы

имеют собственные свои интересы; и потому что здесь англичанам министр из русских приятнее, чем из немцев».

Куракин, один из самых опытных и умных дипломатов Петра, не зря проявлял такую требовательность к людям, которым предстояло вести переговоры в Лондоне. Заключение договора с Ганновером само по себе было крайне ответственным и сложным делом. Однако в принципе оно уже решилось: подписание задерживала только позиция Дании. Переговоры в Лондоне одновременно открывали такую возможность, о которой боялись и мечтать. Существовал реальный шанс заключить союзный договор с самой Англией. Такой договор мог хотя бы на время кардинально улучшить дипломатическую конъюнктуру для России. И он был возможен в связи с явным сближением англо русских интересов. Об этом Куракин обстоятельно писал Петру по поводу вступления на престол в Англии нового короля. Но использовать заинтересованность Георга I в приобретении Бремена и Вердена до конца сразу не удалось, поскольку его специфическое положение английского короля с урезанными правами предоставляло ему довольно ограниченные возможности воздействовать на собственно английскую политику. Договор заключили именно с Ганновером и с Георгом как его курфюрстом. Подписали договор не в Лондоне, а в Германии, в Грейфсвальде 17 октября 1715 года.

Но этому договору Петр взял на себя обязательство содействовать Ганноверу в присоединении Бремена и Вердена. Георг в свою очередь объявил войну Швеции и послал в Померанию шесть тысяч своих солдат. Он обещал также содействовать закреплению за Россией отвоеванных у Швеции прибалтийских территорий. Таким образом, теперь в Северный союз входит уже пять стран. Но присоединение Ганновера к союзу имело минимальное значение для борьбы против Швеции, ибо оно произошло незадолго до фактического распада союза. Зато Грейфсвальдский договор приобрел иной смысл в связи с надеждами, которые он вызвал у русских, с перспективой заключения союза с Англией. Основания для таких надежд казались тем более солидными, что их подавали действия самого Георга I, заинтересованного в закреплении Времена и Вердена за Ганновером путем заключения мирного договора с Швецией, к чему больше всего стремилась и Россия.

В марте 1710 года В. И. Куракин снова прибыл в Лондон по приглашению ганноверского министра Георга I Бернсдорфа. Он заявил Куракину, что вступит с ним в переговоры не как представитель Ганновера, а как доверенное лицо короли Англии. С английской стороны России предложили заключить договор о совместных военных действиях против Швеции. Англия предоставит для этого свой флот, а Россия — сухопутные силы. Предлагался также обмен гарантиями: Англия гарантирует России закрепление за ней отвоеванных в Восточной Прибалтике земель, а Россия гарантирует Георгу I и его протестантским наследникам сохранение английской короны. Одновременно должен быть заключен русско-английский торговый договор. Затем по предложению Бернсдорфа к союзу следовало привлечь королей Дании и Пруссии. В Европе возник бы, таким образом, на основе взаимных гарантий союз России, Англии, Голландии, Дании, Пруссии и Ганновера. Нетрудно заметить, что такая перспектива совершенно изменила бы международное положение в Европе, где проектируемый союз стал бы господствующей силой. Он привел бы также к упрочению международных позиций России и послужил бы, как писал Куракин, к ее «великому авантажу и интересам». В ответ на просьбу Куракина представить ему английские предложения в письменном виде Бернсдорф заверил, что это в ближайшие дни сделает английский министр Тоунсенд.

Действительно, сразу же начались переговоры с Тоунсендом, который, хотя и не дал письменных предложений, твердо повторил их в устной форме, указав на необходимость одновременно заключить и союзный, и торговый договоры, чтобы английскому парламенту яснее была видна их выгодность для интересов Англии. Союз с Россией и в самом деле полностью соответствовал интересам английской

торговли, закреплению за Ганновером Бремена и Вердена, задачам борьбы против происков старой династии Стюартом с целью возвращения английской короны. В лице России Англия приобрела союзника, который, в отличие от других участников планируемой коалиции, обладал большой сухопутной армией. Естественно, что в уже наступавшую эру «английского преобладания» Англия будет претендовать на роль лидера, руководящей державы будущего союза. Но эта вероятность не могла тем не менее умалить поистине грандиозных возможностей для России в открывавшейся перед ней перспективе. Для Куракина, который яснее других представлял все значение происходивших переговоров, тем более тяжелым ударом оказалось неожиданное изменение позиции Англии. 31 марта 1710 года Тоунсенд, так и не вручивший английских предложений в письменной форме, неожиданно потребовал немедленно подписать отдельно торговый договор без заключения намеченного союзного договора. Куракин отказался это сделать без согласия и инструкций своего государя. Переговоры пришлось прервать. Вслед за тем начинается резкое ухудшение русско-английских отношений из-за так называемого мекленбургского дела.

Герцогство Мекленбург, одно из германских государств среднего значения, оказалось из-за своего географического положения (по соседству с шведской Померанией) полем битвы, а главным образом своего рода проходным двором для армий северных союзников и шведов. Мекленбург жестоко страдал не только от чужой войны, но и от внутренних распр между герцогом Карлом-Леопольдом и его дворянством, боровшимся против абсолютистских претензий герцога. Карл-Леопольд сильно нуждался в помощи и покровительстве. Его связи с Россией начались еще в 1712 году, когда Петр просил помочь провиантом для русских войск, за что обещал не пускать шведов грабить Мекленбург. А затем герцогу, который развелся с первой женой, пришла в голову счастливая идея снова жениться, притом на племяннице Петра, младшей дочери его покойного брата, царя Ивана, Екатерине Ивановне. Вместе с новой женой и ее приданым Карл-Леопольд рассчитывал приобрести могучего покровителя.

Петра заинтересовало предложение герцога Мекленбурга. Царь давно воспринял укоренившееся в Европе представление, что брачные связи между членами царствующих семей являются необходимым матримониальным дополнением дипломатии. Ведь тогда фактически все европейские монархи находились в родственных отношениях между собой. Для Петра подобные супружеские связи были, кроме того, дополнительным средством включения России в Европу, еще одной формой ее европеизации. Он видел также в них признание новой международной роли России. Не случайно упадок международного положения Московского государства отражался, в частности, в том, что на протяжении многих веков ни одна русская великая княжна не могла и мечтать выйти замуж даже за самого захудалого иностранного принца.

Предстоявшая свадьба была уже третьим международным браком, которые устраивал Петр, не считая его собственной второй женитьбы, ибо царица Екатерина Алексеевна некогда числилась подданной шведского короля. В октябре 1710 года супругой герцога Курляндского стала другая племянница Петра — Анна Ивановна. Герцог умер вскоре после бракосочетания, и она жила на правах вдовы в Митаве, не подозревая, что ей в будущем предстоит стать российской императрицей. В 1711 году Петр женил своего сына от первого брака Алексея на немецкой принцессе Шарлотте Вольфенбюттельской, которая, родив сына — будущего императора Петра II, умерла. На женитьбу Алексея царь возлагал особые надежды; его родной сын, верный по духу своей матери Евдокии Лопухиной, злобно ненавидел дело всей жизни отца — преобразование России. Петр в какой-то мере рассчитывал, что женитьба царевича Алексея на образованной европейской принцессе повлияет на него и ослабит его упорную неприязнь к европеизации России. Разумеется, к моменту брака Екатерины Ивановны с герцогом Мекленбургским далеко идущие последствия матримониальных затей Петра еще не успели проявиться...

22 января 1716 года в Петербурге был подписан брачный договор, по которому Петр взял на себя обязательство включить в Мекленбург города Висмар и Варнемюнде и послать для этого свои войска. Если же герцог Висмара не получит, то царь выплатит ему в качестве приданого 200 тысяч рублей. 8 апреля в Гданьске состоялась официальная церемония бракосочетания. 15 тот же день был подписан союзный договор между Россией и Мекленбургом. Царь гарантировал герцога и его наследников от всех внутренних и внешних угроз путем оказания ему необходимой военной помощи. На время войны в Мекленбурге будут размещены десять полков русской армии, которые передаются в полное распоряжение Карла-Леопольда. Будет также обеспечена защита герцога от внутренней дворянской оппозиции. Русские получают право жить в Мекленбурге, заниматься торговлей, иметь пристани в портах, склады и церкви. Русские войска могут свободно проходить через Мекленбург, иметь здесь свои базы. В целом это был договор о протекторате.

В то время, когда в Гданьске проходили праздничные брачные церемонии, туда прибыли для Петра письма и донесения от Н. И. Куракина. В письме от 24 февраля он писал: «Женитьба герцога мекленбургского и отдача ему Висмара противны двору английскому. Мой долг донести, что никак не должно спешить этою женитьбою.., чрез это нынешняя дружба может быть потеряна, дружба очень нужная при нынешних обстоятельствах, то не знаю, можем ли мы получить столько же пользы от герцога мекленбургского, сколько от тех, которых дружбу для него можем потерять».

Также с большим опозданием пришло и донесение о лондонских переговорах по поводу заключения союза России и Англии. Куракин сообщал, кроме того, что Бернсдорф предостерегал от заключения брака с герцогом Мекленбурга и передавал просьбу короля Георга воздержаться от передачи Мекленбургу Висмара. Бернсдорф говорил: «Мой король просит царское величество для любви к нему и для собственного интереса покинуть это намерение». Все эти запоздалые предостережения уже невозможно было принимать во внимание: русско-английские переговоры о союзе фактически прекратились. Но, собственно, в предостережениях Куракина не было ничего принципиально нового. Тот же Бернсдорф еще в 1712 году не раз просил оставить Мекленбург в покое как нейтральную страну. Пренебрегли тем обстоятельством, что Бернсдорф был мекленбуржцем, имел в герцогстве владения и пользовался полным доверием Георга I. Два других уроженца Мекленбурга — Гольштейн и Девиц занимали влиятельное положение в Дании, и король Фредерик IV очень считался с ними. Сейчас эти люди развернули бешеную кампанию против Петра, приписывая ему экспансионистские замыслы. Договор с Мекленбургом придавал неотразимую убедительность подобным обвинениям.

Первым делом мекленбургская история сказала на переговорах о союзе с Англией, хотя в последнем счете их неудача предопределялась нежеланием Англии допустить общее усиление России и превращение ее в великую державу. Мекленбург оказался лишь поводом, но без него антирусские тенденции едва ли смогли тогда взять верх. А затем последовала крайне неприятная история в связи с Висмаром. Осажденный войсками Дании, Ганновера и Пруссии город в апреле 1716 года капитулировал. Петр приказал генералу Репнину идти к Висмару, чтобы вместе с союзниками принять капитуляцию. И под стенами города (обещанного Петром герцогу Мекленбурга) разыгрался острый конфликт. Союзники отказались пропустить русские войска в крепость. С трудом Репнину удалось избежать вооруженного столкновения с ними ценой унижительной уступки. Это уже было вызывающее оскорбление России. Петр с обидой писал, что он «всем своим союзникам в сей войне такие великие услуги показывал и таким верным и истинным союзником себя показал, что никто причины не имеет к нему недоверие иметь и таким образом с ним и с его войсками поступать».

Конфликт под Висмаром оказался предвестником еще более серьезных неприятностей. Именно в 1716 году должна была, наконец, состояться крупнейшая

совместная операция союзников: высадка десанта в Сконе — прибрежную провинцию Швеции, служившую плацдармом для вторжения шведов в Данию. Отсюда они в самом начале Северной войны двинулись к Копенгагену. В 1710 году датчане высаживались в Сконе, но шведы вскоре разгромили их там. В последующие годы Дания добивается участия русских войск в новом десанте. Петр согласился на это, хотя его больше интересовала высадка вблизи жизненных центров Швеции. Но пока шведский флот оставался еще сильным, требовались датские корабли. Русское участие в высадке в Сконе рассматривалось как условие получения поддержки датского флота в проведении необходимой России для принуждения к миру Швеции операции против самых важных ее районов. Еще в 1714 году Ягужинский ездил в Копенгаген, чтобы согласовать такой план военных действий. Но тогда Дания и другие союзники предпочитали сначала захватить шведские владения в Северной Германии. После взятия Висмара десант в Сконе трудно стало откладывать ссылаясь на необходимость изгнания шведов с континента. Учитывая заинтересованность самой Дании в десанте, Петр настойчиво торопил ее. Но его поручению русские дипломаты заявили датскому королю: высадка должна быть предпринята в 1716 году, ибо в будущем году Россия уже не сможет помочь Дании в крупных размерах. Русские действовали очень настойчиво. Ведь они терпеливо добивались действий против самой Швеции с 1710 года. В этом был смысл всей балтийской политики Петра, которая до сих пор служила не столько России, сколько ее союзникам. Пора, наконец, получить от них какие-то ощутимые плоды и для русских интересов. Чтобы обеспечить операцию, призванную вынудить Швецию заключить мир, Петр роздал союзникам — Дании, Саксонии, Пруссии, Ганноверу все отвоеванные у шведов владения в Северной Германии, не взяв себе из них ничего. Лесной и летом 1716 года около 50 тысяч русских войск были сосредоточены в Северной Германии, главным образом в Мекленбурге. В начале июля в Копенгаген пришел русский флот. Всего здесь собралось 22 русских военных корабля, из них 14 — линейных. Сам Петр с 6 июля по 16 октября оставался в Дании и требовал поскорее начать осуществление операции.

Обстановка казалась тем более благоприятной, что в Балтийском море находились крупные английские военно-морские силы, предназначенные для защиты торговых судов от шведского каперства. Англия обещала поддержать десант. Командующий английским флотом адмирал Норрис получил приказ прикрыть высадку десанта и, если покажется шведский флот, вступить с ним в бой. 11 июля Норрис встретился с Петром и лично подтвердил это намерение Англии. Между тем время шло, проходили самые благоприятные в смысле погоды летние месяцы, а датский король не торопился выполнить свое обязательство о переброске русских войск в Данию из Ростка, где они ждали посадки на суда. Петр настойчиво торопил датского короля, но в ответ слышал разного рода отговорки.

И середине августа около Копенгагена собралась огромная армада из флотов России, Дании, Англии, Голландии. Поскольку ни один из иностранных адмиралов не хотел подчиняться другому, командование принял на себя Петр — адмирал и единственный находившийся в море монарх. 5 августа соединенная русско-англо-голландско-датская эскадра в составе 69 кораблей вышла в море, сопровождая около 400 торговых судов. Эскадра дошла до Корнхольма и вернулась обратно. Было истратчено много пороха на приветственные салюты, но не сделано ни одного выстрела по неприятелю, ибо шведский флот укрылся в своих гаванях. Состоялась, таким образом, внушительная военно-морская демонстрация, оставившая довольно сложное, смешанное чувство у Петра: ведь он в течение десяти дней командовал могучим объединенным флотом, способным на многое, но практически не сделавшим ничего для решающего вклада в завершение Северной войны.

Только в конце августа первый транспорт с русскими войсками прибыл к Копенгагену из Мекленбурга. Переброска основных сил закончилась лишь к 15 сентября. Но три полка необходимой кавалерии так и не были доставлены. Горя нетерпением начать

операцию, Петр дважды на мелких судах-шнявах подходил близко к шведским берегам, изучая обстановку в месте предполагаемой высадки. Разведка показала, что шведы построили укрепления, сосредоточили в Сконе более 20 тысяч войск. Из-за задержки доставки русских солдат датскими судами практически высадка могла начаться только в начале октября. Наступила осень с ее штормовой, неустойчивой погодой. Обнаружилось множество других сложностей. На военном совете состоялось обсуждение создавшегося положения. Даже если бы высадка удалась, русским войскам пришлось бы действовать на вражеской территории зимой, не имея провианта и другого снабжения. В таких условиях операция превращалась в явную авантюру, ставившую отборные русские войска под угрозу гибели. Задержка по вине Дании доставки русских войск к Копенгагену приобрела зловещий характер. Многочисленные факты политического характера давали основания предполагать, что задержка была преднамеренной.

И столь опасной ситуации, грозившей России новым «шведским Прутом», Петр 17 сентября 1716 года объявил датскому королю о том, что решено отложить операцию. Решение Петра перенести высадку на будущий год вызвало крайне резкую реакцию. Вся плохо скрывавшаяся неприязнь к России немедленно вылилась наружу. В Копенгагене спровоцировали панику лживой версией о том, что русские войска коварно сосредоточены в Дании, чтобы захватить Копенгаген и всю страну. Министр Георга I Бернсдорф, мекленбуржцы Девиц и Гольштейн, находившиеся на датской службе, громким хором завопили о «предательстве» Петра. Ссылаясь на действия Петра в Мекленбурге, его обвиняли в самых злокозненных намерениях. Копенгаген спешно готовили к обороне, бюргерам раздали оружие. Георг I послал адмиралу Норрису приказ немедленно напасть на русский флот, захватить самого Петра и держать его в плену, пока русские войска не уйдут из Дании и вообще из Германии. Однако приказ исходил из Ганновера, а не из Лондона, где действовали более тонко. Норрис не выполнил его. Тем не менее конфликт приобретал крайне острый характер, и Северный союз оказался на грани войны между его участниками. Наиболее агрессивную позицию занимал Георг I, обещавший королю Дании помощь в случае войны с Россией. Для нагнетания обстановки в ход пошли инспирированные слухи о том, что Петр готовится заключить мир с Карлом XII, что герцогу Карлу-Леопольду отдают Лифляндию, а Мекленбург станет русским владением, и т. п.

Поскольку никаких враждебных намерений в отношении союзников у Петра не было, то переполох вскоре прекратился, тем более что с октября русские войска стали переправляться обратно из Дании в Росток. Петр поручает Куракину и Толстому вести переговоры о проведении высадки в Сконе в будущем, 1717 году. При этом проявляется готовность принять все требования Дании и Ганновера, в том числе и о выводе русских войск из Мекленбурга. Но союзники объявили такой вывод предварительным условием любых переговоров, что затрудняло переговоры о совместных действиях, ибо уводить крупные силы в Россию, а потом через несколько месяцев вести их обратно было бы слишком дорогостоящей операцией. К тому же ничто не гарантировало от повторения попытки завести русские войска в опасную ловушку. Русская дипломатия проявляла максимальную лояльность в переговорах, но враждебность Англии и союзников, использовавших мекленбургскую карту, лишь возрастала. Дело дошло до того, что Георг I вообще стал отказываться от встреч с представителями царя — Толстым и Куракиным. В исторической литературе часто повторяется версия о том, что Англия стала жертвой интриг людей типа Бернсдорфа, раздувавших мекленбургское дело, что ганноверская дипломатия добилась не только провала переговоров о русско-английском союзе, но и успешно способствовала распаду Северного союза, получив все, чего ожидал от него Георг I, то есть Бремен и Верден. У действительности конфликт, связанный с неудачей десанта в Швецию в 1716 году, был вызван более серьезными и общими причинами, вытекавшими не столько из ошибочного курса в отношении Мекленбурга, сколько из новой расстановки сил, сложившейся после прекращения войны за испанское наследство.

Утрехтский мир и другие соглашения и договоры, связанные с прекращением войны за испанское наследство, позволили Англии сделать большой шаг вперед к «английскому преобладанию» в мире. Она добилась исключительно благоприятных условий для своей всемирной морской и торговой гегемонии. Получив в Утрехте Гибралтар и остров Минорку, Англия имела теперь опору для господства в Средиземном море и на рынках стран этого района. Вынудив Францию согласиться на разрушение Дюнкерка, Англия приобрела аналогичное влияние в Северном море. Договор с Португалией открывал через Бразилию доступ в Южную Америку. Множества привилегий Англия добилась и в Северной Америке. Весьма выгодным для нее было право «асиенто» — право работоторговли неграми.

Только бассейн Балтийского моря оказывался вне английского контроля. Более того, над ним ясно вырисовывалась гигантская тень петровской России с ее растущим морским могуществом. Взятый в 1715 году курс на союз с Россией был задуман в качестве средства контроля над ее влиянием и как противовес проискам якобитов, сторонников реставрации Стюартов, изгнанных из Англии после революции 1688 года. Россию можно также использовать в борьбе против попыток Карла XII парализовать балтийскую торговлю. Подымавшейся крупной английской буржуазии нужен русский рынок сбыта, а британское адмиралтейство остро нуждалось в русских кораблестроительных материалах. Но Россия, как показали ее действия в Мекленбурге, обнаружила стремление действовать совершенно самостоятельно, а опасность со стороны якобитов собирались нейтрализовать путем сближения с Францией.

К тому же в процессе подготовки к десанту в 1710 году англичане осознали всю реальность российского могущества. Десятидневное командование Петром соединенной армадой из флотов четырех стран оказалось чисто символическим. Но это был слишком страшный символ для тех, кто в Лондоне стремился господствовать на всех морях и океанах. Опасность превращения Балтики в «русское озеро» воочию представилась англичанам.

Такое положение решительно противоречило политике «английского преобладания» повсюду в мире. Поэтому и были сорваны русско-английские переговоры о союзе, а союз Англии и Ганновера явился не случайным следствием династических комбинаций. Он оказался просто находкой и удивительно удачно вписывался в политику всемирной британской гегемонии.

В «Дипломатической истории» Жака Дроза говорится: «Политика курфюрста Ганновера, стремившегося стать арбитром между странами Севера, сгруппировала вокруг него коалицию, которую Россия создала против Швеции. Таким образом, ось конфликта переместилась, и он стал русско-ганноверским. Не шла ли речь о том, что ганноверская дипломатия хочет сохранить Германию от гегемонистских амбиций Петра Великого? Несомненно, одна из заслуг Георга I и его ганноверского министра Бернсдорфа состояла в том, что они раскрыли английским министрам глаза на проявление русского экспансионизма. Но Георг I и его ганноверский министр Бернсдорф смотрели значительно дальше: Ганновер пытался установить свое господствующее влияние на берегах Северного и Балтийского морей... В Лондоне ганноверская политика встретила благоприятный отклик: нельзя ли добиться того, чтобы сделать ганноверские и датские порты в северных морях эквивалентом английских средиземноморских баз? Вот почему английское правительство было склонно оказать поддержку политике Ганновера». Таким образом, в то время когда Бернсдорф и другие подняли шум по поводу русской угрозы, в действительности на Балтике развертывалась безудержная английская экспансия. Беда России состояла в том, что Петр своей случайной дипломатической импровизацией с Мекленбургом дал Георгу I выгодный козырь в борьбе за разрушение Северного союза как детища русской политики. На первом этапе своей истории, в дополтавский период, Северный союз был разрушен военными успехами Карла XII в войне с Данией и

Саксонией. На втором этапе существования этого возрожденного союза он стал жертвой англо ганноверских махинаций, которые не сумела расстроить петровская дипломатия.

Свою непосредственную задачу, то есть высадку десанта с помощью союзников на территорию Швеции, ей решить не удалось. Но это не означало, что вся балтийская политика Петра целиком была ошибочной. Напротив, с точки зрения ее главных стратегических целей именно она обеспечила конечное торжество петровской дипломатии. Щедро раздавая куски отвоеванных у шведов владений в Германии, города и крепости своим союзникам, Петр прочно связал их заботами по сохранению этих приобретений. Особенно удачной оказалась передача Бремена и Вердена Георгу Т. Она на время подчинила Англию ганноверским интересам ее короля. Всем этим странам, получившим бывшие шведские территории, трудно стало возражать против гораздо более крупных территориальных приобретений Петра в Восточной Прибалтике. Правда, через несколько лет положение изменится, и Англии удастся к 1720 году в какой-то мере изолировать Россию и на время сколотить антирусский общеевропейский блок. Лишь тогда она попытается пустить в ход свой флот против России. Но будет уже поздно. За то время, которое потребовалось Англии и бывшим союзникам Петра для закрепления приобретенных ими владений, Россия уже создаст свой могучий флот, который обеспечит защиту новых русских прибалтийских владений, так же как и заключение мира с Швецией. Именно балтийская политика Петра делает это в будущем возможным.

АЛАНДСКИЙ КОНГРЕСС

Петр болезненно переживал срыв западными участниками Северного союза операции по высадке десанта в Сконе. Он не питал иллюзий: хотя Северный союз формально сохранялся, фактически вся система балтийской политики, ради которой пришлось затратить на протяжении более пяти лет столько усилий и материальных ресурсов, казалась разрушенной. Петр писал фельдмаршалу Шереметеву: «Понеже десант (и Шонию) от вас и некоторых генералов удержан и оставлен, от чего какие худые следствия ныне происходят..! и тако со стыдом домой пойдем. К тому же, что ежели б десант был, уже бы мир был».

Перспектива близкого мира сменилась тревожной неизвестностью. Но, как всегда перед лицом неожиданных событий, Петр немедленно приступает к реконверсии русской военной стратегии и дипломатии. Неудача в достижении прямой цели Северного союза — соединенного удара союзников по Швеции для принуждения ее к миру отнюдь не означала безрезультатности в решении его косвенных, не менее важных задач. Некоторые западные историки изображают Петра в этот момент в роли какого-то одураченного простака. Русскими силами были отвоеваны все германские владения Швеции, их расхватили союзники, а не получивший ничего русский царь вынужден уйти ни с чем. Но дело обстояло не так просто. Дания, Ганновер, Пруссия действительно получили вождельные земли, города и крепости. Но как их сохранить, вот в чем вопрос? Кто защитит их от неукротимого Карла XII, раз русские уходят? Щедро раздавая союзникам померанскую добычу, Петр связал их по рукам и ногам. Вот почему они вынуждены вести двусмысленную игру и сохранять с Петром видимость добрых отношений, истерично требуя в то же время вывода русских войск из Мекленбурга, где они и сами не думали оставаться. Ну что ж, Петр принимает правила игры дипломатического лицемерия.

Когда царь уезжал из Дании, явившейся ареной фарса, разыгранного союзниками, посол Долгорукий был у короля Фредерика IV с «комплиментом от царского величества, благодарил от имени царя за удовольствия, испытанные последним в бытность его в Копенгагене, уверял в постоянной дружбе своего государя». Князь Долгорукий в своем донесении сообщал, что король со своей стороны жалел, что не мог доставить царскому величеству еще больших удовольствий...

Зато Георг I, король Англии и курфюрст Ганновера, пытался доставить Петру такие «удовольствия». Он требует от короля Дании предоставить свои войска, чтобы они, соединившись с ганноверскими, силой изгнали царя из Мекленбурга. С аналогичным требованием он обратился и к Фридриху-Вильгельму, королю Пруссии. Оба короля отказали, и особенно категорически — король Пруссии. Ведь Фридрих-Вильгельм получил Штеттин с округом и хорошо понимал, что в случае попытки Карла XII вернуть его никто не поможет ему, кроме Петра. Поэтому, кстати, Пруссия оказалась единственным государством Северного союза, которое не только не требовало вывода русских войск из Мекленбурга, но даже просило увеличить их вдвое.

Англо-ганноверская дипломатия, развалившая Северный союз, судорожно ищет новую опору для своей политики на Балтике. А почему бы не опереться на Швецию? В отличие от поднимающейся России, идущая к упадку Швеция не сможет помешать английской гегемонии на Балтике. Хотя с ней продолжалась борьба из-за балтийской торговли, англичане по различным каналам зондируют почву на предмет заключения с ней мира. Перспектива англо-шведского альянса в момент и без того серьезного кризиса, в котором оказалась русская дипломатия, таила в себе грозную опасность для интересов России.

Однако ей снова помог... шведский король с его дикой внешней политикой, которая приобрела особенно авантюристический характер под влиянием голштинского барона Герца. Этот дипломат-авантюрист типа известного Паткуля увлек Карла XII блистательной перспективой восстановления величин вконец истощенной Швеции путем разных фантастических авантур. Одной из них стала идея свержения ганноверской династии с английского трона и восстановления с помощью английских якобитов и европейских держав династии Стюартов. А она в благодарность за это даст Карлу XII все необходимое для реванша в борьбе с Петром и другими врагами. В начале февраля 1717 года Петр получил сенсационное донесение от резидента в Лондоне Веселовского. Здесь был арестован шведский посол Гилленбург и захвачены его бумаги. Из них выяснилось, что в начале марта в Шотландии должна была высадиться 10-тысячная шведская армия, чтобы соединиться с якобитами, свергнуть Георга I, посадить на трон Якова III Стюарта. Большая английская эскадра вышла в море, Георг I запретил торговлю с Швецией. В Стокгольме арестовали английского посла Джексона. Дело шло к войне. Петр писал адмиралу Апраксину о Карле XII: «Ныне не правда ль моя, что всегда я за здоровье сего начинателя пил? Ибо сего никакою ценою не купишь, что сам сделал». Царь поручил Веселовскому срочно узнать, действительно ли Англия намерена объявить войну Швеции, и подтвердить готовность России вступить в союз с Англией. Учитывая претензии Георга I, он приказал также сообщить о начале вывода русских войск из Мекленбурга.

Однако изменений в английской политике по отношению к России не произошло, ибо именно она являлась главным препятствием для установления английского господства на Балтике. Поэтому приходилось по-прежнему искать альтернативу распадавшемуся Северному союзу. Вообще, Петр не впервые сталкивался с изменой союзников. Вспомним его пребывание в Вене в конце Великого посольства и Карловицкий конгресс. Ведь даже тогда Россия не только вышла из положения изоляции, но и придала своей внешней политике гораздо более целеустремленное направление. Интересно продолжить это сравнение, ибо оно показывает прежде всего резкое возрастание активности петровской дипломатии. В отличие от прошлого, Петр действует, не дожидаясь формальной ликвидации Северного союза, и предпринимает превентивные действия. Но различие двух внешне сходных ситуаций еще и в том, что произошло колоссальное укрепление международных позиции России, ее влияния и авторитета. Правда, появился отрицательный фактор страха перед ростом российского могущества. Зато выросла в небывалой степени способность русской

дипломатии к действиям, точнее говоря, возникла сама русская дипломатия, как таковая, достойная этого имени.

В острые, кризисные внешнеполитические моменты особенно важное значение приобретает качество работы петровских дипломатов, в первую очередь послов. Исключительную роль в это время имеет их информационная миссия. Ведь тогда не существовало ничего подобного нынешним средствам массовой информации, не было газет, которые систематически давали бы высококомпетентные сведения о политике тех или иных стран. Крайне несовершенная почтовая связь, пересылка курьеров требовали огромного времени. Часто проходило больше месяца, прежде чем сообщение о важном событии достигало центра принятия решений, то есть лично Петра. В этих условиях важное значение приобретало то обстоятельство, что Петр не только предоставлял послам огромную самостоятельность, он энергично требовал такой самостоятельности. Его письма послам пестрят постоянными ремарками типа «сие оставляю на ваше разумение». Отсутствие такого «разумения» вызывало гнев царя. Он также запрещал послам в своих донесениях скрывать какие-либо факты, события, характеристики, противоречившие его взглядам, о которых послы, конечно, знали. Даже информация, носившая оскорбительный, клеветнический характер в отношении личности самого государя, должна быть ему доложена. Он требовал правды, как бы неприятна она ни была. Всякое проявление угодничества, подтасовка фактов и событий под вкусы Петра вызывали его раздражение. Послы имели широкий диапазон в принятии самостоятельных решений. Это касалось не только распределения по усмотрению посла крупных средств и ценностей для подарков, взяток и подкупа. Посол мог и обязан был принимать самостоятельные решения политического значения. Подчас удачная инициатива посла влекла за собой рациональное изменение внешнеполитического курса в отношении великих держав. Активность, находчивость, предвидение, терпение — далеко не полный перечень качеств, которых ожидал Петр от своих дипломатов. Посол ни в коем случае не должен был служить только простой технической передаточной инстанцией, но самостоятельным политиком. В 1716 — 1720 годах сложного дипломатического маневрирования, реконверсии внешней политики все это приобретало огромное значение.

Правда, главную роль в дипломатии России продолжают играть контакты, переговоры и решения на высшем уровне, личная дипломатическая деятельность Петра. Его непосредственное участие в переговорах особенно учащается во время второго большого заграничного путешествия 1710 — 1717 годов. В отличие от Великого посольства, эта поездка не освещается специально, хотя она продолжалась по времени дольше первой. Характер ее был иным. С одной стороны, она уже не имела такого значения для определения главного направления всего царствования Петра, как это было в Великом посольстве, когда юный царь, находясь в Голландии, Англии, Австрии и в других странах, окончательно принимал решение о преобразовании России. Но, с другой стороны, во втором путешествии царь неизмеримо больше времени и внимания уделяет чисто дипломатической деятельности. Теперь уже в ней нет былой наивности, неопытности и неосведомленности. Петр хорошо знает Европу, да и Европа начинает кое-как понимать, с кем она имеет дело. Петр уже не тратит столь много времени на изучение кораблестроения, он уже не плотник амстердамской верфи. И тем не менее неистощимая любознательность царя, его необычайная страсть к науке, технике проявляется и здесь. К сожалению, на этот раз придется опустить множество интереснейших фактов такого рода, ибо слишком уж велик объем дипломатических документов послепоплавского периода, которые и без того приходится использовать после тщательного отбора, упоминая лишь наиболее важные.

Первой крупной личной акцией Петра после провала десантной операции в Сконе, обнаружившей тенденцию к фактическому распаду Северного союза, явилась его встреча с королем Пруссии Фридрихом-Вильгельмом. Он был единственным участником Северного союза, сохранившим пока верность союзу с Россией. Разумеется. Петр не

переоценивал надежность этого последнего своего союзника. Наряду со стремлением прусского короля сохранить то, что ему удалось урвать из шведских владений в Померании, он пытался использовать Петра для борьбы против императора, с которым Берлин начинает соперничать все более открыто. Его вдохновляла также старая вражда к Ганноверу и его курфюрсту — английскому королю Георгу I, который, кстати, приходился Фридриху-Вильгельму тестем. Петр уже хорошо изучил хищническую и коварную природу Гогенцоллернов, и хотя обликом, манерами, нравами и вкусами Фридрих-Вильгельм серьезно отличался от своего отца — Фридриха I, приходилось иметь дело все с той же Пруссией, уже рвавшейся к господству в Германии. Личное свидание двух монархов состоялось в Гевельберге — в одном из западногерманских владений Пруссии. Были приняты две декларации: первая говорила о подтверждении прежнего союза и о взаимных гарантиях приобретенных у шведов территорий, об оказании взаимной военной помощи для этой цели. Но второй прусский король обещал возобновить договор о дружбе с герцогом Мекленбургским. Встреча была заполнена церемониями и празднествами. Петру был подарен знаменитый янтарный кабинет, некогда украшавший дворец в Петергофе. Между тостами шли и серьезные разговоры; Петр умел пить много, но пьянел мало, возникла проблема отношений с Францией, видимо, как результат того, что двумя месяцами раньше Пруссия заключила с ней секретный трактат о гарантии Утрехтского договора.

Отношения Франции и России до этого отличались по меньшей мере отчужденностью, несмотря на отдельные двусмысленные авансы вроде миссии Балюза и т. д. Это объяснялось не чьими-то злыми кознями, а объективными обстоятельствами. Франции оказалась той крупной державой Европы, которая больше других имела основания испытывать тревогу по поводу усиления и возвышения России. Смертельным врагом Франции была Австрия, вернее, правившая в ней династия Габсбургов, императоров Германской империи. В борьбе против нее Франция опиралась на союз с Турцией, которая была естественным врагом России. Многолетним союзником России оказывалась Австрия. Ведь, находясь в союзе с ней, Петр штурмовал Азов. Интересы Франции задевались Россией и в связи с Швецией, которая со времен Тридцатилетней войны являлась союзником Франции в борьбе с империей. Начав войну против Швеции с целью возвращения России выхода к Балтийскому морю, Петр лишал Францию шведской поддержки в испанской войне. Наконец, существовала Польша с системой выборных королей. Франция была заинтересована в установлении своего влияния в Польше, чтобы эта страна играла роль связующего звена между Турцией и Швецией в ее «восточном барьере». Поэтому, в частности, в самом конце XVII века она пыталась в противовес Августу II посадить на польский трон французского принца де Конти. Таким образом, из-за трех стран Франция вступала в конфликт с Россией. Вот почему в Стамбуле французский посол проводил самую враждебную России линию. В 1715 году Людовик XIV подписал новый союзный договор с Швецией, обязавшись еще три года выплачивать ей крупные денежные субсидии. Но в сентябре 1715 года во Франции появился новый король — Людовик XV. Поскольку ему было тогда всего пять лет, начал править регент — герцог Филипп Орлеанский. Швеция, некогда самый сильный французский союзник на севере Европы, уже была обречена на окончательный разгром, и французские субсидии могли только затянуть ее неизбежный крах. Во Франции не могла не возникнуть мысль о том, чтобы заменить Швецию более сильным и надежным партнером, а им могла быть только петровская Россия. Французская дипломатия начинает зондировать почву насчет России через Пруссию. Затем, в январе 1717 года, посол Франции в Гааге маркиз Шатенеф получает приказ вступить в контакт с Б. И. Куракиным.

Однако, несмотря на эти дипломатические демарши, инициатором сближения была не Франция. Раньше и притом гораздо глубже увидел объективное совпадение интересов двух стран Петр. Разочаровавшись в англичанах и датчанах, он хотел отвлечь Францию от союза с Швецией, Голландией и Англией, на котором строилась французская политика

после испанской войны, и предложить ей альтернативу: союз с Россией, Польшей и Пруссией.

С этой целью Петр еще при жизни Людовика XIV выражал готовность отправиться в Париж. Но старый король отклонял встречу, ссылаясь на возраст и здоровье.

И вот теперь регент Франции не только приглашал Петра посетить Париж, но и сам настойчиво напрашивался в союзники. Еще на стадии предварительных переговоров послов Петр поручил выяснить, чего хочет Франция и что она предлагает России. Кроме заключения торгового договора Франция стремилась для сохранения своего влияния на севере выступить посредником в переговорах между Россией и Швецией. Она желала получить от России гарантию Утрехтского и Баденского договоров и соглашалась предоставить России свои гарантии возможного в будущем мирного урегулирования с Швецией. Она хотела также, чтобы русские войска не только не выводились из германских государств, то есть из империи, но оставались там постоянно. Таким образом, если бы Петр действительно хотел укрепиться в Германии (это намерение приписывали ему Георг I и другие противники России), то он должен был бы просто ухватиться за поддержку Франции. Но Петр поручил А. Головкину объявить на предварительных переговорах, что «царь находит невозможным для себя утвердиться в Германии и держать в ней постоянно русское войско, как Франция этого желает». Петр, конечно, разгадал смысл этого французского желания: в Париже хотели столкнуть Россию и империю в остром конфликте, что облегчило бы Франции борьбу против Габсбургов. Там поверили в домыслы англо-ганноверской дипломатии о захватнических намерениях Петра в связи с «мекленбургским делом». Двусмысленность французских намерений по отношению к России явно бросалась в глаза. Желая союза с Россией, она одновременно хотела сохранить союзнические отношения с ее противниками. Регент требовал от своих дипломатов, чтобы они при выработке соглашения с Россией ни в коем случае не вступали в противоречие с союзным договором Франции и Швеции 1715 года и, особенно, с договором Франции с Англией и Голландией, который она подписала 4 января 1717 года, в момент, когда обнаружилось обострение англо-русских отношений. Союз с недавним противником понадобился регенту из-за конфликта с Испанией. Испанский король Филипп IV, внук Людовика XIV, выступил претендентом на французскую корону после смерти «короля-солнца». Французская внешняя политика оказалась под воздействием двух противоположных тенденций. Одну, направленную на тесный союз с Англией, выражал влиятельный советник регента — аббат Дюбуа, другую, рассчитанную на замену союза с Швецией союзом с Россией, отстаивал маршал д'Юкселль.

Дюбуа писал регенту: «Если вы не сохраните согласия с его британским величеством, вы попадете из одной беды в другую». Д'Юкселль, выступая за сближение с Россией, придерживался иной позиции и утверждал, что «было бы безрассудством, зная неустойчивость англичан, полагаться полностью на эту опору и не поддерживать добрые отношения с другими державами». Французской дипломатии, таким образом, предстояло примирить непримиримое.

И все же переговоры имели смысл, ибо давали шанс установить, наконец, контакт с Швецией. Петр считал, что нельзя ничем пренебрегать ради достижения мира. Главным образом поэтому он решил ехать во Францию. Определенную роль в принятии этого решения имело желание Петра познакомиться и с этой страной в интересах продолжения своей преобразовательной деятельности. Именно теперь он приходит к мысли о том, чтобы усилить процесс модернизации Российского государства, и жадно изучает опыт европейских стран в развитии экономики и государственного управления. До сих пор он знакомился почти исключительно с протестантскими странами, с их особой, специфической культурой: с Англией, Голландией, Германией. Но его интересовала и католическая Франция — страна классической абсолютной монархии, он давно мечтал познакомиться воочию с ее прославленными достижениями, еще недавно сделавшими ее самым могущественным государством тогдашнего мира.

Франко-русские переговоры оказались длительными и сложными. Петр находился в Париже с 7 мая по 20 июня 1717 года, после чего уехал на отдых и лечение водами в Спа. Переговоры продолжались и после его отъезда, а завершивший их договор России, Франции и Пруссии подписали только 4 августа в Амстердаме. Русские знали, что им предстоит иметь дело с опытной и искусной дипломатией. Переговоры вели кроме самого Петра наиболее способные из его дипломатов: П. П. Шафиров и В. И. Куракин. Канцлера Г. И. Головкина в Париж Петр не взял, учитывая, видимо, его репутацию сторонника венского двора, а также тяжеловесность, неповоротливость его манер и мышления. Французские дипломаты д'Юксель, Тессе, Дюбуа не завоевали особого уважения русских. Это и неудивительно, ибо, выполняя указание уклоняться, как только возможно, от конкретных обязательств, они неоправданно затягивали переговоры, намеренно вносили путаницу и т. п. Дело дошло до того, что содержание доверительных бесед регент Франции немедленно сообщал английскому королю. Французы оказались не на высоте традиций Ришелье и Мазарини. Впрочем, это как-то оправдывалось противоречивостью самой сущности политики герцога Орлеанского.

Петр стремился внести в переговоры предельную ясность. Согласно французским записям, он заявил: «Поставьте меня на место Швеции. Система Европы изменилась, но основой всех ваших договоров остается Вестфальский мир. Почему в свое время Франция объединилась с Швецией? Потому что тогда король Швеции владел землями в Германии, и силами Швеции и ваших союзников в Германии этот союз мог уравновесить могущество австрийской империи. Теперь это положение изменилось: Франция потеряла союзников в Германии; Швеция, почти уничтоженная, не может оказать вам никакой помощи. Сила русской империи бесконечно возросла, и я, царь, предлагаю вам себя на место Швеции. Я вижу, что огромная мощь австрийского дома должна вас тревожить, а я для вас не только займу место Швеции, но и приведу с собой Пруссию».

Речь шла о настоящем военном и политическом союзе. Естественно, он был бы несовместим, например, с одновременным союзом с Англией, проводившей столь враждебную Петру политику. Он также требовал четкой французской позиции в отношении Швеции и Турции. Во всяком случае если бы две крупнейшие державы Европы — Россия и Франция — объединились, то они приобрели бы господствующее влияние. Такой союз был возможен по мнению самих французов, например такого авторитетного и известного современника Петра, лично познакомившегося с царем в Париже, как герцог Сен-Симон, автор знаменитых многотомных мемуаров. Этот поборник традиции политики Людовика XIV писал: «Царь имел страстное желание заключить союз с Францией. Не было ничего более выгодного для нашей торговли, нашего положения на севере, в Германии и во всей Европе. Этот государь держал Англию в узде при помощи торговли, а короля Георга в страхе за его германские владения. Он внушал Голландии величайшее уважение, а императора заставлял соблюдать величайшую сдержанность. Нельзя отрицать, что он занимал большое положение в Европе и Азии и что Франция бесконечно выиграла бы от тесного союза с ним... С тех пор пришлось длительно раскаиваться в уступке роковым соблазнам со стороны Англии и в безумном презрении, проявленном к России».

Взгляды герцога Сен-Симона отражали внешнеполитические идеи последних лет царствования Людовика XIV. Но политика регента была разрывом с традиционной французской дипломатией. Она строилась не на интересах Франции, а на династических надеждах герцогов Орлеанских, мечтавших о королевской короне. Поэтому им нужен был союз с Англией, ради которого отвергалась идея союза с Россией. Это четко отразилось в окончательном тексте договора, согласованного в Париже, но именованного по месту подписания Амстердамским. В нем четко оговаривалось, что Франция отдает приоритет гаагскому договору с Англией от 4 января 1717 года. Остается в силе также союзный договор с Швецией до истечения срока его действия, в апреле 1718 года. Франция отвергла претензии русских на получение денежных субсидий, предназначенных шведам.

Столь же решительно русские отказались дать обязательство предпринять «диверсию», то есть нападение на империю в случае необходимости этого для Франции.

Россия по договору гарантировала соблюдение Утрехтского и Баденского договоров. Франция, отказавшись признать завоевания Петра в Восточной Прибалтике, гарантировала будущий мирный договор между Россией и Швецией. Она обязалась выступить беспристрастным посредником в переговорах о заключении такого договора. В дальнейшем намечалось также заключить русско-французский торговый договор.

Франция и Россия вступали в отношении «дружбы», они обязались добиваться «генеральной тишины и Европе». На современном языке это можно назвать соглашением об обеспечении европейской безопасности. Однако такая дипломатическая риторика лишь маскировала тот факт, что о подлинном военном и политическом союзе не договорились. Русские дипломаты не преувеличивали значения французских гарантий будущего мирного урегулирования. Когда представитель Франции стал превозносить их значение, то, как с обидой писал Тессе, «эти господа смеются мне в лицо и отвечают, что вовсе не нуждаются в нас для этой гарантии, что они меня благодарят и что они достаточно сильны для того, чтобы самим гарантировать себе то, что будет предоставлено им северным миром».

Действительно, прямые последствия Амстердамского договора были ничтожны. Но косвенно он во многом способствовал укреплению международных позиций России, притом в очень ответственный, критический момент. Главное состояло в том, что с этим договором Россия все глубже входила в европейскую систему международных отношений. Она получила основание для официальных контактов с Швецией с целью заключения мира. Регент устно обещал русским не выплачивать новых субсидий Карлу XII. Положительным сам по себе был факт учреждения постоянного дипломатического представительства России в Париже. Обязательство Франции о посредничестве затрудняло ее дальнейшее участие в подготовке сепаратных мирных договоров Швеции с Данией и Ганновером. В это время происходит своеобразное дипломатическое соревнование: кто первый сумеет использовать неожиданную готовность Карла XII вести мирные переговоры. Россия в этом, как мы увидим дальше, сначала обгоняет своих «союзников»-соперников.

Интересно, как оценивает переговоры Петра в Париже в 1717 году современный французский историк Роже Порталь: «Неважно, что эти переговоры не достигли цели. Важнее тот факт, что в момент окончательного упадка Швеции Россия могла предлагать союз, имевший ценность, и выступать в роли фактора равновесия в европейской политике. Ясно в свете этого факта, какой большой путь был пройден ею с начала Северной войны!»

Пребывание Петра во Франции имело не только дипломатическое назначение. Оно оказалось важной частью второго большого заграничного путешествия Петра, которое он (как и первое в конце XVII века) предпринял для дальнейшего изучения культурных, научных и технических достижений Западной Европы и их освоения Россией. Теперь это происходит иначе, чем 18 лет назад. До приезда во Францию, где он был в первый раз, Петр осмотрел в Голландии места, в которых он жил и работал корабельным плотником, встретился с мастерами, у которых учился, посетил в Амстердаме старого друга, бургомистра Нитзена. За топор он уже не брался, но страсть к мастерским и музеям не остыла. Поскольку в Голландии было множество таких производств, которых Россия еще не знала, Петр снова имел возможность удовлетворить свою ненасытную любознательность.

Пребывание во Франции знаменательно тем, что здесь особенно ярко проявился тогдашний круг интересов Петра в отношении европейской культуры. В Париже хотели поразить его тем, чем больше всего гордились при дворе: богатством, роскошью, помпезностью придворного обихода. Вместо того чтобы, как подобает «воспитанному» гостю, восхищаться тем, что предлагают с гордостью хозяева, Петр ведет себя совершенно иначе. Все началось с того, что, осмотрев приготовленную для него роскошную резиденцию в

Лувре, царь отвергает ее. Ему предлагают помещение скромнее, но и это его не устраивает, и он приказывает установить в маленькой комнате свою походную кровать. А французы приготовили для него самую дорогую вещь в мире, как они утверждали,— кровать, заказанную Людовиком XIV для своей возлюбленной мадам Ментенон... Полное равнодушие проявил Петр и к показанной ему королевской коллекции драгоценностей, небрежно заметив при этом, что для денег можно найти лучшее применение. Регент пригласил его в королевскую ложу оперы. Борясь со сном, Петр досидел с трудом до третьего акта, а с четвертого ушел. Охота на оленей, устроенная около Фонтенбло, вызывала у него скуку. Блестящие балы, где собирались разодетые дамы, не заинтересовали его; он не удостоил и взглядом аристократических красавиц, изо всех сил пытавшихся обратить на себя внимание прославленного гостя. К тому же Петр откровенно пренебрегал этикетом и галантностью, отнюдь не стесняясь своих привычек и манер. Главный противник русских дипломатов на переговорах в Париже аббат Дюбуа раздраженно говорил: «Царь всего лишь сумасброд, пригодный самое большее на то, чтобы быть боцманом на голландском корабле».

Недовольство Дюбуа можно понять, ибо, как писал французский участник переговоров Тессе, «французское правительство не имело другого намерения, как только развлекать и забавлять царя до момента его отъезда, и не стремилось к заключению с ним договора». Петр все же сумел заключить договор, хотя и не такой, какой ему хотелось. Сумел он и найти в Париже приятные развлечения, правда, не такого рода, какие полагались коронованным особам, но мнению изысканных французских хозяев, принимавших царя. Он с удовольствием, например, посетил Дом инвалидов, где жили отставные солдаты. Петр попробовал их еду, выпил с ними, хлопал их по плечу и называл «товарищами». В основном царь отдает предпочтение науке и технике. Он быстро прошел по картинной галерее Лувра, где интерес вызвали главным образом картины на морские сюжеты. Среди живописцев некоторое впечатление на него произвел Рубенс. Из всех видов искусства Петра больше всего интересует архитектура, планировка парков, устройство фонтанов — ведь уже полным ходом шло строительство Петербурга.

Петр посетил несколько академий. Главная, так называемая Французская академия, имевшая литературно-филологическое направление, не вызвала особого интереса, и он пропускал мимо ушей объяснения составителя словаря французского языка. Но в Академии наук, занимавшейся естественными и техническими науками, он провел гораздо больше времени и беседовал со многими учеными. Петр был избран почетным членом Академии. В обсерватории его заинтересовала встреча с географом Делилем, с которым он обсуждал проблему составления карты России. Петр посетил Монетный двор, но особый интерес на этот раз вызвала мануфактура гобеленов. Вскоре в Петербурге появится собственное производство такого рода. Он отдает дань своим пристрастиям: наблюдает, как уличные цирюльники рвут зубы; как хирург удаляет катаракту и т. п. Повсюду Петр ходил с записной книжкой и неутомимо делал в ней заметки.

Как и во время своего первого большого заграничного путешествия, Петр ищет и приглашает работать в России специалистов. Однако обнаруживается знаменательная разница. Если в 1698 году было нанято свыше 1000 человек, то во втором путешествии — около 50. Еще более характерно, что если в первом случае подавляющее большинство приглашенных составляли офицеры, то теперь это — архитекторы, художники, скульпторы, ювелиры, ученые. Так весьма своеобразно отражался уже достигнутый прогресс в деле петровского преобразования России.

О пребывании Петра во Франции (кроме Парижа он посетил еще несколько французских городов) написано много и далеко не всегда достоверно. Причем несмотря на разную степень объективности и дружелюбия, неизменно признается неистощимый интерес царя к культуре чисто утилитарного назначения, то есть к тому, что в первую очередь требовалось России. Петр поражал иностранцев богатством своих собственных познаний. Так, французский дипломат Лувиль писал: «У нас во Франции нет ни одного

человека, столь искусного в морском и военном деле, в фортификациях... Его вопросы ученым и художникам доказывают его просвещенность и вызывают восхищение пронизательностью широкого ума».

Для завершения картины нельзя не рассказать об одном любопытном эпизоде. Петр побывал в Реймсе — городе, где в древнем соборе на протяжении многих веков короновали французских королей. Встретившие его католические священники рассказали об этой процедуре, показали ритуальные предметы, необходимые для коронации, и среди них старинный Требник — молитвенную книгу. Они объяснили царю, что святая книга написана таинственными, никому не понятными письменами. Петр взял Требник в руки, раскрыл его и свободно начал читать вслух потрясенным служителям бога. Оказалось, что книга написана на старинном церковно-славянском языке и была привезена во Францию в XI веке дочерью Ярослава Мудрого, ставшей французской королевой. Этот легендарный брак состоялся во времена, когда киевское средневековое государство было самым сильным и культурным в Европе. Тогда французы считали большой честью и удачей женитьбу короля отсталой Франции на киевской княжне, представлявшей передовую цивилизацию.

Любопытно, что без всякой прямой связи с этим эпизодом во время визита Петра во Францию зародился проект женитьбы Людовика XV на младшей дочери царя — Елизавете. Дипломаты двух стран будут вести долгие и сложные переговоры о заключении этого брака, который более чем через шесть веков вновь связал бы царствующие дома двух стран матримониальными узами.

Желание самого блестящего королевского двора Европы породниться с «варварской» Русью — достаточно убедительное свидетельство возрождавшегося авторитета и престижа России и представлявшего ее столь ярко и самобытно самого Петра. Вспомним о впечатлении, которое он некогда, в начале Великого посольства, произвел на двух образованных немецких аристократок на Софию Ганноверскую и ее дочь. Прошло почти два десятка лет. Как же теперь выглядел Петр в глазах представителей передовой Европы? Снова обратимся к мемуарам герцога Сен-Симона, отличавшегося едким скептицизмом и тонким вкусом. Своими мемуарами он приобрел славу великого знатока истинной сущности людей. Вот какое впечатление оставил Петр в Париже в 1717 году: «Все в нем показывает широту его познаний и нечто неизменно последовательное. Он соединил в себе совершенно удивительным образом величие самое большое, самое гордое, самое мягкое, самое постоянное и вместе с тем ничуть не стесняющее, после того как он его утвердил со всей уверенностью, с вежливостью, в которой чувствуется это величие всегда и со всеми. Он хозяин повсюду, по это имеет степени,сообразно с людьми. Такова слава, оставленная им по себе во Франции, где на Него смотрели как на чудо и где продолжают им восторгаться».

В Париже и сейчас есть улица Петра Великого, а на доме, где он жил — мемориальная доска...

Вернемся, однако, к дипломатии. Ведь во втором большом заграничном путешествии Петра, в отличие от Великого посольства, именно она занимала главное место в его деятельности. Даже на французском курорте в Спа, куда Петр после Парижа отправился пить минеральные воды, основное внимание он уделяет дипломатии и руководит отсюда интенсивной работой своих послов, которые тайно уже встречались с представителями Карла XII. Собственно, парижские переговоры тоже проводились для этого, и только из-за проанглийской ориентации регента они не стали ключом к миру и путем к осуществлению внешнеполитической комбинации общеевропейского масштаба.

В Европе разворачивалось своего рода дипломатическое сражение, в котором главными противниками выступали Англия и Россия. Однако эта англо-русская дуэль скрывалась за множеством сложнейших хитроумных маневров дипломатов многих стран. Если вернуться к началу Северной войны, то, судя по многим, даже современным, историческим сочинениям, она родилась в пылком воображении Паткуля. Обстановку

1716-1717 годов столь же часто объясняют ролью инициатора грандиозного замысла — барона Герца, ближайшего и самого доверенного министра Карла XII. Не зря В. О. Ключевский называл его «Паткулем наизнанку». В действительности как в первом, так и во втором случае Петр просто использовал этих талантливых дипломатических проходимцев для осуществления собственной большой европейской политики, выражавшей интересы только России, хотя на этой политике пытались играть, иногда даже не без успеха, разные мелкие хищники вроде польского или прусского королей.

Сначала Герц сумел достичь, казалось бы, невозможного: он добился от Карла XII согласия на мир с Петром, да еще и на условиях отказа в пользу России от восточных прибалтийских территорий. Как могло случиться, чтобы этот помешанный на войне король, не признававший иного смысла существования, кроме своей славы непобедимого полководца, согласился на мирные переговоры? Дело в том, что Герц внушил ему, что мир с Петром верный путь к возрождению военного могущества Швеции! Союз с царем сделает Карла величайшим полководцем всех времен и народов!

Такую цель имел фантастический проект Герца. Карл компенсирует свои потери в Восточной Прибалтике отвоеванием Норвегии у Дании, объединив под своей властью всю Скандинавию. Он вернет себе владения в Германии и нанесет удар по Англии, заключив союз с династией Стюартов и передав Якову III английскую корону, которую он отберет у Георга I. Правда, для всего этого нужна сильная армия. Рассчитывать на вконец истощенных шведов не приходилось, и поэтому мир, а затем союз с Петром дадут в распоряжение Карла победоносную русскую армию! Царь должен будет согласиться на это ради заключения мирного договора.

Грандиозная затея увлекла Карла, и он поручил Герцу действовать. Если до сих пор к прекращению Северной войны стремился только Петр, то теперь и Швеция, наконец, склонилась к переговорам. Правда, у нее существовал запасной вариант: заключить мир с Георгом I и с его помощью обрушиться на Россию. Но это было слишком опасно; Полтава кое-чему научила даже Карла. Поэтому одновременно мирное заигрывание англо-ганноверской дипломатии с Швецией использовалось ею лишь для давления на Россию.

Сначала Герц хотел использовать для заключения мира с Петром Францию. Поэтому он в январе 1717 года явился в Париж, но быстро выяснил, что регент гораздо охотнее способствовал бы заключению мира Швеции со своим новым другом Георгом I. Петр, прибывший в Париж в мае, тоже убедился в проанглийской направленности политики Франции, и хотя в Амстердамском договоре появился пункт о французском посредничестве, Петр еще в Париже понял, что рассчитывать на него опасно. Предложение о посредничестве в мирных переговорах между Россией и Швецией выдвигают в это время якобиты — сторонники восстановления в Англии династии Стюартов. Им, естественно, очень нравились планы Герца, и дело едва ли обошлось без их участия в составлении самого этого плана. Петра якобиты интересовали только с одной стороны: конфликт Георга I с Карлом XII из-за его поддержки претендента на английский трон и особенно англо-шведская война сделали бы Карла сговорчивее в переговорах о мире. Кроме того, русские давали понять Георгу I, что его враждебное отношение к России не может остаться безнаказанным. Поэтому, будучи в Париже, Петр наносит визит матери претендента, а в Спа принимает вождя якобитов — герцога Ормундского. Однако попытки изобразить Петра сторонником Стюартов необоснованны. Ему, в сущности, было все равно, какая династия правила бы в Англии, лишь бы удалось заключить мир с Швецией. В конце концов обошлось вообще без посредничества.

Первые русско-шведские предварительные контакты состоялись по инициативе шведской стороны еще в августе 1716 года, когда с В. И. Куракиным встретился шведский представитель Ранк и сообщил о желании Карла XII начать мирные переговоры. После этого происходит много встреч Куракина с разными эмиссарами шведского короля. Кстати, среди них почти не было шведов по национальности, зато фигурировал, например, знакомый нам по Стамбулу генерал Понятовский. Некоторые из них подверглись аресту

по наущению Георга I. Чтобы избежать этого, сам Герц возвращался в Швецию с помощью выданного ему русского паспорта через занятые нашими войсками территории, через Ригу.

В связи с этим и другими эпизодами некоторые историки пишут о «тайной» дипломатии Петра. Между тем это бессмыслица, ибо без тайны вообще не может существовать дипломатия. Здесь особенно важно раскрывать свои действия, планы и намерения только в определенных, благоприятных условиях. Тайна в дипломатии является одним из ее методов и, конечно, ее обычной формой. Петровские послы все свои мало-мальски важные донесения писали «цифирью», шифром. Дипломатия — вид интеллектуальной и психологической борьбы, невозможной без использования фактора внезапности, симуляции и диссимуляции, отвлекающих маневров, игры на нервах и вообще на всех слабых и сильных сторонах человеческой натуры. Явными, а не тайными могут быть только окончательные результаты дипломатии.

В ходе предварительных русско-шведских встреч быстро обнаружилось обоюдное желание обойтись без французского или иного посредничества и вести дело на двусторонней основе. Правда, о главном, об условиях будущего мирного договора, ничего согласовано не было. В августе 1717 года во время «случайной» встречи Куракина с Герцем на лесной прогулке вблизи одного замка в Голландии договорились в ближайшее время начать прямые русско-шведские переговоры на территории Финляндии.

Только в конце ноября 1717 года Герц сообщил о готовности Карла XII выслать своих уполномоченных, как только русские представители придут в финский город Або. Петр поручил ведение переговоров Якову Вилимовичу Брюсу и Андрею Ивановичу Остерману. Первый — выходец из семьи обрусевших шотландцев, выдающийся ученый, сподвижник Петра со времен Азовских походов. Второй — немец из Вестфалии, полтора десятка лет находившийся на русской дипломатической службе, успешно справлявшийся с намного возросшим потоком канцелярской переписки. По ни один из них, конечно, не обладал таким опытом, как ведущие петровские дипломаты — Куракин, Толстой или Матвеев. Почему же Петр решил поручить переговоры с шведами не этим испытанным дипломатам, а людям относительно неопытным в ведении ответственных переговоров? Дело в том, что в Европе в это время развертывалась неизмеримо более сложная работа против многосторонних маневров Англии, приступившей к непосредственному формированию большого антирусского альянса. Там особенно необходима была деятельность таких опытных людей, как Куракин и ему подобные. Ведь предстоявшие переговоры по своему существу требовали не столь уж большой дипломатической изощренности, как острые задачи, возникавшие в Европе.

Характерная особенность дипломатии Петра заключалась в его способности любую акцию осуществлять не изолированно, а в тесной связи с другими вопросами европейской политики. Это проявилось в письме к Брюсу от 5 января 1718 года. К этому времени западные участники Северного союза фактически уже развалили его и активно действовали против России. Но формально союз еще считался существующим. Несмотря на то что союзники давно заслужили, чтобы с ними вообще не считаться, Петр стремился не дать повода обвинить его в ликвидации Северного союза, в сепаратных действиях. Поэтому он поручает Брюсу информировать представителей Пруссии, Польни, Ганновера, Дании о том, что «вам велено только выслушать шведские предложения, не вступая ни в какие договоры; что мы эти предложения сообщим союзникам и без их согласия ни в какие прямые трактаты не вступим».

Однако эта инструкция, предназначенная для «союзников», конечно, не означала, что у русских представителей не было никакой другой задачи, кроме выслушивания шведских требований. Ни для кого не было секретом, что они имели четкую программу, содержащую условия согласия России заключить мир. Эти условия уже неоднократно излагались по разным поводам. Они были обоснованы в написанном Шафировым в 1716 году и опубликованном в переводе за границей «Рассуждении» о причинах и целях России

и войне с Карлом XII. По мирному договору Россия должна была получить в вечное владение Ингрию, Лифляндию, Эстляндию с Ревелем, Карелию с Выборгом. Завоеванную Финляндию Россия соглашалась вернуть Швеции. Россия, продолжая соблюдать свои обязательства по отношению к союзникам, хотела, чтобы мирный договор учитывал также интересы Польши, Пруссии, Дании и Ганновера, которых следовало для этого пригласить присоединиться к будущему договору.

Инструкция Петра русским уполномоченным требовала от них гибкости и максимально возможного учета требований Швеции. Им давались полномочия даже обещать русское содействие в получении возмещения за территориальные потери «в другой стороне». Вместе с тем надлежало заявить шведам, что «мы с ними миру желаем, но и войны не боимся». Представители Петра должны были в случае необходимости напомнить, что Россия и одна в состоянии вести против Швеции не только оборонительную, но и наступательную войну. Но задача состояла в том, чтобы «как можно скорее заключить договор». В инструкции предписывалось также, «что бы они предлагать вам ни стали.., а конгресс не разрывайте ни за что». Таким образом, Россия стремилась достичь мира даже ценой больших уступок, за исключением главного — сохранения за ней всех балтийских завоеваний, кроме Финляндии.

Остерману в специальном письме Петр давал поручение особого рода, основанное на глубоком понимании того, что представляла собой шведская дипломатия. Карл XII не утруждал себя составлением подробных инструкций своим представителям. Лишь в общей форме он требовал выгодного мира. А что конкретно это должно значить, предоставлялось решать самому Герцу. Правда, ему же потом предстояла задача убедить Карла, что этот мир действительно является выгодным. Петр поручал Остерману частным образом войти с Герцем «в дружбу и конфиденцию», обещать ему не только награду, но и предлагать после заключения мира установить между Швецией и Россией вечную дружбу и союз, чтобы помочь ей возместить потери «в другом месте». Петр, видимо, рассчитывал, что два немца — Герц и Остерман — смогут найти общий язык. Эти расчеты оправдались, за исключением того, что не Остерман приобрел влияние на Герца, а сам оказался под воздействием авантюристических замыслов Герца, смертельно опасный характер которых для России сразу «не заметил». Вообще, о деятельности Остермана трудно судить на основе официальных донесений. Она раскрылась только в доверительной личной переписке Остермана с Шафировым. Остерман умолял своего корреспондента сжигать его письма, но самоуверенный Шафиров этого не сделал. Поэтому и раскрылась закулисная роль Остермана. Что же происходило на скалистом острове Сундшер, входящем в состав Аландского архипелага?

Работа Аландского конгресса началась 12 мая 1718 года поистине в классической для дипломатии форме: с диалога глухих. Еще на предварительных переговорах Куракин детально информировал Герца об условиях, на которых Россия согласна заключить мир. Однако на первой встрече тот заявил, что «ни о каких условиях ни от кого никогда не слышал».

Тогда русские представители сказали, что «его царское величество желает удержать все им завоеванное». Шведские дипломаты не менее категорически ответили, что «король желает возвращения всего у него взятого». Герц объявил мир невозможным, если предварительно не будет решено вернуть Швеции Лифляндию и Эстляндию. Русские со своей стороны указали, что мир не состоится без предварительного решения о сохранении Лифляндии и Эстляндии за Россией.

Затем дипломатам пришлось все же перейти к аргументации своих требований. И вот здесь-то в словах Герца и второго шведского представителя — Гилленборга все чаще стало употребляться слово «эквивалент». Постепенно стало ясно, что шведы согласны уступить кое-что при условии получения территориальной компенсации в другом месте. В соответствии с полученными инструкциями Остерман и Брюс проявили готовность рассмотреть вопрос об «эквиваленте». Однако на официальных заседаниях русские пред-

ставители никак не могли получить ясного объяснения того, чего же конкретно хотят шведы. Между тем Остерман вступил «в конфиденцию», и в частных разговорах стало постепенно проясняться стремление шведов добиться не только согласия России на то, чтобы Швеция вернула себе потерянное в пользу Дании, Ганновера или Пруссии, но чтобы русские помогли в этом деле прямым вооруженным участием в войне против своих бывших союзников. При этом Герц, соглашаясь на переход к России Эстляндии и Лифляндии, решительно настаивал на сохранении за Швецией Выборга, Ревеля, Кексгольма.

Постепенно обнаружилась своеобразная тактика Герца: он явно стремился к затягиванию переговоров. Правда, он вынужден был так поступать, поскольку не имел никаких конкретных инструкций короля. Поэтому конгресс несколько раз прерывался, чтобы дать время Герцу съездить в Стокгольм и получить решения Карла по тому или иному вопросу. Патологически тщеславный карьерист, он любой ценой должен был обеспечить своему королю необычайную дипломатическую победу. Это являлось для него вопросом жизни и смерти. Дело в том, что Герц, голштинский немец на шведской службе, заслужил в Швеции всеобщую ненависть. Все, от простых крестьян до самых влиятельных аристократов, имели основания для таких чувств. Карл XII доверил ему не только внешнюю политику, но и внутренние дела. Королю необходимо было получить только одно — большую и сильную, хорошо вооруженную армию. Его совершенно не интересовало, каким путем, какими средствами и методами такая армия будет создана. Угробив в России большую армию, Карл XII требовал новых рекрутов. Он действовал так, будто Швеция имела население в 50 миллионов, тогда как оно насчитывало лишь 1,3 миллиона. Но эта цифра относится к началу правления короля. В 1718 году число шведов уменьшилось до 700 тысяч человек. В стране невозможно было встретить здорового мужчину в возрасте 20 — 40 лет, чтобы он не был военным. Катастрофически не хватало денег, производство товаров и продуктов резко упало — работать стало уже некому. А Герц придумал целую серию экономических мероприятий, с помощью которых из разоренной страны выжимались последние соки. Голод, нищета, запустение, эпидемии, всеобщее обнищание — вот к чему привели прославленные «победы» нового Александра Македонского. Герц на Аландском конгрессе сам признавался в беседах с Остерманом, что в Швеции, кроме короля, его никто не поддерживает, что поэтому нужна дипломатическая победа, которая чудесным образом воскресила бы великодержавное величие Швеции и славу Карла XII...

Но пока дипломаты двух стран топтались на месте на неудобном балтийском острове, Остерман изо всех сил обхаживал представителей Швеции. Освободили находившегося в плену в России брата Гилленборга, затем согласились обменять фельдмаршала Реншильда, взятого под Полтавой, на двух русских генералов, попавших в плен под Нарвой. Не скупилась на подарки представителям шведского короля, особенно Герцу. «Я ему сказал, — доносил Остерман, — что он может надеяться на самую лучшую соболью шубу, какая только есть в России, и что до ста тысяч ефимков будут к его услугам, если наши дела счастливо окончатся». Однако русская дипломатия на Аландах представала перед шведами в довольно странном виде. Дело в том, что вся деятельность Остермана направлялась исключительно соображениями его личного успеха. Поэтому он совершенно отстранил от ведения дел Брюса, который не только по возрасту, но и по чину, не говоря уже о порядочности, был намного выше Остермана, этого, как писал В. О. Ключевский, «великого дипломата с лакейскими ухватками». Остерман, в молодости служивший камердинером у одного голландского адмирала, имел чин канцелярского советника, тогда как Брюс был генерал-фельдцейхмейстер. Вестфальский немец сумел ловко войти в доверие к вице-канцлеру Шафирову. Их дружба объяснялась тем, что Остерман нашел в нем родственную душу: Шафиров, человек очень способный, служил Петру не столько ради величия России, сколько с целью личного возвышения и обогащения.

Ну, а об Остермане и говорить нечего; его ничто не занимало, кроме личной карьеры. В результате Брюс оказался не у дел. Официальные донесения посылались редко, и содержание их не давало представления о ходе конгресса. Реальная связь с Петербургом осуществлялась в форме частной переписки на немецком языке Остермана и Шафирова. Дело дошло до того, что Остерман переменил шифр, а ключа к нему Брюсу не дал, поэтому во время отъездов своего коллеги в Петербург или Ревель старый шотландец становился совершенно беспомощным. Остерману крайне требовался дипломатический успех, и притом одержанный обязательно им самим, в одиночку. Но беда в том, что и другому немцу, Герцу, представлявшему Швецию, гораздо более смелому проходимцу, тоже позарез нужна была дипломатическая победа. Что же получилось из этой коллизии?

Положение стало ясным, когда Герц представил Остерману и Брюсу проект дополнительных статей к мирному договору, который еще предстояло окончательно согласовать. Именно в этих дополнениях раскрылась программа действий, которую хотели навязать России. Прежде всего в Польше должно быть восстановлено положение, существовавшее до Полтавы. Россия признает королем Станислава Лещинского и заставит Августа II отказаться от короны. Для этого она введет в Польшу 80 тысяч войск, а Карл XII подойдет к ней с войсками со стороны Германии. Штеттин и померанские земли, отошедшие к Пруссии, будут возвращены Швеции, прусский король получит компенсацию за счет Польши, и его следует принять в союз России и Швеции. Россия обязуется за приобретенные ею земли помочь Карлу получить компенсацию в принадлежащей Дании Норвегии. Когда шведский король вступит в Германию, чтобы вернуть себе владения, полученные Данией, Россия направит ему на помощь 20-тысячную армию. Если какая-либо держава выступит против Швеции, то Россия будет действовать на шведской стороне всеми своими силами. Россия берет на себя обязательство содействовать возвращению Швеции Бремена и Вердена, переданных Георгу I, а также передаче ей в вознаграждение за ущерб Целльского герцогства. Если Англия или любая другая держава воспротивится этому, то Россия вместе с Швецией будет воевать против них до достижения победы. Кроме того, Россия должна склонить герцога Мекленбургского передать свою страну Швеции, а ему дать в компенсацию владение в другом месте. Итак, Россия в обмен за признание Карлом XII присоединения к ней прибалтийских земель, и без того прочно ею удерживаемых, должна выставить 150-тысячную армию и в союзе с разгромленной и истощенной вконец Швецией вступить в войну с, Польшей, Данией, Англией, с ее союзниками Голландией, Германской империей, фактически со всей Европой! Задачей петровской дипломатии уже давно было достижение мира и прекращение Северной войны. Вместо этого ей предлагалось вступить в союз с потерпевшим полное поражение противником и начать ради его интересов несравненно более тяжелую, явно авантюристическую, безнадежную войну против целого континента, фактически против всего тогдашнего мира! План Герца находился в вопиющем противоречии с существом политики Петра в Европе, которая состояла в том, чтобы не противопоставлять себя Европе и тем более не воевать с ней, не создавать пропасти между Россией и Европой, а напротив, сосуществовать, жить и действовать вместе на условиях конкурентного сотрудничества. Нетрудно заметить, что план Герца превратил бы Петра в агрессивного завоевателя, каким он не был и быть не хотел. Более того, гигантскую и явно безнадежную войну надо будет вести исключительно ради бредовых замыслов Карла XII, вовлекая Россию на путь, чреватый катастрофическими последствиями. Русская дипломатия прилагала поистине отчаянные усилия, чтобы избежать одновременной войны против Швеции и Турции, которая была очень опасной. Здесь же предстояла фантазмагорическая задача сокрушить противников, неизмеримо более сильных в случае их объединения, чем Россия, не говоря уже о жалкой самой по себе Швеции. Предложенный Герцем Остерману комплекс условий заключения мира нельзя было даже назвать ловушкой или западней: настолько предельно ясен был его самоубийственный для России характер в случае принятия предложений Герца.

Почему же официальный и полномочный представитель России Остерман не отверг его? Дело в том, что Остерман всеми силами старался выполнить данную ему инструкцию: входить с Герцем «в негоциацию» как можно глубже и ни в коем случае не разрывать конгресса. Он старался добиться успеха, это было для него важнейшим вопросом глубочайшей личной заинтересованности. Но при всех своих старательности, усердии, работоспособности Остерман не имел одного — глубокого, инстинктивного ощущения интересов России, то есть того, о чем в дипломатических инструкциях не писалось, ибо это подразумевалось само собой. Да, чем совершенно не обладал Генрих Иоганн Фридрих Остерман, так это естественным, органичным чувством русского патриотизма. Можно ли его винить за это?

Остерман пунктуально выполнял обязанности русского посла. Свои действия он весьма логично продумывал и обосновывал. И вот его логика, насколько она отразилась в исторических документах, в письмах и донесениях полномочного представителя России на Аландском конгрессе. Прежде всего он считал комплекс предложений Герца «делом, от которого зависит все благополучие Российского государства». Интересы России, как было четко сказано в инструкциях, требовали заключения мира с Швецией. И Остерман полагал, что «если не добиться сейчас мира, то война расширится и неизвестно, когда и как она окончится». Поэтому следует идти на уступки, поскольку Герц от имени Швеции уже принял основные территориальные требования России. «Не думаю,— писал Остерман,— чтоб какой другой министр без всякого почти торгу на такую знатную уступку согласился». Остерман признавал, что Россия возьмет на себя тяжелые обязательства участвовать в трудной войне. Однако если она этого не сделает, то европейские страны, враждебные ей, сами могут начать действовать, когда и где они это сочтут нужным. Принятие плана Герца позволит отдалить неизбежную войну от русских границ, перенести ее на территорию недоброжелательных к России стран. По мнению Остермана, было только две возможности: либо ждать, когда союзники, возбуждаемые Англией, выступят против нее, либо предупредить их действия и выступить против них. Последнему варианту он отдавал предпочтение.

Здесь в рассуждения Остермана вкралась вопиющая нелепость: почему союзники должны обязательно воевать против России? Он считал это аксиомой, тогда как это было лишь вероятностью, которую следовало и можно было избежать, что, кстати, и будет сделано. Такого рода «пробелов» в логике Остермана было очень много. Он, например, предполагал, что Франция в большой континентальной войне, в которую Россия должна вступить по плану Герца, будет поддерживать Швецию и Россию. Между тем Франция в это время была союзником Англии.

Сознавая в глубине души, каким чудовищным риском является вся эта затея, он, наконец, надеялся на счастливый случай, благодаря которому вообще удастся уклониться от выполнения столь опасных обязательств. «Надобно и то принять в соображение,— писал Остерман,— что король шведский по его отважным поступкам когда-нибудь или убит будет, или, скача верхом, шею сломит. Если это случится по заключении с нами мира, то смерть королевская освободит нас от дальнейшего исполнения обязательств, в которые входим».

Словом, Остерман советовал идти на уступки Герцу. Правда, логика Остермана практически была не столь простой и ясной, ибо он умел всегда запутывать свои мысли в сложную паутину многословия, или, как писал Ключевский, «начинал говорить так загадочно, что переставал понимать сам себя». Вот так эта, по выражению того же Ключевского, «робкая и каверзная душа» влекла Россию к опаснейшей дипломатической авантюре.

Впрочем, у самого Остермана, кажется, начал заходить ум за разум. От неоправданного оптимизма он бросался к самой черной меланхолии. Заканчивая письмо Головкину и Шафирову, в котором он считал план Герца приемлемым, Остерман признавался: «Богу известно, как я утомлен, я не могу собрать мысли».

Каким образом ему удавалось влиять на Шафирова, вопроса не составляет: их связывала тесная дружба и духовное родство. Понятно также, что Головкин не всегда мог разобраться в туманных рассуждениях хитроумного немца. Но Петра, который, как говорят, умел поймать пулю на лету и понимал все с полуслова, ему все же опутать до конца не удалось. Правда, до поры до времени царь как-то не вникал в аландские переговоры. Сказывалась, возможно, также слабость Петра к образованным немцам, которым он слишком верил. Ведь Остерман учился в университете в Иене. К тому же в Европе разворачивались такие дела, что голова могла пойти кругом. Да и в самой России Петру приходилось несладко — это был трагичный для него год дела царевича Алексея...

Петр получал информацию о ходе Аландского конгресса только из весьма скурых официальных донесений Остермана. О содержании его подробных секретных писем Шафирову он не знал. Вообще, сам факт секретной переписки между Остерманом и Шафировым по вопросам не частного, а политического характера, которая велась тайно от царя, представлял собой действия, которые в дипломатической практике любой страны рассматривались как нечто совершенно недопустимое, граничащее с государственной изменой. Нетрудно представить, что произошло бы, если бы это стало известным Петру. Карьера обоих дипломатов наверняка сильно бы пострадала, мягко выражаясь. Но, к счастью для Остермана и Шафирова, Петр об этом так ничего и не узнал. Нанести же какой-либо серьезный вред интересам России они просто не могли, даже если бы и хотели этого из-за фактического провала конгресса. Вопреки всему основную политическую линию на Аландском конгрессе определял Петр, и помешать ему не мог никто.

Аландская дипломатия Петра основывалась на последовательном проведении в жизнь сложного, но хорошо рассчитанного замысла. Здесь снова использовалась стратегия непрямых действий, представляющая собой сущность и душу дипломатического искусства, без чего, собственно, вообще нельзя говорить о существовании дипломатии в истинном смысле этого слова. Аландский конгресс должен был убедить западных участников Северного союза, что без помощи России они быстро потеряют все приобретенное.

Поэтому Петр приказывал не отвергать даже совершенно неприемлемые предложения Герца, и Остерман в своей исходной позиции поступал строго по этой инструкции. Но для него эта позиция была окончательной, тогда как в действительности она была лишь предварительным этапом для дальнейших действий. Ведь Петр приказал Брюсу сообщить союзникам еще перед Аландским конгрессом, что «без их согласия ни в какие прямые трактаты не вступим».

Предварительное согласие, в общем плане, с идеей союза с Карлом XII для войны против Европы и согласованный проект мирного договора должны были явиться превосходным козырем для того, чтобы в определенный момент поставить союзников перед выбором: либо они восстанавливают действие Северного союза и помогают Петру принудить Карла к миру, либо им придется вступить в тяжелую войну за сохранение полученных ими шведских владений в Северной Германии. Чтобы побудить их сделать правильный с точки зрения интересов России выбор, не было ничего более убедительного, чем уже согласованный проект мирного договора с Карлом XII.

Разумеется, они предпочли бы избежать войны ценой согласия признать за Россией шведские восточные прибалтийские провинции, уже завоеванные Петром. Ведь в конечном счете так и произойдет. Только из-за непредвиденных осложнений, вызванных внезапной смертью Карла XII, осуществление этого замысла надолго отодвинулось. Но именно он был единственной реальной программой аландской дипломатии Петра. Предварительное согласие с проектом мирного договора на основе плана Герца явилось, таким образом, переходным этапом, необходимым средством воздействия на Данию, Ганновер, Пруссию. Ошибка Остермана состояла в том, что эту дипломатическую операцию он принял за окончательную цель Петра.

Чтобы избежать ее, требовалось лишь очень внимательно изучить инструкцию Петра: «Вы по инструкции исполняйте со всяким осмотренном, чтоб вам шведских уполномоченных глубже в негоциацию ввести и ее вскорости не порвать, ибо интерес наш ныне того требует, и весьма с ними ласково поступайте, и подавайте им надежду, что мы к миру с королем их истинное намерение имеем и рассуждаем, что со временем можем по заключению мира и в тесную дружбу и ближайšie обязательства с его величеством вступить».

Для Петра важно было не разрывать конгресс только в ближайшее время, «вскорости», чтобы подать шведам надежду. Он подчеркивает, что обязательства Россия может взять на себя «по заключении мира», то есть после подписания договора. Инструкция Петра не оставляет никаких сомнений, что Аландский конгресс — лишь средство, этап для более сложной, более серьезной дипломатической операции.

Думать иначе — значит считать Петра способным совершить невероятную дипломатическую ошибку. Ведь принятие плана Горца было бы нарушением аксиомы дипломатического искусства, состоящей в том, что дипломатия должна прежде всего не увеличивать, а уменьшать число внешних противников. Между тем, приняв на себя обязательства по плану Герца, Россия получила бы вместо одного врага — уже разгромленной Швеции не меньшей мере десяток новых противников, среди которых оказались бы все великие державы тогдашней Европы — Англия, Франция, Германская империя, не говоря уже о многих менее крупных странах.

Сам Остерман стал постепенно понимать, что со своим безоговорочно благожелательным отношением к плану Герца он оказался в одиночестве. Большинство русских дипломатов считало принятие его просто безумием. Особенно ясно это выразил посол в Гааге князь Б. И. Куракин в письме к Петру 7 октября 1718 года. Он оценивал шведские замыслы как крайне опасные и порочные, ибо они ставили под вопрос всю внешнюю политику России. По мнению Куракина, следовало, несмотря на все трудности в отношениях с Англией, Францией, Австрией и другими державами Европы, продолжать прежний курс постепенного и терпеливого проникновения России в европейскую систему международных отношений. Осуществление плана Герца в корне подорвало бы все, что было достигнуто в укреплении международного положения России. Ей предлагали очертя голову броситься в опаснейшую войну, выгодную даже не Швеции, а только лишь ее сумасброднейшему королю. В отличие от Куракина, который в университетах не обучался, но зато обладал умом тонким и проницательным, Остерман слабо представлял себе, что происходит в Европе. Он считал, что русско-шведский союз поддержит Франция, а еще год назад русские в Париже убедились, что Версаль при регентстве намерен повиноваться во всем Георгу I. Расчет на якобитов был наивен, ибо без поддержки какой-либо сильной державы эта кочующая королевская семейка ничего собой не представляла. Надежды на Испанию и на кардинала Альберони, направлявшего ее внешнюю политику, потерпели крах в августе 1718 года, когда англичане пустили ко дну почти весь испанский флот. Словом, шведский план установления мира был неизмеримо опаснее продолжения войны против Швеции.

Не зря Петр, познакомившись с ним и с оправдывающим его письмом Остермана, свое отношение к замыслу Горца выразил словами: «странно и удивительно». Петр дал своим представителям на Аландском конгрессе полномочия обещать только вспомогательные войска численностью до 20 тысяч. Но это было вовсе не то прямое и широкое участие в войне против десятка европейских держав более чем 100-тысячной русской армии под командованием Карла XII, о котором мечтал Герц. Поддержку флота можно было обещать только в восточной части Балтики и только для прикрытия, а само это обещание следовало сформулировать как можно более туманно. В ноябре Герц потребовал немедленного согласия на вступление России в войну против Дании. Царь повелел решительно отказать ему, хотя это поставило конгресс на грань срыва. Когда были получены тексты дополнительных, а по сути, самых важных статей договора, Петр

созвал тайный совет для их обсуждения, в котором участвовали Г. И. Головкин, П. П. Шафиров, А. Д. Меншиков, Ф. М. Апраксин, Я. Ф. Долгорукий и А. Вейде. После этого 16 ноября Петр направил указ Брюсу и Остерману, в котором предписывалось отказать в передаче Польши шведскому королю. Ведь восстановление ее королем Станислава Лещинского привело бы именно к такой передаче. Приказано было также отклонить требование об участии России в войне против Георга I и о вмешательстве в дела империи. Ясно, что объявление Герцу этих положений означало провал всего его плана и, следовательно, конец конгресса. Видимо, Петр, так искренне стремившийся к заключению мира, все же считал это предпочтительнее.

Однако он не хотел разрыва конгресса, ибо в своем указе 16 ноября соглашался принять на себя все обязательства, которые требовала шведская сторона, но в будущем, через три года, когда можно ожидать изменения внешней политики Франции, ее отказа от безоговорочно проанглийской ориентации. Конечно, такое предложение вряд ли могло соблазнить Карла, который должен был бы признать окончательное присоединение к России потерянных им территорий уже сейчас, а плату за это, пресловутый «эквивалент», согласился бы ожидать в неопределенном будущем. Идея трехгодичной отсрочки была лишь попыткой не допустить срыва конгресса. Его продолжение имело только один смысл для России — воздействие на западных противников Швеции.

Русские представители не успели объявить Герцу категорические условия царя: 12 ноября в штормовую ночь он отправился в Стокгольм, расстроенный отказом России воевать против Дании... Зато Остерман окончательно образумился, получив указ царя от 16 ноября. В тот же день он послал Головкину и Шафирову письмо, в котором уверял, что шведские условия таковы, что требуют зрелого размышления и «может быть, что продолжение войны против Швеции не так нам тягостно будет, как новая война, в которую входить имеем». Коли бы Остерман проявлял искреннюю заботу об интересах России, то к этому заключению он обязан был бы прийти еще в июле, когда Герц впервые рассказал ему о своих замыслах. Но тогда они показались ему увлекательными. Петр, решительно отклоняя шведские идеи, в то же время предписывал конгрессу не прерывать, а затягивать его всеми возможными способами. Брюсу и Остерману предстояла трудная задача. Но судьба освободила их от ее решения. Странным образом сбылось предсказание Остермана: 14 декабря на острове Сундшер стало известно, что король Карл XII убит в Норвегии при осаде крепости Фридрихсгаль шальной пулей. Обстоятельства смерти короля были загадочны и до сих пор не выяснены. Из Стокгольма пришли также известия, что Герц арестован и предстанет перед судом. Вскоре топор палача положит предел его жизни и его фантастическим затеям.

Вопрос о заключении мира России с Швецией встал по-новому, и его уже невозможно рассматривать вне связи с тем, что происходило в дипломатической жизни Европы.

КОНЕЦ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ

Шел такой период долгой Северной войны, когда дипломатия совершенно заслоняла и как бы вытесняла заботы чисто военные. Уже несколько лет каких-либо серьезных, крупных военных действий Россия против Швеции действительно не вела; все внимание и энергия отдавались делу достижения мира. Петр писал в 1716 году: «С помощью божиею такую ныне войну имеем, о которой едва слышим, где она есть, и яко бы во Индии делалась». Россия уже давно обеспечила полное превосходство своих сухопутных вооруженных сил над шведскими, а непрерывно пополнявшийся Балтийский флот имел теперь больше боевых кораблей, чем Швеция. Однако Петр предпочитал добиваться своих внешнеполитических целей мирными средствами, если для этого существовала хотя бы малейшая возможность. Но возможностей таких становилось все меньше. Правда, смерть Карла XII не вызвала срыва Аландского конгресса; после

полугодового перерыва изменился лишь состав шведской делегации — 27 мая 1719 года на Сундшер прибыл Лилиенштедт, назначенный вместо Герца. Естественно, что об идеях казенного в марте доверенного представителя Карла XII уже речь не заходила. Но вместе с ними оказалась оставленной и мысль о том, что Швеции следует искать мира в первую очередь с наиболее сильным и опасным ее противником — с Россией. Политика Швеции сделала поворот на 180 градусов; предпочтение отдается теперь прекращению войны с западноевропейскими участниками Северного союза. Направление шведской внешней политики изменилось под воздействием внутривнутриполитических событий. Королевой Швеции стала младшая сестра Карла XII Ульрика-Элеонора. Ее муж, принц Гессен-Кассельский (вскоре, в 1720 году, он будет шведским королем), придерживался открыто проанглийской ориентации еще при Карле. Он активно выступал за переговоры с Англией о заключении мирного договора и добивался срыва Аландского конгресса. Теперь влияние Англии на шведскую политику резко возрастает. Если раньше переговоры о мире на Аландских островах служили отражением дипломатической борьбы между великими державами, прежде всего между Англией и Россией, то теперь они являются лишь ее бледным фоном. Швеция не уходит с конгресса и продолжает его для проформы, пытаясь решить свои проблемы под покровительством Англии.

Это было время решительной борьбы за утверждение «системы Стэнгопа», которая должна была обеспечить Англии господство над Европой с помощью ее одновременной гегемонии в Средиземном море и на Балтике. Используя противоречия между Францией и Испанией, династические расчеты Филиппа Орлеанского, Стэнгоп, возглавлявший правительство вигов, добился превращения Франции в верного союзника. Русским пришлось убедиться в этом еще летом 1717 года в Париже, где их попытки заключить русско-французский союз не удались из-за связей Франции с Англией. Происходит также и ее сближение с империей. На Средиземном море, а точнее — в Италии, Австрия столкнулась с Испанией. Здесь возникла угроза войны, и Англия оказалась со своим флотом необходимым союзником для Вены. В августе 1718 года империя присоединяется к союзу Англии, Франции, Голландии. Таким образом, под эгидой Англии возник блок сильнейших государств Европы. Первоначально он был направлен против Испании, но затем практически приобрел и антирусский характер. Аигло-ганноверская дипломатия в северных делах использует теперь поддержку не только Франции, но и Австрии. Последняя располагает более прочными позициями в Германии. Хотя Священная Римская империя германской нации во многом стала исторической реликвией, император еще обладал важными рычагами влияния на поведение германских государств. И это пришлось почувствовать России. Поэтому надо остановиться на русско-австрийских отношениях.

На протяжении всего царствования Петра эти отношения были натянутыми. Еще во время Великого посольства в Вене молодой царь почувствовал холодно-пренебрежительное отношение императорского двора. Со вступлением России в Северную войну оно еще более усилилось. На всех критических этапах войны империя неизменно занимала враждебную России позицию. Одной из первых она признала Альтранштадтский договор 1706 года, а Станислава Лещинского — польским королем. Естественное совпадение интересов в борьбе против Османской империи не влекло за собой, однако, сотрудничества и в этом вопросе. Напротив, австрийский посол в Стамбуле проводил постоянную линию на то, чтобы отвратить турецкую экспансию от имперских земель и направить ее в сторону России.

В конце 1711 года, сразу после коронации нового императора Карла VI, Россия предложила Австрии заключить оборонительный союз. Надеялись получить таким образом признание балтийских завоеваний. Но именно потому, что они не нравились Вене, русское предложение под разными предлогами отклонялось. Ссылались, например, па посла России в Вене барона Урбиха, на то, что он подрывает дружбу двух стран. Урбих действовал в Вене не лучше и не хуже любого другого немца на русской дипломатической

службе, то есть часто руководствовался не инструкциями, а собственными «соображениями». Во всяком случае его решили отозвать, а потом и уволить с русской службы без награждения, что уже служило признаком осуждения.

В декабре 1712 года в Вену прибыл новый русский посол — один из лучших петровских дипломатов граф А. А. Матвеев. Он быстро разобрался в обстановке императорского двора, где, по его словам, все решалось «коварными интригами между разными шайками». Видавший виды дипломат был поражен нравами венских вельмож: «Здесь взяток за стыд не ставят и без того криво глядят». Первые попытки Матвеева склонить Австрию к союзу не имели успеха. Но затем, действуя через императрицу, он добился заявления императора о готовности вступить в союз с Россией. В ходе переговоров появился уже проект текста договора, подготовленный австрийцами. Но потом выяснилось, что Вена согласна подписать его лишь после окончания русско-шведской войны, когда он для России не представлял бы особого интереса. Здесь по разным поводам проявлялись симпатии к Швеции и неприязнь к России и ее тогдашним союзникам в Германии. В 1715 году Матвеев был переведен в Варшаву, а на его место назначили в августе 1715 года Абрама Веселовского. Начинается новая турецко-австрийская война, к участию в которой Россию не приглашают, опасаясь мифической опасности завоевания русскими Константинополя и провозглашения царя восточным императором. В ходе раздутого в 1717 году англо-ганноверской дипломатией «мекленбургского дела» император занял самую враждебную Петру позицию. В угоду Георгу I он принял решение об отстранении от власти герцога Мекленбургского.

Большое место в русско-австрийских отношениях заняло бегство царевича Алексея, который с октября 1717 года на протяжении года незаконно находился во владениях императора. Это была не просто семейная драма, а отражение событий в России на поворотном этапе ее истории. Петровская дипломатия и международная политика служили лишь внешней формой тяжелой борьбы между старым и новым, между отсталым и передовым, происходившей в нашей стране в эпоху Петра. «Мы от тьмы к свету вышли» — говорил Петр, образно выражая дилемму, возникшую тогда в сознании и чувствах русских людей любого звания. Одни выбирали свет, другие — тьму. К последним принадлежал сын Петра. Волею судьбы он превратился в знамя и символ боярско-церковной консервативной оппозиции. Как в зеркале, он отразил все ее уродство, слабость и нравственную несостоятельность. Своим бегством за границу, попыткой опереться на иноземных врагов России — австрийского императора и шведского короля — Алексей показал, что под вывеской заботы о старых устоях самобытной русской жизни таилась национальная измена.

Если внутри страны Алексею не удалось серьезно помешать осуществлению великого преобразования, то иначе обстояло дело с международным положением России. Это был сильный удар по внешнему престижу государства, по его дипломатии. Например, на Аландском конгрессе от русских представителей потребовалось много усилий, чтобы убеждать своих шведских партнеров в ошибочности их расчетов на внутреннюю слабость, даже на государственный переворот в России в связи с делом Алексея. Невероятно раздутое сенсационными слухами и ложной информацией некоторых дипломатических представителей в Петербурге, оно играло важную стимулирующую роль в происходившем тогда процессе формирования под эгидой Англии антирусского общеевропейского блока, способствовало усилению изоляции России и причинило, таким образом, огромный вред ее международному положению. Кстати, у самого Алексея была не только внутренняя антипреобразовательная программа, но и определенные внешнеполитические намерения. Мечтая о смерти отца, о лютой казни приближенных к нему людей, он говорил: «Я старых всех переведу и изберу себе новых по своей воле: когда буду государем, буду жить в Москве, а Петербург оставлю простым городом; корабли держать не буду; войско стану держать только для обороны, а войны ни с кем иметь не хочу, буду довольствоваться старым владением». Собственно, само по себе

бегство за границу наследника престола представляло внешнеполитическую акцию. Алексей бежал не из чувства самосохранения, ибо после его отречения от престола ему могла грозить лишь жизнь в обстановке монастырского благочестия. Если его приверженность к православию была столь сильна, то о чем же еще он мог мечтать? Но уехал Алексей, чтобы избежать официального отречения от наследования с целью сохранения юридического нрава на корону, а затем и ее практического приобретения. Охваченный жаждой власти, он искал поддержки не столько внутри страны, сколько за границей. В отличие от Лжедмитрия, он не был самозванцем. Но опыт самозванца свидетельствует, что неизбежным логическим следствием бегства Алексея могла быть, рано или поздно, только новая попытка иностранной интервенции вроде польско-шведского нашествия начала XVII века.

Именно к этому сознательно, преднамеренно стремился Алексей. Император приветствовал такое намерение наследника престола и обещал оказать ему всемерную поддержку. Алексей в конце концов полностью раскрыл свой план организовать иностранную интервенцию для насильственного свержения власти отца в России, для отказа от европеизации и для реставрации старых боярско-церковных порядков. Вот его слова, сказанные им 22 июня 1718 года П. А. Толстому, который их точно записал: «...может всяк легко рассудить, что я уже когда от прямой дороги вовсе отбился и не хотел ни в чем отцу моему последовать, то каким же было иным образом искать наследства, кроме того, как я делал и хотел оное получить чрез чужую помощь? И ежели б до того дошло и цесарь бы начал то производить в дело, как мне обещал, и вооруженною рукой доставить мне корону российскую, то я б тогда, не жалея ничего, добивался наследства, а именно: ежели б цесарь за то пожелал войск российских в помощь себе против какова-нибудь своего неприятеля или бы пожелал великой суммы денег, то б я все по его воле учинил, также и министрам его и генералам дал бы великие подарки. А войска его, которые бы мне он дал в помощь, чем бы достигать короны российской, взял бы я на свое иждивение и, одним словом сказать, ничего бы не жалел, только чтобы исполнить в том свою волю».

Когда стало известно о бегстве Алексея, то сразу возникла сложная дипломатическая задача добиться его возвращения в Россию. Хотя намерения царевича до конца еще не выяснились, тем не менее в международной обстановке тех лет, когда происходила концентрация всех антирусских сил Европы, была совершенно очевидной неизбежность попыток использования слабавольного, нравственно неустойчивого наследника престола для самых неожиданных внешнеполитических авантюр против России.

Герц, этот злой гений Карла ХЛ, обладавший смелостью и фантазией, необходимой для таких дел, страшно жалел, что не удалось использовать предательство Алексея против России. Судьба не дала ему для этого ни времени, ни возможностей. Ведь Алексей бежал не к шведам и лишь в последних конвульсиях отчаяния начал искать контактов с Карлом XII. Но время было упущено, а император уже решил, что из Алексея нельзя извлечь выгоды.

Поведение императорского двора до сих пор остается для историков темным делом, хотя его общий смысл, одновременно гнусный, трусливый и глупый, совершенно ясен даже из тех жалких обрывков исторической документации, которая дошла до нас. Несомненно, в Вене сначала ухватились за Алексея, обрадовавшись, что к ним в руки попало ценнейшее орудие борьбы против Петра. Они долго ломали головы и суетились, чтобы найти способ использования беглеца против России. Иначе зачем же они полгода держали его в строжайшей тайне? Разумеется, не для того, чтобы, как они уверяли потом, «помирить» отца с сыном. Почему же они тогда сразу не сообщили ничего Петру, который вынужден был приказать своим эмиссарам обыскать всю Европу и найти беглеца? В Вене изощрялись в поисках способа использования Алексея, немедленно снесли с Георгом I, заставив и его задуматься над соблазнительной, но упущенной

возможностью. Ведь Австрия еще не вышла из войны с Турцией, а на пороге уже стояла война с Испанией. Георг I, вернее, его министр Стэнгоп, еще не решил проблемы Средиземноморья, чтобы целиком взяться за северные, русские, дела. А время шло, Алексей был обнаружен, и Петр грозно напомнил, что готов «вооруженной рукой цесаря к выдаче его принудить». До этого в Вене колебались и не решались выпустить из рук козырь в большой антирусской игре. Но теперь до их сознания дошло, наконец, что Россия ныне уже не та, как в первые годы XVII века, что состряпать новое «смутное время» на Руси неизмеримо опаснее и труднее. И посланному в Австрию Петром, чтобы вернуть Алексея, хитрейшему из русских дипломатов П. А. Толстому удалось с удивительной легкостью выполнить свою задачу и выманить «зверя», как он выражался, возвратив его в надежные отцовские руки... Император поспешил отделаться от своего гостя. К тому же австрийцы при непосредственном знакомстве с Алексеем поняли, что это не тот человек, который способен на смелую авантюру. Окончательно спившись, запутавшись в своих злобных и смутных надеждах, он стоял на грани белой горячки и отчаяния. Как пишет Соловьев, в Вене осознали, что «у царевича нет настолько ума, чтоб можно было надеяться от него какой-нибудь пользы».

Дальнейшие события разворачиваются уже на русской земле, события страшные, в которых Алексей вызывает смешанное чувство жалости и презрения, а Петр в своем горе отца и трагедии государственного деятеля возбуждает сочувствие и понимание, хотя для обывательского сознания он ужасен и непонятен. Немало писателей пыталось силой художественного воображения раскрыть смысл драмы. Ничего путного у них не получилось. Пока не нашлось художника, способного почувствовать сложность и масштабы необычайной личности Петра в этой злосчастной истории. Да и возможно ли это? Во всей непревзойденной галерее шекспировских образов и ситуаций трудно найти что-либо подобное по своему трагизму тому, что пришлось пережить Петру Великому... Вернемся, однако, к дипломатии. Вообще говоря, иностранное вмешательство во внутренние дела других стран, организация заговоров с целью перемены в них верховной власти — явление обычное для тех времен. Вся огромная война за испанское наследство началась с соперничества двух династий — французских Бурбонов и австрийских Габсбургов — в борьбе за захват испанского трона. В то время когда Алексей мечтал поскорее и любым способом заменить отца на троне, Карл XII стремился свергнуть ганноверскую династию в Англии и передать власть королю из дома Стюартов. Испания добивалась свержения регента Франции герцога Орлеанского. Поэтому в поведении австрийского двора не было чего-то слишком необычного. Правда, Вена действовала не столько в своих интересах, сколько из желания угодить Англии, в поддержке которой она остро нуждалась из-за войны с Испанией. Естественно также, что имперский резидент в Петербурге Плейер действовал в духе своего времени. Как раз в 1710 году в Париже вышла знаменитая книга Кальера о дипломатии (хотя слова «дипломат» и «дипломатия» в современном смысле стали употребляться значительно позднее), в которой говорилось: «Посла называют почетным шпионом; и в самом деле, одна из его главных задач — открывать секреты двора, при котором он находится». Но все дело в том, что Плейер грубо дезинформировал собственное правительство. В своих донесениях он рисовал фантастическую картину положения в России. «Здесь все готово к возмущению», — начинал он одно из своих писем. В таком же духе он информировал императора о том, что вся Россия вот-вот восстанет против Петра. Кстати, письма Плейера показывали Алексею, находившемуся в Неаполе, и они были для него радостным откровением. Ими руководствовались до поры до времени и в Вене, пока не поняли всю нелепость своих надежд. В апреле 1718 года русский резидент в Вене А. Веселовский заявил протест по поводу действий Плейера и передал требование царя отозвать его из Петербурга. Он также просил выдать письма царевича Алексея к русскому сенату и духовенству, в которых претендент давал понять, чтобы «ни ожидали его действий, что он рассчитывает на их поддержку. Веселовскому ответили, что письма писал сам Алексей и что они их

задержали. Позднее на следствии царевич признал, что письма он писал «по принуждению». Тем самым открылась игра имперского правительства: сначала письма требовались для задуманной авантюры, а когда по зрелому размышлению от нее решили воздержаться, то и положили в архив. Но Плейера отзывать не собирались. Только после новых категорических требований он был отозван осенью 1718 года. Казалось, инцидент был исчерпан. Однако 4 февраля 1719 года вице-канцлер Шенборн объявил Веселовскому, что раз Плейеру в последние месяцы его пребывания в Петербурге запретили появляться при дворе, то и ему это запрещается и приказывается через восемь дней выехать из Вены. Это был разрыв дипломатических отношений. Но почему такая акция предпринималась не в момент отъезда Плейера, а спустя несколько месяцев? Почему вообще в Вене вели себя столь нервозно? Ведь одновременно с Плейером аналогичным санкциям в Петербурге подвергся голландский представитель Де Ви, который, правда, никак не был связан с заговорщиками, а просто писал свои донесения в духе детективной беллетристики. Правительство Голландии отозвало его по требованию русских, заменило другим и не заявило даже протеста. Раздраженная реакция венского двора объяснялась не только его нечистой совестью в деле Алексея, но и важными изменениями во внешней политике империи.

Но прежде чем об этом пойдет речь, несколько слов об Абраме Веселовском. Дело в том, что после высылки из Вены он в Россию не вернулся. Захватив с собой казенные деньги, он скрылся. Многое в поведении этого дипломата представляется странным в связи с историей царевича Алексея. В самом деле, четыре месяца Алексей был в Вене или поблизости от нее, а русский резидент ничего не знал, хотя потом, получив категорический приказ, обнаружил его через несколько дней. Во время следствия по делу царевича Алексея один из его сообщников А. Кикин на допросе показал, что он специально ездил в Вену, чтобы выяснить, как встретят русского наследника престола. Кикин спросил посла Веселовского: «Какой (царевич) приедет, примут ли его?» Посол ответил: «Я поговорю с вице-канцлером Шенборном, он ко мне добр». Спустя некоторое время Веселовский сообщил Кикину: Шенборн передал ему слова императора, что «он примет его как своего сына, и, чаю, даст тысячи по три гульденов на месяц». Генерал П. Ягужинский, будучи в Вене в 1720 году, пытался выяснить местопребывание Веселовского, но, как он писал, этому воспротивился граф Шенборн, «ведая за собой интриги, которые он с ним, Веселовским, во время царевичева дела имел». Ясно, что эти интриги осуществлялись не в пользу Петра, иначе бывший резидент не побоялся бы вернуться на родину.

Дело Плейера явилось не причиной, а следствием обострения русско-австрийских отношений, вызванного враждебностью Австрии к России, международное положение которой ухудшается. После того как провал планов высадки объединенного десанта в Сконе осенью 1716 года обнаружил фактический распад Северного союза, русская дипломатия пытается укрепить свои позиции союзом с Пруссией, затем улучшением отношений с Францией и заключением Амстердамского договора, а также началом прямых русско-шведских переговоров о мире. России удается созывом Аландского конгресса парировать усилия англо-ганноверской дипломатии сговориться с Швецией за ее счет. Россия стремится показать, что она готова идти не только на мир, но и на союз с Швецией, не давая в то же время втянуть себя в авантюристические планы Герца.

Англия противопоставляет этому Четверной союз, который позволяет ей использовать в борьбе с Петром главным образом Австрию и в меньшей степени — Францию, ибо она не одобряет полностью английские замыслы на Балтике, а Голландия склоняется к нейтралитету ради интересов своей торговли. Англо-ганноверская дипломатия раздувает антирусские тенденции с помощью использования «мекленбургского дела», фантастических планов Герца и его лихого короля, переговоров о союзе, которые настойчиво предлагал России руководитель испанской политики кардинал Альберони. Последнее обстоятельство особенно действует на Австрию, поскольку она

вступает в войну с Испанией. В Вене все охотнее склоняются к антирусской политике. Тем более что в июле 1718 года Австрия заключает выгодный мир с Турцией.

Вместе с Австрией против России стремится активно действовать Август II. После того как в 1717 году Речь Посполитая добилась вывода саксонских войск из Польши при поддержке Петра, Август окончательно превращается из сомнительного союзника в его яростного противника, хотя и продолжает лживую игру в старую «дружбу». Его представитель Флемминг начинает в Вене переговоры о союзе с целью вытеснения русских войск из Польши. Сближение Саксонии с Австрией закрепляется женитьбой сына Августа II на дочери императора. В Польше представители Англии и Австрии с помощью польского короля Августа II ведут среди польской шляхты агитацию против России, используя пребывание в Польше русского корпуса генерала Репнина, для подкупа магнатов щедро используются огромные деньги. Русский посол Г. Ф. Долгорукий доносит Петру, что давно в Польше не было так трудно. После заключения мира с Турцией император размещает крупные силы своей армии вблизи Польши, в Силезии и Богемии. Известие о гибели Карла XII вызывает восторг в Вене; опасность русско-шведского союза становится нереальной. К декабрю 1718 года Петр по просьбе посла Речи Посполитой при называет вывести из Польши корпус генерала Репнина. Однако все это не прекращает враждебных действий Австрии, изображавшихся как «оборонительные».

5 января 1719 года в Вене император Карл VI, Георг I как курфюрст Ганновера и Август II как курфюрст Саксонии подписали договор о взаимной помощи и союзе против возможных попыток России занять Польшу или проводить свои войска в Германию через польскую территорию. Они обязались вступить в Польшу в случае появления здесь русских войск. Хотя Георг I не решился подписать договор от имени Англии, он обещал обеспечить поддержку английского флота на Балтике против России. Участники договора составили также свой план Северного мира между Россией и Швецией, но которому Россия могла получить только Петербург, Нарву и остров Котлин. Если Петр не примет этих условий, то они будут навязаны ему, чтобы вытеснить его из Лифляндии и Эстляндии. Кроме того, Россию принудят вернуть Польше Киев и Смоленск.

К этому договору пытались привлечь и Речь Посполитую. Однако в Польше знали об абсолютистских замыслах Августа, его планах ликвидации шляхетской демократии, раздела Польши, которые время от времени выдвигались Саксонией, Австрией и Пруссией. Поэтому в Польше все же возобладало русское влияние, и тройственный Венский договор ничего реального не дал его участникам и главному инициатору — Георгу I. К тому же все знали, в том числе и участники агрессивного Венского договора, что вблизи границ Польши стоит 100-тысячная армия Петра, имевшая опыт отражения шведского нашествия и Полтавы.

Наиболее конкретное мероприятие на основе Венского договора касалось злополучного Мекленбурга. Еще в октябре 1717 года император по настоянию Георга I принял решение о взятии под секвестр управление Мекленбургом. Но выполнить это не осмеливались, пока там еще оставались кое-какие русские войска. Теперь в Вене стали смелее, и в феврале 1719 года войска Ганновера и княжества Вольфенбюттельского по поручению императора вступили в Мекленбург под предлогом разрешения конфликта между Карлом-Леопольдом и его дворянством. По договору 1716 года Петр обещал защиту этому своему родственнику. Однако, учитывая его нелояльность (а он не считался с советами Петра), царь проявил сдержанность и осторожность. И без того пресловутое «мекленбургское дело» давно уже превратилось в серьезную обузу для русской дипломатии. Пора было от него освободиться, тем более что дипломатическая ситуация продолжала осложняться. Герцогиня Мекленбургская, то есть племянница Петра Екатерина Ивановна, приехала в Петербург и с рыданиями просила царя помочь ей родственному. Но превыше любых родственных связей для него всегда были интересы России, а они требовали сейчас особо тонкой, взвешенной, расчетливой и осторожной

дипломатии. Царь не поддался на провокацию трехстороннего Венского союза и стоявшей за ним Англии и мудро предоставил герцога Карла-Леопольда его собственной судьбе.

В это время перед петровской дипломатией возникают чрезвычайно сложные проблемы. Интересно сравнить ее деятельность с допетровской дипломатией Московского государства, когда она сводилась в основном к двусторонним, да и то нерегулярным, эпизодическим связям. Теперь перед нами совсем другая картина. Дело не только в необычайном расширении масштабов дипломатической работы, в резком увеличении числа государств, с которыми приходилось иметь дело. Вся сложность заключалась в необходимости учета тесного переплетения их интересов и связей. Если гегемоном в антирусском общеевропейском альянсе являлась Англия, то на практике ее влияние воплощалось в действиях различных государств по-разному, с наложением их собственных интересов. Прямые пути к цели, резкое деление на врагов и друзей, вообще простота и схематизм полностью исключались. Развертывалась многосторонняя игра одновременно со многими партнерами, где приходилось учитывать нюансы и оттенки. Обстановка требовала подходить к решению проблем с крайней гибкостью и менять тактику буквально на ходу, постоянно приспосабливаясь к неожиданным ситуациям и пуская в ход то кнут, то пряник, твердо защищать главные интересы России, жертвуя преходящим и второстепенным.

Приходилось учитывать специфику не только каждой страны, но и расстановку сил внутри этих стран, следовало использовать внутреннюю борьбу лиц, партий, кланов и т. и. Это давно уже делалось в Польше, которая на международной арене выступала в двух лицах: польского короля и Речи Посполитой, в свою очередь расколотой на множество фракций. Во Франции приходилось считаться с проанглийской ориентацией регента и аббата Дюбуа, а также традиционной внешнеполитической тенденцией в духе Людовика XIV. В Англии следовало учитывать политическую разницу между королем Георгом I и английским парламентом, где боролись партии вигов и тори. А внутри этих партий тоже имелись разные фракции. Среди вигов, например, в это время против Стэнгопа действовали Тоунсенд и Уолпол. Кроме того, имели влияние и сторонники династии Стюартов. В Швеции после смерти Карла XII вспыхнула борьба между сторонниками сестры короля Ульрики-Элеоноры и его племянника герцога Голштинского, то есть между проанглийской и прорусской тенденциями. И так обстояло дело практически в каждой стране.

Особенно глубоко и всесторонне понимал всю сложность внешних связей России с иностранными государствами, требующих искусной дипломатии, не канцлер Г. И. Головкин, не даже более хитрый и умный вице-канцлер П. П. Шафиров, а посол в Гааге князь Б. И. Куракин. Он мыслил не только в масштабах отдельных стран, а умел охватывать глубоким и тонким синтезом нею европейскую систему международных отношений с ее сложной структурой разнообразных связей. Донесения и письма Куракина этих трудных лет петровской дипломатии поразительны по глубине мысли, меткости оценок, обоснованности предлагаемых решений. Отличительная особенность Куракина — его принципиальность и смелость, независимость суждений.

Повинуясь своему долгу и положению, Куракин выполнял любое, даже неправильное, по его мнению, дело, но при этом старался тактично переубедить Петра. Он, например, не скрывал своего отрицательного отношения к таким мероприятиям, как известный договор с Мекленбургом, он резко отвергал авантюристический план Герца, он считал ошибочным и вредным курс на союз с Испанией, хотя добросовестно вел переговоры с ее представителями. Словом, не зря Петр внимательно прислушивался к его советам. Куракин являлся, если так можно выразиться, самым интеллигентным среди петровских дипломатов. Гарольд Никольсон писал: «Худший сорт дипломатов — это миссионеры, фанатики и адвокаты, лучший — это рассудительные и гуманные скептики». Вот таким скептиком и был князь Борис Иванович Куракин.

Несмотря на колоссальные внешнеполитические успехи и рост общего влияния России в системе международных отношений, петровская дипломатия все еще находится в состоянии поиска; на новом, высшем, послеполтавском уровне она по-прежнему пере/живает процесс становления. И в ней ясно прослеживаются две главные тенденции, два метода действий.

Первый в значительной мере несет на себе печать и влияние военного искусства. Он выражается в стремлении Петра получить немедленные, сенсационные успехи и достижения. Отсюда внезапные импровизации, инициативы, в которых смелость и предприимчивость, дающие столь эффективные результаты на войне, приводят к неудачам. Это своего рода метод проб и ошибок, неизбежный для любой вновь возникшей, молодой системы, такой, какой была петровская дипломатия. Конкретно это выражалось в таких внешнеполитических мероприятиях, как «мекленбургское дело», иллюзорные надежды на союз с Испанией, сомнительные с самого начала связи с якобитами, особенно расчеты на дипломатическое использование авантюристического плана Герца и т. п. Этот метод лихих кавалерийских атак в дипломатии быстро обнаруживает, несмотря на видимость кратковременных успехов, свою неэффективность, чреватую провалами и осложнениями.

Второй метод, или тенденция,— подход Б. И. Куракина, рассчитанный на постепенную, терпеливую работу без иллюзий и надежд на какие-то сенсационные достижения. Это метод постепенного внедрения, укоренения в систему европейских отношений, поиска стабильных, прочных связей. Он проявился, например, в отношениях с Голландией, где, кстати, непосредственно действовал Куракин, в переговорах с Францией в 1717 году, которые, хотя и не дали немедленного успеха, но способствовали более глубокому внедрению России в европейскую систему. Здесь нельзя было добиться внезапных явных побед, как на войне. Однако таким путем постепенно повышалось влияние, возрастал авторитет. Это и был метод Куракина. Какому же типу дипломатии отдавал предпочтение Петр? В том-то и дело, что Петр, натура творческая, ищущая, вся воплощенная в гениальной интуиции, в фантастической кипучей энергии, не отвергал никаких методов, а применял их одновременно, но с явной тенденцией к более зрелому, терпеливому куракинскому подходу. Необыкновенная личность Петра непрерывно находится в развитии, в созревании, в приобретении опыта, зрелости. Это отражается, несомненно, и в том, что все чаще он прислушивается к мотивам, идеям, мыслям второго типа, исходившим не только конкретно от Куракина, но и от других людей, а главное — от самой быстро менявшейся действительности. Ведь, как писал Пушкин,

«Была та смутная пора,
Когда Россия молодая,
В бореньях силы напрягая,
Мужала с гением Петра.»

Некоторые авторы пишут, что Петр особенно не доверял Куракину. Возможно, не доверял как человеку, но как дипломату он доверял ему сложнейшие дела. Вообще, личные отношения Петра с Куракиным не отличались близостью или теплотой, хотя они были свояками: Куракин был женат на сестре первой жены Петра Евдокии Лопухиной. Конечно, такая родственная связь не могла сближать его с Петром, особенно после дела царевича Алексея. Но Петр умел проявлять к своим дипломатам поразительную для его характера внимательность в сочетании с жесткой требовательностью.

Любопытно, как он использовал подчас довольно сложные взаимоотношения между ними. Царь, например, прекрасно знал о длительном конфликте между канцлером Головкиным и его заместителем Шафировым, который был гораздо более способным человеком, чем его непосредственный начальник. К сожалению, кроме этого, он обладал и другими качествами. Вот как писал о Шафирове французский резидент в Петербурге

Лави: «Человек, преисполненный тщеславия, честолюбивый, высокомерный и даже грубый, весьма корыстолюбивый и даже мстительный». Как раз весной 1719 года Посольская канцелярия превратилась в очаг ожесточенной склоки между ними. Подчиненные, конечно, пользовались распрями среди начальства и вообще перестали выполнять приказы

Шафирова: взбешенный вице-канцлер однажды избил палкой некоего канцеляриста Рубина. После одной из ссор с Головкиным он побежал жаловаться царице Екатерине Алексеевне, а потом подал жалобу в Сенат. Своему другу Остерману он признавался: «Больше я не могу выдержать». Тогда Петр, не ввязываясь в эту свару, в мае 1719 года неожиданно пожаловал Шафирову орден Андрея Первозванного, чем сразу его успокоил и побудил усердно трудиться и дальше на тяжелой и неблагодарной дипломатической службе. Уже говорилось и о сложных отношениях между Брюсом и Остерманом, которые все еще сидели на Аландских островах. После того как план Герца был похоронен вместе с его автором, Остерман постепенно для вида смягчает свою вражду с Брюсом, тем более что Аландский конгресс явно не сулил дипломатической победы. Неудачу же выгоднее было разделить со старшим коллегой, и теперь они чаще действуют вдвоем.

Правда, действовать особенно и не приходилось. Смена власти в Швеции не привела к прекращению Аландского конгресса. Возможно, она даже продлила его работу, если можно было назвать работой затянувшееся на полгода безделье дипломатов, которые на своем уединенном островке порой не знали, как убить время. Сначала неясно было, кто займет шведский трон. Только 23 января 1719 года официально решился вопрос о переходе власти к Ульрике-Элеоноре. Затем ждали указания королевы о продолжении конгресса. Когда оно последовало, стали ожидать назначения на место казненного Герца другого представителя, которым стал престарелый Либлинг. Правда, оставшийся на Аландах Гилленборг продолжал общение с Брюсом и Остерманом, но это скорее был обмен личными мнениями, чем официальные и конкретные переговоры.

Тем не менее очень скоро выяснилось коренное изменение шведской позиции в вопросе о мире. При Карле XII проводился курс на заключение мирного договора с наиболее сильным и опасным его противником — Россией. Затем король намеревался отвоевать свои потерянные владения в Северной Германии, а также захватить датскую Норвегию.

Теперь Швеция соглашалась на присоединение к России только Ингрии с Петербургом. Лифляндия, Эстляндия, Рига, Ревель и Выборг, не говоря уже о Финляндии, должны быть возвращены Швеции. Все это выглядело так, будто Швеция, потеряв своего воинственного короля, выиграла крупное сражение вроде Полтавы! Дело объяснялось тем, что быстро происходила переориентация шведской политики на основе английского плана так называемого «северного умиротворения». Швеция соглашалась уступить свои северогерманские владения, но хотела вернуть земли, завоеванные Петром в Восточной Прибалтике. Такое изменение позиции при поверхностном взгляде казалось оправданным, ибо Швеция рассчитывала на поддержку Англии, в руках которой находилось руководство Четверным союзом, а также новым союзом трех стран, созданным Венским договором. Объединение всех сил Европы должно было вынудить московского царя уступить и принять «разумные» условия мира.

Для чего же тогда требовалось продолжение, а тем более намеренное затягивание конгресса? Во-первых, пытались оказать давление на Россию, чтобы склонить ее к уступкам. Во-вторых, сговор Швеции с Англией и другими западными участниками Северного союза еще только проектировался, и предстоял длительный и сложный дипломатический торг. В-третьих, с помощью конгресса надеялись удержать Петра от возобновления военных действий против Швеции, которые Россия фактически не вела больше двух лет.

Дипломатия Петра оказалась перед сложной, во многом неожиданной ситуацией. В сочетании с другими событиями международной жизни Европы обстановка на Аландском конгрессе отражала новое положение России. Действительно, это был период относительного, временного отступления русской дипломатии. Считается аксиомой, что отступление — самое сложное в военном искусстве. Для дипломатии это верно в еще большей степени. Поскольку Петр в это время пошел на уступку в мекленбургском вопросе, то не рассчитывали ли его соперники, что и на Аландах он уступит? Они ошибались, ибо он уступил в Германии по вопросу, не представлявшему особо важного значения для России. Более того, сама эта уступка должна была укрепить ее позиции в деле жизненно необходимом — в борьбе за мирное урегулирование, которое создавало бы географические, стратегические и экономические условия нормального развития русского национального государства. Но Петр совершенно не собирался уступать что-либо из завоеванного ценой столь тяжких жертв и усилий русского народа. В его новых инструкциях от 15 марта 1719 года Врюсу и Остерману содержались прежние территориальные требования. Но при этом проявляется определенная гибкость. Поскольку теперь уже речь не шла об «эквиваленте» такого рода, какой хотели получить Карл XII и Герц при помощи России, Петр считал возможным выплатить Швеции денежную компенсацию за Лифляндию в сумме одного миллиона рублей. Аландский конгресс, таким образом, должен был продолжаться, хотя Петр теперь уже не питал никаких иллюзий относительно возможности его использования для достижения прежних дипломатических целей, то есть для оказания давления на Данию, Ганновер и Пруссию, чтобы побудить их к возобновлению сотрудничества с Россией в деле завершения Северной войны приемлемым для всех миром. Гибель Карла XII ослабила их страх за свои вновь обретенные владения, тем более что Англия уверенно обещала добиться от Швеции признания их законности в сепаратных мирных договорах. К тому же новая позиция Швеции была столь далека от русской программы мира, что теперь думать об успехе конгресса в смысле его прямой цели и назначения, о заключении мирного договора, совершенно не приходилось. Окончательно созрела решимость подкрепить дипломатические действия силой оружия. Петр пришел к выводу, что Швецию нельзя склонить к миру дипломатической перепиской, «ежели оружие при пере употреблено и присовокуплено не будет». Таким образом, для дипломатии вновь наступило время отойти на второй план, уступив главную роль пушкам. Но не было ли это авантюрой в условиях, когда против России выступила столь мощная группировка европейских держав, объединенных Четверным союзом и Венским договором?

Противники России как раз и рассчитывали на то, что Петр отступит перед коалицией небывалых в истории масштабов. Ему даже пытались внушить мысль о необходимости серьезных уступок в его программе мирного урегулирования. Кроме шведского представителя на Аландах Гилленборга этим занялся последний из «союзников» Петра король Пруссии Фридрих-Вильгельм. В письме от 18 апреля 1719 года он советовал Петру идти на уступки и не рисковать всем. Король ссылаясь на опыт Испании, которая именно в этот момент вела неравную борьбу против Четверного союза, то есть одновременно с Англией, Австрией и Францией. Король считал, что затем эти державы объединятся с Швецией и набросятся на Россию с тем, чтобы лишить ее всех завоеваний и уничтожить молодой Балтийский флот.

В ответном письме Петра содержалась блестящая мотивировка смелого, но хорошо рассчитанного решения царя возобновить военные действия против Швеции. Эти действия совершенно необходимы, поскольку все способы дипломатического убеждения уже испробованы и теперь, писал Петр, «никакого другого пути, кроме твердости, не вижу, через который бы мы резонабельный мир с Швецией получить могли». Что касается возможного расширения войны и участия на стороне Швеции других стран, то такая вероятность не могла создать положения, аналогичного тогдашнему положению Испании, прежде всего потому, что Россия стала гораздо более могущественной и

неуязвимой, чем Испания. Петр справедливо полагал, что Франция не будет воевать за Швецию, ибо никакие ее жизненные интересы русскими завоеваниями не затронуты. В таком же положении находилась и Австрия. Единственный потенциальный новый враг — Англия, вернее, Георг I, ибо английский парламент не поддержит войну за присоединение к Ганноверу Кремона и Вердена. К тому же Англии в тот момент надо было думать о собственной безопасности. Как раз в марте 1719 года в Шотландии вновь высадились войска якобитов во главе с герцогом Ормундским. Петр сравнивал, далее, боевые возможности английского и русского флотов и считал, что уже настало время, когда Россия может не опасаться британского морского могущества. Характерно, что сама мысль прусского короля о необходимости руководствоваться страхом перед угрозами вызвала категорическое возражение Петра: «Ежели б я инако поступал и при многих зело опасных случаях одними угрозами дал себя утратить, то я б того не достиг, что ныне чрез божию помощь явно».

Письмо Петра написано с учетом того, что хищный, но трусливый прусский король уже вел тайный зондаж относительно заключения сепаратного мира с Швецией. Поэтому соображения царя наверняка могли быть переданы его возможным противникам.

Между тем русский флот усиленно готовился к летней кампании. Затем наступила первая проба сил. 24 мая произошел морской бой с шведской эскадрой, который кончился тем, что русские моряки привели в Ревель три шведских корабля с их экипажами, сдавшимися в плен. 24 мая Петр выезжает на остров Котлин. 9 июня оттуда вышла в море русская эскадра галер. Л 22 июня из Ревеля отправились главные силы флота. 20 могучих линейных кораблей, сотни галер и мелких судов собрались у Аландских островов. На борту русских кораблей находилось 26 тысяч десантных войск.

Однако речь шла не о том, чтобы начать широкое завоевание шведской территории, хотя для этого Петр имел все возможности. Предпринималась своеобразная военно-дипломатическая операция с исключительной целью принуждения Швеции к подписанию мирного договора. 10 июля Петр вызвал на флагманский корабль Остермана, которому вручили документы для передачи их лично королеве Швеции. Фактически это был ультиматум. Швеции следовало заявить, что в ходе почти двухлетних переговоров Россия сделала все возможное для заключения мира. Однако ход Аландского конгресса, особенно за последнее время, показал, что его работу используют только для прикрытия ведущихся одновременно реальных, а не фиктивных мирных переговоров с Англией и западными странами — участницами Северного союза. Царь принял решение действовать «по-неприятельски», чтобы показать, каковы будут последствия дальнейшей задержки переговоров с Россией. Остерман должен был вновь напомнить о прежних условиях мира и о готовности пойти на уступки: вернуть всю Финляндию, Лифляндию присоединить к России не навечно, а лишь временно, на 40 или даже 20 лет, выплатить Швеции денежную компенсацию. Инструкция предписывала заявить, что никаких новых уступок с русской стороны сделано не будет. Ультиматум предъявлялся также и от имени Пруссии, хотя она уже вела сепаратные переговоры с Швецией, но продолжала формально оставаться союзником России.

В Стокгольме Остерману ответили, что лучше им всем погибнуть, чем заключить такой невыгодный мир. С соблюдением всех протокольных церемоний Остерман без всякого успеха выполнил данное ему поручение. 6 августа он вернулся и доложил Петру о том, что ультиматум отвергнут. Вся эта процедура предпринималась исключительно для того, чтобы показать искреннее стремление России к миру. А в то самое время, когда Остерман объяснялся с королевой, отряды русских высадились с кораблей на шведский берег в двух местах, севернее и южнее Стокгольма. Шведские войска кое-где пытались оказать сопротивление, но были легко обращены в бегство. В результате рейда разрушению подверглись восемь шведских городов, в том числе самый крупный город после Стокгольма Норчёпинг. Русские войска уничтожили 21 завод, 1363 деревни, различные поместья, склады, много оружия, продовольствия и т. п. Петр приказал

сохранять в неприкосновенности церкви и не трогать мирных жителей. Операция носила сугубо демонстративный характер и предназначалась для наглядного доказательства беззащитности Швеции, что и было достигнуто. Непосредственно руководивший десантом генерал-адмирал Апраксин считал, что русские могли вступить и в Стокгольм. В манифесте от имени царя объявлялось, что совершенное русскими нападение служит воздаянием за разорение русских земель войсками Карла XII. Русский посол сообщал из Копенгагена, что, по мнению шведов, они нанесенного ущерба «ни оплатить, ни оценить не могут и говорят, что и в пятьдесят лет поправить невозможно». Как же действовал английский флот, на помощь которого уповали в Стокгольме? А он под командованием адмирала Норриса находился в Балтийском море и даже пришел к шведской столице, но только тогда, когда русские корабли уже вернулись на свои стоянки. Затем последовала характерная для методов английской дипломатии инсценировка. 9 сентября, через несколько дней после того, как Аландский конгресс по требованию шведской стороны официально прекратился, но русские представители еще не успели уехать, к ним явился курьер от английского посла в Стокгольме Картерета. Он вручил Брюсу два письма на имя царя: одно — от посла, другое — от адмирала Норриса. Брюс ознакомился с содержанием писем и вернул их, сочтя, что они написаны «в непристойных выражениях». Вообще, посылка этих писем нарушала все существующие дипломатические нормы и правила. К царю мог непосредственно писать только король Англии или посол, аккредитованный при русском дворе. В письме английского посла в Стокгольме Картерета (в тех же выражениях и то же самое содержалось в письме адмирала) Петру заявляли: «Король великобританский, государь мой, повелел мне донести вашему царскому величеству, что королева шведская приняла его посредничество для заключения мира... Король, государь мой, повелел адмиралу Норрису прийти с флотом к здешним берегам как для защиты его подданных, так и для поддержания его медиации и что его величество... принял меры, чтобы его медиация получила ожидаемый успех».

Но о каком же успехе могла идти речь, если медиация, или посредничество, поручалась английскому военному флоту? Естественно, что этот наглый ультиматум был с презрением отвергнут Брюсом и никаких реальных последствий не имел. Но вся затея и предназначалась для того, чтобы служить демонстрацией мнимой защиты Англией интересов Швеции. Дело в том, что к этому времени они уже находились в новых союзнических отношениях.

Смерть Карла XII устранила препятствия, с которыми сталкивалась Англия и Швеция. Если Карл проводил решительно враждебную ей линию и мечтал вторгнуться на Британские острова, чтобы свергнуть Георга I и передать власть Стюартам, то теперь в Стокгольме взяли верх сторонники сближения с Англией. Враждебная России политика Стэнгопа на Балтике неожиданно приобрела нужную ей опору. Вообще, неясные обстоятельства смерти Карла XII, по некоторым данным, убитого его секретарем-французом, который сразу таинственно исчез, заставляют задуматься о том, была ли «случайной» эта смерть... Во всяком случае колебания и сомнения английской дипломатии сменяются крайне решительными действиями. Письмо Петра Георгу I от 15 марта — последняя попытка царя найти общий язык с Англией — не имело успеха; ответ Георга I отличался высокомерно-пренебрежительным тоном. В начале 1719 года восстанавливаются дипломатические отношения между Лондоном и Стокгольмом, разорванные в 1717 году из-за ареста Гилленборга и конфликта, вызванного намерением Карла вторгнуться в Англию для поддержки якобитов. 11 июля в шведскую столицу прибывает лорд Картерет, молодой энергичный политик из партии вигов, которому в будущем предстоит большая политическая карьера. Но пока он только начинает ее, ярко представляя «ганноверское» направление в английской внешней политике, определяемое в значительной мере интересами Георга I как курфюрста Ганновера. Картерет — сторонник самых смелых действий против России вплоть до войны. Ему активно помогает

посол Ганновера (то есть того же Георга I) в Стокгольме. А затем прибывает французский посол Кампредон, который везет с собой увесистые аргументы — слитки золота на 300 тысяч крон. Одновременно английские дипломаты действуют против России в Берлине, Копенгагене, Париже, Вене, Константинополе, Варшаве и даже в Петербурге. Ведь формально остается в силе дружественный русско-английский договор 1715 года и сохраняется видимость нормальных отношений, прикрывающих ожесточенное наступление против России по всему дипломатическому фронту...

Британская дипломатия пытается вредить России везде, где только можно. Но главное направление — это «северное умиротворение», целью которого является вытеснение России с Балтики, лишение ее всех территориальных приобретений Петра, а также отделение Киева и Смоленска. За этим скрывается основная вожденная цель — отбросить Россию в прежнее, допетровское состояние, ликвидировать, свести на нет достигнутые успехи преобразования...

Создается сложная система взаимосвязанных договоров. Началом оказалось прелиминарное соглашение Швеции с Ганновером, по которому закреплялся переход Бремена и Вердена во владение Георга I и устанавливался вечный шведско-ганноверский мир. Поскольку этот договор был первым, то сразу обнажился смысл английской политики — удовлетворение желаний Георга I как ганноверского курфюрста. Картерет довольно ловко использовал угрозу русского флота, готовившего десант на шведские берега, чтобы ускорить это дело. Что касается «защиты» Швеции английским флотом, то мы уже увидели, какой она оказалась на самом деле. Ровно через неделю состоялось подписание другого прелиминарного договора Швеции, на этот раз с самой Англией. Окончательный, постоянный англо-шведский договор будет подписан лишь в январе следующего, 1720 года. Он явится осью, центром всего «северного умиротворения». Англо-шведский договор подтвердил не только передачу Бремена и Вердена Ганноверу, но и переход Штеттина к Пруссии. Англичане обещали субсидии Швеции и обязались помочь получению субсидий от Франции. Англия брала также на себя обязательство оказать Швеции помощь против России. Однако сформулировано это было очень туманно. Ни слова не говорилось о главном для Швеции — об участии Англии в отвоевании Лифляндии и Эстляндии. Подчеркивался оборонительный характер договора и то, что помощь английского флота Швеции не будет означать объявления войны Англией России. Более того, в договоре было сказано, что англичане сохранят право вести торговлю с врагом Швеции, с Россией. Можно только удивляться тому, насколько искусно Картерет добился договора, по которому Англия фактически брала на себя минимальные обязательства, тогда как Швеция превращалась в орудие политики Лондона, оставалась в состоянии безнадежной войны с Россией и лишалась почти всех своих северогерманских владений.

Почти одновременно, 14 августа, благодаря усилиям той же англо-ганноверской дипломатии заключается мирный договор Швеции с Пруссией. Тем самым удалось решить еще одну трудную задачу; ведь Пруссия была последним союзником России. Собственно, в то самое время, когда русские дипломаты требовали участия Пруссии в переговорах на Аландах, король Фридрих-Вильгельм предал их. Неожиданностью это для русских не было, и поэтому в Берлин Петр специально послал П. А. Толстого, чтобы предотвратить подписание договора. Но его миссия окончилась неудачей. Пруссия действовала, как всегда, коварно и подло. Чтобы получить Штеттин и прилегающие к нему земли, король готов был па все вплоть до обязательства выплатить Швеции двухмиллионную компенсацию. Любопытно, что свои истинные чувства король изливал в дневнике для назидания потомству. Подписав до-гонор, он откровенно признавался: «Я болен и делаю это безответственно; если я потеряю царя и попаду под ярмо Англии и императора, то привлеку к ответственности господ министров...» Совесть мучает короля, и через неделю он снова пишет: «Мой мир с Швецией заключен, но я не смею говорить об этом, потому что мне стыдно». При этом Швеция отнюдь не приобрела нового союзника.

Дело в том, что Фридрих-Вильгельм, боясь разрыва с Петром, специально оговорил, что не будет предпринимать враждебных действий против России.

Оставалась еще Дания, примирение которой с Швецией потребовало от Картерета особенно много хлопот, и прежде всего денег, ибо основным средством убеждения датских министров были английские фунты. Сначала англичанам удалось добиться ценой необычайной изворотливости перемирия на полгода. Главное, чего хотела Дания, был лежащий южнее от нее ценнейший Шлезвиг. Она желала также сохранить в Померании Штральзунд, остров Рюген и еще кое-что. Но на все это претендовал и король Пруссии. В конце концов эти земли достались Швеции, а Дании пришлось довольствоваться лишь Шлезвигом. Правда, за это Дания получила большую денежную компенсацию: Швеция отказалась от своей доли пошлины за проход судов через пролив Зунд, от чего выиграла английская торговля. При всем этом Дания наотрез отказалась от враждебных действий против России на стороне Швеции, обещав только не помогать царю. Не зря в Копенгагене сидел послом Василий Лукич Долгорукий. В этот период отступления русской дипломатии ее представители повсюду вели, если можно так сказать, тяжелые арьергардные бои. И любой успех англо-ганноверской дипломатии доставался ей тяжелой ценой. Только в июле 1720 года датчан и шведов удалось заставить подписать мирный договор. Но и эта комбинация была шита белыми и к тому же гнилыми нитками. Англо-ганноверская дипломатия не достигла главного — включения Дании в «антирусскую лигу», о чем тщетно мечтал Картерет.

Оставался еще один участник Северного союза — Август II, который представлял в нем то Саксонию, то Польшу. О нем англо-ганноверская дипломатия не проявляла особых забот, поскольку участием в Венском договоре Август и сам занял откровенно враждебную России позицию. Кроме того, в отличие от Ганновера, Дании, Пруссии, он не нуждался в закреплении за ним каких-либо захваченных шведских территорий. Ведь он претендовал на Лифляндию, которая была ему обещана Петром в качестве возмещения за активное участие в войне против Швеции. От такого участия Август уже давно отказался, перестал быть союзником, и поэтому Петр с полным основанием считал прежние обещания начала Северной войны тем самым ликвидированными. Но Август II все же сам попытался принять участие в «северном урегулировании». Заинтересованность в этом проявили и в Стокгольме. Осенью 1719 года саксонский представитель Флемминг вел в Ганновере переговоры о союзе с Швецией против России. Англия согласилась поддержать этот договор путем гарантий, если Август привлечет к участию в нем Речь Посполитую. Но она воевать против России не хотела, а главное — не могла из-за своих внутренних неурядиц. Поэтому союз Саксонии и Швеции не состоялся, что, впрочем, никого не волновало, ибо Август уже имел прочную и заслуженную репутацию такого «союзника», на которого ни в какой коалиции положиться нельзя.

И все же от России были оторваны все ее бывшие союзники. Но не больше, так как объединить их под руководством Англии против России пока не удалось. Все «северное урегулирование» держалось на зыбких компромиссах, участники которых оставались недовольными и проявляли недоверие и подозрительность друг к другу. Более того, возникло множество очагов новых конфликтов между ними. Даже главные державы Четверного союза — Англия и Франция — испортили свои отношения, ведь каждая из них имела свой план северного мира. Англия превыше всего ставила задачу нанесения максимального вреда России за счет кого угодно. Но Франция хотела в основном иметь противовес ненавистным Габсбургам, и вытеснение Швеции из Северной Германии ее совершенно не устраивало. Только до поры до времени растущая неприязнь Франции к Лондону сдерживалась совместной войной с Испанией, которая шла к концу. Но все эти и многие другие слабости антирусского блока будут сказываться позднее. А пока на дипломатическом горизонте вокруг России сгущались тучи. Зловещие слова «изоляция», «окружение» все чаще повторяли в Европе со злорадством, а в России — с горечью и растерянностью. Положение стало казаться еще более опасным, когда зарубежные

русские дипломатические представители начали присылать сообщения о подготовке объединенных вооруженных сил многих стран для нападения на прибалтийские провинции и вторжения в Россию. 15 конце сентября в Стокгольме шведские военные руководители вместе с английским послом Картеретом и адмиралом Норрисом разработали план грандиозной военной операции против России в 1720 году. Намечали собрать на Балтике объединенный флот в 40 линейных кораблей. Армия в 70 тысяч человек высадится в Пруссии и Лифляндии. Швеция выделит 24 тысячи, остальное должны дать ее новоявленные европейские союзники: Австрия, Пруссия, германские княжества. Англия пришлет свой могучий флот и выделит крупные денежные субсидии. Деньги должна дать и Франция. Английская и французская дипломатия обеспечивают одновременное нападение Турции на Россию с юга. Уже разработали направления главных ударов: сначала Рига, Ревель, Петербург, потом Псков, Новгород, Киев, Смоленск... 26 сентября 1719 года план объединенного, по существу, общеевропейского нападения на Россию был утвержден королевой Ульрикой-Элеонорой, и вскоре для переговоров о его осуществлении отправились из Стокгольма в Пруссию и Польшу генерал Траутфеттер, в Австрию и Францию — член государственного совета Спарре. Разумеется, Россия не беззащитна. Закаленная в боях армия численностью свыше 100 тысяч человек находилась в распоряжении Петра. На верфях Адмиралтейства в Петербурге неумолчно стучали топоры; здесь работали свыше 10 тысяч человек, и один корабль за другим сходили со стапелей, пополняя Балтийский флот. Полным ходом шла подготовка к возобновлению военных операций летом 1720 года. Однако, судя по шведско-английским планам, надвигалась такая грозная военная опасность, к которой русские не готовились.

Что касается русской дипломатии, то она, казалось, уже исчерпала все свои возможности. А между тем именно ей в первую очередь предстояло решать небывало сложные задачи. Прежде всего Россия нуждалась в ясной и точной ориентировке. Как нельзя кстати оказалась теперь светлая голова Б. И. Куракина. Петр нередко получал от него малопривлекательные предостережения, даже тонко замаскированную критику действий царя. Но именно в это сложное время, осенью 1719 года, когда Аландский конгресс провалился и англо-шведский союз оформился, Борис Иванович направляет в Петербург анализ ситуации, который, вопреки кажущейся беспросветной обстановке, намечал реальную, а главное — оптимистическую перспективу для русской дипломатии.

«С первого взгляда кажется,— писал Б. И. Куракин,— что Швеция миром и союзом с Англией приобрела великие выгоды: но кто посмотрит вдаль, иначе рассуждать будет. Короли английский и прусский дали шведам довольно денег для исправления разоренного; шведы будут получать также субсидии от Англии и Франции, что даст им средство к обороне; флот английский будет их защищать от нападения русских войск и флота. Но этим она и должна ограничиться, потому что английских и французских субсидий недостаточно для войны наступательной».

Не приукрашивает ли Куракин обстановку, принимая желаемое за действительное? Напротив, он даже переоценивает успехи шведской внешней политики, считая, что Швеция теперь защищена. Жизнь вскоре покажет, что шведская территория по-прежнему останется уязвимой. «Северное урегулирование» в действительности означало лишь превращение Швеции во второразрядную страну, а полученные ею деньги за Штеттин, Бремен, Нерден и другие северогерманские владения, которые были, по существу, просто проданы по дешевке, могут только на очень короткое время поддержать экономику совершенно разоренной страны.

Однако Швеция приобрела союзника — Англию, самую сильную и богатую европейскую державу. Ее посол Картерет красноречиво уверял, что Швеция вернет себе завоеванные Россией территории и это компенсирует потери на западе. Однако Куракин приходит к выводу, что надежды на Англию являются полнейшей иллюзией: «Ляя надежда Швеции на дружбу Англии: но в чем будет состоять английская помощь? Разве

Англия согласится объявить войну России, помогая Швеции в наступательном против нее движении?» Впрочем, сами англичане предусмотрительно не взяли на себя никаких формальных обязательств. Если даже на Англию Швеция не может положиться, то еще хуже обстоит дело с другими участниками «северного умиротворения». Пруссия никогда не пойдет на войну против России. Откажется от этого и Дания. Правда, Август II настроен очень враждебно к Петру. Но и он для замыслов Швеции бесполезен, ибо «зависит от Речи Посполитой, которая войны с Россией не начнет; неспособность ее к этому известна при дворе царском и повсюду». Австрия также, по мнению Куракина, «ни войска, ни денег не даст; первого по многим причинам, а вторых — потому что их нет».

Показав, что Швеция по новым договорам не только ничего не приобрела, но многое потеряла, Куракин считает, что потери России, напротив, фактически не являются реальными потерями. К примеру, русские лишились последнего союзника — Пруссии, по от нее «такая же была бы польза, если б она и не заключила мира с Швецией, все равно вела бы себя нейтрально».

Таким образом, утверждает русский посол, обстановка отнюдь не такова, чтобы отказываться от прежних внешнеполитических задач, но она требует осторожности и активных дипломатических действий, программу которых он и предлагает конкретно в отношении каждой из важнейших стран. Россия по-прежнему должна всеми силами сохранять с ними добрые отношения. Куракин — истинный дипломат, поэтому в его рекомендациях нет и тени намек на какое-либо чувство возмущения в отношении стран, совершивших против России самые неблагоприятные действия. Эмоциям, моральному негодованию, тем более мщению в дипломатии не может быть места. Напротив, терпение, выдержка, спокойная последовательность, максимальная сдержанность — вот те качества, которые необходимы русской дипломатии. «С Англиею,— пишет Куракин,— надо избежать решительного разрыва и кораблей английских подданных не захватывать; пусть с их стороны начнутся неприятельские действия, чтоб можно было парламенту и народу показать справедливость России и неправоту короля и министерства». Столь же осторожного подхода требует Куракин и в отношениях с другими государствами, каковы бы ни были чувства, вызванные их политикой: «Надобно держать при себе Речь Посполитую», «продолжать быть в согласии с берлинским двором», «с Голландией надобно жить в дружбе и стараться об усилении торговли с нею».

Куракин предельно логичен в своей блестящей характеристике международного положения в Европе в конце 1719 года. По каждому конкретному вопросу он мыслит как истинный дипломат, всегда предпочитая применение ума и такта, а не силы. Совершенно иначе он начинает рассуждать о главной для России проблеме окончания Северной войны: «Остается теперь самый трудный вопрос: что лучше — мириться или продолжать войну. Разумеется, надобно всячески стараться о мире». Однако «Швеция не уступит переговорами, надобно принудить ее к этому оружием». Этот вывод сам по себе не является новым, к нему уже давно пришел Петр; испытав безрезультатно все методы дипломатического воздействия, он уже начал применять его на деле высадкой десантов на побережье Швеции. Стало быть, об этом нечего говорить, раз это уже принятое решение. Однако Куракин, тоже предложив метод военного принуждения, подходит к проблеме не как военный деятель, который, естественно, в первую очередь исходит из соотношения вооруженных сил, то есть из соображений сугубо стратегических. Куракин и в вопросе о войне остается дипломатом: «Успех оружия зависит от перемены в отношениях между европейскими государствами». И далее он делает глубокий прогноз ближайшего будущего Четверного союза — основного препятствия на пути петровской внешней политики и предсказывает его неминуемый распад, как только кончится война в Испании. Это является для Куракина главным доводом в пользу применения оружия. Он считает, что время работает на Россию, и поэтому заключает свое донесение итальянской пословицей: «Кто выигрывает время, выигрывает жизнь». Прогноз о распаде Четверного

союза очень скоро подтвердился, и не случайно программа Куракина если не формально, то фактически станет программой для всей петровской дипломатии.

Разумеется, речь вовсе не идет о том, что князь Куракин становится каким-то закулисным руководителем внешней политики. Ее по-прежнему направляет сам Петр при содействии канцлера Головкина, вице-канцлера Шафирова и др. Просто дело в том, что посол в Гааге наиболее четко и прозорливо осмысливал ситуацию, выдвигал идеи, формировал мнение, обобщал то, что рождалось в сознании многих русских деятелей. Поэтому его четко выраженные выводы и прогнозы падали на хорошо подготовленную почву и воплощались в жизнь. Словом, он как бы задавал тон общему состоянию русской дипломатической мысли в то критическое время. Часто Петр прямо и неукоснительно приказывал действовать, исходя из советов Куракина. Так, например, случилось с торговлей на Балтийском море. Еще Карл XII ввел здесь практику морского разбоя, захват и грабеж торговых судов, идущих под русским или даже нейтральным флагом. Россия в этом отношении проводила другую политику, выступая за свободу торговли. Но и ее флот стал применять ответные меры такого же характера, особенно после провала Аландского конгресса. Куракин, находясь в Голландии, ясно видел вред подобных действий в новой, усложнившейся на Балтике ситуации. «Время пришло деликатное,— писал он Петру,— и должность каждого из верных подданных свое мнение с чистою совестью объявлять. Интерес вашего величества ныне весьма требует, чтоб торговля в Балтийском море с русской стороны оставлена была совершенно свободною и спокойною».

Петр согласился с мнением Куракина, принял его совет и приказал своему флоту соблюдать принцип свободы торговли. Это оказало самое благоприятное воздействие не только на Голландию, но даже на влиятельные торговые круги в самой Англии. Петр предписал русским дипломатам максимальную гибкость. Как писал С. М. Соловьев, «программа Куракина выполнялась». Осуществлялись и его прогнозы. Великолепный план объединенного нападения на Россию, утвержденный королевой Швеции, по своим масштабам и смелости был таким, что сам Карл XII позавидовал бы воинственности своих преемников. Однако когда шведские эмиссары стали объезжать столицы европейских стран, чтобы договориться о конкретных действиях в 1720 году, они встретили любезный, но крайне холодный прием.

Пруссия наотрез отказалась участвовать в походе на Россию. Зато Август II согласился, но непослушный сейм Речи Посполитой не желал принимать необходимое решение. В Вене, где Швеция просила выделить 16 тысяч войск, просьбу отклонили, сославшись на опасность со стороны Франции. Во Франции же отказались говорить не только о войсках, но даже о выделении денежных субсидий, которые предоставлялись раньше. Оставалась главная надежда — Англия. Здесь обещали прислать флот, но не войска, посоветовав просить их у Австрии и Пруссии, где шведам уже отказали. Таким образом, «северное умиротворение», по которому Швеция потеряла ценнейшие владения в Германии в надежде на помощь в отвоевании земель у русских, оказалось примитивной ловушкой. Как же Швеция умудрилась попасть в нее? Королева и ее супруг вдохновлялись лишь своими династическими интересами; весь смысл их деятельности состоял в английской помощи для сохранения своей короны. Но королевская власть в Швеции была уже не всемогуща, как раньше. Куда смотрел мудрый государственный совет? А он был подкуплен англо-ганноверской дипломатией. К тому же, разбираясь в переплетении политических, социальных, династических тенденций, определявших шведскую внешнюю политику, надо кое-что оставить и на долю обыкновенной человеческой глупости. У шведов оставалась одна надежда — прославленный британский флот, который весной 1720 года должен был выйти в балтийские воды, чтобы уничтожить флот Петра и тем придать смелость новым союзникам Швеции, подтолкнуть их к нашествию на Россию.

Английская эскадра под командованием адмирала Норриса готовилась к новому балтийскому походу. Учитывался опыт прошлого года, и поэтому построили специальные

корабли с небольшой осадкой для действий в шхерах. В середине апреля 1720 года огромная эскадра, в состав которой входило свыше 30 больших военных кораблей, вышла в море. Боезапас, снаряжение, провиант взяли с собой в расчете на длительную кампанию. Задача была предельно простой и ясной: уничтожить русский флот. В приказе Норриса командирам кораблей говорилось: «Когда вы догоните какие-либо русские суда, вы должны принять все меры, чтобы захватить, потопить, сжечь или другим способом уничтожить их». Правда, англичане предоставляли Петру другой выход — согласиться на их посредничество для заключения «справедливого и разумного мира», то есть отказаться от своих балтийских земель. В конце мая 1720 года в районе передовой базы русского флота — Ревеля появился объединенный англо-шведский флот из 25 линейных кораблей и многих менее крупных судов. На небольшой остров Наргеи высадился десант, который никого и ничего здесь не обнаружил, кроме одной пустой избы и бани. Эти два сооружения были беспощадно преданы огню. Но высадку на побережье у Ревеля адмирал Норрис решил не предпринимать из-за отсутствия у него сухопутных войск. Он выполнил таким образом требование адмирала Апраксина, который в письме к Норрису рекомендовал англичанам держаться от русских крепостей и флота в «пристойном отдалении». Вообще, Норрис, видимо, был осторожным и умным человеком, который понимал весь авантюризм английской политики на Балтике и не проявлял особой воинственности. Под предлогом необходимости перехватить русский галерный флот, снова громивший побережье Швеции, адмирал увел свои корабли от Ревеля. Этим, собственно, и завершилась боевая деятельность английского флота летом 1720 года.

Петр в письме Куракину поручал ему как можно шире сообщить в Европе через газеты об успехах Норриса. «А особливо об избе и бане», — подчеркивал Петр. В свою очередь А. Д. Меншиков иронически просил царя не расстраиваться из-за потери избы и бани: «Уступите добычу сию им на раздел, а именно баню шведскому, а избу английскому флотам...»

Во время этих событий русский флот отнюдь не бездействовал. Правда, он уклонялся от сражения с английским флотом: война с Англией не входила в расчеты Петра. Однако все порты, крепости на всем побережье заранее привели в боевую готовность. К весне полностью снарядили обе эскадры флота, стоявшие у Котлина и Ревеля. Создали службу наблюдения и связи, которая методом эстафеты самых быстроходных кораблей сообщала о передвижениях английского флота. Петр поставил перед командующим флотом Апраксиным две задачи: с помощью десантов на шведскую территорию наглядно показать тщетность надежд на защиту английским флотом побережья от русских рейдов. В то же время Петр приказал не рисковать флотом и не ввязываться в большое морское сражение. Он считал, что соединенные вместе флоты Англии и Швеции пока сильнее одного русского флота. Обе эти задачи были успешно выполнены. Как и в прошлом году, в конце апреля галерный флот высадил десант у города Умео, разорил его и много других населенных пунктов, деревень и удалился. А 28 июня отряд в 60 галер под командованием М. М. Голицына в проливе у острова Гренгам встретился с эскадрой шведского флота из десятка кораблей. Произошло сражение, в результате которого четыре шведских фрегата были взяты на абордаж и захвачены. Этот морской бой удалось выиграть, несмотря на близкое присутствие английского флота, что вызвало особое удовлетворение Петра.

Оказалось, что огромный англо-шведский флот совершенно напрасно бороздил волны Балтики. С равным успехом те 600 тысяч фунтов, в которые обошелся поход адмирала Норриса в 1720 году, можно было выбросить за борт английских кораблей.

Правда, ожидали, что к этому времени созреют плоды многолетних враждебных России усилий английской дипломатии. Они и в самом деле «созрели», и весь многосторонний антирусский блок, основанный Четверным союзом, Венским договором и «северным умиротворением», начинает с необычайной быстротой разваливаться на куски буквально на глазах. А разговоры об «изоляции» России служили лишь фоном, на

котором особенно ярко выделялись факты укрепления ее международного положения. Ни одно из европейских государств не только не захотело участвовать в военной авантюре против Петра, никто не заикнулся даже о разрыве дипломатических отношений. Более того, империя, которая весной 1719 года самонадеянно и грубо выдворила русского посла из Вены, спустя год ищет дружбы с Россией! 22 января 1720 года об этом заговорил сам вице-канцлер Шенборн. Еще бы, Четверной союз, державшийся на совместной войне против Испании, стал уже бесполезным для Вены. А «союзники», Англия и Франция, вели себя по отношению к императору совсем не по-союзнически. В Петербурге решили пойти навстречу пожеланиям венского двора, ведь за год до этого русские вовсе не хотели разрыва с Австрией. Теперь она опомнилась и искала дружбы с царем. В Вену отправился полномочный посол генерал П. И. Ягужинский. Там в мае 1720 года его встретили крайне любезно, предложив начать переговоры о заключении дружественного договора.

Бессильное раздражение Англии против России дошло до того, что ее дипломаты совершенно серьезно задумали захватить Ягужинского в Данциге по пути в Вену. Это придумал Джефферис, английский резидент в Петербурге. Тот самый, который за год до этого предлагал послать корабль под чужим флагом к Аландским островам, чтобы захватить русских и шведских участников проходившего там мирного конгресса! Насколько же несолидно велась дипломатия его величества короля Георга I.

Изоляция, причем реальная, а не мифическая, и не России, а Англии, обнаруживается и в другой важнейшей из европейских столиц — в Париже. В марте 1720 года туда явился сам Стэнгоп, еще пытавшийся спасти свою пресловутую «систему». Он потребовал от союзника присоединиться к декларации-ультиматуму России. Петру в ней предписывалось удовлетвориться Петербургом и болотами Карелии и Ингрии, а все остальное завоеванное вернуть под угрозой применения силы. В ответ Стэнгопу дипломатично, но довольно понятно объяснили, что Франция не может участвовать в этом интересном мероприятии не только по причине его несерьезности, но и потому, что она намерена предложить России свое доброжелательное посредничество в заключении мира с Швецией. Но Стэнгопу было уже не до северных дел. В мирных переговорах с Испанией Франция склонялась к тому, что следует вернуть ей Гибралтар, захваченный англичанами. А это было равносильно тому, чтобы вонзить нож в сердце истинного британца.

Не успел Стэнгоп уехать из Парижа, как по поручению регента русскому представителю барону Шлейницу дали понять, что Франция хочет заключить союз с Россией на условиях, которые Петр предлагал в 1717 году. Дело было серьезным, и Петр направляет в Париж с особой миссией П. И. Мусина-Пушкина с заданием вступить в контакт с регентом втайне от Шлейница: царь имел основание не слишком доверять ему. Оказалось, что французы того же мнения, и аббат Дюбуа сказал: «Шлейниц — немец, оттого я ему мало верю». И далее он откровенно объяснил: «О котором деле мы с Шлейницем говорили — все, от слова до слова, в Ганновере, в Швеции и Вене известно. Кроме Шлейница, некому этого разгласить». В Петербурге и сами знали, что Шлейниц в основном защищает интересы прусского короля, находясь на русской службе. Но надежных и солидных русских послов Петру просто не хватало. Однако намечалось настолько серьезное дело, что Петр, естественно, думал послать в Париж князя Куракина. Французы же хотели вести переговоры пока в секрете от Англии, а Куракин — фигура в дипломатическом мире Европы слишком заметная. Тогда вместо отозванного Шлейница Петр послал в Париж В. Л. Долгорукого. Таким образом, еще один из участников Четверного союза — Франции встает как будто на путь сотрудничества с Россией. Оставалась Голландия, но она давно уже лишь формально числилась членом Четверного союза и занимала нейтральную позицию, поддерживая через Куракина хорошие стабильные отношения с Россией. Итак, речь шла действительно об изоляции, но не России, а Англии и притом внутри созданного ею союза.

О французском намерении идти на сближение с Петербургом свидетельствовали и дипломатические события в Турции. Как писал С. М. Соловьев, «результаты, добытые из

сношений с Францией, были важны. Особенно были важны они по отношению к Турции, где французское влияние считалось всегда преобладающим. С разных сторон приходили в Петербург известия, что враги России стараются снов» поднять против нее султана». Собственно, на протяжении всей Северной войны Турция постоянно оставалась самым большим местом для внешней политики России. Мир с турками надо было соблюдать любой ценой. И цена эта была очень тяжелой. Приходилось даже терпеть практически постоянные набеги на незащищенные южные земли России турецких вассалов: крымских, кубанских, ногайских татар. Только в 1717 году их банды убили и угнали в рабство около 30 тысяч русских людей. Сотни деревень и городов ежегодно подвергались разбойничьим набегам; убытки исчислялись многими миллионами. Но самое опасное для России заключалось в деятельности английской дипломатии, стремившейся любой ценой толкнуть Османскую империю на войну против России. Английскому послу в Стамбуле Станьену активно помогали представители других европейских стран. Лояльность к России проявлял лишь посол Голландии Кольер и его переводчик Тейлс.

В мае 1719 года Петр направил в Стамбул чрезвычайного посланника А. И. Дашкова. Его деятельность — интереснейшая страница в истории русской дипломатии. Дашкову пришлось прежде всего вступить в непрерывную ожесточенную войну с послом Англии. Он писал в одном из своих донесений: «Я не видал злейшего неприятеля вашему величеству, как английский король: министр его старается, чтоб каждый день сделать мне какую-нибудь неприятность». И в этих невероятно трудных условиях, имея к тому же крайне недостаточно денег и соболей, Дашков вступил в переговоры о заключении вечного мира взамен Адрианопольского мира 1713 года. Однако в конце 1719 года турки под нажимом Англии и Австрии объявили о высылке Дашкова из Стамбула. Собственно, это был только эпизод в тяжких испытаниях, которые пришлось выдержать русскому дипломату. Огромную помощь при этом оказал ему французский посол де Бонак. Но словам Дашкова, он «непрестанно так же трудился как бы собственный нашего величества министр». Тяжелая борьба в Стамбуле завершилась большим русским успехом: 5 ноября 1720 года был заключен русско-турецкий договор о вечном мире. Он значительно улучшал отношения двух стран; Россия теперь могла иметь в Турции постоянного представителя, ее отношения с Польшей уже не зависели от Турции, как раньше, и т. н. Но главное значение договора выходило далеко за пределы русско-турецких связей.

Отныне Петру уже не нужно, как раньше, постоянно тревожно оглядываться на Турцию, предпринимая те или иные действия на Балтике в отношении Швеции или ее нового союзника — Англии. Ослабление постоянной опасности войны на два фронта развязывало Петру руки на Севере, и это почувствовали в Лондоне. Как раз летом и осенью 1720 года, когда стала ясной невозможность толкнуть Турцию на новую войну против России, англичане, вопреки всем своим недавним обещаниям помочь Швеции отвоевать потерянные прибалтийские земли, «дружески» рекомендуют Стокгольму искать мира с Россией самостоятельно. Ясно, что это мог быть мир только на русских условиях. Так Англия «расплатилась» со Швецией за ее послушное согласие с английским планом «северного умиротворения». Так рушились надежды самих англичан на это «умиротворение», на установление своей гегемонии в балтийском море...

В том же 1720 году провалились планы Англии, ее шведских и саксонских союзников поднять против России Польшу. Они затратили огромные деньги на подкуп магнатов, но все оказалось напрасным, и посол Г. Ф. Долгорукий с радостью доносил Петру, что польский сейм осенью 1720 года отверг попытки толкнуть Речь Посполитую на войну с Россией. В конце концов поляки очень хорошо понимали, что только русская поддержка гарантирует независимость Польши и спасает ее от раздела между германскими государствами. Август II начал заискивать перед Долгоруким, пытаясь представить в безобидном виде свои предательские маневры вроде участия в Венском договоре. Но со свойственной ему наглостью он вздумал при этом угрожать, что-де в его власти еще устроить царю в Польше неприятности. Из Петербурга поступил ответ Петра,

написанный в тоне, какого Август давно уже заслужил. Ему кратко и резко напомнили все его махинации: «Предлагай о возобновлении дружбы, не следовало возобновлять дел, напоминовение о которых может быть только противно царскому величеству». А в заключение указывалось, что царь «не привык позволять кому бы то ни было пугать себя угрозами». Это был крах всей многолетней политики двуличия саксонского коронованного проходимца, «дружба» с которым давно уже опротивела Петру.

Летом 1720 года в дипломатической жизни Европы происходит то, что можно квалифицировать как молниеносное крушение планов англо-ганноверской дипломатии. Период 1715—1720 годов в учебниках по дипломатической истории обычно именуется временем утверждения в международных отношениях «системы Стэнгопа». Таким образом, пять лет ушло на ее внедрение. Рухнула же она примерно за пять недель. Шведско-датский мирный договор, завершавший «северное умиротворение», подписали в июне 1720 года, а уже в июле Англия официально заявила Швеции, что ей следует согласиться на заключение мира с Россией, от чего англичане еще недавно отчаянно удерживали шведов.

9 августа шведский Государственный совет впервые серьезно обсуждает вопрос о заключении мира с Россией. Король Фредерик I удрученно сообщает, что Георг I советует искать мира в Петербурге. Английская дипломатия фактически обобрала Швецию, вытянув у нее отказ от своих важнейших северогерманских владений. Картерет убедил ее, что за это она вернет свои потерянные на востоке провинции. Теперь действительность предстала в истинном свете: приходилось соглашаться на то, что уже десять лет не переставала предлагать Россия,— на заключение справедливого мира. Правда, нашлись в Швеции пламенные «патриоты», доказывавшие с пеной у рта недопустимость отказа от богатейших провинций. Это были шведские генерал-губернаторы Лифляндии и Эстляндии, «управлявшие» давно потерянными землями. Не хватало только голоса генерал-губернатора Москвы, которого в начале русского похода предусмотрительно назначил еще Карл XII...

Совет принимает решение вступить в переговоры о перемирии. Но не о мире, ибо все еще на что-то надеется, хотя в Европе не было никого, кто хотел бы серьезно помочь королевству, оказавшемуся на краю гибели. Действовали лишь очень «дружественные» державы, которые рассчитывали что-то заполучить от неизбежных мирных переговоров с Россией. Развертывается весьма серьезное внешне, но смехотворное по существу соревнование за «посредничество» в мирном урегулировании. Император Карл VI усиленно хлопочет вокруг созыва мирного конгресса в Брауншвейге, однако из этой затеи ничего не выходит. Англия и ее король также домогаются посредничества. Сам Стэнгон буквально бегаёт за русским послом в Перлине, за молодым Головкиным, хотя сын русского канцлера проявляет к нему откровенное презрение. Любой ценой англичане все еще хотят воздействовать на обманутую ими Швецию и чем-нибудь повредить России. Тогда русская дипломатия хорошо рассчитанным маневром устраняет Англию. Дело в том, что уже давно идет русско-английская дипломатическая «война мемориалов». Используется рост недовольства в Англии тем, что английская внешняя политика служит интересам наследственного княжества короля — Ганновера. Русские мемориалы, которые редактирует Б. И. Куракин, резидент в Лондоне Ф. Веселовский распространяет во множестве экземпляров, что доставляет Георгу I немало неприятностей. Весной 1720 года Веселовский был отозван из Лондона и вместо него назначен М. П. Бестужев. Первая акция, которую ему поручили, состояла во вручении нового, обширного мемориала, в котором детально рассматривалась политика Георга I, начиная с тех времен, когда он еще был только курфюрстом Ганновера. Без всяких дипломатических экивоков английскому королю напомнили его собственные слова и действия. В целом получилась яркая картина грубого нарушения обязательств, явной лжи, очевидного подчинения политики Англии интересам ганноверской династии. Это — великолепный образец политической публицистики тех времен, но отнюдь не документ дипломатического характера.

Очевидно, так его и задумали. Естественно, что Георг I жестоко уязвлен неотразимыми фактами и аргументами... Чрезвычайное заседание кабинета приказало 14 ноября русскому послу покинуть Англию. Это был разрыв дипломатических отношений, в результате которого Лондон сам отстранил себя от переговоров между Россией и Швецией. Изоляция Англии еще больше усилилась, когда вопреки ожиданиям Петр не только не ответил какими-либо недружественными действиями, но объявил, что английские подданные могут свободно и впредь вести торговлю, свободно приезжать в Россию и т. п. Это был один из многих фактов, свидетельствовавших, что петровская дипломатия достигла такой степени зрелости, что могла уже кое-чему поучить европейских многоопытных дипломатов.

Что касается посредничества, то в погоне за ним все же обогнала всех Франция. У октября 1720 года Петр получил послание шведского короля, который просил начать мирные переговоры без посредников. Но почти одновременно фактический французский министр иностранных дел аббат Дюбуа настойчиво добивался посредничества. Поскольку Франция в это время проявляла склонность к союзу с Россией, то в Петербурге хотя и скептически относились к этой склонности, сочли нецелесообразным отклонить просьбу Франции. Конечно, русские понимали, что французский посол в Швеции Кампредон своим посредничеством, несомненно, будет играть на руку не только Швеции, но и Англии. Но все же его согласились принять в Петербурге. В конце концов пренебрегать Францией было неразумно, тем более что в Стамбуле французы помогали Дашкову с заключением вечного мира.

Кампредон с невероятным усердием взялся за выполнение своей миссии. Он так спешил в Петербург, что по пути утопил во время переправы своих лошадей вместе с каретой и багажом. Однако он сохранил главное свое орудие, на которое возлагал особые надежды: огромную сумму денег, выданных ему Дюбуа для подкупа русских министров. Кстати, а как обстояло дело с русскими дипломатами, которые сами активно давали взятки при выполнении разных дипломатических заданий? К великому огорчению Кампредона, прозрачные намеки, которые он делал русским сановникам, не имели никакого успеха. В отличие от продажных европейских политиков (сам аббат, а скоро и кардинал Дюбуа получал постоянно жалование от Георга I), дипломаты Петра оказались неподкупными. Дело объяснялось не их бескорыстием, а тем, что царь тщательно контролировал свою дипломатию. Так что даже если кое-кто и брал иногда деньги и подарки от иностранцев, то это никак не сказывалось на русской политике при Петре.

Сначала Кампредон в беседах с русскими дипломатами пообещал, что Россия, которой, конечно, придется вернуть Лифляндию, Эстляндию, Выборг и прочее, получит зато благодаря помощи регента Петербург, Ингрию и Нарву. Но в ответ, как обиженно доносил французский посол, русские начали «хохотать во все горло». Однако ему все-таки удалось добиться аудиенции у царя. Правда, прибыв в назначенное время, он ожидал больше часа. За это время Шафилов и Толстой объяснили, что если он не сможет сказать что-нибудь новое по сравнению с тем, что они уже слышали, то не стоит отнимать время у царя, ибо он очень занят. Француз и сам в этом убедился, когда явился царь, одетый в матросскую куртку, пропахшую смолой: он занимался на верфях Адмиралтейства подготовкой к спуску на воду очередного корабля. Кстати, он нередко прямо там (а он начинал в Адмиралтействе каждый свой рабочий день) принимал иностранных послов, которые пробирались к царю сквозь лес шпангоутов, рискуя не только порвать свои бархатные и кружевные одеяния, но сломать себе шею.

Кампредон пытался разъяснить царю, насколько возрастет его слава, если он проявит великодушие и вернет Швеции завоеванные провинции. На это Петр со смехом ответил, что ради славы он охотно поступил бы так, если бы не боялся божьего гнева в случае, если он отдаст то, что стоило его народу стольких трудов, денег, пота и крови. Два месяца хлопотал Кампредон в Петербурге и ничего не добился. Однако его «посредничество» не пропало даром. Он смог понять, насколько могущественна теперь

Россия. Его потрясло увиденное им необычайное зрелище: новые линейные корабли один за другим спускались со стапелей на воду в разгар морозной зимы. Петр приказал вырубать огромные проруби, куда сходили корабли, чтобы освободить стапеля; здесь же немедленно закладывались новые.

Вернувшись в Стокгольм, Кампредон заявил шведам, а заодно и английскому послу Картерету, что нет никаких шансов добиться от русских уступок и надо поскорей заключать мир, пока не поздно. Он сообщал, что могущество России возрастает такими темпами и приобретает такие масштабы, что в будущем Петр сможет потребовать еще больше. Именно это внушали петровские дипломаты Кампредону, и тем самым его миссия оказалась полезной для России.

Нельзя не привести оценку, данную Кампредоном, сущности внешней политики и дипломатии Петра: «В войне ли или в мире, но если этот государь проживет еще лет десять, его могущество сделается опасным даже для самых отдаленных держав. Хотя я мало времени пробыл здесь, но достаточно могу судить, что он осторожно поступает с ними единственно ради своих интересов и чтоб добиться своей цели, и как бы он ни принимал иностранцев — в дружеских ли сношениях, по делам ли торговли, но они никогда не добьются от него никаких выгод иначе, как если царь убедится, что они нужны ему». Нетрудно заметить, что эта оценка не отличается дружественным тоном и причина этого понятна. Любопытно другое: представитель самой изощренной в мире дипломатии с искренним огорчением и бесподобной наивностью констатирует, что, оказывается, другие тоже умеют защищать интересы своей родины и притом с гораздо большим искусством и эффективностью, чем это удалось Кампредону, не получившему ровным счетом ничего от своей миссии в Петербурге.

Без всяких посредников 28 апреля 1721 года в финском городке Ништадт встретились, наконец, за круглым столом «в средней светелке конференц-хауза» дипломаты России и Швеции для заключения мирного договора. Россию представляли по-прежнему Брюс и Остерман. Как пишет С. М. Соловьев, по случаю начала переговоров «последний выпросил себе титул барона и тайного советника канцелярии». Но зато он уgomонился в своем интриганстве, и первую роль теперь играл Яков Вилимович Брюс.

На первый взгляд, перед дипломатией Петра стояла предельно простая задача. Всем стало ясно, что дальнейшие проволочки с заключением мира бессмысленны, а для Швеции — смертельно опасны. Даже главный враг установления мира на Балтике — Георг I умолял нового шведского короля не медлить с заключением мира. Англия, ослабленная тогда финансовым крахом, освободилась от инициатора экспансии на Балтике Стэнгопа: он умер в январе 1721 года. Его сменил Тоунсенд, который раньше осуждал авантюризм Стэнгопа, угрожавший втянуть Англию в войну с Россией. Для самой Швеции заключение мира было жизненной необходимостью. И тем не менее ништадтские переговоры оказались сложной, затяжной операцией. Шведский король Фредерик I, Государственный совет, их представители в Ништадте как будто унаследовали тупое упорство и бессмысленную спесь Карла XII.

Петр все это предвидел. Поэтому к лету 1721 года его армия и флот были подготовлены, чтобы по-настоящему вторгнуться в Швецию и разгромить ее до конца. Но царь не хотел доводить до этого и поэтому приказал лишь вновь провести высадку небольших десантов. Галерный флот доставил к шведскому побережью 5000 солдат и казаков, и они беспрепятственно уничтожали заводы, склады, корабли. Шведские войска не осмеливались оказывать серьезное сопротивление. И снова английский флот адмирала Норриса ничего не смог предпринять для защиты союзника.

Петр пустил в ход и методы дипломатического давления. Среди них важнейшее место занимало использование притязаний герцога Карла-Фридриха Голштейн-Готторпского, племянника Карла XII. Дело в том, что он претендовал на шведский трон и у него были сторонники в самой Швеции. Герцог давно уже искал покровительства Петра и сватался к его старшей дочери Анне. Петр демонстративно пригласил голштинского

герцога в Петербург и в июне весьма радушно принял его. Это вызвало явную тревогу Фредерика I, который понял, что может в конце концов лишиться короны, если замедлит с заключением мира.

Петр лично руководил переговорами. Множество документов свидетельствуют о том, что Ништадтский мир — это прежде всего плод личной дипломатической деятельности царя. «Кондиции», или условия мира, «Премемория» — разъяснение этих условий, несколько рескриптов русским уполномоченным, собственноручные ответы Петра на запросы Брюса и Остермана, множество его указаний даже в отношении мелких деталей установления новой русской границы — все это, не говоря уже об устных царских повелениях, свидетельствует о его огромном личном вкладе в успех мероприятия, призванного достойно завершить 20-летнюю войну. К сожалению, нет возможности подробно описать все происходившее, тем более что это сделано в специальных исследованиях. Отметим лишь некоторые характерные штрихи исторических переговоров. Прежде всего немыслимое упорство шведов в отстаивании совершенно безнадежных претензий. Вначале они вообще заявили, что «скорее согласятся дать обрубить себе руки, чем подписать такой договор». Однако подписали этими самыми руками. Но каких усилий это потребовало! Дело дошло до смешного; шведские представители, например, требовали, чтобы в перечне уступленных ими городов числился Петербург! Русская сторона не поступилась ничем. Более того, если в конце Аландского конгресса Россия соглашалась на временное, на 40 или 20 лет, присоединение Лифляндии, то теперь она отходила к России навечно. В то же время русские представители пошли на уступки ради главного — скорейшего подписания договора. Россия уступила Швеции Финляндию, согласилась не настаивать на включении в договор претензий голштинского герцога, за Лифляндию выплачивалась двухмиллионная компенсация. Швеция получала право беспощинно закупать русский хлеб и т. д. Но представители России не пошли на заключение прелиминарного договора, рассчитанного на то, чтобы снова затянуть дело.

30 августа 1721 года Ништадтский договор был подписан. Между Россией и Швецией устанавливался «вечный, истинный и ненарушимый мир на земле и воде». Швеция уступила Петру и его преемникам в полное, неотрицаемое, вечное владение и собственность завоеванные русским оружием Ингерманландию, часть Карелии, всю Эстляндию и Лифляндию с городами Рига, Ревель, Дерпт, Нарва, Выборг, Кексгольм, островами Эзель и Даго.

Ништадтский мирный договор явился главным дипломатическим документом царствования Петра Великого, главным достижением его внешней политики. Это был не только успешный итог тяжелой и долгой войны. Ништадтский мир — признание плодотворности тяжких усилий всего русского народа, великий успех преобразовательной деятельности Петра. Получив сообщение о подписании договора, Петр выразил огромную радость, что «сия трехвременная жестокая школа такой благой конец получила», что никогда «наша Россия такого полезного мира не получала». В письме к послу в Париже В. Л. Долгорукому Петр пояснил свое сравнение Северной войны с «жестокой школой»: «Все ученики науки в семь лет оканчивают обыкновенно; но наша школа троекратное время была (21 год) однакож, слава богу, так хорошо окончилась, как лучше быть невозможно».

Эта оценка Ништадтского мира самим Петром требует особого внимания. Она прежде всего отличается поразительной самокритичностью, которая вообще была свойственна Петру по отношению к собственной деятельности. Но гораздо важнее в ней другая сторона дела. Петр говорит не просто об успехе вооруженной борьбы, о победе в русско-шведской войне; речь идет и о победе России над своей отсталостью. Северная война — это не рядовое, ординарное испытание сил разных стран, как, скажем, война за испанское наследство. Война имела уникальный характер, поскольку она была использована в качестве средства ускорения процесса внутреннего преобразования

России, выходявшего далеко за рамки необходимости усиления ее военной мощи. Но Петр говорит также, что обычный семилетний курс обучения России пришлось проходить за втрое больший срок, за 21 год. Это и дало основание В. О. Ключевскому вообще поставить под сомнение положительное значение как самого Ништадтского договора, так и всей внешней политики Петра. «Ништадтский мир 1721 года,— пишет историк,— положил запоздалый конец 21-летней войне, которую сам Петр называл своей «трехвременной школой», где ученики обыкновенно сидят по семи лет, а он, как туго понятливый школьник, засиделся целых три курса, все время цепляясь за союзников, страшась одиночества, и только враги — шведы открыли ему, что вся Северная война велась исключительно русской силой, а не силой союзников». Приведенное суждение знаменитого историка нельзя признать справедливым. Оно было бы верным, если бы Петр упустил какую-то реальную возможность заключить мир с Швецией раньше 1721 года. Более того, если бы, скажем, сразу после Полтавы удалось добиться прекращения войны, то Россия приобрела бы самое большее Петербург с частью Ингерманландии и, в лучшем случае, Нарву. Позиции России на Балтике были бы стратегически крайне уязвимы. Это была бы куца, неполноценная победа. Но даже такой возможности не оказалось. На протяжении всей Северной войны ведущие европейские державы с разной степенью активности и в разных формах удерживали Швецию от выхода из войны. А усилия петровской дипломатии долго оставались напрасными в деле достижения мира. Но зато они принесли свои плоды в том, что удалось оттянуть время реального формирования общеевропейского блока против России до того момента и до такой обстановки, когда он был ей не страшен. И этою Петр достиг благодаря тому, что боялся «одиночества».

Возможно, что надежды Петра на использование «силы союзников» действительно оказались преувеличенными, и он только в 1710 году, после неудачи десанта в Сионе, окончательно понял это. И все же несомненная польза от Северного союза даже в этот, второй период его существования была. Так, удавалось изолировать Швецию, сдерживать маневры антирусских сил в те годы, когда Петр еще не был уверен в мощи своего балтийского флота. Ништадтский мир с его великолепными для России условиями можно было вырвать у шведов лишь после того, как они лишились поддержки Европы, особенно Англии. И когда такое время настало, действия Петра оказались необычайно динамичными, смелыми и эффективными. Мир был заключен, и он означал не только прекращение военных действий между Россией и Швецией, это была победа над всеми враждебными Петру силами Европы. Поэтому Ништадтский мир и не вызвал их радости. Напротив, они даже не смогли удержаться от демонстрации этой враждебности в связи с вопросом о признании нового, императорского титула Петра. 22 октября во время торжественной церемонии по поводу Ништадтского мира канцлер Г. И. Головкин от имени Сената обратился к Петру с просьбой в ознаменование его заслуг, оказанных России, принять титул «Отца Отечества, Петра Великого, Императора Всероссийского». Хотя эта акция внешне выразилась в формах придворного подобиострастия, она содержала в себе важное новшество как внутреннего, так и международного характера. Практическое значение из этих высоких званий имел прежде всего титул императора, в связи с чем Россия становилась империей. Когда-то в Древнем Риме, императорами провозглашали полководцев по случаю какой-либо крупной победы или завершения удачной войны. На этот прецедент и ссылались русские сенаторы. Однако Петр стал императором не только в воздаяние и награду за его действительно титанические труды и подвиги в Северной войне. Такой шаг отвечал государственным интересам России. Он не случайно совпадает с моментом решающего этапа в формировании русского абсолютистского государства, будучи выражением его резко возросшего могущества и утверждения нового международного положения России.

В конце XV века Иван III применял титул «царя всея Руги». Слово «царь» было сокращением латинского «цесарь», то есть император. В то время новый титул служил

утверждению суверенитета Московского государства, его полной независимости от татаро-монгольского ига. Кроме того, играла определенную роль теория Москвы как «третьего Рима». В этом смысле московские цари и в XVII веке в дипломатических документах на латинском языке именуют себя «императорами». Притязания и на византийское наследство, на вселенский характер власти московского государя ограничиваются, правда, словами «всея Руси». И при Петре не раз обсуждается идея принятия царем титула «Восточноримского императора», что означало бы попытку возрождения идеи «третьего Рима». Петр решительно отвергает эти поползновения, отказываясь тем самым от экспансионистского назначения русского государства, предпочитая титул «Всероссийского императора». Даже в ответной речи на сенаторскую просьбу о принятии нового титула он снова повторяет свою обычную критику Восточной римской империи. Таким образом, отрицается восточная принадлежность России. Сам термин «царь», не применявшийся европейскими монархами, в начале XVIII века уже приобрел восточный оттенок. Принятие титула императора, напротив, подчеркивало европейский характер России. Используя прилагательное «всероссийский», а не «римский» или «восточный», Петр стремился к возвышению России.

Л то время в Европе был только один император — глава Священной Римской империи германской нации. Действовал порядок старшинства христианских монархов, по которому этот император обладал приоритетом, первенством по отношению к остальным королям. Поэтому осложняется проблема дипломатического признания титула нового императора всероссийского европейскими государствами. В XV — XVII веках никто в Европе не возражал против использования русскими царями любого, самого громкого титула, поскольку Россия рассматривалась в качестве слабого и далекого восточного княжества. К ней и относились так же, как к правителям Турции, Индии, Китая, Персии, пышные и цветистые экзотические титулы которых принимались без возражений. Еще в 1710 году английская королева Анна по собственной инициативе именовала Петра императором, принося свои извинения за известный инцидент с русским послом Матвеевым.

Но теперь положение стало иным. Россия настолько успешно и ощутимо вошла в систему европейских международных отношений, что к ней стали подходить с мерками и нормами, принятыми в Европе. Признание Петра императором, а России — империей означало согласие считать ее великой европейской державой, по меньшей мере равной Германской империи. О желательности официального признания нового титула уведомили всех иностранных послов и резидентов в Петербурге. Сразу выступила с признанием только Пруссия. Голландия признала Петра императором в 1722 году, Дания — в 1723. Правда, других признаний Петр при жизни не дождался. Императорский титул русских царей признавали постепенно, в связи с улучшением отношений или в моменты, когда нуждались в русской поддержке (Швеция — 1733, Германская империя — 1747, Франция — 1757, Испания — 1759, Польша — 1764 и т. д.). Такая картина служила отражением прежней тенденции противодействия возвышению России. После Ништадтского мира это свидетельствовало о нежелании или неспособности осознать новую расстановку сил в Европе, новую роль России, безоговорочно утвержденную ее победой в Северной войне.

НЕОКОНЧЕННОЕ ЗАВЕРШЕНИЕ

По случаю Ништадтского мира Петр устроил невиданно пышный и яркий праздник, сначала в Петербурге, потом в Москве. Здесь было все: торжественные богослужения, военные парады, фейерверки, маскарады и множество другого. Вообще, по части организации триумфов Петр отличался необычайной фантазией, а на этот раз он превзошел самого себя. Как писал С. М. Соловьев, «Петр веселился, как ребенок, плясал по столам и пел песни». Народ бесплатно угощали вином и пивом. Русские послы во всех

европейских столицах устроили многодневные праздники, приемы и угощения, участвовать в которых приглашали всех желающих. Ликовали от души с русским размахом...

Невозможно было не радоваться успешному окончанию такого жестокого испытания, каким явилась для России Северная война. Петр писал в черновике предисловия к «Истории Свейской войны»: «Итак, любезный читатель уже довольно выразумел, для чего сия война начата, но понеже всякая война в настоящее время не может сладости приносить, но тягость, того ради многие о сей тяжести негодуют...» 22 октября 1721 года, принимая титул императора, Петр в ответной своей речи говорил, что надо теперь продолжать начатые преобразования, «дабы народ чрез то облегчение иметь мог». Петр искренне стремился к благу своего государства, и поэтому на протяжении всей Северной войны не прекращалась его преобразовательная деятельность. Уникальное своеобразие этого периода в истории России состоит в том, что тяжелая война осуществлялась одновременно с множеством реформ, охватывающих всю жизнь русского общества. Войны нередко служили катализатором социального, экономического и политического развития. Об этом свидетельствует история многих стран. По обыкновению крупные преобразования проводятся либо после окончания войны, либо при подготовке к ней. В России же война и преобразования происходили одновременно, хотя законодательная деятельность Петра распределялась неравномерно и по-настоящему развернулась только после Полтавы. В первое десятилетие войны издается около 500 разных указов Петра, а во второе — 1238 и примерно столько же за четыре года, от 1720 до смерти императора. Реформы охватывали все области жизни: от организации высших органов власти до мелких правил быта и труда крестьян. Но их главная задача сводилась к одному — к мобилизации сил страны для войны, для обеспечения ее внешней политики. Практически речь шла о деньгах, которых требовалось все больше. Львиная доля шла на армию, которая к концу царствования достигала 210 тысяч человек. Кроме того, 40 тысяч числилось во флоте, в котором было уже 48 линейных кораблей и свыше пятисот средних и мелких судов. Около 100 тысяч насчитывало нерегулярное казацкое войско.

Основной источник поступления денег — налоги, ими облагался каждый крестьянский двор, каждое хозяйство, семья. Налогов этих существовало множество и непрерывно вводились все новые. Распределялись они неравномерно; в то время как основная масса крестьян платила за все, были большие группы населения, которые вообще не облагались налогами. Сбор и учет налогов проводились кое-как, создавая условия для всяческих злоупотреблений. Половина собранных денег разворовывалась. Не случайно, одновременно с учреждением Сената Петр создал институт фискалов — зародыш контрольного аппарата за соблюдением законов.

А в 1718 году, после изучения положения, анализа множества проектов налоговой реформы, знакомства с зарубежным опытом, Петр проводит всероссийскую податную реформу. Теперь вместо «двора» налогом облагалась «душа» мужского пола. Единая подушная подать в 74 копейки в год заменяла десятки разных налогов. Сразу возникло множество задач, начиная с определения самого количества этих душ, то есть с проведения переписи населения, или «ревизии». Поэтому введение подушной подати растянулось на несколько лет и потребовало невероятных усилий, прежде всего от самого Петра. В результате был достигнут поразительный эффект: государственный доход увеличился в три раза! Это явилось следствием распространения налогообложения на значительную часть населения, которая раньше вообще не платила налогов (помещичья дворня, холопы, много городских или посадских жителей, часть мелкого духовенства и т. п.). Но получили ли русские люди «облегчение», о котором мечтал Петр? Ответ на этот вопрос крайне сложен. Некоторые историки вроде П. Н. Милюкова решили его невероятно легко: раз доход возрос в три раза, то и тяготы народа также возросли в таком же размере. По этому поводу вот уже почти столетие среди историков идет дискуссия. И только в самое последнее время удалось получить более или менее точную картину

благодаря новым исследованиям современных историков. Оказалось, что отдельные группы населения стали платить меньше, а другие больше. В среднем же тяжесть налогообложения возросла примерно на 15 процентов. Учитывая, что общая сумма собранных денег возросла в 3 раза, эффективность податной реформы совершенно очевидна. В тех социально-экономических условиях ничего лучшего придумать было невозможно. Не случайно, новый порядок сбора налогов продержался без принципиальных изменений полтора века.

Но успех реформы был только финансовым, чего нельзя сказать о ее социальных и политических последствиях. Правда, она оказала определенное положительное воздействие на все экономическое развитие страны. Увеличилась, например, крестьянская запашка, а значит, и количество производимых в стране продуктов сельского хозяйства. Производительные силы страны возросли. Но она имела и отрицательные последствия. Подушная подать не распространялась на дворянство и служилое духовенство, в результате произошло четкое разделение на тех, кто работает, и тех, кто пользуется этим трудом. Реформа закрепила и усилила крепостное право — главный тормоз социального развития, основную причину отставания. Новый зарождавшийся способ производства, в то время самый прогрессивный, — капитализм не получил благоприятных условий для развития. Главное, что для него требовалось, — свободные наемные рабочие. Их число не увеличилось, а уменьшилось. Реформа не ускорила социальное развитие.

Правда, промышленность росла. К концу царствования Петра работали около двухсот заводов, фабрик, мануфактур. Россия освободилась от опасной иностранной зависимости в производстве многих товаров. В некоторых областях промышленности она вышла на одно из первых мест в мире, например в производстве металла. Изменился и характер промышленности. Сначала она была целиком казенной, государственной. Теперь появляется гораздо больше частных предприятий. Однако их было еще очень мало, и производство на них подчинялось жесткой государственной регламентации. Трудовые, творческие, предпринимательские потенции страны не получили простора. Этого и не могло случиться, пока на плечах России лежало тяжкое крепостное право, которое тормозило, давило, душило все.

Особенно сложно было создать систему государственного управления. Старые учреждения и методы явно не годились, и Петр формирует новые, но рождались они не сразу, а в ходе поисков, проб, ошибок и их исправления. Если в первое десятилетие Северной войны все делалось наспех, чтобы любой ценой решить неотложную задачу спасения страны, то теперь требовалось создать что-то постоянное, надежное, эффективное.

Старые московские приказы давно обанкротились, и в конце 1717 года Петр создает коллегии, своего рода министерства. Но только в 1720 году они начинают работу. Несколько коллегий ведали финансами — Камер-коллегия (доходы), Штатс-контор-коллегия (расходы), Ревизион-коллегия (контроль). Другие призваны были руководить экономикой: Коммерц-коллегия (внешняя торговля), Берг- и Мануфактур-коллегия (тяжелая и легкая промышленность). Дело было новое, людей не хватало, и организация коллегий, налаживание их работы растянулось на многие годы. Правда, ряд коллегий унаследовал дела старых приказов: Военная, Адмиралтейская и, конечно, Коллегия иностранных дел.

Эта коллегия не имела в новой столице даже специального помещения. Сначала посольская канцелярия — учреждение переходного периода между старым Посольским приказом и новой коллегией — размещалась просто в доме канцлера Г. И. Головкина или у вице-канцлера П. П. Шафирова. Одно время находилась она на Петербургской стороне, во временном царском дворце, а потом на Васильевском острове, во дворце князя Меншикова, в самом лучшем тогда здании Петербурга. К нему были пристроены для этого посольские деревянные хоромы в два этажа. В коллегии было 120 сотрудников, не считая персонала заграничных представительств, число которых превысило два десятка.

При учреждении Коллегии иностранных дел (только в 1832 году она будет преобразована в министерство) Петр определил ее задачи и принципы организации. Император повелел: «К делам иностранным служителей коллегии иметь верных и добрых, чтобы не было дыряво, и в том крепко смотреть, и отнюдь не определять туда недостойных людей или своих родственников, особенно своих креатур. А ежели кто непотребного во оное место допустит или, ведая за кем в сем деле вину, а не объявит, то будут наказаны, яко изменники».

Нелегко было наладить работу новых учреждений. Русские дворяне не привыкли к коллегиальной, коллективной, работе. Даже заседания самого Правительствующего Сената нередко превращались в скандальные перебранки. Петр вынужден был назначить дежурство гвардейских офицеров, которые следили за сановниками, а в случае непристойного поведения отводили их в крепость. Затем для наблюдения и контроля над Сенатом Петр назначил генерал-прокурора П. Ягужинского.

Поистине отчаянные стремления и усилия преобразователя по утверждению разумного, прогрессивного начала в новых органах власти оказались напрасными. Аппарат нового государства оказался не самым удачным из всех плодов его усилий. Только коллегии военные и дипломатическая работали более или менее успешно. В целом же возникла в конце концов хотя и новая по внешним формам, но старая по социальной сущности, громоздкая, неповоротливая машина бюрократии. Эффективно она действовала только в одном направлении — в обеспечении интересов дворянства. Но оно вскоре после Петра превратилось из класса работающего, каким он хотел его видеть, в скопище праздных паразитов, сосавших кровь народа. Ну, а исключения из этой печальной закономерности только подтверждали злосчастную и пагубную для родины историческую судьбу русского дворянства.

Петр, создавая систему управления Российской империи, стремился вложить в нее то, что было смыслом самого его существования. Он направил, как справедливо пишет В. О. Ключевский, на защиту интересов государства «всю несокрушимую энергию своей могучей природы». Но беда в том, что народ России эту благородную мысль не чувствовал и не знал. Реальную власть в правительственных органах, создававшихся Петром, получили представители господствующего класса, которым не было никакого дела до народного блага. Более того, они не понимали даже своей кровной сословной заинтересованности в успехе начинаний Петра. Дворянство, то есть тот класс, для блага которого фактически больше всего трудился Петр, помогало ему только из-под палки в переносном и прямом смысле этого слова. Мало было таких, кто видел смысл и необходимость в законодательной деятельности Петра. Даже его ближайшие соратники подавали пример в пренебрежении к закону.

Конечно, чувство долга в деле защиты интересов России против внешних врагов, на войне или на поприще дипломатической деятельности, Петру все же удалось воспитать. Но по отношению к своему государству внутри страны те же люди поступали иначе. Сам царь был воплощением невиданно самоотверженного служения интересам государства. А его соратники видели в нем лишь источник получения личных выгод. Закоренелая старомосковская традиция «кормления» за счет своей должности продолжает господствовать и вся сила деспотической власти царя, вся его энергия оказываются бессильными в борьбе против пренебрежения законностью, особенно в борьбе с казнокрадством.

Петр издавал указ за указом, грозя самыми страшными карами. Однажды, узнав о новых фактах казнокрадства, Петр приказал генерал-прокурору Ягужинскому: «Напиши именной указ, что если кто и настолько украдет, что можно купить веревку, то будет повешен». «Государь,— ответил Ягужинский,— неужели вы хотите остаться императором один без служителей и подданных? Мы все ворует с тем только различием, что один больше и приметнее, чем другой».

Больше всех воровал ближайший сподвижник Петра А. Д. Меншиков, обладатель высших чинов, званий, должностей и несметных богатств. Он крал миллионами. С 1713 года светлейший князь непрерывно находился под следствием за свои открывающиеся одно за другим грабительские дела. Его заставляли вносить в казну присвоенные деньги, но он не мог остановиться. Хотя от прежней дружбы его с Петром уже мало что осталось, Меншикову все же удавалось уцелеть. Иной была судьба других казнокрадов.

Губернатор Сибири князь М. П. Гагарин был казнен. На эшафоте кончил жизнь и обер-фискал А. Нестеров, разоблачавший многих казнокрадов, но проворовавшийся сам. В разных махинациях были замешаны Г. И. Головкин, Ф. М. Апраксин, П. А. Толстой и многие другие. Особо следует остановиться на деле вице-канцлера П. П. Шафирова.

Уже много было рассказано о дипломатической деятельности Шафирова, о его заслугах перед Россией и перед Петром, хотя царь никогда до конца не верил в его преданность делу преобразования России. До поры до времени император терпел неистребимую страсть Шафирова к интриганству, он даже использовал в дипломатии его непревзойденное умение затемнить сознание партнера изощренной хитростью. Но, видимо, чаша терпения переполнилась, когда Шафиров совершенно нагло стал проявлять полнейшее презрение не только к окружающим, но и к законам Петра, то есть, в сущности, к самому императору. Впрочем, уже достаточно говорилось о недостатках, пороках этого безусловно талантливого дипломата. Что касается хищений, то крупных дел за ним не обнаружилось. Его ставшая известной вина состояла лишь в том, что он выдал лишнее жалование своему брату, да в бытность во Франции израсходовал какие-то казенные деньги на свои нужды.

По сравнению с делами Меншикова это были пустяки. Однако подвели Шафирова чудовищное самомнение и вздорный характер; при разборе дел в Сенате он не только учинил скандал, но и грубо нарушил регламент, за что и был предан суду в нарушение указа от 17 апреля 1722 года о соблюдении законов. А в указе Петра было сказано: «Кто оный указ преступит под какою отговоркою ни есть, то яко нарушитель прав государственных и противник власти казнен будет смертью без всякой пощады, и чтоб никто не надеялся ни на какие заслуги, ежели в сию вину впадет».

Высший суд приговорил Шафирова к смерти, и голова его легла на плаху, палач занес топор, но в последний момент Петр попреки своему же указу пощадил приговоренного и заменил смертную казнь ссылкой. Наказание Шафирова ограничилось недолгим пребыванием в Новгороде. После смерти Петра он снова окажется у власти. В конце концов в печальной памяти царствование Анны Ивановны, которое было раем для сановных воров, особенно из иноземцев, Шафиров станет президентом Коммерц-коллегии. На этом посту его наклонности к стяжательству получают полный простор, и он, по словам некоторых современников, превратит свое почтенное ведомство в «правительственный воровской притон». Так что на плахе его голова лежала как бы авансом...

Но только ли авансом? Нет никакого сомнения в том, что кроме официально объявленного преступления Шафиров совершил нечто такое, что вызвало возмущение Петра, многое прощавшего своим соратникам. Видимо, это было что-то гораздо более серьезное, чем уже упоминавшийся факт секретной переписки Шафирова с Остерманом. Ведь они совершили то, что квалифицировалось в те времена как «слово и дело государево», пытались проводить в дипломатии свою собственную политику втайне от суверена, носителя высшей власти, от самого Петра. Что это — сговор, измена? Трудно уверенно ответить на такой вопрос. Бесспорно, что здесь, в сфере дипломатии, проявление того же сопротивления и оппозиции, с которыми Петр столь часто сталкивался во внутренней политике.

Не зря бесчисленные указы Петра, начинаясь обычно с убеждения в целесообразности предписываемых мер, неизменно заканчиваются угрозой жестокого

наказания за невыполнение их. Сталкиваясь непрерывно с пренебрежением к закону, Петр пришел к убеждению, что от людей можно добиться чего-либо только «жесточью».

Один из иностранных дипломатов в своих воспоминаниях приводит такие слова самого Петра, сказанные им однажды с чувством страстной откровенности. «Знаю, что меня считают тираном. Иностранцы говорят, что я повелеваю рабами. Это неправда: не знают всех обстоятельств. Я повелеваю подданными, повинующимися моим указам: эти указы содержат в себе пользу, а не вред государству. Надобно знать, как управлять народом. Английская вольность здесь не у места, как к стенке горох. Честный и разумный человек, усмотревший что-либо вредное или придумавший что полезное, может говорить мне прямо без боязни. Вы сами тому свидетели. Полезное я рад слушать и от последнего подданного. Доступ ко мне свободен, лишь бы не отнимали у меня времени бездельем. Недоброхоты мои и отечеству, конечно, мной недовольны. Невежество и упрямство всегда ополчались на меня с той норы, как задумал я ввести полезные перемены и исправить грубые нравы. Вот кто настоящие тираны, а не я. Я не усугубляю рабства, обуздывая озорство упрямых, смягчая дубовые сердца, не жестокосердствую, переодевая подданных в повое платье, заводя порядок в войске и в гражданстве и приучая к людскости, не тиранствую, когда правосудие осуждает злодея на смерть. Пускай злость клеветает: совесть моя чиста. Бог мне судья! Неправые толки в свете разносит ветер».

Этим красноречивым признанием можно и ограничиться, говоря о гигантской, поистине необъятной и разнообразной деятельности Петра по внутреннему преобразованию России. В конце концов наша задача — рассказать лишь о внешней политике, о дипломатии Петра Великого. А в этом деле и после Ништадтского мира забот, тревог и проблем меньше не стало. Но теперь в центре внимания внешней политики Петра оказались восточные дела. Собственно, на протяжении всей Северной войны ему приходилось с тревогой оглядываться па восток. Неприятности, которые доставляла Турция, были только частью невзгод, испытываемых тогда Россией. Если на западных границах все же были периоды мирных отношений, то на своих восточных рубежах русские их не знали.

Там шла война непрерывная в виде постоянных набегов тех, кого Маркс называл «кочевыми татарскими разбойниками». Ущерб от разорения русских городов и деревень в общей сумме превышал то, что потерпела Россия от сравнительно короткого шведского нашествия. Число уведенных в рабство русских за два десятка лет Северной войны в несколько раз превзошло потери в войне против шведов. Не зря, например, заводы на Южном Урале внешне представляли собой укрепленные и вооруженные крепости, обнесенные стенами, на которых стояли пушки. Бесчинствовали кочевники, угрожавшие району Терека. Их конные орды переходили через Яик, продвигаясь до Астрахани, Саратова, Пензы. Они выжигали деревни, захватывали скот, убивали или уводили в рабство мирных жителей. Положение тут было не лучше, чем в Южной Украине, подвергавшейся набегам крымских татар.

С. М. Соловьев писал, что русским «было много дела с калмыками, этими последними представителями движения среднеазиатских кочевых орд на запад, в европейские пределы. Калмыки запоздали, натолкнулись на сильную Россию и волею-неволею должны были подчиниться ей».

Действительно, калмыки поселились в низовьях Волги только в начале XVII века, придя сюда из Средней Азии. Сущность их появления была аналогичной вторжению татаро-монгольских орд на Русь в XIII веке. Только они оказались неизмеримо слабее, а Россия — сильнее. Поэтому рабовладельческая и феодальная верхушка кочевников, хотя и просила принять их под российское подданство, но ни на минуту не оставляла своих враждебных происков. В основе их натиска на русские районы лежали социально-экономические причины. Они не знали сельскою хозяйства, не умели обрабатывать землю, занимались примитивным скотоводством, охотой и собирательством даров природы.

Роль России по отношению к этим народам определил еще Ф. Энгельс: «Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к Востоку... господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар».

Но эта цивилизаторская миссия дорого обошлась России, и Петр ждал окончания Северной войны, чтобы начать решение проблемы безопасности южных границ. Играли свою роль и экономические, торговые интересы. До этого монополия на торговлю с Азией находилась в руках Англии, Голландии, Португалии. Европейские купцы с величайшей выгодой использовали Россию в качестве транзитного пути. Теперь, когда удалось приобрести выход к Балтике, Россия должна была взять посредническую торговлю со странами Азии в свои руки. Соловьев писал о Петре, что «приобретение каспийского побережья он считал необходимым дополнением к приобретению побережья Балтийского».

В зарубежной исторической литературе связи России со странами Азии очень часто пытаются отождествлять с традиционной колониальной политикой западноевропейских стран. Подобные аналогии не имеют смысла. Расширение России происходило не в странах, расположенных за морями или океанами, а распространялось на территории, являвшиеся непосредственным продолжением русских земель. Это был процесс, аналогичный формированию национальных территорий таких стран, как Франция, распространение центральной власти которой на Бретань, Прованс, Лангедок или Корсику никому не приходит в голову объявлять колониальной политикой. Точно так же включение в состав Англии Шотландии или Уэльса являлось естественным процессом территориального государственного образования, которое в России лишь несколько задержалось во времени, а по сравнению с Соединенными Штатами Америки происходило, напротив, намного раньше. Россия просто не нуждалась в колониях, поскольку имела много собственных неосвоенных земель. Расширение русской территории носило к тому же в основном не завоевательный, а мирный характер, как это было, например, в Сибири. Если же присоединение приобретало военные формы, то (как на Кавказе) это являлось, по существу, борьбой с Турцией или Персией, противодействием их экспансии или потенциальной опасности западной колонизации.

Характерны отношения России с самым далеким на ее азиатских соседей — с Китаем. На Дальнем Востоке политику территориальной экспансии в направлении забайкальских земель осуществляла маньчжурская династия, правившая Китаем. Плодом этой экспансии, в частности, явился Нерчинский договор 1689 года, который был навязан России, и его пришлось соблюдать в течение веков. Пекин проводил традиционную политику максимальной изоляции от внешнего мира. Единственным исключенным служила утвердившаяся там более чем за два века до петровских времен колония католических отцов-иезуитов. Естественно, сказывалась также географическая удаленность. Чтобы проделать путь до Пекина и обратно в Россию, торговым и дипломатическим миссиям требовалось два года.

В 1692 году из Москвы в Пекин отправилась миссия Елизария Избранта. Она не имела успеха; привезенную им царскую грамоту и подарки даже не приняли. Но зато развивались торговые отношения, которые оказались настолько выгодным делом, что им занялось государство, точнее его Сибирский приказ. С 1699 по 1717 год через Иркутск в Пекин прошло семь больших караванов. В 1706 году Петр издал указ о полной государственной монополии на торговлю с Китаем, которая достигла вскоре огромного оборота в 200 тысяч рублей в год. Но продолжалась частная полуполюгальная торговля через торг в Урге. Чтобы совершить выгодную поездку в Пекин, купцы часто отправлялись туда под видом дипломатов. В китайских архивах хранятся документы о том, что за период с 1689 по 1730 год в Пекине было принято 50 русских посольств. В действительности же Россия за это время направляла 3 послов и 14 торговых караванов.

В отдельные периоды в Китай вообще запрещалось приезжать русским купцам, но торговля шла непосредственно на границе, в Монголии, где русские покупали в основном чай, а продавали меха.

В 1719 году в Китай направили чрезвычайного посла капитана Л. Измайлова. Ему поручили договориться об установлении постоянного русского представительства, о постройке церкви, о свободной и беспошлинной торговле, получить право держать в Пекине консула и т. п. Ни по одному из этих дел не договорились. Не обошлось, видимо, без влияния католиков-иезуитов, опасавшихся конкуренции православной церкви. Только в 1728 году петровскому дипломату С. Рагузинскому удалось заключить договор с Китаем, определивший границы, пункты для пограничной торговли и провозгласивший вечный мир. Но, как и раньше, не договорились об учреждении дипломатических представительств; отношения сохранили эпизодический, ограниченный характер. И хотя оставалось еще много нерешенных вопросов относительно приграничных земель на русском Дальнем Востоке, Петру и его соратникам и в голову не приходила мысль, что их следует решать каким-то другим способом, кроме терпеливой дипломатии.

Постоянных политических отношений не имела Россия до Петра и со среднеазиатскими ханствами — Хивой и Бухарой, расположенными по Амударье. Между тем ходили слухи, что среднеазиатские реки необычайно богаты золотом. В 1714 году по Иртышу к югу двинулась экспедиция подполковника Бухгольца. Долгий и опасный поход едва не сорвался из-за нападений калмыков. Но он достиг многого: по его пути возникли крепости, а потом и города Омск, Семипалатинск, Усть-Каменогорск и др. В начале 1716 года в Среднюю Азию с другой стороны, от Астрахани, двинулась экспедиция кабардинского князя Бековича-Черкасского. На восточном берегу Каспийского моря у Красноводского залива основали крепость. Затем отряд в три тысячи человек двинулся сухим путем к Хиве. Это был не завоевательный поход, а экспедиция с целью изучения края и с дипломатической задачей установления дружеских связей с Хивой и Бухарой. Петр подчеркивал, что Бекович-Черкасский направлен в качестве посла. Царь велел также выяснить наличие торгового пути в Индию. Однако у озера Айбугир двухтысячный отряд Бековича подвергся нападению 20-тысячного хивинского войска. Русские разгромили эти силы. Затем хан Ширгазы вступил в переговоры и пригласил русских в свои города, уговорив их разделить на пять небольших отрядов. Отважный, но доверчивый кабардинец Бекович-Черкасский наивно согласился, и русские были коварно уничтожены. Казнили и самого князя.

Гораздо успешнее оказалось русское посольство в Бухару во главе с Ф. Беневини, который провел там несколько лет и собрал ценные сведения об особенностях, богатствах, о политических возможностях для России в Средней Азии. Но этим и ограничились действия Петра в отношении закаспийских земель. Во всяком случае было намечено важное направление внешней политики России, которое в будущем приобретет большое значение.

Вообще, подобными экспедициями, начинаниями, идеями, гипотезами Петр как бы ставил русским задачи на будущее. Яркий пример тому — его предсмертное поручение Ивану Ивановичу (Витусу Ионассену) Берингу определить географическое взаимное расположение России и Америки, задание, которое Беринг героически выполнил уже после смерти Петра.

Основным мероприятием восточной петровской политики явился так называемый «персидский поход». Традиционное название способно ввести в заблуждение и создать впечатление, что целью России было завоевание Персии. А это совершенно неверно, ибо речь шла об установлении контроля над Каспийским морем и о предотвращении здесь турецкого владычества. Персию же Петр стремился сделать союзником и другом. Он был заинтересован в сохранении и укреплении независимости Персии, в защите ее от турецкой экспансии. Правда, некоторые документы русского посла в Персии А. П. Волынского

содержат идеи о возможности захвата Персии. Но это вовсе не означает, что такой была политика Петра.

Каспийский поход Петра в старой и современной исторической литературе объясняют торговыми интересами России и ее стремлением сдерживать турецкую экспансию. И это совершенно справедливо. Однако здесь вскрываются лишь чисто местные, ограниченные задачи похода. В действительности он имел гораздо более широкое назначение; оно проясняется, если рассматривать его в связи с главными целями всей петровской дипломатии. А они сводились к утверждению положения России как великой европейской державы.

Здесь возникает прежде всего необходимость четкого понимания того, какое содержание вкладывается в само понятие «великая держава». Будем исходить из классического определения, согласно которому великая держава — это такое государство, которое способно в одиночку выдержать военную и дипломатическую борьбу с любой другой наиболее сильной державой. И в этом смысле Россия успешно прошла самое суровое испытание, притом в крайне сложных и неблагоприятных условиях. Дипломатия Петра поставила перед собой именно такую задачу. Победа над Швецией, крах всех усилий Англии в создании общеевропейского союза, закрепление этих достижений Ништадтским миром успешно решили эту задачу.

Однако в ее решении оставался один пробел или изъян, который ставил под сомнение величайший успех петровской дипломатии в глазах Европы, то есть в представлениях, мнениях, суждениях европейского политического сознания. Точнее говоря, в сознании правящих господствующих сил, монархов, правительств европейских стран, в общественном мнении Европы в том смысле, в каком можно условно использовать позднейшее понятие «общественного мнения» к Европе XVIII века.

Военно-дипломатическая победа России в Европе не могла быть полной, ибо одновременно на восточных и южных своих границах Россия практически терпела поражение в непрерывной необъявленной войне против набегов тюркских народностей, которые были в основном вассалами Турции. Правда, расправа над посольством Бековича-Черкасского осуществлялась Хивой под воздействием Персии. В конечном счете за турецким военно-дипломатическим давлением на Россию с юга стояли те же самые европейские державы, прежде всего Англия и Франция. Поэтому для завершения своих внешнеполитических задач Россия должна была также надежно утвердиться на юге, как она достигла этого на Балтике. Практически это означало в качестве программы-максимум установление южной границы по Черноморскому побережью и Кавказскому хребту и свободу плавания по Черному и Каспийскому морям. Как известно, эта программа осуществилась уже после Петра. Но она была реально намечена, к ее решению приступили, сделав первый и решающий шаг, при Петре. В дальнейшем лишь доделывалось то, для чего он заложил основу созданием армии и флота, всей своей преобразовательной деятельностью. Только в свете этих соображений могут быть понятны смысл и значение Каспийского похода.

Сама по себе идея южного направления в петровской дипломатии, точно так же, как и северного, балтийского направления, не была новой или оригинальной; она определялась географическим положением и потребностями социально-экономического развития России. В форме практически нереальных стремлений она выражалась предшественниками Петра. Но, как и на севере, ее поставил и начал на деле осуществлять только сам преобразователь.

В 1715 году он направляет посланником и Персию Артемия Петровича Волынского. В инструкции Петр предписывал ему выяснить состояние персидского государства, его отношения с Турцией: «Внушать, что турки — главные неприятели Персидскому государству и народу и самые опасные соседи всем, и царское величество желает содержать с шахом добрую соседскую приязнь». В марте 1717 года Волынский прибыл в Исфагань и вступил в переговоры с шахом Гуссейном и его везиром, которые

успеха не имели, если не считать полученной информации о крайней слабости и кризисе династии Сефевидов. Поэтому уже в сентябре Волынский выехал из персидской столицы, заключив лишь торговый договор.

В марте 1720 года Петр назначил Волынского губернатором Астрахани, дав ему поручение изучать пути к продвижению вдоль западного побережья Каспийского моря, а также «в великом секрете» приступить к строительству морских судов. В сентябре в Персию был направлен для разведки капитан Баскаков. Волынскому приказали внимательно следить за обстановкой на Кавказе, где разворачивалось сложное и разнообразное национально-освободительное движение. С одной стороны, начинались связанные с Турцией восстания против господства Персии. С другой стороны, ряд народов ориентируются на присоединение к России. За это выступают две крупнейшие, наиболее развитые страны Закавказья — Армения и Грузия. Еще в 1701 году армянский политический деятель И. Ори представил Петру план освобождения Армении от власти Персии. «Больше 250 лет стонем мы под этим игом, — писал он царю, —... наш народ жил и живет надеждой помощи от вашего царского величества». Петр ответил на это послание, указав, что освобождение может быть предпринято, когда кончится шведская война. Что касается Грузии, то царь Вахтанг VI также настаивал на вводе туда русских войск для поддержки борьбы против Персии и Турции.

События побуждали Петра ускорить действия на Кавказе. В августе находившийся под властью Персии город Шемаха был захвачен и разграблен лезгинским князем Даудбеком. Нападению подверглись русские купцы, их склады с товарами разграбили. Волынский доносил, что восставшие против персов народы Северного Кавказа «будут искать протекции турецкой», и поэтому следует предпринять вооруженную экспедицию. Петр согласился с этим предложением, но велел передать грузинам и другим христианам, чтобы до прибытия русских войск они преждевременно не выступали. Вскоре русский посол в Персии Аврамов сообщил, что восставшие афганцы идут походом на Исфагань и что шах Гуссейн потерпел в бою с ними поражение. Вскоре персидская столица была взята, шахом стал младший сын Гуссейна Тохмас-Мирза, и от его имени последовала просьба о русской помощи. 18 июля 1722 года русские войска во главе с Петром отплыли из Астрахани к югу вдоль западного побережья Каспия. Их было 22 тысячи человек. По суше двинулись 9 тысяч кавалерии и вспомогательные казацкие и татарские отряды численностью в 50 тысяч человек.

Высадившись в районе устья реки Терек, русские наголову разбили войска выступившего против них султана Махмуда, а затем без боя заняли город Дербент. Однако из-за того, что от бури пострадали суда с провиантом, пришлось поход приостановить. Петр, основав крепость Святой крест, вернулся в Астрахань. Поход продолжался под командованием генерала А. Матюшкина. В декабре был занят город Решт. В июле 1723 года после четырехдневного обстрела сдался Баку.

Между тем важнейшие события разворачивались в дипломатии. Огромное значение имела позиция Турции, в столице которой на основании договора, заключенного в 1720 году, находился постоянный русский резидент Иван Иванович Неплюев. Личность этого русского моряка, дипломата и государственного деятеля сама по себе — явление примечательное для петровского времени. Выходец из семьи бедных дворян, он окончил Петербургскую морскую академию, учился в Венеции и Испании. Вернувшись, он сдавал экзамен самому царю и заслужил его похвалу. Когда Неплюев с благодарностью целовал ему руку, Петр сказал: «Видишь, братец: я и царь, да у меня на руках мозоли, а все оттого: показать вам пример и хотя под старость видеть достойных помощников и слуг отечеству». Неплюева назначили в Адмиралтейство для строительства военных кораблей, где он успешно трудился и часто работал непосредственно с Петром. В 1721 году, вскоре после того, как Дашков заключил договор о вечном мире с Турцией, Петр за ужином поделился своей заботой о том, что ему нужен человек, знающий иностранные языки, для отправки резидентом в Константинополь. Канцлер Головкин ответил, что не знает никого

подходящего. Но адмирал Апраксин сказал: «А я знаю, очень достойный человек, да та беда, что очень беден». «Бедность не беда,— ответил Петр. — этому помочь можно скоро; но кто это такой?» «Да вот он за тобой стоит», — сказал Апраксин. «За мной стоит много». «Да твой хваленый, что у галерного строения»,— отвечал Апраксин.

Петр обернулся и увидел Неплюева: «Это правда, Федор Матвеевич, что он хорош, да мне бы хотелось его у себя иметь». Но потом Петр все же решил отправить Неплюева в Константинополь, и когда тот пришел благодарить, стал на колени, то Петр поднял его: «Не кланяйся, братец: я вам от бога приставник, а должность моя смотреть того, чтоб недостойному не дать, а у достойного не отнять; буде хорош будешь — не мне, а более отечеству добро сделаешь, а буде худ — так я истец: ибо бог того от меня за всех пас востребует, чтоб злomu и глупому не дать места вред сделать; служи верою и правдою!»

Неплюев и представлял Россию в Турции, когда известие о Каспийском походе Петра вызвало переполох в турецкой столице. Вспомним, как в 1710 — 1714 годах Турция четыре раза объявляла войну России, даже не имея и подобия таких серьезных поводов и причин, как теперь, когда войска Петра двинулись через Кавказ к Османской империи. Посол Англии пускает в ход все свое влияние, чтобы побудить Турцию к войне против России. Распространяются угрожающие слухи о действиях и намерениях Петра. К тому же лезгинские князья и другие мусульманские вожди некоторых кавказских народов присылают просьбы к султану взять их под защиту. Помощи Турции против вторжения афганцев просят и из Персии.

Неплюев оказался в сложном положении, но он сумел использовать новое, более благоприятное соотношение сил, чем в прошлые годы. Россия теперь не была связана Северной войной, ее позиции и влияние укрепились. Однако война не входила в намерения Петра, и поэтому Неплюев должен был решить неизбежный русско-турецкий конфликт дипломатическими средствами.

В начале 1723 года везир объявил Неплюеву, что лезгинцы, мусульманское население Армении и других районов Кавказа перешли в подданство Турции, что вся Персия якобы тоже должна последовать их примеру. Затем турки начинают угрожать войной, если царь не отведет свои войска. В это время посол Англии подает везиру специальный мемориал с обоснованием целесообразности и выгоды вступления в войну. Но для войны против России турки не имели ни серьезных оснований, ни возможностей. Правда, они двинули свои войска к Кавказу, рассчитывая на присоединение некоторых персидских владений. Пойдут ли они дальше?

Обстановка осложнялась, и в апреле 1723 года Петр приказал армии готовиться к войне с Турцией, а войска на Каспийском море продолжали начатые операции. В инструкции Неплюеву Петр предписывает заявить султанскому правительству, что «мы принимаем под свое покровительство народы, не имеющие никакого отношения к Порте (к Турции.— Авт.) и находящиеся в дальнем от нее расстоянии, на самом Каспийском морс, до которого нам никакую другую державу допустить нельзя». Иначе говоря, Турции следовало дать понять, что уничтожение Персии и утверждение Турции на берегах Каспийского моря Россия не потерпит. В таком духе Неплюев и продолжает переговоры, используя при этом поддержку французского посла в Стамбуле. С турецкой стороны пытаются убедить русского представителя, что все мусульманские народы находятся под защитой Турции, то есть под ее властью. На это Неплюев резонно возражал, что вера не служит определением границ, ибо иначе на каком основании тогда под властью Турции находятся многие христианские народы? И он решительно объявил, что император не допустит к Каспийскому морю никакую державу, особенно Турцию.

В конце 1723 года в Стамбуле узнали, что еще 12 сентября в Петербурге посол молодого персидского шаха Тохмаса заключил договор с Россией, по которому к ней переходили Дербент, Баку, провинции Ширван, Гилен, Мазендеран и Астарабад, полоса вдоль всего западного и южного побережий Каспийского моря. Статья пятая договора установила оборонительный союз двух стран против Османской империи. Султан собрал

большой Диван, где были высшие представители духовенства, военные и гражданские сановники. Раздаются гневные речи о том, что нога христианская никогда в Персии не бывала и допустить этого нельзя, что надо кровью своею защищать Персию. Турция согласна лишь на переход к России части западного побережья Каспия.

Неплюеву объявляют о грозных решениях и спрашивают, согласен ли он на эти условия? Русский представитель остается непоколебим, и тогда ему сообщают об объявлении войны. Любопытно, что в аналогичной ситуации П. А. Толстого посадили в Семибашенный замок в сырой подземный каземат, а Неплюеву предоставляют возможность выехать в Россию. Русский резидент уже собирается домой, когда приходит приглашение на беседу к великому везиру. Стороны быстро соглашаются, что произошло «недоразумение», и начинаются переговоры для урегулирования конфликта.

Хотя они были долгими и трудными, но в конце концов Турция вынуждена была отказаться от своих притязаний на Иран и каспийское побережье. Она не только признала все присоединения новых земель к России, но и взяла на себя обязательство содействовать тому, чтобы принудить к этому персидские власти, находившиеся тогда в состоянии сложной междоусобной борьбы. России, правда, пришлось признать присоединение новых кавказских земель к Турции. Все это было закреплено в русско-турецком договоре, подписанном 12 июня 1724 года в Стамбуле.

Таким оказалось дипломатическое завершение Каспийского похода Петра. Естественно, что оно еще далеко от выполнения той программы-максимум, о которой шла речь. Однако решена была самая неотложная задача — обеспечение безопасности юго-восточных районов России. В основном удалось положить конец непрерывным набегам кочевых крымских и кубанских татар, калмыков, башкирских феодалов на русские области. Оборона их была обеспечена тем, что теперь Россия фактически отодвинула свою границу до Кавказских гор. Укрепились русские позиции в районе между Черным и Каспийским морями, а это затруднило прежнее использование Крымским ханством мусульманских народов против России.

Однако остались пока неосуществленными надежды христианских народов Грузии и Армении на освобождение от мусульманского ига, хотя Петр обещал и впредь оказывать им поддержку и покровительство. Беглецы будут получать убежище и помощь в России. Так, грузинский царь Вахтанг VI найдет приют в Москве. Но война с целью освобождения других народов, а их было немало, не стала практической целью петровской внешней политики. Следует вспомнить, что это однажды уже привело русских к катастрофе на Пруте. Вообще, дипломатия Петра отличалась глубоко национальным характером, что предполагало первостепенное решение своих, русских, национальных проблем. Только без серьезного ущерба для них она проявляла свою органическую склонность к помощи другим народам, ожидавшим и просившим такую помощь достаточно искренне и активно. Тем более что рядом, в Европе, среди них были народы, с которыми русские имели не только религиозную, но и этническую общность; приходилось выполнять свой долг перед ними.

Это касалось прежде всего огромного по численности православного населения Польши. Во время Северной войны Россия, естественно, вынуждена была до поры до времени мириться с тем, что оно подвергалось непрерывным гонениям, насилиям; самыми жестокими методами его принуждали переходить в католичество или в унию. Оно было совершенно лишено всех прав и являлось самой обездоленной и эксплуатируемой частью крестьянства. Теперь, после Ништадтского мира, Россия выступает в защиту украинского и белорусского населения Польши.

Уже в начале 1723 года Петр требует от Августа II выполнять условия прежних договоров о защите прав православного населения Польши. В случае отказа, заявляет Петр, Россия сама обеспечит его защиту. Король вынужден издать указ о возвращении монастырей и церковей, отобранных у православных. Русский посол С. Г. Долгорукий, а также специальный представитель контролируют выполнение этого указа. Чтобы обуздать

ярьость и фанатизм польского католического духовенства, русская дипломатия предпринимает демарши в Ватикане, давая понять папе, что права, предоставленные Петром в России католикам, могут быть и ликвидированы.

Приходится противостоять и другим интригам бывшего «союзника». Он по-прежнему хочет утвердить самодержавную наследственную власть в Польше и навязать полякам немецкое господство. Пытается использовать для этого поддержку Пруссии и Австрии, соблазняя их планами передачи им польских земель, то есть разделом Польши. Крупными взятками он привлекает на свою сторону польских магнатов и побуждает их противодействовать Петру. Особенно рьяно он добивается отказа от признания нового императорского титула Петра. Польские сенаторы заявляют русскому послу, что Речь Посполитая согласна на признание, но опасаются, «не даст ли этот титул будущим государям русским право претензий на русские области, находящиеся под польским владычеством».

Использованный поляками термин «русские области» сам по себе служил признанием неправомерности захвата Польшей части Украины и Белоруссии. Это было тяжелым наследием, которое Петр получил от предшественников. Но решить задачу объединения всей русской территории и населения до конца Петр не успеет и оставит ее потомкам. Однако петровская дипломатия пассивной в Польше не была. В это время Август II пытался навязать Речи Посполитой «оборонительный договор» с Австрией. Петр направляет в Польшу в помощь С. Г. Долгорукому его более опытного родственника — князя В. Л. Долгорукого, отозванного для этого из Парижа. Вдвоем они успешно противостояли как претензиям короля Августа II, так и «придворной партии» магнатов, выдвигавшей требование передачи Польше Курляндии, Лифляндии, даже выплаты крупных денежных субсидий по прежним союзническим договорам, которые и во время войны Польша совершенно не выполняла, а теперь, когда Польша все больше увязала во внутренних распрях и обнаруживала свое внешнеполитическое бессилие, такие претензии выглядели комично. Если бы не петровская дипломатия, то соседняя страна легко сделалась бы добычей германских государств.

Объективно петровская Россия служила оплотом независимости Польши, несмотря на противоречия между ней и влиятельными польскими магнатами. Об этом убедительно свидетельствует отношение Петра к новой, небывало серьезной попытке раздела Польши, предпринятой в момент заключения Ништадтского мира. Ее закулисным инициатором явился, как всегда, король Август. Пребывание на польском троне саксонский курфюрст давно уже рассматривал в качестве средства ликвидации независимости Польши путем превращения своей номинальной и временной королевской власти в наследственную и самодержавную. Преобразование избирательной монархии, то есть замена временного пребывания на польском троне в постоянное право саксонских курфюрстов царствовать в Польше, означало бы ее простое присоединение к Саксонии. Неоднократные попытки Августа добиться этого неизменно терпели крах из-за противодействия Петра. Но весной 1721 года Август II решил, что победоносное завершение Северной войны — величайшее торжество внешней политики России делает русского царя сговорчивее. Почему бы не использовать состояние торжественной эйфории Петра, добившегося присоединения Прибалтики, предложив ему новые обширные территории за простое согласие с замыслами Августа? Тем более что о польских землях мечтал прусский король Фридрих-Вильгельм, на них с вожделием взирали и в Вене. Император и король Пруссии несомненно помогут Августу. Чтобы провести в жизнь давно вынашиваемый замысел, решено было использовать помощь людей, особенно изощренных в темных комбинациях всякого рода, — банкиров Лемана и Мейера, давно уже помогавших Августу в финансовых аферах. Ловкость, богатство, связи этих дельцов, действовавших в масштабах многих стран, не зря создали им репутацию некоронованных властителей, способных влиять на государства эффективнее, чем короли официальные. Сами финансисты охотно взяли за эту аферу, сулившую им новые

сказочные барыши. Леман, в частности, рассчитывал путем раздела Польши заставить многих польских магнатов, задолжавших ему огромные суммы, но не желавших платить даже проценты, расплатиться с ним. Август и Фридрих-Вильгельм обязаны будут заставить их раскошелиться в обмен за услуги Лемана и Мейера.

Ведь Август II станет наследственным владельцем Польши и ее неограниченным, абсолютным монархом. Правда, придется расчленив Речь Посполитую. Но тем легче ему будет господствовать в ослабленной и урезанной стране. Фридрих-Вильгельм получит так называемую Польскую Пруссию и Вармию, император приобретет польские земли, граничащие с Венгрией и Силезией, входивших тогда в состав империи. Ну, а Петр должен будет согласиться на это, поскольку ему отойдет вся Литва вместе с огромной Белоруссией. При этом ему не придется затратить и ничтожной доли тех усилий, которые он приложил для приобретения Прибалтики. Расчет авторов этого плана казался безошибочным; в самом деле, какой монарх в состоянии удержаться от соблазна легко приобрести такую огромную территорию?

Этот план Лемана и Мейера привел в восторг Августа и Фридриха-Вильгельма, и они начали действовать. Самую щекотливую миссию взял на себя прусский король, обладавший огромным опытом в приобретении чужих земель с помощью вымогательства. Сохраняя видимость своей незаинтересованности, он лишь сообщил Петру, что-де существует любопытный план Лемана и Мейера, к которому он сам отношения не имеет. Фридрих-Вильгельм как бы просто информировал и просил совета.

Реакция Петра была незамедлительной и резкой. Он сразу понял, что затея исходит от Августа. Петр посоветовал Фридриху-Вильгельму не поддерживать «эти планы польского короля, ибо они противны богу, совести и верности и надобно опасаться от них дурных последствий». Сам же он «...не только никогда не вступит в подобные планы, но и будет помогать Речи Посполитой против всех, кто войдет в виды короля Августа».

Петр сделал внушение и Августу, пытавшемуся скрыться за спиной своих доверенных лиц, Лемана и Мейера. Царь писал ему по поводу раздела Польши, что «...никто этого не может почесть за вымысел таких бездельных людей, которые, кроме торгу, ничего не привыкли предпринимать. Никто этому не поверит». Если же это действительно их затея, как уверяет Август, то он и должен сурово наказать их, чтобы никто не смел впредь играть судьбами государств и «...нас с соседними государствами, особенно же с Речью Посполитой, ссорить не отваживались». Кроме того, Петр приказал сообщить польским вельможам о махинациях их короля, дабы они впредь остерегались его.

Благодаря твердой позиции Петра план раздела Польши, рассчитанный столь хитро, с треском провалился. Пройдет полвека, прежде чем правители германских государств осмелятся вновь начать осуществление своих экспансионистских замыслов в отношении Польши.

Все это, по выражению С. М. Соловьева, «любопытное происшествие» лишний раз обнаружило важные особенности петровской дипломатии, способность Петра подниматься выше соображений непосредственной прямой выгоды и мыслить в широких исторических масштабах. Конечно, расширение русской территории было бы выгодно России, тем более что речь шла о воссоединении с важной частью древней русской народности, связанной с Россией религиозно-этническими узами, — с Белоруссией. Однако за это надо было дать согласие на дальнейшее германское продвижение к востоку, происходившее на протяжении многих веков путем захвата исконных славянских земель. Петр глубоко понимал смысл не только текущих событий, но и их причины и широкие исторические последствия. Он считал также, что поглощение Польши — одного из крупнейших славянских государств германскими захватчиками лишь ослабит в последнем счете позиции России в Европе, опасно нарушит равновесие сил в пользу Германии.

Новое международное положение России проявлялось на каждом шагу. Оно сказывалось в том напряженном внимании, с которым повсюду в Европе следили за всем,

что происходило в стране, но особенно за ее внешнеполитическими действиями. Успешное окончание серии военных и дипломатических мероприятий России на востоке еще больше укрепляет ее влияние и авторитет. Теперь внешние дела уже не доставляют русской дипломатии таких напряженных, часто драматических, забот, как раньше. Внешние сношения России после Ништадтского мира проходят процесс неуклонной стабилизации ее влияния и авторитета, поддерживаемых нормальной активностью зарубежных русских представителей, действовавших как никогда спокойно и уверенно. Решается задача упрочения достигнутого, исправляется упущенное, предотвращается нежелательное.

Характерным примером этой новой по своему стилю деятельности петровской дипломатии могут служить русско-шведские отношения.

Казалось бы, России больше нечего желать после заключения Ништадтского мира с Швецией. Однако дальновидная политика должна была позаботиться о дальнейшем улучшении отношений с этой страной, в частности исключить возможность возникновения реваншистских тенденций со стороны Швеции, особенно опасность использования Швеции против России третьими державами. Такая вероятность возникла из-за того, что король Фредерик I главную свою цель видел в восстановлении самодержавия, ценой отказа от которого его супруга после смерти Карла XII обеспечила себе корону. Это стремление короля не находило поддержки внутри страны, и он искал ее за границей. Большие, но призрачные надежды возлагал он одно время на проект союза Швеции с Данией и Англией. Такое поведение короля не могло не вызывать опасений относительно прочности русско-шведских мирных отношений. Тем более что Фредерика I тревожили планы женитьбы герцога Голштинского на старшей дочери русского императора. Ведь герцог имел некоторые права на шведскую корону. Все это создавало состояние неопределенности, неустойчивости.

В январе 1723 года начались заседания шведского сословного риксдага, где развернулась борьба между сторонниками существующего ограничения королевской власти и теми, кто выступал за восстановление самодержавия. Именно в это время русский резидент Бестужев по повелению Петра заявил президенту Иностранной коллегии графу Горну: «Так как к его императорскому величеству приходят известия, будто король старается ниспровергнуть настоящую форму правления и сделаться самодержавным, то его императорское величество приказал мне наисильнейшим образом обнадежить всех добрых патриотов, что он по обязательству мирного трактата не оставит их своей помощью и переменить настоящую форму правления не допустит».

Подавляющее большинство членов риксдага встречает это заявление с восторгом. Оно действительно соответствует седьмому параграфу Ништадтского договора, и Россия лишь выполняет свои обязательства. Риксдаг голосует за признание нового императорского титула русского государя, а Бестужев предлагает заключить оборонительный союз России и Швеции. Послы Англии и Дании пытаются противодействовать принятию этого предложения, но в Швеции помнят вероломство английских союзников. Риксдаг дает указание сенату заключить договор, и уже 22 февраля 1724 года он был подписан. Договор предусматривал обязательство взаимной военной помощи в случае нападения на одну из стран. Швеция и Россия не могут иметь договоров, противоречащих данному союзу, заключенному на 12 лет. Новый союз укреплял безопасность России, ее положение самой влиятельной державы на Балтике. Он отвечал также интересам Швеции, жестоко пострадавшей от недавней войны. Она получала право ввозить из России беспошлинно товаров на 100 тысяч рублей.

Вскоре после заключения союза с Россией шведские министры предложили английскому послу свое посредничество для примирения Георга I с русским императором. Напомним, что дипломатические отношения между Англией и Россией были неосмотрительно расторгнуты английским королем, а Петр с полным основанием не хотел предлагать примирение первым. Однако в Лондоне шведам ответили, что

посредничеством уже занимается Франция. Вообще, для России важность имело не примирение с Англией, а нечто другое. Дело в том, что в те времена мирные договоры, завершавшие какую-либо войну, принято было закреплять гарантиями этих договоров, желательнее наиболее сильными державами. Например, Россия была одним из гарантов Утрехтского и Баденского договоров, прекративших войну за испанское наследство. Однако Ништадтский мир пока не был гарантирован. В сущности, Россия была достаточно сильна, чтобы обойтись без всяких гарантий. Но они во всяком случае не помешали бы дальнейшему упрочению ее международного положения.

Поэтому когда посол в Париже В. Л. Долгорукий по поручению Петра благодарил Дюбуа за французское посредничество в заключении Ништадтского мира, то он с удовлетворением услышал от французского министра: «Теперь пора приступить к главному делу между Россией и Францией. Для утверждения такого славного и полезного мира, какой получила Россия, нужны гарантии, нужна гарантия королей французского и испанского; но если

Россия вступит в союз с Францией и Испанией, то нужно включать в него и короля английского.., я знаю, что король английский хочет помириться с вашим государем».

Между тем в 1722 году Долгорукого Петр направил в Варшаву, а на его место послом в Париж назначил камер-юнкера Александра Куракина, сына известного нам князя Б. И. Куракина. Чтобы представить молодого посла французскому двору, в Париж поехал его отец, который пользовался известностью и уважением во всех европейских столицах. К тому же старик стал жаловаться на здоровье и хотел посоветоваться с искусными французскими врачами. Но, как известно, болезни дипломатов не зря часто фигурируют в учебниках не по медицине, а по дипломатической истории. Б. И. Куракин к этому времени по праву занял особое положение в заграничной дипломатической службе России. Ему направляли донесения другие послы, и он координировал их деятельность подчас более эффективно, чем это делали в Петербурге. Хотя в Париже князь Куракин сразу подчеркнуто заявил, что не имеет никакой официальной миссии, Дюбуа вступил с ним на правах «старого знакомого и приятеля» в весьма серьезные переговоры.

Начал он, естественно, с того, чем теперь начинались все обращения иностранных дипломатов к русским коллегам: «Его царское величество есть великий монарх, деяниями своими получил великую славу, распространил свое государство и в такую привел себя силу, что пользуется всеобщим уважением в Европе». В данном случае эти комплименты звучали тем более весомо, что тот же Дюбуа еще в 1717 году считал Петра способным самое большее на то, чтобы быть боцманом на голландском корабле...

Но главное, в чем заверял Дюбуа, состояло в его и регента пылком желании дружбы с Россией: «Когда Франция и Россия будут в тесном союзе, тогда они смогут держать в своих руках баланс европейских интересов, повелевать другими и могут оставаться всегда в дружбе». Из дальнейшего же Куракин легко понял, что речь идет о прежнем стремлении Франции использовать Россию в борьбе с Габсбургами. Вопрос этот становился все актуальнее по причине открывавшегося австрийского наследства: император не имел мужского потомства, и предстояла борьба за императорскую корону, да и в Германии назревали очаги столкновений, когда поддержка России была бы крайне необходима Франции. Кардинал Дюбуа хотел, чтобы «цесарь был в одиночестве», а поэтому России следовало бы помириться с Георгом I, дабы Англия не отделилась от франко-русского союза, а соединилась бы с ним.

В картине, искусно нарисованной Дюбуа, оставалось неясным одно: что же реально может получить Россия от замышлявшейся комбинации, кроме не столь практически необходимых гарантий Ништадтского мира или признания императорского титула Петра.

Дружбы с Россией в это время домогались и другие европейские дворы, тем более что открывалась перспектива дележа еще одного богатого наследства. Август Л, в молодости получивший прозвище «сильный», основательно занемог. Еще будучи в Каспийском походе, Петр писал канцлеру в связи с сообщением о том, что Август болен: «При других дворах под рукою уже кандидатов приискивают, а с нашей стороны в том спят, а ежели вскоре то случится, то мы останемся: того ради не худо б в запас и нам сие чинить...»

О польском престоле усиленно хлопотали не только в Вене и Лондоне, но и особенно в Париже, где понимали, что решающий голос в этом деле принадлежит Петру. Здесь-то и попытались использовать его заветную мысль о том, чтобы выдать дочь царя Елизавету за Людовика XV. Однако регент-герцог Орлеанский, большой мастер брачных комбинаций, в 1721 году договорился женить Людовика на испанской инфанте (ей было 4 года), а смою дочь выдать за наследника испанского престола. Но цесаревна Елизавета забыта не была: ей предназначили в женихи другого, сына регента — герцога Шартрского. При этом желали получить в приданое Польшу, обеспечив избрание герцога на польский трон. Поскольку же это избрание — дело не такое простое и на него рассчитывать наверняка нельзя, ибо поляки могут и не проявить склонности к избранию королем герцога, супругой которого будет дочь императора России, то сначала надлежало провести избрание герцога королем Польши, а уже потом устроить его брак с Елизаветой. Желание получить сначала приданое, а уже потом невесту не понравилось Петру.

Французский посол в Петербурге Кампредон был горячим сторонником установления франко-русских брачных связей. Конечно, даже когда в своих донесениях он распространялся о достоинствах невесты (а Елизавета действительно была очаровательной девушкой, притом явно обладала «французским» характером), речь шла о политике. Кампредона увлекала идея франко-русского союза, который он считал крайне необходимым для обеспечения долговременных интересов Франции. Однако в Париже медлили, и Кампредон не получил никакого ответа на 16 своих донесений. Дело в том, что кардинал Дюбуа и регент не решались идти на союз с Россией без согласия Англии.

Осенью 1723 года кардинал умер, а через несколько месяцев скончался и регент. Людовику XV было еще только 13 лет, и его пребывание на троне с точки зрения европейских интересов Франции окажется крайне неудачным. Но реально управлять он еще не мог, и поскольку во Франции возникла обстановка неопределенности, Петр направил в Париж в помощь молодому Куракину его многоопытного отца. Управлять Францией стали герцог Бурбонский и его министр иностранных дел Морвиль. Они не только не ослабили зависимость французской политики от Англии, но еще больше усилили ее. Правда, переговоры о союзе с Россией продолжались, но требование о предварительном примирении ее с Англией стало еще более жестким. Что касается герцога Бурбонского, то он пытался предложить в женихи Елизавете собственную персону в расчете получить польскую корону. Это также вызвало отрицательное отношение Петра.

Матримониальные замыслы императора оживают лишь в связи с тем, что намеченный брак Людовика XV с испанской принцессой расстроился. Петр пишет Куракину: «Зело б мы желали, чтоб сей жених нам зятем был». Но брак по-прежнему служил лишь внешней формой больших политических замыслов, и здесь камнем преткновения стало французское требование уже не просто примирения, но союза с Англией, заключения трехстороннего союза России, Англии и Франции. Домогательства Англии в этом отношении понятны, ибо, к примеру, приобретение Георгом I как курфюрстом Ганновера Времена и Вердена не было гарантировано Россией — сильнейшей военной державой континента. Если Петру не особенно нужны были английские гарантии, то Англия, напротив, сильно нуждалась в таком закреплении договоров «северного умиротворения». Перспектива борьбы за австрийское и польское наследства также побуждала Лондон стремиться связать Россию какими-то

обязательствами. Что касается холодного отношения Петра к Георгу I, то оно попятно в свете еще слишком свежих воспоминаний о его вражеских действиях до Ништадтского мира. Собственно, в начале 1724 года Турция объявила войну России главным образом под давлением Англии.

И все же Петр в конце 1724 года пришел к согласию с мнением Б. И. Куракина о целесообразности нормализации отношений с Англией, хотя и не о союзе с ней. Петр одобрил проект союзного договора с Францией, в котором содержалось приглашение Англии присоединиться к нему. Видимо, позиция Петра смягчилась под влиянием надежд на союз с Францией и брак Елизаветы с Людовиком XV.

Таким образом, международное положение России в конце 1724 года было как никогда прочным, влияние ее росло и крупнейшие державы Европы внимательно прислушивались к голосу Петербурга. С. М. Соловьев писал о положении и роли России к Европе на исходе первой четверти XVIII века: «Одно из величайших событий европейской и всемирной истории совершилось: восточная половина Европы вошла в общую жизнь с западною: что бы ни задумывалось теперь на западе, взоры невольно обращались на восток: малейшее движение русских кораблей, русского войска приводило в великое волнение кабинеты; с беспокойством спрашивали, куда направится это движение?»

Но неукротимая энергия Петра направлена главным образом на решение внутренних дел. Поспешность и настойчивость, с какими Петр постарался в 1724 году предотвратить войну с Турцией, лишний раз подтвердили его миролюбие. Очень многое он начал делать по благоустройству собственной страны во всех без исключения проявлениях ее экономической, политической, культурной жизни. И почти все его дела были еще весьма далеки от завершения, а многие замыслы вообще и не воплотились в жизнь. Пожалуй, именно в своей дипломатической деятельности Петр больше всего успел завершить, хотя и здесь ему еще предстояли новые сложные и трудные дела. Но 28 января 1725 года на 53 году жизни император Петр Великий скончался.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в первой четверти XVIII века обновленная Петром русская дипломатия становится важным фактором международных отношений. Опираясь на растущие силы русского народа, она решительно соперничает с давно сложившимися, опытными дипломатическими службами европейских держав. Постепенно, особенно после Полтавы, петровские дипломаты все успешнее противостоят им, энергично защищая национальные интересы России.

Международные отношения того времени характерны двумя знаменательными явлениями: на западе Европы выдвигается, оттесняя Францию, Англия, вступающая в эпоху так называемого английского преобладания; на востоке континента появляется новая молодая, сильная держава — Россия. До этого из-за ее слабости, отсталости и изоляции в дипломатических кругах Западной Европы в политическом отношении считался Днепр. Теперь эта граница отодвигается до своих естественных географических рамок, то есть до Урала. Международные отношения на нашем континенте приобретают действительно общеевропейский характер.

Бросается в глаза поразительная разница в возвышении России и Англии. Долго, постепенно, на протяжении веков назревало английское преобладание. Его предопределил очень длительный процесс военного, промышленного, торгового, культурного роста Англии. В середине XVII века здесь произошла буржуазная революция. Возвышение России осуществлялось в необычайно короткий срок. Петровские реформы резко усилили ее развитие. Но не произвол Петра, не историческая случайность, а объективная необходимость социально-политического развития России предопределили ее возвышение. Петр сначала интуитивно, а потом сознательно

выразил национальные потребности и энергично ускорил то, что было продиктовано объективным ходом истории.

Его деятельность остается истинным подвигом во имя величия, славы и могущества нашей родины в те далекие времена. Снова обратимся к словам нашего национального поэта, писавшего о Петре, что он

«...над самой бездной,
На высоте, уздой железной
Россию поднял на дыбы».

Наша страна действительно оказалась тогда на краю бездны. Это уже было показано. Приведем, однако, еще один красноречивый пример. В 1670 году, то есть за два года до рождения Петра, Лейбниц разработал план создания Европейского союза, призванного обеспечить Европе вечный мир. Для этого естественная, по мнению Лейбница, завоевательная энергия европейских государств должна направиться в другие районы земного шара. Каждая из крупных тогдашних держав получала свою зону колониальной экспансии: Англии и Дании предназначалась Северная Америка, Франции — Африка и Египет, Испании — Южная Америка, Голландии — Восточная Индия, Швеции — Россия.

Итак, нашей родине, подобно странам Африки, Азии и Америки, угрожало колониальное рабство. Но не был ли план Лейбница беспочвенной мечтой? Не преувеличивал ли Пушкин опасность, когда он изобразил Россию перед «бездной»? К несчастью, для России конца XVII века это было жестокой реальностью. Академик Е. В. Тарле в результате глубокого научного исследования пришел к заключению, что тогдашнее положение России «поставило еще в допетровском поколении перед сколько-нибудь прогрессивно и самостоятельно мыслящими людьми грозный вопрос о возможности дальнейшего сохранения государственной безопасности и даже о национальном самосохранении в широком смысле этого слова, если остаться при рутинном быте, политическом и общественном, при рутинной непримиримо консервативной идеологии, при отказе от сколько-нибудь активной внешней политики». Поэтому пушкинская «бездна» — не случайный взлет поэтической фантазии, а гениально выраженное опасение за судьбу России. К счастью, этого не случилось. Ибо поднятая на дыбы железной уздой Петра Россия ценой страшного напряжения всех своих сил перемахнула через бездну.

Но не для того, чтобы устремиться к завоеванию Европы. Получив лишь самое необходимое для своего естественного развития, Россия стала органической составной частью европейской системы международных отношений. Таким образом, эта система обрела недостающее ей равновесие.

В пятом томе классической французской «Всеобщей истории цивилизаций», изданной под редакцией Мориса Крузе двадцать лет назад, говорится о международных отношениях начала XVIII века: «Европейское равновесие требует, чтобы никакое государство не было бы достаточно могучим, чтобы угрожать независимости других. Эта доктрина имеет давнее происхождение. Ее придерживались французы и англичане. Она объясняет английскую континентальную политику с конца Столетней войны, длительную борьбу французского королевского дома против Габсбургов». Политика европейского равновесия проводилась в жизнь и в последующие века. Она разрабатывалась и обосновывалась теоретически, особенно в XIX веке. Известный знаток дипломатической истории Европы А. Дебидур так определял ее смысл: «То, что называется европейским равновесием, есть такое состояние моральных и материальных сил, которое на всем пространстве от Уральских гор до Атлантического океана и от Ледовитого океана до Средиземного моря так или иначе обеспечивает уважение к существующим договорам, к установленному ими территориальному размежеванию и к

санкционированным ими политическим правам. Это такой порядок, при котором все государства сдерживают друг друга, чтобы ни одно из них не могло силой навязать другим свою гегемонию или подчинить их своему господству».

К несчастью для Европы, теория равновесия часто использовалась лишь для прикрытия попыток разных держав установить свое господство в Европе. Вспомним наполеоновскую эпопею, претензии пангерманистов, политику Бисмарка и Вильгельма II, преступную гитлеровскую авантюру... В разных, подчас грозных исторических обстоятельствах странам Европы удалось сохранить свою независимость от подобных поползновений. И это оказалось возможным лишь благодаря тому, что решающим фактором европейского равновесия стала с времен Петра Россия. Только с учетом такого положения дел можно правильно оценить роль и место петровской дипломатии в истории Европы.

Но прежде всего она обеспечивала важнейшее условие для преобразования России — включала ее в европейскую систему. Она устанавливала более тесные, близкие отношения со странами, обогнавшими Россию на пути промышленного, торгового, культурного развития. Дипломатия помогала получать от них новейшую для того времени технологию, более современное оружие — от линейного корабля до штыка, средства для их производства — станки, оборудование, материалы. Все это дало толчок огромным творческим возможностям, дремавшим в массе русского народа, скованного цепями отсталой социально-политической структуры, узами духовно-церковного консерватизма.

Россия получила сильный импульс к независимому развитию во всех областях жизни: от производства материальных продуктов и предметов жизненной необходимости до создания духовных ценностей — науки, литературы, искусства.

Однако резкое расширение связей с Европой имело и отрицательные последствия. Процесс преодоления внутриевропейского сепаратизма, временного частично раздельного развития запада и востока континента, превращения региональных связей в подлинно общеевропейские не был простым, одноплановым, безболезненным. Вступление России в Европу мало походило на появление на свет в дружной большой семье нового человека, которого старшие встречают ласковой заботой и спешат помочь ему встать на ноги.

Сближение России с Европой происходило в условиях острой борьбы, ибо возвышение новой активной и сильной страны натолкнулось на боязнь конкуренции, на страх перед опасностью утраты привилегированного положения и нарушения монополии, необходимости чем-то поделиться с новым участником общеевропейской жизни. Россия должна была обрести свое право на место под солнцем в общеевропейской жизни ценой тяжелой борьбы, военной и дипломатической.

Россия шла к Европе с целью укрепления, упрочения своей независимости. Но необходимые для этого разнообразные связи порождали неизбежно новые формы ее зависимости. Происходил процесс развития взаимозависимости, в котором независимость нуждалась в постоянной и терпеливой защите, военной и дипломатической.

Не случайно в историографии петровской эпохи в разной форме возникали вопросы и сомнения в отношении осуществленного под влиянием Петра сближения с Западной Европой. Не поставил ли Петр Россию в своем увлечении Западной Европой па службу чуждым ей и враждебным интересам? Не лучше ли было продолжать замкнутое, изолированное существование в духе старомосковского благолепия ради сохранения исконно русских начал? Короче, не оказалась ли петровская европеизация России делом антинациональным и антипатриотическим? Не ликвидировал ли Петр отсталость России ценой утраты русской самобытности и пресловутого «русского духа»?

В данном случае уместно прислушаться к мнению иностранца, например такого компетентного ученого, как Роже Порталь: «Когда в связи с Петром Великим ставят проблему иностранного влияния, ликвидации отставания от Запада, отречения от прошлого, то забывают главное, заключающееся в том, что в момент, когда Петр взял власть, Россия находилась под угрозой экономической колонизации, от которой правительство и

русские купцы должны были защищаться. Поэтому вся деятельность Петра, несмотря на внешнюю видимость подражания западным модам и призыв иностранных техников, служила ответом на эту угрозу. Отставание в материальном развитии России от западных государств в конце XVII века было таким, что оно ставило под вопрос само ее политическое существование. Поэтому все царствование Петра проходило под знаком национальной независимости, дух этого царствования был национальным духом... Петр не только не повернулся спиной к русскому прошлому, он прославлял его исторических деятелей и их военные победы; он всегда связывал себя с великими царями, своими предшественниками, и стремился продолжать и дополнять их дела. Слово «патриот» появилось при Петре Великом, которого менее чем через четверть века после его смерти считали национальным героем».

Соглашаясь с этим, не следует поддаваться искушению и, как это часто случалось, идеализировать Петра и его деятельность. Отлитый в бронзе монументальный исполин, каким он предстает на скалистом пьедестале легендарного памятника,— лишь идеальное символическое воплощение Петра, его художественно обобщенный образ. А в реальной жизни, в исторической действительности, в практической деятельности то был крайне сложный, противоречивый, порой непонятный, словом, живой человек. Мы видели, как сказывалось это в петровской дипломатии. Внутренняя преобразовательная «служба» Петра оказалась еще более многоликой.

Нередко он оказывался перед неожиданными, злосчастными обстоятельствами, которых он вовсе не хотел. По случаю Ништадтского мира Петр устроил в столице великолепный праздник. А не успел он пройти, как на Петербург обрушилось страшное наводнение. Закончив Северную войну, Петр хотел дать облегчение народу, а в 1721 — 1724 годах Россия стала жертвой сильного неурожая, голода, эпидемий. Он хотел обеспечить народное процветание, а тысячи мужиков умирали от непосильного труда на строительстве каналов, крепостей, Петербурга. Он хотел справедливо распределить налоговые тяготы, а укрепил социальную отсталость. Он пытался сделать из дворян работников, образованных офицеров, инженеров, ученых, администраторов, а через три десятка лет после его кончины они стали освобождаться от обязательной службы. При всем своем уважении к передовым представителям европейской цивилизации Петр предусмотрительно не доверял иноземцам высшей власти, а наградил Россию немецкой, но существу, династией...

Петр был крайне озабочен, чтобы начатое им дело прогрессивного преобразования России продолжалось преемниками. Ради обеспечения этого он принес в жертву собственного сына, пройдя через мучительные для него самого перипетии дела Алексея. Но вопреки тревоге Петра за дальнейшее преобразование России русский престол остался на произвол судьбы: он стал игрушкой случая. Наступает долгий период, когда вместо Петра Великого во главе Российской империи сменяются лица по меньшей мере посредственные, практически неспособные к государственной деятельности, а иногда просто физические и нравственные выродки.

Герцогиня Курляндская, будучи формально русской по происхождению, утвердилась у власти при помощи известного нам Остермана. Императрица Анна Иоановна боялась русских, не доверяла им и притащила в Петербург свору курляндских проходимцев: воцарилась печально знаменитая бироновщина. Как пишет Ключевский, «немцы посыпались в Россию, точно сор из дырявого мешка, облепили двор, обсели престол, забрались на все доходные места в управлении... Стоп и вопль пошел по стране». На русском троне проходит галерея отпрысков захудалых немецких князей, всех этих герцогов Мекленбургских, Голштейн-Готторпских, принцев Вольфенбюттельских, Ангальт-Цербстских. Представительница последних правила под именем Екатерины II и от герцога Голштинского, выступавшего у нас под «псевдонимом» Петра III, произвела на свет Павла I, за которым последовали его сыновья Александр I и Николай I. Эти, правда, числились русскими.

Ключевский писал о них: «Павел, Александр и Николай владели, а не правили Россией, проводили в ней свой династический, а не государственный интерес..., не желая и не умея понять нужд народа, истощали в своих видах его силы и средства».

Иностранцы стояли за кулисами многочисленных переворотов: Остерман привел к власти Анну, придворный лекарь Лесток — Елизавету, Миних — Анну Леопольдовну... А русское дворянство оставалось политически пассивным и все более праздным классом. Петр заставлял их работать, но политического сознания не привил.

И все же среди них постепенно просыпается чувство политической и патриотической ответственности. Но прежде всего его стали выражать выходцы из простого народа. М. В. Ломоносов, возмущенный господством немцев в Петербурге, в одном из своих стихотворений вложил в уста обожаемого им Петра Великого такие слова:

«На то ль воздвиг я град священный,
Дабы врагами населенный
Россиянам ужасен был?»

Надо признать, что в этом плачевном для России положении в чем-то повинен и сам Петр. Вольно или невольно, но он сделал фигуру немца на Руси респектабельной и достойной уважения, хотя при нем-то многие из них и вправду честно служили Росой и. Император умел держать их в ежовых рукавицах, отводя им служебную, вспомогательную и в целом вполне оправданную историческую роль.

Иное дело его бездарные наследники. Для них немцы стали опорой династии, ибо русским людям, в том числе и дворянам, они не доверяли. Николай I со своим солдафонским цинизмом откровенно признавал: «Русские дворяне служат государству, немецкие — нам».

То, что было смыслом существования и деятельности Петра — государственный интерес, уступает место интересам сохранения и укрепления власти правящей династии. Поэтому все послепетровское правление Романовых представляет собой громадный шаг назад по сравнению с более высоким и просвещенным пониманием задач абсолютистского государства, которое являлось особенностью петровской политической мысли. Для Петра использование иностранных специалистов служило средством ликвидации отсталости России путем подготовки и обучения национальных кадров. Для его преемников — орудием сохранения господства своей династии. Но историческое воздаяние не заставит себя ждать: возникнет движение дворянских революционеров, прежде всего — декабристов. Они разбудят революционных демократов, а те окажутся предвестниками рабочего движения и его союза с крестьянством...

Однако объяснить послепетровский застой в политическом и социальном развитии России только деятельностью получивших непомерную власть иноземцев было бы неверно. Это служило лишь фактором, усиливающим действие главных классовых причин такого положения, заключавшихся в хищнической, эксплуататорской роли самого русского дворянства. Не случайно сразу после смерти Петра его приближенные выступают с предложениями об отмене некоторых его нововведений. При этом они даже пользуются поддержкой вдовы Петра — воцарившейся на троне Екатерины I. Их аргументы и доводы в пользу контрреформ часто используются некоторыми историками в качестве доказательства ошибочности самих петровских реформ. Между тем попытки контрреформ отражали не заботу о государственных интересах, а частные цели отдельных лиц или группировок в борьбе за власть, за укрепление своих позиций и т. п.

Возвращаясь к «немецкому» наследию Петра и к роли онемеченной династии Романовых, которая отреклась от главного, доминирующего принципа деятельности Петра — государственного интереса, заменив его интересом династическим, следует подчеркнуть одно важное обстоятельство. К счастью, пренебрежение к государственному интересу в наименьшей степени сказывалось в дипломатии, во внешней политике. Более

того, здесь династический интерес; часто даже совпадает с национальными интересами России. Тем не менее и в этой области петровское наследие предается забвению подчас в форме, граничащей с прямыми антигосударственными действиями. Примером могут служить мероприятия русской дипломатии в связи с заключением Белградского договора 1739 года, считающегося самым неудачным во всей истории русской дипломатии, поскольку плоды войны с Турцией, ради которых положили 100 тысяч солдат, упустили с преступной легкостью.

Другим ярким примером того, как «защищала» династия русские государственные интересы, была непродолжительная, но весьма «эффективная» деятельность герцога Голштинского Карла-Петра-Ульриха, воцарившегося на русском престоле под именем Петра III. Шла Семилетняя война, русские ценой больших жертв громили войска Пруссии, и ее король Фридрих II был на краю гибели, когда наши войска заняли Берлин. Но Петр III обожал Фридриха II и еще до своего воцарения посылал ему сведения о русской армии. Заняв трон, он немедленно заключил мир с Фридрихом и не только отказался от всех русских завоеваний, но и повернул армию против союзников. Можно было бы привести немало других случаев явной профанации дипломатических интересов России. Однако в целом русская внешняя политика служила интересам России, опираясь на еще не растроченное до конца наследие Петра, особенно при Екатерине II. При ней были отвоеваны земли в основном с православным русским, украинским и белорусским населением в семь миллионов человек. В победоносных действиях тогдашней русской армии оживала традиция Петра, ее победы были триумфом дела, начатого под Полтавой. Отцы тогдашних славных полководцев Румянцева, Суворова, Кутузова учились в военных школах, созданных Петром. К нему же восходят большинство тактических и стратегических принципов, использованных русской армией в войне против нашествия Наполеона.

Разгром этого самого знаменитого во французской истории полководца, его прославленной армии вряд ли был возможен, если бы за век до этого русские не имели опыта Полтавы, не сохранили и не использовали опыт и пример Петра.

Победа в Отечественной войне 1812 года была явным плодом петровских преобразований. К несчастью, потом, особенно в царствование Николая I, слишком многое было упущено, забыто, растеряно, и в первую очередь в делах внутренних. Верно, что Россия и спустя век по-прежнему, как при Петре, сохраняла роль великой державы. Но эту роль она играла только в военных и дипломатических делах. В социальном и культурном отношении она из-за крепостного права, теперь уже совершенно изжившего себя, оставалась одним из наименее развитых европейских государств. Дух Петра, его постоянный творческий порыв к обновлению, к преобразованиям, к движению вперед был окончательно утрачен царизмом. Теперь главным стало управление без всяких изменений.

В результате в конце XVIII и в самом начале XIX века начинают все больше ощущаться последствия вновь резко усилившегося отставания в экономическом развитии страны, которая сделала такой скачок вперед при Петре.

В России родилось двойственное отношение царизма к Петру. Представители царствующей династии порой пытались предстать в роли продолжателей его дела. Но, будучи прежде всего трусливыми консерваторами, они опасались, что петровский пример может усилить стремление русских людей к радикальным переменам, внушит им веру в их осуществимость, то есть так или иначе разбудит общественную активность, политическое сознание народа. Вторая тенденция особенно усиливается после французской революции конца XVIII века и получает выражение в сочинениях придворного историка и писателя Н. М. Карамзина.

Противоречивое, в сущности своей отрицательное, отношение царского дома Романовых к Петру сказалось в любопытной истории с личным имуществом царя. Это были его отнюдь не роскошная одежда, книги, карты, чертежи, разные предметы быта и т.

п. Особенно много осталось после него разных орудий труда: десяток станков, огромный набор инструментов, которыми он сам работал. Сначала все хранилось в основанной Петром Кунсткамере, а потом Николай I приказал перенести коллекцию, включая «Лизетту» — чучело лошади, на которой скакал Петр в огне Полтавского сражения, и другие реликвии, в дворцовый музей Эрмитаж. Устроили специальную галерею Петра Великого, расставили вещи в длинном неудобном коридоре. Свободный доступ публике туда был закрыт на протяжении 60 лет. Боялись показывать народу странный для царя образ жизни Петра, заполненной неустанным трудом.

Что подумают люди, увидев предметы, бывавшие в руках Петра, например тяжелые полосы железа, которые он отковал молотом на одном из заводов? Не скажут ли они то же самое, что, по преданию, восхищенно воскликнул некий безвестный крестьянин: «Вот это был царь! Даром хлеба не ел, пуще мужика работал!» Вообще, сравнение оказалось бы не в пользу преемников Петра на царском троне.

Незадолго до революции 1917 года кабинет Петра Великого по высочайшему повелению приказано было убрать из Эрмитажа с глаз долой...

Двойственным, противоречивым оказалось и отношение к Петру большинства господствующего дворянского сословия. Только самые передовые его представители, подобно Пушкину, подымались до глубокого, верного понимания личности и деяний преобразователя. Иные же пытались поставить под сомнение и даже осудить их. Это старался, например, сделать в своем знаменитом памфлете «О повреждении нравов в России» историк екатерининских времен князь М. Щербатов. Предубеждение крепостника и консерватора вступает в резкий конфликт с его личной интеллектуальной честностью уже в курьезной формуле: «нужная, но, может быть, излишняя перемена Петром Великим». Взявшись доказать, что «развращение» пошло от Петра, он сам, обращаясь к фактам, признает, что преобразователь был врагом распространенных пороков, таких, к примеру, как пьянство, и пишет: «Петр Великий сам не любил и не имел времени при дворе своем делать пиршества». Князь отмечает, что Петр учредил знаменитые Ассамблеи, но при этом внушал, что «общество ни в опивании и обжирании состоит». Признав, что преобразования Петра были все-таки «нужные», он указывает, что если бы такие реформы делались постепенно, то заняли бы 200 лет! Наконец, изложив свою критику петровских нравов и его дел, князь под влиянием искреннего голоса сердца, опровергает сам себя: «Могу ли я после сего дерзнуть, какие хулы на сего монарха изречи? Могу ли я данное мне просвещение, яко некоторый изменник, похищенное оружие противу давшего мне во вред ему обратить?»

Но самую верную, самую глубокую, самую справедливую оценку Петру дал наш народ в вековых преданиях и чувствах, в том, что называют народной мудростью. А на этот счет характерно свидетельство такого непримиримого и беспощадного врага русского царизма, каким был А. И. Герцен: «Крутой разрыв со стариной оскорблял, но нравился,— народ любил Петра, он его перенес в легенды и сказки. Точно будто русский человек догадался, что, чего бы ни стоило, надо было переломить лень и крепким государственным строем стянуть нашу распушенность... Петровский период сразу стал народнее периода царей московских. Он глубоко взошел в нашу историю, в наши нравы, в нашу плоть и кровь; в нем есть что-то необычайно родное нам, юное... С этим периодом связаны дорогие нам воспоминания нашего могучего роста, нашей славы и наших бедствий; он сдержал свое слово и создал сильное государство. Народ любит успех и силу».

Интересно посмертное отношение к Петру за границей. Известие о кончине императора вызвало огромный резонанс. В основном это был вздох облегчения, произвольно вырвавшийся у тех правителей западноевропейских стран, которые, особенно после Ништадтского мира, трепетали при одном упоминании его имени. Ликовали и в Константинополе. Надеялись, что смерть великого повелителя России вызовет замешательство, внутренние неурядицы, что страна вернется к прежнему

жалкому замкнутому существованию отсталой окраины Европы. Конечно, уход Петра из жизни резко сказался на международном положении России. Первыми это почувствовали русские послы, привыкшие при Петре к уважению, которым была окружена могущественная Россия. А оно резко поубавилось, ибо иностранные дипломаты сообщали из Петербурга о том, что началась правительственная чехарда вокруг русского трона в борьбе клик и кланов за власть. Впрочем, некоторых русских представителей за рубежом радовало исчезновение жесткого контроля и твердого руководства Петра. Вот когда настала сладкая жизнь для любителей наживы. Если у власти оказался главный русский казнокрад Меншиков, то русские дипломаты могли больше не стесняться и брать взятки не хуже своих иностранных собратьев... Внешняя политика России постепенно утрачивает монолитную твердость великих замыслов Петра, она все чаще обнаруживает непоследовательность и слабость, хотя полностью ликвидировать петровское дипломатическое наследие было просто невозможно.

Сам факт, что Россия оказалась способной выдвинуть деятеля такого масштаба, как Петр, достигшего немыслимого прежде усиления могущества России, имел необратимый характер. За границей больше всего опасались, что вдруг появится какой-либо достойный продолжатель дела Петра. Еще больше боялись, что самая крупная европейская держава будет увеличивать свою мощь такими же головокружительными темпами, как и при Петре. Этого, к сожалению, не произошло, да и не могло произойти. Ведь в конце концов сам Петр не творил чудес, а лишь смело использовал объективные процессы и обстоятельства, хотя для Европы он оставался поразительным и совершенно необъяснимым историческим феноменом. Советский историк К. Н. Державин писал: «Для Западной Европы первой четверти XVIII века Россия и Петр Великий были не всегда понятными, но ясно ощутимыми в своей особой и беспрецедентной масштабности проблемами мировой политики».

Кончина Петра послужила поводом для подведения итогов его государственной деятельности, а успехи России на мировой политической арене вызвали страстное обсуждение вопросов ее дальнейшего участия в решении запутанных проблем европейской политической жизни».

Нет возможности даже кратко разобрать тот ниток литературы о Петре и России, который хлынул после его смерти и не иссякает до сих пор. Остановимся только на некоторых, самых общих ее тенденциях. XVIII век был веком Просвещения. В авангарде европейской политической мысли шли французские просветители. И они были выразителями передового европейского общественного мнения. Об одном из них, о Руссо, о его глубоко ошибочных, необъективных взглядах на деятельность Петра уже упоминалось в начале книги. Но верх брала иная, более справедливая и глубокая оценка петровских преобразований. Ее выразителем был Вольтер. Этот самый знаменитый из просветителей, в отличие от Руссо, являлся выдающимся историком. До создания книги о Петре он уже написал ряд крупных исторических произведений: «Век Людовика XIV», «История Карла XII», «Опыт о правах и духе народов». При этом, работая над книгой «Россия при Петре Великом», Вольтер пользовался обширным кругом источников. Российское правительство предоставило в его распоряжение исторические документы, в том числе такие щекотливые, как материалы о деле царевича Алексея. К сожалению, нет места для подробной характеристики труда Вольтера. Поэтому ограничимся лишь мнением блестящего знатока творчества великого французского мыслителя и литератора — К. Н. Державина, который писал по поводу книги Вольтера о Петре: «...мы ощущаем присутствие на ее страницах русского народа, чей выход на арену мировой исторической жизни потряс сознание Европы. Народ этот занимает свое место и в географическом описании России, и в патетической картине строительства Петербурга, и в больших батальных полотнах Нарвы, Полтавы, побед на юге, мастером которых был Вольтер как историк-художник... В Петре I, несмотря на все свое пристрастие и всю свою интимную

любовь к веку Людовика XIV, Вольтер обрел идеал своего исторического героя в исторической действительности».

Важно подчеркнуть при этом, что Вольтер объективен, и это обусловлено его представлением о долге историка. Сам он так выражал свое кредо: «Историк, который, дабы угодить какой-либо могущественной семье, хвалит тирана,— трус; историк, намеревающийся запятнать память доброго государя,— чудовище; сочинитель романов, выдающий свои выдумки за правду,— презренен».

Осуждающие слова Вольтера целиком и полностью могут быть отнесены к другому направлению в петровской историографии XVIII века, связанному с именем прусского короля Фридриха II. Это был тот самый монарх, по адресу которого Маркс писал: «Всемирная история не знает короля, цели которого были бы так ничтожны». К этому можно добавить, что для достижения своих целей он использовал самые гнусные средства. Снедаемый патологическим тщеславием, Фридрих злобно завидовал славе Петра, приобретенной им в Европе еще при жизни. Поэтому он приказал своему чиновнику, бывшему секретарю прусского посольства в Петербурге Фоккеродту, сочинить памфлет, осуждающий Петра. Фоккеродт пустил в ход фантазию, собрал все мыслимые и немыслимые сплетни и слухи о русском царе, добавил к ним собственные дикие вымыслы и представил королю это сочинение. Но Фридрих счел пасквиль слишком мягким и добавил в текст собственные суждения, призванные развенчать славу Петра. Прусские сочинители изобразили прославленного императора дикарем, психически ненормальным человеком, трусливым и глупым, невежественным, невероятно жестоким и бесчестным. А очевидные достижения Петра объявили просто результатом случайностей. Так возникло фоккеродтовское направление в историографии Петра, которое существует и до сих пор. Все ненавистники, все враги России выбирают главной мишенью своей клеветы Петра. Без зазрения совести дикие нелепости возводятся в ранг исторических фактов.

Пример тому — пресловутое «Завещание Петра Великого», распространенное во Франции незадолго до нашествия Наполеона на Россию и предназначенное «идейно» оправдать эту авантюру. Явная фальшивка пускалась в ход при каждой новой агрессии против нашей страны. Ее использовали Геббельс и Гитлер. Она фигурирует и в идейном арсенале современной антикоммунистической пропаганды, хотя уже давно историки разных стран убедительно доказали, что «завещание» — обыкновенный подлог и мошенничество.

Возникает вопрос: а что общего может быть в деятельности Петра, от которой нас отделяют два с половиной столетия, с современностью? На первый взгляд — ничего: так резко изменился с тех пор весь мир, и особенно сама Россия.

А между тем большинство населения планеты стоит сейчас перед той же самой проблемой, которая поглощала все внимание и энергию Петра. Это прежде всего глобальная проблема ликвидации экономической и технической отсталости многочисленных стран так называемого «третьего мира». Ведь это — та же самая задача, перед которой оказалась Россия три века назад. Но, оказывается, в деятельности Петра содержится нечто такое, что волнует и тревожит даже наиболее развитые страны современного мира, стоящие перед проблемами своих острых противоречий. Они пытаются найти решение в применении теории технократии. Коротко говоря, ключ к решению всех социальных и политических проблем видят в рациональном применении новейших достижений науки и техники. А поскольку Петр пытался вытащить Россию из трясины губительной отсталости путем внедрения в России передовой техники, то его объявляют если не основоположником, то предтечей пресловутой технологической революции, а то и образцовым технократом. Именно в этом увидел главное значение деятельности Петра самый крупный западный историк XX века Арнольд Тойнби. В одной из последних своих работ он писал: «Начиная с XVII века на Западе происходил непрерывный прогресс технологии, развитие которой представляло собой вызов

остальному большинству человечества. У него не было другого выбора, кроме освоения западной технологии или подчинения державам, владевшим ею. Россия, столкнувшись с такой проблемой, первая решила сохранить свою независимость, приняв широкую программу технологического преобразования на западный лад... Пионером решения задачи был Петр Великий. Счастье России, что Петр оказался прирожденным технократом, который, кроме того, обладал диктаторской властью московского царя».

Тойнби прошел мимо еще одного, притом более существенного, сходства преобразований Петра с современными проблемами капитализма. Реформа Петра дала лишь частичные результаты, во многом Россия отставала от передовых европейских стран. Причина этого — социальный консерватизм. Точно так же надежды на решение проблем современного капитализма с, помощью лишь передовой технологии, без социальных изменений могут иметь крайне относительный эффект. Во всяком случае здесь мы имеем дело с искренним и добросовестным интересом к Петру, с попытками извлечь уроки из его поучительной деятельности.

Но, к сожалению, обращение к петровской проблематике в западной исторической литературе часто имеет далеко не столь оправданные причины. Петра пытаются злостно и недобросовестно использовать в современной идеологической борьбе, вернее, в психологической войне против нашей страны. Нот здесь-то мы и сталкиваемся с фоккеродтовской традицией, причем дело доходит до прямых ссылок на Фоккеродта и до щедрого заимствования при водимых им «фактов», то есть явных вымыслов.

Поэтому придется вернуться к уже упоминавшейся книге Анри Труайя «Петр Великий», вышедшей в Париже в конце 1979 года. Ничего необычного в этом не было, ибо книги о Петре за рубежом появляются довольно часто. Правда, на этот раз автором выступил один из «бессмертных», то есть французский академик, который кроме полусотни романов написал еще и десяток исторических книг о России. (Его настоящее имя — Лев Тарасов, он родился в России в семье крупных московских торговцев.)

Книга Труайя — само по себе явление довольно ординарное с обычным для западной литературы уклоном в личную жизнь Петра, с пересказом множества недостоверных пикантных сплетен и т. и. Однако она стала сенсацией. Несколько месяцев журнал «Экспресс», постоянно публикующий список из десятка книг, пользующихся наибольшим успехом, числил ее на первом месте среди других бестселлеров. А таковым ее сделала кампания в печати, совпавшая с сильнейшей антикоммунистической истерией, развернутой тогда во Франции. Лейтмотивом этой кампании служила тема об извечном варварстве России, о глубоко порочной наклонности русских к бесчеловечной жестокости и т. п. В этом, оказывается, коренятся все пресловутые нарушения «прав чело века» в СССР и прочие неискоренимые «пороки» советской системы. Вот что писал, например, в журнале «Нувель обсерватэр» некий Клод Мансерон: «Петр Великий, биографию которого описал Анри Труайя, — это истерический, но гениальный суперцарь, гигант, обезумевший от алкоголя и крови, палач своих подданных и своего сына...» Итак, Петр — воплощение чудовищной жестокости, а Советский Союз — продукт многовекового русского варварства. Естественно, что приведенная тирада не заслуживает ничего кроме презрения.

А вот другой, еще более характерный пример. В 1985 году крупнейшая американская телевизионная компания Эн-би-си сняла многосерийный фильм «Петр Великий», содержание которого охватывает все основные этапы жизни и деятельности Петра. Съемки фильма проводились с небывалым размахом. На это ассигновали около 30 миллионов долларов, то есть в два раза больше, чем обычно расходуется на постановку фильма такого масштаба. К работе над фильмом привлекли крупнейших западных постановщиков и актеров. Для «достоверности», придания колорита России петровской эпохи съемки важнейших частей фильма проводились в нашей стране. Знакомство со сценарием фильма поражает нагромождением колоссального количества фактических искажений и пренебрежением к хорошо известным историческим фактам.

Особенно много внимания и места уделяется сценам кровопролития и жестокости, а также сексуально-порнографическим эпизодам. «Сверхзадачу» этой грандиозной политико-идеологической затее раскрывают многочисленные статьи в западной печати о фильме «Петр Великий», где прямо говорится, что зрителю показывают исторические корни «империи зла», как называют антикоммунисты Советский Союз.

Между тем, несмотря на высокое профессиональное мастерство создателей фильма, предназначенного для демонстрации в большинстве стран мира, его фальсификаторский, грубо тенденциозный характер очевиден. Приведем лишь один пример. Чтобы вызвать у зрителя чувство неприязни ко всему русскому, фильм наполнен сценами непрерывного, отвратительного пьянства. Видимо, авторы воображают, что они нашли новый «художественный поворот» для достижения своих целей. Однако это весьма старый, избитый прием русофобии. Еще в 1835 году А. С. Пушкин перевел с французского «Записки бригадира Моро-де Бразе», участника Прутского похода 1711 года. В этих записках, в частности, бригадир писал, что для русских офицеров обычным делом было пьянство, будто бы поощряемое Петром. А. С. Пушкин, готовя перевод к печати, счел необходимым сделать, к этому месту следующее подстрочное примечание: «Пьянство никогда достоинством не почиталось. Петр I, указав содержать при монастырях офицеров, отставленных за болезнями, именно исключает больных от пьянства и распутства».

История с книгой А. Труайя и особенно с американским фильмом «Петр Великий» — наиболее свежие примеры использования Петра в качестве важнейшей мишени в современной русофобии. Подобных примеров много, и они отнюдь не новы. Любопытно другое — смыкание, слияние русофобии с антикоммунизмом. Собственно, это началось сразу же после нашей Великой революции. Каждый раз, когда против Советского Союза затевается очередное крупное враждебное дело, буржуазная историческая наука, как будто случайно, предоставляет в распоряжение антисоветских сил новое «научное» сочинение о Петре, о его деятельности, о его эпохе.

Лейтмотивом при этом всегда служит главная идея: признается, что Петр, конечно, очень многое сделал для России, но для Европы, для остального мира он олицетворял извечное зло, смертельную угрозу, против которой необходимо бороться. При этом грубо извращаются роль и место петровского преобразования во всемирной истории, положительное значение ликвидации отсталости России не только для нее самой, но и для всего мира. Совершенно игнорируются смысл и масштабы выхода России на арену всемирного исторического процесса. А этот смысл и значение прекрасно показал еще С. М. Соловьев. Соображение замечательного русского историка заслуживает того, чтобы воспроизвести его полностью:

«Так называемая новая история начинается расширением сферы деятельности европейского человека чрез открытие Нового Света и новых путей в отдаленные части Старого. Через два века после этого новое великое, богатое результатами явление: восточная часть Европы, до сих пор мало известная, жившая одиноко, является на сцену, входит в общую жизнь Европы; европейская земля собирается (кроме Балканского полуострова). Это новое расширение исторической сцены гораздо важнее, чем то, которое произошло в конце XV века и которым начинается новая история. Тогда европейский человек познакомился с новыми странами и народами, которые страдательно подчинились его влиянию; теперь же вошло в общую жизнь сильное европейско-христианское государство, представитель многочисленного европейского, исторического племени славянского, бывшего до сих пор под спудом. Если, входя в общую жизнь, Россия необходимо подчиняется влиянию других европейских народов, то, с другой стороны, при условиях своей силы, она обнаруживает сильное влияние на судьбу других народов, на общую жизнь Европы».

В те времена, когда были написаны эти слова, то есть больше века тому назад, влияние России на историю остального человечества сказывалось еще далеко не так явно

и сильно, как это проявилось потом. Нельзя не привести известных слов А. И. Герцена о русском народе, «который на императорский приказ образоваться ответил через сто лет громадным явлением Пушкина». В самом деле, в XIX веке Россия начинает небывало щедро отдавать другим народам плоды гения лучших представителей своей культуры, науки, искусства, общественной жизни. А ведь это были плоды того, что посеял на почве русской истории Петр Великий...

Вот почему стремятся принизить, исказить, очернить его образ. Это стремление резко усиливается после 1917 года, когда такая тенденция в дополнение к шовинистическим корням получает новую мощную базу классовой ненависти буржуазии к Великой русской революции XX века. Логика современного фоккеродтовского антипетровского направления русофобии исходит прежде всего из того простого факта, что Россия продолжает существовать в облике Советского Союза, поэтому искусственно и поверхностно отождествляется старая Россия с нынешним Советским Союзом. Отсюда выводится идея, что внешняя политика СССР идентична прежней российской внешней политике. Затем доказывается, что раз сам Петр Великий смог осуществить далеко не все свои замыслы, то большевикам и подавно это не удалось, и поэтому Россия поныне остается «варварской». При этом вымыслы незаметно смешиваются с совершенно реальными фактами. Например, с тем, что русский народ, состоящий из потомков людей петровской эпохи, и ныне представляет наиболее крупную и производительную нацию в объединении народов СССР.

Чтобы показать, как это делается на практике, придется упомянуть кроме книги А. Труайя еще о некоторых аналогичных фактах. Ведь в том, как его сочинение включили в кампанию антисоветской политики, не было, по существу, ничего нового. Такая тенденция странным образом оживлялась всякий раз, когда против нашей страны готовилась какая-либо крупная враждебная акция. Вспомним 1929 год — время наступления великого экономического кризиса, потрясшего до основания мир капитализма. Надо было отвлекать от него внимание вымышленными опасностями и даже попытаться найти выход путем организации если не военного, то хотя бы идеологического крестового похода против СССР. Тогда центром антисоветской активности оказалась Франция, еще сохранившая свою гегемонию в Европе, укрепленную Версальским договором. И вот именно во Франции в 1929 году «случайно» выходит книга Жоржа Удара «Жизнь Петра Великого». Это типично фоккеродтовское сочинение, даже с прямыми цитатами из писем Фридриха II. Автор заканчивает книгу такой сентенцией: «Московия вернулась к своему естественному варварству... Она терпеливо ждет случая, чтобы снова броситься на Европу, которую она ненавидит».

Но вот наступает 1939 год. Гитлер собирается поработить весь мир, и в фашистской Германии выходит «научный» труд Генриха Дерриса «Русское вторжение в Европу в эпоху Петра Великого».

Собственно, уже само название книги говорит о ее направленности, о том, что она предназначена оправдать идею жизненной необходимости для Германии покончить с извечной русской опасностью. К тому же надо вдохновить немцев легкостью предстоящей задачи. А поэтому следует, по примеру Фридриха II, снова попытаться доказать мысль этого короля, который писал, что только «стечение счастливых обстоятельств, благоприятных событий, неведение иностранцев сделали из царя героический призрак, в величии которого никто не смел усомниться». Деррис, по-немецки педантично собрав множество цитат, пытается развенчать Петра. За неимением убедительных аргументов Деррис использует для этого нехитрый прием: слово «Великий» в применении к Петру он употребляет в кавычках! Это снова постоянная фоккеродтовская тенденция, родившаяся от болезненного ощущения Фридрихом II собственной неполноценности.

Подобные нередкие попытки смешны, ибо в сознании народов всего мира эпитет «Великий» в применении к Петру давно уже стал не элементом пышного царского титула, а просто как бы частью его имени. Для всех совершенно бесспорно, что Петр является

такой исторической фигурой, которая абсолютно не нуждается в специальном подчеркивании, выяснении или обосновании его гениальности и величия. Ведь еще В. О. Ключевский писал о бессмысленности подобных усилий: «Чтобы сделать Петра великим, его делают небывалым и невероятным. Между тем надобно изобразить его самим собою, чтобы он сам собою стал велик». Кстати, чем действительно Петр совершенно не страдал, так это мелким тщеславием, столь обычным для всякого рода знаменитых деспотов. Когда Сенат преподнес ему титул «Императора Всероссийского, Отца Отечества и Петра Великого», он согласился принять только титул императора, ибо считал это необходимым для интересов России. Остальным словесным возвеличиванием он просто пренебрег.

Вообще все попытки очернить, извратить или принизить Петра до такой степени нелепы, что лишь заставляют вспомнить высказывание Вольтера: «Большое счастье иметь врагов, не способных лгать с умом».

Лучшее и незаменимое средство борьбы против русофобии как одного из важных, направлений современного антикоммунизма — сама русская история. А это значит, что следует знать подлинное прошлое нашей страны и рассказывать правду о нем, ничего не приукрашивая и ничего не скрывая. Вот что, кроме всего прочего, побуждало автора не жалеть труда и времени, чтобы написать книгу об одной из сторон деятельности Петра Великого. Ведь, как писал А. С. Пушкин, «гордиться славою своих предков не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушие».

В этой книге сделана попытка воссоздать реальный образ Петра-дипломата, показать его деятельность на сложнейшей стезе внешней политики. Конечно, многое здесь оказалось далеким от портрета «живого бога», как называл Петра М. В. Ломоносов. Он вовсе не был и тем богочеловеком, которому В. Г. Белинский предлагал воздвигнуть алтари во всех городах российских. Просто он был и навсегда останется тем коронованным деятелем старой России, который действительно заслужил всемирную славу и вечную признательность своих соотечественников.

Николай Николаевич МОЛЧАНОВ

**ДИПЛОМАТИЯ
ПЕТРА
ПЕРВОГО**

Редактор

Е. Ю. ПРОКУДИНА

Оформление художника

В. В. СУРКОВА

Художественные редакторы

Н. Д. СМОЛЬНИКОВА, И. А. ЗАЙЦЕВА

Ретушь

Л. Г. РОЗЕНФЕЛЬД

Н. И. ХРОМОВ

Технический редактор

Т. С. ОРЕШКОВА

Корректор

Л. А. СУРКОВА

ИБ № 1140

Сдано в набор 25.11.85. Подписано в печать 17.02.86. А 04214. Формат 60X90 1/16.
Бумага офсетная № 1. Гарнитура Обыкновенная новая. Печать офсетная. Усл. печ. л.

28,0+вкл. 3,75 (бум. офс. пл. 100 гр.)- Усл. кр.-отт. 50,75. Уч.-изд. л. 34,85. Тираж 100000 экз. Заказ № 227. Цена 3 р. Изд. № 57И/82. Издательство «Международные отношения». 107053. Москва, Б-53, Садовая-Спасская, 20. Диапозитивы текста изготовлены полиграфической фабрикой «Красная звезда» МППО им. Я. Коласа. Отпечатано на Минской фабрике цветной печати. 220600. Минск, Корженевского, 20.

Молчанов Н. Н.

М 75 Дипломатия Петра Первого.— 2-е изд.— М.: Междунар. отношения, 1986.— 448 с. (Библиотека «Внешняя политика. Дипломатия»)

В книге проф. Н.Н. Молчанова освещается внешняя политика и дипломатия России в период петровских преобразований. В ней раскрывается яркая картина борьбы русского народа за укрепление независимости, могущества России, за превращение ее в великую европейскую державу. Для художественного оформления книги использованы картины и гравюры лучших русских и зарубежных художников.